

**Фонд «Русский мир»
ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского»
УО «Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины»**

КОММУНИКАТИВНЫЕ ПОЗИЦИИ РУССКОГО
ЯЗЫКА В СЛАВЯНСКОМ ПОГРАНИЧЬЕ:
ДВУЯЗЫЧИЕ И МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ
ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ

Международный форум русистов

г. Новозыбков, Брянская область, 24-26 мая 2018 г.

Брянск-Новозыбков-Гомель
2018

УДК 81.26
ББК 80/84; 74
К- 83

Коммуникативные позиции русского языка в славянском пограничье: двуязычие и межъязыковая интерференция : Научные доклады участников Международного форума русистов (г. Новозыбков, Брянская область, 24-26 мая 2018 г.) / Под ред. С.Н. Стародубец, В.Н. Пустовойтова. – Брянск: ООО "АВЕРС", 2018. – 656 с.

ISBN 978-5-9734-0296-9

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

Е.М. Маркова – профессор кафедры русского языка как иностранного факультета русской филологии ГОУ ВО МО «Московский областной университет», доктор филологических наук.

С.П. Праведников – заведующий кафедрой русского языка ФГБОУ ВО «Курский государственный университет», доктор филологических наук, доцент.

В сборнике представлены доклады участников Форума "Коммуникативные позиции русского языка в славянском пограничье: двуязычие и межъязыковая интерференция", проведение которого поддержано Фондом "Русский мир" (проект № 1891Гр/1-239-18). Форум приурочен ко Дню славянской письменности и культуры, состоялся 24-26 мая 2018 года на базе филиала ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского» в г. Новозыбкове.

Материалы сборника будут полезны научным работникам, аспирантам, преподавателям, учителям, студентам и всем, кто интересуется проблемами русского языка и межкультурной коммуникации.

ББК 80/84; 74

Материалы печатаются в авторской редакции. Ответственность за корректность, достоверность фактов и заимствования несут авторы статей.

Мнение членов редакционной коллегии может не совпадать с мнением авторов.

ISBN 978-5-9734-0296-9

© Фонд «Русский мир», 2018
© ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского», 2018
© УО «Гомельский государственный университет имени Ф.Скорины», 2018
© Издательство ООО "Аверс", 2018
© Коллектив авторов, 2018

Уважаемые участники Международного Форума русистов!

Русский язык в современную эпоху представляет собой мощный фундамент государственной и межгосударственной политики Российской Федерации.

Федеральная целевая программа «Русский язык» на 2016-2020 гг., являясь продолжением ранее действующей программы на 2011-2015 гг., одной из приоритетных задач государства определяет его деятельность по поддержке и продвижению русского языка за рубежом в интересах развития международного культурно-гуманитарного сотрудничества и формирования позитивного образа России в мире.

Именно поэтому системное расширение мер, направленных на поддержку русского языка как родного, на совершенствование условий качественного функционирования русского языка как языка межнационального общения на территориях приграничных с Россией государств, продвижение русского языка, российской культуры и образования в целом на русском языке, представляется основой успешного функционирования русского языка как факта русской лингвокультуры и инструментом продуктивного межнационального взаимодействия.

Международный форум русистов «Коммуникативные позиции русского языка в славянском пограничье: двуязычие и межъязыковая интерференция» проводится на базе Брянского государственного университет имени академика И.Г. Петровского с целью популяризации русского языка и культуры на территориях приграничных с Россией государств, укрепления и расширения межкультурных Российско-Белорусско-Украинских связей как основы эффективного коммуникативного диалога, возрождения уважительного отношения к русскому языку и роста интереса к его изучению и познанию в образовательной среде.

Считаю, что представленная на обсуждение участников конференции проблематика способствует тому, чтобы русский язык со-

хранял статус языка межнационального общения, и в первую очередь на территории восточнославянских государств, имеющих общую историю и культуру, оставался фундаментом формирования гражданской идентичности.

Искренне желаю участникам Форума плодотворной работы и эффективного взаимодействия!

*Ректор ФГБОУ ВО «Брянский государственный
университет имени академика И.Г. Петровского»,
доктор филологических наук, профессор,
Заслуженный работник высшей школы РФ
Андрей Викторович Антюхов*

Стародубец С. Н.

ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского», г. Новозыбков (Россия)

e-mail: starodubets.madam@yandex.ru

УДК 82'396, 81'42

**Специфика определения статуса устной разновидности
национального языка
юго-западных районов Брянской области**

Starodubets Svetlana Nikolaevna

*Bryansk state University named after academician I. G. Petrovsky,
Novozybkov (Russia)*

UDC 82'396, 81'42

**The specifics of determining the status of the spoken dialect of the
south-western districts of the Bryansk region**

В статье представлен анализ устной разновидности национального языка юго-западных районов Брянской области с опорой на исследовательские работы профессора П.А. Расторгуева. Определено, что западно-брянский региолект репрезентирован как южновеликорусский локус, базовой характеристикой которого является наличие диалектных, просторечных и разговорных черт, смежных с белорусским и украинским языками и диалектами.

Ключевые слова: брянские говоры, аканье, яканье, диалектное слово, региолект, регионализмы.

The article presents an analysis of the oral version of the national language of the South-Western districts of the Bryansk region with the support of the research work of Professor p. A. Rastorguev. It is defined that the West-Bryansk region project represents the yuzhnovelikorussky locus which basic characteristic is existence of the dialect lines adjacent to the Belarusian and Ukrainian languages and dialects.

Key words: Bryansk dialects, akan, yakan, dialect word, regiolect.

Современное внимание филологической и лингвометодической науки к диалектам обусловлено введением в учебные программы вузов и школ так называемого регионального компонента, который необходим для полной реализации принципа органического соединения образовательных и воспитательных задач филологического образования. Концепция языка как лингво-культурно-исторического

феномена создает фундаментальную основу для развития филологической регионалистики (включающей литературную и лингвистическую регионалистику) в вузе, сузе и школе.

Изучение лексического состава современных говоров востребовано и в связи с определением ряда приоритетов этнолингвистической науки, важнейшие из которых связаны с выявлением понятийно-когнитивной базы носителя исследуемого диалекта.

Основополагающими, с позиции П.А. Расторгуева, для говоров Западной Брянщины являются следующие языковые черты:

- твердое *p* перед гласными переднего ряда *e* и *и*: *бяры, бяръць*;
- отсутствие оглушения звонких согласных во всяком положении (перед гласными переднего ряда и на конце слова, в г. Стародубе – не только перед гласными переднего ряда): *бярозка, гразь*;
- диссимилятивное и недиссимилятивное аканье (в зависимости от районов);
- гортанное придыханье [7, с. 42], [8].

В работе «Говоры восточных уездов Гомельской губернии в их современном состоянии (Минск, 1927) П.А. Расторгуев описывал своеобразие устной речи жителей Новозыбковского, части Мглинского, Стародубского и Суражского уездов Гомельской губернии (бывшей ранее Черниговской), определяя отнесенность говоров к белорусским, в их юго-западной части [7, с. 4]. В указанной работе, помимо названных выше особенностей устной речи жителей, он также отмечал, что «имеет место переход ударяемого *e* в *o* в положении перед следующим нетвёрдым слогом, а также в конечном слоге, например: *ёй, маёй, ёсьць, сваёй, ужо, найдзицё*, но с другой стороны – всегда *яцэ*» [7, с. 8].

«В области *дзеканья* и *цеканья* говор в настоящее время представляет значительное отступление от того, что имело место лет 30-40 назад. У М.Н. Косич во всех записях, сделанных в сёлах, деревнях и хуторах, налицо *дзеканье*, например: *хадзили, ходзя, водзя, у гораdzi, дзицяци, людзи* и др. Сам я в раннем детстве и юности мог слышать и наблюдать это явление в говоре крестьян из разных местностей теперешней восточной части Гомельской губернии. В настоящее же время молодое поколение в ряде деревень перестаёт дзекать, заменяя аффрикаты *dz* и *ц* мягкими *d* и *t*; в говоре же старшего поколения, преимущественно у женщин, *дзеканье* сохраняется» [7, с. 10-11].

Что касается *яканья*, то П.А. Расторгуев отмечал, что «изучение материалов, собранных летом 1945 г., показало, что если аканье после твёрдых согласных остаётся без изменений, то нельзя того же сказать про *яканье*; в большинстве полученных сведений *яканье* диссимилиативное (*в'ад'і, но в'іла* – пояснение С.С.); правда, и сильное *яканье* не исчезает совершенно, – носителями его являются почти исключительно пожилые люди; у молодёжи же и грамотных людей среднего возраста оно диссимилиативное. Поступательное движение диссимилиативного *яканья* нельзя не считать любопытным явлением в развитии данных говоров» [8, с. 48].

Эти признаки, названные П.А. Расторгуевым и в работе «Северско-белорусский говор» признаки (Л., 1927.), по мнению учёного, явились аргументами в пользу отнесения говоров 14 западных районов Брянской области («Воронокского, Гордеевского, Злынковского, Климовского, Клинцовского, Красногорского, Мглинского, Новозыбковского, Погарского, Почепского, Стародубского, Суражского, Унечского и Чуровичского, т.е. бывших северных уездов Черниговской губернии» [8, с. 41]) к особой группе белорусских говоров. При этом профессор также подчёркивал, что «местный говор, белорусский по своей основе, действительно испытал на себе влияние украинского языка. <...> Это влияние особенно сказалось на словаре и ударении и, в меньшей степени, на грамматическом строе разговорного языка местного населения и его фонетике. <...> Одним из таких явлений следует признать сочетание губных *б, п, в, м* с и вместо *ы: високи, корови, вишлю, мило*» [8, с. 45].

Тем не менее впоследствии П.А. Расторгуев практически обобщил описание говоров Западной Брянщины как южновеликорусских, развивавшихся и развивающихся на белорусской основе, с тенденцией вытеснения белорусских явлений южновеликорусскими. Важнейшим уточнением в этой связи являлось предостережение от ошибочной характеристики данных говоров как смешанных или переходных (от белорусского языка к русскому).

Кроме этого, по словам П.А. Расторгуева, «изучение словарного состава народных говоров Западной Брянщины дает возможность говорить о наличии в них лексики, характерной для русского языка и неизвестной белорусскому языку» [9, с. 18]. Именно это обстоятельство позволило профессору П.А. Расторгуеву выделить говоры Западной Брянщины в отдельную группу и назвать их *южновелико-*

русскими на белорусской основе, но отнюдь не переходными от белорусских к южновеликорусским.

Определение брянских говоров как южновеликорусских (хотя и неоднородных в своем составе) считается приоритетным и в современной лингвистической науке, а имя профессора Павла Андреевича Расторгуева стало символом лингвокультуры в брянско-гомельско-черниговском пограничном регионе [10].

В нашей работе «Тематическая группа «Предметы быта» в брянских говорах, граничащих с Беларусью и Украиной: лексико-семантические особенности» мы установили, что в пределах группы «общность лексических единиц, являющихся литературными в белорусском и украинском языках, составляет 62% (29/47), с литературными в белорусском языке – 26% (12/47), с литературными в украинском языке – 12% (6/47)» [1, с. 105]. Соответственно подчёркиваем, что современные говоры юго-западной Брянщины сохраняют архаические черты, фиксирующие базовую восточнославянскую основу с доминированием белорусского влияния.

В кандидатской диссертации Виталия Олеговича Кузнецова «Виды идиолектов в современном городе (на материале языковой ситуации в Брянске)» (Москва, 2011) разработан методологический подход к изучению языковой ситуации в современном городе с точки зрения «видов идиолектов, отражающих различные степени приближения к общелитературному языку» [5, с. 3]. При этом модель языковой ситуации г. Брянска описана автором как «характеризующаяся сосуществованием двух основных слоёв: общелитературного языка и наддиалектной формы со множеством степеней приближения к общелитературному языку» [5, с. 22].

На наш взгляд, в контексте описания языковой ситуации региона, действительно, продуктивным является активно используемый лингвистами термин «региолект», «обозначающий речь жителей средних и малых городов, в которой ощущается влияние местных говоров и просторечия» [2, с. 300]; «региолект возникает <...> в результате взаимодействия диалектов и литературного языка, то есть представляет собой постлитературное явление или даже новую форму существования литературного языка»; «региолект выступает как региональный вариант современного литературного языка в конкретном регионе» [12, с. 43, 54]. Как отмечает А.П. Майоров, региолект «в кругу других современных социальных форм национального русского языка отличается исключительной динамикой

своего словарного состава, континуальностью, недискретностью своей языковой природы, а также специфической социальной функцией» [6, с. 51]; [См. также подробнее об этом: 11, с. 6.]. Соответственно регионализмы – это «слова, функционирующие на определённой территории, не зафиксированные в толковых словарях литературного языка или получающие в них пометы *обл., местн., прост., разг.*» [4, с. 22].

В этой связи считаем целесообразным констатировать следующее: западно-брянский региолект как «объединённое языковое пространство» [3, с. 19], возник на стыке разноязычных территорий – России, Беларуси и Украины, – представляет собой южновеликорусский локус, базовой характеристикой которого является наличие диалектных, просторечных и разговорных черт, смежных с белорусским и украинским языками и диалектами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абакумова Е.С., Стародубец С.Н. Тематическая группа «Предметы быта» в брянских говорах, граничащих с Беларусью и Украиной: лексико-семантические особенности // Традыцїі матэрыяльнай і духоўнай еультуры Усходняга Палесся: праблемы вывучэння і захавання ў постчарнобыльскі час. IV Міжнародная навуковая канферэнцыя, 31 мая 2013 г.: матэрыялы. Рэдкал.: А.А. Станкевіч і інш. Гомель, ГДУ імя Ф. Скарыны, 2013. С. 103-106.
2. Жеребило Т.В. Региолект // Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Назрань: Пилигрим, 2010. С. 300.
3. Кошарная С.А. Региолект Белгородчины как лингвокультурное образование // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Гуманитарные науки. 2017. № 14 (263). Вып. 34. С. 14-25.
4. Кадоло Т.А. Региональная лексика как проявление поликультурности // Язык и культура. 2011. № 2(14). С. 22-28.
5. Кузнецов В.О. Виды идиолектов в современном городе (на материале языковой ситуации в Брянске): автореферат диссертации кандидата филологических наук по специальности: 10.02.01 – русский язык, 10.02.19 – теория языка. Москва, 2011. 24 с.
6. Майоров А.П. Региолект и регионализмы в современной языковой ситуации России // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2016. Т. 75. № 1. С. 51-55.

7. Расторгуев П.А. Говоры восточных уездов Гомельской губернии в их современном состоянии. Минск, 1927. 25 с.

8. Расторгуев П.А. Диалектологические заметки // Бюллетень диалектологического сектора Института русского языка. Выпуск 2. М.Л.: Изд-во АН СССР, 1948. С. 41-51.

9. Расторгуев П.А. Словарь народных говоров Западной Брянщины (Материалы для истории словарного состава говоров). Ред. кол.: Е.М. Романович. Минск: «Наука и техника», 1973.

10. Стародубец С.Н. Имя профессора П.А. Расторгуева как символ славянской лингвокультуры в пограничном регионе // Российско-Белорусско-Украинское пограничье: научное взаимодействие в контексте единого социокультурного пространства (г. Новозыбков, 23-24 октября 2014 г.). В 2-х частях. Часть I. Славяноведение в пограничном регионе. Вторые Расторгуевские чтения. Под ред. В.В. Мищенко, В.Н. Пустовойтова, С.Н. Стародубец. Брянск: ООО «Ладомир», 2014 г. С. 3-5.

11. Стародубец С.Н. Специфика этнолингвистического описания языковой ситуации в пограничном регионе // Русский язык как основа межкультурного диалога славянских народов на территориях приграничных с Россией государств: Научные доклады участников Международной научной конференции (г. Новозыбков, Брянская область, 25-26 октября 2017 г.) / Под ред. С.Н. Стародубец, В.Н. Пустовойтова. Брянск: ООО «АВЕРС», 2017. С. 4-8.

12. Черемисина Е.В. Язык художественной прозы М.Н. Еськова в аспекте филологической регионалистики: диссертация кандидата филологических наук по специальности 10.02.01 – русский язык. Курск, 2017. 208 с.

Маслова В.А.

*УО «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», г. Витебск (Беларусь)
e-mail: mvavit@tut.by*

УДК 811.161.1'42

Ономастический концепт сквозь призму интегративности в пространстве славянского пограничья

В статье показаны возможности расширения сферы интересов традиционной ономастики в сторону цельного знания. Предложено разработать фундаментальную междисциплинарную ономастическую теорию.

Ключевые слова: интегративность, ономастический концепт, пограничье, культуроцентричность, мезонимный.

Актуальность выдвинутой в докладе проблемы связана с необходимостью по-иному посмотреть на традиционную системно-структурную ономастику. В лингвистике XXI века основными принципами исследования языка становятся интегративность, антропоцентричность, коммуникативность, диалогичность, дискурсивность, культуроцентричность, интерес к глубинным знаниям в языке и др. Данные принципы, как правило, в современных исследованиях взаимодействуют и обуславливают друг друга, например, заявленная в теме нашего доклада **интегративность** позволяет яснее увидеть глубинные основы языка и человеческой ментальности, что привело к зарождению когнитивной лингвистики. В идее самой **интегративности** лежит целостное видение мира и человека в нем. «Только целое имеет смысл», - утверждал Г. Гегель. При этом мы должны постоянно держать в голове две вещи, которые одинаково сложно избежать: тупость – если не выйти за пределы языка, и поверхностность, неосновательность, если пытаться охватить все. Нужен баланс, но с перевесом во всеохватность.

Проблемы языка и языкового сознания в аспекте обеспечивающих их мозговых механизмов чрезвычайно важны, потому что мы видим и познаем мир так, как это позволяет наш мозг: мир для нас таков, каким мы способны его воспринять и описать. Язык — особая видоспецифическая способность мозга. Об этом уже пишут сейчас исследователи (Т. Нагель, Т.В. Черниговская, Ж.И. Резникова и др.). А это - междисциплинарная проблема, решение которой возможно только усилиями нескольких наук - от философии, этнолингвистики, лингвокультурологии до биологии и физиологии.

В настоящее время общепризнанным является понимание того, что результаты, полученные в смежных областях - ономастике, этнолингвистике, психолингвистике, культурологии, социологии, когнитологии - выступают необходимой частью лингвистических исследований, в то же время привлечение экстралингвистических данных расширяет возможности языкознания, т.е. происходит взаимобогащение взаимодействующих научных дисциплин в определенном пространственно-временном историческом и социокультурном контекстах.

С позиции названных принципов меняется и понятие лингвокультурного пространства. Стало понятно, что в концепции "язык и культура" сходятся интересы всех наук о человеке, это та сквозная идея, которая разрушает границы между дисциплинами, изучающими человека. Поэтому и современная лингвокультурология должна исследовать не только взаимодействие языка и культуры, но и решить проблему соотношения и взаимосвязи языка и личности, ее сознания, мышления.

Теперь о пограничье. Это мезонимный (от греч. *mesos* 'средний, промежуточный') языковой регион, применительно к которому, вероятно, можно говорить о мезонимном типе языка онимов. Именно пограничье интересно тем, что границы стран в восточнославянском регионе не являются топонимическими границами.

Изучение лингвистических проблем пограничных регионов чрезвычайно актуально, ибо, кроме лингвистических задач, здесь решаются чисто человеческие – наглядно демонстрируется восточнославянское единство.

В эпоху глобализации, воспринимаемой многими как слияние и смешение не только производственных сфер, но и культур и языков, исследователи говорят об обезценивании традиционных ценностей, изменениях в языке, об обезличивании национальных культур. Происходит взаимопроникновение, своеобразное «вхождение» многочисленных языковых и лингвокультурных средств одних культур в другие. Это явление нельзя считать ни положительным, ни отрицательным. Оно просто существует, и лингвокультурное пространство их фиксирует. Задача лингвистики (и ономастики) все это описать. Особенно ярко это просматривается в пограничье.

Лингвокультурология на службе у ономастики может помочь увидеть тот культурный фон, который стоит за ономастическими единицами и который позволяет соотносить поверхностные структуры онима с их глубинной сущностью, т.е. с культурой.

Это только один из возможных путей оживить умирающего. Можно еще посмотреть на онимы с позиций того знания, которое в нем зафиксировано. А это уже когнитивный подход.

В начале доклада мы перечислили основные принципы современной лингвистики, одним из которых является *культуроцентричность*. Данный принцип стал важнейшей тенденцией всей современной лингвистики, в русле которой возник ряд новых направлений. Теперь уже доказано, что нельзя изучать ни человека, ни его

культуру вне языка, т.к. язык теснейшим образом связан с культурой: он прорастает в нее, развивается в ней и представляет ее.

Такой подход привел к изменению понимания культуры. Под влиянием когнитивной науки культура трактуется как «внутренняя концептуальная система, управляющая поведением человека» [2, с. 235]. Отсюда возможен вывод, что язык интерпретирует мир, создавая особую реальность, в которой живет человек.

Культура - это результат человеческой деятельности. Например, лист клена, висящий на дереве, - это часть природы, а тот же лист в гербарии - это уже часть культуры; камень, лежащий на обочине дороги, - первосущность, а тот же камень, положенный на могилу предка, - культура. Таким образом, *культура* - это все свойственные данному народу способы жизни и деятельности в мире, а также отношения между людьми (обычаи, ритуалы, особенности общения и т.д.) и способы видения, понимания и преобразования мира. Культура это искусственная среда, созданная специфической человеческой деятельностью. Но не всякая деятельность порождает, например, духовную культуру, а только та ее часть, которая носит сакральный характер либо связана с поисками смыслов бытия.

Начиная со второй половины XX века, проблему взаимодействия языка и культуры пытаются решить многие отрасли лингвистики - она исследуется в межкультурной коммуникации (60-е годы, США), лингвострановедении (70-е г. Россия), лингвокультурологии (90-е г. Россия и Белоруссия), культурная антропология (80-е г. США), лингвоконцептология (начало III го тысячелетия – Россия). Итак, язык и культура тесно взаимосвязаны, и это аксиома. Но как именно? Что является связующим звеном? Это как раз и стало актуальнейшей на сегодняшний день проблемой.

В этот период появился целый ряд новых направлений в лингвокультурологии: это 1) лингвокультурная лексикография (словарь «Русское культурное пространство» под ред. В.В. Красных и др.); 2) методика преподавания языка (РКИ-методики); 3) региональная лингвокультурология; 4) сопоставительная лингвокультурология; 5) лингвокультурология поликультурного пространства (Г. Богданович), 6) экспериментальная лингвокультурология (М.Л. Ковшова); 7) синергетическая лингвокультурология, в которой на первый план выдвигается креативное измерение языка и культуры. 8) начинают использоваться результаты лингвокультурологических иссле-

дований и в ономастике, хотя о формировании лингвокультурологической ономастики говорить еще рано.

Как же используются лингвокультурологические данные в ономастических исследованиях? Часто здесь лингвокультурологический подход понимают «по старинке» - как этнонимы в языке. Многие ономасты до сих пор отождествляют лингвокультурологию и лингвострановедение. Лингвострановедение особенно активно занимается исследованием безэквивалентной лексики (*щи, лапти, самовар* и под.), лексики, называющей культурные и природные объекты страны изучаемого языка (*Кремль, Витебск* и др.). Думается, что эта лексика, как и лексика в первичной номинации вообще, не формирует особого видения мира, она лишь фотографирует предметный мир. Особое видение мира создает то имплицитное, что наполняет новыми красками картину мира конкретного народа. *Кремль* становится объектом лингвокультурологии во вторичной номинации (*Кремль постановил, кремлевские жены* и под.). Отсюда вывод, что превалярующий сейчас лингвокультурный подход в ономастике на самом деле - это лингвострановедческий подход, активно развивающийся еще в 80-е годы прошлого века.

Думается, что руководством в привлечении лингвокультурологических данных в ономастику должно стать следующее положение. **Культурно-национальное, заложенное в ониме, имплицитно, оно скрывается в своеобразной пропозиции, и задано словом со специфическим проявлением комбинаторных свойств.** Отсюда - дискурсивный подход к ономастической единице.

Мы предлагаем использовать также концептуальный анализ. Ономастический концепт, как разновидность лингвоконцепта, опирается на экстралингвистическую информацию - культурологию, этнографию, историю, мифологию, которые на обширном языковом материале дают наиболее объективную репрезентацию мировоззренческой системы народа, дают информацию как лингвокультурного, так и этноисторического характера.

С учетом интеграционного, концептуального и дискурсивного подходов на примере названий малых городов покажем, как взаимодействуют культура, языковое сознание личности и ономастические единицы.

На Витебщине около 20 малых городов с населением от 10 до 200 тысяч. Это Барань, Браслов, Верхнедвинск, Городок, Глубокое, Докшыцы, Дубровно, Лепель, Миоры, Новополоцк, Новолукомль,

Орша, Поставы, Полоцк, Сенно, Толочин, Чашники и др. Некоторые из них почти до конца прошлого века были рабочими поселками (Барань и др.). Большинство из них находятся либо в белорусско-российском, либо в белорусско-латышском пограничье.

Возьмем одно из названий Орша, город находится в российско-белорусском пограничье. Материалом исследования послужили около 200 словоупотреблений с топонимом *Орша*. Особое значение придавалось этому топониму при функционировании в художественных текстах -- в стихах оршанских поэтов. Методы исследования - когнитивно-дискурсивного моделирование смыслов концепта в различных ситуациях (сценах), контекстах.

Для этого мы попытаемся реконструировать названия городов Витебщины как концептов-ценностей. Каждый топоним-концепт закреплен в языковом сознании жителей области, который нужно реконструировать. Под концептом мы понимаем смысловые кванты человеческого бытия в мире, которые закрепляются в единицах языка. Большинство лингвистов на сегодняшний день считают, что у концепта полевая структура. «Полевой», или (в другой традиции) «прототипический», подход является наиболее разумным, так как он позволяет не очерчивать четкую границу, а рассуждать в терминах центральных и периферийных членов данного класса.

На нечеткость границ поля указывает, например, В.А. Виноградов: «Границы концептуальных полей нерезки и подвижны, а это означает, что в поле концепта могут втягиваться новые элементы» [1, с. 28].

Мы предлагаем его реконструировать по следующей модели: ядро, периферия (ближняя и дальняя) и интерпретационная зона.

В ядре поля находится само имя ценностного концепта – Орша. 2. В ближней периферии хранится фактологическая информация: первое упоминание о городе (в «Повести временных лет» в 1067 г.) где он назывался поселением на берегу реки Рши. Магдебургское право город получил в 1620 году. В 1772 году он вошел в состав России и т.д. Эта часть информации активно использовалась ономастами всегда. 3. Дальняя периферия - это культурно-значимые признаки, которые связаны с ценностными предпочтениями регионального социума, со стереотипами и образами регионального языкового сознания. Например, *И по сонным улицам гуляя, / По аллеям парка вдоль Днепра / Я вдруг очень ясно понимаю: / Нет роднее места у меня!* (Лариса Рудковская. Основной смысл – родное место, малая

родина). Наша знаковая фигура – Владимир Короткевич - об Орше писал так:

*Тут нарадізіліся думкі,
Воля, імкненні, жаданні,
Тут стаў я сынам краіны,
Абпален яе агнём...
Таму і люблю я Оршу
Першым вялікім каханнем...*

В стихах других поэтов Орша была и остается красавицей: *И ты будешь стоять красивой, молодой/ Над ласковым Днепром, над милою Оришцей*. Эти и другие стихи местных поэтов о своем городе позволяют выявить следующие смыслы: Орша – светлая, родная, вечная любовь, древняя и вечно молодая, мудрая, труженица и др.

4. Интерпретационную зону еще можно назвать образной. Она реконструируется на основе художественных (поэтических) текстов, в онтологии которых лежит образ. Л. Витгенштейн в «Логико-философском трактате» выдвинули идею о том, что существует особая содержательная область, которая не может быть постигнута дискурсивно, она открывается человеку в образе. Это подтвердили также А.А. Пелипенко и И.Г. Яковенко, отметив, что смысловое пространство культуры и человеческого сознания задается границами выразительных возможностей ее знаковых систем [3, с. 64]. В исследуемых нами текстах зафиксированы разные поэтические образы города, созданные с помощью многочисленных тропов, коннотаций, метафор и т.д.

*Город Орша тихий, как сон,
Золотых куполов чудный звон,
Река Днепр - вода, как стекло,
Город детства, в нём очень тепло.
У него глаза - синий лён,
Васильков цветущих миллион,
Поля всюду пшенично - ржаные*

И дубравы красивые лесные (Валентина Кавецкая).

В этом стихотворении Орша подобна сну, он стоит на Днепре, который чист как стекло, среди дубрав; это город детства лирического героя, где он отогревается душой, поэтому здесь тепло. Город представлен с помощью нескольких символов белорусов – василек, лён, ржаные поля. Так в данном стихотворении объективируется содержание ментальных образований в сознании региональных поэтов.

Мы видим целый мир внутри онима. Его тоже нужно описывать. В топонимических названиях сохраняются лексические пласты разных времен и языков, архаические и диалектные черты, потому что географическая номенклатура накапливалась столетиями и сохранила в себе многое, что очень важно для пограничья. Полная реконструкция ономастических концептов позволяет проследить пути формирования метафорических и метонимических значений онимов, объяснить появление и функционирование многих национальных символов.

Заключение.

Сегодня имена собственные изучают представители самых разнообразных наук (лингвисты, географы, историки, этнографы, психологи, литературоведы). Думаем, что наибольшего результата может достичь интегративное исследование ономастических единиц, т.е. **наступило время разработки фундаментальной междисциплинарной ономастической теории**. Она должна возникнуть вокруг ономастики, т.к. в своем традиционном виде себя почти исчерпала. Отсюда всяческие изощрения: поиски новых неописанных объектов – от названий банков, до кличек домашних животных. С одной стороны, все, что существует в языке, должно быть описано. С другой, какая польза от этого лингвистике, которую занимают иные проблемы?

Я предполагаю возражения, рожденные в этой аудитории: «Это не лингвистика». Поэтому хочу напомнить, что сейчас время лингвистической экспансии, поэтому в сферу лингвистики входит все, что отвечает требованиям теории знаковых систем и что позволяет увидеть глубинные семантические основы языка, человеческой ментальности, сознания и культуры. При этом мы осознаем опасность столь широкого толкования лингвистики – это поверхностность, неосновательность. Но это требование времени: лингвистика должна занять важнейшее место в изучении общего развития наших знаний о мире. Наступило время комплексного знания, что приведет к изменению параметров научного мышления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В.А. Концепты и языковые заимствования// Вопросы филологии. №3. 2010.

2. Лурье С.В. Психологическая антропология: история, современное состояние, перспективы. Учебное пособие. Изд.2-е. М., 2005.

3. Пелипенко А.А., Яковенко И.Г. Культура как система. М.: Языки русской культуры, 1998, - 396 с.

Степанов Е.Н.

*Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова,
г. Одесса (Украина)*

stepanov.odessa@gmail.com

УДК 811.16/1.1'282.2'246.3'366(477.74)

**Инославянское и диалектное влияние на систему
грамматического управления в русской речи юга Украины**

Stepanov Ievgenii Nikolaevich

Odessa I. I. Mechnikov National University, Odessa (Ukraine)

UDC 811.16/1.1'282.2'246.3'366(477.74)

**Other-slavonic and dialectal influence on the system of case-form
government in the russian speech of the south Ukraine**

В работе рассмотрены региональные отклонения правил грамматического управления от литературной нормы русского языка в речи жителей юга Украины, возникшие под воздействием близкородственного украинского языка и южнорусских диалектов. Всего обнаружено более 10 корреляций синтаксиса. Большинство вариантов активно функционирует в региональной русской речи всей Украины, юга Украины либо в городском койне Одессы. Некоторые региональные модели управления прецедентны и воспринимаются носителями русского языка как речевые визитки южного региона Украины.

The article deals with the regional deviations of the grammatical rules of case-form government in comparison with the literary norm of the Russian language in the speech of the inhabitants of the South Ukraine. These deviations arose under the influence of closely related Ukrainian language and South Russian dialects. In total, more than 10 correlations of syntaxemes were found. Most of the variants are functioning actively in the regional Russian speech throughout Ukraine, southern Ukraine or in the city koine of Odessa. Some regional case-form government models are precedent and are perceived by Russian speakers as the speech cards of the southern region of Ukraine.

Ключевые слова: грамматическое управление, региональная норма, вариативность, взаимодействие славянских языков, русская речь юга Украины.

Keywords: case-form government, regional norm, variability, interaction of Slavonic languages, Russian speech of the South Ukraine.

Любой современный язык, по мнению профессора Н.Б. Мечковской, представляет собой сплав языковых элементов, происходящих из разных языков, родственных и неродственных, и диалектов [8, с. 169]. Мы считаем, что такое состояние языков обусловлено феноменом полилингвокультурности, имеющимся как в процессах формирования современных национальных коллективов, так и древних племенных союзов.

Основу феномена полилингвокультурности составляет способ его формирования не путём механического сложения лингвокультур этнических и социальных групп, оказавшихся в условиях необходимости межъязыковой и межкультурной коммуникации в многонациональном пространстве, а путём выработки общих культурных концептов и культурного поля, лингвокультурного фона, коллективного когнитивного пространства, на базе которого строятся универсальные коммуникативные модели, общая социумная пресуппозиция коммуникантов как зона пересечения их этнических или национальных когнитивных пространств, вырабатываются региональные межкультурные прецедентные феномены. При этом контактных форм речи может быть несколько, однако в каждом полилингвокультурном регионе вырабатывается один основной наддиалектный функциональный тип речи / языка, в котором отражается фонетическая, лексическая, фразеологическая, грамматическая, стилистическая и другая специфика коллективного коммуникативного и когнитивного пространства, реализуются универсальные коммуникативные модели и общие социумные пресуппозиции. В зависимости от степени интеграции полилингвокультурного социума, контактными формами речи могут быть пиджины (при наиболее слабой интеграции), лингва франка (при обязательной экономической интеграции), койне, язык межнационального общения (при экономической, социальной, культурной интеграции). Все контактные языковые образования, не ставшие самостоятельными языками (пиджины, лингва франка, койне), следует рассматривать как этапы диалектического развития языков.

В процессе языковых контактов разные языковые аспекты имеют разную степень подверженности изменениям. Считается, что иноязычным влияниям в условиях межъязыковой коммуникации прежде всего подвержена лексическая система языка, наименее восприимчивой к иноязычным воздействиям традиционно считается грамматика, а точнее – морфология [5, с. 266]. В то же время, обращение к диахронии родного языка у нефилолога вызывает удивление. Любой русский обычно удивляется, узнав о четырёх прошедших временах глагола и шести склонениях имён существительных в языке своих предков XIII–XIV веков, как удивляется итальянец, изучающий латынь с её флективной падежной системой. Причины грамматических изменений видят как во внутрilingвистических процессах, так и в процессах, происходящих под влиянием других языков.

Особый интерес представляют грамматические изменения, наблюдающиеся только в отдельных регионах распространения языка: в диалектах, городских койне, региональных койне (региолектах). Покажем это на примере региональных отклонений правил грамматического управления от литературной нормы в русской речи юга Украины. И хотя общей тенденцией в русской речи юга Украины, особенно среди городских жителей, является соблюдение грамматических норм литературного языка, в разные эпохи отклонения от литературного стандарта происходят с разной регулярностью под влиянием родных языков жителей этого региона: как неславянских, так и славянских. Далее остановимся на тех особенностях, которые возникли под влиянием инославянской речи, а также русской диалектной речи.

Уже в грамматиках XIX в. учёные отмечали двойственный характер управления как вида присловной подчинительной связи: форма падежа зависимого (подчинённого) слова диктуется как лексическим, так и грамматическим значениями главного (господствующего) слова. Авторы Грамматики-80, развивая структурно-семантический подход к изучению синтаксиса, утверждают, что «управление – это подчинительная связь, которая выражается присоединением к главенствующему слову существительного в форме косвенного падежа (без предлога или с предлогом) и означает отношения восполняющие или объектные либо контаминированные: объектно-восполняющие или объектно-определяющие» [9, т. 2, с. 21].

Региональная грамматическая маркированность управляемых словоформ обычно обусловлена регулярностью их употребления в речи жителей региона. Однако наши наблюдения показывают, что регионально маркированными могут долгое время оставаться некоторые устаревшие словоформы, если они в ту или иную эпоху стали речевыми визитками региона, то есть приобрели свойство функционировать как прецедентные феномены. Отклонения от кодифицированного употребления падежей обычно вызваны как внутриязыковыми процессами, так и калькированием конструкций управления. Напр.: *Если ещё раз такое скажете, ... так я вам ответного комплимента насыплю* [30, с. 79]. Родительный падеж вместо винительного здесь употреблён в связи с переносом лексикограмматического значения вещественности на конкретное существительное. Следовательно, прямое дополнение приобретает форму род. падежа, обычного в этой позиции для вещественных существительных.

Структурно-семантической единицей проявления региональных особенностей функционирования грамматической категории падежа имени существительного в конструкциях управления является синтаксема. Вот некоторые из отклонений от литературной нормы, обусловленные влиянием на русскую речь региона юга Украины других славянских языков и русских диалектов.

1. В русской речи юга Украины свободная **делиберативная синтаксема** предложного падежа “о N₆” регулярно коррелирует с некодифицированными синтаксемами родительного и предложного падежей “за N₂”, “N₂” / “за N₄” после глаголов рече-мыслительной деятельности и “опеки” и их девербативов. Это явление заимствовано, очевидно, из украинских юго-западных диалектов [2, к. 264, 267; 3, с. 178; 4, с. 161]. Напр.: 1) *А что сказать за Дюка на бульваре?* [16, с. 33]. *Ой, не говорите мне за рынок!* [23, с. 37]. *Что, разве Дима никогда вам за него не рассказывал?* [22, с. 103]. 2) *Тогда за меня заботилась родина* [30, с. 5]. ...*За них не беспокойтесь...* [25, с. 159]. – Конструкции с глаголами. 3) *100 вопросов “за Одессу”* [15]. ...*Интервью “за жизнь” с Николаем Тимофеевым* [20, 21.05.2003, с. 10].

2. Некодифицированная **объектно-каузаторная синтаксема** “за N₅ (творительный падеж)” в русской речи Украины регулярно коррелирует с кодифицированной синтаксемой “по N₃ (дат. падеж)” под влиянием диалектной украинской речи. Формальная уподоб-

ленность объекта-каузатора локативу в локативной синтаксеме “за N₅” является причиной каламбуров. Напр.: – *Месье не скучает за театром? – Зачем же я должен скучать непременно за театром? Я скучаю дома* [17].

3. Под влиянием украинского языка реализуется корреляция выражаемых личными именами или личными местоимениями синтаксем **объект – каузированный субъект состояния** “N₄”→“N₃”, имеющих двойственное значение: **объекта каузирующего влияния и субъекта каузированного состояния** [6, с. 157], – если в русском и украинском языках глагольное управление в соответствующих конструкциях различается. Напр.: *Вы мне пожалуйста извините склерозной* [Из письма, 2002, ж. 87 л.] (ср.: рус. *извините меня склерозную* – укр. *вибачте мені склерозній*). Ср.: *Вы Егорову, пожалуйста, извините*. Стандартной эта конструкция является при условии, что *Егорова* – женщина. Если же объект / каузированный субъект *Егоров*, стандартной должна быть конструкция **Вы Егорова, пожалуйста, извините*.

4. До середины XX в. регулярно, а позднее нерегулярно отмечается корреляция синтаксем **субъекта состояния** “у N₂” (кодифицированной) →“N₃” (некодифицированной). Напр.: *Мне, действительно, весь день чешется тело* [26, с. 44] (= У меня чешется). *Мне больше сердце болит за безработных коммунальчиков, чем за этих спекулянтов* [14, с. 206] (= У меня больше сердце болит о безработных коммунальчиках, чем об этих спекулянтах). *Гипертоникам в такие погоды повышается давление* [Из разговора. 2009, ж. 47 л.]. Такая корреляция происходит под влиянием продуктивной в русском языке синтаксемы “N₃” со значением субъекта состояния в безличных предложениях (*Мне хорошо. Детям спится*), а также под влиянием юго-западных украинских диалектов [1, к. 280; 2, к. 272–273; 3, к. 81; 3, с. 177; 4, с. 156].

5. Влияние украинского языка и южнорусских диалектов [11, т. 1, с. 170] обусловило регулярную в русской речи Украины корреляцию синтаксем **директива и объекта эмоционального отношения** “к N₃”→“до N₂”. Эта и некоторые другие корреляции свидетельствуют о процессе ограниченного использования в русской речи Украины предлогов, не функционирующих в украинском языке [7, с. 315]. Напр.: *Почтение, Грач, ... какая-то женщина колотится до твоего помещения* [14, с. 133]. *Приходите сегодня до нас вечером...* [27, с. 57]. *Пойди до Пятирубеля* [27, с. 123]. У нас

до вас личная просьба [24, с. 126]. ...Один из них продолжает шнырять по Одессе при виде, словно, кроме него, нас некому **вывести до очередного светлого будущего** [30, с. 73]. Максим Горький слишком хорошо **относился до людей** [30, с. 126]. ...У Иосифа всегда **претензии до моей сантехники** [21, с. 235]. **До хлопцев присматриваюся и до техники** [18, с. 71].

6. Влияние украинского языка и южнорусских диалектов [10, с. 143] вызывает также корреляцию каузативных синтаксем “из-за N₂”/“по N₃”→“через N₄” Напр.: ...*И вот он погиб через глупость* [13, с. 125] (= *из-за глупости / по глупости*). **Через сырость и плесень жить в этой квартире невозможно** [Из жалобы депутату. 1992, ж. 48 л.] (= *жить невозможно из-за сырости и плесени*). **Через таких, как ты, родина таки может стать матерью...** [28, с. 117].

7. То же влияние наблюдаем в функционирующей в русском языке юга Украины регулярной корреляции **объектной синтаксемы при глаголах отношения “над N₅”** (кодифицированной) → “с N₂” (некодифицированной). Напр.: ...*Зайдите к нам во двор, есть с чего посмеяться* [13, с. 134] (= *есть над чем посмеяться*). *Дяденька, а вы с меня не смеётесь?* [19, с. 104] (= *вы надо мной не смеётесь?*). *Слушай, с Танюши можно обхохотаться...* [Из разговора. 2017, ж. 48 л.]. Семантическая близость глаголов *смеяться* и *улыбаться* приводит к уподоблению управления первого и второго. Напр.: *Слышь, ты надо мной не улыбайся* [29, т. 2, с. 348].

8. Корреляция всех кодифицированных в русском литературном языке синтаксем “из N₂” и некодифицированных синтаксем “с N₂” (директив, темпоратив, фабрикатив, партитив, сурсив, генератив, инструментив, каузатив, предпредикат и субъект-носитель потенциального признака) обусловлена влиянием южнорусских диалектов, в которых *С* регулярно употребляют вместо *ИЗ*, и украинского языка, из которого в русскую речь заимствуется предлог *З* в значении рус. “*ИЗ*” (в оглушённом варианте – *С* [10, с. 142–143]), что приводит к омонимии исконного русского предлога *С* и его коррелята). По мнению В. И. Кононенко, происходит процесс экспансии предлога *С* в русской речи Украины [7, с. 313–314]. Напр.: 1) ...**Приедет Любка с каменоломни и с божьей помощью выймет из тебя душу...** [13, с. 137] (*с каменоломни* = *из каменоломни* – директив). 2) **Тикать с конторы** [13, с. 125] (= *из конторы* – директив). 3) **Кто с них спасётся?** [24, с. 125] (= *кто из них* – генератив).

4) *Дом у него с красного кирпича* (= из красного кирпича – фабрикатив). 5) *Моряки с рейса раньше приходили “упакованными”!* [Из разг. 26.09.2007, ж. 60 л.] (= приходили из рейса – темпоратив). 6) *Обед с двух блюд* (= из двух блюд – партитив). 7) *С монастырских рецептов известны способы лечения чистотелом* (= из монастырских рецептов – сурсив). 8) *Не со всякого ружья можно стрелять* (= стрелять не из всякого ружья – инструментив). 9) *Он это сделал с жалости* (= сделал из жалости – каузатив). 10) *Моряк с Вовки не вышел, может, лётчик получится* (= не вышел из Вовки – субъект-носитель потенциального признака). 11) *С маленького клубочка вырос красавец-котяра* (= из маленького клубочка – пред-предикат).

9. Причину возникновения корреляции кодифицированной синтаксемы **квалитатив в фазово-каузативных модификациях “N_{4pl}”** и некодифицированной “N_{2pl}” в городском койне Одессы можно усматривать во влиянии ряда украинских диалектов, в которых формы винительного падежа множ. числа совпадают с формами родительного [4, с. 106]. По правилам русского литературного языка, зависимое от глагола имя в фазовых модификациях и каузативных осложнениях модели качественного значения должно употребляться в форме винительного падежа [6, с. 155]. Одной из речевых визиток города Одессы является квалитатив, в котором множ. число приглагольного имени имеет форму родительного падежа, а не винительного. Напр.: *Брось этих глупостей, Бенья* [13, с. 124] (вместо *брось эти глупости*). *Капону не пришлось применить полузабытых навыков...* [30, с. 63] (вместо *применить полузабытые навыки*). *Слава, откуда развелось столько фраеров, которые перехватили наших замашек?* [30, с. 6] (вместо *перехватили наши замашки*). *...И пусть он только попробует плохо решить ваших проблем* [30, с.92]. По всей вероятности, одесситы достаточно регулярно пользовались квалитативом с родительным падежом имени во множ. числе в XIX – 1-й пол. XX в. В конце XX – нач. XXI в. такие конструкции воспринимаются в речи как нарочно употреблённые с целью подчеркнуть одесскость говорящего.

Мы считаем, что в данном случае имела место активизация внутриязыкового процесса унификации глагольного и именного дeverбативного управления в направлении последнего путём синтаксической контаминации. Ср.: *применить полузабытые навыки + применение полузабытых навыков = применить полузабытых на-*

выков; **перехватить** наши замашки + перехват **наших замашек** = *перехватить наших замашек*; **прекратить** эти глупости + прекращение **этих глупостей** = *прекратить этих глупостей*.

10. Конструктивно подобными описанной корреляции качественных синтаксисом в городском койне Одессы являются нерегулярные корреляции **объектно-субъектных синтаксисом** “N_{4pl}” → “N_{2pl}”. Напр.: *Но напёрсточники **нашли** в жизни **новых мест** и похоже не сильно жалеют за оставшимся в прошлом бизнесом* [30, с. 104] (**найти** новые места + нахождение **новых мест** = *найти новых мест*)); **синтаксисом фазы действия** “за N_{4pl}” → “за N_{2pl}” [12, с.161]. Напр.: *Опять вы **взялись за своих иштучек**, Моргунов...* [30, с. 196].

Таким образом, наше исследование региональной вариативности конструктивных моделей грамматического управления в русской речи юга Украины свидетельствует о том, что предпосылки к изменению грамматических норм русского литературного языка обусловлены взаимодействием русского литературного языка не только с неродственными, но и с близкородственным украинским языком, а также с русской диалектной речью. Нередко такое влияние на литературную речь оказывается продуктивным, поскольку многие некодифицированные модели воспринимаются носителями русского языка, особенно проживающими за пределами русскоязычного материка, как кодифицированные. Такое отношение к норме речи подтверждает ранее высказанную нами концепцию формирования и функционирования на юге Украины русской региональной речевой нормы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Атлас української мови : в 3-х т. / гол. ред. І.Г. Матвіяс ; АН УРСР, Ін-т мовознавства ім. О.О. Потебні. Т. I: Полісся, Середня Наддніпрянина і суміжні землі. К. : Наукова думка, 1984. 498 с. : карти.
2. Атлас української мови : в 3-х т. Т. II : Волинь, Наддніпрянина, Закарпаття і суміжні землі / ред. тому Я.В. Закревська ; АН УРСР. Ін-т мовознавства ім. О. О. Потебні. Київ : Наукова думка, 1988. 522 с. : карти.
3. Атлас української мови. Т. III : Слобожанщина, Донеччина, Нижня Наддніпрянина, Причорномор'я і суміжні землі / НАН України. Ін-т мовознавства ім. О. О. Потебні. – Київ : Наукова думка, 2001. 267 с. : карти.

4. Бевзенко С. П. Українська діалектологія : підручник. Київ : Вища школа, 1980. 248 с.

5. Брицын В. М., Булахов М. Г. Словоизменение // Функционирование русского языка в близкородственном языковом окружении / отв. ред. Г. П. Ижакевич ; АН УССР. Ин-т языковедения им. А. А. Потебни. Киев : Наукова думка, 1981. С. 266–288.

6. Золотова Г. А. Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. 2-е изд., испр. М. : Эдиториал УРСС, 2001. 440 с.

7. Кононенко В. И. Синтаксис 2.1 // Функционирование русского языка в близкородственном языковом окружении / отв. ред. Г. П. Ижакевич ; АН УССР. Ин-т языковедения им. А. А. Потебни. – Киев : Наукова думка, 1981. С. 306–319.

8. Мечковская Н. Б. Социальная лингвистика : пособие для студентов. 2-е изд., испр. М. : Аспект Пресс, 2000. 208 с.

9. Русская грамматика : в 2 т. / ред. Н. Ю. Шведова; Ин-т рус. яз. АН СССР. М. : Наука, 1980.

10. Самохвалова Е. И. Особенности междиалектного взаимодействия русских и украинских говоров на синтаксическом уровне // Русские говоры на Украине : сб. статей / АН УССР. Ин-т языковедения им. А. А. Потебни. Киев : Наукова думка, 1982. – С. 129–180.

11. Словарь русских говоров Одесщины : в 2-х т. / ред. Ю. А. Карпенко. Одесса : АстроПринт, 2000.

12. Степанов Е. Н. Некоторые синтаксемы в русской речи одеситов // Науковий вісник [Ізмаїльського державного гуманітарного університету]. Ізмаїл, 2006. Вип. 21. С. 159–165.

ИСТОЧНИКИ

13. Бабель И. Э. Избранное. Минск : Мастацкая літаратура, 1986. 272 с.

14. Бабель И. Э. Конармия. Избранные произведения. Киев : Дніпро, 1989. 350 с.

15. Губарь О. И. 100 вопросов «за Одессу». Одесса : Полином, 1994. 168 с.

16. Донская С. Ша! Слухи ходят за Одессу : [стихотворения]. Одесса : Астропринт, 1998. 202 с.

17. Дорошевич В. М. Одесский язык // Вечерняя Одесса. 1987. 1 апреля. С. 4.

18. Жаботинский В. Е. Пятеро : роман. Одесса : Optimum, 2000. 210 с.

19. Катаев В. П. Белеет парус одинокий. Хуторок в степи : [повести]. М.: Правда, 1989. 558 с.
20. Комсомольская правда в Украине : ежедневная всеукраинская газета.
21. Львов А. Л. Двор : роман. М. : Худож. лит., 1992. 656 с.
22. Милошевич С. Приключения Шуры Холмова и фельдшера Вацмана : юмористический детектив. Одесса : Хайтех, 1996. 272 с.
23. Минутко И. Одесский трамвай : [рассказ] // Юность. 1966. № 7. С. 35–38.
24. Митрофанов И. Водолей над Одессой : повесть // Знамя. 1992. № 3-4. С. 84–128.
25. Мускатблит Ф. Камера № 21 : рассказ // Литературно-художественный сборник : в пользу еврейских детей, осиротевших и обездоленных во время октябрьского погрома в Одессе. Одесса, 1906. С. 158–173.
26. Одесский юмористический альманах. Одесса, 1894. Вып. 2.
27. Паустовский К. Г. Время больших ожиданий : повесть. Одесса : Од. книжн. изд-во, 1961. 212 с.
28. Пойзнер М. Б. С Одессой надо лично говорить... (Из подсмотренного и подслушанного). Одесса : Друк, 2001. 392 с.
29. Славин Л. И. Избранные произведения : в 2-х т. М. : Худож. лит., 1981.
30. Смирнов В. П. Операция «Гиппократ» : [роман] / В. П. Смирнов. Одесса: Одессей, 1997. 319 с.

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ КАК ОСНОВАНИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ СПЕЦИФИКИ ПОГРАНИЧНОГО РЕГИОНА

Вендина Т. И.

*Институт славяноведения РАН, г. Москва (Россия)
e-mail: vendit@rambler.ru*

Традиции и новации в изучении русских диалектов

Статья подготовлена в рамках научно-исследовательского проекта
Российского фонда фундаментальных исследований
(проект №17-04-00013 «Личные черты человека в славянских
диалектах. Лингвогеографический аспект»)

Tatiana Vendina

*Institute of the Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences,
Moscow (Russia)*

Traditions and innovations in the russian dialect research

Статья посвящена истории лингвогеографического изучения диалектной лексики. Автор доказывает, что развитие диалектологии как науки привело к необходимости создания лексических атласов нового типа, каким является «Лексический атлас русских народных говоров». В статье подробно описываются инновации этого Атласа, дается оценка лежащего в его основе системного подхода.

Ключевые слова: диалектология, лингвистическая география, «Лексический атлас русских народных говоров»

The paper deals with the history of linguistic geography research of the Russian Dialect Lexicon. The author proves that the progress of dialectology as a science has lead to the need of new type lexical atlases. “Lexical Atlas of the Russian Dialects” is one of this kind. The paper gives the detailed description of its innovations and the assessment of systemic approach it is based on.

Keywords: dialectology, linguistic geography, “Lexical Atlas of the Russian Dialects”

Интерес к изучению русских диалектов появился давно. Составление «Лексикона русских примитивов», т.е. “коренных” или “первообразных” слов русского языка начал еще М.В. Ломоносов, о

чем он писал в одном из своих отчетов Российской Академии Наук. Долгое время, однако, этот интерес находился лишь на уровне поисков этнографической экзотики, сродни интересу к предметам и поверьям «простонародной старины».

Лишь значительно позднее, когда сформировалось понятие диалекта как исторически развивающейся языковой категории и в качестве самостоятельной дисциплины из этнографии выделилась диалектология, интерес этот из чисто любительского превратился в существенно научный.

Оформление в качестве самостоятельной научной дисциплины диалектологии выдвинуло в качестве первоочередной задачу «изучения географии русского языка» (И.И. Срезневский), описания его диалектного континуума и создания классификации его говоров.

В статье «Замечания о материалах для географии русского языка»: И.И. Срезневский писал: «Первой принадлежностью... лингвистической географии должна быть ... карта языков, наречий и говоров, карта, на которой место границ политических, религиозных и всяких других занимают границы лингвистического разнообразия народов. Границы языка обведены как границы государства, границы наречий – как границы областей, границы местных говоров каждого из наречий – как границы округов и волостей каждой области» [5, с. 3].

Следует, однако, признать, что реализация этой идеи была сопряжена с определенными трудностями, поскольку еще не существовало методологии изучения диалектного слова не только в ареальном, но и лексикографическом аспекте.

В XX в. эту идею попытались реализовать члены Московской диалектологической комиссии Д.Н. Ушаков, Н.Н. Дурново, Н.Н. Соколов, создавшие «Диалектологическую карту русского языка в Европе» (1915 г.). На этой карте впервые была обозначена территория распространения трех восточнославянских языков и показано их диалектное членение.

Однако при всей значимости этого начинания карта, в основе которой лежало всего несколько дифференциальных признаков (оканье, наличие взрывного *z* и твердого *t* в личных окончаниях глагола 3 л. наст.вр. для северновеликорусского наречия и аканье, наличие фрикативного *y* и *t'* мягкого в личных окончаниях глаголов 3 л. наст.вр. – для южновеликорусского), вызвала критическое отношение со стороны ряда ученых. Основное замечание сводилось

к тому, что авторы картографируют не отдельные языковые явления, а целые наречия и говоры. В связи с этим предлагалось расширить состав дифференциальных признаков.

Начались поиски таких дифференциальных признаков. Следует, однако, признать, что велись они в основном в рамках диалектной фонетики.

На протяжении всего XX в. в диалектологии удивительно устойчивой была научная идеология в изучении диалектного слова, ее, так сказать, приоритеты, так как в исследовались в основном факты фонетики, поскольку на фонетическом уровне диалектные различия прослеживаются ярче всего. Пронизывая всю толщу языка, они охватывают огромное количество слов, поэтому именно фонетические признаки были долгое время в центре внимания отечественных диалектологов, лишь значительно позднее привлекли к себе внимание признаки морфологические. Что касается лексических различий, то они еще со времен В.И. Даля признавались незначительными. Противопоставляя «народный язык» как язык многообразный, но единый в лексическом отношении, книжному, Даль писал: «На всю ширь великой России нет наречий, а есть только говоры. Говор отличается от языка и наречия одним только оттенком произношения, с сохранением нескольких слов старины и прибавкою весьма немногих, образованных на месте речений, всегда верных общему духу языка» [3, с. V]. В связи с этим выявление лексических различий русских говоров находилось на периферии диалектологических интересов (диалектные слова привлекались преимущественно в качестве иллюстрации фонетических или морфологических особенностей говоров).

Этому в немалой степени способствовали и определенные традиции европейской диалектологии. Напомню, что в тот период, когда в России только разворачивалась работа над созданием «Диалектологической карты русского языка», в немецкой, французской, швейцарской лингвистических школах уже существовал определенный опыт в создании лингвистических атласов и осмыслении диалектного материала. В этих западноевропейских школах диалектологии еще со времен младограмматиков довольно прочно укоренилось скептическое отношение к фактам лексики и словообразования как к фактам, которые в силу своей мозаичности и повышенной языковой проницаемости не позволяют провести ареальную классификацию того или иного диалектного континуума. Вспомним хо-

тя бы, как много нападок выдержал лексический атлас Ж. Жильерона, ошеломляющим открытием которого явилось то, что диалектные границы растворились в отдельных линиях, так что вообще стали сомневаться в понятии диалекта [1, с. 34]. Вследствие этого лексические диалектизмы традиционно считались нерелевантными для целей диалектологии.

По-видимому, именно этим обстоятельством, во многом определившим слабую изученность лексических диалектных различий, объясняется и тот факт, что в «Программе Диалектологического атласа русского языка» (ДАРЯ), работа над которым развернулась после войны, оказалось мало вопросов, относящихся собственно к лексике и словообразованию. Причем такая ситуация была характерна не только для отечественной диалектологии, но и в целом для славянской. Анализ имеющихся региональных и национальных атласов славянских диалектов свидетельствует о том, что все эти атласы при всем различии стоящих перед ними целей и решаемых в них задач объединяет сам принцип отбора материала: наиболее полное освещение в них получили факты фонетики как наиболее релевантные при решении вопроса о диалектной дифференциации национального языка. Что касается лексических различий, то хотя в словарном составе языка «они структурно наиболее значительны, однако важность их часто недооценивалась, поэтому эти различия именовались аморфными и некоррелятивными» [4, с. 19]. Именно поэтому отражение диалектных различий в области лексики и словообразования во многих атласах носило несистемный, фрагментарный характер.

Эта атомарность и несистемность лексической части вопросников как национальных, так и региональных атласов во многом объясняется сложностью и необъятностью самого предмета исследования, трудностью сбора и систематизации лексического материала, а также, по-видимому, и тем, что в период их создания была еще не разработана общая типология подходов к выявлению диалектных различий на уровне лексики и словообразования. В связи с этим в атласах эксплицировались часто только те диалектные различия, которые были уже известны как релевантные для данной территории.

Между тем существующие сегодня региональные лексические атласы (например, «Закарпатский лексический атлас» И.А. Дзендзелевского, «Лексический атлас Правобережного Полесья» Н.В. Никончука или «Лексический атлас гуцульских диалектов украинского

языка» Я.Ригера, «Лексический атлас Московской области» А.Ф. Войтенко и «Лексический атлас Архангельской области» Л.П. Комягиной и др.) реально доказали плодотворность исследования диалектной лексики методами лингвогеографии. На картах этих атласов не только четко вырисовываются ареалы отдельных слов, но и прослеживается географическая повторяемость границ распространения целого ряда слов, принадлежащих к различным тематическим группам лексики.

Вместе с тем нельзя не отметить, что во всех этих атласах при отборе лексем для картографирования использовался не системный, а дифференциальный подход, стремление представить в Атласе только те диалектные слова, которые являются специфическими для данной местности названиями предметов, действий или явлений или же дают ярко выраженные ареалы.

Однако даже при таком, атомарном, подходе к отбору лексики для картографирования лингвистическая география серьезно продвинулась в пространственном изучении диалектного слова. Таким образом, идея ареального изучения диалектной лексики того или языка постепенно завоевывала признание, и к концу XX в. она оказалась уже в числе актуальных.

Сегодня логика развития славянской лингвистической географии поставила перед диалектологией вопрос о необходимости создания лексических атласов принципиально нового типа.

В их основе должен лежать не дифференциальный, а системный подход к принципам отбора и картографирования материала. При дифференциальном подходе к диалектному слову предметом внимания являются лишь регионализмы, слова же, имеющие общерусское распространение в исследовании не учитываются, потому что априори принимается презумпция повсеместного распространения литературной лексики. Между тем публикация «Лексического атласа белорусских народных говоров» показала, что «презумпция повсеместного распространения литературной лексики оказывается справедливой далеко не для всех слов литературного языка, достаточно широкий круг слов литературного языка оказывается связанным с определенными диалектными ареалами» [6, с. 263].

В связи с этим в диалектологии утверждается новая парадигма исследований диалектного слова, когда в центре внимания оказывается не отдельное слово, а вся лексическая система диалекта, во всей сложности ее единиц и связывающих их отношений.

Так родилась идея создания «Лексического атласа русских народных говоров», в основу которого был положен системный подход к принципам отбора и картографирования материала.

Системный подход к отбору материала предполагает прежде всего равное внимание к любому члену диалектного различия, независимо от того, представляет ли он собственно диалектную лексическую единицу или же слово, входящее одновременно в состав литературного языка. Включение в программу лексического атласа общенародной лексики мотивируется не только требованием системности, но и самой языковой логикой, поскольку эта лексика образует основной костяк общенародного словарного запаса, игнорировать который просто нерационально. Кроме того, снятие этих ограничений дает возможность исключить искусственные лакуны в составе программы, которые всегда возникают при дифференциальном подходе.

Системный принцип отбора материала проявился и в том, что при формулировке вопросов «Программы» учитывалась специфика регулярных синтагматических и парадигматических связей в лексике. В основе этих связей лежат принципы подчинения и соподчинения, включения и соположенности (родо-видовые и со-видовые отношения), равнозначности (или синонимии), противоположности (или антонимии), целого и его части. Поэтому в вопросник «Программы» были включены родовые и видовые наименования, совидовые наименования с противоположными значениями, названия целого и его частей, т.е. все то, что составляет понятие системных отношений

И в этом отношении «Лексический атлас русских народных говоров», с одной стороны, продолжает традиции отечественной лингвистической географии, а с другой – формирует новую парадигму ареального исследования диалектной лексики.

Понятно, что ввиду обширности лексической системы ни один атлас не может во всей полноте отразить системный характер лексики диалектов того или иного национального языка. Реально возможным для него является изучение определенного (но довольно широкого) круга тематических, лексико-семантических, словообразовательных групп и семантической структуры отдельного слова. Именно по этому пути и пошли создатели «Программы» Атласа.

«Программа» ЛАРНГ включает более 5 тыс. вопросов, касающихся лексики, типичной для социального уклада, среды обитания

и быта сельских жителей и отражающих специфику русской языковой картины мира. Такое значительное количество вопросов должно существенно увеличить возможность выявления системообразующих связей в лексике говоров. И в этой тематической емкости «Программы» Атласа также заключается его новация.

Системный подход к диалектному материалу отразился не только в его отборе, но и в его картографической репрезентации. В основу принятой в Атласе картографической концепции был также положен принцип системности, базирующийся на иерархии диалектных различий и позволяющий элиминировать все то, что не существенно для картографируемого вопроса (например, отражение на карте с помощью специальных графических средств элементов регулярной диалектной фонетики). С этой целью в Атласе была разработана такая система картографической репрезентации материала, которая учитывала бы взаимозависимость и типологическую соотнесенность графических средств, когда выбор обозначения для первого члена ареальной оппозиции в инвариантном ряду предопределяет всю последующую композицию карты. Таким образом выдерживался принцип последовательной графической иерархии и соотнесенности картографических средств.

Такая **картографическая концепция Атласа также является его новацией** (для сравнения можно привести картографическую концепцию «Лексического атласа Московской области» А.Ф. Войтенко или «Лексического атласа Архангельской области» Л.П. Комягиной, где такая система отсутствует).

Каждую карту Атласа сопровождает обширный комментарий, выполненный в соответствии с алгоритмом, единым для всех его карт. Он включает такие необходимые элементы, как объяснение проблематики карты, характеристика картографируемого материала и тех диалектных различий, которые получают отражение на карте, принятая система картографических средств, указания на сомнительные названия, которые дисквалифицируются автором по той или иной причине, замечания эксплораторов о тех или иных формах и другую информацию. **Такой содержательно емкий комментарий отличает Атлас от других лексических атласов, где подобные комментарии, как правило, отсутствуют.**

К комментарию прилагается иллюстративный материал, который имеет особую ценность, поскольку он позволяет читателю непосредственно соприкоснуться с диалектным словом. Этот иллюст-

ративный материал имеет своей целью не просто показать «жизнь слова» в диалекте, но и обосновать его появление на карте. Наличие этого иллюстративного материала **выгодно отличает ЛАРНГ от большинства славянских атласов, обогащая его интерпретационные возможности.** В связи с этим замечу, что опубликованные недавно македонский (Македонски дијалектен атлас. Прологомена. Скопје, 2009) и словенский диалектологические атласы (Slovenski lingvistični atlas Ljubljana 2011) иллюстративного материала к картам не имеют.

Завершает комментарий алфавитный список картографируемых слов, который не только существенно облегчает пользование материалом Атласа и прочтение карты, но и в сжатом виде предоставляет читателю информацию об ареалах картографируемых слов.

«Лексический атлас русских народных говоров» отличается от существующих национальных атласов и **репертуаром своих карт**, поскольку во многих атласах представлены в основном лексические карты (т.е. карты, базирующиеся на ономаσιологическом подходе, репрезентирующие разные названия одного и того же объекта номинации без учета различий в их словообразовательной структуре) и как единичные встречаются семантические карты. В «Лексическом атласе русских народных говоров» помимо лексических карт, широко представлены словообразовательные, лексико-словообразовательные, семантические, мотивационные и даже номинативные. Если материал, представленный на карте, отличается высокой степенью словообразовательной вариативности (многообразием корней или аффиксальных средств, как, например, на карте 'белый гриб'), затрудняющей ее прочтение, то он подается в обобщенном виде на карте-дубль, сопровождающей основную карту. Такой способ репрезентации материала, являющийся также новацией в Атласе, позволил более четко представить картину дифференциации русских диалектов.

Работа над созданием первого тома Атласа «Растительный мир» дала возможность **оценить концепцию Атласа**, методику отбора, интерпретации и картографирования материала.

Оправдал ли себя системный подход к лингвогеографическому изучению лексики? Сегодня, когда опубликован первый том Атласа «Растительный мир», можно с полной уверенностью сказать – **«Да, оправдал».** На картах атласа мы постоянно наблюдаем явление семантической, лексической и словообразовательной корреляции лек-

сем, являющейся проявлением системности в организации этой семантической сферы.

Системный подход к принципам отбора и картографирования материала позволил реально представить всю лексико-семантическую глубину русского диалектного лексикона и сложность его лингвистического ландшафта. И здесь следует прежде всего отметить его сильную расчлененность, подчас **мозаичность и пестроту**, наличие многочисленных островных ареалов – все это требует своего осмысления не только в социолингвистическом, но и глоттогенетическом аспекте. При этом обнаружилось, что на картах Атласа устойчиво повторяется один и тот же ареальный сценарий, связанный с лексической дробностью русского диалектного континуума. Такая лексическая дробность русского диалектного ландшафта говорит о высокой степени лексической вариативности единиц, находящихся в отношениях дополнительного распределения. Не случайно многие карты этого тома потребовали создания карт-дублей, позволяющих более четко показать ареалы картографируемых лексем.

Материал Атласа говорит о том, что системный подход к отбору и картографической репрезентации материала **открыл перед исследователями большие возможности в объективном решении целого ряда проблем современной диалектологии:**

1. Прежде всего следует отметить **обилие нового материала**, обогащающего наши представления о русском лексическом диалектном фонде: практически каждая карта Атласа выявляет новые диалектизмы, которых нет даже в таком солидном издании, как «Словарь русских народных говоров»;

2. На лексико-словообразовательных и семантических картах Атласа у ряда картографируемых слов выявились и **новые значения**, которые не зафиксированы в СРНГ. И этот свежий диалектный материал является главным итогом настоящего лингвистического проекта. В этом смысле материал Атласа является серьезным дополнением к многочисленным диалектным словарям, иллюстрацией пространственной стратификации огромного пласта диалектной лексики.

3. Материалы Атласа позволили **уточнить ареалы многих диалектных слов**, зафиксированных ранее в СРНГ;

4. Системный принцип, лежащий в основе Атласа, доказал, что любая карта Атласа, в отличие от диалектного словаря, являет собой

лингвогеографическую проекцию целой лексико-семантической группы, которая обычно представлена в разрозненном и далеко не полном виде в отдельных диалектных словарях, а наличие разных мотивационных признаков, четко выявляемых в легенде к каждой карте, дает возможность реально **увидеть своеобразие русского языкового сознания в сложном процессе познавательной и классифицирующей деятельности человека**;

5. Материал Атласа позволяет составить представление о **диалектной словообразовательной производности**: практически каждая карта ЛАРНГ свидетельствует о том, что диалектная речь в этом плане значительно богаче литературного языка. На картах Атласа можно обнаружить такие диалектные словообразовательные модели, которые не характерны для литературного языка (см., например, карту Л 143 'молочай', где представлено множество таких моделей, которые находятся друг с другом в отношениях корреляции: *молока́й ~ молоча́й, молока́йник ~ молоча́йник, молока́льник ~ молоча́льник, молока́н ~ молоча́н, молока́нник ~ молоча́нник* и т.д.).

6. В Атласе представлены **новые типы карт**, так называемые мотивационные. Их присутствие является чрезвычайно важным, так как материал этих карт дает представление о системности в организации такой семантической сферы русского макрокосма, как природа.

7. Системный подход к отбору и картографической репрезентации материала позволил уже на этом этапе выявить **типологию диалектных различий** на уровне лексики и словообразования. И в этом смысле Атлас вносит существенные коррективы в сложившиеся в науке представления о диалектных различиях на уровне лексики и словообразования.

Большинство карт Атласа демонстрирует высокую степень диалектной дифференциации. Диалектная картина, вырисовывающаяся на картах Атласа, заставляет задуматься над причинами устойчивости диалектизмов в условиях процессов социальной интеграции, протекающих во всех славянских диалектах, т.е. материал Атласа вносит существенные коррективы в лингвистические прогнозы об отмирании диалектов.

Построенный на принципиально иных началах, нежели большинство славянских атласов, ориентированный прежде всего на системный подход в изучении диалектной лексики, ЛАРНГ является

одним из важнейших **источников лингвистической гносеологии**, изучающей когнитивную функцию языка. Работа с материалами Атласа показала, что в чрезвычайно раздробленной семантической сфере «Растительного мира» существует своя логика, отличная от литературного языка, т.е. диалекты имеют свой взгляд на окружающий мир. Методика системного анализа лексики, основанная на принципе выделения интегральных и дифференциальных сем, формирующих то или иное семантическое пространство (лексико-семантическую группу, тематическую группу, семантическое поле и т.д.), дает возможность выявить сходства и различия диалектов в устройстве их языковой картины мира, т.к. языковая нагрузка на разных семантических участках этой картины оказывается разной. Об этом ярче всего свидетельствуют номинативные карты Атласа, которые говорят о том, что в одних диалектах для обозначения той или иной реалии внешнего мира существуют однословные номинации, тогда как в других – только описательные конструкции.

Материалы Атласа представляют особую ценность еще и потому, что именно лексический уровень языка более всего подвержен «давлению действительности», в связи с чем он ярче всего передает своеобразие семантического облика модели мира. В этом смысле материалы уже первого тома атласа «Растительный мир», давая возможность увидеть пространственную и реальную классификацию человеческого опыта, позволяют взглянуть на русскую природу сквозь призму диалектного слова. Они говорят о том, процесс номинации является не пассивной объективацией внешнего мира, а сознательным и целенаправленным словотворчеством, в котором познавательное и ценностное сливаются в единое целое.

Системный подход к лингвогеографическому изучению диалектной лексики реально доказал, что русские диалекты не утратили своего лексического своеобразия. Несмотря на интенсивный процесс влияния литературного языка, следствием которого является нивелирование диалектных различий, в русских говорах сохраняется огромное количество диалектизмов, успешно противостоящих тенденции к стандартизации [подробнее см. 2, с.7].

Системный подход к картографическому освоению диалектной лексики в будущем даст возможность для решения еще одной принципиально важной для отечественной диалектологии задачи – выявить **лексический корпус диалектных различий**, подобно тому, которым располагает фонетика и морфология. Составление полного

реестра лексических диалектизмов позволит заложить фундамент для последующей обобщающей работы по систематизации диалектных различий на уровне лексики и словообразования и создать лексикологию русских народных говоров.

Таким образом, благодаря «Лексическому атласу русских народных говоров» лингвистическая география XXI в. обогатилась новой парадигмой исследования, так как само ее развитие привело к необходимости создания лексических атласов нового типа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бородина М.А. Проблемы лингвистической географии. М., 1966.
2. Вендина Т.И. Лексический атлас русских народных говоров. Введение. Спб., 2017
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. М., 1978–1980.
4. Ивич П. Опыт структурной классификации диалектных различий в славянской языковой области//Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. М., 1963.
5. Срезневский И.И. Замечания о материалах для географии русского языка // Вестник Императорского Русского географического общества за 1851 г. Ч. 1. Кн. 1-2. Отд. V. Спб., 1851.
6. Толстая С.М. Диалектные ареалы литературных слов // *Dialectologia slavica*. М., 1995.

Белякова Е. А.

УО «Гомельский государственный профессиональный лицей строителей», г. Гомель (Беларусь)

e-mail: lena13021975@ yandex.ru

УДК 811.161.1'246'27:314/.316(=161)

Коммуникативные позиции русского языка в белорусском и украинском обществе: двуязычие, межъязыковая интерференция

Belyakova Elena Alekseevna

*Gomel State Educational Institution professional lyceum of builders,
Gomel (Belarus)*

UDC 811.161.1'246'27: 314 / .316 (= 161)

Communicative positions of the russian language in the belarusian and ukrainian society: bilateral, inter-alignic interference

Изучается межкультурное взаимодействие русского и белорусского народов, рассматривается положение русского языка, который конкурирует с белорусским, даются примеры интерферентных ошибок.

Ключевые слова: межкультурное взаимодействие, межкультурная компетентность, статус языка, двуязычие, межъязыковая интерференция

The intercultural interaction between the Russian and Byelorussian peoples is being studied, the position of the Russian language that competes with the Belarusian language is examined, examples of interference errors are given.

Key words: intercultural interaction, intercultural competence, language status, bilingualism, interlingual interference

Коммуникативные ранги языков определяются объёмом и структурой коммуникации, осуществляемой на данном языке. Русский язык в современном мире – язык русской нации, язык межнационального общения в странах СНГ, один из языков, который изучается во всём мире как иностранный.

В мировой науке накоплен значительный опыт исследования межкультурного взаимодействия. В российской науке проблемы межкультурного (межэтнического) взаимодействия активно изучались в работах этносоциологов (Ю. В. Арутюнян, М. Н. Губогло, Л. Д. Дробижева, Н. Р. Маликова, В. К. Малькова, И. А. Снежкова, И.

А. Субботина, А. А. Сусоколова и др.), а также этнопсихологов (Г. У. Кцолева- Солдатова, Н. М. Лебедева, Л. И. Науменко, В. Н. Павленко, Т. Г. Стефаненко, В. Ю. Хотинец и др.). Под межкультурным взаимодействием чаще всего понимается контакт двух и более культурных традиций, в ходе которого осуществляется обмен опытом, знаниями, ценностями, и в результате которого субъекты взаимодействия оказывают существенное взаимное влияние друг на друга [2, с. 79].

В межкультурной коммуникации знаний, умений и способностей недостаточно, необходимо обладать специфическими социально-психологическими качествами, проявлять особое отношение к представителям других культур. Межкультурная коммуникативная компетентность выражается в заинтересованном позитивном отношении, толерантности, сенситивности доверии, знании принципов и правил межкультурной коммуникации, умении понимать и принимать сходство и различие в поведении представителей различных культур [6, с.7].

Многовековые традиции культурных связей белорусского и русского народов чрезвычайно сильны и плодотворны. Сходства и отношения между белорусским и русским народами наблюдаются в различных аспектах: историческом, языковом, этническом, культурном, географическом, социально-экономическом, государственно-политическом. Эти показатели определяют лингвокультурологическую общность двух языков.

Известно, что строй любого языка фиксирует определённую картину мира, соответствующую как познавательным, так и ценностно-оценочным представлениям данного этноса. Сравним: русское слово «пожалуйста», белорусское «калі ласка»; русское словосочетание «жениться на ком», белорусское «ажаніцца з кім». В этих выражениях ярко отражён национальный характер. В языке фокусируется, концентрируются опыт национального бытия, память народа, духовная культура и её самобытность.

Широкое использование русского языка наряду с национальным характерно для современного белорусского общества.

Русский язык в Белоруссии гораздо более однороден, однако представлен несколькими вариантами. Литературный русский в своих письменной и разговорной формах распространён повсеместно, однако степень владения им варьирует от хорошего литературного языка, максимум с легкой белорусской интонацией, до сильно

смешанной речи, которая уже скорее относится к «трасянке» (т.е. смеси русского и белорусского языков).

В Белоруссии абсолютное большинство населения на бытовом уровне использует русский язык. При этом более 4/5 населения родным языком определяет белорусский. Достаточно распространено явление, получившее в Белоруссии название «трасянка» — смешение литературных белорусского и русского языков с региональными наречиями и диалектами. По утверждению ряда специалистов языковая ситуация в Белоруссии и государственная языковая политика прямо и косвенно способствуют дальнейшему вытеснению из оборота и сужению сферы применения белорусского языка за счет русского.

Языковая ситуация большинства белорусов не может быть сведена к билингвизму, или диглоссии. Она намного сложнее: белорусский язык всё больше сдаёт свои позиции, о чём свидетельствуют данные переписей населения (1999, 2009). В 1999 г. 58,6% белорусов в качестве языка, который они преимущественно используют, назвали русский, 41,3% — белорусский; в 2009 году — 69,8% и 26,1% соответственно [7, с. 58]. Анализ ситуации с белорусским языком в Беларуси среди молодых представителей титульной нации в настоящий момент ясно доказывает его крайне периферийное положение по всей стране, подтверждая результаты Г. Хентшеля и Б. Киттеля [8, с. 74] для отдельных городов среди говорящих в возрасте от 17 до 70 лет. Ситуация даже хуже, чем показывает последняя перепись. Это стало очевидным, так как во внимание, кроме белорусского и русского языков, принималась смешанная форма речи — БРСР. Белорусский язык крайне редко используется в любом контексте общения во всех городских или сельских населённых пунктах. Широко распространённое мнение о том, что белорусским намного больше пользуются в деревнях, чем в городской среде, не подтвердилось для молодого поколения. Определённо можно сказать, что белорусский язык сильно подвержен опасности исчезновения в своей собственной стране, если говорить о нынешнем языковом поведении молодого белорусского поколения. Традиционно подобная популярность русского языка объясняется последствиями русификации белорусов в период их пребывания в составе Российской империи и СССР. По итогам референдума, прошедшего в Беларуси в 1995 году, русский язык получил статус государственного наравне с белорусским. В Украине предложение о придании рус-

скому языку официального статуса до сих пор является предметом острых политических споров. Полемика между идеологами общерусского единства и белорусскими и, в первую очередь, украинскими языковыми партикуляристами стала значимым явлением общественно-политической жизни России рубежа XIX-XX веков. Свою позицию сторонники общерусского единства аргументировали тем, что русский к началу XX века сложился как развитой национальный язык, за которым стояла мощная культурная традиция европейского уровня. Вхождение в пространство «высокой» русской культуры виделось ими как благо для белорусского и украинского народов, в то время как «замыкание» в собственной языковой «скорлупе» обрекало его на культурное отставание [9, с.51].

Сторонники же белорусской и украинской языковой самостоятельности обосновывали своё мнение тем, что культурный потенциал народа в полной мере может раскрыться только на родном наречии. Так, критикуя преподавание на русском языке в белорусских школах, М. Богданович в 1914 году писал: «Устраняя белорусскую речь из школы, мы ведём к растрате громадной, многовековой духовной работы целого народа, сбиваем мысль ребёнка с привычных психологических тропинок и грубо урезаем его душевный мир» [9, с. 51]. После Октябрьской революции национальным активистам удалось добиться оформления белорусской и украинской государственности в форме союзных республик в составе СССР. Белорусский и украинский литературные языки получают мощный импульс к развитию, а общерусская идеология осуждается как «шовинистическая». В то же время выясняется, что жёсткий языковой партикуляризм, проповедуемый многими радикальными националистами, так и не прижился на уровне массового сознания.

Языковая интерференция в широком смысле понимается как взаимодействие контактирующих языков, приводящее к изменениям в системе каждого из них. Интерференция – это случаи отклонения от норм неродного (изучаемого) языка в письменной или устной речи билингва под влиянием норм языка родного. Интерференция как явление исследуется в трудах многих зарубежных и отечественных учёных (Е. М. Верещагина, В. В. Климова, Н. Б. Мечковской, Л. М. Умана и др.) [3, с. 30].

Одним из видов интерференции является (по определению учёных-лингвистов) межъязыковая интерференция – перенос навыков речевого поведения с родного языка на изучаемый, внутриязыковая

интерференция – результат взаимодействия литературного языка и диалектов (по источнику образования).

Графическая и орфографическая межъязыковая интерференция проявляется на письме путём переноса в изучаемый язык правил написания слов другого языка, при внутриязыковой интерференции на этих же языковых уровнях происходит замена одних букв и элементов письма другими одного и того же языка. Фонетическая межъязыковая интерференция проявляется в смешении звуков изучаемых языков, при внутриязыковой фонетической интерференции происходит взаимодействие русской литературной речи и территориальных диалектов, например: наиболее регулярные черты: особая интонация (особенно в вопросительных предложениях); фрикативное [ɣ] (ґара) и соответствующий ему глухой [x] на конце слов (*я не смох*); меньшая редукция безударных гласных (памагать, јапонец вместо јіпонец (яканье)); твердые [ч], [шч] (русское "щ"); цеканье (ехаць, цёмный) и дзеканье (дзядзька); менее регулярные: двойные мягкие согласные (варенне, вяселле); только твердое [р]; губно-губной [ў] (быў, траўка); твердые губные на конце слов (сем, степ) [4, С. 52–65].

Лексическая интерференция представляет собой заимствование лексем родного языка, выражающееся в перенесении фонемной последовательности из одного языка в другой; изменения в функциях и употреблении лексических единиц, например: в русской речи белорусов встречается немало белорусских слов: *завея* 'метель' (Сегодня сильная завея), *страта* 'потеря хода' (Ты сделала страту). Часто встречается неправильное употребление русских слов под влиянием их белорусских эквивалентов: Вчера у друга было веселье(бел. вяселле 'свадьба'); стилистические ошибки: Встреча глав держав (вместо государств). Помимо ошибок в русском языке белорусов имеются и слова, расцениваемые как нормальные, но отсутствующие в русском языке в России: *шыльда* 'рекламный щит на улице' (бел. шыльда 'вывеска')[5, с. 73–83].

Фразеологическая межъязыковая интерференция выражается в незнании фразеологических значений словосочетаний; трудности же, обусловленные сложностью фразеологических единиц, относят к внутриязыковой фразеологической интерференции. Морфологическая межъязыковая интерференция проявляется в смешении падежных и родовых форм, нарушении норм согласования, управления; внутриязыковая – в грамматической омонимии. Например, не-

смотря на то, что морфологическая система языка наиболее непроницаема для внешних явлений, отдельные случаи интерференции наблюдаются и в этой сфере. Довольно часто встречаются следующие явления: неправильный выбор рода существительных (собака съел; кровавый мозоль); неправильное употребление числа существительных (мы собирали малины; слова выделены красным чернилам); ошибочные флексии при склонении (без погонов; мы с папом; по окне; на зеленым); формы без – т или с –ть в 3-ем лице глаголов в настоящем времени (дыхае, рисуе; брать, глядеть); использование укороченного варианта суффикса несовершенного вида (подкрадваться, выкрайвать)[1, с. 65–73].

Синтаксическая интерференция выражается в употреблении в речи на неродном языке вместо нормативных синтаксических форм моделей из родного языка; внутриязыковая – в смешении двух родственных форм внутри одного языка друг с другом, например: смеяться с ребенка; нарушение норм управления (см. заведующий кафедры вместо кафедрой, экспортировать с Литвы вместо из Литвы, скучать-тосковать-грустить по родных вместо по родным, удивляться с кого-чего вместо кому-чему и др.).

Явление языковой интерференции проявляется практически на всех уровнях языка.

Интерферентные явления наблюдаются как в белорусской, так и в русской речи жителей Белоруссии; интенсивность интерференции широко варьируется в зависимости от образования, языковой среды, профессии, возраста и национальности говорящих; однако, нельзя сказать, что в Белоруссии вообще не знают как следует ни белорусского, ни русского. Наличие вышеприведенных факторов приводит к тому, что значительный процент людей говорит на промежуточных или смешанных формах речи, объединяемых термином «трасянка»[1, с. 94].

Таким образом, сосуществование в национальных пространствах Беларуси и Украины двух языковых систем требует выработки некоего баланса между ними, найти который всё же оказывается не просто, что порождает определённую политическую напряжённость. В первую очередь это касается Украины, где вопрос языков остаётся одной из болезненных тем с момента провозглашения независимости. Неизбежно и то, что взаимодействие контактирующих языков, приводит к изменению в системе каждого из них. Необходимо оптимизировать межкультурное взаимодействие, которое име-

ет важное значение в контексте решения проблем российско-белорусского сотрудничества, формируя при этом межкультурную компетенцию личности в обществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вешторт Г.Ф. Смешанные формы речи // Типология двуязычия и многоязычия в Беларуси. Мн., 1999.
2. Гриценко В. В. Проблемы межкультурного взаимодействия в условиях российско-белорусского приграничья // Веснік ВДУ.– 2012. – С. 78-83
3. Зайналова Л. А. Проблемы общей классификации явлений интерференции // Русский язык в школе. – 2015. – №5. – С. 30-33
4. Мельникова Л. А. Фонетическая интерференция // Типология двуязычия и многоязычия в Беларуси. Мн., 1999.
5. Николаева О.М. Лексическая интерференция // Типология двуязычия и многоязычия в Беларуси. Мн., 1999.
6. Почебут Л. Г. Межкультурная коммуникативная компетентность как выражение человеческих отношений // Психологический журнал. – 2013. – №4. – С. 5-15
7. Хентшель Г., Брюггеманн М., Гейгер Х., Целлер Я. Г. Язык и политическая ориентация молодых совершеннолетних белорусов: между русским и белорусским – между Востоком и Западом // Социология. – 2016. – №2. – С. 57-76
8. Хентшель Г., Киттель Б. Языковая ситуация в Беларуси: мнение белорусов о распространённости языков в стране // Социология. – 2011. – №4. – С. 62-78
9. Шимов В. В. Истоки билингвизма // Белорусская думка. – 2013. – №6. – С. 46-51

Шумарина Т.Ф.

*Одесский национальный университет им. И.И. Мечникова,
г. Одесса (Украина)*

e-mail: shumarina2010@mail.ru

УДК 811.161.2 + 811.161.1

**Русско-Украинское двуязычие в социальном пограничье
(к проблеме языковой имитации)**

Tatiana Fedorovna Shumarina

Odessa National University them I.I. Mechnikov, Odessa (Ukraine)

UDC 811.161.2 + 811.161.1

**Russian-Ukrainian bilaterals in social frontiers
(to the problem of language imitation)**

В статье проводится автороведческое исследование русско-украинского двуязычия как результата языковых контактов на территории города Одессы.

Ключевые слова: интерференция, имитация, символизация, двуязычие, близкородственные языки.

There is the authoritative research of Russian-Ukrainian bilingualism as a result of contacts in the city of Odessa in the article.

Keywords: interference, imitation, symbolization, bilingualism, closely related languages.

Возможность трактовать *пограничье* не столько как топоним, не только как пространственно-территориальный регион, но и в качестве социально-языкового феномена позволяет расширить ареал исследования до границ повсеместного сосуществования языковых общностей. Понимание пограничья в качестве социальной контактной зоны предоставляет возможность включить в круг исследования и своеобразный в плане языковой конвергенции/ дизъюнкции регион юга Украины (Одесса и Одесская область) с ярко выраженным локальным русско-украинским двуязычием.

Многоаспектность лингвистических изысканий на данном материале не подвергается сомнению, однако изучение проблем русско-украинского взаимодействия редко переводится в криминалистическую плоскость. В данном исследовании предпринимается попытка описания основных лингвистических приемов кодирования и

декодирования параметра «родной язык» в условиях русско-го/украинского фальсифицированного текста.

Дополнительная информация, вносимая в текст сознательно с целью скрыть свое авторство (маскировка) или выдать себя за другого (имитация), – предмет исследования раздела криминалистической скриберологии – судебного автороведения. Последнее представляет собой область научного знания, связанную с разработкой проблем исследования письма – письменной речи и почерка – как носителей информации, имеющей значение для уголовного судопроизводства. В основе автороведческого исследования письменной речи лежит определение особенностей письменно-речевых навыков, в том числе (при разработке экспертной версии о наличии в анонимном тексте признаков искажения родного языка) кодовых включений. В отличие от интерференции, возникающей, как правило, спонтанно, вопреки желанию адресанта, кодовое включение производится сознательно в тех или иных коммуникативных целях»[2, с.251]

Структура лингвистической совокупности каждого социального признака, и «родного языка» также, может быть представлена в виде ядра и периферии. К ядру относятся видимые индикаторы, которые на бытовом уровне способен опознать среднестатистический носитель языка. Индикатор в нашем случае – это кодовая единица, позиционирующая истинную языковую принадлежность автора текста. По свидетельству опрошенных информантов, продемонстрировать дизъюнкцию двух родственных языков доступнее на лексическом уровне, например: введением в русский текст украинских слов (*опік, кульгати, промінь, поріддя* (бран.); в украинский – русских (*венгр* (вместо *угорець*), *войлок* (вместо *повсть*), *месть* (вместо *помста*), в крайнем случае – контаминированных форм: *порабощення, отравляючі* (вместо *поневолення и отруйні*). По той же схеме действуют и при имитации места формирования языковых навыков: носитель юго-восточного наречия при желании выдать себя за жителя Хмельницкой области употребляет диалектную лексику подольского говора (юго-западное наречие) – *кліпки, лампач*; носитель правобережнополесского говора (северное наречие), выдавая себя за жителя южных территорий, использует слова *вентерко, страм, запнутися (хусткою)*, присущие средненадднепрянскому говору.

Лексемы, представляющие собой фонетические (рус. *способ*, укр. *спосіб*), словообразовательные (рус. *провинность*, укр. *провина*)

параллели, не имеют такой высокой степени выразительности. И потому имитатор прибегает к использованию функционирующей в родственных языках генетически разнородной лексики, а при наличии в коде синонимичных или вариантных образований – к разнокорневым членам пары (ряда). Например: рус. *вертолет* в украинском языке соответствует синонимический ряд *вертоліт, гвинтокрил, гелікоптер*, в текст с целевой установкой на имитацию вводятся собственно украинская либо заимствованная из французского языка лексемы; из пары *душно – парко* предпочитается дизъюнктивная единица и под.

То, что представители «наивной лингвистики» (имитаторы в нашем случае) отдают предпочтение именно словам, имеет свое психологическое обоснование: «Лжецы скрывают и фальсифицируют только то, за чем, по их мнению, другие будут наблюдать наиболее внимательно. И потому лжецы склонны особенно внимательно подбирать слова» [3, с. 66]. В ядрах практически всех имитируемых социальных признаков (гендер, возраст, культурно-образовательный показатель) основными являются единицы лексического уровня; остальные составляющие неконстантны и их набор варьируется от признака к признаку.

Неосновные компоненты ядра менее наглядны, чем лексические, однако достаточно характерны для данного статусного параметра. При имитации русского/украинского языков фальсификаторы также обращаются к фонетическим признакам, что в письменной речи находит выражение на графико-орфографическом уровне (в украинском тексте: *робота, Александр, казаки*; в русском: *дев`ятим, в Харкове, кров*; замена *и, е, г* русскими графемами и наоборот и т.д.). Возможные причины графико-орфографической модификации анонимных текстов, выполненных с интенционально обусловленным искажением признаков, на наш взгляд, заключаются, во-первых, в достаточно высоком уровне развития навыков правописания, что обеспечивается 10-12-летним изучением лингвистических дисциплин в школе, а во-вторых, в расчете на жесткий социальный контроль.

Количество и разнообразие ядерных компонентов, достаточное для осуществления завершенной имитации родного языка, регламентируется самим автором фальсифицированного документа и зависит от уровня его коммуникативной компетенции. Однако вероятность успешности осуществления намерения адресанта, задейст-

вовавшего только основные или даже основные и неосновные лингвистические компоненты ядра признака «родной язык», крайне мала. Как правило, такие тексты легко поддаются дешифровке.

На периферии структуры лингвистической совокупности социальных параметров располагаются признаки, обладающие сильной информативностью и называемые в криминалистической скриберологии специфическими. Так, в параметре «родной язык» к ним относятся грамматические и семантические расхождения в системе русского и украинского языков: укр. *собака, степ* (м.р.) – русск. *собака, степь* (ж.р.), укр. *груди, двері* (мн.ч.) – русск. *грудь, дверь* (ед. и мн. ч.); межъязыковые расхождения в полисемичных словах: значение прилагательного *кривий* в украинском языке связано с дефектом опорно-двигательной системы, *кривой* в русском – с дефектом зрения. Включение периферических индикаторов в искаженный текст – залог успешной реализации интенции имитатора и вероятное условие ошибочного заключения эксперта-автороведа о родном языке автора спорного текста.

Одной из заметных причин имитативных неудач при языковом кодировании является игнорирование (чаще бессознательное, на уровне интерференции) национального пласта ономастической лексики. Так, специфика фонетического строя родного языка автора может проявиться на графико-орфографическом уровне: укр. *Хома, Филип* – рус. *Фома, Филипп*; укр. *Петро, Киридо, Дмитро* – рус. *Петр, Кирилл, Дмитрий*. В качестве примеров орфографических недочетов имитативного характера, свидетельствующих о родном языке украинского автора русскоязычного текста (что актуально для автороведческих исследований на территории Одессы и Одесской области), могут быть приведены следующие ошибки: *Олександр, Олексей, Филип, Свцтлана, Игор, Андрий*. Словообразовательная интерференция находит выражение в употреблении украинских уменьшительно-ласкательных дериватов (мелиоративов) (*Сашко, Наталка, Дмитрик* и под.), грамматическая – в склонении украинских фамилий (*Шевченка, Петренка*). Весомы в диагностическом плане и межъязыковая фразеология, включающая ономастический компонент, типа *Коломенская верста – Чугуєвська верста, Млечный путь – Чумацький шлях*.

Наряду с описанным выше феноменом имитации языка, в экспертной практике встречается еще один вид осознанного (в отличие от интерференции) интенционально обусловленного речевого пове-

дения – символизация родного языка. Кодовое включение, выполняющее символическую функцию, демонстрируется намеренно как ненамеренное поведение и должно (по замыслу адресанта) восприниматься адресатом как естественное[1, с.146], то есть адресат «обречен» атрибутировать текст носителю демонстрируемого кода. Тезаурус символических кодовых включений составляет в основном общеупотребительная частотная лексика. Доминирование включений собственно лексического характера, как правило, свидетельствует о том, что целевой установкой анонима являлась незауалированная, жесткая демонстрация языковой принадлежности, так как лексическое включение – самый тривиальный прием позиционирования родного языка. В этом смысле словообразовательный дериват оказывается идеальным знаком-символом, поскольку, в отличие от других видов «отрицательного материала» (термин Л.В.Щербы), отвечает принципу умеренности намека. Количественный и качественный состав массива включений в анонимном тексте прямо пропорционален апперцепционным способностям адресанта.

Подводя итог, следует заметить, что проведение классификационного исследования с целью языковой атрибуции автора имитируемого текста в условиях русско-украинского двуязычия требует тщательного лингвистического анализа на основе последовательного разграничения явлений интерференции, имитации и символизации. Определение этой границы путем применения статистического метода – актуальная задача последующих научных изысканий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Шахнарович А.М. Теоретические и прикладные проблемы речевого общения. Ответственный редактор А.А.Леонтьев. М.: Наука, 1979. 326 с.
2. Теоретические проблемы социальной лингвистики. Ответственный редактор Ю.Д.Дешериев. М.: Наука, 1981. 365 с.
3. Экман Пол. Психология лжи. СПб.: Питер, 2016. 384 с.

Бобровская Е. О.

Белорусский государственный университет (Беларусь)
e-mail: helli222@tut.by

УДК 811.161.1

Белорусский язык в жизни иностранных учащихся

Babrouskaya Alena Alegauna
Belarusian state university, Minsk (Belarus)

UDC 811.161.1

Belarusian language in the life of foreign students

Одной из задач преподавателя русского языка как иностранного является своевременное знакомство студентов с реалиями белорусской жизни, которые предполагают присутствие белорусской письменной и устной речи как в общественных местах, так и на страницах периодической печати, в русскоязычных произведениях белорусских авторов.

Ключевые слова: белорусский язык, иностранные учащиеся, лингвистическая ситуация, эффект неожиданности, языковая среда.

One of the tasks of the teacher of Russian as a foreign language is the timely acquaintance of students with the realities of the Belarusian life, which presuppose the presence of Belarusian written and oral speech both in public places and on pages of periodicals, in Russian-language fiction of Belarusian authors

Keywords: belarusian language, foreign students, linguistic situation, surprise effect, language environment.

Лингвистическая ситуация в Беларуси носит специфический характер. Наличие двух национальных языков предоставляет иностранным студентам возможность обучения на русском языке. Познавательная активность в языковой среде значительно выше, как и усвоение языка. В связи с этим одним из направлений деятельности преподавателей иностранных языков вне языковой среды становится выявление методов, способов принципов создания искусственной языковой среды. Однако некоторые методисты считают, что естественная языковая среда может быть довольно агрессивна и не предназначена для учащихся с низким уровнем языковой компетенции. «Любое языковой сообщество – это агрессивная коммуникативная среда, в цели которой не входит обучение профанов. И если даже начинающий изучать иностранный язык и может получить некий

академический стимул, то в реальности будет иметь обратный эффект (как происходит всегда в случаях магического инфантильного мышления) – мотивацию быстро сменит демотивация и культурный шок» [4]. Однако самым главным преимуществом является, безусловно, вынужденное использование языка в естественных жизненных обстоятельствах: «Преподавание русского языка как иностранного вне языковой среды принципиально отличается от обучения в языковой среде, которое протекает в условиях непосредственного контакта учащегося с носителями языка. В такой ситуации сама жизнь «вынуждает» обучающегося активизировать те знания и умения, которые он получает на занятиях по иностранному языку» [3].

Этнолингвистическая обстановка обучения иностранных студентов в нашей стране предполагает знакомство с реалиями белорусской культуры. Такого рода деятельность усложняется в виду некоторых особенностей социокультурной ситуации в стране.

Вполне естественно, что языковая среда с двумя национальными языками оказывает особое влияние на учащихся. Наиболее сложная ситуация для иностранцев складывается сегодня, в период популяризации белорусского языка. Это, безусловно, является положительной тенденцией для самих белорусов: дни белорусского кино, бесплатные занятия по белорусскому языку для взрослых и т. д.

Последствиями внедрения белорусского языка в жизнь социума для иностранных граждан становится увеличение сложности адаптации, приобщения к жизни в Беларуси.

Названия улиц, станций метро, продуктов, вывесок, рекламы, и т.д. и т.п. предполагает знакомство студентов с возможностью встретить белорусскую письменную речь практически на каждом шагу. Даже те иностранцы, которые знают язык на уровне В1 и В2, при виде белорусских слов в общественных местах пытаются найти их перевод, воспринимая как русские слова.

Таким образом, становится очевидной необходимость обратить внимание студентов, в первую очередь, на тот факт, что на улице практически везде встречаются белорусские слова, которые можно узнать по таким белорусским буквам, отличающимся от русских, как «і» и «ў». Причём если по букве «і» сразу заметно её отличие от русской «и», то на «ў» иностранцы не всех национальностей обратят внимание в виду специфики их родного языка. Например, извест-

ным фактом является сложность различения иностранцами букв «ш» и «щ».

Определить, что слово является белорусским, часто возможно при хорошем знании орфографии студентами, так как некоторые вывески могут быть понятны ввиду своего незначительного несоответствия написанию на русском языке. Однако большинство орфографических ошибок не являются предметом пристального внимания на занятиях по русскому языку как иностранному. Кроме того, мы можем предположить, что даже те зарубежные учащиеся, которые хорошо знают правила написания слов, могут удивиться «неправильному» написанию либо усомниться в своих знаниях при виде таких слов как *аптэка*, *атэлье* и т.д. Лучшим результатом столкновения учащихся с таким несоответствием имеющихся у них знаний и увиденного на улице может стать вопрос, адресованный преподавателю на занятии.

Многие надписи и вывески содержат совсем незнакомые иностранцам слова: *«Дом друку»*; *«Чыгуначны вакзал»*, *«Газеты і часопісы»*, *«Зал чакання»*, *«Крама»*, *«Кавярня»* и т. д.

На этапе первоначального перехода вывесок на белорусский язык представители власти высказывались следующим образом об этом процессе: *«Это поможет нашему городу создать национальный антураж, - заявила журналистам один из авторов нововведения, начальник отдела по контролю за рекламой и защиты прав потребителей управления торговли и услуг Мингорисполкома Ирина Летняк. – Поэтому мы совместно с комитетом архитектуры и градостроительства решили рекомендовать предпринимателям, чтобы в случаях, когда есть такая возможность, вывески и реклама на исторических зданиях изготавливались на белорусском языке. Тем более, об этом к нам неоднократно обращалось с просьбами население столицы»*. Естественно, для белорусов это давно ожидаемые положительные изменения.

Помимо письменной речи задействованными оказываются и навыки восприятия речи на слух, в первую очередь, в транспорте, магазинах, а также на вокзалах. Так, на белорусском сайте *holiday.by* перед Чемпионатом мира по хоккею, который проходил в 2014 году, появилась статья, посвященная трудностям, с которыми могут столкнуться гости нашей столицы. На проблемы восприятия звучащей речи иностранцами также обращено внимание: *«В автобусах, троллейбусах и трамваях читать особо нечего. Зато есть что по-*

слушать. Автоматическая речь, которая звучит в салонах между остановками, зачастую повергает иностранцев в шок из-за множества незнакомых слов. Но не беспокойтесь, ничего необычного там не говорят. Просто вас, «шаноўных» или «паважаемых» (уважаемых) пассажиров, попросят уступить места «цяжарным жанчынам» (это значит «беременным женщинам»), «не пакідаць рэчаў і смецця» (то есть, «не оставлять вещей и мусора»), а также быть «ветлівымі і асцярожнымі» – «приветливыми и осторожными» (доверяй, но проверяй!). Также вас могут предупредить, что при входе в «транспартны сродак» (транспортное средство) нужно прокомпостировать билет «аднаразовага карыстання» («одноразового использования»). <...> Кроме того, во время остановки вы услышите «Асцярожна, дзверы зачыняюцца», что обозначает «Осторожно, двери закрываются». И далее: «Наступны прыпынак...» – это значит «Следующая остановка...» [2].

С нашей точки зрения, эта статья предоставляет материал, который можно привлекать для занятий с иностранными учащимися. Текст знакомит с реалиями общественной жизни в увлекательной, занимательной форме: «Как правило, в центре города магазины подписаны на русском, но если вы поселитесь в новом микрорайоне, то шанс встретить «краму» возрастает. А вот «кавярні», наоборот, скорее будут располагаться где-нибудь в центре. В них вам могут предложить «кубачак гарбаты». Нет, это не какое-то особенное экзотическое блюдо, а всего лишь «чашка чая» [2].

Кроме того, автор предпринял попытку тематической классификации частотных белорусских слов. В качестве примера приведём подборку слов на следующие темы: на вокзале / в аэропорту, в общественном транспорте:

на вокзале / в аэропорту	
праход да паяздоў	проход к поездам
цягнік	поезд
Белсаюздрук	Белсоюзпечать (киоск с газетами)
чыгуначны вакзал	железнодорожный вокзал
зала чакання	зал ожидания
газеты і часопісы	газеты и журналы
в общественном транспорте	
паскорце пасадку	ускорьте посадку
вызваліце дзверы	освободите двери
шаноўныя пасажыры	уважаемые пассажиры
цяжарныя жанчыны	беременные женщины

не пакідайце рэчаў і смецця	не оставляйте вещи и мусор
ветлівы	приветливый
асцярожны	осторожный
транспартны сродак	транспортное средство
білет аднаразовага карыстання	билет одноразового использования
асцярожна, дзверы зачыняюцца	осторожно, двери закрываются
наступны прыпынак	следующая остановка

Помимо того, в статье даны названия станций метро на белорусском и русском языках, а также слова и выражения следующих тематических групп: в городе, этикетные фразы.

Также нам представляется возможным знакомство студентов с творчеством белорусских писателей на русском языке. Это актуально для студентов, магистрантов, аспирантов филологических специальностей, стажёров, заинтересованных иностранцев. Современная белорусская литература представлена произведениями на русском и белорусском языках. Повести, романы, рассказы на русском языке также иногда содержат включения белорусской речи. Автор может использовать этот приём с целью передачи значимости белорусского языка и культуры для своего персонажа – жителя деревни. Следующая цитата из произведения Натальи Батраковой «Миг бесконечности» проиллюстрирует этот приём: *«Як жа ж без дзетак? У мяне вунь трое. Я б і яшчэ радзіла, ды гэтых трэба на ногі ставіць. Старшаму на будучы год у інстытут... Ай-яй, як жа без дзетак!»* [1, с. 9] Причём автор знакомит читателя с реалией белорусской жизни в сельской местности: *«Хозяйка Яна, как и большинство в глубинке, говорила на “трясянцы” – смеси белорусских и русских слов, притом с характерным местным акцентом, порой режущим слух»* [1, с. 9].

Если не касаться современной белорусской литературы, которая может заинтересовать иностранцев с высоким уровнем знаний русского языка, следует упомянуть о работе со сказками на занятиях русского языка как иностранного, которая может быть довольно интересной и занимательной. При изучении текстов белорусских сказок возникает множество методических вопросов. Например, название сказки «Піліпка-сыноч» может предполагать просто обращение внимания студентов на тот факт, что Пилипка – это уменьшительно-ласкательный вариант имени Пилип. Можно расширить лингвострановедческий комментарий: Пилип – это белорусский вариант русского имени Филипп.

Таким образом, первостепенная задача преподавателя русского языка как иностранного в реалиях белорусской действительности заключается в предупреждении эффекта неожиданного столкновения иностранцев с белорусским языком.

ЛИТЕРАТУРА

1. Батракова, Н.Н. Миг бесконечности: роман. В 2 т. Т. 1, ч. 1 – 2 / Наталья Батракова. – Минск : Регистр, 2012. – 384 с.
2. Гридюшко А. «Уваходзьце, калі ласка!», или Как туристу понять белорусский язык / А. Гридюшко [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.holiday.by/blog/2637>. – Дата доступа : 14.04.2018.
3. Назарова, И.В. Из опыта обучения РКИ в условиях отсутствия языковой среды / И.В. Назарова [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://elibrary.ru/item.asp?id=21702947>. – Дата доступа : 14.04.2018.
4. Щербаков, Ю.Н. Может ли языковая среда научить иностранному языку? / Ю.Н. Щербаков [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://e-ropa.ru/faq/faq-15.html>. – Дата доступа : 14.04.2018.

Кошарная С.А.

*ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», Белгород (Россия)
e-mail: kosharnaja@bsu.edu.ru*

УДК 81 ' 28

О лингвокультурной специфике языкового пограничья (на материале региолекта Белгородчины)

Kosharnaya Svetlana Alekseevna

Belgorod state national research University, Belgorod (Russia)

UDC 81 ' 28

About the linguistic and cultural specifics of the language borderland (based on regiolect of Belgorod region)

Специфика региолекта и говоров Белгородской области в первую очередь связана с тем, что в них переплетены элементы русских и

The specificity of the regiolect and dialects of the Belgorod region is primarily due to the fact that they are intertwined elements of Russian and

украинских диалектов. В то же время, как показывает фактический материал, белгородские говоры в своей основе являются русскими, но в своем развитии сопрягаются с диалектами территорий позднего заселения и по своим языковым «приметам» выходят за границы материнских говоров.

Ключевые слова: Белгородская область, региолект, диалект, регионом, диалектизм, украинизм.

Ukrainian dialects. At the same time, as the actual material shows, Belgorod dialects are basically Russian, but in their development they are similar to dialects of the territories of late settlement and in their linguistic «signs» they go beyond the boundaries of maternal dialects.

Keywords: Belgorod region, regiolect, dialect, regionym, dialecticism, ukrainism.

Особое место в современных диалектологических исследованиях занимают говоры пограничья. Так, специфика белгородских говоров в первую очередь связана с тем, что в них переплетены элементы русских и украинских диалектов. Это сосуществование и взаимодействие предопределило довольно сложный диалектный ландшафт территории Белгородской области, некогда частично входившей в Харьковскую губ. и включившей в свой состав территории бывш. Курской и Воронежской губерний. В силу этого исследование различных групп диалектной и областной лексики Белогорья представляет интерес не только в региональном, но и в более широком, общерусском, контексте, поскольку в диалектах Белгородчины, в их становлении и эволюции отражена сама история России и особенности порубежья с Украиной.

Целый ряд районов области граничат с Украиной: *Краснояржский, Грайворонский, Борисовский, Белгородский, Шебекинский, Волоконовский, Валуйский, Вейделевский и Ровеньской*, то есть почти половина районов области в языковом плане находятся в тесном взаимодействии с украинскими говорами. В речи сельских жителей, особенно старшего возраста, употребляются такие номинации, как *шля́х, як, трóшки, хай* и др.

С другой стороны, говоры Белогорья отличаются известной традиционностью: здесь фиксируется языковая архаика: *тя́мка* – ‘смекалка’, ср. *тям* – ‘разум, ум’; *калю́жа* – ‘лужа’, ср. с названием города *Калуга*; полногласный вариант *во́рог* – ‘враг’; *берéмя* – ‘охапка колосьев’ и т.п.. Архаика в говорах Белогорья проявляется не только на уровне лексики, но и в фонетике и грамматике: отсутствие фонем <Ф> и <Ф’>, что уходит корнями в языковое прошлое,

но проявляется и в современной лексике (*конхвѣта* – ‘конфета’; *пляшка* – вместо *фляжка*), переход в 1-ое склонение существительных бывшего склонения на *-й: *церква, морква*; рефлексы старых русских окончаний имен прилагательных с наложением южнорусского аканья: *толстай, хорошай* (из др.-рус. *тѣлстой, хорѣшой*) и т.п.; старые глагольные формы изъявительного наклонения в 3 лице наст./буд. простого времени: (он) *несеть* (с мягким финальным согласным и без перехода Е в О), (он) *ходить* и т.п. Достаточно регулярно фиксируются характерные южнорусским говорам факты яканья, мягкого шоканья и др. (*пятух, нявѣста* и др., *дѣвоцка, щѣтоцка* и подоб.).

В ряду собственно-диалектной лексики выделяется значительная группа этнографизмов: *бархатник, велѣк, дежа, понѣва, саян, сорока, павлины, чаплейка, хата* и мн.др. Такие слова могут присутствовать в словаре литературного языке, но с пометой *обл.*, например *хата, панѣва*.

И в этой связи встает «основной вопрос»: каким образом следует квалифицировать этот неоднородный сложившийся в пределах Белгородчины особый региолект, в котором будто бы присутствует значительное количество прямых заимствований.

В течение последних лет нами осуществлялась работа над «Опытом областного словаря Белгородчины» [1] и лингвокультурологическое описание диалектного и регионального материала с разграничением диалектизмов и регионимов. По нашим подсчетам, украинизмы и варианты слов, возникшие под влиянием украинского языка, составили 651 единицу из общего количества вошедших в словарь знаменательных и служебных слов (3709 словарных статей), что соответствует 17,6%. Из 175 регионимов украинизмы и украинизированные варианты русских слов составили 43 лексемы, что соответствует 24,6% от корпуса выявленных регионимов.

Многие из таких номинаций демонстрируют способность к генерированию онимов: фамильных антропонимов, топонимов. Например, заимствованный из украинского языка фитоним *гáрбуз* становится основой для фамильных антропонимов *Гарбуз, Гарбузов*, бытующих на территории области. На территории области существует село *Гарбузово* (Алексеевский район). Равным образом, вариативные фитонимы *кавун* и *каун* становятся базой для фамилий *Каун, Кавун*.

В то же время вопрос о квалификации так называемых «украинизмов» в белгородском региолекте и диалектах далеко не всегда может быть решен однозначно, по крайней мере, в диахронии. Например, считать ли украинизмом лексемы *ведмедь*? С одной стороны, это полное соответствие современному украинскому слову. С другой стороны, зооним в данной огласовке употреблялся еще в древнерусском и может быть осмыслен как архаизм.

Таким образом, вдруг оказывается, что украинизм украинизму рознь, и не всегда бытование того или иного слова, имеющего аналог в украинском языке, следует связывать с заимствованием. В частности, это демонстрируют сравнения с элементами говоров, далёких от пограничья с Украиной.

Даже такие «очевидные», казалось бы, заимствования из украинского, как *бурак/буряк* могут быть осмысленны и как исконные для русских говоров образования в силу их широкого распространения по собственно русской территории. Так, согласно СРНГ, данная лексема функционирует в обоих вариантах не только в южнорусских говорах, но и в среднерусском диалектном пространстве: тверские, новгородские, псковские говоры (из последних слово, видимо, заимствуется на территорию Прибалтики) и даже в севернорусском ареале: ярославские говоры. Исходя из этого, существует возможность «обратного» заимствования: не из украинского в русские говоры, но из русского языка – в украинский язык. Либо перед нами факт, восходящий к общему для двух народов древнерусскому истоку.

Таким образом, сталкиваясь с «украинизмами», в каждом конкретном случае необходимо пытаться ответить на вопрос: что из указанных лексем действительно считать заимствованием, а что не является привнесённым. Это возможно определить посредством сопоставления не только с фактами украинского языка, но и с материалами других диалектных словарей и архаичных русских говоров.

В случаях очевидного заимствования из украинского языка в белгородские говоры речь, как правило, идёт о непротиворечивом сосуществовании элементов двух языков, что проявляется в обилии лексических вариантов. То есть можно говорить о двух близкородственных источниках внутри особой региональной разновидности языка. Как следствие, факты лексического параллелизма, типа *воробей – горобчик*, *вядро – цеберка* и подоб., наблюдаются внутри диалектных микросистем, в пределах одного говора или в соседствующем

ших и взаимодействующих диалектах, то есть в системах, связанных непосредственной речевой практикой.

При этом в неофициальном общении население региона различает – с опорой на особенности речевой самопрезентации – так называемых «москалей» и «хохлов» – в местной этнической «терминологии», при этом указанные местные этнокультурные «термины» лишены оценочной коннотации и воспринимаются как нормативные маркирующие именованья. И здесь факт языковых различий оказывается ведущим.

В своё время мне довелось неоднократно бывать на русском Севере, где в селах и в конце XX века самими жителями отчетливо выделялись русский и коми концы. Аналогичную картину мы можем наблюдать в некоторых сёлах Белгородской области, в которых вычленяются русская и украинская территории.

И всё же в большей мере речь идет не о противопоставлении, а взаимопроникновении двух близкородственных языковых систем, что проявляется, помимо прочего, в фамильной антропонимике, где весьма показательными оказываются внутрисловные межъязыковые «пересечения». Так, от основы *хохол* образуется фамилия *Хохлов* (с русским патронимическим формантом *-ов*). Известно, что фамилии на *-ов/ев* относятся к образованным от личных прозвищ [3, с.117]. В то же время от основы слова *москаль* образуется фамилия *Москаленко* (с украинским фамильным формантом *-енко*). По наблюдениям Т.Н. Романовой, изучавшей российские фамилии украинского происхождения, фамилии на *-енк-о* типа *Бондаренко* встречаются прежде всего в восточных и северо-восточных областях Украины [2], то есть на территории, которая еще в XIX веке номинируется как Малороссия.

Примечательны и экстралингвистические данные: по переписи населения от 2010 года основную долю жителей области составляют русские (94, 4%), на втором месте – украинцы (2,8%). Как видим, это соотношение коррелирует с количеством русизмов и украинизмов в составе белгородских диалектов и региолекта в целом: 82,4 % русизмов и 17,6% украинизмов и вариантов, возникших под влиянием украинского языка.

Показателен ещё один культурно значимый лексический пласт, отражающий специфику Белогорья как территории пограничья, – местная топонимика.

Известно, что территория ряда районов современной Белгородской области в XVI-XVII веках заселялась украинскими переселенцами из числа слобожан Правобережья Украины. В то же время первыми переселенцами здесь были русские люди из современных Орловской, Тульской областей и некоторых других областей: переселенцы несли караульную службу и одновременно занимались земледелием, скотоводством и бортничеством. Поскольку это были служивые люди (стрельцы, пушкари), специфика их воинской деятельности нашла отражение в топонимике области: с. *Стрелецкое*, с. *Пушкарное*, с. *Драгунское*. Подобные топонимы фиксируются по всей засечной черте, но в Белогорье обнаруживается своеобразие таких ойконимов, проявляющееся в их грамматическом оформлении. Так, в Тульской области, где для охраны государственных границ также селились служивые люди, имеются ойконимы *Пушкари*, *Стрельцы* и подоб., омонимичные формам множественного числа нарицательных имен *пушкари*, *стрельцы*. На Белгородчине аналогичные топонимы оформляются как прилагательные, согласуемые со словом *село* (*Пушкарное*, *Стрелецкое*, *Казацкое*), подчеркнём: *село* (ср.р.), а не *слобода* (что детерминировало бы женский род субстантива).

Данное наблюдением вновь подтверждает гипотезу о том, что исторически основу региолекта Белогорья составили прежде всего русские говоры.

Можно полагать, что на момент возникновения белгородских говоров украинского языка как самостоятельного этнолингвистического образования еще не существовало, а потому речь должна идти об историческом взаимовлиянии южнорусских (и даже среднерусских – как привнесенных, исходя из особенностей заселения края) и малороссийских диалектов, сложившихся на территории слободской окраины Российского государства.

Можно с уверенностью говорить о сохранении на окраине государства архаичных языковых черт в силу удаленности от центра, что характерно окраинным говорам вообще, в частности, окраинным севернорусским диалектам и говорам территорий позднего заселения. И белгородские диалекты в своей специфике сопрягаются с диалектами территорий позднего заселения (системные параллели, имеющиеся в говорах Белогорья, Русского Севера и Урала еще только предстоит осмыслить и описать диалектологам) и выходят по своим языковым чертам за границы материнских говоров. Дан-

ный факт обуславливает перспективность не только синхронического, но и диахронического описания региолекта Белгородчины.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кошарная С.А., Алейник А.С., Медведева А.И. Опыт областного словаря Белгородчины. Дифференциально-сопоставительный словарь: 3 700 слов / Под общ. ред. С.А. Кошарной. Белгород: ООО «Эпицентр», 2017. 335 с.

2. Романова Т.Н. Российские фамилии украинского происхождения: Дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 Чебоксары, 2001. 242 с.

3. Унбегаун Б.О. Русские фамилии / Под общ. ред. Б. А. Успенского. М.: «Прогресс», 1995. 443 с.

Красовская Н.А.

*ФГБОУ ВО «Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого», г. Тула (Россия)
e-mail: nelli.krasovskaya@yandex.ru*

УДК 811.161. 1' 28

Создание словаря диалектной лексики в современных условиях

Krasovskaya Nelli Alexandrovna

*Tula state pedagogical University named after L. N. Tolstoy,
Tula (Russia)*

UDC 811.161. 1' 28

Creating a dictionary of dialect vocabulary in modern conditions

В статье рассматриваются главные вопросы составления словника диалектного (регионального) словаря в условиях стремительного разрушения архаических диалектных систем. До сих пор не создано лексикографического описания тульской диалектной лексики. Издание словаря дифференциального типа связано с решением целого ряда проблем: разграничением диалектной и просторечной лексики, включением в состав словника промысловой лексики.

In the article addressed the main issues of making vocabulary dialect (regional) dictionary with the rapid destruction of the archaic dialect systems. Still not established lexicographic description Tula dialectal vocabulary. The edition of the dictionary of the differential type is associated with a number of problems: distinguishing dialect and vernacular language, inclusion in the vocabulary of commercial vocabulary.

Ключевые слова: диалект, словарь, тульские говоры, лексикография, диалектология.

Keywords: dialect, dictionary, Tula dialects, lexicography, dialectology.

Ф.П. Филин, член-корреспондент АН СССР, наш земляк, уроженец д. Селино Дубенского района Тульской области, чье 110-летие со дня рождения мы отмечаем в этом году, в «Проекте «Словаря русских народных говоров»» писал: «В лексике говоров нашла яркое отображение многовековая история народа во всех своих местных проявлениях, следовательно, словарь говоров является ценным источником не только для языковеда, но и для историка, этнографа, археолога, литературоведа» [5, с. 5]. С этими словами невозможно не согласиться. Массовое обращение к составлению диалектных словарей и сбору материалов для подготовки и издания «Словаря русских народных говоров» породило и серьезную работу в различных регионах нашей страны по подготовке и изданию региональных диалектных словарей. Во второй половине XX века выходят такие известные словари, как «Словарь орловских говоров», «Псковский областной словарь», «Полный словарь говоров Сибири», «Словарь смоленских говоров», «Архангельский областной словарь» и другие, над многими из которых работа еще продолжается.

Однако деятельность по подготовке и составлению словаря диалектных лексических единиц, бытующих в тульских говорах, в середине и второй половине XX века не была должным образом осуществлена. На наш взгляд, причинами образования такой лексикографической лакуны стали следующие: 1. В связи с принятым на вооружение в диалектологии с середины 60-х годов XX века положением о диалектном членении русских говоров, при котором вводилось понятие межзональных групп, тульская группа говоров стала классифицироваться именно таким образом. Тульские говоры осознаются как говоры переходного типа, которые не имеют значительных оригинальных диалектных лексических особенностей. 2. Ко второй половине XX века на кафедре русского языка Тульского государственного педагогического института (затем университета) им Л.Н. Толстого не сложилась творческая команда диалектологов, ставившая бы перед собой исследовательские задачи, направленные на составление словаря тульских говоров [1, 2]. В это время кафедра приступила к разработке частотного словаря «Войны и мира» Л.Н.

Толстого, что, конечно, заставило в определенной мере переключить интересы в иную сферу.

Все вышеуказанное привело к тому, что во второй половине XX века словарь тульских говоров не был создан. В течение последнего десятилетия XX столетия и первого десятилетия XXI века, на наш взгляд, сложились более благоприятные условия для подготовки материалов и составления Словаря тульских говоров. К этому времени в лингвистической науке более пристальное внимание было обращено к вопросам антропоцентрической парадигмы, проблемам отражения в языке этнических и историко-культурных фактов. В это же время образовался и круг лингвистов, чьими научными интересами стало составление словаря.

Заранее было определено, что Словарь может быть опубликован только после апробации так называемых «Материалов к словарю тульских говоров». Именно поэтому основная работа в процессе подготовки Словаря была нацелена на сбор информации, формирование картотеки, подготовку иных данных для «Материалов к словарю...». Необходимость подготовки и издания таких «Материалов...», как теперь уже показало время и показала практика, было вызвано не только необходимостью систематизации, накопления, доработки самого словника, но и формированием системы помет, структуры словарной статьи и макроструктуры словаря. На начальном этапе подготовки также было решено, что словарь будет относиться к словарю дифференциального типа, то есть максимально будет включать в свой состав диалектную, региональную лексику. В период с 2008 по 20017 год было подготовлено и издано 7 выпусков «Материалов к словарю тульских говоров», в 2015 году увидел свет первый выпуск «Словаря тульских говоров».

Авторский коллектив после указанной проделанной работы не перестает совершенствовать подходы к составлению словаря и находится в постоянном поиске новых лексем, иллюстраций, способов оформления и подачи материала.

Остановимся на некоторых особенностях составления диалектного словаря в современных условиях. На сегодняшний день абсолютно понятно, что многие диалектные лексические факты перешли к группы так называемой устаревшей лексики, их можно отнести к своего рода диалектным историзмам. Такие лексемы называют предметы быта, одежды, орудия труда, действия, которые на данный момент оказываются не актуальными для носителей говора,

они уходят в историю. Но мы прекрасно понимаем, что не включать подобную лексику в словарь нельзя, потому что она представляет собой интерес с точки зрения изучения культуры, традиций региона, его исторического прошлого, такие лексические единицы могут сказать много интересного и о формировании самих тульских говоров. Помимо этого, лингвисты неоднократно наблюдали факты возвращения историзмов в активное употребление в связи с теми или иными социальными изменениями. Все это свидетельствует о важности включения такого корпуса лексем в словник словаря. Подобного рода лексический материал в большом количестве выбирается нами из исторической, краеведческой, этнографической литературы. К таким источникам можно отнести следующие источники: Л.Н. Иванова. Деревня, которой нет. По следам героев И.С. Тургенева (Тула, 1991); Тульская область. Одоевский край: Очерки прошлого и настоящего (М., 2007); Н.А. Щеглова. Технический словарь тульских оружейников XVII–XVIII веков (М, 2004); «Как под яблонькой такой...» // Материалы фольклорно-этнографической экспедиции Детской школы искусств № 9 им. М.А. Балакирева г. Москвы в Богородицкий район Тульской области (М., 2003); Барбашов Е.Р. Материалы по топонимике Белёвского района Тульской области. (Тула, 2011); Прокопец О.Н. Традиционная культура Тульского края. (М., 1998); Прокопец О.Н. Художественная культура Тульского края. – (Тула, 2001); Троицкий В.М. Очерки семейной хроники. В 3-х частях. (Тула, 2005) и мн.др.

Приведем примеры лексем, вышедших из активного употребления, но называющих предметы быта старой эпохи, ритуальные действия и др.: **САЛАМАТА** –*ы, ж.* 1. Сладкое заваренное тесто из любой муки. Богор. *Гречишную саламату ели, сладкую, как патока.* (с. Малёвка, Богор.). 2. Кушанье из прожаренной (часто с салом) муки. *3 февраля в селениях Тульской губернии, после Сретенской оттепели, рачительные хозяева начинали починивать летнюю сбрую, ездовую и пахотную... варилась в этот день семейная саламата, дорогое и лакомое кушанье поселян. Тогда-то говорят: «Приехала саламата во двор, расчинай починки!»* (Панкеев). *И постную пищу мы ели с удовольствием: овсяный и гороховый кисель, соленые грибы, кочанная капуста, солодуха, квас с редькой или хреном, суп с грибами, суп из головизны. Гречневая или пшеничная каша с конопляным маслом, саламата, тюря из сухарей.* (Запись 1980-х гг.). **ГРУЛЁВКА** –*и, ж.* Шаль, обычно богато украшенная мелким

красным или другим ярким рисунком, с центральным узором в виде черного креста или черной, красной розы. Одоев. *Шаль огромная, грулёвка, у меня вот Елена Владимировна ее берёт. Вот это грулёвка, одинаковых ни у кого не было.* (с. Стояново, Одоев.).

Нельзя сказать, чтобы выборка подобных единиц не сопровождалась решением ряда вопросов. Например, для нас до сих пор весьма сложным моментом является определение диалектной отнесенности некоторых единиц, выбранных из произведений конца XVIII-начала XIX века. Материалы этого периода сложно поддаются лексикографическому анализу по объективным причинам.

Но диалектные историзмы встречаются и в воспоминаниях диалектоносителей как составная часть рассказов о прошлом. Подобные материалы фиксируются нами в ходе полевой работы.

Многие лексические единицы, составляющие основной массив картотеки словаря, находятся в активном употреблении, о чем свидетельствуют примеры их использования носителями тульских говоров. К таким лексемам, например, могут быть отнесены: **ЁЛКА** – и, ж. Обряд. Дерево или толстый кустарник, который украшали на девичнике за два дня до свадьбы. *Тогда дерево украшали, вон. Репей, только знаете, когда это было? Это за два дня до свадьбы. Называли девичник. Там девочки собирались, у них украшения. И они наряжали ёлку.* (с. Нарышкино, Т-Огар.). **СУХМЕ'НЬ** –и, ж. Засуха. Повсеместно. *Ой сухмень прошлый год была, как прям выжили, не знаю, всё прям горело.* (п. Ильинка, Лен.). *А хоть дожди идут, хоть такой сухмени-то особа нету.* (с. Кузовка, Богор.).

Казалось бы, именно эта группа не должна вызывать сомнения, однако большой проблемой является разграничение диалектных лексических фактов и диалектно-просторечных, просторечных. Несмотря на то, что основной принцип отбора лексического материала для словаря – это принцип дифференциальный, все-таки мы считаем, что словарь, создаваемый в современных условиях, должен включать в себя и те единицы, о которых мы говорим, то есть находящиеся на грани просторечных и диалектных фактов.

Вслед за принципами, сформулированными при подготовке проекта «Словаря русских народных говоров» Ф.П. Филиным, мы активно включаем в словник словаря единицы, относящиеся к языку фольклора, к терминологической базе тульских промыслов. В связи с обращением к этим группам слов также возникают проблемы, которые решаются нами в пользу включения ряда лексем в словник:

например, мы стараемся толковать лексические единицы пряничного, самоварного или оружейного производств. Считаем, что если эти единицы активно употребляются в тульском регионе, понятны его жителям, то включение таких слов в словарь вполне оправдано.

Новациями нашего словаря стало широкое обращение к корпусу единиц «Словаря русских народных говоров» и «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля. Дело в том, что мы, опираясь на старую кафедральную картотеку, имеем недостаточно материала, поэтому приходится активно заниматься не только исследовательской полевой работой, но и делать выборку лексем с пометой «тул.» из известных сводных диалектных словарей. В этом случае мы включаем в словарную статью отсылку (СРНГ) или (Даль). Иногда принципиально важным становится привлечение иллюстративного материала из указанных словарей. Этот материал также сопровождается пометами. Мы считаем, что подобная выборка тульского материала из сводных словарей в современных условиях оправдана, так как она осуществляется в том случае, когда из других источников данные лексем не были выбраны. К сожалению, добиться хотя бы относительной полноты словника диалектного словаря в современных условиях, по нашему мнению, невозможно без осуществления подобной выборки.

Активно в качестве иллюстративного материала при подготовке словарных статей словаря привлекается материал художественной литературы. Естественно, что мы ориентируемся на художественные тексты писателей-туляков, в чьем творчестве в той или иной степени представлена тульская диалектная лексика. Выбранные нами диалектные лексем проверяются на предмет их локализации по сводным диалектным словарям. Если при обращении к словарям мы находим указание на тульскую (в некоторых случаях - калужскую) локализацию, то такую лексему включаем в словник и в качестве иллюстративного материала привлекаем художественный контекст. Бывают несколько иные случаи, когда лексема фиксируется нами как в художественном произведении, так и в других источниках, например, в этнографической или краеведческой литературе, но иллюстрация отсутствует, поэтому мы в этой ситуации привлекаем текст художественного произведения. Иногда мы сталкиваемся с последующим подтверждением лексического материала в ходе его фиксации при полевой экспедиционной работе. Приведем некоторые примеры. Например, лексема *варок* в значении «огороженное

место для скота; загон, хлев, скотный двор» наряду с примером из Одоевского района снабжена и толстовским примером, подтверждающим значение: «*Полюбовавишись знакомыми ему до малейших подробностей коровами, Левин велел выгнать их в поле, а на варок выпустить телят*» (Анна Каренина). Слово *ворочаться* в значении «возвращаться» наряду с примером из записи живой диалектной речи «*Хорошо, старшие с сенокоса ворочались*» имеет и толстовский пример употребления: «*Стало, ворочаться? – повторил ямщик. – Да, да. Ворочайся!*» (Метель).

Еще одной особенностью разрабатываемого нами словаря становится обращение к диалектному лексическому материалу приграничных с тульскими говорами территорий. В этом случае мы не изменяем структуру словаря, а лишь придерживаемся мнения, высказанного в ряде работ Е.А. Нефедовой. Она считает, что так называемые региональные словари по своему характеру являются словарями полидиалектными. Полидиалектные словари представляют реальную диалектную языковую систему или её часть, существующую на определённой территории, и, в отличие от односистемных словарей, не могут рассматриваться как аналог частной диалектной системы. Однако, по наблюдениям диалектологов, полидиалектный словарь отображает диалектную систему систем (или её части), распространённую на территории, не всегда точно совпадающей с границами, например, групп говоров, поэтому в такого типа словарях могут содержаться элементы разных диалектных систем (например, проникают лексические факты соседних групп говоров). Но это не означает, что полидиалектные словари имеют некоторые отступления от принципа системности, как раз наоборот, полидиалектные словари, включая лексику разных частных диалектных систем, представляют собой некую модель, отображающую сосуществующие лексические и семантические элементы диалектной системы систем [3]. Сама административная территория Тульской области претерпевала в течение XX века значительные трансформации, ее границы изменялись. Помимо этого, напомним, что тульские говоры – это говоры переходного типа. Именно поэтому мы привлекаем в словарь языковой материал, который был нами зафиксирован в сельских населенных пунктах тех районов, которые административно входят в Тульскую область, но, согласно существующему диалектному членению, относятся к иным группам говоров. Это обыч-

но бывают населенные пункты, расположенные недалеко от прохождения условных границ тульских говоров.

Таким образом, процесс подготовки, составления и издания диалектного словаря в современных условиях – это длительный и сложный процесс, связанный с целым рядом объективных трудностей (диалекты – «исчезающая реальность», разрушение системы традиционного проживания в сельской местности, значительные миграционные процессы и т.д.), с решением ряда научных проблем, которые регулярно возникают при отборе единиц для словарной базы.

Однако нам представляется, что издаваемый «Словарь тульских говоров» имеет большое значение по целому ряду причин: позволяет обратиться к фактам культуры, истории региона; дает возможность оценить многие факты, которые воспринимаются как явления языковой истории; способствует анализу диалектной лексической системы. Процесс создания словаря подобного типа в современных условиях вызывает к жизни многочисленные смежные исследования, связанные с рассмотрением различного рода мемуаров, текстов-воспоминаний, этнографических и фольклорных текстов, исследования, направленные на изучение местных промыслов и традиций, анализ городского просторечия и т.д. Именно поэтому мы считаем, что, несмотря на многочисленные сложности, издание диалектного словаря – это достойная, сложная, но необходимая научная работа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Красовская Н.А. Составление Словаря тульских говоров: основные проблемы // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия «Филология». Вып. 1 (41). – М., 2015. С. 71-82.

2. Красовская Н.А. Тульская диалектная лексика: проблемы составления словаря // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Филология и искусствоведение. – Киров: 2011, № 1(2). С. 60-67.

3. Нефедова Е.А. Многозначность и синонимия в диалектном пространстве: монография – М.: МАКС Пресс, 2008. 463 с.

4. Романов Д.А., Красовская Н.А. Словарь тульских говоров. Часть I: А-Д. – Тула: Изд-во ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2015. 229 с.

5. Филин Ф.П. Проект «Словаря русских народных говоров». – М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. 200 с.

Арефьева Н. Г.

*Одесский национальный университет
имени И. И. Мечникова, г. Одесса (Украина)
e-mail: n.arefieva@onu.edu.ua*

УДК 811.161.1'373.7'282.2 (477.74-13)

О диалектном фразеологизме *показывать горобцам дули*

Arefieva Natalia Georgievna
Odessa Mechnikov National University, Odessa (Ukraine)

UDC 811.161.1'373.7'282.2 (477.74-13)

About dialect phraseological unit *pokazyvat' horobtsam dooli*

Исследование посвящено анализу внутренней формы диалектного фразеологизма "показывать горобцам дули", зафиксированного в русских говорах Одесщины. Автор приходит к выводу о том, что в основе фразеологизма лежит этнокультурное содержание его компонентов, отражающих мифологическое сознание древних славян

Ключевые слова: диалектная фразеология, фразеологизм, этнокультурное содержание, народная культура, русские говоры Одесщины

*The investigation is dedicated to analyzing of the internal form of the dialect phraseological unit **pokazyvat' horobtsam dooli**, which is fixed in the Russian dialects of Odessa region. The author comes to conclusion that the basis of this phraseological unit is ethnic and cultural content of its components, which reflect the mythological perception of the ancient Slavs.*

Key words: dialect phraseology, phraseological unit, ethnic and cultural content, folk culture, Russian dialects of Odessa region

В Словаре русских говоров Одесщины находим устойчивое сочетание **показывать горобцам дули**, употребляющееся в значении 'бездельничать' и сопровождающееся примером употребления: *Паказует гаратцам дули* (Павлов.) [СРГО, т. 1, с. 140]. Пытаясь решить вопрос о внутренней форме данной фразеологической единицы (далее ФЕ), мы предположили, что в её основе – этнокультурное содержание именных компонентов **дуля** и **горобец**. Принимая во вни-

мание тот факт, что слова **горобец, горобей** в значении ‘воробей’ [Там же] заимствованы из украинского языка, нами была предпринята попытка найти ФЕ с тождественным значением прежде всего в близкородственном украинском языке, функционирующем в непосредственном соседстве с русскими говорами Одесского региона. Такой фразеологизм был найден: укр. **даватигоробцям дулі** – шутил. ‘сидеть без дела, слоняться, бездельничать’ [СФУМ, с. 176]. Отметим, что ФЕ **даватигоробцям дулі** широкоупотребительна в украинском языковом континууме, о чём свидетельствуют многочисленные примеры употребления. Ср. : *З школи його витурили, спасибі, що у школу-інтернат відправили, а то давав би по місту горобцям дулі* (Ю. Збанацький). *Інакше горобцям дулі даватимете й більше не на що не будете здатні!* (Ж. Куява). – *Дулі горобцям вже точно не даватиму, – резюмувала сестра, розсміявшись* (Ж. Куява). – *Де ти вештаєшся? Худоба не нагодована, кролям тре трави накосить, а вона десь лазить по підрах, горобцям дулі дає* (Л. Подерев'янський) [СФУМ, с. 176; НКУМ]. Однако внутренняя форма приведённых выше ФЕ остаётся всё же неясной.

Рассмотрим именные компоненты ФЕ **показывать горобцам дули** с учётом их этнокультурного содержания.

Воробей. Многочисленные русские, украинские и другие славянские ФЕ с компонентом «воробей» основаны на многовековых народных наблюдениях, о чём, к примеру, свидетельствуют высказывания диалектоносителей, сопровождающие толкование диалектных слов **горобец, горобей, горобяточки, воробец, воробчик, воробчиха**: *Гарабей в няволи ни живётъ* (Серг.). *Гарапцысемички так и жмуляють* (Ст. Некр.). *Гарапцыфседиревья апсели* (Б. Бур. , Ст. Некр.). *Гарабяточки* (уменьш. ‘воробьишки’ – Н. А.) *сидять* (Усп.) [СРГО, т. 1, с. 140]. *Даже варабец таких чирвикоф ни клюётъ. Варапцоф варили, тианицы ни було* (Мирн.). *Кошка варопчика ловить* (Мур.). *Варопчикивышнюклюють* (Вас.). *Он варабец, а ана – варапчиха* (Мирн.) [СРГО, т. 1, с. 95].

Врусской этнокультуре воробей ассоциируется со всем мелким, ничтожным, не стоящим затраты времени и усилий; в основе метафоризации лежит сравнение «воробей – маленький». Ср. русск. шутил. : **воробьиный шаг** – ‘мелкий, короткий шаг’ [ФСРЯ, с. 36]; **короче воробьиного носа** – ‘очень мал, короток; непродолжителен’ [Молотков, с. 208]; **с воробьиный (сгулькин) нос** – прост. 1) ‘очень мало’; 2) ‘очень мал, невелик’ [Там же, с. 285]; **из пушки по воробьям**

ям стрелять – ‘затрачивать много сил, средств на что-л. , дающее ничтожные результаты’ [ФСРЯ, с. 231]; **воробью по колено** – разг. экспрес. ‘очень мелко (о водоёмах)’ [ФСРЛЯ, с. 75]. Ср. укр. : **і горобець у роті не наслідив** у кого – ‘кто-л. очень голоден, совсем ничего не ел’: *О. Василь . . . щохвилини повторював: Люди добрі! . . . дайте мені чистий спокій. Бо ви . . . їли, . . . а у мене ще й горобець у роті не наслідив* (Г. Хоткевич) [СФУМ, с. 162]; **виглянув як горобець з гнізда** – ‘появился на людях на очень короткое время’ [ССНП, с. 39], в основе которых – наблюдательность, знание повадок воробья. То же можно проследить и в русской фразеологии. К примеру, ФЕ **насказать воробья на сосне** – диал. ирон. ‘рассказать что-л. невероятное, абсолютно неправдоподобное’ представляет собой оксюморон, поскольку связана с тем, что воробьи никогда не садятся на сосну [ИЭС, с. 120]. Ср. также укр. ФЕ **проворний як ведмідь за горобцями** – полт., харьк. ‘о неуклюжем, неповоротливом человеке’ [ССНП, с. 20-21]; **спішисть як ведмідь за горобцями, повертається як ведмідь за горобцями** – с тем же значением [Там же, с. 20-21]; **спритний як пень за горобцями** – ив. -фр. ‘о медлительном, неуклюжем человеке’ [Там же, с. 112]; **повертається як пень за гороб’ями** – волын., с тем же значением [Там же]; **хуткий як медвідь за горобцями** – волын. ‘неуклюжий, неповоротливый’ [Там же, с. 90]; **ганяє як ведмідь за горобцями** – ‘безрезультатно бегаёт, бегаёт без толку’ [Там же, с. 20], в основе внутренней формы которых лежит одна из древнейших оппозиций «большой – маленький», часто используемая во фразеотворчестве при создании эффекта комичности, несуразности. Ср. русск. **пат с паташонокм, делать из мухи слона, как слон в посудной лавке** (поворачиваться и т. п.) и др.

А. И. Онуфрийчук, выделяя на материале украинской фразеологии ассоциативную параллель «человек – воробей», определяет положительные и отрицательные качества человека. К положительным автор относит *доброту (і в горобця є серце; хоч який горобець маленький, а серце має)* и *наличие опыта (старий (стріляний; обстріляний) горобець (птиця))*. К отрицательным – *безделье, лень (давати горобцям дулі), безрассудство (слово вилетить горобцем, а вернеться волом), трусость (сміливий як горобець в терені), беспричинную весёлость (веселий як горобець), зазнайство (горобця у полі заганяє), жадность (цей горобець на м’якому не сяде); легкомыслие (горобці в макітрі цвірінькають), необразованность*

(*дурному в голові все горобці свищуть*), *горделивість (на горобця не гляне)*, *слабость, неуверенность (такий з нього їдець як воробець)*, *хитрость (і воробець на м'яку галузку не сяде)* [6, с. 194-195]. Как видим, спектр ассоциативных связей воробья в украинской этнокультуре чрезвычайно богат. *Бедность, неустроенность* имплицитно ФЕ *бідний як горобець безперий* – ‘о совсем бедном человеке’ [ССНП, с. 39]; *живе як горобець під стріхою* – ‘неустроенно живёт’ [Там же, с. 40]; *примостився як горобець в стрісі* – волын. , с тем же значением [Там же]. *О человеке-неудачнике* могут сказать: *молодець як печений горобець* – киев. , полт. , черниг. ‘неудачник’ [Там же, с. 95]. *О человеке, попавшем в тяжёлое положение*, скажут: *заплутався як горобець у ятері* – ‘попал в тяжёлое положение’ [Там же, с. 40]. *Глупость, неуместное поведение* в обществе или *неожиданное появление* кого-либо эксплицитно ФЕ *вилетів як горобець із стріхи* – 1) ‘сказал глупость’; 2) ‘неожиданно появился’ [Там же, с. 39]; *вискочив як горобець з конопель* – с тем же значением [Там же, с. 40]. Ср. укр. *вискочив як козак з маку*, где козак – один из важнейших символов украинской этнокультуры.

В польской этнокультуре воробья ассоциируются с множеством людей, любящих поговорить: *śpiewają otymwróblenadachu* – погов. ‘об этом все говорят; это всем известно’ [БПРС, т. 2, с. 539], а также являются символом обычного, простого, самого необходимого: *lepszywróbelwreku niż sokół naseku* – посл. ‘лучше синицу в руки, чем журавля в небе’ [Там же].

Как видим, образ воробья в славянской лингвокультуре обладает широкими ассоциативными связями и метафорически переосмысливается на основе сравнений и многовековых наблюдений за его повадками. Тем не менее в научных исследованиях неоднократно отмечалась амбивалентность этого образа в народной культуре [ИЭС, с. 481; 4, с. 146-147, УМ, с. 114], в основе которой – связь воробьёв с нечистой силой. Так, В. И. Коваль в книге «Восточнославянская этнофразеология: деривация, семантика, происхождение» отмечает: воробей в этнокультурной сфере характеризуется амбивалентно. С одной стороны, он является воплощением здоровья, жизненной силы, урожая, плодovitости, с другой – устойчиво связан с представлениями о болезнях, зле, нечистой силе в целом [цит. по: ИЭС, с. 481]. Ср. ФЕ *воробьиная (рябиновая) ночь* – 1) ‘ночь с непрерывной грозой или зарницами’: *Бывають страшные ночи с громом, молнией, дождём и ветром, которые в народе называют во-*

робыньными (А. Чехов); 2) ‘самая короткая летняя ночь’ [ФСРЯ, с. 36]. Недаром, по народным поверьям, *воробьиная (рябиновая) ночь* – ночь, когда нечистая сила справляет свадьбу [УМ, с. 114]. Подобный мотив находим и в других славянских «метеорологических» ФЕ. Ср. русск. *чёртова (бесовская свадьба)* – устар. ‘о снежной метели, вихре’ [ИЭС, с. 625], болг. ФЕ *мечка се жени* (букв. медведь женится), болг. диал. *заека се жени* (букв. заяц женится); *дявола се жени* (букв. дьявол женится); *лисицата се жени* (букв. лисица женится); *таралежа се жени* (букв. ёж женится), употребляющиеся для обозначения ситуаций, при которых одновременно идёт дождь и светит солнце [ФРБЕ, т. 1, с. 58]. Брачная символика присуша и воробью [4, с. 146-147].

Амбивалентность восприятия воробья в народной культуре подтверждает и возможная, с нашей точки зрения, этимологическая связь между словами *воробей* и *рябой, рябина*. Как известно, ФЕ *воробьиная ночь* и *рябиновая ночь* семантически тождественны. В научной литературе *воробьиная / рябиновая ночь* традиционно связывается с признаком ‘рябая, пёстрая’. Как отмечает В. И. Коваль, в сфере народной духовной культуры прилагательные *рябой, пёстрый* характеризуют предметы и явления, связанные с негативными представлениями: изменчивостью, лживостью, несчастьем, горем, болезнью, нечистой силой, смертью [цит. по: ИЭС, с. 481]. Поскольку рябиновая ночь как природное явление воспринималась людьми как страшное, жуткое событие, как ночь, когда «гуляют черти», употребление адъективного компонента *рябовая* (т. е. пёстрая – Н. А.) (бел. *рабікава*, укр. *рабова*) в данном случае вполне закономерно и мотивировано, – отмечает учёный [Там же]. А. Л. Топорков и Т. А. Агапкина, отмечая, что слова *воробей* и *рябина* не связаны этимологически [1, с. 245], предполагают, что первоначальной формой сочетания *воробьиная ночь* было *рябинная ночь*, т. е. ‘рябая, пёстрая ночь’ – ночь со вспышками молний, с грозой или без неё [Там же]. Сопоставляя летописные тексты с белорусскими данными XIX в., учёные приходят к выводу о том, что с *рябиновой ночью*, по видимому, «связывалось представление о своеобразной небесной битве». Внутренней формой термина *рябинный* авторы считают исходное значение ‘рябой, пёстрый’, подчёркивая, что в основе мифологической семантики *рябинной (рябиновой) ночи* могла быть связь «пестроты, мигания с мотивами потустороннего мира, мрака, слепоты, смерти» [Там же, с. 246]. Однако, следуя теории Е. М. Мо-

тузенко о протезах перед плавными, в основу которой автором положены закон сохранения одинаковых значений в системе родственных слов, закон сохранения диахронической связи между значениями, а также закон сходства семантической эволюции родственных и неродственных образований с одинаковым исходным значением [5, с. 75-76], можно сделать вывод об этимологическом родстве слова *воробей* со словами *рябина*, *рябиновый*, а также *рябой*, в основе которых лежит сема – *клевать* (*быть поклёванным*). Так, согласно этимологическим данным, слово *рябина* восходит к праслав. **rębъ* ‘наклёванный, пёстрый’, который развился из и. -е. **rembh-* – тожд. И. -е. **rembh-* содержит суффикс –bh и корень **rem / *rom* ‘рубить, бить’, ‘тюкать’. На славянской почве сочетание емдало носовой ę, суф. -bh утратил придыхание [ЭСРЯ, с. 365]. Именно этим родством объясняются, на наш взгляд, укр. *горобець* ‘воробей’ и *горобина* ‘рябина’, белорус. *вєрабєй* ‘воробей’ и *вєрабина* ‘рябина’, параллельное употребление русск. *воробьиная ночь* и *рябиновая ночь*. О связи слова *рябина* со словами *рубить* (в значении ‘клевать’), а также *рябой* в исходном значении ‘поклёванный’ свидетельствуют многочисленные примеры из неславянских языков. Так, лат. *рябина* – *Rowan/Rowan*, франц. – *rhubarbe*, исп. – *ruibarbo*, англ. – *rowan, rowanberry, rowan-tree*; нем. – *rhabarber*, лит. – *rabarbaras*. Ср. гр. *ροβιλλος* ‘род птицы’, нл. *robel* ‘воробей’ [ЕСУМ, с. 570]. Ср. также англ. *crow* ‘ворона’ (где *c* – возможная протеза перед плавным), рум. *vrabie* ‘воробей’, англ. *ripple* ‘рябить’, *ripples* ‘рябь’, рум. *loredana* ‘рябой’. С этой точки зрения *рябой* – изначально ‘переболевший оспой, то есть имеющий рубцы, напоминающие следы от клёва птицы’. В Толковом словаре живого великорусского языка В. И. Даля находим следующие выражения: *рябая тёрка* – ‘о человеке, попорченном с лица оспой, щедровитом’; *рябый, будто черти у него на рожке в свайку играли; будто черти на нём горох молотили; и ряб, да люб, и гладок, да гадок* [Даль, с. 124]. Ср. также *рябина*, *рябинка* ‘крапина, мушка, пятнышко; веснушка, выбоинка; щедринка на теле’, *рябить* ‘пестрить, кропить или натюкать, наклевать, делать пёстрым, рябым. Оспа рябит’ и погов. *Не твоему (не нашему) носу рябину клевать* [Там же]. Ср. также польск. *wusypka* ‘рябой’ и укр. *вісна* ‘оспа’. Ср. также нем. *krähen* ‘ворона’, *klatschen* ‘клевать’ и *ausschlag* ‘рябой’, где также прослеживается значение ‘поклёванный’.

Таким образом, можно сделать вывод, что слова *воробей*, *рябина*, *рябой* соотносятся между собой как имеющие первоначальное значение ‘клюющий’ и ‘поклёванный’, что получило широкое развитие на восточнославянской почве.

Рассмотрим теперь этнокультурное содержание компонента *дуля*. Этимологически слово восходит к праслав. **kъdulja* < **kъdinja*, в свою очередь, восходящего к греч. *κδωνιάμαλα* ‘айва’ (букв. яблоко из Кидона) [ЕСУМ, с. 487]. В славянских языках *дуля* и *айва* (*груша*) – родственные слова. Ср. укр. *гдуля* ‘айва’ и *идуля* ‘дуля’, а также *дуля* ‘сорт груши’; болг. *дюля*, *дуля*, *дуня* ‘айва’ и *идуля* ‘дуля’; серб. *дунье* ‘айва’ и *идоула* ‘дуля’; пол. *gdula*, *dula* ‘сорт груши’ и *idoula* ‘дуля’; чеш. *kdoule*, *gdoule* ‘айва’ и *idoula* ‘дуля’. Ср. также укр. : *Чомусь Ягнич був певен, що, як і перець, абрикоси, а ще більше оті зморщені чорні груші дулі* (выделены нами – Н. А.) *дають людині силу й довголіття* (О. Гончар) [НКУМ]. Формальное сходство слов, обозначающих *айву* (иногда *грушу*) и *дулю*, можно объяснить, по видимому, внешним сходством понятий.

В восточнославянской народной культуре *дуля* – апотропейное средство, средство защиты от нечистой силы, болезней, сглаза и т. п. Как отмечают А. Л. Топорков и А. К. Байбуурин, «роль кукиша как оберега от нечисти характерна и для восточных славян» [2, с. 102]. По справедливому замечанию В. В. Жайворонка, «давать кому-то дулю означает причислять его к нечистой силе» [4, с. 205]. По сей день широко распространён обычай подносить дулю к ячменю с целью избавиться от него. Известен также обычай держать дулю в кармане, чтобы избежать сглаза и т. п. Ср. также пример из украинской художественной литературы: *Гречники бігали взбіччя дивитись, і княжна, щоб не наврочили* (чтобы не сглазили – Н. А.), *всім сукала дулі* (І. Білик) [НКУМ].

Фразеологизмы со словом *дуля* (*фига*, *кукиш*), как правило, выражают высшую степень презрения, уничижения и насмешки в славянской фразеологии. Все они коннотированы резко отрицательно. Сравним, к примеру, следующие примеры: *Спечного літнього дня стоїть вона і руками своїми чорними дулі сучета в небо гаряче ними тицяє: «На тобі, на тобі, чортова душа, як нема у тебе порядку, ні на землі, ані на небі!»* (В. Дрозд). – *Матері твоїй дуля!* – ударивши по зашийкові воловика, сказав коваль і. . поволік його за собою на гору (П. Мирний) [НКУМ; СФУМ, с. 220]. Дать *дулю под нос* – грубо-прост. ‘ничего не дать, не заплатить кому-либо’ [ФСРЛЯ,

с. 173]. В современном обществе «фи́га относится к числу инвектив (оскорблений), которые могут быть выражены как жестами или позами, так и в словесной форме. Их смысл заключается в том, чтобы принизить социальный статус адресата или спровоцировать его на определённые действия» [2, с. 105]. Отметим, что как в русском, так и в украинском ФЕ с компонентом *дуля* являются достаточно распространёнными.

Вышеприведённые данные позволяют сделать следующие **выводы**. Внутренняя форма диалектной ФЕ *показывать горобцам дули* становится прозрачной благодаря этнокультурному содержанию её компонентов и связана с восприятием *воробья* в мифологическом сознании древнего человека как носителя нечистой силы и стремлением обезопасить себя с помощью древнего ритуального жеста – *дули*. Со временем утрата внутренней формы фразеологизма привела к переосмыслению основного значения и его метафоризации. Отметим также, что фразеологизм отличается высокой степенью экспрессивности, основанной на эффекте комичности, метком народном юморе. В этом ключе справедливым нам кажется высказывание Л. Ф. Баранник, вполне применимом и к устойчивым сочетаниям: «Наблюдения показывают, что заимствование экспрессивных слов из украинского языка и его говоров является одним из основных источников обогащения активного экспрессивного фонда русских островных говоров Юга Украины» [3, с. 95].

ЛИТЕРАТУРА

1. Агапкина Т. А. , Топорков А. Л. Воробьиная (рябиновая) ночь в языке и поверьях восточных славян // Славянский и балканский фольклор. М. : Наука, 1989. С. 230-253.
2. Байбурина А. К. , Топорков А. Л. У истоков этикета. Этнографические очерки. СПб. : Наука-СПб. , 1990. 166 с.
3. Баранник Л. Ф. Лексика русских переселенческих говоров Одесской области, функционирующих в разноязычном окружении: учебное пособие. Одесса: «Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова», 2015. 178 с.
4. Жайворонок В. В. Знаки української етнокультури : Словник-довідник. – Київ: Довіра, 2006. 703 с.
5. Мотузенко Е. М. Этимология и семантика. – Ch. : Vector, 2006 (Combinatul Poligr.). 368 с.

6. Онуфрійчук Г. І. Лінгвокультурний потенціал української етнофразеології: асоціативне поле «Людина в колі інших істот»: дис. на зд. наук. ст. к. філол. н. , спец. 10. 02. 01 – «Українська мова». К. , 2016. 261 с.

Источники

БПРС–Гессен Д. , Стыпула Р. Большой польско-русский словарь : В 2 т. / Д. Гессен, Р. Стыпула. 2-е изд. , испр. и доп. М. : Русский язык – В. : ВедзаПовшехна, 1979-1980.

Т. 1. – 1979. – 664 с.

Т. 2. – 1980. – 776 с.

Довідка –Довідка –Режим доступу: dovidka.biz.ua/gorobtsyam-duli-davati-znachennya/

ЕСУМ –Етимологічний словник української мови / Р. В. Болдирев та ін. АНУРСР. Інститут мовознавства імені О. О. Потебні. К. : Наукова думка, 1982. Т. 1. 632 с.

ІЭС –Бирих А. К. Русская фразеология: историко-этимологический словарь / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова / [под ред. В. М. Мокиенко]. 3-е изд. , испр. и доп. М. : Астрель : АСТ : Люкс, 2005. 926, [2] с.

Молотков –Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А. И. Молоткова. Изд. 2-е, стереотип. М. : Советская энциклопедия, 1968. 543 с.

НКУМ –Національний корпус української мови [Електронний ресурс]. – Режим доступу: www.mova.info/corpus.aspx

СРГО–Словарь русских говоров Одесщины / [ред. коллегия: проф. Ю. А. Карпенко (отв. ред.), проф. Уэмура, проф. Д. С. Ищенко, доц. Л. Ф. Баранник]: в 2 т. Одесса:АстроПринт. Т. I. : А-О. – 2000. 369 с. ; Т. II. : П-Я. – 2001. 293 с.

ССНП – Словник стійких народних порівнянь / О. С. Юрченко, А. О. Івченко. Х. : Основа, 1993. 176 с.

СФУМ –Словник фразеологізмів української мови / Уклад. В. М. Білоноженко та ін. Київ: Наукова думка, 2003. 788 с.

УМ –В. Войтович. Українська міфологія. Вид. 2-ге, стереотип. К. : Либідь, 2005. 664 с. ; іл.

ФРБЕ –Фразеологичен речник на българския език / К. Ничева, С. Спасова-Михайлова, К. Чолакова : В 2т. С. : БАН , 1974-1975.

Т. 1 – 1974. 759 с.

Т. 2. – 1975. 779 с.

ФСРЛЯ–Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII-XX вв. / под ред. А. И. Фёдорова. М. : «Топикал», 1995. 608 с.

ФСРЯ – Фразеологический словарь русского языка /сост. А. Н. Тихонов (рук. авт. кол.), А. Г. Ломов, Л. А. Ломова. 3-е изд. , стереотип. Изд-во «Рус. Яз. – Медиа». Москва,2007. 336 с.

ЭСРЯ – Цыганенко Г. П. Этимологический словарь русского языка. 2-е изд. , перераб. и доп. К. : Рад. шк. , 1989. 511 с

Бабровіч Т. С.

*Установа адукацыі "Беларускі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя Максіма Танка" (Беларусь)
e-mail:tanyabobrovich@yandex.ru*

УДК 811.161.1

Першасныя і другасныя намінацыі будаўнічай сферы сучаснай беларускай мовы (на прыкладзе назваў будаўнічых матэрыялаў)

*BabrovichTatsiana Sergeevna
Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank,
Minsk (Belarus)*

UDC 811.161.1

Primary and secondary nominations of the construction sector of the modern belarusian language (by the example of the names of building materials)

В статье раскрывается сущность процесса номинации. На материале строительных наименований показывается соотношение первичной и вторичной номинации данной сферы современного белорусского языка

Ключевые слова: номинация, первичная и вторичная номинация, семантическая деривация, производное, композиты.

The article reveals the essence of the nomination process. The ratio of the primary and secondary nominations of this sphere of the modern Belarusian language is shown on the material of building denominations.

Keywords: nomination, primary and secondary nomination, semantic derivation, derivative, composites.

З’яўленне і развіццё тэрміналогіі пачалося задоўга да яе навуковага лінгвістычнага ўсведамлення і выпрацоўкі крытэрыяў аднесенасці тых ці іншых адзінак да тэрміналагічнай лексікі. Гэтыя працэсы адбываліся на базе агульналітаратурнай мовы разам з узнікненнем і эвалюцыяй навуковых ці спецыяльных паняццяў, што дазваляе разглядаць тэрміналогію як частку агульнай лекічнай сістэмы мовы. Сістэма тэрміналагічных найменняў з’яўляецца дастаткова дынамічнай моўнай падсістэмай, паколькі навукова-тэхнічнае развіццё адбываецца непарарывна, узнікаюць новыя паняцці, якія маюць неабходнасць у намінацыі, у выніку чаго ўтвараюцца новыя тэрміны. Менавіта ў мове і праз мову індывід і грамадства ўзаемна дэтэрмініруюць адзін аднаго [1,с.27]. Як пісаў Г.В.Калшанскі, ”сутнасць намінацыі заключаецца не ў тым, што моўны знак абазначае прадмет ці нейкім чынам суадносіцца з прадметам, а ў тым, што ён рэпрэзентуе некаторую абстракцыю як вынік пазнавальнай дзейнасці чалавека [3,с.12].

Тэрмін ”**намінацыя**” ў сучаснай лінгвістыцы мае розныя трактоўкі. Згодна азначэнню, якое дадзена ў лінгвістычным слоўніку: “**намінацыя** — 1) утварэнне моўных адзінак, якія характарызуюцца намінатыўнай функцыяй, інакш кажучы, якія служаць для называння і вычлення фрагментаў рэчаіснасці і фарміравання суадносных паняццяў аб іх у форме слоў, словазлучэнняў, фразеалагізмаў і сказаў; 2) сукупнасць праблем, якія ахопліваюць вывучэнне дынамічнага аспекта актаў наймення ў форме сказа і яго частак, якія разглядаюцца ў тэорыі рэфэрэнцыі, 3) сумарнае абазначэнне лінгвістычных праблем, звязаных з найменнем, а таксама са словаўтварэннем, полісеміяй, фразеалогіяй, якія разглядаюцца ў намінатыўным аспекце” [7,с.336].

Выдзяляюць *першасную* і *другасную* намінацыю. Як адзначаюць даследчыкі, першасная, пачатковая намінацыя з’ява дастаткова рэдкая. Працэс першаснай намінацыі абсалютна адвольны. Пад адвольнасцю разумеецца, перш за ўсё, нематываванае прыродай рэчаў сувязь азначальнага і азначаемага [12,с.22]. Сутнасць станаўлення першасных намінатыўных знакаў (слоў і словазлучэнняў) заключаецца ў тым, што іх рэалізацыя павінна выклікаць ў пэўным калектыве, які карыстаецца адзінай агульнай знакавай сістэмай, аднолькавыя ўяўленні. Немагчымасць раскрыць значэнне слова на сінхронным срэзе нематываванае і невытворнае, патрабуе этымалагічнага аналізу. Вынікі першаснай

намінацыі ўсведамляюцца носьбітамі мовы як першавобразныя. Вытворнасць такіх найменняў можа быць раскрыта толькі пры этымалагічным і ці гістарычным аналізе.

У сучаснай лінгвістычнай навуцы погляды на другасную намінацыю неаднолькавыя. Так, В.Н.Тэлія называе другаснымі ўжо вямомыя ў мове намінатыўныя сродкі, якія выступаюць у новай для іх функцыі называння [9]. Для В.Гака другасная намінацыя адлюстроўвае працэс, пры якім адна і тая ж форма можа прыстасоўвацца для выканання іншых функцый [2]. У некаторых даследваннях слова і словазлучэння адносіцца да першаснай намінацыі, а сказ да другаснай. Старычонок В.Д. адзначае, што даволі шырокае разуменне другасных намінацый і звязаных з імі другасных тэкстаў прыводзіцца ў літаратуразнаўчых і некаторых мовазнаўчых працах. Так, да другасных адносяцца не толькі словы і спалучэнні слоў з другаснымі значэннямі, але і тэксты, якія характарызуюцца дваякай скіраванасцю (на прадмет маўлення і на чужое маўлення) і падражаннем, капіраваннем зыходнага тэксту [8, с. 19].

Як падкрэслівала А.С. Кубракова, новыя найменні ўтвараюцца на кожным узроўні мовы: на ўзроўні фанетыкі і фаналогіі ствараюцца гукапераймальныя комплексы, на сінтаксічным узроўні ўзнікаюць назвы сітуацый і падзей, на семантычным узроўні словы развіваюць новыя значэнні і тым самым становяцца звязанымі з новымі рэферэнтамі [5, с.55]. Таму ўжыванне розных тэрміналагічных азначэнняў адной і той жа з’явы сведчыць пра цікавасць да даволі складанага механізму ўтварэння другасных намінацый.

Спосабы другаснай намінацыі адрозніваюцца ў залежнасці ад моўных сродкаў, якія выкарыстоўваюцца пры стварэнні новых імёнаў, і ад характару суаднесенасці ”імя—рэальнасць”. Вынікі другаснай намінацыі ўспрымаюцца як вытворныя паводле марфалагічнага складу альбо па сэнсе.

Вылучаюць наступныя сродкі: 1) словаўтварэнне як рэгулярны спосаб стварэння новых слоў і значэнняў; 2) сінтаксічная транспазіцыя, пры якой марфалагічныя сродкі ўказваюць на змену сінтаксічнай функцыі пры захаванні лексічнага значэння; 3) семантычная транспазіцыя, якая не змяняе матэрыяльнай абалонкі пераасэнсаванай адзінкі прыводзіць да ўтварэння

мнагазначных слоў, а таксама фразеалагізмаў разнастайныхтыпаў [7, с. 337].

У будаўнічай сферы намі прааналізавана каля 370 аднаслоўных найменняў (назвы будаўнічых матэрыялаў і рэчываў), якія складаюць ядро тэрміналагічнай сістэмы, функцыянуюць як у якасці самастойных, аўтамномных адзінак, так і ў якасці апорных кампанентаў неаднаслоўных найменняў.

Да першаснай намінацыі ў будаўнічай сферы адносяцца найменні, якія захаваліся з агульнаславянскага ці агульнаўсходнеславянскага фонду і ўжываюцца ва ўсіх славянскіх мовах: *бервяно, вапна, дошка, жалеза, камень, пясок,брус, чараніца, смала, медзь, дрэва* і г.д. Як адзначае З.А. Харытончык, ”прычына недасягальнасці зместу (сэнсу) першасных імёнаў ляжыць у іх глыбокай старажытнасці” [13,с.25].

Другім прадуктыўным спосабам першаснай намінацыі з’яўляецца спосаб запазычвання. Вырашальным фактарам у запазычванні намінацый, як лічаць некаторыя даследчыкі, з’яўляецца засваенне паняццяў, звязаных з запазычанымі тэрмінамі.Запазычаныя найменні складаюць своеасаблівую групу. Як падкрэслівае Г.Ю.Князева, у выніку запазычвання намінатыўны акт злучае ў сябе рысы актаў намінацыі двух відаў—першаснай і другаснай, у выніку чаго ствараецца новая адзінка намінацыі. Яе ўзнікненне з’яўляецца не вынікам канструявання з элементаў свайёй мовы па пэўных правілах, а вынікам выбару дадзенай адзінкі з сістэмы намінатыўных сродкаў іншай мовы [6, с.143-144]. У працэсе функцыянавання тэрміналагічных найменняў у мове-рэцэптары сувязь з унутранай формай, той прыкметай, якая была пакладзена ў аснову намінацыі пры спецыялізацыі, поўнасю страчваецца. Тэрміны іншамоўнага паходжання з пункту погляду сінхраніі пазбаўлены матывацыі.

У назвах будаўнічых матэрыялаў і рэчываў зафіксаваны намінацыі з розных моў:*абсарбенты* (лац.), *агланарыт* (лац.+грэч.), *бетон* (франц.), *толь* (франц.),*болт* (ням.), *гінс* (фр.), *сайдынг* (англ.), *постформінг* (англ.), *лінолеум* (англ.) і інш.

Шматлікую групу найменняў складаюць другасныя намінацыі, якія ўтвораны шляхам семантычнай і словаўтваральнай дэрывацыі.

Пры семантычнай дэрывацыііготовая намінатыўная адзінка ўжываецца ў новай для яе семантычнай функцыі і прадугледжвае ўнутраную сувязь новага значэння з папярэднім. Напрыклад,

замазка дзеянне паводле дзеяслова замазаць і *замазка* вязкае рэчыва для замазвання шчылін; *пакрыццё* дзеянне паводле дзеяслова *пакрыць* і *пакрыццё* тое, што пакрывае што-н. зверху; *малако* белая пажыўная вадкасць і *малако* белаваты раствор некаторых рэчываў; *мука* прадукт размолу збожжа і *мука* размолатая або расцёртая ў парашок якія-н. жывёльныя ці мінеральныя рэчывы [11].

Пры словаўтваральнай дэрывацыі ўлічваюцца дэрывацыйныя сродкі, якія выкарыстоўваюцца ў працэсе намінацыі. Т.Р. Графімовіч падкрэслівае, што афіксы выражаюць катэгарызацыйную дзейнасць моўнай асобы пры найменні прадметаў акаляючай рэчаіснасці. Улік афіксаў дазваляе суаднесці іх характарам анамасіялагічнай прыкметы [10, с.39].

Так, напрыклад, назвы рэчываў *абагачальнік*, *ацвярджальнік*, *гасільнік*, *запаўняльнік*, *аб'ястлушчвальнік*, *уцяпляльнік* утвораны пры дапамозе суфікса *-льнік*, які з'яўляецца анамасіялагічным базісам, і само найменне ўзнікла з апорай на агентыўную прыкмету.

Значная колькасць найменняў утворана шляхам словаскладання. Як адзначала Е.С.Кубракова, "словаскладанне прыводзіць да ўзнікнення вытворных з іншымі анамасіялагічнымі структурамі" [4, с.64]. Пры словаскладанні анамасіялагічная структура вытворных найменняў мае двухчленны характар, пры гэтым анамасіялагічным базісам пераважна з'яўляецца другі ці апошні кампанент складанага слова, а анамасіялагічнай прыкметай — першы кампанент. Неабходна адзначыць, што анамасіялагічная структура складанага вытворнага можа ўяўляць таксама злучэнне раўназначных адзінак, г. зн. двух базісаў, што ўказвае на адначасовую наяўнасць некалькіх прадметаў, працэсаў і інш. у з'яве, якая абазначаецца новым найменнем [4, с.67-68].

Так, сярод найменняў будаўнічых матэрыялаў сутракаюцца наступныя кампазіты розных словаўтваральных мадэляў: *грунтабетон*, *грунтацэмент*, *жалезабетон*, *жалезашкло*, *вапняк-ракушачнік*, *лесаматэрыял*, *пенакераміка*, *пясок-пльвун*, *гумапластыка*, *стальбетон*, *шклавата*, *шкловалакно*, *хрызатыл-азбест*, *пенькавалакно*, *шкложалезабетон*, *пенаалюміній*, *піламатэрыял* і інш.

Вынікі аналізу найменняў будаўнічых матэрыялаў і рэчываў можна прадставіць у наступнай табліцы:

Першасная намінацыя		Другасная намінацыя		
Намінацыі з агульнаславянскай мовы	Запазычанні	Семантычная дэрывацыя	Словаўтварэнне	
			афіксацыя	кампазіты
15 <i>намінацый</i>	105 <i>намінацый</i>	15 <i>намінацый</i>	65 <i>намінацый</i>	170 <i>намінацый</i>
4%	28%	4%	17%	46%
32%		68%		

Такім чынам, у выніку даследвання моўнага матэрыялу было ўстаноўлена, што сярод найменняў будаўнічых матэрыялаў 120 (32%) намінацый з’яўляюцца першаснымі, г.зн. з пункту погляду сінхраніі пазбаўлены матывацыі. Частка з іх з’яўляецца агульнай для рускай, беларускай і ўкраінскай моў. Шматлікую групу ўтвараюць другасныя намінацыі — 250 (68%) слоў. Найбольш прадуктыўным спосабам утварэння найменняў з’яўляецца словаскладанне. У кампазітах выяўляюцца складаныя спосабы матывацыі, што адлюстроўвае ўзаемасувязь прадметаў, працэсаў і інш. у акаляючым асяроддзі.

ЛІТАРАТУРА

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Изда-во «Прогресс», 1974. 448 с.
2. Гак В.Г. К типологии лингвистических номинаций // Языковая номинация. Общие вопросы. М.: Изд-ва «Наука», 1977. С.230-294.
3. Колшанский Г.В. Некоторые вопросы семантики языка в гносеологическом аспекте // Принципы и методы семантических исследований. М., 1979
4. Кубрякова Е.С. Теория номинации и словообразования. М.: Изда-во Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2016. 86с.
5. Кубрякова Е.С. Части речи в ономазиологическом освещении. М.: «Наука», 1978. 115 с.
6. Князева Г. Ю. Специфика акта номинации при заимствовании // Сб. научных трудов МГПИИЯ им М. Горького Вып.310.-М., 1988, с. 141-147.
7. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.
8. Старычонак В.Д. Многазначнасць слова ў беларускай мове. У 3-х кн. Кн. 1. Асноўныя тыпы полісеміі, кірункі семантычнай дэрывацыі. Мінск: Колорград, 2017. 273с.

9. Телия В.Н. Вторичная номинация и её виды // Языковая номинация. Виды наименований. М.: Изд-во «Наука», 1977. С.129-221.

10. Трофимович Т.Г. Типы предметных наименований в языке старорусской деловой письменности: монография. Мн.: БГПУ, 2003.—223 с.

11. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы / пад аг. рэд. К.К. Атраховіча. Мн.: Беларуска Савецкая Энцыклапедыя ў 5-т., 1977-1984.

12. Уфимцева А.А. Лексическая номинация (первичная, нейтральная) / А.А.Уфимцева//Языковая номинация (Виды наименований). М., 1977. С. 5-85.

13. Харитончик З.А. Теория номинации сегодня и вчера// Языковая номинация. Тезисы докладов международной конференции 25-26 июня 1996 г. Мн.: МГЛУ, 1996. 231с.

Биназарова М.М.

*Алматинский университет энергетики и связи,
г. Алматы (Казахстан)*

УДК 378.02:81

Язык как первородное средство человеческого общения

Binazarova Maira Muhamedovna

*Almaty University of Engineering and Telecommunication,
Almaty (Republic of Kazakhstan)*

В статье демонстрируется положение о том, как на современном этапе одной из острых проблем дидактики является проблема изучения языка. При изучении языка как родного, так и неродного, систематизация производится в следующих направлениях. Во-первых, происходит освоение лингвистических единиц на парадигматическом и синтагматическом уровнях, во-вторых, помимо овладения данными уровнями осуществляется формирование знаний о языковой системе, закономерностях её функционирования (лингвистическая концепция языка).

The article deals with the main problem of modern didactics, which is language learning. The language is a unique phenomenon, deep structure, which is equal for every language as a variant of communication.

The work is based on the study of folk ritual text that covers modern linguo-didactic aspects, focused on the systematic use of regional linguistic and cultural material in the education process in schools and higher education institutions.

Ключевые слова: рыночная экономика, приоритеты, качество, дидактика, коммуникант, коммуникативный акт. *Keywords: didactics, area studies, cultural linguistics, folklore, ritual text, symbolic meaning.*

Язык как первородное средство человеческого общения непосредственно выражает мыслительный процесс, характерный человеку на уровне абстрактного познания. Связанное с его поведением в трудовой и социальной деятельности содержание деятельности фиксируется в языке, в связи с чем язык может определяться как глобальное явление, включающее все виды коммуникации в обществе. В данном аспекте язык такой феномен, система и структура которого представляет собой неразрывное единство, объединяющее отдельные компоненты языка в процессе речевой деятельности. Как атрибут человека язык является к тому же уникальным феноменом, глубинная структура которого едина для всех конкретных языков как вариантов человеческого языка вообще.

Универсальный характер сущностных свойств языка - основная лингвистическая предпосылка для взаимопонимания народов, пользующихся различными языковыми средствами, а, следовательно, и возможность для усвоения любого языка представителем любого языкового коллектива.

Любому языку свойственны такие основные функции, как систематизирующая, когнитивная и коммуникативная [1,2,3].

Суть систематизирующей функции заключается в лингвистической организации человеческого опыта, в формировании абстрагирующих способностей человека. Именно данной функцией обусловлены отношение языковых единиц к внеязыковой действительности, т.е. характер референции и способов наименования объектов восприятия и мышления, характер номинации. При изучении языка как родного, так и неродного, систематизация производится в следующих направлениях. Во-первых, происходит освоение лингвистических единиц на парадигматическом и синтагматическом уровнях, во-вторых, помимо овладения данными уровнями осуществляется формирование знаний о языковой системе, закономерностях её функционирования (лингвистическая концепция языка).

Когнитивная функция языка проявляется в формировании и организации внутренней речи посредством мыслительных операций и способа её репрезентации во внешних структурах. Благодаря двум

типам представлений – о денотатах, конкретных объектах высказывания, и о предикатах, свойствах, состояниях и отношениях денотатов, на которых базируется внутренняя речь, словесная информация трансформируется в знания. Согласно коммуникативной функции языка необходим учёт сфер, форм речевого общения, характера речевой ситуации и её мотивационной основы. Уровень сформированности умений строить стратегию речевой деятельности и тактику речевых действий зависит от владения речеведческим материалом и языковыми средствами.

В результате развития идей языка в данных понятиях был вычленен статический и динамический аспекты, в связи с чем, в частности, лингвистика речи подразделяется на две области – теорию речевой деятельности и речевых актов, исследующую динамическую сторону речи, её физические, психические и социальные характеристики; и – лингвистику текста, анализирующую статическую сторону речи, выделенный из речевой деятельности и зафиксированный определенным способом текст. В целом все направления лингвистической науки, объектом которых является речевое общение, ведут поиск основной единицы речи [4].

Теоретически каждый конкретный язык должен рассматриваться как национальный вариант единого человеческого языка, овладение которым является предпосылкой для изучения любого языка. Необходимо подчеркнуть, что язык как коммуникативное средство выступает во всех видах языкового общения как единая система, составные части которой подчинены целям выражения тех или иных мыслительных форм и категорий. Ни словарь, ни грамматическая форма, ни фонемный состав языка в отдельности не образуют никакой коммуникативной единицы и не функционируют в качестве какого-либо средства передачи информации. Коммуникация, всегда предполагает обмен мыслями, обмен информацией, другими словами, такое общение, которое удовлетворяет практическим и теоретическим запросам человека в процессе его трудовой и социальной деятельности. Из этого положения следует вывод, что коммуникативным актом может быть признан только такой, который воплощает в себе относительно законченный акт обмена мыслями в бесконечном процессе познавательной деятельности человека [5].

Есть все основания утверждать в настоящее время, что указанным свойством коммуникативного акта обладает речевая единица – текст.

Текст – результат говорения или письма, продукт речевой деятельности; основная коммуникативная единица, которой человек пользуется в процессе речевой деятельности [6,7,8]. Текст также определяется как структурное единство содержания, формы и средств выражения в его целостности, во всей совокупности его компонентов. Текст обладает единством темы и замысла, относительной законченностью, связностью, цельностью, внутренней структурой – синтаксической (на уровне сложного синтаксического целого и предложения), композиционной и логической, определенной целенаправленной и прагматической установкой. Восприятие текста обеспечивается не только языковыми единицами и их соединениями, но инеобходимым общим фоном знаний, его коммуникативными характеристиками. Текст всегда характеризуется отнесенностью к тому или иному стилю – разговорному, публицистическому, научному и др. По объёму текст, как правило, больше предложения.

Теория текста в лингвистике связана с проблемой языка и речи, теорией актуального членения предложения, теорией коммуникации, изучением структуры абзаца. *Текст в филологии* - это зафиксированное речевое произведение, обладающее единством содержания и связанностью формы. *Текст в языкознании* – это некоторая знаковая продукция, представляющая собой систему визуальных сигналов, интерпретируемых реципиентом и образующих на полюсе реципиента систему представлений [9].

В методике преподавания текст определяют как учебный текст, организованный в дидактических целях в смысло-содержательном, языковом и композиционном отношениях в единую систему, часть совокупной информации. Тексты бывают *неучебными* (аутентичными), которые в учебных целях могут подвергаться сокращениям, и *учебными*, предусматривающие упрощение, адаптацию его содержания и структуры с учетом языковой подготовки студентов. Учебным текстом может быть любой факт культуры иностранного языка, целесообразный для учебной коммуникации и имеющий знаковую функцию[10]. В курсе изучения русского языка студентам даются теоретические сведения о тексте: само понятие текст, типы текста (повествование, описание, рассуждение), абзац, тема, средства связи предложений в тексте и др. Отдельные сведения по теории текста сообщаются в курсе по литературоведению (понятие темы, композиции). На практических занятиях по русскому языку в вузе студен-

ты овладевают умениями при создании различных текстов (изложение, сочинение, реферат, курсовая работа, доклад и пр.)

В соответствии с этим на занятиях по развитию связной речи предполагается получение следующих знаний, необходимых для создания коммуникативно-правильных текстов.

1. Основные признаки текста:

а) Тема, основная мысль текста;

б) Средства связи предложений и частей текста и способы их выражения.

2. Типы (жанры) текстов и их композиционная форма.

3. Функционально-стилевые типы текста.

4. Виды речи и формы речи.

На основе полученных знаний у студентов должны быть сформированы такие умения, как:

- осознавать тему высказывания и строить высказывание в соответствии с заданной темой;

- определять основную мысль текста и строить самостоятельное высказывание с учетом определенного замысла и коммуникативного намерения;

- собирать и систематизировать материал для создания соответствующего текста, планировать содержание высказывания;

- создать высказывание соответствующей композиционной формы;

- придавать высказыванию соответствующую стилистическую окраску;

- правильно и осознанно отбирать необходимые языковые средства для оформления высказывания;

- совершенствовать написанное.

Все эти умения опираются на речевые навыки, формируемые в ходе овладения языком – произносительные, грамматические, лексические. Однако автоматизации коммуникативные умения не поддаются, так как включаются в речевую деятельность, которая характеризуется, прежде всего, как деятельность интеллектуальная, познавательная, требующая от обучаемого в каждом конкретном случае творческого подхода к решению коммуникативной задачи.

Чтобы сформировать перечисленные умения и развить у обучаемых способность адекватно воспринимать тексты различного характера и самостоятельно создавать тексты, необходимые для достижения целей общения, нужно систематически формировать

еще одну группу умений, которые условно можно было бы назвать предречевыми (доречевыми). Они должны стать базой для формирования собственно коммуникативных умений. Выделение их как особой группы умений обусловлено особенностями речевой деятельности, которая включает в себя все основные фазы любого предметного действия: ориентировочную, исполнительную и контрольную. При создании или интерпретации текста человек сначала мысленно прогнозирует базу ориентировочной деятельности, а в процессе исполнения замысла (создание или анализ текста) мысленно предвосхищает результаты решения задачи и сравнивает их с прогнозируемым вариантом на этапе контроля.

Следовательно, текст – это не только продукт, но и образ, и объект деятельности общения, а процесс создания или интерпретации текста представляет собой не нечто изначально заданное, а всегда творческое воссоединение всех названных операций, в результате чего возникают и вновь формируются мысли, предложения, выводы, обобщения и т.п.[11,12].

В структуре текста реализуется прежде всего двусторонняя направленность речевого акта и смысловая завершенность в пределах определенного отрезка речевого общения. В этом смысле для современной коммуникативной лингвистики все так называемые системные единицы языка – от слова до предложения – не могут быть отнесены сами по себе к категории речевого акта, ибо они составляют лишь отдельные структурные элементы коммуникативного акта, образующего тот или иной конечный текст.

В тексте, границы которого определяются смысловой заданностью общения, любые элементы языковой системы, в том числе и предложение, объединяются в неразрывное целое, скрепляемое с единым смысловым содержанием. Как бы ни было по своему закончено предложение как структурная единица языка – интонационно, лексически и грамматически, оно одно не в состоянии реализовать коммуникативный акт, так как по своему существу речевой акт предполагает взаимодействие двух коммуникантов, составляющих два начала языкового общения, а именно порождения и восприятия той или иной информации. Именно сущность речевого акта и определяет необходимость образования текста, в котором эта двусторонность неизбежно присутствует в эксплицитной или имплицитной форме. Любое предложение, будь оно повествовательным, а тем более вопросительным, предполагает обращенность к определенно-

мукоммуниканту, что исключает в принципе возможность существования отдельных, изолированных высказываний, созданных вне какого-либо коммуникативного текста [13]. Текст поэтому можно охарактеризовать как связь, по меньшей мере двух высказываний, в которых может завершаться минимальный акт общения – передача информации или обмен мыслями между партнерами. Естественно, каждый речевой акт осуществляется в конкретной ситуации между конкретными партнерами и, следовательно, его языковая и смысловая характеристики определяются всеми условиями (т.е. условиями как интралингвистического, так и экстралингвистического характера), наличествующими в определенный момент речевого акта. Поскольку языковое общение есть выражение, так сказать, понятийного общения или общения с целью обмена познавательным опытом в соответствующем коллективе, то это общение должно носить творческий характер, т.е. быть всегда осмысленным, целесообразным и практически необходимым.

Современная лингвистика исследует как раз те свойства языковых (речевых) единиц, и прежде всего текста, которые находят свое отражение в указанных трех характеристиках коммуникативного акта. Предполагается, что текст, начиная от его элементарного вида (представляющего собой совокупность двух высказываний) и кончая видами с не лимитированными границами, определяемыми объемом задаваемой информации (как в научных, так и в художественных текстах – от абзаца до монографии), должен иметь, прежде всего, смысловую определенность и структурное завершение в виде начала и конца [14,15].

Смысловая определенность текста может быть выявлена, скорее всего, на уровне денотативных или тематических границ объекта информации, а структурное завершение – скорее всего также на уровне смысловой законченности развития той или иной темы и менее всего на уровне тех или иных грамматических категорий. Интенсивные поиски лингвистов в области определения текста как коммуникативной единицы, безусловно, приведут к достаточно удовлетворительным результатам, на основе которых может быть построена определенная теория текстовых единиц.

В настоящее время важно отметить одно обстоятельство – текст должен быть положен в основу исследования самой вербальной коммуникации, что стало возможным только благодаря тому, что все составные части и структурные элементы – от слова до предло-

жения – достаточно полно описаны и могут служить основой адекватного анализа глобальной речевой единицы – текста.

Из изложенных выше посылок следует, что овладение языком, будь оно стихийным или направленным, должно завершаться овладением такой его функцией, которая определяет его как средство общения. Это означает, что овладение языком есть овладение таким языковым механизмом, который дает возможность человеку участвовать в коммуникативном акте, другими словами, порождать и воспринимать текст и тем самым осуществлять обмен мыслями. Сложность такого овладения предполагает, прежде всего, знание всех элементов, из которых складывается текст, – как языковых (владение фонемным составом, знание слов, грамматических форм и т. д.), так и неязыковых, участвующих в формировании текста как звена коммуникативного акта.

ЛИТЕРАТУРА

1 Степанов Ю.С. Основы общего языкознания М.: Просвещение, 1975. – 271 с.

2 Арутюнова Н.Д. Коммуникативная функция и значение слова// Филологические науки. – 1973. – №3. – С.42-54.

3 Серебренников Б.А. Социальная дифференциация языка //Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. – М.: МГУ,1977. – С.478-501.

4 Звегинцев В.А. Функция и цель в лингвистической теории //Проблемы теоретической и экспериментальной лингвистики. М.: МГУ, 1977. – С.121-141.

5 Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. – М.: Наука, 1990. – 103 с.

6 Зарубина Н.Д. Текст: лингвистический и методический аспекты. – М.: Русский язык, 1989. – 113 с.

7 Новиков А.И. Семантика текста и её формализация. – М.:Наука,1983. – 216 с.

8 Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. –М.:Наука, 1981. – 139 с.

9 Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.

10 Бурвииков Н.Д. Типология текстов для аудиторной и внеаудиторной работы. – Москва: Русский язык, 1988. – 116 с.

11 Бабайлова А.Э. Текст как продукт, средство и объект коммуникации при обучении неродному языку. – Саратов: СГУ, 1987. – 152 с.

12 Каменская О.Л. Текст и коммуникация. – М.: Высшая школа, 1990. – 152 с.

13 Звегинцев В.А. Предложение и его отношение к языку и речи. – М.: МГУ, 1976. – 206 с.

14 Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. – М.: Наука, 1982. – 367 с.

15 Крылова О.А. Коммуникативный синтаксис русского языка. – М.: РУДН, 1992. – 148 с.

Бушев А. Б.

Тверской государственный университет (Россия)

Alex.bouchev@yandex.ru

УДК 801

Язык православной сферы в континууме русской речи

Alexandre B. Bouchev

Tver State University, Tver (Russia)

UDC 801

Memory in discourse of russian orthodox christianity

Работа посвящена представлениям о языке православной сферы: показана полифония православного дискурса (языка православной сферы). «Возвращенная лексика», концепты православия, отражение их в светских жанрах газетно-журнального, разговорного и художественного стиля – особенности бытования языка православной сферы в континууме русской речи.

Ключевые слова: язык православной сферы, жанры речи, регистры речи, стили речи, общественное сознание.

The paper discusses the discourse of Russian Orthodox Christianity. It illustrates the polyphonic range of genres of such discourse. The concepts and obsolete words given the second birth, their counterparts in non-Church discourse of newspaper, colloquial and literary fiction styles are the characteristic of the discourse under study.

Key words: the discourse of Russian Orthodox Christianity; genres; registers; styles; forms of social consciousness.

Общественное сознание, как известно, может существовать в различных ипостасях: науки, морали, искусства, религии, права, философии т.д. Каждая сфера обслуживается языком, с его системой регистров (стилей) и жанров, где, прежде всего, выделяются разговорная речь, научный, деловой и публицистический стили. Нет сомнения в том, что совершенно особое место занимает если не стиль художественной литературы (ему многие исследователи отказывают в праве на существование), то поэтический регистр речи. Сегодня особое место занимает коммуникация в электронной фактуре речи, являя собой не устную и не письменную фактуру речи. Теория литературного языка находится в развитии, как и сам язык.

Известны классические работы по изучению жанров церковной древнерусской и средневековой литературы, гимнографии, литургики, священного Писания, трудов отцов церкви, труды о православной иконе, агиография, особый феномен русской религиозной философии («парижское богословие»). Поучения святых отцов представляют острейшие темы антропософии! Скажем, Иоанн Кронштадский – это и проповедь, и исповедь, и молитва, и миссионерство, и мудрость старчества. Иоанн Кронштадский - это и черная сотня, и отрицание Толстого.

Церковная риторика обсуждает прежде всего особенности устных жанров – проповеди, слова. Последние годы достоянием общества стало пастырское богословие (А. Шмеман, М. Ардов, В. Родзянко, А. Храповицкий, А. Кураев, А. Осипов, А. Мечев, И. Крестьянкин, И. Кронштадтский, И. Брянчанинов, С. Желудков, Д. Дудко, Г. Кочетков, Г. Чистяков, А. Мень).

И. В. Бугаева [1] пишет об особости положения языка православной сферы в современном обществе. Это ведь язык забытый, полузабытый, с концептами, возвращенными для бытия.

Религиозный дискурс есть прежде всего дискурс о вере. Религиозная сфера общения объединяет жанры устной и письменной речи, имеет свою терминологию, свое просторечье и профессиональный говор [2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11].

В двадцать первом веке мы можем наблюдать новое языковое поведение в сфере языка православия. Скажем, интересующие нас особенности устных жанров (лекции, выступления перед неопитами) мы наблюдали на встречах с церковными ораторами Осиповым, Кураевым, Дворкиным, Владимировым, представителями Русской зарубежной церкви. Надо отметить то, что порою риторика деятелей

церкви и миссионеров церкви не нова. А постоянные повторы, мессианиззм, учительский пафос, нетерпимость, ханжество, расхождение слова и дела порою раздражают, как раздражают порой злобные бабки-уборщицы в церкви и торгующие за свечным ящиком (ощущение фарисейского текста). Редко, но удается отметить особенности устной речи клира, речей паломников. Особенно интересны их шутки, присказки.

Более доступны анализу особенности устной речи мирян, воцерковленных чад церкви. Частотны в такой речи следующие темы: святые, праздники, иконы, православный храм, православное вероучение и Писание, основы добродетели. Послушаем, как поэтично звучат названия сами храмов: *«В тот день все поздравляли друг друга с праздником – был Покров. Это ощущалось во всех храмах, куда я зашел: и в Иоанно-Предтеченском монастыре, и в церкви князя Владимира в Старых Садах, и в церквях в Подкопае, и на Кулишках, и в Клепиках, и в казаковской церкви Косьмы и Дамиана на Маросейке, и у Косьмы и Дамиана в Шубине, и в церкви Воскресенья Словущего в Успенском Вражке, и в церкви Успения Божьей матери в Брюсовом переулке, и в Георгиевском храме в Грузинах. А в Рождественском и Петровском монастырях были в колокола, и звон лился по Трубной...»* (из собственного дневника, 2016).

Самым распространенным жанром печатной литературы – синтезом художественного и фактографического пластов словесности – являются жития святых. Пристальный интерес к деятельности подвижников веры объясним и законен. Современные жития могут быть отражены в жанрах газетно-журнальной публицистики. Приведем пример – отрывок из собственной статьи в общественно-политической (!) региональной газете:

11 декабря 2013 года Русская Православная церковь чтит память священномученика митрополита Серафима (Чичагова). Его деятельность связана с Тверью: в начале двадцатого века в течение нескольких лет он был архиереем Тверской епархии, поэтому в кафедральном Воскресенском соборе пройдет особая служба. Его биография необычна, его конец трагичен. Будущий отец Серафим – в миру Леонид Михайлович Чичагов. Он – потомок адмирала В. Я. Чичагова, разбившего шведскую эскадру под Ревелем и исследовавшего Северный Ледовитый океан. Он – сын морского министра при Николае Первом П. В. Чичагова. Это был род, послуживший Церкви, царю и Отчеству. Он родился в 1856 году. Карьеру военного со-

читал с историко-литературной деятельностью. Врач, артиллерист, участник русско-турецкой войны, в 35 лет получил чин полковника и подал в отставку. Через два года был рукоположен в сан священника. Аристократическая среда и духовенство не могли понять этого поступка отца Леонида. Еще через два года умирает его жена, и он, поручив воспитание детей доверенным лицам, принимает постриг Троице-Сергиевой лавре. Он пострижен в мантию с именем Серафим, в честь непрославленного еще тогда Саровского старца. Отец Серафим Чичагов много потрудится для канонизации Серафима Саровского, создаст «Летопись Серафимодивеевского монастыря». Известно, что знаменитый Иоанн Кронштадский благословляет отца Серафима незадолго до своей смерти в начале прошлого века и говорит, что Серафим будет бороться за православие, он благословляет его на это и за дело спокоен. В 1918 году патриарх Московский Тихон возвел архиепископа Серафима в сан митрополита. В советские годы он был правящим архиереем в Ленинградской епархии. В эти сложные годы он пережил двенадцать арестов, начиная с 1921 года. На покое он много читал, сочинял музыку, писал иконы. Последний раз его арестовали осенью 1937 года. Владыке был 81 год, он болел, его увезли на машине скорой помощи. Он был расстрелян на полигоне «Бутово» 11 декабря 1937 года. Отец Серафим Чичагов причислен к лику святых Архиерейским собором 1997 года. Память этого святого отмечается 11 декабря, в дни соборов новомучеников и исповедников.

В воспоминаниях об Алексии Симанском митрополита Пимена есть строчки о дочери Чичагова по фамилии Резон. Работала фельдшером. Энергичная, всезнающая. Просила у Алексия Первого пострига в монахини. Остроумный патриарх наложил резолюцию: «Постригать Резин – не резон». Такие шутки – тоже часть религиозного дискурса, воспоминания – редкий его жанр (представленный также, например, блестящей книгой М. Ардова, книгами С. И. Фуделя).

В православном дискурсе значимы и устные жанры рассказа, беседы. Так, в увековечении памяти отца Серафима в наши дни сыграла роль его внучка, игуменья Новодевичьего монастыря Серафима (в миру – профессор Варвара Васильевна Черная-Чичагова). Помню, как десять лет назад я обратил внимание на ее свежую могилу прямо возле храма у Смоленского собора Новодевичьего монастыря. Те, кто бывал на территории Новодевичьего монастыря, на

службах в храме, слышали много рассказов о ней. *Прихожане рассказывают:* в перестроечные годы ей суждено было поднимать из руин одну из лучших обителей в центре России. Недавно мне попала на глаза книга «Небесный огонь» Олеси Николаевой. Там *поэтесса пишет* о том, как работала у матушки Серафимы шофером. Митрополит Ювеналий выделил ей свою старую «Волгу», и всячески опекал восстанавливаемый на территории своей резиденции Новодевичий монастырь. Тогда новооткрытая обитель представляла собой лишь храм со свечной лавкой и три комнаты. Восстанавливали кельи для насельниц, трудились на подворье. Жили кто-где и приходили на послушание «из мира». Олеся Николаева с юмором вспоминает, как матушка Серафима ездила по спонсорам: «Никак не удавалось поворотить в сторону разрушенной обители финансовые потоки. На нас смотрели с такой подозрительностью и лукавой ухмылкой (мол, нас на мякине не проведешь, нашли простачков), словно мы просили по меньшей мере повернуть северные реки». По словам Николаевой, обаятельный басок матушки Серафимы звучал интеллигентно, уважительно и мягко. Она понимала, в какую круговерть пометил ее Господь на старости лет. Профессор, доктор химических наук, лауреат Госпремии СССР, аристократка, внучка новомученика, почетный член многих академий гордилась, что ей удалось избежать членства в безбожной партии, одевала монахинь, создавала богатую обитель. «Штучный товар»- дает ей оценку О. Николаева. Поразительная переключка судеб – мученик и его внучка, трудящаяся во славу Божию на старости лет и словно имевшая задание восстановить справедливость. В приведенном примере есть многочисленные оценки, эпитеты, метафоры, элементы юмора, неизбежно привлекательные для читателя.

Рассказ Николаевой – пример литературного жанра православного дискурса. Христианские темы проникают сегодня в жанры художественной литературы (Тихон Шевкунов, О. Николаева). В современном художественном пространстве осмысления православия находятся художественные тексты типа М. Кучерской, Е. Чижовой, А. Сегеня, В. Николаева, автора сценария «Острова» и т.д. Тема шире – вера как концепт – всегда существовала в художественных произведениях светской литературы, недаром она была названа «светским Евангелием» (Державин, Пушкин, Гоголь, Толстой, Достоевский, Лесков, Тютчев, Чехов, Шмелев, Ахматова, Честертон, Льюис и т.д.). Упреки в неортодоксальности христианских убежде-

ний относили к Булгакову, Цветаевой... Известен оригинальный цветок, возросший на отечественной почве : православное литературоведение (Дунаев, Струве, группа исследователей «пасхальности», Достоевского). Отметим и роль других религий, что сказывается, например, в текстах: Халеда Хоссейни, Салмана Рушди, Виктора Пелевина.

В сферу религиозного дискурса могут быть отнесены и такие маргинальные жанры как диалоги православных паломников, сатирические произведения на церковные темы (от позднесредневековой Калязинской челобитной до фельетонов «Безбожника») устный и печатный юмор, критика цезарепапизма, государственно-конфессиональных отношений, иронические комментарии в отношении оголтелого религиозного фундаментализма в светском обществе, критика богохульства (вспомним скандал в Pussy Riot Church). Показательна традиция представления христианства для неверующих и агностиков (журнал «Фома», сползающий в фарисейство и умиление).

Религиозный дискурс может быть прочитываем в науке гуманитарной сферы – достаточно назвать мемуары обществоведа из МГИМО А. В. Шестопала. Авторитетные историки пишут, что Россия – удел Богородицы. Научный дискурс представлен не только богословием, но и существованием «православных историков» (например, П. Мультиаули), исследователей религиозного канона в искусстве, представителей ветви особой социологии - религиоведения. То есть порой религиозная оптика позволяет взглянуть на традиционно светские сферы.

Очевидно, менталитет религиозный, сознание религиозное, мировоззрение, мировосприятие и миропонимание меняется. Это связано и с тем, что в церкви кроме литургической и храмостроительной, монастырской деятельности появляется и издательская, социальная. Посмотрим на чутко реагирующее медиaprостранство: масса сайтов и радиостанций.

Итак, налицо публицистический, научный, разговорный, поэтический регистры языка сферы православия, устная речь, официально-деловой регистр... Сфера языка православия намного шире печатной литературы, жанров религиозной газеты, сайта, жанров письменных сочинений для службы в церкви и на темы веры и религии. Православная поэзия и литература, современное богословие, деловая документация церкви, бытование языка в устных жанрах –

свидетельство того, что религиозный дискурс осваивается и присваивается русскими.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бугаева И. В. Язык православной сферы. Автореф. дисс.д-ра филол.наук. Москва: ИРЯ им. А. С. Пушкина. 2009, 45 с.
2. Бушев А. Б. Культурное, образовательное и воспитательное значение государственного праздника Дней славянской письменности и культуры//Актуальные проблемы преподавания изучения русского языка и литературы в современных условиях. Якутск, 2009.С. 55- 58.
3. Бушев А. Б. Тверская иконопись: новые книги //Россия и россияне: особенности цивилизации. Архангельск: Арханг. гос. техн. ун-т. 2009. С. 12-15.
4. Бушев А.Б. Православный дискурс: некоторые жанры // Русский язык и литература в Украине : проблемы изучения и преподавания. Горловка, 2009.С. 21-22.
5. Бушев А. Б. Православный дискурс: полифония в русской культуре// Вестник ЦМО МГУ, 2009, № 2.с.89-93.
6. Бушев А. Б. Возвращенная лексика: концептосфера православия// Славянский мир: духовные традиции и словесность. Вып. 2.. Тамбов, ТГУ им. Г. Р. Державина, 2011. С. 100-112.
7. Бушев А. Б. Мировые медиа об исламизме и исламе в Европе 2015 г. // Гуманитарные аспекты современных медиа: проблемы, противоречия. Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 2015. – С. 23-27.
8. Бушев А. Б. Нон-фикшн девяностых об эмиграции /Лингвориторическая парадигма: теоретические и практические аспекты. № 20. 2015. С. 7-11.
9. Бушев А. Б. Вопросы миграции и религиозной идентичности в дискурсе глобальных СМИ// Alma Mater. Вестник высшей школы. Май 2016 № 5. С. 115-120.
10. Бушев А. Б. Православная поэзия : религиозное и церковное. В сборнике: Альманах "ПолитИст" Ред.-сост. А.О. Коптелов (Общ. орг-я «ПолитИст»). Екатеринбург, 2012. С. 26-31
11. Бушев А. Б. Фольклорно-краеведческие чтения в школе: проблема трансляции традиции// Внеочередные Лазаревские чтения: «Дети и современный мир: вхождение в пространство ценностей культуры». Челяб. Гос. ин-т культуры; сост. Л. Н. Лазарева. - Челябинск: ЧГИКб 2017. С. 14-20.

Габдулина Ю.Р.

НАО «Алматинский университет энергетики и связи»,
г. Алматы (Казахстан)
e-mail: enunteach@gmail.com

УДК 811.161.1:378.47:008

**Роль и развитие межкультурной компетенции для обучения
языку и переводу в пограничных регионах**

Gabdulina Yuliya Ravilevna

*Almaty university of power engineering and telecommunications,
Almaty (Republic of Kazakhstan)*

UDC 811.161.1:378.47:008

**Role and development of intercultural competence for language and
translation teaching in boundary regions**

В данной статье рассматриваются работы по изучению вопросов межкультурной компетенции применительно к обучению иностранному языку. Предлагается использовать выявленные идеи, подходы и методы для повышения эффективности при обучении русскому языку и переводу в славянском пограничье, что будет способствовать улучшению коммуникации в данном регионе.

Ключевые слова: межкультурная компетенция, лингвистика, пограничный регион, обучение языку, языковые переводы, русский язык.

In this article the research works to study intercultural competence issues used for a foreign language teaching are considered. It is suggested to use the found ideas, approaches and methods in order to enhance the efficiency upon teaching Russian and the translation in the Slavic border zone. It will contribute to improvement of communication in this region.

Keywords: intercultural competence, intercultural competence, linguistics, boundary region, language teaching, language translation, Russian

Межкультурные аспекты привлекают пристальное внимание специалистов в области лингвистики вследствие того, что культура оказывает существенное влияние на язык и общение между людьми. В настоящее время по данной теме уже проведен целый ряд исследований [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8]. В связи с этим для более эффективного

обучения языку и переводу вышеуказанные аспекты следует учитывать в процессе обучения. В данной работе рассматриваются исследования межкультурной компетенции в области лингвистики, проведенные при обучении иностранному языку в 2012-2015 гг., с целью применения полученных выводов к обучению русскому языку, а также улучшения коммуникации в пограничных регионах с Россией – в Украине и Белоруссии.

По мнению Сучанковой Х., уроки по изучению языка в первую очередь предназначены для установления и развития коммуникативной компетенции в целевом языке [7]. В работе данного специалиста проблема межкультурной компетенции обсуждается с точки зрения культурных различий, возможных коммуникационных барьеров, глобального образования и проблематики обучения иностранному языку, в которой могут практиковаться ситуативные модели. Среди барьеров выделяются отношения, оценки, стереотипы, интерпретация, культурный шок. Сучанкова Х. предлагает следующие шаги для приобретения межкультурной компетенции: а) предоставление информации относительно различных культур; б) выявление культурных различий; в) сообщение о возможных коммуникационных барьерах; г) выявление общепринятых запретов и спорных тем; д) практика возражений в различных контекстах и ролях; е) повышение осведомленности о различных коммуникационных нормах и правилах; ж) ожидания от обучения – возможное поведение и отношение противоположных сторон; з) предоставление обратной связи – просмотр записей или оценка наблюдателей. Еще одна возможность – включить в процесс обучения так называемые глобальные темы с целью расширения кругозора, чтобы улучшить понимание обучающихся в глобальном смысле. Задачи глобального образования, по мнению вышеуказанного специалиста, представляют собой следующее: а) развивать чувство ответственности по отношению к людям и к миру; б) стимулировать активный подход к решению локальных проблем; в) вызывать интерес к проблемам; г) поддерживать устойчивое развитие; д) понимать состояние людей в трудной жизненной ситуации; е) определять причины и результаты глобальных проблем. По мнению автора, знание, понимание, толерантность и эмпатия по отношению к нормам коммуникации других играет важную роль для достижения успеха в бизнесе и построении взаимоотношений. Вышеуказанные шаги и идеи можно использовать для повышения межкультурной компетентности в славянских по-

граничных регионах, куда входят Россия, Украина и Белоруссия. При этом учитывать описанные коммуникационные барьеры и глобальное образование.

Валеев А. с сотр. предлагают внедрить аксиологический подход для развития межкультурной компетенции студентов в университете [8]. По мнению авторов, этот подход можно успешно реализовать, если у студентов сформировалось понимание ценности обучения языку. Продуктивность обучения возрастает за счет межкультурной коммуникации и показа реалий культурных, этнических и моральных ценностей носителей языка. Авторы предлагают технологическую и педагогическую базы для диалогической формы образования и рациональное сочетание классной и внеклассной деятельности студентов при обучении языку. В своей работе они провели комплексную диагностику межкультурных компетенций учащихся с помощью ряда методов. Выявили уровень знаний межкультурных аспектов, коммуникативных навыков и способности к эмпатии, динамику личностного роста, расположение толерантности в иерархии жизненных ценностей. Описанный аксиологический подход и диагностику можно использовать для обучения межкультурным аспектам русского, украинского и белорусского языков в пограничных регионах.

Сетинавси У.Р. в своей работе высказывает мнение, что культурная осведомленность облегчает межличностную коммуникацию, в том числе и при изучении другого языка [1]. Он выявил, что межкультурная коммуникативная компетенция, т.е. знания, мотивация и навыки, необходимые для эффективного и надлежащего взаимодействия с представителями различных культур, в настоящее время наиболее желательный вид компетенции после грамматической (лингвистической) и коммуникативной компетенций при обучении языку и переводу. В теме межкультурной коммуникативной компетенции автор считает важным такие моменты, как проявление уважения, состояние при взаимодействии, ориентация на знания, эмпатия, управление взаимодействием, допущение двусмысленности. По его мнению, чтобы создать удовлетворительную структурированную систему языкового образования, ориентированную на повышение межкультурной компетенции, необходима более широкая образовательная философия, направляемая исследованиями, и всеобъемлющая открытость многопрофильной стратегии обучения по отношению к другим культурам в рамках правильного восприятия и вы-

сокой оценки важности межкультурной коммуникации при нашей глобализации мирового сообщества. Описанные идеи и моменты можно применить к языковому образованию и в славянских пограничных регионах.

Попетсу Т. в своей работе по обучению студентов языку и переводу считает, что переводческая компетенция включает межкультурную компетенцию наряду с другими лингвистическими компетенциями [4]. В другой работе данного автора был проведен эксперимент с участием бакалавров, магистрантов и докторантов [5]. Были введены элементы сравнительного лексического анализа со специальным выделением стилистических инструментов, из которых были получены культурные и социальные похожие моменты и различия между двумя языками и культурами (румынским и британским английским). Данную методику можно использовать и для сопоставления русского языка с украинским и белорусским. Еще один наиболее важный метод исследования, который в данной работе использовали на протяжении семестра, был педагогический эксперимент с участием студентов. После обучения проверяли межкультурную компетенцию студентов, используя специальную анкету. Анкета включала знание и отношение студентов к 10 вопросам по общеизвестным стереотипам поведения у различных национальностей, среди которых: предоставление подарков, приветствие, язык тела, свадьба, похороны и др., а также семь вопросов, выявляющих отношение студентов к 7 темам: столкновение с трудностями/решение возникающих проблем, любознательность, готовность пойти на риск, уверенность в себе, самоосознание, интерес к изучению иностранных языков, интерес к международной карьере. В конце семестра было обнаружено, что студенты понимают несколько межкультурных аспектов, относящихся к двум культурам. При этом их уровень лингвистических знаний также существенно возрос. Подобные методики можно использовать в пограничных регионах, чтобы улучшить межкультурную коммуникацию для русско-украинского (украинско-русского) и русско-белорусского (белорусско-русского) двуязычия.

В работе Назаренко Л. указывается, что язык и культура тесно взаимосвязаны и сильно влияют на вербальную и невербальную коммуникацию [3]. Язык отражает внутренний мир личности, национальную культуру, систему ценностей, менталитет и межличностные отношения. При изучении другого языка человек знакомится

с новой культурой и сравнивает приобретенные знания со своей родной культурой. По мнению автора, формирование межкультурной компетенции представляет один из ключевых элементов при профессиональном обучении специалистов. Для того чтобы обеспечить эффективную коммуникацию на профессиональном уровне с помощью другого языка, студентам необходимо не только освоить лексико-грамматический материал по языку, но и узнать культурные особенности носителей языка, привычки, традиции, нормы поведения и этикета, а также научиться применять полученные знания соответствующим образом. Все эти факторы формируют основу для развития межкультурной компетенции. Их также полезно учитывать при обучении русскому языку на территории Украины и Белоруссии. В дополнение к этому, автор делает вывод, что развитие межкультурной компетенции обеспечивается такими дидактическими методами, как лингво-концептуальный подход для обучения языку, формирование схем для рассуждений, которые необходимы для профессионального и повседневного общения, и упражнения с текстами, содержащими культурологическую информацию. Хорошо подобранные оригинальные тексты и система специальных упражнений помогают студентам развивать способность осуществлять успешное общение с учетом условий коммуникации в пределах определенного культурного контекста. Вышеуказанные методы можно использовать для развития межкультурной компетенции в славянском пограничье с целью повышения эффективности при изучении русского языка.

Карабинар С. с сотр. сообщили, что теория межкультурной компетенции выходит на передний план в последние 20 лет, а также высказали мнение о том, что важно определить место культуры в учебной программе вуза [2]. Авторы также считают, что для того, чтобы привлечь внимание преподавателей иностранного языка к обучению культуре и улучшить их знания в этом вопросе, следует организовать обучающие курсы для преподавателей и/или деятельность для профессионального развития, включающую необходимые методы и техники для обучения культуре. Эти методы и деятельность должны привести языковых преподавателей к осознанию того, что следует не игнорировать, а приветствовать развитие межкультурной компетенции, эмпатии и уважения к другим, а также приобретение большей осведомленности о «других». Подобные за-

дачи и развитие описанных качеств можно использовать и в славянском пограничье.

По мнению Рейд Е., взаимопонимание и межкультурная компетенция представляют большую важность в сегодняшнем мире, вследствие того что они позволяют нам преодолевать предрассудки, дискриминацию и непонимание между людьми различных культурных слоев [6]. Межкультурная коммуникативная компетенция при обучении другому языку позволяет учащимся понимать и успешно общаться с представителями культуры целевого языка. Очень важно научиться взаимодействовать на другом языке соответствующим образом в реальных жизненных ситуациях. В данной работе предлагается несколько методов для практического внедрения межкультурных аспектов в коммуникацию. Среди них: метод сравнения, культурная ассимиляция, культурное краткое изложение, драма, TPR-методика, культурная площадка, переформулировка, уведомление, поиск сокровищ, предсказание, ролевые игры, исследование, песни, игры, портфолио, культурный поход. Описанные идеи и методы тоже можно применить к рассматриваемым пограничным регионам.

Таким образом, во всех рассмотренных работах подчеркивается важность межкультурной компетенции для эффективного обучения языку и переводу, а также для успешной коммуникации. Все предложенные идеи и методы подходят для применения в рассматриваемом славянском пограничье.

ЛИТЕРАТУРА

1. Cetinavci U.R. Intercultural Communicative Competence in ELT // *Procedia - Social and Behavioral Sciences*. – 2012, Vol. 46, P. 3445-3449.
2. Karabinar S., Guler C.Y. A Review of Intercultural Competence from Language Teachers' Perspective // *Procedia - Social and Behavioral Sciences*. 2013, Vol. 70, P. 1316-1328.
3. Nazarenko L. Development of Intercultural Competence in the Teaching of Business Russian // *Procedia - Social and Behavioral Sciences*. – 2014, Vol. 141, P. 899-902.
4. Popescu T. Developing English Linguistics Students' Translation Competence through the Language Learning Process // *Procedia - Social and Behavioral Sciences*. – 2013, Vol. 93, P. 1075-1079.

5. Popescu T. Raising Students' Intercultural Competence through the Process of Language Learning // *Procedia - Social and Behavioral Sciences*. – 2015, Vol. 197, P. 2315-2319.

6. Reid E. Techniques Developing Intercultural Communicative Competences in English Language Lessons // *Procedia - Social and Behavioral Sciences*. – 2015, Vol. 186, P. 939-943.

7. Suchankova H. Developing Intercultural Competences during the Language Tuition // *Procedia - Social and Behavioral Sciences*. – 2014, Vol. 116, P. 1439-1443.

8. Valeev A.A., Kondrat'eva I.G. Axiological Approach to the Development of Students' Intercultural Competences by Foreign Language Means // *Procedia - Social and Behavioral Sciences*. – 2015, Vol. 191, P. 361-365.

Полещук Н.В.

*ГНУ «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси»,
г. Минск (Беларусь)*

e-mail: nata-poleshhuk@yandex.ru

УДК 811.161'374.3-112

**«Гістарычны слоўнік беларускай мовы» как
лингвистическое и общекультурное событие
славянского мира**

Poleshchuk Natalia Vikentyevna

*Center for Belarusian Culture, Language and Literature Research of
the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk (Belarus)*

UDC 811.161'374.3-112

**Historical dictionary of belarusian language as linguistic and
cultural event of slavic world**

В статье приведены сведения об этапах подготовки «Исторического словаря белорусского языка», показана его научная, практическая и социальная значимость, предложены некоторые перспективные направления его использования в исследовательской деятельности.

The article contains information on the stages of preparation of the Historical Dictionary of the Belarusian Language; shows scientific, practical and social significance of the dictionary; suggests some promising directions of its use in research activity.

Ключевые слова: историческая лексикография, исторический словарь, «Гістарычны слоўнік беларускай мовы», старобелорусский литературно-письменный язык, история белорусского литературного языка

Key words: historical lexicography, historical dictionary, the Historical Dictionary of the Belarusian Language, Old Belarusian literary and written language, history of the Belarusian literary language.

«Гістарычны слоўнік беларускай мовы» (ГСБМ) – первый и единственный в белорусской и славянской гуманитаристике лексикографический справочник, с максимальной полнотой отражающий качество и состояние словарного фонда старобелорусского литературно-письменного языка. В 37 выпусках словаря лексикографическую обработку получили свыше 75000 слов, представленных в разножанровых памятниках белорусской письменности XIV–XVIII вв.

1. Планомерная подготовка ГСБМ была начата в секторе истории белорусского языка Института языкознания имени Якуба Коласа Академии наук Белорусской ССР под руководством члена-корреспондента НАН Беларуси А.И. Журавского в 1960 г., и продолжалась до 2017 г. под руководством члена-корреспондента НАН Беларуси А.Н. Булыко (необходимость разработки ГСБМ указывалась еще Е.Ф. Карским (статья «Что предстоит сделать по белорусскому языку и литературе?», 1921), О.В. Волк-Левановичем (статья «Аб прынцыпах і метадах укладання гістарычнага слоўніка беларускай мовы», 1929) [2, с. 4–5]).

В ходе *первого этапа* работы над словарем (1960–1972 гг.):

а) были определены его хронологические рамки. Низшая хронологическая граница датируется концом XIV в., высшая – XVIII в., что соответствует общей периодизации истории белорусского литературного языка, а также предложенной Р.И. Аванесовым системе словарей восточнославянских языков древнего периода, согласно которой предполагалось подготовить один словарь древнерусского (общевосточнославянского) языка и три отдельных словаря старорусского, старобелорусского и староукраинского языков;

б) были определены его источники на основе исследований В.С. Сопикова, И.П. Каратаева, А.Х. Востокова, Е.Ф. Карского, И.И. Срезневского и др. Окончательный перечень источников был сформирован после изучения полученных из зарубежных архивов и библиотек фотокопий и микрофильмов древних текстов. А.И. Журав-

ский обосновал критерии разграничения смешанных по языку памятников в связи с существованием в древней Беларуси полилингвизма. Так, при разделении белорусских и церковнославянских письменных источников наиболее значимыми являются качественные подсчеты показателей этих языков на фонетическом, грамматическом и лексическом уровнях (напр., соотношение неполногласных и полногласных форм типа *градъ* – *городъ*, начальных сочетаний *ра/ла* – *ро/ло* типа *разумъ* – *розумъ* и др.). Территориальный критерий – основной при определении белорусских и украинских памятников [2, с. 15]. Источники ГСБМ в хронологическом отношении распределяются по-разному. Доминируют памятники XVI–XVII вв. (напр., Статуты Вялікага Княства Літоўскага 1529, 1566, 1588, «Трыбунал абывацелям Вялікага Княства Літоўскага» (1586), «Хроніка» Матэя Стрыйковскаго (нач. XVII в.) и др.), к XV в. относится «Вісліцкі статут» (1423–1438), «Судзебнік Казіміра» (1468), «Чэцяця» (1489), «Жыцце Аляксея, чалавека божага» (конец XV в.), Уваровский и Виленский списки летописей (конец XV в.) и др., к XVIII в. – «Збор выпадкаў кароткі» (1722). Весь хронологический период словаря репрезентируют различные деловые документы, опубликованные в многотомных изданиях и сборниках древних актов на протяжении XIX–XX вв.;

в) создана картотека словаря, насчитывающая свыше 1 млн 60 тыс. карточек [3]. В нее включены слова самостоятельных и служебных частей речи, исконно белорусские и заимствованные (кроме иноязычных вкраплений, «которые не были освоены белорусским языком и даже не имеют белорусских морфологических признаков, но часто встречаются в переводных произведениях и сохранены там для определенных стилистических целей» [2, с. 21]); ономастический материал не представлен в связи с особыми подходами к его лексикографическому описанию. При составлении картотеки первоначально использовалась полная ручная выборка (ею обработана основная часть источников исторического словаря), которая предусматривала фиксацию на отдельную карточку каждого слова памятника не менее одного раза. На заключительном этапе фиксировались ранее не отмеченные лексические единицы, устойчивые словосочетания, а также значения и варианты выписанных ранее лексем. Сегодня сотрудниками отдела ведется оцифровка картотеки ГСБМ, что будет содействовать прежде всего её сохранению (она не имеет страховой копии) и расширению её информационного потенциала;

г) А.И. Журавским разработаны принципы подготовки исторического словаря; опубликованы в выпуске 1 ГСБМ [2].

Второй этап работы над словарем (1973–2017 гг.) связан с написанием словарных статей, подготовкой их к печати и изданием выпусков словаря в издательстве «Беларуская навука». Словарная статья включает в себя заголовочное слово (представлено в унифицированной графико-орфографической форме), его грамматическую характеристику, дефиницию, иллюстративный материал (обязательно отражал “письменную” историю слова, т.е. его употребляемость на протяжении XIV–XVIII вв. в памятниках разных жанров (если это слово не гапакс), его грамматические формы; графические и орфографические особенности памятника), при необходимости сопоставительные или отсылочные пометы (напр., *параўн.* – при лексемах, отличающихся звуковым составом, словообразовательными средствами и получающих объяснение в разных словарных статьях: **Тлумачити** *дзеясл. Тлумачыць... Параўн.* толмачити; *гл.* – при указании на фонетико-орфографические варианты слова, которые объясняются в одной словарной статье вместе с основным словом: **Аргументъ** *гл.* аркументъ), фразеологические единицы и устойчивые словосочетания (◇ *Вина* *статутавая гл.* вина; *рокъ* *статутавы* – *тэрмін, вызначаны статутам*). Значение слова раскрывалось 1) через подбор соответствующего семантического эквивалента из современного белорусского литературного языка: **Друкарня** *наз.* Друкарня...; 2) описательным путем, если слово называло исчезнувшую впоследствии реалию или предмет: **Подрочокъ** *наз.* Тэрмін *склікання і паўнамоцтва павятовых судоў*; 3) при помощи отсылок на соответствующие исходные формы: **Рыбачокъ** *наз., памянш. ад* рыбаць; **Рыбитвь, рибитвь** *наз.* *Тое, што і* рыбаць; **Сосонье** *наз., зб. ад* сосна; **Спанье, спане, спание** *наз.* *Дзеянне па дзеясл.* спати; **Статутавы** *прым. ад* статуць. В многозначных словах указаны все выделенные значения: **Жонка, женка** *наз.* **1.** *Жонка...* **2.** *Жанчына...* **3.** *Нявольніца...* **4.** *Служанка...* Слова-омонимы обозначены римскими цифрами: **Минута, менута, минута I** *наз.* **1.** *Мінута, 1/60 частка гадзіны.* **2.** *Мінута, 1/60 частка градуса.* **Минута II** *наз.* *Копія (як правіла, не завераная)...*

2. Значимость словаря и перспективы его использования.

а) Материалы ГСБМ и его картотеки явились основой научных трудов, посвященных формированию и развитию словарного

состава белорусского языка. В этом отношении прежде всего следует отметить монографии «Гістарычная лексікалогія беларускай мовы» (1970), «Лексіка старабеларускай літаратурна-пісьмовай мовы XIV – сярэдзіны XVI ст.» (2016); свыше 20 диссертаций по комплексному описанию тематических групп старобелорусской лексики (военной, музыкальной, юридической, медицинской и анатомо-физиологической, религиозной, социально-экономической, темпоральной, торговой, сельскохозяйственной, минералогической и др.); монографии и диссертации по языку отдельных старобелорусских памятников (напр., Статут ВКЛ 1588 (Н.А. Новик, 2003), «Вісліцкі статут» (В.Э. Зиманский, 2002), «Александрыя» нач. XVII в. (Е.С. Дедова, 2001) и др. [4];

б) словарь и его картотека выступили в качестве источников исследования результатов языкового взаимодействия – лексики иноязычного происхождения в старобелорусском языке, особенностей ее функционирования, адаптации, словообразовательной активности, причин и путей проникновения, письменной фиксации («Даўнія запазычанні беларускай мовы» А.Н. Булыко (1972), «Лексічныя запазычанні ў беларускай мове XIV–XVIII стст.» А.Н. Булыко (1980);

в) материалы словаря и его картотеки использовались при подготовке исторических и этимологических словарей белорусского и других славянских языков, исторических словарей отдельных тематических групп лексики («Рэлігійны слоўнік старабеларускай мовы» И.В. Будько, 2003), словарей языка отдельных старобелорусских текстов (приложения к диссертациям В.Э. Зиманского (2002), Е.С. Дедовой (2001), Н.А. Новика (2003), Н.В. Полещук (1999), в которых соответственно представлены словари языка «Вісліцкага статута», «Александрый» нач. XVII в., «Трыбунала абывацелям Вялікага Княства Літоўскага» (1586), Статута ВКЛ 1588; а также новых типов словарей в белорусской исторической лексикографии – «Падручнага гістарычнага слоўніка субстантыўнай лексікі» (т. 1–2, 2013) и «Кароткага гістарычнага слоўніка беларускай мовы» А.Н. Булыко (2015);

г) ГСБМ подтверждает или опровергает аргументы относительно использования/неиспользования того или иного слова в современном белорусском языке. Напр., данные словаря не подтверждают целесообразность употребления лексической

единицы *травень* вместо лексемы *май* для обозначения пятого месяца года [подробнее см.: 1];

д) издание словаря укрепляет статус белорусской гуманитарной науки на международном уровне. Таким образом наша страна находится в одном ряду со странами, где историческая лексикография получила высокий уровень развития, прежде всего с Россией и Польшей [5, с. 497–520, 615–645, 142–143; 6]. Наличие исторических словарей славянских языков имеет значение для создания сравнительно-сопоставительных исследований по современной и диахронической лексикологии, стилистике, для создания словарей определенной группы лексики или словарей заимствований в славянских языках и т.д., для описания и квалификации результатов межъязыкового и – шире – межкультурного взаимодействия и взаимовлияния. То есть появляется возможность осуществления и реализации международных междисциплинарных проектов, которые будут содействовать укреплению сотрудничества между учеными разных стран;

е) ГСБМ дает богатейшую информацию о социальной, экономической, политической жизни, материальной и духовной культуре наших предков; востребован в мероприятиях и проектах, направленных на популяризацию и сохранение историко-культурного наследия белорусов и древней книжности Беларуси; он широко используется в учебном процессе; к нему обращаются представители других направлений гуманитарного знания.

Материал ГСБМ и его картотеки в перспективе *может применяться*:

а) в исследованиях, направленных на выявление и уточнение особенностей эволюции лексической системы белорусского языка, характеристику словарного состава отдельных старобелорусских памятников, жанрово-стилевого и хронологического распределения лексических единиц, что окажет положительное влияние на развитие исторической лексикологии, исторической стилистики белорусского языка;

б) при составлении других типов исторических словарей (словари языка определенного периода или хронологического среза, региональные исторические словари, историко-терминологические словари, диалектный словарь с историческими данными, словарь «вхождений» заимствованной лексики и т.д. (богатый опыт созда-

ния такого типа словарей имеется в России), появление которых заполнит лакуну в белорусской и славянской исторической лексикографии;

в) в формировании национального корпуса белорусского языка (подкорпус «Старобелорусский язык»), что позволит точно определить старобелорусские соответствия словам современного белорусского языка, проследить сдвиги в семантике номинаций, получить новые данные для решения проблемы переименовности между старобелорусским и современным белорусским языком;

г) ГСБМ следует рассматривать как источник пополнения словарного состава современного белорусского языка (за счет введения лексических единиц, напр., *раскошнік* ‘человек, склонный к роскошной жизни’, *цікавец* ‘любопытный человек’ и др.), использовать в процессе номинации разнообразных объектов, продуктов производства и т.д.; **д)** целесообразной является подготовка дополнений к ГСБМ, в которые будет включена не вошедшая в картотеку и изданные выпуски словаря лексика из старобелорусских памятников, введенных в научное обращение на протяжении последних лет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жураўскі А. Май ці травень? // Веды. 1998. 28 жніўня. № 30 (33). С. 3.

2. Жураўскі А.І. Прынцыпы падрыхтоўкі “Гістарычнага слоўніка беларускай мовы” // Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Вып. 1. Мінск: Навука і тэхніка, 1982. С. 3–44.

3. Журавский А.И. Словарь старобелорусского языка. Картотека // Восточнославянские языки. Источники для их изучения : [сб. ст.] / АН СССР, Ин-т рус. яз. М., 1973. С. 33–52.

4. Паляшчук Н.В. “Гістарычны слоўнік беларускай мовы” як крыніца даследавання старабеларускай лексікі // Філол. вісн. Уманського держ. пед. ун-ту. 2011. Вип. 1. С. 140–148.

5. Славянская лексикография: международная коллективная монография / отв. ред. М.И. Чернышева. М.: Азбуковник, 2013. 886 с.

6. Чернышева М.И. Современные достижения и проблемы русской исторической лексикографии // Лексикологија и лексикографија у светлу савремених приступа : зб. науч. рад. Београд, 2016. С. 183–196.

Шаповалова Л.И., Лапицкая И.Н.

*УО «Могилевский государственный университет имени
А.А. Кулешова», г. Могилев (Беларусь)
e-mail: bel.rus.mgu @ mail.ru*

УДК 811.161.1'28+811.161.3'28

Этноязыковая специфика лексики говоров могилевско-смоленского пограничья (на материале «Словаря могилевско-смоленских пограничных говоров»)

*Shapovalova Ludmila Ivanovna, Lapitskaja Irina Nikolajevna
Mogilev State A. Kuleshov University, Mogilev (Belarus)*

UDC 811.161.1'373. 21

Etnolanguage specifics lexis of dialects mogilev-smolensk borderline (based on the "Dictionary of the mogilev-smolensk borderline dialects")

В статье определена этноязыковая специфика лексики говоров могилевско-смоленского пограничья и показана типология лексики переходных русско-белорусских (белорусско-русских) говоров.

Ключевые слова: этноконтактная зона, могилевско-смоленское пограничье, межязыковое и междиалектное контактирование, переходные русско-белорусские (белорусско-русские) говоры, региональный словарь, типология диалектной лексики

The article defines etnolanguage specifics of lexis dialects of Mogilev-Smolensk borderline and present stypology lexis dialects inter dialect Russian-Bylorussian (Byelorussian-Russian) dialects.

Keywords: etno-contact zone, Mogilev-Smolensk borderline, interlanguage and interdialect contact, interdialect Russian-Bylorussian (Byelorussian-Russian) dialects, the regional Dictionary, typology of dialect lexis.

В этноконтактной зоне российско-белорусского пограничья исторически сложились говоры, которые издавна привлекали внимание ученых, пытавшихся постичь их феномен — определить языковую основу и выявить этнолингвистические предпосылки к их обра-

зованию. Однако языковой статус пограничных говоров долгое время не был определен однозначно, что проявлялось в их терминологической «маркировке»: если эти говоры считали подсистемой русской или белорусской языковой системы, то называли соответственно *белорусскими говорами русского языка* либо *русскими говорами с белорусскими чертами*; если же в них видели исторический результат межъязыкового и междиалектного контактирования, то считали либо *смешанными*, либо *переходными русско-белорусскими* (бело-русско-русскими) говорами.

Одним из первых в русской лингвистике идею переходности пограничных говоров высказал А.И. Соболевский, который, сравнивая московский, вяземский, смоленский и оршинский (оршанский) говоры, писал: «Границы – в обыкновенном смысле – нет; между наиболее западным вполне великорусским говором и наиболее восточным говором, вполне белорусским, переливается из одного с другой длинный ряд промежуточных говоров, которые нельзя назвать ни великорусскими, так как в них есть белорусские особенности, ни белорусскими, так как они не свободны от великорусских особенностей» [5, с. 17]. Е.Ф. Карский, называвший эти говоры и *белорусскими*, и *белорусскими говорами русского языка*, фактически признавал их переходность, т. к. «причислял их к тому или другому наречию, смотря по преобладающим в них особенностям; и белорусскую границу проводил там, где, при сильном ослаблении белорусских черт, начиналось преобладание великорусских... особенностей» [1, с. 438].

В середине XX в. известный диалектолог П.С. Кузнецов отмечал, что «граница русского и белорусского языков не может быть достаточно точно определена. На территории, занятой русским языком, прилегающей к территории белорусского языка, имеется большое количество русских говоров, содержащих известные белорусские черты, образующие как бы постепенный переход от русского языка к белорусскому» [2, с. 13]. Такое положение он объяснял тем, что «территории к западу от Москвы ... постоянно служили предметом борьбы между Русским государством и Литовским княжеством. Эти земли неоднократно переходили из рук в руки, они входили в состав то Литовского княжества, то Русского государства. Поэтому на протяжении веков здесь и вырабатываются говоры, образующие постепенный переход от русского языка к белорусскому» [2, с. 14]. По мнению других ученых (И.С. Козырев, Е.Н. Борисова), эти гово-

ры образовались в результате многовековых тесных связей русских с белорусами на основе общности социально-экономических и общественно-политических условий на определенных этапах развития двух восточнославянских народов.

Постепенно в лингвистике утверждалось признание переходной природы этих говоров, и на IV диалектологическом совещании (г. Москва, 1963 г.) была сформулирована задача построения типологии и теории переходных говоров. Однако, как уже отмечалось, в общетеоретическом плане они частично рассматривались Е.Ф. Карским и П.С. Кузнецовым; другие диалектологи описывали либо отдельные говоры пограничной русско-белорусской зоны (П.А. Расторгуев, В.Н. Новопокровская), либо языковые особенности этих говоров – фонетические, лексические, грамматические (А.Б. Пеньковский, З.Н. Жакова, С.М. Прохорова). В свете сказанного очевидно, что всестороннее исследование говоров русско-белорусского (белорусско-русского) пограничья до сих пор остается актуальным. Вот почему в Могилевском госуниверситете под руководством В.Б. Сузановича более тридцати лет проводится исследование говоров могилевско-смоленского пограничья (МСП) – изучение диалектных особенностей говоров, сбор диалектной лексики и фразеологии, создание картотеки и подготовка регионального «Словаря могилевско-смоленских пограничных говоров» (СМСПГ), первый выпуск которого издан в конце 2017 г. [3].

Многолетнее наблюдение указанных говоров в десяти районах могилевского и смоленского пограничья (Хотимском, Климовичском, Кричевском, Мстиславском, Горецком и Ершичском, Шумячском, Хиславичском, Монастырщинском, Краснинском) позволяет утверждать, что при всем своем многообразии эти говоры сравнительно однородны; приграничные могилевские говоры отличаются от соответствующих смоленских говоров незначительно, и сами отличия во многих случаях носят частный характер. Такой вывод послужил основанием для объединения могилевских и смоленских пограничных говоров в одну диалектную зону [6, с. 14].

Переходные говоры могилевско-смоленской диалектной зоны «представляют собой своеобразное койне – общий язык, образовавшийся в результате тесного взаимодействия соседних русских и белорусских диалектов», – отмечает В.Б. Сузанович. – Эти говоры характеризуются тем, что в них органически сочетаются, образуя единое целое, русские и белорусские языковые элементы, причем

такое гармоничное единство обнаруживается на всех уровнях языка» [6, с. 15]. Поэтому, по мнению автора, «методика описания переходных русско-белорусских говоров, лексикографическая разработка соответствующих региональных словарей должны существенно отличаться от методик, используемых в частных русской и белорусской диалектологии и лексикографии. Если методика частной диалектологии основывается на противопоставлении диалекта одному конкретному языку (русскому, белорусскому), то методика описания переходных русско-белорусских говоров предполагает двойное противопоставление – русскому литературному языку, с одной стороны, и белорусскому литературному языку – с другой» [6, с. 15]. Различие указанных методик видно на примере сводно-дифференциального СМСПГ и «Словаря смоленских говоров» (ССГ) [4]. Так, употребляющиеся в смоленских говорах белорусские слова типа *арели* ‘качели’, *бок* ‘сторона’, *бруд* ‘грязь’, *весёлка* ‘радуга’, *вёска* ‘деревня’, *гульня* ‘игра’, *гультай* ‘леняй, бездельник’, *догляд* ‘присмотр, уход’, *дозвол* ‘позволение’, *дочухна* ‘доченька’, *лазня* ‘баня’ и др. являются диалектизмами и «на законном основании» помещаются в ССГ. Однако по отношению к говорам МСП эти слова диалектными не являются, т.к. относятся к нормативной белорусской лексике и поэтому в СМСПГ не включаются [6, с. 220]. В него вводятся только слова, отсутствующие в нормативной лексике и русского, и белорусского языка.

Анализ материалов СМСПГ на основе двойного сопоставления диалектизмов – с русским литературным языком, с одной стороны, и белорусским литературным языком – с другой, позволяет выявить типологию диалектной лексики говоров МСП.

1. *Собственно диалектная лексика* – слова, отсутствующие в составе лексики обоих литературных языков – русского и белорусского: *ага́шник* ‘верёвка для опоясывания мужской одежды’; *баёра* ‘лужа’; *борошня* ‘корзина, сплетенная из прутьев лозы’; *бу́тя* ‘н’аист’; *галу́за* ‘непоседа’; *зэ́длик* ‘небольшая скамейка’; *мошак* ‘мухомор’; *кура́па* ‘лягушка, жаба’; *ба́глитъ* ‘жарко топить (печь, баню)’; *варлы* ‘жить’ ‘ворчать’ и др. Например: *Раньшы агашинікамі мужыкі штаны пьдвязвыли* (Любавичи, Мон.Смл.); *Агашиники я сама для мужыка дельла* (Звенчатка, Клим. Мгл.); *Да Новага Дедина киломитра чатыры, а як напрямку полям итить, дык с киломитр. Тольки там щас многа баёр и речка малая* (Ст. Дедин, Клим.Мгл.); *Пысля дажжу баёры бывають* (Любавичи, Мон.

Смл.); *Таки ж галуза, худьба минутку на месцы пысядеў* (Липовка, Хот. Мгл.); *Кали малец у кагобалаваны, то яго галузай завуць* (Соино, Хисл. Смл.); *Бутян лятеў праз двор и курапу выраниў з дюбы* (Тростино, Хот. Мгл.); *Если курапы вылазять с пруда, то гразаблиска*(Петровка, Ерш. Смл.); *У машака шапки красныя, с крупалкай-белай* (Кр. Буда, Крич. Мгл.); *Адин мужык прышоў калекай ды ня выдержай: атравіўся машаками, литар вотки наверх – и памёр* (Викторово, Красн. Смл.).

2. *Фонетические диалектизмы* – слова, отличающиеся от соответствующих русских и белорусских литературных слов качеством звуков (*бисонóжки* ‘босоножки’, *дирёвый* ‘дырвяый’, *ря’ма* ‘рама’, *антарь* ‘янтарь’; *берёвка* ‘крученая веревка’, *кошонок* ‘котенок’, *пульга* ‘пурга’, *месик* ‘месяц, луна’, *грёкот* ‘грохот’ (ср. бел. *грукат*), *бажма, багма* ‘трясина’ (ср. бел. *багна*), а также их составом (*агляк* ‘глиняный кувшин’ (ср. бел. *гляк*), *ветхлый* ‘ветхий’, *белток* (рус. *белок*; бел. *бялок*), *кона* (рус. *икона*, бел. *ікона*), *рэли* ‘качели’ (ср. бел. *арэлі*), *мрок* ‘мрак’ (ср. бел. *змрок*) и т.п. Расхождение в звуковом составе диалектного и литературного слов возникало и вследствие метатезы – перестановки звуков или слогов, ср.: *бжан* – рус. и бел. *жбан*; *ганавіцы* ‘мужское нижнее белье; кальсоны’ – бел. *нагавіцы*; *камашірка* ‘цветной шерстяной платок, шаль’ – рус. *кашемир* ‘тонкая шерстяная или полушерстяная ткань’.

3. *Грамматические диалектизмы* – слова, отличающиеся от соответствующих русских и/или белорусских литературных слов грамматической характеристикой, например: а) существительные с родовыми различиями: *бедра́*, ж. р. ‘бедро’ (рус. *бедро́*, ср. р.); *бэза*, ж. р. ‘сирень’ (бел. *бэз*, м. р.); *бры’жа*, ж. р. ‘оборка в одежде’ (бел. *брыж*, м. р.), *пасáга*, ж. р. ‘приданое невесты’ (бел. *пасаг*, м. р.), *свірна* и *свірня*, ж. р. ‘сарай для хранения зерна’ (бел. *свіран*, м. р.); б) существительные с различиями в типах склонения: *бол-я’*, ж. р., I скл. – рус. *боль*, ж. р., III скл.; *бров-а*, ж. р., I скл. – рус. *бровь*, ж. р., III скл.; в) существительные с различиями в числе: *ганки* ‘крыльцо’, только мн.ч. – бел. *ганак*, ед. ч. Часто различия в грамматической характеристике диалектизма и литературного слова обусловлены различными словообразовательными суффиксами, ср. *боков-ик* ‘боковая часть чего-л.’ – бел. *бакав-іц-а*; *луб-к-а* ‘корзина из липовой коры’ – бел. *луб-ак*; *сен-ніц-а* ‘сарай для сена’ – бел. *сян-нікі* т.п.

5. *Словообразовательные диалектизмы*— слова, отличающиеся от соответствующих русских или белорусских литературных слов *морфемной структурой*: 1) слова, отличающиеся от соответствующих русских и/или белорусских литературных слов *морфемным составом*: *брат-ник*— рус.*брат*; *маз-ил-о* — рус. *мазь*, *ед-инь-е* (*ед-ин'j-э*) — рус.*еда*; *мот*— рус. *мот-ок*; *жéмер*—бел.*жамер-ын-ы*; *бан-ник*— рус. *пред-банник*; *с-плётка*— бел. *плётка*; 2) слова, отличающиеся от соответствующих русских или белорусских литературных слов *словообразовательными аффиксами*: а) *без-люди*— рус. *не-люди*; *бес-путица* — рус. *рас-путица*; *до-гарок, на-гарок* — рус. *о-гарок*; *об-мылка* — бел.*па-мылка*; *без-уважливый*.— бел. *ня-ўважлівы*; *за-еденье*— рус.*объ-еденье*; *за-дивляться*— рус. *у-дивляться*; *на-брыдётся*— бел. *а-бры'дзець*; б) *лив-ник* — рус. *лив-ень*; *молот-арк-а, молоти-лиц-а* — рус. *молоти-лк-а*; *бег-в-а*— рус.*бег-отн-я*, бел. *бег-аніп-а*; *мастер-к-а, мастер-ух-а*— рус. *мастер-иц-а*, бел. *майстр-ых-а*; *берёж-н-ый*— рус.*береж-лив-ый*; *задёр-лив-ый*—рус.*задир-ист-ый*; 3) *диалектные производные* от лексем, представленных в русском или белорусском литературном языке: *на-клёв-ыш'* 'яйцо, из которого начинает проклеиваться цыпленок' — рус. *клевать*; *без-ызб-н-ый, бес-хат-н-ый, без-двор-н-ый* 'бездомный'— рус. *изба*, бел. *хата*, рус. и бел. *двор* 'крестьянский дом со всеми постройками вокруг него'; *без-насён-к-а* 'растение, не имеющее семян'— бел.*насенне* 'семя, зерне, з якога пачынае развівацца новае расліна'; *над-столь-ник* 'чердак' — бел. *столь* 'верхняя ўнутранае пакрыццё памяшкання'; *на-глаголить* 'наговорить' — рус. устар. *глаголати* 'говорить, выражаться, высказываться'; *жартоваться* 'гулять, веселиться' — бел. *жартаваць* 'весела і забаўна гаварыць, вастрасловіць'.

б. *Семантические диалектизмы* — слова, совпадающие по звуковому облику с русскими или белорусскими литературными словами, но отличающиеся от последних по значению: *бедняга* 'сирота', *забор* 'складки в одежде', *кресло* 'ромбовидная вставка в брюках', *месяц* 'серп', *монисты* 'ордена, медали', *ноздри* 'поры в продуктах (хлебе, блинах, сыре и т.п.)', *скула* 'нарыв, опухоль', *маяться* 'беспокоиться, волноваться', *могутнётъ* 'выздоровливать, оправляться от болезни' и т.п. Уже из приведенных примеров видно, что семантические диалектизмы возникают на готовом словарном материале. Наиболее продуктивными способами семантического переосмысления слова и развития

его семантической структуры в говорах МСП являются следующие общезыковые модели: 1) метафорическая: *ладонь* ‘крытая площадка для молотьбы; ток’: *У нас у дяреўни места, идемалотютьхлеп, хтояк называю: хтоскажа “ток”, хтоскажа “гумно”, а старья, дык тыя и “ладонь” могут скызать* (Титовка, Клим. Мгл.); *Снапыспирвасвозють на ладонь, там их абмалотють, а патом ужосносють у асетьсушыть* (Татарск, Мон. Смл.); *лапик* ‘небольшой участок земли’: *У дяреўникожны свой лапик мая, кабгарот садить* (Милейково, Мст.Мгл.); *А нам да вайны два лапика зямли дали* (Любавичи, Мон. Смл.); *беседка* ‘скамейка, лавочка около дома’: *Сядайтя, деўки, на бясетку, ўсеммеса хватить. Дык ап чым будим гаварыть?* (Звенчатка, Клим.Мгл.); *Етую бясетку яце наш дет скылатиў* (Соино, Хисл. Смл.) и 2) метонимическая: *кипяток* ‘чай’: *Як хвароба якая, папъеш кипятку смалинай– и палучшая* (Кр. Буда, Крич. Мгл.); *Можя, вас кипятком угастить, деўки?* (Любавичи, Мон.Смл.); *бульба* ‘картофельный суп’: *Баба сварила супу с картошки и гаварить мне: “Хади бульбу паеш”* (Литвиновка, Ерш. Смл.); *У нас зжыткаваболыш за ўсёлюбятьборшч и бульбу.* (Кр. Буда, Крич. Мгл.); *беседа* ‘праздничное застолье’: *Раньшы хто пубыгатеишы, дыг балышыя бяседы устройваў* (Звенчатка, Клим.Мгл.); *Скора у Светки свадьба – во будя быгатая бяседа* (Соино, Хисл. Смл.); *На бяседу и гарманиста приглашали* (Любавичи, Мон. Смл.); *бог* ‘икона’: *У хати самая святая места – багаўня, на якой бох стаить* (Ст. Дедин, Клим.Мгл.); *Раней у етым куте бох стаяў, патом йиво матка пиранесла ў тэйкуточак* (Милейково, Мст. Мгл.). Иногда мотивация переноса наименований оказывается затемненной, например, *бор* ‘болото’: *Если балота топкая, нипрахадимая – эта и ёсь бор* (Литвиновка, Ерш.Смл.); *Кались мы с сусеткайпашли ў бор дурницы брать и чуть ни утапилися* (Звенчатка, Клим. Мгл.); *баклан* ‘деревянный бочонок для дегтя’: *Хызяин зыташчыў баклан на крышу, стаў яе дёхтям зыливать* (Звенчатка, Клим. Мгл.); *Раньшыяўреи ездили на дяреўнях з гаршиками, мисами, быкланами з дёхтям; усё эта выменивали на хлеп и картошку* (Любавичи, Мон. Смл.).

Наблюдение над словарным материалом говоров могилевско-смоленского пограничного региона показывает, что диалектные слова претерпевают различные семантические сдвиги. Так, у диалектных слов может развиваться многозначность в результате тех же процес-

сов, что и в литературных русском и белорусском языках [6, с. 263-264].

Анализ словарных статей СМСПГ свидетельствует, что наиболее продуктивным способом развития переносных значений диалектных слов является *метафорический перенос наименования*. Отметим наиболее распространенные модели метафоризации. Так, среди имен существительных чаще всего в основе переноса названия лежит *внешнее сходство* сопоставляемых предметов: а) *сходство формы, внешнего вида*: **долблёнка** 1) 'одноместная лодка, выдолбленная из бревна', 2) 'деревянное долбленое корыто для кормления скотины'; **киёвка** 1) 'кукурузный початок', 2) 'соцветие, початок камыша'; б) *сходство объема, количества сопоставляемых предметов*: **двойник** 1) 'рубанок с двумя ручками для совместной работы', 2) 'двухпудовая гиря', 3) *устар.* 'попарно связанные снопы в покрытии крыши'; **десятник**, *этногр.* 1) 'пряжа из десяти нитей', 2) 'холст в десять пасм основы'; в) *сходство в месторасположении предметов*: **налобник** 1) 'передняя лобная часть чепца', 2) 'передняя часть крыши'; **испод** 1) 'нижний край одежды, подол', 2) 'подкладка в теплой одежде'; г) *сходство вкуса, запаха*: **кислятьё** 1) 'сыворожка', 2) 'перекисшая капуста'; **вонючка** 1) 'трава с неприятным запахом', 2) 'клоп'. Более сложными являются метафорические переносы наименований, которые возникают на основе образных представлений или эмоциональных восприятий: **жирик** 1) 'рыба пескарь', 2) *перен. экспр.* 'непоседа; ловкий, пронырливый человек'; **глёк** 1) 'глиняный кувшин с узким горлом', 2) *перен. экспр.* 'толстый человек, толстяк'; **гайно** 1) 'логово зверя', 2) 'свинарник', 3) *перен.* 'беспорядок в доме, помещении'. Подобные метафоры создают зрительное впечатление об обозначаемом, содержат элементы оценки, различные коннотации, как правило пейоративные.

Многозначные слова в говорах МСПГ могут появляться также в результате разного рода *метонимических переносов*. Основой метонимии служат пространственные, временные, причинные, следственные и др. ассоциативные связи, которые возникают вследствие сопредельности называемых предметов, явлений действительности. Наиболее продуктивным среди обследованного лексического материала является перенос наименования на основе метонимической связи *материал→изделие из этого материала*: **гравёрка** 1) 'гравий', 2) 'дорога, посыпанная гравием'; **картопля** 1) 'картофель',

2) ‘картофельный суп’; *кльчка* 1) ‘скомканная, смятая солома, трава и т.п.’, 2) ‘соломенная крыша’; *намётка*, *этногр.* 1) ‘тонкое полотно домашнего тканья, чаще с вытканым или вышитым узором’, 2) *этногр.* ‘длинный женский головной платок’, а также на основе метонимической связи *вместимое* → *вместилище*: *зімница* 1) простокваша из молока, собранного во время зимнего поста; 2) бочка для такой простокваши; *дегтярка* 1) деготь; 2) ведро для дегтя.

Основанием для переноса наименования служит и функциональная общность – сходство назначения, функции обозначаемых референтов: *валёк* 1) ‘цеп для обивания льна’; 2) ‘козлы, чурка и т.п., приспособленные для молотьбы’; *задвёрка* 1) ‘калитка’, 2) ‘дверь в чулан’; *каталка*, *этногр.* 1) ‘приспособление из скалки и валька, служащее для глаженья белья’, 2) ‘скалка для раскатывания теста’.

Метонимический перенос путем соподразумевания, или синекдохи, позволяет назвать целое по его части и наоборот: *курдюки кардюк* 1) ‘живот, брюхо’, 2) *перен. экспр.* ‘человек с большим животом’; *гуз* 1) ‘лопух, репейник’, 2) ‘головка лопуха, репейника’.

Таким образом, материалы СМСПГ показывают, что в могилевско-смоленских пограничных говорах, занимающих маргинальную зону на стыке белорусского и русского языков и находящихся в исторически обусловленном фронтальном и афронтальном межъязыковом и междиалектном контактировании, основным источником формирования лексического фонда являются близкородственные восточнославянские языки – белорусский и русский – и их диалекты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карский Е.Ф. К вопросу о границах белорусских говоров // Труды по белорусскому и другим славянским языкам. М.: Изд. АН СССР, 1962. 714 с.
2. Кузнецов П.С. Русская диалектология. М.: Учпедгиз, 1951. 141 с.
3. Словарь могилевско-смоленских пограничных говоров. Автор-составитель В.Б. Сузанович. Ред. кол.: Л.И. Шаповалова (отв. ред.), И.Н. Лапицкая, Т.С. Воробьева. Могилев: МГУ имени А.А. Кулешова, 2017. 196 с.
4. Словарь смоленских говоров. Под ред. А.И. Ивановой, Л.З. Бояриновой. Вып. 1-11. Смоленск, 1974-2005.

5. Соболевский А.И. О русских говорах вообще и белорусских говорах в частности // Изв. отд-ния рус.яз. и словесности. СПб, 1904. Т. 9. Кн. 2. С. 14–23.

6. Этнолингвистическое и лексикографическое описание говоров могилевско-смоленского пограничья: монография. В.Б. Сузанович [и др.]. Ред. кол.: В.Б. Сузанович (отв. ред), Л.И. Шаповалова, И.Н. Лапицкая. Могилев: МГУ имени АА. Кулешова, 2016. 312 с.

Михалевич Е.Г.

*Белорусский государственный педагогический университет
имени Максима Танка, г. Минск (Беларусь)
e-mail: 23091963e@mai.ru*

УДК 81'246. 2: 811. 161. 1

Формирование акцентологической культуры в условиях государственного билингвизма

Mihalevich Elena Gennadievna

*Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank,
Minsk (Belarus)*

UDC 81'246. 2: 811. 161. 1

Formation accentological norms culture in the conditions of state bilingualism

Рассмотрены основные аспекты проблемы нормативности в устной речи носителей русского языка; понятие «ударение» и его типы; особенности функционирования акцентологических норм. Показана специфика названных норм в условиях государственного белорусско-русского двуязычия.

Ключевые слова: акцентологическая норма, государственный билингвизм, нормативность, орфоэпическое правило, ударение.

The article considers the main aspects of the problem of normativity in the oral speech of native speakers of Russian; the concept of “stress” and its types; the peculiarities of using accentological norms. It shows the specificity of functioning of the mentioned norms in the conditions of state Belarusian-Russian bilingualism.

Keywords: accentological norm, state bilingualism, normativity, orthoepic rule, stress.

Общеизвестно, что современное общество предъявляет к своим членам всё новые и новые требования, проявляющиеся в профессиональной подготовленности, активной жизненной позиции, прогрессивном мировоззрении, личностных качествах первых. Одним из таких первостепенных по важности показателей является высокий уровень речевой культуры.

Культура речи, как устной, так и письменной, воплощает стиль мышления и поведения члена общества. Она характеризует не только образованность, широту и глубину знаний человека, но и его воспитанность, интеллигентность, а также умение четко выражать свою мысль, внимательно слушать, делать правильное встречное движение, с достоинством и в соответствии с обстановкой себя держать. Чтобы иметь высокую речевую культуру, нужно знать нормы устного и письменного языка, уметь использовать его выразительные средства и соотносить свои речевые поступки с конкретной речевой ситуацией.

Одним из показателей правильности устной разновидности литературного языка является владение акцентологическими нормами, предусматривающими правильное использование в словах и фразах ударения (акцента). При этом термин «акцент» (от лат. *accentus* – ударение) рассматривается как «...совокупность особенностей или ошибок в речи человека, говорящего на неродном языке, которые обусловлены влиянием системы его родного языка, либо – внутри одного языка – совокупность особенностей, не свойственных данному литературному языку, в речи носителя диалекта, когда он несовершенно владеет нормами литературного языка» [1, с.22]. Именно выработка навыков правильного местоопределения ударения в словах – важный аспект повышения культуры речи.

Вместе с тем, и сегодня в речи носителей русского языка легко обнаруживаются акцентологические ошибки, что можно объяснить различными причинами. Одной из таких причин является влияние на произношение русских слов особенностей ударения в белорусском языке. Это особенно актуально для Республики Беларусь, где изучение фонетико-орфоэпических, грамматических и других особенностей русского языка проводится в условиях государственного билингвизма.

Билингвизм (двуязычие) – это владение двумя языками и попеременное пользование ими в зависимости от условий речевого общения; носители двуязычия называются двуязычными билингвами.

В Республике Беларусь наиболее распространенным вариантом двуязычия выступает тот, когда оба языка создают в сознании только одну систему ассоциаций, где любой элемент имеет свой непосредственный эквивалент в другом языке, в результате чего закономерным является влияние белорусскоязычных явлений на русскоязычный материал.

При рассмотрении проблем билингвизма в рассматриваемом аспекте неизменно восстает вопрос о интерференции, постоянно присутствующей в устных и письменных речевом общении билингвов. Сегодня под интерференцией следует понимать взаимодействие языковых систем, обусловленное их структурными расхождениями, что проявляется в отклонении от кодифицированных языковых норм контактирующих языков. Кроме того, интерференция рассматривается и как обозначение случаев нарушений языковых норм одного языка под влиянием другого.

Анализ явлений интерференции показывает, что она может проявляться на всех языковых уровнях и во всех языковых аспектах. В соответствии с этим в лингвистике выделяются ее следующие типы: графическая, орфографическая, фонетическая, лексическая, фразеологическая, морфологическая, синтаксическая и др. Поскольку устная речь носителей русского языка характеризуется многочисленностью употребления явлений лингвистической интерференции, нами выявлены прежде всего ее особенности на акцентологическом уровне.

Например, к числу русских лексем, отличающихся от соответствующих белорусских местом ударения, относятся славянские и заимствованные слова, чаще имена существительные, имена прилагательные, глаголы и наречия: *арест* (бел. *арышт*), *верба* (бел. *вярба*), *волосы* (бел. *валасы*), *горячо* (бел. *горача*), *доходить* (бел. *даходзіць*), *девятиро* (бел. *дзвяцера*), *имя* (бел. *імя*), *кроить* (бел. *кrojць*), *малый* (бел. *малы*), *наспех* (бел. *наспех*), *некоторый* (бел. *некаторы*), *нести* (бел. *несці*) и др.

Следует помнить, что ударение (акцент) в любом, в том числе и белорусском, языке выполняет смысловоразличительную, вершинообразующую и разграничительную функции. Главной здесь выступает вершинообразующая функция, позволяющая определить, например, количество самостоятельных (полнозначных) слов в предложении или фразе, и речь здесь идет прежде всего о фразовом ударении. Кроме этой, важной является функция смысловоразличитель-

тельная: с помощью ударного слога можно различить, в частности, ряды слов с различным лексическим значением. Например: бел. *кара* (русс. *наказание, возмездие*) – *кара* (русс. *кора*); *каралі* (рус. *бусы, монисто, ожерелье*) – *каралі* (русс. *короли*); *любы* (русс. *милый, любимый*) – *любы* (русс. *любой*).

С помощью ударения можно различить также формы одного и того же слова, что объясняется подвижностью первого в белорусском языке. Например, только ударение выступает средством различения форм именительного падежа множественного числа и родительного падежа единственного числа имен существительных женского рода I склонения с окончаниями -а (-я): *губы* – *губы*, *рукі* – *рукі*, *свінні* – *свінні* и др. Кроме того, ударение различает в белорусском языке глаголы несовершенного и совершенного вида (*закідаць* – *закідаць*, *рассыпаць* – *рассыпаць*, *склікаць* – *склікаць*), глаголы – инфинитивы и формы третьего лица множественного числа будущего времени (*заўважыць* – *заўважыць*, *паляпішыць* – *паляпішыць*, *уручыць* – *уручыць*). Следует отметить, что в некоторых белорусскоязычных словах в связи с изменением места ударения наблюдаются аканье или яканье, передающиеся написанием в безударных слогах букв *а, я*: *адразаць* – *адрэзаць*, *стагі* – *стог*, *вясна* – *вёсны*, *разбягацца* – *разбегацца* и др.

Следует отметить, что ударение как смысло- или форморазличительное средство проявляется в словах, полностью или частично совпадающих в правописании: *кавалі* (рус. *кузнецы*) – *кавалі* (русс. от *ковать*), *кара* (русс. *кора*) – *кара* (русс. *наказание*); *душа* – *вінавальны* склон *душы* (русс. *душа* – винительный падеж *душу*).

Овладению акцентологическими нормами русского языка будет способствовать, таким образом, среди других способов, прием сопоставления вариантов с белорусскоязычными, что позволит избежать многих ошибок в определении в слове ударного слога. При этом следует помнить, что белорусскоязычное ударение характеризуется еще разноместностью, и учитывать его место не только в отдельном слове, но и в его формах. Ср.: русск. *дочь* – о *дочери*, *голова* – *головой*, *дожжевать* – *дожжёванный*; бел. *дачка* – аб *дачцэ*, *галава* – *галовы*, *дажжавыць* – *дажжаваны*.

Избежать нарушений акцентологических норм русского языка можно, создав в себе установку на овладение правильным литературным произношением во всех ситуациях, различными путями:

- наблюдение за правильным акцентологическим произношением в устном официальном и неофициальном общении;
- стремление к точности употребления слов с учетом их семантического поля;
- освоение акцентологических норм в процессе специального изучения;
- знание некоторых закономерностей ударения в заимствованиях со славянских и неславянских языков (например, заимствования с польского языка – полонизмы – имеют ударение на предпоследнем слоге, с французского – на последнем слоге и т.д.);
- прослушивание звукозаписей, просмотр телепередач, спектаклей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Русский язык : Энциклопедия / Под ред. Ю.Н. Караулова. – М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 2003. – Репр. изд. – 704 с., 16 с. вкл.

Воїнава А.М.

*УА “Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Ф.Скарыны”,
г. Гомель (Беларусь)
e-mail: helena_voinova@mail.ru*

УДК 811.161.3'373:398.3

Найменні народных свят восеньскага каляндарнага цыклу ў гаворках мазырска-прыпяцкага рэгіёна

Voinova A.M.

*Gomel state University named after Francis Skaryna,
Gomel (Belarus)*

UDC 811.161.3'373:398.3

The names of national holidays fall calendar cycle in the speeches of mozyr-pripyat region

В статье рассматриваются номинации календарно-обрядового осеннего цикла, зафиксированные на территории Гомельского региона. Проводится подробная лексико-тематическая классификация именований цикла, фиксированных на территории Гомельского региона. A detailed lexical-thematic classification of names

*тематическая классификация relating to the autumnal ritual ce-
названий, относящихся к remonies and holidays, related
традиционным осенним обрядам и primarily to the collection and pre-
праздникам, связанным прежде всего servation of crops and existing on
со сбором и сохранением урожая и the investigated territory, examines
бытующим на исследованной the ways of the penetration of lex-
территории, рассматриваются пути emes into the modern Belarusian
проникновения лексем в современный language
белорусский язык.*

*Ключевые слова: обрядовая Key words: rite lexics, object-
лексика, предметно-тематическая thematic classification, nomination
классификация, номинации праздников, of holidays, traditional rite, geneti-
традиционный обряд, генетическая cal characteristics.
характеристика.*

Абрады, вераванні і народныя святы адносяцца да духоўнай культуры народа. Неад’емнай часткай кожнага абрада з’яўляецца яго лексіка, якая, побач з агульнымі найменнямі, у кожным рэгіёне мае свае адрознівальныя рысы. Комплекснае вывучэнне духоўнай спадчыны беларусаў, якое аб’ядноўвае этнаграфію, фальклор і мовазнаўства, з’яўляецца адным з самых актуальных і перспектыўных напрамкаў сучасных навуковых даследаванняў.

Аб’ектам нашага даследавання з’яўляюцца назвы народных святаў, зафіксаваныя на тэрыторыі Мазырскага раёна. У дадзеным рэгіёне захаваліся самыя разнастайныя найменні свят, звязаныя з земляробчым і сельскагаспадарчым цыклам жыцця беларускага народа.

Геаграфічнае становішча Гомельскай вобласці спрыяла цесным міжмоўным кантактам, і вынікі гэтага ўзаемадзеяння адзначаюцца ў дыялектнай лексіцы Мазырскага раёна. Так, у мове захоўваюцца самыя разнастайныя па часе ўзнікнення і функцыянавання лексічныя адзінкі. Такія найменні ўяўляюць сабой абрадавыя назвы, якія адлюстроўваюць важныя падзеі ў грамадскім і сямейным жыцці народа: называюць абрады розных перыядаў земляробчага календара беларуса, абазначаюць самыя значныя падзеі ў жыцці чалавека – нараджэнне, хрышчэнне, вяселле, пахаванне.

Адрознівальнай прыкметай абрадавай сітуацыі з’яўляецца абавязковасць такога кампанента, як паўтаральнасць. Абрад – гэта вызначанае традыцыяй дзеянне ці сукупнасць дзеянняў, таму абрадавае найменне можа абазначаць адно дзеянне ці мноства

акцыі. Цікавай у гэтым плане з'яўляецца абрадавая лексіка, якая звязана з народным календаром і накіравана на атрыманне добрага ўраджаю, са зменамі ў жыцці прыроды і імкненнем чалавека ўздзейнічаць у сваіх інтарэсах на з'явы прыроды, прымусяць працаваць на сваю карысць. Каляндарныя святы беларусаў падпарадкаваны гадавому земляробчому і жывёлагадоўчому цыклам і выразна падзяляюцца на восеньскія, зімовыя, веснавыя і летнія. Восеньскія святы найперш звязаны са зборам і захаваннем ураджаю і памінаннем продкаў (дзяды).

Лексіку восеньскага абрадавага цыклу можна прадставіць у наступным выглядзе:

1. Назвы восеньскіх абрадаў і свят: **Багаслоў, Багуслаў, Багуслоў, Богослаў, Богослоў, Іван Багаслоў, Іван Богослоў, Іван Богуслаў** – земляробчае свята народнага календара, якое адзначаецца 9 кастрычніка: дзень, да якога заканчваюцца ўсе работы ў полі. *После Івана Богуслава на полі ўжэ не робімо.* Завайць Нар.; *Ад Багаслова на полі не робім.* Барбароў Маз.; *Пасля Багуслава правяць дажынкi.* Мікулінск Калінк.; *Да Багуслава кончаюць работы на полі.* Ясяні Браг.; *Прышоў Богослаў – дзеўкі сватоў сустракаюць.* Канатоп Нар.; *Колісь гаворылі: ек прышоў – ідзі з поля дамоў.* Малешаў Жытк. *На Івана Багаслова веселлі робяць.* Савічы Калінк.; *На Івана Богослова госці правяць.* Сяменча Жытк.

Галавасек, Головосек, Іван Головосек – свята, якое адзначаецца 11 верасня і звязваецца з усталяваннем за ім бытавых прыкмет і павер'яў. У гэты дзень забараняецца рэзаць, сячы і есці круглае: *У Галавасек не можна есці капусту й бульбу.* Слабада Маз.; *Ек Головосек – нічога не рэжэм, не сяком.* Завайць Нараўл. *Колісь на Івана Головосека ножа ў рукі не бралі, а лусты рэзалі зараней.* Маркоўскае Лельч.

Калінавік, Каліннік – народнае свята, якое адзначаецца 11 верасня і звязваецца з выспяваннем пладоў каліны: *На Калінавіка ламалі каліну і варылі з яе кашу, гавораць не будзе болець голова.* Даманавічы Калінк.

Міхайла, Міхайло – свята, якое адзначаецца 21 лістапада і звязваецца з метэаралагічнымі назіраннямі: *Міхайла ўсіх з поля гоніць.* Прудок Маз.; *Пройдзе Міхайло – тады пачынаем прасці.* Грабаў Петр.

Вялікім святам былі **Пакрова, Покрова, Пакроў** – свята, якое паказвала на пераход ад лета і зімы і адзначалася 14 кастрычніка;

свята заканчэння палявых работ і вельмі цесна звязанае з хрысціянскім уплывам: *Пакроў, кажуць, пакрывае людзей ад грахоў*. Вубалаць Калінк.; *Пакрова ўжэ сцеле лістом*. Навасёлкі Калінк. Свята прыпадала на час Вялікай Вясельніцы, калі маладую пакрывалі накідкай. У гэтыя дні рыхтаваліся да зімы, не пускалі жывёлу ў поле, хатняя праца спалучалася з песнямі, гульнямі. Асаблівая ўвага надавалася варажбе на вясельную тэму [1, 148].

Узвіжанне, уздвіжэнне, уздзвіжанне, уздзвіжэнне, уз'южанне, уздзюжэнне, воздвіжэнне, двіжэнне, дзвіжэнне, звіжэнне – хрысціянскае свята народнага календара. Адзначаецца 27 верасня; апошнія цёплае свята, калі заканчваюцца работы на полі, дзень адлёту птушак у вырай. *На Узвіжанне галка перва адлетае*. Мялешкавічы Маз. *На Уздвіжэнне ўсё гадоўе здвігаецца ў кучы і ховаецца*. Сяменча Жытк. *На Уздзвіжанне адзначаем дзень найдзенага краста, на якім быў распяты Господзь*. Бывалькі Лоеўск. *На Уздзвіжэнне земля закрываецца*. Хобнае Калінк. *На Уздзюжэнне змеі ухозяць*. Юркавічы Браг. *На Уз'южанне ў лес ездзіць бояцца: вужэ абкружцаць, неможна ступіць*. Бобрыкі Петр. *На Воздвіжэнне ўлес не ідуць, бо земля воздвігаецца, і ўсе змеі ў землю ховаюцца*. Сяменча Жытк. *На Двіжэнне пропасць здвігаецца*. Юркевічы Жытк. *Пройшло Дзвіжэнне і ўжы поховаліса*. Маркоўскае Лельч. *На Звіжэнне пачынаем збіраць журавіны*. Небытаў Хойн.

2. Найменні прысвяткаў: **Казанская, Казанска Богородзіца** – прысьвятак народнага календара, які адзначаецца 4 лістапада і адметны шлюбнай варажбой, вяселлямі, метэралагічнымі назіраннямі: *Раней абязацельно молодые ішлі пад венец на Казанскую*. Казловічы Калінк.; *На Казанску Богородзіцу не можна робіці*. Камаровічы Петр.; **Матрыпан, Матрыхваны** – прысьвятак, які адзначаецца 23 лістапада: дзень, вольны ад працы, ад прадзення і адметны варажбой: *Колісь як прыходзіціў Матрыпан – ніхта не садзіўса прасці*. Буйнавічы Лельч.; *Матрыхваны бувалі ў Піліпоўку*. Валаўск Ельск.; **Параскі, Параскімка** – прысьвятак, які адзначаецца 10 лістапада; дзень забароны прадзення і ткання: *Раней у нас на Параскі не пралі і не ткалі*. Буйнавічы Лельч.; *А у нас на Параскімку ходзяць у цэркву, просяць Параскімку даці жаніха*. Махнавічы Маз.; **Пілін** – прысьвятак, які адзначаецца 27 лістапада: *Калі на Піліпа вороны крычаць, мороз адляжэ Загорыны* Маз.; **Цуда, Цудо, Чуда** – прысьвятак, які адзначаецца 19 верасня; дзень

дзівосаў: *Не рабі нічога, а то Чуда ўчудзіць*. Сырод Калінк.; *Цуда не празнік, а дзень такі, проста не робімо ды і ўсё*. Веляцін Хойн. **дакопкі** – свята заканчэння ўборкі бульбы: *Як бульбу дакапаюць – правім дакопкі*. В.Сялюцічы Петр.

Асобным святам былі Дзяды – свята, прысвечанае ўшанаванню памяці продкаў. Сярод іх вылучаюць мясаедныя, як пачатак новага вітка росквіту жыцця, траецкія – найбольшы ўзровень росквіту прыроды і апошняя кропка, галоўная – змітраўскія дзяды: *Гавораць, што Змітравы дзяды – самы галоўныя*. Новыя Навасёлкі Калінк. “Разам з Вялікаднем яны ўяўляюцца галоўнымі святамі, бо першае сведчыць, што мы – дзеці Сонца, а другое – што мы нашчадкі вялікага роду дзядоў, волатаў, асілкаў” [1, с. 155].

Дзедамі называлі не толькі дзень памінання продкаў, а таксама і саміх памёршых продкаў: *На Радуніцу варым вечэру, зовём дзедоў*. Прудок Маз. Амаль перад кожным вялікім народным святам ўзгадваліся і паміналіся продкі. Так, на тэрыторыі Мазырска-Прыпяцкага рэгіёна зафіксаваны найменні:

багатые дзеды – дзень памінання продкаў, які адзначаецца праз тры дні пасля Пакроваў: *На багатые дзеды варылі куцыю, абазацельна кісель з розных ягад*. Буркі Браг.; *На багатые дзеды хозяін зваў памерлых на вечэру*. Васькаўка Маз.; **Міхайлаўскіе, Міхальскія дзеды** – памінальныя дні напярэдадні Міхайлавага дня. Восенькія Дзяды сімвалізуюць перш за ўсё заканчэнне жыццёвага шляху чалавека, таму што асноўнае на іх святкаванні – позірк у мінулае, на пройдзены шлях: *Перэд Міхайлом – Міхальскія дзеды*. Ляскавічы Петр. “Галоўным святам беларусаў з часоў Адама Міцкевіча лічацца Дзяды, бо яны адначасова сімвалізуюць не толькі “смерць” прыроды. Але і непазбежнае заканчэнне жыццёвага шляху і пераход на той свет, да продкаў, кожнага чалавека” [1, 20].

3. Найменні асобных элементаў абрадаў і свят: **банкеты** – элемент святкавання пэўнага абраду. *Банкеты водзяць у гэты дзень, гарэлку п’юць, ходзяць з гармонямі*. Мазыр; **кермаш** – гулянка ў адно з рэлігійных свят. *Сходзімо сегоні ў Пудварак на кермаш*. Буда-Лельчыцкая Лельч.; **дакопкі** – заканчэнне ўборкі бульбы. *Бувае, што з дакопак чуць ідом – так наробімса*. Бібікі Маз. Чырвонабярэжжа Лельч.; **піліпоўскіе запускі** – пярэдадзень каляднага посту: *Послі мясоеда наступаюцца піліпоўскіе запускі*. Валаўск Ельск.; **варажыць, гадаць, гаданне, гадаці** – прадказваць будучае: *На Матрыпана дзеўкі ўсегда гадалі, не можна было*

гаворыць, а то не спраўдзіцца гаданне. Месцам варажбы звычайна з’яўлялася перакрываванне дарог, лазня, хлёў, печ і парог хаты. Вельмі часта пры гаданні выкарыстоўваюць розныя ўпрыгожанні і прадметы адзення, ручнікі, пярсцёнкі [2, с. 403].

Зафіксаваны назвы для поста перад Калядамі: *Піліпаўка, піліпаўскі пост* – *Піліпаўкі шэсць нядзель*. Мазыр; *воўчы месяц*: *У Піліпаўку, у воўчы месяц, збіраюцца “воўчыя вяселлі”*. Гарочычы Калінк.

4. Абрадавыя назвы ежы: *каліннік* – кісель, які варылі на свята Калінавік: *На Івана Калінавіка каліннік варылі – кісель такі – і пілі яго, каб галава не балела*. Бібікі Маз. Вялікае месца ў правядзенні абрадаў надавалася *куцці* – абрадавай стравы з круп: *Абычна на галодную куццю ячную кашу гатовілі*. Хальч Ветк. *На галодную куццю ставілі посныя стравы*. Ветка; *На багатые дзеды варылі куццю, абазацельна кісель з розных ягад*. Буркі Браг.

Народныя святы і абрады з’яўляюцца праяўленнем традыцыйнай культуры беларусаў, таму ў генетычных адносінах амаль уся належыць да агульнаславянскага лексічнага фонду. Гэта такія лексемы, як *дзяды, пакроў, галавасек, варажыць* і інш. [4]. Большасць зафіксаваных лексем з’яўляюцца суфіксальнымі ўтварэннямі ад дзеясловаў: *узвіжанне, запускі, пакроў* і ад назоўнікаў: *каліннік, піліпаўка*. Зафіксаваны на тэрыторыі Гомельскага рэгіёну і складаныя назвы: *піліпаўскіе запускі, багатые дзеды, міхайлаўскіе дзеды, Казанска Богородзіца*. Аднак сустракаюцца сярод каляндарна-абрадавых назваў і адзінкавыя запазычаныя з розных моў, якія датычаць перш за ўсё ўласных назваў:

- з грэчаскай: *Мітрапан* ‘маці народжаны’, *Параскева* ‘пярэдадзень свята’, *Піліп* ‘аматар коней’; *куцця* ‘зерне’;
- старажытнаўрэйскай: *Міхаіл* ‘падобны да бога’;
- італьянскай: *банкеты* [4].

Абрадавая лексіка, якая да сённяшняга часу шырока функцыянуе на тэрыторыі Мазырска-Прыпяцкага рэгіёна, вызначаецца багатай і складанай сістэмай лексічнай сродкаў, варыянтнасцю і разнастайнасцю сродкаў з іх семантычнымі і граматычнымі асаблівасцямі, з’яўляецца неад’емнай часткай духоўнай культуры беларусаў, у якой захаваны старажытныя моўныя з’явы.

ЛІТАРАТУРА

1. Ліцьвінка, Васіль. Святы і абрады беларусаў / В.Д. Ліцьвінка. – Мн.: Беларусь, 1998. – 190 с.
2. Зеленин, Д.К. Восточнославянская этнография / Д.К. Зеленин. – М.: Наука, 1991. – 511 с.
3. Лапіцкая, Л.І. Слоўнік каляндарна-абрадавай лексікі Усходняга Палесся / Л.І. Лапіцкая. – Мазыс, 2007. – 65 с.
4. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т.: пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачёва [Текст] / под ред. и с предисл. Б.А. Ларина / М. Фасмер – М.: Прогресс, 1986-1987

Глазкова Е. А.

*ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
(Россия)*

Elena-glazkova1@ya.ru

УДК 81

Анализ медиаобраза города как инструмент развития интереса к истории и лингвистике (на примере анализа медиаобраза Новозыбкова)

Glazkova Elena Anatolyevna,

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow (Russia)

UDC 81

The analysis of city media image as an instrument of promoting history and linguistics (using the case of Novozybkov's media image analysis)

В статье представлена модель анализа медиаобраза города, выполнение которого предлагается учащимся в качестве практического задания. Имея отношение к современным направлениям маркетинга и брендинга территорий, этот вид работы использует междисциплинарные связи, активизирует критическое мышление, интерес

Presented in the paper is a model of analysis of city media image which students are asked to undertake as a case study. This type of study, having to do with contemporary movements of marketing and territory branding, uses interdisciplinary connections, encourages critical thinking and attracts inter-

к лингвистике и истории.

Ключевые слова: картина мира, информационное пространство, медиаобраз города, регионоведение, лингвокультурология, система образования.

est to linguistics and history.

Key words: World Picture, information space, the virtual image of the city, area studies, cultural linguistics.

Современная информационная ситуация характеризуется высокой доступностью информации разного вида и качества, непрерывно воздействующей на человека. В этих условиях у школьников и студентов, во-первых, стирается грань между реальной действительностью и виртуальной, а во-вторых, нередко снижается заинтересованность в получении знаний в образовательных учреждениях, использующих классические методы обучения. Одна из проблем: у молодых людей появляется парадоксальное представление, что роль учителя как проводника в бескрайнем «море знаний» незначительна – в интернете всё можно найти самостоятельно. Другая проблема: учащиеся стремятся понять, как предлагаемая им теоретическая информация может пригодиться в будущей практической профессиональной деятельности, и реагируют только на то, что считают для себя полезным. Такое положение дел требует от преподавателя использовать новые методы обучения, привлекать нетривиальный материал для проведения занятий, добиваясь усвоения и систематизации знаний и формирования и закрепления полезных навыков.

Одним из таких перспективных видов работы на уроке считаем проведение анализа медиаобраза различных объектов на основе мониторинга медиaprостранства.

В первоначальном – философском – понимании образ – это «результат отражения объекта в сознании человека» [13, с. 446]. «Новая философская энциклопедия» характеризует образ как «результат реконструкции объекта в сознании человека» [10]. Под медиаобразом понимаем такую реконструкцию объекта, сформированную под влиянием информации, полученной из медийных источников, т.е. имеющей не эмпирический, а дискурсивный характер.

Методику работы проиллюстрируем на примере анализа города Новозыбкова, так как привлечение регионального контента позволит кроме образовательной реализовать ещё и воспитательную функцию обучения.

Выполнение такой работы позволяет решить сразу несколько задач. Осуществляя поиск в медиасреде, учащийся остаётся в привычном ему медиапространстве, не испытывая предвзятого отношения к заданию – типичного отношения к традиционным упражнениям, ассоциирующимся с классическим процессом обучения. Анализируя медиаобраз, учащийся получает навык, применимый в рамках ряда современных специальностей – от журналиста и специалиста по связям с общественностью – до менеджера и маркетолога. Всё новое вызывает интерес, а работа, имеющая практическую направленность и ассоциирующаяся с востребованными современными специальностями, кажется привлекательной вдвойне. Принцип междисциплинарности, ставший трендом современной науки и характеризующий методику анализа медиаобраза, «с одной стороны, обеспечивает эффективный и креативный подход к решению конкретных задач, с другой – позволяет сохранять знания по разным дисциплинам в активной памяти» [5, с.101]. Анализ медийного образа объекта позволяет вести разговор о картине мира, так как она состоит из представлений человека, полученных не только эмпирическим, но и дискурсивным путём.

Характеризуя сознание современных молодых людей, отмечая свойственное ему стремление к детализации, его называют «клиповым». Междисциплинарный по своей сути анализ медиаобраза – это решение нескольких разных задач на материале одного кейса. В ходе его выполнения учащиеся последовательно переключают своё внимание с одного аспекта на другой, что позволяет уже не считать проблемой «перманентное частичное внимание», подразумевающее «режим существования, в котором человек привыкает ни на чём долго не сосредотачиваться» [8]. Пошагово анализируя медиаобраз, учащийся решает небольшие задачи, не испытывая страха перед большим объёмом работы. Анализ медийного образа объекта, в частности города, как раз предполагает внимание к отдельным деталям, но вместе с тем требует на заключительном этапе эту фрагментарность преодолеть и выйти на уровень обобщений. Само размещение материала в интернете поддерживает этот принцип работы: информация о городе на различных сайтах представлена фрагментарно в связи с теми задачами, которые решает автор, или той коммуникативной стратегией, которой придерживается интернет-ресурс. Отдельные фрагменты реальности восстанавливаем, обращаясь к различным сайтам, а полученные выводы обобщаем.

Разговор о медиаобразе города стоит начать с истории самого топонима. Этимология слова, исторические версии его появления для многих учащихся окажутся новой информацией. Следуя предложенной нами методике проведения анализа медиаобраза города [4, с. 97 – 99], остановимся на его отдельном фрагменте. Предлагаем учащимся обратиться к сайтам городской администрации и учебных заведений города, к материалам Википедии и других энциклопедий, к информации, размещённой в социальных сетях (в сообществах и на личных страницах пользователей), на новостных ресурсах региона и туристических форумах. «Объективные» составляющие медиаобраза: Новозыбков – третий по численности населения город Брянской области, основанный в 1701 году и получивший статус города в 1809. В течение 20 века – важный промышленный центр. Среди образовательных учреждений 2 колледжа, 2 техникума и филиал БГУ имени И.Г. Петровского. Город расположен в живописной местности, которая, к сожалению, частично была подвержена загрязнению в связи с аварией на Чернобыльской АЭС. Наиболее известные достопримечательности связаны с историей православия. Получить визуальное представление о городе и почувствовать его атмосферу поможет интерактивный сайт «Города Брянской области», представляющий 32 факта о Новозыбкове [6], и раздел «Фотографии Новозыбкова» на сайте Новозыбков.ru [12]. Последний из названных ресурсов особенно интересен, так как систематизирует актуальные материалы по рубрикам: «Фотоальбом», «Фотоблог», «Фоторепортажи», а также содержит закладки «Ретроскоп» (воспоминания, фотографии, документы), «Новозыбков на старинных открытках» (54 почтовых открытки с фотографиями рубежа 19-20 веков) и раздел «Все улицы Новозыбкова» (информация и фотография всех элементов городского пространства). Анализ урбанонимов, который становится возможен благодаря последнему из названных ресурсов, это полноценный лингвистический и лингво-культурологический анализ: есть возможность изучить происхождение названий, историю наименований внутригородских топографических объектов, сравнить современные и исторические агонимы и годонимы. К историческим названиям относятся: Александровская (в честь императора Александра I), Торговая площадь, Базарная площадь и Бойнянская улица (названия связаны с элементами городской инфраструктуры), Богородицкая, Никольская, Рождественская улицы (получившие названия от расположенных на них храмов) и другие. Выводы, сде-

ланные в ходе такого анализа, вместе с тем дополняют представления о городе вообще: среди современных годонимов большое количество названий, связанных с историческими деятелями и реалиями советского времени, героями Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг., российским деятелями культуры.

В рамках выполнения задания стоит предложить провести сравнение статей в свободной электронной энциклопедии Википедии и энциклопедий классического типа, что позволит расширить знания о лексикографических источниках. Свободная и общедоступная энциклопедия Википедия не имеет «ограничений в доступе не только для тех, кто ищет информацию, но и для тех, кто готов ею поделиться» [3, с.17]. В этой связи представляет интерес анализ структуры, принципов отбора информации, языковых особенностей статьи о Новозыбкове из Энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона [1].

Анализ элементов герба города [2] позволит затронуть вопросы семиотики, поговорить с учащимися о видах и функциях знаков.

Новая история города привела к появлению новых стереотипных представлений о нём. Если раньше город прежде всего ассоциировался с православной историей, промышленностью, ролью в Отечественных войнах 1812 и 1941 – 1945 гг., то теперь в медийном пространстве находим немало упоминаний в связи с Чернобыльской катастрофой. «Новозыбков: город на фоне радиации» – один из типичных материалов о современном городе, представленный на сайте для путешественников strana.ru [12].

Сбор медийной информации предполагает обращение к различным базам данным и позволяет познакомить учащихся с Национальным корпусом русского языка (НКРЯ) – современным ресурсом, представляющим контексты использования различных языковых единиц – а значит, и контексты упоминания объекта, чей медийный образ является предметом изучения. Обратившись к базе Основного корпуса НКРЯ, обнаруживаем всего 48 вхождений топонима Новозыбков в 12 документах [9]. Из контекстов употребления 12 примеров в функции обозначения места написания писем в произведении А. Терехова «Каменный мост», ещё 4 – в этой же функции в письмах (в том числе И.С. Аксакова), 2 – новостных газетных текстах, 1 упоминание в связи с аварией на ЧАЭС, 1 – в обращении родственников репрессированных командиров Красной Армии к

руководителям страны, и 28 в документах и произведениях, связанных с историей Великой Отечественной войны 1941 – 1945 года.

В Газетном корпусе НКРЯ, представленном материалами только федеральных СМИ, находим ещё 18 вхождений в 14 документах. Тематика упоминаний: проблемы загрязнения территории после аварии на ЧАЭС, победы новозыбковцев в различных соревнованиях и конкурсах, проблемы с трудоустройством в городе.

Анализ контекстов, попавших в НКРЯ позволяет дополнить представление об истории города: административное деление было другим – в одном из примеров указана принадлежность к Гомельской, в другом – к Черниговской губернии. Существенный количественный перевес в сторону упоминаний в связи с героическими событиями прошлого нашей страны – специфика медиаобраза: у пользователя сети интернет создаётся обоснованное представление о Новозыбкове как важном стратегическом пункте на карте боевых действий. Актуальные проблемы современности – ликвидация последствий Чернобыльской трагедии и развитие инфраструктуры города, обеспечивающей условия для жизни и трудоустройства новозыбковцев.

Представленный в нашей статье пример анализа медиаобраза города не является законченным, однако он позволяет увидеть перспективу использования новой методики на занятиях по предметам «Русский язык», «Письмо и мышление», «Критическое мышление» и им подобных в старших классах школы или на младших курсах вуза.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брокгауз Ф.А., Эфрона И.А. Энциклопедический словарь. [Электронный ресурс]. ГКДЖ <https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%F0%D0%F1%D0%91%D0%95.%D0%9B%D0%IU%D0%I2%D0%IU%D0%I7%D1%8I%D0%I1%D0%IF%D0%IU%D0%I2> хдата доступа 25.04.2018

2. Герб города // Новозыбков.инфо. [Электронный ресурс]. URL: <http://novozybkov.info/simvolika.html> [дата доступа 20.04.2018].

3. Глазков А.В., Глазкова А.В. Сопоставительное чтение: читаем Википедию вместе. // Русский язык в школе, 2017. № 5. С. 16 – 21.

4. Глазкова Е.А. О формировании образа города в картине мира интернет-пользователя. // Человек в информационном простран-

стве: Сборник научных трудов. / Ред. Т.П. Куранова. Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, 2016. С. 95 – 99.

5. Глазкова Е. А. Практический дискурс высшей школы: проблемы или тренды? // Организация учебной и воспитательной работы в вузе. Вып.7. М.: РГУП, 2017. С. 98 – 108.

6. Города Брянской области:Новозыбков. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bryansk towns.ru/novozybkov/> [дата доступа 25.04.2018].

7. Динкевич М. Новозыбков: город на фоне радиации[Электронный ресурс]. URL:<http://strana.ru/journal/819196> [дата доступа 25.04.2018].

8. Ильин Ю. Маятник внимания. 12.12.2005. // Компьютерра. [Электронный ресурс]. URL: <http://old.computerra.ru/features/243301/> [дата доступа 25.04.2018].

9. Национальный корпус русского языка.[Электронный ресурс]. URL: http://search1.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%ED%EE%E2%EE%E7%FB%E1%EA%EE%E2 [дата доступа 25.04.2018].

10. Новая философская энциклопедия[Электронный ресурс]. ГКДЖ <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/РФЫР0194вф78403990285a864994> хдата доступаЖ 11ю04ю2018ъю

11. Новозыбков.Ru[Электронный ресурс]. URL:<http://www.novozybkov.ru/gallery/> [дата доступа: 11.04.2018].

12. Strana.ru [Электронный ресурс]. URL: <http://strana.ru/search?q=%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B7%D1%8B%D0%B1%D0%BA%D0%BE%D0%B2> [дата доступа: 21.04.2018].

13. Философский энциклопедический словарь / гл. редакция: Л.Ф. Ильичёв, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалёв, В.Г. Панов. М.: Советская энциклопедия, 1983. 840 с.

Дерунова А. А.

*Белорусский государственный медицинский университет
(Беларусь)*

e-mail: derunovaa@gmail.com

УДК 811.161.1:811.161.3:378:61

**Белорусский и русский языки в подготовке студентов
Белорусского государственного медицинского
университета**

Derunova Anastasia Andreevna

Belarusian State Medical University, Minsk (Belarus)

UDC 811.161.1:811.161.3:378:61

**Belarusian and russian languages in preparation of students
Belarussian state medical university**

В статье рассказывается о состоянии и проблемах преподавания белорусского языка и русского языка как иностранного в медицинском университете.

Ключевые слова: белорусский язык, русский язык как иностранный, обучение на английском языке.

The article describes the state and problems of teaching the Belarusian language and Russian as a foreign language at a medical university.

Keywords: Belarusian language, Russian as a foreign language, teaching in English.

В Беларуси государственными являются 2 языка: русский и белорусский (Конституция Республики Беларусь, статья 17) [1]. При выборе школы для ребёнка родители выбирают также и язык обучения. Большая часть школ в Беларуси – это школы с русским языком обучения. Преподавание на белорусском языке ведётся в основном в сельских школах. «В стране действует 2845 учреждений общего среднего образования, из них в 1325 (46,6%) обучение ведётся по-белорусски» [3]. Для поступления в вуз абитуриенты сдают централизованное тестирование по одному из языков – русскому или белорусскому.

После поступления в вуз (при условии, что это не филологический факультет), у студентов есть курс белорусского языка, но только один семестр. Называется этот курс в большинстве случаев

«Беларуская мова. Прафесійная лексіка». Наполнение курса зависит от профиля вуза.

В Белорусском государственном медицинском университете преподается курс «Беларуская мова. Прафесійная лексіка». Курс рассчитан на 34 часа аудиторной работы и 30 часов самостоятельной работы студентов. В рамках курса рассматриваются такие темы: «Гістарычныя этапы фарміравання і развіцця беларускай мовы», «Сучасная літаратурная мова і яе кадэфікацыя», «Беларуская навуковая тэрміналогія», «Беларуская медыцынская тэрміналогія: гісторыя станаўлення, крыніцы і сучасны стан». На кафедре разработано учебное пособие для студентов. Система работы основана на сравнении белорусских и русских медицинских терминов, особенностях их образования в двух языках. Однако возникает некоторый диссонанс: студенты изучают анатомическую терминологию на белорусском языке, преподавание же клинических дисциплин ведется на русском языке, да и общение в клинике с пациентами проходит на русском языке. Это обстоятельство снижает мотивацию к изучению белорусского языка как языка профессии.

В другом положении находится преподавание дисциплины «Русский язык как иностранный». Интерес иностранных граждан к получению высшего образования в России и Беларуси обусловлен рядом факторов (невысокая в сравнении с другими странами стоимость обучения, высокий уровень знаний). Особенно среди иностранных граждан востребовано медицинское образование. Постоянный интерес иностранных студентов к обучению в медицинских вузах России и Беларуси требует от преподавателей РКИ постоянной мобильности, поиска путей интенсификации обучения, а также координации деятельности по обучению иностранных студентов русскому языку и создания унифицированных программ изучения русского языка.

Традиционно, чтобы поступить в вуз, иностранный гражданин должен пройти обучение на подготовительном отделении. При составлении учебных планов вуза мы пользуемся типовой программой «Русский язык как иностранный» для иностранных слушателей подготовительных факультетов и отделений вузов [5]. Курс русского языка как иностранного на подготовительном отделении в БГМУ составляет 870 часов практических занятий (количество часов может варьироваться), после изучения которого слушатель должен достигнуть уровня пороговой коммуникативной достаточности, что

в российской классификации соответствует первому сертификационному уровню. Для обучения в БГМУ пользуются 2 учебными комплексами: «Русский язык как иностранный (начальный курс)» (под редакцией А.В. Санниковой) [4] и «Русский язык как иностранный для начинающих» (авторы Лазовская А.И., Тихоненко Е.В.) [2]. После окончания подготовительного отделения слушатели сдают экзамен по русскому языку как иностранному. Зачисление в университет проходит на основании результатов экзаменов по русскому языку как иностранному, химии и биологии.

Во время обучения в вузе студент продолжает изучать русский язык как иностранный на 1-3 курсах. При составлении программ для основного этапа обучения мы пользуемся «Типовой учебной программой для иностранных студентов I-IV курсов нефилологических специальностей высших учебных заведений», авторами-составителями которой являются С. И. Лебединский, Г. Г. Гончар [6]. Программа включает 2 модуля: модуль общего владения языком и учебно-профессиональный модуль. Программный модуль общего владения языком является обязательным для изучения во всех вузах, а вот наполнение учебно-профессионального модуля зависит от специализации вуза, в котором обучается студент.

На основном этапе обучения русский язык для иностранных студентов является средством получения знаний по специальности, поэтому его изучению уделяется большое внимание и отводится значительное количество учебных часов. Так, на первом курсе (специальность «Лечебное дело») на практические занятия по русскому языку как иностранному отводится 316 часов, на 2-ом – 198 часов, на 3-ем – 102 часа. Количество часов может варьироваться в зависимости от специальности, но в целом остается приблизительно одинаковым.

Обучение по такой схеме (1 год изучения русского языка на подготовительном отделении и 3 года «сопровождения» русским языком) уже давно стало традиционным, поэтому накоплен богатый материал по методике преподавания РКИ как у нас в стране, так и за рубежом. Создано большое количество учебных пособий и учебных комплексов для начального этапа обучения. Что же касается учебно-профессиональной сферы, то здесь работа по подготовке методического обеспечения ведётся кафедрой вуза определённого профиля, поэтому количество учебного материалы в разы меньше.

На первом курсе мы изучаем тексты социокультурной направленности и тексты по специальности (анатомии, гистологии, химии, биологии и др.). Грамматическая подготовка направлена на расширение и углубление знаний, приобретённых на подготовительном отделении, и знакомство с научным стилем речи.

На третьем курсе студенты идут на практику в клиники, поэтому уже на втором курсе начинается языковая подготовка к клинической практике. В этой области мы пользуемся прекрасными разработками российских коллег. Это, например, пособие по развитию речи для иностранных студентов-медиков В. Н. Дьяковой «Диалог врача с больным», «Подготовка к клинической практике» и др. Ориентируясь на лучшие достижения российских коллег, мы создаем и собственные учебно-методические пособия для языковой подготовки студентов к клинической практике.

На третьем курсе студенты учатся писать рефераты и аннотации, необходимые им при подготовке научных работ, знакомятся с текстами социокультурной направленности.

В конце каждого курса (2, 4, 6 семестры) студенты сдают дифференцированный зачет по РКИ.

С 2009 года обучение в БГМУ ведется также и на английском языке. Обучение на английском языке позволяет вузу сохранить конкурентоспособность на рынке экспорта образовательных услуг, повысить престиж вуза. Однако если обучение на русском языке является «проторенной дорожкой», то англоязычное направление испытывает ряд трудностей.

1. Отсутствует единая учебно-нормативная база организации учебного процесса, что порождает выработку каждым вузом, даже одного профиля, своего учебного плана. Это, в свою очередь, приводит к тому, что абитуриенты, поступающие на обучение в БГМУ после окончания подготовительного отделения в других вузах, имеют разный уровень владения русским языком, что создает трудности при обучении на основном этапе. Решение этого вопроса возможно только на республиканском уровне.

2. Недостаточность методического обеспечения. Обучение студентов русскому языку как иностранному в англоязычных группах требует новых подходов в организации учебного материала, интенсификации обучения. Это связано с небольшим количеством часов, выделяемых на изучение русского языка в таких группах, и низкой мотивацией студентов к изучению русского языка. Поступая в вуз

на англоязычное обучение, студент не планирует использовать русский язык в своей дальнейшей жизни. Он не понимает, что практика в клинике и общение с пациентами невозможны без знания русского языка. К сожалению, понимание этого обстоятельства приходит значительно позже, когда на изучение языка уже не остается времени.

Именно поэтому решение этих проблем должно быть комплексным, как на организационном уровне, так и на методическом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Республики Беларусь [Электронный ресурс]: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2016. – Режим доступа: <http://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/>. – Дата доступа: 10.04.2018.

2. Лазовская, А.И., Тихоненко, Е.В. Русский язык как иностранный для начинающих : учеб. пособие : в 2 ч. – Изд.4-ое. – Минск : РИВШ, 2015.

3. Минобразования признает недостаток белорусскоязычных школ в городах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.tut.by/society/581852.html>. – Дата доступа: 10.04.2018.

4. Русский язык как иностранный (начальный курс) : учебник : в 2 ч. / Л.А. Меренкова [и др.] : под ред. А.В. Санниковой. – 2-е изд. – Минск: БГМУ, 2015.

5. Русский язык как иностранный : типовая учебная программа для иностранных слушателей подготовительных факультетов и отделений высших учебных заведений / С. И. Лебединский [и др.]. – Минск : БГУ, 2006. – 414 с.

6. Русский язык как иностранный [Электронный ресурс]: типовая учебная программа для иностранных студентов I-IV курсов нефилологических специальностей высших учебных заведений / С.И. Лебединский [и др.]. – Минск : «Электронная книга БГУ», 2003. – Режим доступа: <http://anubis.bsu.by/publications/elresources/Philology/lebedinsky.pdf>. – Дата доступа: 21.12.2012.

Елынцева И. В.

Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси (Беларусь)

e-mail: i.elyntseva@gmail.com

УДК 811.161.1'373–115+811.161.3'373–115

Пересечение лексико-семантических полей цвета с другими лексико-семантическими полями в близкородственных языках

Elyntseva Irina Vladimirovna

Center for Belarusian Culture, Language and Literature Research of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk (Belarus)

UDC 811.161.1'373–115+811.161.3'373–115

Interaction of lexical-semantic fields of colour with other lexical-semantic fields in closely related languages

В данной статье рассматривается связь членов русского и белорусского лексико-семантических полей «Цвет» / «Колер» с элементами смежных ЛСП, очерчивается круг лексических микросистем, с которыми цветовые поля в исследуемых близкородственных языках обнаруживают наиболее обширные области пересечения.

Ключевые слова: Лексико-семантическое поле (ЛСП), колоратив, прямое значение, переносное значение, многозначность, лексико-семантический вариант (ЛСВ).

The article is devoted to relations of members of the Russian and Belarusian lexical-semantic fields of colour with elements of adjacent LSF, it outlines the lexical microsystems with which fields of colour discover the most extensive areas of intersection in the closely related languages

Keywords: Lexical-semantic field (LSF), colour lexeme, direct meaning, figurative meaning, polysemy, lexical-semantic variant (LSV).

Лексико-семантическое поле (ЛСП) как крупное парадигматическое объединение образуется множеством элементов, значения которых имеют хотя бы один общий семантический компонент. «В силу указанного свойства семантические поля суть классы пересекающиеся; <...> из любого семантического поля, через более или менее длинную цепочку посредствующих звеньев, можно попасть в любое другое поле, так что семантическое пространство языка оказывается в этом смысле непрерывным» [1, с. 252]. Исследование

этой связи важно для понимания организации словаря определенного языка в целом и для выявления особенностей структуры конкретного ЛСП в частности.

Возможность лексических единиц входить в состав нескольких полей одновременно обусловлена свойством лексем развивать новые значения, усложнять свою смысловую структуру. Иными словами, взаимоотношения между смежными полями, обеспечивающие непрерывность семантического пространства в языке, детерминированы полисемией входящих в них лексических единиц. Как отмечает А.И. Смирницкий, «многозначность многих слов ведет к тому, что они должны входить в разные семантические области, в целом, иногда довольно удаленные друг от друга. <...> Но даже в одном и том же значении многие слова могут входить в разные семантические области вследствие распространенности своего значения, т.е. наличия связей со значениями других слов по двум или нескольким линиям» [3, с. 174-175]. На это указывает и Б.А. Плотников: «Обладая многозначностью, языковая единица может входить одновременно в несколько разных группировок, в каждой из которых выявляется одно из ее парадигматических значений. При этом в одну группу лексических единиц слово может включаться естественно, легко, в другую – “с натяжкой”, только в определенных ситуациях, как бы частичкой, “краешком” своего значения. Неоднородный многослойный характер значения служит причиной объединения слов в разные по качеству и размеру парадигматические группы единиц» [2, с. 44].

Предметом исследования в настоящей статье являются отношения коррелятивных русского и белорусского ЛСП «Цвет» и «Колер» со смежными лексическими множествами. Колоративная лексика – один из важнейших участков словарного состава любого естественного языка. Многое в окружающем мире воспринимается благодаря цвету. Способность различать цвета составляет существенную часть возможностей зрительного восприятия человека. Трудно представить сферу человеческой деятельности, в которой не присутствовал бы цветовой фактор, фактически невозможно найти ни одного предмета, который бы не обладал цветовой характеристикой. Человеку свойственно видеть окружающий мир и природу в цвете и, создавая новые объекты, он придает им не только форму, но и наделяет их цветовыми качествами. Все это нашло свое отражение в пересече-

чений соответствующих лексико-семантических полей с другими полями в системе языка.

Коррелирующие ЛСП «Цвет» / «Колер» в русском и белорусском языках представляют собой упорядоченные совокупности лексических единиц разных частей речи с общим семантическим компонентом – архисемой *цвет / колер*. Возможность единиц относиться к разным полям обусловлена, во-первых, многозначностью самих лексем, во-вторых, наличием переносных значений в семантической структуре слова. Следует отметить, что как в русском, так и в белорусском языках большую часть объема коррелирующих цветовых полей составляют слова, значение цвета у которых является вторичным, например: рус. *темный* ‘2. По цвету близкий к черному, не светлый. // Более густой, более насыщенный по сравнению с основным тоном или обычным цветом чего-л.’ – бел. *цёмны* ‘2. Які па колеру блізкі да чорнага; *проціл*. Светлы?’; рус. *светлый* ‘4. Не темного цвета’ – бел. *светлы* ‘3. Не цёмнага колеру’; рус. *яркий* ‘2. Отличающийся чистотой и концентрированностью тона, цвета’ – бел. *яркі* ‘2. Рэзкі па колеру, які кідаецца ў вочы выразнасцю фарбаў’ и др. [4]. Основные номинативные лексико-семантические варианты (ЛСВ) этих лексем являются членами других смежных полей.

Характерной особенностью как русского ЛСП «Цвет», так и соотносительного белорусского ЛСП «Колер» является достаточно высокая степень пересечения их с различными полями. Больше всего пересечений они имеют с ЛСП «Свет» / «Святло» в связи с тем, что лексем с таким значением могут характеризовать световые особенности предметов и явлений (напр., рус. *бледный* ‘1. Без румянца, лишенный естественной окраски (о цвете лица). 2. Слабо окрашенный, неяркий. // Светящийся слабым светом, без блеска; тусклый’ – бел. *бледны* ‘1. Без натуральнага румянцу; бяскроўны. 2. Афарбаваны ў светлы, няяркі колер. // Слабы, няяркі. // Які свеціць няяркім святлом’; рус. *темный* ‘1. Лишенный света, освещения, со слабым, скудным светом. 2. По цвету близкий к черному, не светлый. // Более густой, более насыщенный по сравнению с основным тоном или обычным цветом чего-л.’ – бел. *цёмны* ‘1. Пазбаўлены святла, асвятлення. 2. Які па колеру блізкі да чорнага; *проціл*. Светлы’; рус. *ослепительный* ‘1. Очень яркий, слепящий глаза. // Разг. Отличающийся необычайной белизной’ – бел. *асляпляльны* ‘1. Які слепіць вочы сваім вельмі яркім ззяннем, бляскам. // Разм.

Бліскача-белы'; *мавовый*¹ / *матавы*¹, *светлы* / *светлы*, *темны* / *цёмны*, *тусклы* / *цьяны*, *яркий* / *яркі*, *вспыхнуть* / *успыхнуць*, *загореться* / *загарэцца* и др.).

Смежными для ЛСП «Цвет» / «Колер» являются ЛСП «Погода» / «Надвор'е» (напр., рус. *густой* '2. ...// Сочный, яркий (о цвете, краске). 3. Малопроницаемый для глаз, света; плотный' – бел. *густы* '1. ...// Спорны (пра дождж, снег). 2. ...// Яркі, не цямяны (пра колеры, фарбы і пад.). 3. Шчыльны, малапранікальны для зроку, святла. *Густы туман*'; рус. *снежный* '3. Обильный снегом, с частыми, обильными снегопадами. 4. Свойственный снегу; похожий на снег (по цвету, виду)' – бел. *снежны*. '2. Багаты на снег. 4. Падобны на снег (колерам, выглядам)'; рус. *темнеть* '1. Становиться темным (в 1 и 2 знач.) или более темным. 2. О наступлении сумерек, вечера. 4. Выделяться своим темным цветом, виднеться (о чем-л. темном)' – бел. *цямнець* '1. Станавіцца цёмным, больш цёмным. 2. Пра надыход цемнаты, набліжэнне прыцёмку, з зроку. 3. Вылучацца сваім цёмным колерам, віднецца (пра каго-, што-н. цёмнае)'; рус. *серый* '1. Цвета пепла, цвета, получающегося при смешении черного с белым. // Разг. Бледный с оттенком такого цвета (о лице, о человеке с таким лицом). 2. Пасмурный' – бел. *шэры* '1. Колер, які атрымліваецца пры змяшэнні чорнага і белага; колер попелу. // Бледны, як попел (пра твар чалавека, пра чалавека з такім тварам). 2. Хмурны, не сонечны (пра надвор'е)'; *чистый* / *чысты*, *нечистый* / *нячысты*, *белеть* / *бялець*, *светлеть* / *святлець*, *красный* / *чырвоны*, *лазурь* / *блакіт* и др.).

Выявлено пересечение ЛСП «Цвет» / «Колер» с ЛСП «Физическое действие» / «Фізічнае дзеянне» (напр., рус. *выбелиться* '1. Стать, сделаться белым. 2. Разг. Запачкаться в чем-л. белом' – бел. *выбеліцца* '1. Стаць, зрабіцца белым. 2. Разм. Запэчкацца ў што-н. белае'; рус. *выгореть*¹ '1. Уничтожиться от огня, пожара; сгореть до конца. 2. Выцвести, потерять цвет, окраску под действием солнечных лучей' – бел. *вы?гараць*¹ '1. Згарэць поўнасьцю, да канца. 2. Выліняць, страціць натуральны колер пад уздзеяннем сонца'). Поля физического действия составляют в основном глаголы, однако включаются и имена существительные, обозначающие процессуальное действие; данные субстантивы являются, как правило, отглагольными образованиями, которые выражают соответствующие значения, например, рус. *синька* '1. Действие по знач. глаг. синить. 2. Синяя краска, употребляемая для подсинива-

ния тканей, бумаги и т. п., а также белья при стирке' – бел. *сінька* '1. Дзеянне наводле знач. дзеясл. сініць. 2. Сіняя фарба, якая выкарыстоўваецца для падсіньвання бялізны, паперы і пад.'

Среди членов полей цвета в близкородственных языках отмечена группа существительных, которые по своему первому ЛСВ входят в состав ЛСП «Химические элементы и минералы» / «Хімічныя элементы і мінералы» (напр., рус. *кадмий* '1. Химический элемент, серебристо-белый и мягкий металл, содержащийся в цинковых рудах. 2. Искусственная желтая краска разных оттенков' – бел. *кадмій* '1. Хімічны элемент, серабрыста-белы метал, які знаходзіцца пераважна ў цынкавых рудах. 2. Жоўтая фарба розных адценняў, якая прымяняецца ў алейным жывапісе, кераміцы і інш.>'; рус. *киноварь* '1. Минерал красного цвета – сернистая ртуть. 2. Красная краска, получаемая из сернистой ртути' – бел. *кінавар* '1. Мінерал чырвонага колеру розных адценняў; сярністая ртуць. 2. Чырвоная фарба, якую атрымліваюць з сярністай ртуці'); рус. *сурьма* '1. Химический элемент, серебристый хрупкий металл (применяется в технике и медицине). 2. Краска для чернения волос, бровей, ресниц' – бел. *сурма* '1. Хімічны элемент, серабрыста-белы метал, ужываецца ў тэхніцы і медыцыне. 2. Уст. Чорная фарба для валасоў, броваў і пад.').

Менее тесной связью соединены цветковые поля с ЛСП «Растения» / «Расліны» (напр., рус. *сафлор* '1. Южное травянистое растение сем. сложноцветных, из семян которого получают масло (пищевое и техническое), а из соцветий – краску. 2. Красная и желтая краска, получаемая из соцветий этого растения' – бел. *сафлор* '1. Паўднёвая травяністая расліна сямейства складанакветных, з насення якой атрымліваюць алей, а з суквеццяў фарбу. 2. Чырвоная і жоўтая фарбы, здабытыя з суквеццяў гэтай расліны'; рус. *фернамбук* '1. Бразильское дерево с желто-красной ценной древесиной, при высыхании становящейся красной; красный сандал. 2. Красная краска, добываемая из древесины этого дерева' – бел. *фернамбук* '1. Бразільскае дрэва з жоўта-чырвонай каштоўнай драўнінай. 3. Чырвоная фарба, якая здабываецца (атрымліваецца) з драўніны гэтага дрэва'), ЛСП «Речь» / «Маўленне» (напр., рус. *нечистый* '2. ...// Мутный, неровный, неясный (о цвете). 3. Не совсем правильный, неточный (о звуках речи, произношении и т. п.)' – бел. *нячысты* '2. ... // Мутны, нясны, невыразны (пра колер). 4. Разм. Невыразны, не зусім дакладны, правільны (пра гукі,

выказванне думак), ЛСП «Звучание» / «Гучанне» (напр., рус. *серебро* '4. То, что своим блеском и цветом напоминает этот металл, похоже на него. // Седина, седые волосы. // Серовато-белый с блеском цвет, окраска чего-л. 5. *перен.* Мелодичность, звонкость и чистота (голоса, звука)' – бел. *срэбра* '1. Высакародны метал шаравата-белага колеру з бляскам. // *перан.* Што-н. бліскуча-белае, колерам ці бляскам падобнае на гэты метал. / Пра сівізну. 4. *перан.* Меладычнасць, гучнасць, чысціня (пра гук, голас і пад.)'; рус. *серебряный* '2. Цветом или блеском напоминающий серебро. 3. Мелодично-звонкий, высокого тона (о голосе, смехе и т. п.)' – бел. *сярэбраны* '3. Які колерам і бляскам нагадвае серабро. // 3 бліскучым белым адлівам. 4. *перан.* Меладычна-звонкі, высокага тону (голос, смех і пад.)', ЛСП «Чувства и эмоции» / «Пачуцці і эмоцыі» (напр., рус. *загореться* '1. ...// Стать блестящим, заблестеть (под влиянием какого-л. чувства); озариться каким-л. чувством. 2. *перен.* Покрыцца румянцем; зардеться. // Появиться, показаться (о румянце). 3. Воодушевиться, оказаться охваченным сильным желанием деятельности, стремлением к достижению чего-л.' – бел. *загарэцца* '3. *перан.* Пакрыцца румянцам, зачырванецца. 4. *перан.* Моцна чым-н. захапіцца. // Напоўніцца якім-н. пачуццём'; рус. *разгореться* '2. Приобрести огненно-красный цвет. 3. Стать красным, горячим (от возбуждения, волнения и т. п.). 4. *перен.* Оказаться охваченным все усиливающимся чувством, стремлением' – бел. *разгарэцца* '2. Стаць агніста-чырвоным. 3. *перан.* Стаць чырвоным, гарачым (ад узбуджэння, хвалявання і пад.). 4. *перан.* Дайсці да стану моцнага ўзбуджэння, узрушэння, пранікнуцца якім-н. пачуццём'; рус. *вспыхнуть* '1. ...// Быстро и сильно покраснеть (от волнения, смущения, радости и т. п.) или ярко выступить (о румянце). 3. Внезапно прийти в возбужденное, раздраженное состояние' – бел. *успыхнуць* '1. ... // Раптоўна пачырванець, расчырванецца. 3. Нечакана расхвалявацца, раззлавацца').

Некоторые многозначные лексемы по отдельным ЛСВ могут входить сразу в несколько разных ЛСП. Как показывают наблюдения над фактическим материалом, таким свойством в основном обладают прилагательные благодаря основному содержательному элементу – атрибутивности, предназначенности характеризовать предмет. Например, к ЛСП «Цвет» / «Колер», «Речь» / «Маўленне», «Погода» / «Надвор'е» и «Звучание» / «Гучанне» относятся прилагательные *чистый* / *чысты*: *чистый* '6. ...// Безоб-

ланный, не затуманенный' (ЛСП «Погода»), '7. ...// Глубокий, яркий (о цвете, тоне, оттенке)' (ЛСП «Цвет»), '8. Звонкий, отчетливый, без хрипа (о голосе, звуке)' (ЛСП «Звучание»), '9. Правильный, соответствующий определенным правилам, нормам (о языке, слоге и т. п.)' (ЛСП «Речь») / *чысты* '4. ...// Бязвоблачны; не закрыты туманам' (ЛСП «Надвор'е»), '5. ...// Аднародны (пра колер)' (ЛСП «Колер»), '6. Выразны, без шумаў, без дадатковых гукаў' (ЛСП «Гучанне»), '7. Правільны, які адпавядае пэўным нормам, правілам (пра мову, склад і пад.)' (ЛСП «Маўленне»).

Таким образом, ЛСП цвета в близкородственных языках характеризуются взаимодействием с другими полями: речи, звучания, чувств и эмоций, растений, химических элементов и минералов; наиболее обширные области пересечения цветовые ЛСП образуют с полями света, погоды и физического действия, что подтверждает системность лексики и свидетельствует о тесной взаимосвязи в сознании носителей русского и белорусского языков различных аспектов окружающего мира с цветом.

В статье значения русских и белорусских лексических единиц приведены по «Словарю русского языка» (Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Рус. яз., 1981–1984) и «Тлумачальным слоўніку беларускай мовы» (Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: у 5 т., 6 кн. / Акад. навук БелССР, Ін-т мовазнаўства ; пад агул. рэд. К.К. Атраховіча (К. Крапівы). – Мінск : Беларус. сав. энцыкл., 1977–1984).

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика (синонимические средства языка). 2-е изд., испр. и доп. – М., 1995. 365 с.
2. Плотников Б.А. Основы семасиологии : [Учеб. пособие для филол. фак. вузов]; Под ред. А.Е. Супруна. – Минск: Выш. шк., 1984. 223 с.
3. Смирницкий А.И. Лексикология английского языка. – М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1956. 260 с.

Карташёва А. Н.

*Атырауский государственный университет
имени Халела Досмухамедова, г. Атырау (Казахстан)
e-mail: akartasheva@mail.ru*

УДК 81'362

**Явление интерференции и интеркаляции как следствие
контакта языков**

Kartashyova Anna Nakhemovna
*Kh. Dosmukhamedov Atyrau State university,
Atyrau (Republic Kazakhstan)*

UDC 81'362

**Interference and intercalation phenomenon as a result of contact
languages**

В статье анализируются типичные ошибки в русской речи казахов, которые возникают из-за интерферирующего влияния родного языка, рассматриваются примеры интерференции на фонетическом, лексико-семантическом и грамматическом уровнях и типы интеркаляции.

Ключевые слова: приграничный регион, Атырауская область, Астраханская область, казахский язык, русский язык, фонетическая интерференция, лексико-семантическая интерференция, грамматическая интерференция, интеркаляция инвентарная, фразовая, чистая, модифицированная.

In the article are under analysis typical mistakes which arise in Russian speech of Kazakhs, owing to an interfering influence of the native language, are under consideration examples of interference on levels with phonetics, vocabulary, semantics and grammar and types of intercalation.

Key words: boundary region, Atyrau region, Astrakhan region, Kazakh language, Russian language, phonetic interference, lexical and semantic interference, grammatical interference, inventory intercalation, phrasal, net, modified.

В условиях глобализации наблюдается расширение контактов в различных областях экономики, политики, культуры. Особенно это проявляется в отношении соседствующих стран, каковыми являются Республика Казахстан и Российская Федерация. В частности, между Атырауской областью Казахстана и граничащей с ней на западе Астраханской областью России существует тесное торго-

экономическое, научно-техническое и культурное сотрудничество. Последнее обусловлено еще и тем, что в Астраханской области этнические казахи являются вторым по численности народом.

В казахстанско-русском сотрудничестве используются русский (занимает лидирующие позиции) и казахский язык (при общении с объединениями и организациями этнических казахов Астраханской области).

По мнению С.М.Соловьева, «народы, живущие особняком, не любящие сближаться с другими народами, жить с ними общей жизнью, - это народы наименее развитые ... Самым сильным развитием отличаются народы, которые находятся друг с другом в постоянном общении. Но понятно, что для плодотворности этого общения необходимо, чтобы встречался, общался с таким другим народом или народами, с которыми могла бы установиться мена мыслей, знаний, опытности» [4, с. 161].

Подобную же мысль продолжил великий просветитель Абай Кунанбаев в «Словах- назиданиях». Обращаясь к казахскому народу, он пишет в «Двадцать пятом слове»:

«... Главное – научиться русской науке. Наука, знание, достаток, искусство - всё это у русских. Для того, чтобы избежать пороков и достичь добра, необходимо знать русский язык и русскую культуру... Если ты будешь знать их язык, то на мир откроются и твои глаза.

Человек, изучивший культуру и язык иного народа, становится с ним равноправным и не будет жить позорно... Изучай культуру и искусство русских. Это ключ к жизни. Коли ты получишь его, жизнь твоя станет легче. ... Если хочешь, чтобы сын твой стал человеком, учи его и сделаешь тем благо ему и своему народу» [3, с. 187-188].

В наше время мотивация к изучению русского языка несколько изменилась. В Республике Казахстан государственным языком является казахский язык. В Атырауской области казахи составляют большинство населения, область в числе первых перешла на ведение делопроизводства на казахском языке.

Русский язык в полиэтническом и многоконфессиональном Казахстане официально является языком межнационального общения, что служит серьезной мотивацией к его изучению, особенно в приграничных регионах. В своем Послании народу Казахстана «Новый Казахстан в новом мире» лидер государства Н.А. Назарбаев отметил: «Казахстан должен восприниматься во всем мире как высокообра-

зованная страна, население которой пользуется тремя языками. Это: казахский язык- государственный язык, русский язык-как язык межнационального общения и английский язык- язык успешной интеграции в глобальную экономику». Официально дети с первого класса изучают три языка. В ситуации сосуществования двух и более языков происходит влияние их друг на друга, интерференция и интеркаляция.

В настоящее время в нашем регионе, пограничном с Российской Федерацией, в быту русский язык уже не используется так широко, как в советское время. При этом городские жители в основном двуязычны (с преобладанием казахского языка, русский язык выступает как второй язык), а молодежь из районов, особенно отдаленных и не приграничных, недостаточно хорошо знает русский язык (молодые люди понимают, но затрудняются на нем говорить) и в быту использует преимущественно один язык - казахский.

В ситуации сосуществования двух и более языков происходит влияние их друг на друга, а в речи билингов - интерференция и интеркаляция.

Трудности усвоения русского языка во многом связаны с явлением интерференции, т.е. перенесением особенностей родного языка на изучаемый русский язык (влияние первого языка на второй).

В русской речи казахоязычных проявляются фонетическая, лексико-семантическая и грамматическая интерференция.

Примером фонетической интерференции могут служить случаи замены фонем Ч и Ц на Ш и С (шай - чай, сыпленок - цыпленок, цветы - цветы, молодес - молодец), мягкое произношение непарных твердых Ж, Ш (ж'изнь, ш'ить и др.), неразличение твердых и мягких фонем, что приводит к искажению смысла слов (угол - уголь, мел - мель, выл - вил, был - быть, кон - коньи т.п.), редко, но встречается неправильное произношение звуков в заимствованных словах (пакультет - факультет, пилпак - филфак, перма - ферма и т.п.).

Под лексико-семантической интерференцией мы вслед за И.Н.Кузнецовой понимаем «двустороннее (в плане выражения и в плане содержания) сближение лексических единиц одного или разных языков, обусловленное их, в первую очередь, фонетическим, но и вытекающим из него семантическим употреблением, и приводящее к непроизвольному (стилистическому) нарушению языковой нормы» [2, с. 23]. Подобные ошибки объясняются неразличением в

казахском языке созвучных слов, например, поступок и проступок, граната и гранат и т.п. Лексико-семантические ошибки наблюдаются также при употреблении слов, семантическая структура которых не совпадает с семантической структурой словродного языка. Например, «поставил учебник на стол» (в казахском языке «поставил» и «положил» обозначаются одним словом «қойдым»). Отмечается нарушение лексической сочетаемости слов, например, «Ему уже 24 лет» (Ему уже 24 года).

Грамматическая интерференция обусловлена прежде всего разными типами языков: русский язык относится к флективным, а казахский - к агглютинативным, происходит отклонение от грамматических норм второго языка под влиянием первого языка.

В казахском языке нет приставок, отсутствуют грамматические категории рода и вида, поэтому грамматическая интерференция часто проявляется в смешении приставок (например, выбежать - вбежать), форм вида глаголов (например, видеть - увидеть, смотреть - посмотреть и т.п.), неправильном согласовании (например, красивый платье, маленький мышь, хорошая шампунь, этот месяц домой поеду - в этом месяце домой поеду и т.п.).

Часто в речи двуязычных казахов, особенно проживающих в приграничье с Россией и в городе, наблюдается явление интеркаляции (влияние второго языка на первый). А.Е. Карлинский выделяет инвентарную фразовую, чистую и модифицированную интеркаляцию [см. 1, с. 115-116].

Примером инвентарной интеркаляции является вклинивание элементов русского языка в казахский, например: Мен саган опоздал деп айтым ғой (Я же сказал тебе - опоздал).

Фразовая интеркаляция включает в себя как словосочетание, так и целое высказывание, включенное в предложение на родном языке: У вас сметана бар ма? (У вас есть сметана?).

Чистая интеркаляция - вклинивание единиц второго языка, не подвергшихся интерферирующему воздействию первого языка все приведенные выше примеры).

Модифицированная интеркаляция - вкрапления единиц второго языка, подвергшихся воздействию интерференции. Например: Мен остановкадамын (Я на остановке. Остановка в переводе на казахский язык «аялдама») или Зарплата кашан түседі? (Когда будет зарплата? Зарплата на казахском - жалақы).

Изучение явлений интерференции и интеркаляции призвано помочь педагогу выбрать оптимальный способ объяснения материала, где допускаются ошибки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карлинский А.Е. Экспериментальное изучение лексической интерференции в прикладных целях // Избранные труды по теории языка и лингводидактике. Алматы, 2007. 308 с.
2. Кузнецова И.Н. Теория лексической интерференции : На материале французского языка: автореферат дис. ... доктора филологических наук. М.: МГУ, 1998. 54 с.
3. Кунанбаев Абай. Избранное. М.: Художественная литература. 1981. 220 с.
4. Соловьев С.М. Чтения и рассказы по истории России. М.: Правда. 1989. 383 с.

Кириченко Ю.С.

*ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», г. Белгород (Россия)
e-mail: Kirichenko19921@mail.ru*

УДК 81-25

Русско-Украинское взаимодействие в языке жителей п. Уразово Валуйского района Белгородской области

Kirichenko Yuliya Sergeevna
Belgorod state national research University, Belgorod (Russia)

UDC 81-25

The history of the settlement of Belgorod region and its reflection in the language of the inhabitants of Valuiki district

Целью данного исследования является анализ русско-украинского взаимодействия на территории Белгородской области, которое нашло отражение в языке жителей поселка Уразово Валуйского района. Большинство переселенцев этих земель, как правило, были украин-

The aim of this study is to analyze the Russian-Ukrainian interaction in the Belgorod region, which is reflected in the language of the residents of the village Urazovo Valuysky district. The majority of immigrants of these lands, as a rule, were Ukrainians. In this regard, the study of

цами. В связи с этим изучение языка в данном регионе является неотъемлемой частью этнолингвистического исследования. Анализ диалектной ситуации в Белгородской области с точки зрения исторического контекста дает возможность говорить о междиалектном и сверхдиалектном влиянии украинского языка на русский язык, генетически связанных по причине этнолингвистической ситуации в регионе в результате его заселения.

Ключевые слова: диалектология, лингвокультурология, суржик, этнолингвистическое исследование

language in the region is an integral part of ethnolinguistic research. Analysis of the dialect situation in the Belgorod region from the point of view of the historical context makes it possible to talk about the inter-dialect and super-dialect influence of the Ukrainian language on the Russian language, genetically related in the region as a result of its settlement.

Keywords: dialectology, linguoculturology, surzhik, ethnolinguistic study

Одна из ключевых черт функционирования диалектов на приграничных территориях – междиалектные и межъязыковые контакты. Это может привести к возникновению особой языковой ситуации, под которой в данной статье мы понимаем «совокупность форм существования (а также стилей) одного языка или совокупность языков в их территориально-социальном взаимоотношении и функциональном взаимодействии в границах определенных географических регионов или административно-политических образований» [1, с 616].

Актуальность настоящего исследования заключается в том, что этнолингвистическое исследование края способствует формированию картины как внутренних языковых процессов, так и внешних социальных факторах, которые при взаимодействии определяют пути развития языка [5, С. 4.].

В центре исследования – язык жителей нескольких сел Валуйского района Белгородской области, большая часть населения которых – потомки переселенцев из Украины (Полтавская, Черниговская области – территории распространения украинских юго-восточных говоров и украинских говоров северного наречия [2, С. 44, 48 105, 114, 119], первые из которых стали основой современного литературного украинского языка. В литературе не раз отмечается, что говоры Белгородского региона представляют собой межъязыковое и междиалектное взаимодействие (например, А.А. Сагаровский).

Специфика языковой ситуации в поселке, обусловленной генетическим родством с украинским языком, становится явной уже на уровне фонетики.

Жителям поселкового округа (пожилого и среднего возраста) свойственно употребление фрикативного звука [ɣ], переходящего в [x]. В слабой позиции происходит позиционная мена по глухости (в том числе и в конце слова: *би[x]*, *сапо[x]*). Щелевой заднеязычный является характерным как для УЯ и его говоров, так и для южного наречия РЯ [4, С. 194].

Жители поселка в речевой деятельности придерживаются и различения фонем /a/ и /o/ в безударной позиции:

пирожки – (диал.) *пыр[о]жки*

колодец – (диал.) *к[о]л[о]дец*

хороша – (диал.) *х[о]р[о]ша*

В исключительных случаях [o] заменяет литературный [a]:

амбар – (диал.) *омбар*

расстреляли – (диал.) *росстреляли*

разговаривали – (диал.) *розговарювали*

Нередко встречается и произношение слов с этимологическим «ять» с гласным [и]:

век – (диал.) *вик*

хлеб – (диал.) *хлиб*

место – (диал.) *мисто*

детям – (диал.) *дитям*

замесишь – (диал.) *зомисишь*

обед – (диал.) *обид*

две – (диал.) *дwi*.

Это свойственно и украинскому языку (а также некоторым его говорам, где «ять» дифтонгического происхождения преобразовался в *i*).

Функционирование [и] наряду с [е] - особенность северновеликорусского наречия, хотя [и] на месте «ять» можно встретить и в некоторых словах в определенных группах южновеликорусского наречия [3, С. 34, 61].

Наблюдается также нивелировка регулярных фонетических замен, характерных для украинского и русского языков, и употребление украинского варианта. Так, гласным [o], [e] соответствует [и]:

родна – (диал.) *ридна*

больше – (диал.) *бильше*

червоне – (диал.) *чирвоне*

Оказывает влияние на словоупотребление и такая орфоэпическая норма украинского языка, которая требует сохранения у согласных перед [и] и [е] твердости и генерирует фонетическую вариативность:

пирожки – (диал.) *пирожкы*

потолкти – (диал.) *потолкты*

понабирали – (диал.) *понабыралы*

Наблюдается и явление отсутствия перехода [е] в [‘о] – особенность украинской языковой системы, включая диалектную. В языковой системе жителей поселка это в первую очередь наблюдается при употреблении глаголов I спряжения с [е], что характерно для говоров южногovelикорусского наречия:

запряжѣшь – (диал.) запряжѣшь

возьмѣшь – (диал.) возьмѣшь

всѣ – (диал.) всѣ

несѣшь – (диал.) несѣшь

испечѣтся – (диал.) испечѣтся.

В речевой ситуации наблюдаются следующие реализации фонемы /в/: [в], [у], [ув] и [у]:

всех – (диал.) усих

вмеси – (диал.) усими

в кучке – (диал.) у кучки

в тылу – (диал.) у тылу

вчера – (диал.) учора

в армию – (диал.) ув армию

у нас была – (диал.) в нас была

В украинской языковой системе согласный «в» в начале слова перед согласным, в середине слова после гласного перед согласным и в конце слова произносится как звук [у] неслоговой, эта черта присуща и украинским говора. В русских говорах звонкая щелевая также может быть представлена звуком [у] на конце слова и перед согласным, в начале слова перед согласным - [у] [4, С. 59].

В качестве фонетической особенности говоров данной территории можно назвать преобладание твердых согласных перед гласными переднего ряда, характерное для украинского языка:

плиты – (диал.) плиты

водили – (диал.) водылы

девять – (диал.) дэвять

ходили – (диал.) ходылы

косили – (диал.) косылы

купить – (диал.) купыть

поле – (диал.) полэ
день – (диал.) дэнь
в деревне – (диал.) у дэрэвне
отец – (диал.) отэц
три – (диал.) тры.

Встречается также отсутствие позиционной мены по звонкости/глухости, характерное для украинской языковой нормы:

мед – (диал.) ме[д] качалы
хлеб – (диал.) хли[б] пекли.

Таким образом, изучение диалектной ситуации Белгородчины позволяет говорить о междиалектном и наддиалектном влиянии украинского языка на генетически родственный русский в силу этнолингвистической ситуации, сложившейся в данном регионе в результате его заселения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В.А. Языковая ситуация // Большой энциклопедический словарь. Языкознание / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Научное изд-во «Большая Российская энциклопедия», 1998. – С. 616-617.
2. Матвіяс І.Г. Українська мова і її говори. АН УРСР. Ін-т мовознавства ім. О.О. Потебні. К. : Наук. думка, 1990. – 168 с.
3. Пшеничнова Н.Н. Лингвистическая география (по материалам русских говоров). М.: Азбуковник, 2008. – 220 с.
4. Русская диалектология / С.В. Бромлей, Л.Н. Булатова, К.Ф. Захарова и др. ; под ред. Л.Л. Касаткина. М.: Просвещение, 1989. – 224 с.
5. Сагаровский А.А. Фонетическая и морфологическая системы украинских говоров Белгородской области РСФСР: диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.02 / Харьковский ун-т. – Харьков, 1988. – 204 с.

Лапацін Г.І.

ДУК «Веткаўскі музей стараабрачства і беларускіх
традыцый ім. Ф.Р. Шклярава», Ветка (Беларусь)
e-mail: lapacin@mail.ru

УДК 811.161'373:398.92: 173

**Каго бог паслаў, а каго чорт прыгнаў: аб выкарыстанні
выслоўяў з кампанентамі Бог і чорт у гутарковай практыцы
жыхароў п. Амяльное Веткаўскага раёна**

Lapacin Gennady

*Vetkovskiy museum of oldbelievers and Byelorussian traditions of the
name of F.G. Shklyarova, Vetka (Belarus)*

**Whom god has sent down, and who the heck came: about the use of
cookies from the components of the God and the devil in
conversational practice residents p. Amjalnoe of the vetka district,
Gomel region Gomel'skoy oblasti**

*Данная стат'я посвящена іс-
пользованию изречений из компо-
нентами Бог и черт в разговорной
практике жителей п. Амяльное
Веткаўскага раёна. В основе ста-
т'и - полевые записи автора 2005-
2018-х гг.*

*Ключевые слова: паремиологи-
ческая картина мира, белорусская
деревня, диалектная паремия,
разговорная практика, лексемы Бог,
чёрт.*

*This article is sanctified to the
use of saying from by components God
and devil in colloquial practice of
habitants of of Amelnoe village of
Vetkovsky district of Gomel region. In
basis the articles are the field records
of author 2005 - 2018 t h.*

*Keywords: paremiological pic-
ture of the world, Belarussian village,
dialectal paremiae, speaking practice,
lexemes are God, devil.*

Практычна немагчыма знайсці чалавека, які б у сваёй гаворцы хоць зрэдку не звяртаўся да ўстойлівых моўных адзінак. І літаральна кожны з нас калі-нікалі ў пэўных сітуацыях казаў альбо «**Бог (яго) ведае**», альбо «**чорт (яго) ведае**». І, падпарадкоўваючыся «маўленчай звычцы» (тэрмін — Т.А. Піваварчык) [1, с. 26], мы ніколі не задумваліся, што такім чынам мы звярталіся альбо да Бога, альбо да чорта, і гэтак ўплывалі на пэўную жыццёвую сітуацыю. Варта заўважыць, што такое стаўленне да азначаных выразаў уласціва не толькі побытаваму, народнаму, але і навуковаму асяроддзю. У некаторых фразеалагічных слоўніках яны

вызначаюцца менавіта як сінонімы, прычым гэта тычыцца як слоўнікаў беларускіх [2, с. 100], так і рускіх [3, с. 39, 36, 187].

Чаму так адбываіцца? Т.А. Піваварчык, аналізуючы маўленчыя формулы с лексемой Бог ў паўсядзённай камунікацыі, са спасылкай на публікацыі А. Вержбіцкай і Ю.Б. Нормана, робіць слушнае вызначэнне: «У сучасным маўленчым ужыванні прагматычныя клішэ “семантычна «выпустошваюцца», губляюць сваю сакральную сутнасць, перастаюць быць знакамі вызначаных рэлігійна-магічных феноменаў”, маюць квазірэлігійны характар, але семантыка «сакральнасці» перарастае ў прагматычнае значэнне і выконвае не ролю рэлігійнай матывацыі маўленчых дзеянняў, а сацыяльна- і этыкетна-рэгулятыўную, жанра-ўтваральную, экспрэсіўную функцыі». [1, с. 26].

Цікавы паварот гэты момант атрымаў у працах беларускіх даследчыкаў. Прычым асновай палемікі паўстала пытанне, з якой літары, з вялікай ці малой трэба пісаць слова Бог ва ўстойлівых адзінках [4, с. 27 – 33; 154 – 156; 45].

Асабіста для мяне і на цяперашні час усё засталося б на такім самым узроўні, калі б не былая жыхарка п. Амяльное Веткаўскага раёна Варвара Аляксандраўна Грэцкая. [5] Падчас адной з нашых шматгадовых размоў я заўважыў, што яна практычна ў аднолькавых сітуацыях магла сказаць: «Бог яго зная», і магла сказаць: «Чорт яго зная». Узнікла пытанне: «Чаму то вы то кажыце «**чорт яго зная**», а то «**Бог яго зная?**» Яе адказы проста ўразлілі.

(а) «Лучшы сказаць: «**Бог яго зная**». Чорт – ета на ўрэднага. Во Сяргей работаў, грошы не аддалі, не расчыталі... Дак ета **чорт яго зная**, а можа, егыя расчытаюць... Ета – **Бог яго зная**. Лучшэ сказаць, штоб расчыталі. На харашога чылавека гаворыць: “**Бог яго зная**, а на ўрэднага, дак гаворыць «**чорт**».

(б) «Наша баба (Алена Максімаўна Грэцкая, у дзявоцтве — Кулагіна, 1859 —1953), напрымер, ні казала: “Чорт яго зная”. Усё: «**Бог яго святы зная**”. Вот што-нібудзь... І шукаіш чаго-нібудзь, яна: «**Бог яго святы зная**. Пашукайці-ка! » Пачанеш шукаць, і знойдзіш».

У свой час на прыкладзе абрадавых песень я прыйшоў да высноў, што каляндарныя тэксты заўсёды з’яўляюцца зваротам да пэўнага Боства. І ў гэтым плане каляндарны тэкст — самадастатковы. Боства рэагуе на яго, нават калі яго выкананне не абстаўлена адпаведна рытуалу [6]. На падставе сказанага Варварай

Грэцкай узнікла ўражанне, што не толькі ў вышэйшай ступені рытуальныя пажаданні, праклёны, бажба, але і, здаецца, зусім нейтральныя, прыказкі, прымаўкі, фразеалагізмы з вызначынымі кампанентамі маюць тую самую ўласцівасць. Уплываць! Як узгадвае Варвара Грэцкая: “У нас Аксінья была. Яна не казала: **«Чорт яго знаў...»** А казала: **“Бес яго знаў...”** Багата гаварыла. А баба наша не гаварыла, казала: **“Толькі чорта памяні, ён будзя каля цябе і баўтаца.** Кругом цябе... Баба казала: «Нада Бога памянаць, а чорт усягда падойдзя і віляя».

Як сведчаць аповеды маёй суразмовіцы, выкарыстоўваючы ў сваёй гаворцы агульнавядомыя выслоўі **І Богу моліцца, і чорту верыць, І Богу верыць, і чорт памагая, Богу маліся і чорта не гняві**, жыхары нашых вёсак добра разумеюць, што пастаянна ў сваім жыцці знаходзяцца паміж Богам і чортам. Прыклады маёй суразмовіцы ў гэтым плане ў вышэйшай ступені красамоўныя: «Калісь пацірля я іголку. Ішла, думаю: «Будзя грубка тапіцца, а я вязёнку буду лапіць: відро выносіць». І нясла, і – бац!» Рукі ж ніякія. Дзе тая іголка?.. І як яна выскальзнула? І шукала я, і не найшла. Тады пачала мост мыць. Думаю: «Дай-ка, я мост памыю». Адну маснічку памыю, пасяджу, аддыхну і зноў. Пагляджу: штось блішчыць каля дзвярэй. Узяла, падняла – іголка. А я ішчэ да этага пачала мыць да і гаварю: «Чорцік Іванька, памажы мне! Аддай мне! Бяры сваё!» Ішчо баба так вучыла. Пагляджу: іголачка блішчыць. Я іголачку тую ўзяла, гаварю: «І чорцік памог!» Хто Богу маліцца: «Госпадзі! Хоць бы найці!» Я іду ў лес, калісь хадзілі ў грыбы ці ў ягады, гавару: «Госпадзі! Бог не паможа, Іванька-чорцік, памажы, штоб мы набралі ягад!» І пойдзім, чуць дапром ягады. А баба казала наша: «Дзеці, у лес ідзіце, перяхрысціцеся: «Госпадзі! Памажы нам!» Патаму што з табой ангел ідзець паўз адзін бок, паўз правы, а чорцік ідзець паўз левы. І каждага чылавека саправаджаюць. І, як наш Сяргей едзя экзамены здаваць, я гаварю: «Па правай руцэ ў цібе ангел, а па левай — чорцік. Гаворыць: **“Богу малісь, і чорта не гняві».**

Польская даследчыца Крысціна Ратайчык у надзвычай цікавым артыкуле, прысвечаным устойлівым выразам з кампанентамі *Бог* і *чорт* на матэрыяле рускай і польскай моў вызначае, што “выяўляючы свае пачуцці і эмоцыі, чалавек часта звяртаецца да Бога ці да д’ябла – двум процілеглым адна адной сілам”. Ратайчык прыводзіць матэрыялы, якія сапраўды сведчаць аб тым, што

карыстальнікі мовы, ужываючы ў сваёй гаворцы азначыныя моўныя адзінкі, нават не падазраюць пра наступствы. Разам з тым К. Ратайчык, на мой погляд, слушна вызначае, што «Дзякуючы фразеалагізмам-выклічнікам з кампанентам *Бог* і блізкімі яму семантычна славамі Бог, Хрыстос, Царыца Нябесная, Сілы нябесныя) людзі вядуць своеасаблівы дыялог з Богам» [7, с. 130]. І справа тут у тым, што у складзе парэмічнай адзінкі канстанты Бог/чорт незалежна ад носьбітаў мовы заўсёды захоўваюць свае пастаянныя значэнні. Як вызначае О.Г. Сашко: «У паўсядзённа-пабытовым і рылігійным мысленні металныя канструкцыі *Бог*, *дх'явал/чорт* суадносяцца с асноватворнымі паняццямі-канстантамі быцця, якія бяруць непасрэдны ўдзел ў арганізацыі і кіраванні сусветам і жыццём чалавека і традзіцыйна падзяляюцца на пазітыўнае і негатыўнае, ўхваляецца і то, якое не ўхваляецца. Фразеалагізмы з кампанентам «Бог», як правіла, выяўляюць пазітыўныя эмоцыі, фразеалагізмы з кампанентам «чорт» — негатыўныя эмоцыі, што звязана з семантыкай гэтых кампанентаў: Бог як увасабленне дабрыні, міласернасці, усёдаравання, праведнасці і г. д.; чорт як увасабленне сусветнага зла» [8, с. 174].

І як сведчаць выслоўі, заўважаныя мной у гаворцы Варвары Грэцкай, і ў Бога, і ў чорта — практычна аднолькавыя інтарэсы: **«Чорт ня возьма, еслі Богу ні нада»**. **«Еслі Богу ні нада, дак чорт тож ні бярэ»**. Думае: «Урэдны... Дак на што ты мне...» Скрозь так кажаць... Во малы дзіцёнак і то калі гаворыць: **«Богу ня нада, і чорт ні бярэ»**. Кажаць: **«Як Богу ні нада, дак і чорт ні бярэ тога»**. Еслі ён гад урэдны...» Адсюль і наступнае: **«Чорт з папом ня разбярэ (ня поймя)**. Накудлыч што-нібудзь у рабоце, абы як, не так, як нада, дак **сам чорт ня поймя**, адкуль пачынаць, адкуль... Маток матаць... Во ніткі... І вазьмі там што-нібудзь ня так здзелаі, тады маток... **Чорт з папом не разбярэ**. Хоць чорта пастаў, хоць папа... Дак чорт не разбярэ, і поп не разбярэ, як там ужо... Учора Пашка была... Штось бульбу распахіваць... Дак я: «Давайця распашыма бульбу!» Сталі распахіваць, дак дзе вузейшыя радкі, дзе шырэішыя. Дак гаворыць: **«Сам чорт з папом не разбярэ!»** Вот няправільна што-нібудзь — ну і не разбярэш нічога. Хоць і ў кроснах... Вазьмі ня так... Не пераступі етыя два разы, дзве ніткі ўряд, ужо будуць іціць тоўстыі ніткі. Матка атойдзя, я гаварю: «Баб, давай я вазьму хоць трошкі ткану на кроснах, паўчуся». А баба гаворыць: «Паклычыш ужо, што **чорт з папом не разбярэ!** Ад маткі тады ўжо аборы палучыш. Ужо

так будзя сеч! Скажа: «Хто цябе пасылаў? Ета ж нада ўсё раздзелываць!» Тым не менш, як сведчаць прыказкі, з аднаго боку: **«Як трывога, дак усё да Бога, а так забываяць на Бога»**, а з другога: **«Пры горю, нада і чорта бацькам назваць. Як жраць захочыш, дак і чорта бацькам назавеш»**. **«За чорствую, за сухую корку, дак нада аддаць і душу чорту»**. І разам з тым: **«Богу малісь і души не мары»**. На мой погляд, дадзены фразеалагізм патрабуе разгорнутага каментара: «Баба наша постывала... Сем нядзель... Баба адзельна сябе супу іздзеляя: цыбулькі тудам... Матка і гаворы: «На етым пасядзіш, дак ног дак ног не пацягніш... У мяне работы і так пагарла... І ты заляжыш, а дзеці...» А баба: Я ж сабе дарогу прачышчаю у рай». Яна: «У рай пойдзіш?..» Да і кажа: «Я дружыла с папом... — Поп жыў у Закружы... — І с пападз'ёй адна душа ў нас была, як сёстры, мы былі. Сабіраіцца бацюшка іціць у цэркву, садзіцца есць... Я на пападзю і кажу: «Скаронная ён есць? » Яна і гаворы: «Есць... Садзіцца есць... І чарачку вып'е... » Я гаворю: «Дак жа грэшна... » А яна гаворы: «Дак вазьмі, да абедна ня еўшы пабудзь, дакі ногі закалоцяцца. А ён пад'есць і кажа: **«Богу малісь і души не мары»**. Душу зморыш, дак ня то, што запяеш, а да ж пець... Пець жа сіла нада. Дак ён і гаворы: «Як богу не малісь, а души не мары. А нада харашэнька пакарміць душу».

І Бог, і чорт у рэпертуары выслоўяў, а калі казаць больш пашырана — фразеалагічна-парэмічным рэпертуары Варвары Грэцкай паводзяць сябе вельмі актыўна і практычна на роўных [9]. У ім налічваецца 116 устойлівых адзінак з узгадкай Бога і 102 з узгадкай чорта. Паміж Богам і чортам ў лакальнай амяленскай фразеалагічна-парэмічнай прасторы вядзецца пастаянная напружаная барацьба, і пры гэтым, з аднаго боку, **«у Бога ўсяго многа»**, а з другога, **«у чорта сваіх да чорта»**. **«На што чорту другі хвост, калі ў яго свой ёсць»**. І Бог, і чорт, як сведчаць выслоўі, прычыняюцца літаральна да ўсяго, чым жыве чалавек. Прычым гэта адбываецца ўжо падчас нараджэння: **«Які радзіўся, такі ўжо і будзя чорт»**. **«Сатана чорта радзіла ў лапцях»**. **«Дай Бог дзяцей, і ў дзяцях штоб пуць быў»**. **«Не давядзі Гасподзь такога ўрэднага»**.

І ў надалейшым каму **«Бог у помашч»**, а каму **«чорт дзела загадаў»**. Перш за ўсё, гэта тычыцца асноўнага клопату селяніна, яго стасункаў з зямлёй, а таксама іншай гаспадарчай дзейнасцю: **«Баба як содзя, гаворы: «Радзі, Госпадзі, і на крадзяшчага, і на**

прасяшчага, і сябе ядзяшчага”. Штоб было ўсім... Штоб было і ўкрасць, і хто прося, тому даць, і сам штоб еў”. І, разам з тым, “Гаворяць: «Ты шчаслівая! Табе **чорт у капусту с..!** » Ета калісь баба наша: «**Багатаму чорт памагая. Усягда ў капусту с...**» Безумоўна, апошняя вельмі вобразнае, і тычыцца не толькі ўраджаю: «Усі калісь казалі. Пра багатых. Вот пойдучь, там у нас адзін быў, на матацыклі ён аб’едзя ўсюды, грыбоў набірэ ці ягад. Яна была, у магазіні таргавала: даход неўма які. Ён работаў заўхозам у домі інвалідаў, цягнуў і мяса, і сала, і што ён ні цягнуў... Дак усё людзі казалі: «**Багатаму чорт у капусту с..,** штоб багацейшы ішчэ быў». “Таворяць: «Ты шчаслівая! Табе **чорт у капусту с...** » І разам з тым, з адога боку: **Ё Гасподзь Бог на свеці! Бог не бяз міласці і казак не бяз долі,** а з другога: **Хочыш лезць на гару, а чорт цягня за нагу.** І разам з тым: **На Бога надзейся, а сам не рябей. Бог лесу ні раўня. Бог не скідая з неба.**

Прычыняюцца як Бог, так і чорт да шлюбных стасункаў і сямейнага жыцця чалавека. Паводле выслоўяў, можна, напрыклад, **улезці ў чарціны брак:** «Усяк казалі. Калісь Мельчыха прыдзя... Сястра яе забярэмініла, прышла: «Во ўжо! Ета ж нада: у **чарціны брак** улезла... » А можна праз афіцыйнае «у **Божжаю веру ўвесць**» [10]. Можна пражыць сямейнае жыццё па прынцыпе **які чорт найдзіцца, ніхай з такім і гарюя:** «Дзевачак хваліць нада. Штоб замуж ішлі. А матка: «**Які чорт найдзіцца, ніхай з такім і гарюя.** Шчэ буду журыцца. Мне хватая дзілоў такіх... » Гэта, калі **Сатана кругом ходзя і зводзя,** і думая: «На, гарюй!» А можна пражыць, **як у Бога за пазухай:** «Харашо жыве, дак гаворыць: «**Жыву, як у Бога за пазухай**”. А ў **Бога за пазухай** жа цёпла. Дак усё калісь казалі: «**Жыве, як у Бога за пазухай**». Ета харашо”. А гэта, калі: **Усякай твары ў Госпада па пары.** Усі ж паруюцца. Гаворяць, шукаяць купец купца, *а сляпец сляпца.* Сляпец шукая, штоб... Харашы з ім жа ня пойдзя па вуліцы. І ідзець жа сляпец такі, удвох. Жэняцца такія. Паруюцца. Багаты ж бярэ... Не бярэ беднаю, а бярэ багатаю. А бедны ўжо бярэ, хто пойдзя. Кажды шукаіць, гаворяць... **Усякія твары ідуць па пары.** Ета скрозь гаворяць усі. Баба казала наша. Я гаварю: «Баб, паглядзі-ка ты... » У нас галубы дзікія вяліся. Яна гаворы: “Ну, **усякія ж твары шукаяць па пары**”. Так жа і людзі, так ж і ўсі. Тым не менш: «**Пад выборкі падкіня чорт аборкі, дак ні разбярэся, з якога бока пачынаць, з якога канчаць**».

І гэты выбар суправаджае чылавека да самай смерці: **Чорт** хватае, да ніяк ні забірае. Здыхаць нада, да ніяк Бог ні бярэ. Штоб цябе Божая пасцель жызь табрала табе. Штоб ты Божае пасцель ні мінуў.

І даволі часта мы самі правакуем гэтую актыўнасць праз пажаданні альбо праклёны: **Божа збаў. Дай (табе) Бог дарогі харошай. Дай Божа ўдачы. Дай (вам) Гасподзь пуць харошы. Дай (табе) Бог час добры. Дай (табе) Бог здароўя. Хай Бог прашчая. Ніхай Гасподзь (цябе) аберагая. Не давядзі Гасподзь міласлівы. Дай (табе) Бог смерць лёгкаю. Хай с (табой) Бог разбярэцца і пакарае цябе. Штоб (табе) свет не свяціў Божжы, праведная сонца ня грэла. Будзь (ты) Богам прокляты! Ня дай Бог свінне рогі, а дураку (хамуту няграматнаму) панства. І супрацьлеглае: Ніхай там чэрці ўцяшаюцца. Хай з (імы) чэрці гаворыць. Чорт (іх) бяры.**

І разам з тым, як узгадвае Варвара Грэцкая добра разумелі, што ў нядобрых справах Бог — не памочнік: **«Не зарыкайся, як ідзеш красць, а як Бог дасць... А то пойдзіш, а не ўкрадзіш тога. Памажы Госпадзі... Бог не памагае... Во ідзе ўбіваць парасёнка... Як б'юць парасёнка... Бога не прасі — ты ідзеш убіваць... Ніхай ён які, карміў ты яго, ці не карміў — ну, ты душу загубліваіш... І Бога не прасі... Не прасі Бога, як ідзеш красць — як Бог дасць».**

І яшчэ адна сітуацыя, якая нярэдка ўзнікае ў нашым жыцці. <Чаму на аднаго кажуць: **«Ідзі ты к чорту»**, а на другога: **«І дзі ты з Богам»?**> І тут зноў трэба вярнуцца да вопыту Алены Максімаўны Кулагінай, якая, верагодна, добра разумела магічную прыроду выслоўяў з азначанымі кампанентамі і вучыла гэтаму сваю ўнучку, як імі правільна карыстацца. Як харошы ідзець... Наша баба нікалі не казалы, ета ў каго якая прывычка. Есць, што ўсё к чорту пасылае, а баба наша нікалі к чорту не пасылала, гаварыла: **“Чорт усё падбярэ. Ня нада к чорту. Чорт – аб’ядальны, усё падбярэ”.** А будзя казаць: **«Ідзіця з Богам!»** Ніхай ён зло іздзелае, будзя казаць: **“Ідзі ты ўжо з Богам сабе, а я сабе пайду».** Чорт усё падбярэ. Казала на мяне: **“Варачка, не прывыкай казаць: «Ідзі ты к чорту».** Чорт аб’ядальны, усё жрэ, жрэ і не нажыраіцца. Яго ніхто не накарма”. Акрамя, як **к чорту**, часам тога, хто прышоўся не да спадобы могуць паслаць **к чортавай мацеры**.

І самі людзі ў залежнасці ад паводзін, ад характараў вызначаюцца намі альбо, **як чэрці ў лапцях**, альбо **як божая бя**.

«**Як чэрці ў лапцях**, еслі ўрэдны чылабек. Як наш – **як чорт у лапцях**. Еслі ні нап’ецца, дак шчэ можна гаварыць. І то, штоб па яго было. **Божжая бя**. Калісь казалі... Самая Божжая пціца... Ета якая ў Бога?.. Голуб. А са скаціны што?.. Авечка... Ё віконы с авечкамы?. Таму шта яна... Авечка, усё баба наша казала: «Безабідная авечка цябе ні ўкуся. Сабака, тая ўкуся, кот драгне. Авечка — ета божжая скаціна завецца». Калісь у нас ікона... Дац у яслях авечкі стаяць. Усі звалі: «Божжая бя». <Вы казалі: “Жыве, як божжая бя”.> «Ну, і жыве, як божжая бя... Маўчыць, да і ўсё. Я сама ўжо, **як божжая бя**... У сваім двары нічога. Нада, яны, свае родныя, пагаворыць... І ўсё... Што яны твораць, што яны гаворыць, я ні пытаю, і ні хочу”. І мы, у сваю чаргу, падзяляем людзей, якія прычыняюцца да нас, у залежнасці ад іх якасцей і ўласцівасцей на тых, каго **Бог прынёс**, і тых, каго **чорт прынёс**. <На каго кажуць: **Бог прынёс**, а на каго: **чорт прынёс**?> “**Бог прынёс** — на харошага чылабека. А як на дурнога — **чорт прынёс**. Вас с Пашкай **Бог прынёс**. А ніхай счас прыдзя які-небудзь дурак п’яны, скажаць: «**Чорт прыгнаў** яго... Нада ён тут... »

І тыя, ад каго мы залежым у сваім жыцці, таксама падзяляюцца на тых, хто **чортам верядуя**, і на тых, да каго **ідуць, як да Бога**.

Такім чынам, вопыт носьбітаў традыцыі і мовы сведчыць, што выслоўі з кампанентамі *Бог* і *чорт* актыўна выкарыстоўваюцца ў гутарковых стасунках жыхароў Амяльнага. Практычна кожная з гэтых адзінак мае відавочную альбо скрытую магічную ўласцівасць. І, як сведчыць вопыт жыхароў Амяльнага, выкарыстоўваючы іх у сваёй мове, мы вольна альбо нявольна пэўным чынам упываем на розныя жыццёвыя сітуацыі.

ЛІТАРАТУРА

1. Пивоварчик Т.А. Речевые формулы с именем Бога в повседневной коммуникации // Вісник Дніпропетровського університету. Серія «Мовознаўства». № 11. 2009. Вип. 15, т. 1. С. 224–232.- 26.

2. Лепешаў І.Я. Фразеалагічны слоўнік беларускай мовы. У 2 т. Т. 1. А-Л. – Мн.: БелЭн, 1993. – 590.

3. Фразеологический словарь русского языка. Под ред. А. И. Молоткова. Изд. 2-е, стереотип. М.: Сов. Энциклопедия – 1968. — 543 с; Жуков В, П., Сидоренко М. И., Шкляров В. Т. Словарь фразеологических синонимов русского языка /Под ред. В. П. Жукова.—

М.: Рус. яз., 1987. – 448 с. Яранцев Р. И. Русская фразеология. Словарь-справочник. – М.: Рус. яз.,

4. Даніловіч А.М. Вялікая літара і слова Бог у фразеалогіі / Роднае слова, 2015, 10. С. 27-33; Лепешаў І.Я. Сучасная беларуская літаратурная мова: спрэчныя пытанні: дапаможнік — гродна: ГрДУ, 2002. — 207 с. Правілы беларускай арфаграфіі і пунктуацыі. Мінск цэнтр прававой інфарм. Рэсп. Беларусь. 2008. 144 с.

5. Варвара Аляксандраўна нарадзілася ў пасёлку Амяльное Веткаўскага раёна Гомельскай вобласці у 1925 годзе. У 1992 годзе ў сувязі з адсяленнем пасёлка пераехала ў Ветку, дзе і жыве на цяперашні час. Гл.: *Лапацін Г.І.* Варвара Грэцкая як з’ява беларускай народнай культуры. Гомель: Барк, 2015. – 248 с.

6. Лапацін Г.І. «У нас песні праз мяжу не ідуць...» Аб культуры выканання абрадавых тэкстаў. // Палявая фалькларыстыка і этналогія. Даследаванне лакальных культур Беларусі. Уклад. І.Ю. Смірновай. — Мінск: БДУКіМ. — 2008. — С. 143 —149. *Лапацін Г.І.* «Што ў народзе, тое і ў прыродзе...» Аб уплыве каляндарна-практычнага вопыту носьбітаў традыцыі на дыялектную фразеалогію — Славянская міфалогія і этнолінгвістыка. Сборник научных статей. Гомель, ГГУ им. Ф. Скорины, 2015, с. 163-166.

7. Ратайчик Кристина, Бог и дьявол в русской междуметной фразеологии (структурно-семантический очерк с учетом элементов перевода. — Actauniversitatis Lodziensis — Folia livnguistica Rossica — 3, 2007. С. 129-138.

8. Сошко О.Г. Метафоричні моделі фразеологізмів на познання емоційних характеристик (на матеріалі української, німецької та англійської мов) // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 24 (63). 2011 г. № 4. Часть 2. С.172-177.

9. На дадзены час у гаворцы Варвары Аляксандраўны Грэцкай мной вызначана каля 2000 адзінак. Гл.: Лопатин, Г. Варвара Грэцкая: «Я гаварю па-амяленскі...» Из опыта изучения диалектной фразеологии. (Материалы к Фразеолого-паремиологическому словарю личности.) Варвара Грэцкая. Записи 2005 –2012 г. // *Palaeoslavica*, Vol. XXI, №2 Cambridg., Mass, 2013. Pp. 130 – 201. Ён жа: Варвара Грэцкая: «Я гаварю па-амяленскі...» Из опыта изучения диалектной фразеологии. (Материалы к Фразеолого-паремиологическому словарю личности.) Варвара Грэцкая. Записи 2005 – 2012 г. // *Palaeoslavica*, Vol. XXII, № 2. Cambridg., Mass, 2014.

Рр. 147-221. Ён жа: «Хто прыказку гаворы і слова ўмесці скажа с прыказкай...» (Матэрыялы к Фразеологічна-парэміялагічнаму слоўвару асобы.) Варвара Грецкая. Запісы 2005 –2015 г. // Palaeoslavica, Vol. XXIII, №1 Cambridge, Mass, 2015.- Рр. 159-198.

10. Лапацін Г.І. «Малыя – пакуль у начоўкі ўваля... » // Славянская фразеалогія ў сінхроніі і дыяхроніі. Сборы навуковых прац. Выпуск 3. Гомель: ГГУ, 2016. – С. 67- 69.

Мурадян І.В.

*Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова,
г. Одесса (Украина)
e-mail: muradyan@ukr.net*

УДК 811.161.1'342.6'271.1-057.875(477)

Интерференционные орфоэпические ошибки в русской речи украинцев

Muradyan Irina Vladimirovna

*Odessa National University named after I.I. Mechnikov,
Odessa (Ukraine)*

UDC 811.161.1'342.6'271.1-057.875(477)

Interference orthoepic mistakes in russian speech of ukrainian

В статье отмечается, что в условиях продуктивного и субординативного билингвизма украинско-русская интерференция особенно сильно проявляется при произношении отдельных звуков и в ударении. Представлен анализ недостаточной редукции гласных и фонетических процессов в области согласных звуков

Ключевые слова: продуктивный билингвизм, норма, интерференция, дистрибуция фонем, произношение гласных и согласных звуков.

The article is devoted to Ukraine language interference in Russian speech. It so strong at situation of productive and subordinate bilingualism. Material of research is pronunciation of some sound and accent. The author analyzed inadequate reduction of vowels and phonetic process at consonants sounds.

Keywords: productive bilingualism, norm, interference, distribution of phoneme, pronunciation of vowels and consonants.

Проблемы межъязыковой интерференции разрабатываются в науке давно. Особую актуальность они приобретают в условиях

продуктивного билингвизма, когда, кроме теоретического исследования, важно рассмотрение интерференции в практических целях при обучении русскому языку. «Родство двух восточнославянских языков обуславливает стабильное владение русским языком представителями украиноязычного социума» [13, с.270]. В результате взаимодействия родственных языков «возникает фактор творческого возбуждения и активизации собственных внутренних возможностей в одном из языков под воздействием другого», - отмечает Г. П. Ижакевич [7, с.30]. На эту потенциальную способность языков к дальнейшему развитию их структуры и стилистических средств указывали в свое время А. А. Потебня, Л. А. Булаховский и др.

Тесно связаны вопросы интерференции с рассматриваемой в работах О. Б. Сиротининой и А. П. Сковородникова и др. «экологией языка».

Из выделенных Е. М. Верещагиным [5, с.26] трех видов (рецептивный, репродуктивный и продуктивный) билингвизма в Украине действует продуктивный. «В данном случае, - как пишет Н. В. Хруцкая, - предполагается та степень владения русским языком, когда украинский индивидуум умеет не только слушать, читать или воспроизводить услышанное и прочитанное, но владеет активным запасом русской лексики» [13, с.271].

Мы имеем дело с билингвизмом субординативного (смешанного) типа, по терминологии американских психологов Ч. Осгуда и С. Эрвина, при котором механизмы, обеспечивающие порождение речи, связаны, т.е. «человек в одной и той же речевой ситуации попеременно использует то один, то другой язык» [13, с.271]. В этом случае в речи билингва интерференция проявляется наиболее сильно.

Отметим универсальные факторы, влияющие на интерференцию украинского и русского языков. Во-первых, это различие в фонемном составе языков, во-вторых, интерференция определяется закономерностями дистрибуции фонем и, в-третьих, она зависит от особенностей реализации фонем.

Целью данной статьи является выявление интерференционных процессов и конкретных реализаций при произношении звуков в русской речи людей, для которых украинский язык является родным.

Учет интерференционных факторов позволит совершенствовать нормативное литературное произношение, которое, как пишет

Л. А. Вербицкая, так же важно, как и правильное написание [3, с.44].

Широко распространенным интерференционным процессом, охватывающим всю русскую речь в Украине, является недостаточная редукция гласных звуков в безударных слогах. В русской речи носителей украинского языка широко представлена недостаточная редукция гласного звука [о] после твердых согласных, например: [молоко'], [голова'], [го'рот], [вода'] вместо [мьлАко'], [гьлАва'], [го'р'ьг], [вЛда']. Нами отмечено, что характерное для орфоэпической нормы русского литературного языка «аканье» особенно часто не соблюдается после губно-губных согласных, например: [помогу'], [побо'л'шь], [по-мо'р'у] вместо [пъмАгу'], [пЛбо'л'шь], [пЛ-мо'р'у]. Очевидно, в этом случае соседство губного согласного и лабиализованного гласного мешает появлению нелабиализованных редуцированных [Л], [ъ].

Недостаточной является редукция [э], [а] после мягких согласных. Часто в первом и втором предударных слогах произносятся, как в графической записи, звуки [э] [а] на месте букв е, я, например: [в'эсна'], [б'эр'эга'], [j'азы'к], [л'агу'шкь] вместо [в'и'сна'], [б'ьр'и'га'], [j'и'зы'к], [л'и'гу'шкь]. Эта фонационная особенность предударных гласных отмечалась еще М. В. Пановым как распространенный вариант и в самом русском языке [12, с.160]. Влиянием украинского языка такое произношение, несомненно, подкрепляется. Следование графике вообще характерно для носителей украинского языка, так как они чаще читают тексты на русском языке, например, в Интернете, чем слушают нормативную русскую речь.

Несовпадением фонетических реализаций русских звуков [ы], [и] и украинских [и], [і], а также различиями в дистрибуции определяется замена украинцами русских [ы], [и] украинским [и], например, в словах [крыво'й], [мы'лы'] вместо [кр'иво'й], [м'и'лы']. Причем следует учитывать, что в украинском языке [и] в отличие от русского [ы] – это звук переднего ряда [8, с.28]. Хотя как территориальную вариацию М. П. Кочерган выделяет «бойковское сниженное [и]» [10, с.81], которое напоминает [ы] русского языка.

Слабым участком орфоэпической нормы русского языка является ассимилятивное смягчение зубных согласных перед мягкими зубными и передненебными. Р. И. Аванесов отмечал отдельные случаи нарушения этого закона [1, с.113]. Л. Л. Касаткин уже в начале 21 века пишет, что «возникла тенденция к отвердению первого

согласного... Этот процесс идет и в современном русском языке, постепенно охватывая все новые и новые позиции» [9, с.173]. В украинском языке нет ассимилятивного смягчения согласных и поэтому в русской речи в Украине давно произносят твердо: [сн'э'к], [сн'има'т'], [ст'и'л'], [кузн'э'ц], [мы'сл'и] вместо [с'н'э'к], [с'н'има'т'], [с'т'и'л'], [куз'н'э'ц], [мы'с'л'и].

Влияние украинского языка особенно сильно проявляется при произношении русского звука [г]. В сильной позиции часто звучит [γ] фрикативный вместо взрывного русского [г], например: [γ]ород, [γ]олова, [γ]олодный, [γ]ерой и др. Но больше распространено оглушение в слабой позиции взрывного [г] в ненормативный фрикативный [х] вместо взрывного [к]. Такое произношение, к сожалению, можно услышать в разных сферах: у студентов и общественных деятелей, у работников телевидения и продавцов, например, произносят: кру[х], дру[х], бере[х], дене[х], катало[х] вместо кру[к], дру[к], бере[к], дене[к]. Для выработки правильного произношения очень полезно читать вслух пары слов: мог – мох; пирог – порох, уют – потух; снег – пух и др. Из всех проявлений фонетической интерференции это, пожалуй, самое распространенное. Употреблять взрывной [г] тем более важно, что в современном русском языке наблюдается сокращение количества слов, которые произносятся с фрикативным [γ]. Н. С. Валгина называет только междометия «ага», «ого» и слово «бухгалтер» [2, с.58].

Интерференция украинского языка сказывается на произношении звука [в] в слабой позиции. При оглушении в конце слова и при ассимиляции по глухости в русском литературном языке звучит [ф]. В Украине в этой позиции можно услышать [w] билабиальный, свойственный украинскому языку, и даже [y] неслоговое, например: любо[w], любо[y^h], морко[y^h], сли[y^h]ки, голо[y^h]ка.

В репрезентативном, сделанном на основе анализа речи информантов из пяти городов Украины (в том числе и из Одессы), исследовании Л. А. Вербицкой отмечается, что в произношении украинцев «более ограниченная дистрибуция фонем приводит к замене мягких губных и мягкого [р] на соответствующие твердые в конце слова» [4, с.56]. В Одессе это явление распространено не столь широко. Редко не смягчаются губные согласные и [р] (буква[р], голу[б], прору[б]), но обычно не происходит смягчение губного звука [ф] из оглушенного [в], например, в словах: кро[ф],любо[ф], из-

ба[ф]. И очень часто не смягчается губной [м] в конце частотных числительных: се[м], восе[м].

Сочетания согласных букв жж и жз дают в произношении долгий звук [ж:]. На стыке приставки и корня в русском языке он произносится твердо, а в корне – мягко, хотя есть тенденция к расширению твердого произношения, особенно в частотном глаголе «приезжать» и «езжу». Носители украинского языка в обоих случаях произносят твердый звук, например: прие[ж:]ать, е[ж:]у, во[ж:]и, дро[ж:]и, ви[ж:]ать, дребе[ж:]ать вместо приез[ж':]ать, е[ж':]у, во[ж':]и, дро[ж':], ви[ж':]ать, дребе[ж':]ать.

Особенно сильна украинско-русская интерференция в живой разговорной речи в области акцентологии. Значительное количество ошибок и в русском, и в украинском языках встречается в словах, различающихся только ударением: алфави'т – алфа'вит, апостро'ф – апо'строф, ве'рба – верба', крапи'ва – крапива', не'нависть – нена'висть. В украинском языке в названиях различных специальностей с суффиксом -яр ударение находится на корне слова и интерференционно переносится в русский язык, например, ма'ляр вместо маля'р, сто'ляр вместо столя'р.

В русской речи в Украине очень частотно неправильное ударение в глаголах прошедшего времени женского рода. В большом количестве двусложных глаголов в русском языке ударение переходит на флексию, отражая выделенную исследователями как активный современный процесс в акцентологии грамматикализацию [6, с.314]. Под действием украинского языка в них можно услышать ненормативное ударение, например: бра'ла, да'ла, пи'ла, по'няла, спа'ла, вместо брала', дала', пила', поняла', спала'.

В данной статье рассматривается лишь отдельный аспект большой проблемы – особенностей функционирования русского языка за пределами России. Необходимо согласиться с утверждением Р. И. Лихтмана о том, что «идеальным результатом изучения городской речи явилось бы картографирование языковых явлений на разных территориях (аналогично картографированию диалектного языка)» [11, 362]. Это дало бы возможность четко отграничить явления интерференции от проявления внутриязыковых закономерностей русского языка.

Таким образом, в ситуации продуктивного и субординативного билингвизма украинско-русская интерференция особенно сильно проявляется в недостаточной редукции, в произношении звуков и

акцентологии. Она оказывает влияние на фонацию отдельных звуков и на результаты фонетических процессов, происходящих в речи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аванесов Р.И. Русское литературное произношение. Учеб. пособие для студентов. Изд.5-е, перераб. и доп. М.: Просвещение, 1972. 415 с.
2. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке. Учеб. пособие. М.: Логос, 2001. 304 с.
3. Вербицкая Л.А. Язык и общество. Роль языка в жизни общества // Педагогика. – 2015. - №2. С.44-49.
4. Вербицкая Л.А., Гордина М. В., Кукольникова Л.Е. Дифференциация звуковой стороны русского языка в условиях русско-украинского двуязычия // Вестник Ленинградского университета. Сер. 2. 1986. Вып. 2. С. 53 – 57.
5. Верещагин В. Л. Вопросы теории речи и методика преподавания иностранных языков. - М., 1969.-124 с.
6. Воронцова В. Л. Активные процессы в области ударения // Русский язык конца XX столетия (1985 – 1995). 2-е изд. М.: Языки русской культуры, 2000. С.305 – 325.
7. Ижакевич Г.П. Русская речь в украинском языковом окружении // Культура русской речи в условиях национально-русского двуязычия (Проблемы лексики). М.: Наука, 1985. С. 30-55.
8. Карпенко Ю. А. Фонетика и фонология современного украинского языка. Одесса: Астропринт, 1996. 144 с.
9. Касаткин Л.Л. Фонетика современного русского языка. М.: Изд-во МГУ, 2003. 224 с.
10. Кочерган Н. П. Общее языкознание. К.: Издательский центр «Академия», 1999. 288 с.
11. Лихтман Р. И. Русский литературный язык и русская речь в национальной республике // Язык: изменчивость и постоянство. К 70-летию Л.Л. Касаткина. М.: РАН, Институт русского языка, 1998. С. 353-364.
12. Панов М. В. Современный русский язык. Фонетика: Учебник для ун-тов. М.: Высшая школа, 1979. 256 с.
13. Хруцкая Н. В. Проблема интерференции в условиях билингвизма // Система і структура східнослов'янських мов. К.:НПУ ім. М.П. Драгоманова, 1999. С. 270 – 273.

Никитевич А.В.

*УО «Гродненский государственный университет имени
Я.Купалы», г. Гродно (Беларусь)
e-mail: anikit@inbox.ru*

УДК 811'161'1

**Когнитивно значимая диалектная лексика в составе
синтезированных фрагментов лексико-
словообразовательных гнезд (литературный язык/говоры)**

*Nikitevich Alexey Vasilievich
Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno (Belarus)*

UDC 811'161'1

**Cognitively significant dialectal vocabulary in the structure of synthesized
d fragments of lexical word-building nests (the literary
language/dialects)**

В статье в номинативном аспекте рассматривается когнитивно значимая диалектная лексика в составе синтезированных фрагментов лексико-словообразовательных гнезд. На материале смоленских говоров выявляется деривационный потенциал и структурно-семантические особенности производных единиц, характеризующихся особенностями русско-белорусского пограничья и не имеющих однословного выражения в русском литературном языке.

Ключевые слова: когнитивно значимая диалектная лексика, фрагменты лексико-словообразовательных гнезд.

In the article, the cognitively significant dialectal vocabulary in the structure of synthesized fragments of lexical word-building nests is viewed from the nominative aspect. The derivational potential and structural-semantic peculiarities of derived units characterized by the features of Russian-Belarusian borderland and having no one-word expression in the Russian literary language are revealed on the material of Smolensk dialects.

Keywords: cognitively significant dialectal vocabulary, fragments of lexical word-building nests.

Некоторые русские говоры, и это совершенно очевидно и уже общеизвестно, содержат в себе элементы «межпограничного влияния», в частности, языковые черты, характеризующие белорусский язык и белорусские народные говоры. Об этом красноречиво свидетельствует, в частности, *Смоленский областной словарь*

В.Н.Добровольского [1]. Ср., например, очевидные белорусизмы: *варта* ‘Караул, стража’, *вертацца* ‘Возвращаться’, *вечерить* ‘Ужинать’, *вiтати* ‘Приветствовать, встречать, поздравлять’ [1, с.70].

При интерпретации (орфография, толкования) многочисленных примеров в Словаре В.Н.Добровольского очень хорошо чувствуется несомненное влияние белорусского языка. Приведем некоторые примеры:

Б’да ‘Вотъ кали сустр’ямянебядина’ [1, с.46].

Взл’затъ ‘Узл’зли были (было) люди’ [1, с.66].

Воевода ‘Бойкий, проворный в работе. Самая воевода у дваре’ [1, с.75].

Вайтоўна ‘Дочь войта’ [1, с.50].

Вотгліў ‘Мягкая погода зимою, оттепель, когда идет дождь или заморозь. Сяннивогліў – апустила’ [1, с.91].

С позиций ономазиологии, когнитивной лингвистики любое производное слово заслуживает внимания как результат своеобразной конденсации материальных и семантических потенций языка. Значение производного слова как определенная конфигурация когнитивно значимых компонентов может оказаться реализованным в любой из его подсистем, будь это литературный язык или диалектная речь [3, с.153].

Диалектные слова, как известно, представляют собой чрезвычайно обширную и многовекторную систему частных лексико-словообразовательных значений. Особую группу представляют наименования лица, словообразовательная структура которых становится полностью проясненной благодаря наличию толкований к иным родственным диалектным словам. При этом зачастую очень важна интерпретация носителя языка, который осмысляет мир, выделяя когнитивно и прагматически значимое! Метатекст к диалектному слову порой всесторонне раскрывает отношение носителя языка к окружающему его миру, человеку, что получает отражение и в семантике диалектного слова [4, с.147]. Ср.: *Гамза* ‘Прибыль, деньги’. *Гамзуха* ‘Работница, содействующая прибыли’. Твоя жонка, брат, у тебя гамзуха! [1, с.120]. «В Прудковской волости мне так объяснили разницу между наделом, выходом и отходом: 1) *Надел*, если хозяин наделяет землей какого-либо члена семьи, 2) *Выход*, если член семьи берет известную часть движимого имущества и уходит, 3) *Отход*, если член семьи не берет ничего, а уходит только

телом и душою на заработки» [1, с.107]. Обычные для системы литературного языка слова *выход, отход, надел* в языке конкретного говора, группы территориально близких говоров могут образовать достаточно любопытную подсистему единиц.

Приведем также ряд любопытных примеров из говоров Мордовии: *калила* '1. Устар. Тот, кто живет за счет подаяния, сделал нищенство своей профессией и *побирается не в одиночку, а с группой людей*. 2. Тот, кто *назойливо* выпрашивает, *надоедает просьбами*' [2, с.340]. *Калить* 'Надоедливо выпрашивать что-либо'. В данном случае заслуживает внимания само значение, безусловно мотивированное *диалектным* глаголом. Словообразовательная пара как микро-фрагмент диалектного гнезда обеспечивает внутреннюю мотивированность производной номинации. Ср. также: *кета* 'Человек, который склонен ко лжи'. *Кетить* 'Обманывать'. Кого ты *кетишь*, бессовестный. [2, с.361].

Среди фрагментов собственно диалектных гнезд, как уже было отмечено, заслуживают внимания и такие минимальные объединения, как словообразовательные пары. Ср.: *болонка* 'Стекло в окне' – *болоначник* 'Стекольщик'; *выть* 'Горько плакать о чем-либо и причитывать' – *вытница* 'Причитание, плач по покойнику; плакальщица'. В большинстве случаев структура производных единиц понятна благодаря очевидным родственным связям с общеизвестными словами литературного языка.

Существенно наличие целых фрагментов диалектных гнезд для понимания морфемной и словообразовательной структуры производного, одним словом (в отличие от системы литературного языка) представляющего данное лексико-словообразовательное значение. Так, среди диалектных слов, имеющих отношение к лексико-словообразовательному гнезду слова *большой*, в смоленских говорах отмечены следующие:

Больший 'Старший'.

Большина 'Главная власть и право распоряжаться в семье'.

Большиться 'Выражать претензию на власть'. «Каждому хочется властвовать – большитца».

Большак 'Главный распорядитель в семье'.

Большуха 'Хозяйка во дворе' [1, с.36].

Заслуживает внимания факт не только наличия глагола (*большиться*), но и сама семантика, получающая развитие в целом ряде родственных слов. К слову, в Словообразовательном словаре

А.Н.Тихонова приведены такие единицы, как *большак* и *большуха* [6, т.1, с.110], однако глагол отсутствует.

Аналогичный фрагмент гнезда представлен от слова *враг*, в котором обращают на себя внимание прежде всего прилагательное и глагол. Ср.:

Враг

Вражий

Вражда ‘Вражду делать – вредить’

Вражаться ‘Делать дерзости, сопровождая угрозами’ [1, с.92].

Любопытно, что и данное слово, и имеющее место в системе литературного языка, слово *враждовать*, вероятно, могут иметь свои коннотативные и контекстуальные особенности употребления в условиях реального дискурса.

Заслуживают внимания и достаточно специфичные в словообразовательном плане диалектные модели. Так, достаточно активное развитие получает модель с префиксом *без-*. Ср.: *безздоровье*, *бездорожье*, *безсчастье* ‘Несчастье’. *Безгодушка* ‘1. Ненастье. 2. Несчастье’, *безгодье* ‘Неурожай’, *бездворье* ‘Разорение’, *безголовье* ‘Глупое увлечение’, *безлюдье* ‘1. Ненаселенное, дикое, пустое место. 2. Бранное слово. Отдали замуж *убезлюдье*. Молчи ты, *безлюдье!* 3. Компания, не соответствующая вкусу’. [1, с.25]. Любопытно, что среди белорусской безэквивалентной лексики приводятся и такие слова, как *бязветраница* ‘Спокойная, безветренная погода’ (Хвоі і ў ціхую бязветраніцу спакойна шумяць. К.Чорны), *бездоглядны* ‘Лишенный опеки, присмотра, ухода’, *бяздзетуха* ‘Бездетная женщина’ (І з дзецмі ім таксама не пашанцавала – бяздзетухаю засталася. К.Крапіва) [7, с.40].

Диалектное словообразовательное гнездо может быть значительно более многочисленным по количеству единиц и разнообразнее по палитре представляемых значений, нежели объединение родственных единиц в литературном языке. Так, хорошо известно, что звукоподражания (как и многие незначаменные части речи) в литературном языке деривационной «активностью» особо не характеризуются. Ср., к примеру, в Словаре А.Н.Тихонова: *гав-гав*, *гавкать*, *гавкнуть*, *гавканье*, *загавкать*, *погавкать*, *прогавкать*, *разгавкаться* [6, т.1, с.207]. Среди производных единиц, в частности, отсутствуют наименования лица, в основном это глаголы с хорошо прогнозируемой семантикой. И сравним в говорах:

Гавка ‘Капризный ребенок, вечно недовольный, надоедающий жалобами’.

Гавкало ‘Бранливый, ворчун’.

Гавкануть ‘Сказать раз’.

Гавкать ‘2. Говорить о том, что другому не нравится или кажется неподходящим’.

Гавкаться ‘О ссоре’.

Гав ‘2. О брани, неприятном заявлении, протесте’ [1, с.115 – 116].

Хорошо известно, что в языке могут находить отражение самые различные, порой совершенно удивительные «информационные составляющие» о человеке, его отношении к окружающему миру. Яркую иллюстрацию на эту тему представляет следующий пример.

Гага ‘О громком смехе’.

Гагаи – мыльцовские ‘В окрестностях Язвина, села Ельнинского уезда, жители по характеру смеха различаются: «*гагаи*» (смеющиеся громко) и «мыльцовские» (улыбающиеся тихо, умильно)’ [1, с.116]. Заметим, что для наименования «мыльцовских» по характеру смеха слова в данном говоре не нашлось!

При многообразии членов словообразовательного гнезда в литературном языке в русских и белорусских говорах обнаруживается немало единиц, интересных в культурно-историческом плане [4, с.96 – 104]. Так, среди слов, родственных общеизвестному наименованию лица по степени родства, слову *брат*, в смоленских говорах отмечены следующие:

Братчина ‘Округ, из которого все деревни справляют за одно весенние и осенние праздники – «свечу». Члены братчины связаны между собою или соседством, или родством, или экономическими интересами’.

Братчики ‘Крестьяне, справляющие вместе «свечу». Братчики-красненские отличаются от рославльских кротостью нрава (Замечание священника)’ [1, с.40]. Безусловно, нельзя не обратить внимания и на собственно диалектную специфику семантики слова *братчина*, по сравнению с литературным *братство*.

Таким образом, диалектные слова могут представлять такие семантические позиции, которые по целому ряду причин не эксплицированы в виде слов в системе литературного языка. Но самое удивительное заключается в том, что обе подсистемы одного и того же языка в значительной части своего «деривационного и семанти-

ческого творчества» не дублируют, не повторяют друг друга! Вероятно, с позиций общей, заложенной где-то внутри, в ядре деривационной системности литературный язык и народные говоры – это сообщающиеся сосуды (!), а не изолированные области, разделенные между собой какими-то, в том числе «лингвогеографическими» границами!

ЛИТЕРАТУРА

1 Добровольский В.Н. Смоленский областной словарь. – Типография П.А. Силина. – Смоленск, 1914. – 1021 с.

2 Михалева Т.В. Словарь говоров на территории республики Мордовия. – Ч.1. – М.: Наука, 2013. – 672с.

3 Никитевич А.В. Наименования лица по внутренним и внешним характеристикам в составе фрагментов лексико-словообразовательных гнезд / А.В.Никитевич / Языковая личность и эффективная коммуникация в современном поликультурном мире : сб. ст. по итогам III Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 26–27 окт. 2017 г. : в 2 ч/ редкол. : О.И. Уланович (отв.ред.) [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2018. – Ч.2. – С. 153 – 160.

4 Никитевич А.В. Парадоксальная морфемика. – Гродно: «Юр-СаПринт», 2018. – 227с.

5 Никитевич А.В. Деривация и смысл. – Гродно: Гроднен. гос. ун-т, 2014. – 233с.

6 Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь: в 2 т. – М.: Русский язык, 1985.–Т.1 – 2.

7 Шкраба І.Г. Слоўнік беларускай безэквівалентнай лексікі / І.Г. Шкраба. – Мінск 2008.

Новикова Т.Ф.

ФГАОУ ВО «Белгородский национальный исследовательский университет», г. Белгород (Россия)
e-mail: tnovikova@bsu.edu.ru

УДК 811'161 + 168'552

Лингворегионоведение как самостоятельное научно-прикладное направление: опыт разработки и реализации

Novikova Tatyana Fyodorovna
Belgorod State National Research University, Belgorod (Russia)

UDC 811'161 + 168'552

Linguistic regional studies as an independent applied scientific direction: development experience and implementation.

В статье очерчен круг вопросов, значимых для современного этапа развития региональной лингвистики, обозначены актуальные направления исследования языка региона, названы перспективы разработки регионоведческой проблематики, представлена авторская интегрированная программа «Лингворегионоведение».

Ключевые слова: региональная лингвистика, лингвокультурология, лингворегионоведение, лексикография, региональные словари, лингводидактика

The article outlines a range of issues that are important for the modern stage of development of regional linguistics, identifies current trends in the study of the language of the region, named prospects for the development of regional studies, presents the author's integrated program "linguistic regional Studies".

Keywords: regional linguistic, linguoculturology, linguo-regional studies, lexicography, regional dictionaries, linguo-didactic

Региональная лингвистика – теоретико-прикладное направление лингвокультурологии, которое можно рассматривать как интеграционную модель комплексного рассмотрения культурно-языковых проблем. Возникновение и актуализация лингворегионалистики (в нашей интерпретации – *лингворегионоведения*) в качестве конкретизирующей составляющей активно развивающейся в последние годы лингвокультурологии (В.В. Воробьев, С.А. Кошарная, В.А. Маслова, В.Н.Телия и др.) связано с общим усилением исследовательского интереса филологов к проблемам т. наз. «внешней» лингвистики.

Лингворегионалистику можно рассматривать, с одной стороны, как частное проявление традиционно разрабатываемых этнолингвистики и социолингвистики; с другой стороны, как формирующееся самостоятельное научное направление, нуждающееся в систематизации культурно-языковых явлений. Связь лингворегионального материала с диалектным, ономастическим и собственно лингвокультурным очевидна. Достаточно отчетливо обозначился интерес к прикладным, в частности, дидактическим проблемам регионоведческого характера.

Мы ставим целью рассмотреть вопросы, связанные с определением лингворегионоведения как самостоятельной научно-прикладной и учебной дисциплины, подчеркнуть ее познавательно-дидактический потенциал, обозначить роль в реализации этого потенциала интегрированного учебного курса «Лингворегионоведение», разработанного и реализуемого автором в высших и средних учебных заведениях Белгородской области с 2010 г. Важно для нас наметить также перспективы формирования регионоведческого электронного пространства [См. 8, 9, 13].

Региональная лингвистика всегда представляла собой сложный и достаточно аморфный объект исследования. Поскольку литературный язык противопоставлялся диалектному в течение длительного времени, а соотношение «литературный язык – региональный язык» возникло сравнительно недавно, то вполне естественно, что явление, обозначаемое как «*региональный язык*», изучено значительно меньше, нежели его предтеча - «*диалектный язык*», и острых вопросов и исследовательских проблем в этой области значительно больше по сравнению с традиционными разделами языкознания [2; 12], в частности, Т.В.Шмелева поднимает вопрос о необходимости более детального исследования отношения диалекта и языка города, считая, что эти отношения могут и должны быть изучены «хотя бы с той полнотой, с которой описаны диалекты» и далее пишет: «В связи с этим можно было бы говорить о целесообразности развития наряду и с учетом опыта диалектологии таких новых дисциплин, как лингвистическая урбанистика и лингвистическая регионалистика (регионоведение)» [12, с.100].

Термины «лингворегионоведение» и «лингворегионалистика» пока не получили широкого распространения и довольно редко используется в научных работах. Между тем в РФ выходят периодические издания под названиями «Регионоведение», «Регионология»,

в вузах вводятся регионоведческие специализации. Интерес к исследованию регионоведческой информации возрастает, в том числе – к культурно-языковой проблематике; и тем не менее эта сфера, на наш взгляд, пока не избалована исследовательским вниманием. По нашему убеждению, необходима дальнейшая разработка как теоретических основ, так и прикладных аспектов лингворегиеоноведения: корректировка терминологического аппарата, освоение новых направлений и объектов исследования. Филологами признаётся результативность апелляции к краеведческому материалу, однако их деятельность зачастую сдерживается отсутствием баз данных, учебников, практических рекомендаций, размытостью ориентиров продвижения в данном направлении и, как следствие, распространением субъективизма. По этой причине обсуждение востребованных направлений в исследовании лингвокультурного материала региона является безусловно актуальной проблемой нынешнего этапа развития как собственно лингвистики, так и школьной и вузовской лингводидактики.

Более 10 лет назад, в одном из первых методических пособий [4], нами были указаны векторы исследовательской работы в школе, выводящие на поиск, обработку, систематизацию региональных лингвокультурных явлений и фактов. На том этапе были обозначены *три* важнейших направления: диалектологическое, социолингвистическое и ономастическое [4, с.33-34], уточнена тематика конкретных исследовательских и проектных работ. Позднее, в монографии «Культурологический подход к преподаванию русского языка в аспекте регионализации образования» [5], были детализированы формы работы по изучению языка и культуры в регионоведческом ракурсе и предложены модели включения подобного материала в программы обучения, воспитания и социализации разного уровня [5, с.139-140; 171-179]. Названные в коллективной монографии белгородских ученых [10] векторы научного поиска, как-то: *диалектологическое, топонимическое, концептуально-филологическое, дидактико-методическое* (заявленные в виде названий отдельных глав) - не утратили своей остроты и актуальности по сей день и безусловно перспективны для дальнейшего развития региональной лингвистики. К сожалению, в данном издании в то время не нашли отражения такие значимые объекты исследования, как региональная фольклористика, фразеология, паремиология и некоторые другие аспекты исследования: например, в работах В.К.

Харченко поднимаются проблемы региональной антропоники и генеалогии, функционирования современного разговорного дискурса, ставится задача организации «языковой поддержки социума в целом и регионального инновационного общества в частности», что, по мнению филолога, в условиях Белгородчины «знаменует проблематику борьбы за чистоту родного языка (преодоление сквернословия на региональном уровне), разработку проблемы аутовоздействия...» [11, с. 24].

Обозначенные направления предполагают дальнейшее углубление содержания, накопление и осмысление эмпирического материала, в особой степени – диалектологическое направление, поскольку назрела и требует скорейшего «лингвистического вмешательства» проблема трансформации диалектов в региональные языки, что является весьма существенной особенностью современной языковой ситуации [2, 10, 12]. Другое направление, связанное с исследованием стилистико-языковых особенностей произведений известных в регионе литераторов, также может стать неисчерпаемым исследовательским источником. Пока же этот потенциал находит подтверждение лишь в тематике курсовых, дипломных и магистерских работ студентов, но не становится стимулом аналитической деятельности профессиональных филологов.

Ощутимым результатом работы по лингворегионоведению могут стать диалектные и социолектные словари, в т.ч. – словари говора конкретного села, города, отдельного носителя языка, «языковые портреты» социальных групп и др. «Для русской лексикографии крайне актуально создание социолингвистически ориентированного словаря с фиксацией районов бытования регионализмов, как общеупотребительных, так и социолектно ограниченных...» [1, с. 182]. Лексикографическое направление в описании языка региона приобретает для нашей области особую остроту и практическую значимость ввиду отсутствия региональных диалектных словарей. («Первой ласточкой» стал «Опыт областного словаря Белгородчины» на 3700 слов [3], подготовленный в конце 2017 г. проф. С.А Кошарной и ее учениками). Обозначенная лексикографическая проблема распадается как минимум на две подпроблемы: возможность включения регионализмов в нормативные словари и создание специальных словарей языка региона. Обе нуждаются в осмыслении, в сборе и систематизации «живого» языкового материала.

Региональный лингвокультурный материал обладает значительным образовательным и воспитательным потенциалом. Объединяя лингвистическую теорию с повседневной жизнью, родиноведческий материал позволяет естественно (а не искусственно-декларативно, как часто бывает) выполнять «социальный заказ» образованию XXI века – не только давать основы наук, но и воспитывать личность. В настоящее время при формировании учебных планов образовательных учреждений допускается больше свободы в определении тематики и проблематики учебных курсов, и, думается, при выборе их тем и направлений следует активнее обращаться к лингвокраеведению.

Вопросы теории и практики лингворегионоведения рассматриваются нами, как отмечено, более 10 лет; проблемы, связанные с терминологией, определением границ содержания, принципов и функций новой отрасли поднимались в научно-методических статьях [8, 9, 10], в монографиях [5, 10], в учебных пособиях по лингворегионоведению [4, 6, 7]. Актуальные проблемы, связанные с изучением народного слова и народной культуры как на Белгородчине, так и в других регионах, были многосторонне обсуждены на 2-х международных конференциях в Белгородском университете «Язык и культура региона как составляющие образовательного пространства» [См. ссылки в 8, 9].

Исходя из убеждения, что лингвокраеведческий курс необходим не только в средней, но и в высшей школе (поскольку позволяет студентам интегрировать знания из разных разделов лингвистики и придает филологическому образованию компетентностную направленность), мы разработали программу спецкурса «Лингворегионоведение». Варианты программы дисциплины (для специальностей «Филология», «Русский язык и литература», «Теория и методика начального обучения») дан в наших пособиях «Лингворегионоведение» [4, 6], «Лингворегионоведение в школе» [7], где представлены: а) комплект программно-методических материалов; б) обобщающая теория в виде курса лекций; в) учебник-практикум; д) методические и текстовые материалы (в распечатках, в электронном варианте, в виде комплекта слайдов). В процессе работы по программе «Лингворегионоведение» предполагается апробация слушателями новых форм и приемов обучения и контроля, в частности, подготовка и защита *регионально ориентированных исследовательских и творческих проектов*. Начинающие лингворегионоведы имеют возмож-

ность анализировать современные языковые явления, работая над научными и практико-ориентированными регионоведческими проектами по различным темам, например:

- просторечная лексика в речи молодежи региона;
- школьное аргю (на примере конкретного учебного заведения);
- сниженная и жаргонная лексика в СМИ (на примере конкретного регионального периодического издания, телепередачи, Интернет-сайта);
- язык рекламы (на примере текстов наружной рекламы в Белгороде) и др.

В наше время нельзя не учитывать *виртуальное информационное пространство*. С целью привлечения внимания молодежи к культурно-языковым проблемам региона мы посчитали полезным представление в сети Интернет дискуссионных материалов по вопросам специфики языка региона на веб-сервере НИУ «БелГУ» в виде тематического сайта «Наш язык сегодня» и форума «Язык нашего региона» в его структуре [13]. Функционирование форума в течение 5 лет подтвердило нашу гипотезу: интерес молодежи к изучению языка не утрачен, нужно только умело стимулировать это внимание личносно значимыми языковыми примерами. Следует активнее осваивать новые методы поиска, сосредоточения и фиксации регионоведческой информации филологического содержания: видео- и электронные ресурсы, медиатеки, презентационные блоки, банки данных, форумы, буктрейлеры, видеоролики, буклеты, афиши, рекламные креолизованные тексты, представляющие в яркой форме региональные бренды [9, с. 42-45].

По нашему убеждению, подкрепленному не только наблюдениями и анализом научных источников, но и многолетней практической и экспериментальной работой, лингворегионоведение как составная часть лингвокультурологии самостоятельная предметно-образовательная область имеет не вполне оцененный современной наукой и образовательной практикой познавательнo-исследовательский и дидактический потенциал.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беликов В.И. Задачи социальной лексикографии // Русский язык: исторические судьбы и современность: II Межд. конгресс исследователей русского языка: труды и материалы. М.: Изд-во МГУ, 2004. С. 181-182

2. Бородина М. А. Диалекты или региональные языки? (К проблеме языковой ситуации в современной Франции) // Вопросы языкознания. 1982. № 5. С. 29-38

3. Кошарная С.А., Алейник А.С., Медведева А.И. Опыт областного словаря Белгородчины: дифференциально-сопоставительный словарь: 3700 слов; под общ. ред. С.А. Кошарной. Белгород: ООО «Эпицентр», 2017. 332 с.

4. Новикова Т.Ф. Социо- и этнокультурный компонент региональных программ по русскому языку (для школ Белгородской области). Белгород: Изд. БелГУ, 2006. 112 с.

5. Новикова Т.Ф. Культурологический подход к преподаванию русского языка в аспекте регионализации образования: моногр. Белгород: Изд. БелГУ 2007. 296 с.

6. Новикова Т.Ф. Лингворегионоведение. Ч.1 (а): программа и программно-методические материалы; Лингворегионоведение. Ч. 2 (б): практикум. Белгород, 2010. 104 с.

7. Новикова Т.Ф. Лингворегионоведение в школе: учеб. пособие. Харьков: Изд. Федорко, 2014. 142 с.

8. Новикова Т.Ф. Перспективные направления в исследовании языка и культуры Белгородчины // Язык и культура региона как составляющие образовательного пространства: материалы Международной научно-практич. конференции. Белгород: ИД «Белгород», 2014. С. 39–44

9. Новикова Т.Ф. Новые формы сосредоточения и сохранения регионоведческой информации филологического содержания // Язык и культура региона как составляющие образовательного пространства: материалы II Международной научно-практич. конференции. Белгород: ООО «Эпицентр», 2017. С. 42–46

10. Опыт аспектного анализа регионального языкового материала (на примере Белгородской области): кол. моногр. / под ред. Т.Ф. Новиковой. Белгород: ИПК НИУ «БелГУ», 2011. 228 с.

11. Харченко В.К. О языке, достойном человека: учеб. пособие. М.: Флинта. Наука, 2010. 160 с.

12. Шмелева Т.В. Ономастикон российского города. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2014. 137с. [Эл. ресурс]. Режим доступа: <http://www.novsu.ru/file/1103280>

13. БелГУ. Ресурсы. Форумы. «Наш язык сегодня». [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://www.bsu.edu.ru/bsu/forum/index.php?PAGE_NAME=message&FID=?

Пустовойтова Л.В.

ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского», г. Брянск (Россия)
УДК 81.22 : 811.111

Английская интерференция в немецком языке

Lyudmila V. Pustovoytova
Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky,
Bryansk (Russia)

UDC 81.22 ; 811.111

English interference in German

В данной статье рассматривается проблема английской интерференции в немецкий язык. Отмечается тенденция к заимствованиям из английского языка, а также к слиянию английского и немецкого языков. В статье разграничиваются понятия денглиш и “Neudeutsch”.

Ключевые слова: интерференция, английская интерференция, немецкий язык, денглиш, “Neudeutsch”.

The article considers the problem of English language interference in German language. The article also describes the tendency to borrowing from English language. The terms “denglish” and “neudeutsch” are differentiated in the article.

Key words: interference, english interference, German language, denglish, Neudeutsch

Сегодня, де-факто, английский язык признан языком международного общения. Английский язык – это язык бизнеса, экономики, технологий. В условиях глобализации и интеграции наибольшее влияние английский язык имеет на европейские языки, в частности на немецкий язык. В данной статье мы рассмотрим явление английской интерференции в немецком языке.

Несмотря на уважение и почитание своей культуры, немцы все чаще используют английские слова в своей речи. Английские заимствования в немецком языке сегодня не редкость. Склонность к заимствованиям из английского языка стала проявляться после окончания Второй мировой войны. Как только английский язык стал языком науки, технологий и бизнеса, немецкий язык, по сравнению с другими европейскими языками, адаптировал наибольшее количество английских слов. Пик популярности внедрения английских

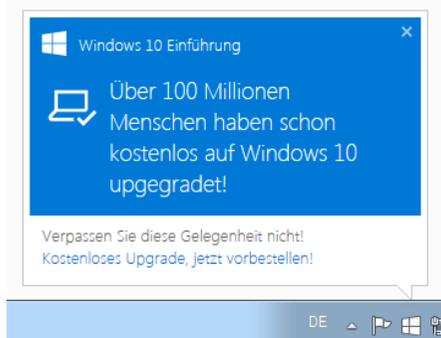
слов в немецкий язык пришелся на 1990-е – 2000-е годы. Особенно ярко это было заметно в терминологии сферы бизнеса и маркетинга. Сегодня в Германии наблюдается тенденция "возврата" к немецкому языку в данных сферах.

Говоря об англицизмах в немецком языке, стоит отметить такой термин, как "денглиш" (denglisch). Для начала обратимся к самому понятию и дадим ответ на вопрос, что такое денглиш? Обращаясь к словарям немецкого языка, даже самым новым, термин денглиш найти нельзя. Вместо этого существует термин "Neudeutsch" ("Новый немецкий язык"). Данный термин трактуется как немецкий язык современности или немецкий язык в наши дни.

В словарях нам не удалось найти трактовки данного термина. Информационный образовательный портал about.com предлагает пять дефиниций слова денглиш [2].

Первое определение гласит: денглиш – это использование английских слов в немецком языке, с целью ввести их в лексический состав немецкого языка. Здесь же приводится пример: downloaden - ich habe den File gedownloadet/downgeloadet, где глагол "downloaden" представляет собой смесь английского глагола "to download" - загрузить и окончания "-en", характерного для немецких глаголов. В приведенном предложении "Ich habe den File gedownloadet/downgeloadet" – "Я загрузил фильм", глагол "downloaden" употреблен в форме Partizip II, что является грамматической формой немецких глаголов. Также обратим внимание на фразу "lass mal talken" (let's talk(eng.)- давайте поговорим. В данном выражении английский глагол to talk (*говорить*) приобретает грамматические характеристики немецких глаголов.

Таким образом, мы видим слияние английского языка с немецким путем добавления английским словам немецких грамматических форм. В частности, даже компания Майкрософт в рекламе не удержалась от подобных форм. На рисунке мы видим подобное использование английского глагола "to upgrade" – "обновить" в характерной для немецкого языка грамматической форме глагола.

Рассмотрим второе определение слова "денглиш". Оно предлагает понимать денглиш как использование английских слов, фраз, а также слоганов в немецкой рекламе. Например, известная немецкая авиакомпания "Люфтганза" представляет свой слоган на английском языке: "There's no better way to fly", что означает "Нет лучшего способа лететь, чем с Lufthansa".

Третье определение слова денглиш означает влияние английского языка на правописание и пунктуацию в немецком языке. Например, характерное для английского языка обозначение категории принадлежности с помощью "'s". В частности, вместо привычного немецкого обозначения принадлежности при помощи родительного падежа (Genitiv) Karls, используется Karl's.

Следующее определение говорит, что денглиш – это смесь английской и немецкой лексики англоговорящими эмигрантами, чье знание немецкого языка минимально.

В последнем определении денглиш понимается как использование английских слов в немецком языке не в том значении, в котором они используются в английском. Например, *der Smoking* означает смокинг, в то время как смокинг по-английски – *tuxedo*, а слово *smoking* в английском языке означает курение.

Отметим также, что некоторые обозреватели портала *about.com* отмечают разницу между англицизмами и смешиванием английского языка с немецким. В качестве примера приведем следующие выражения: *das Meeting* (встреча) считается англицизмом, а выражение "*Wir haben das gecancelt*" показывает приобретение английским словом *cancel* грамматических характеристик немецкого языка.

Что же касается термина *Neudeutsch*, онлайн-словарь немецкого языка *Duden* определяет его как "характеристика развития немецкого языка с недавнего времени" [1]. Заметим, что если термин *Neudeutsch* делает упор на развитие языка сегодня в целом, то такое явление как денглиш представляет собой смесь английского и немецкого языков в различных проявлениях.

Таким образом, отметим, что сегодня существует проблема английской интерференции на немецкий язык. Чрезмерные заимствования из английского языка приводят к отмиранию диалектов немецкого языка, а вместе с ними и части культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Neudeutsch. – [Elektronische Ressource]. – URL: <http://www.duden.de/rechtschreibung/neudeutsch> (accessed: 19.05.2016).
2. Flippo, H. Denglisch: When Languages Collide / H. Flippo. – [Electronic resource] – URL: <http://german.about.com/od/vocabulary/a/denglish.htm> (accessed: 22.05.2016).

Прохоренко Л.В.

УО «Мозырский государственный педагогический университет имени И.П. Шамякина», г. Мозырь (Беларусь)
lydmilavaleriavna@gmail.com

УДК 808.26

Метафоры как объект перевода на белорусский язык (на материале творчества А. С. Пушкина)

Prakharenka Liudmila Valeryevna
Mozyr State Pedagogical University im. I. P. Shamyakina,
Mozyr (Belarus)

UDC 808.26

Metaphors as a translation object to belarusian language (on the material of creativity A.S. Pushkin)

В работе рассмотрены образные средства А. Пушкина в оригинале и переводе на белорусский язык, выявлены основные закономерности перевода.

Ключевые слова: эквивалентность, метафорические оригинал, перевод, лексический состав.

A. Pushkin's figurative means are regarded in the original and its translation into the Belarusian language and the main principles of translation are defined.

Key words: equivalence, figurative and metaphorical means, original, translation, vocabulary.

Воздействие пушкинских традиций на белорусский язык, культуру и литературу является многогранным. Это относится не только к использованию белорусскими писателями некоторых стилистических черт А. Пушкина, но и свойственным его произведениям об-

разным средствам. Важное значение приобретает и духовная доминанта его творчества, имеющая общечеловеческую ценность.

Необходимо отметить и такую определяющую сферу воздействия пушкинского наследия на белорусскую культуру и литературу, как практика художественного перевода его произведений на белорусский язык. Огромный интерес к произведениям русского поэта активно стимулировал деятельность по переводу многих известных мастеров слова, в том числе и классиков белорусской поэзии: Я. Купалы, Г. Бородулина, А. Кулешова, М. Танка и др. Известно, что переводческая деятельность связана с поиском наиболее эквивалентных средств передачи образных, стилистических систем как языка оригинала, так и языка перевода.

Целью статьи является сравнительное исследование образно-метафорических средств А. Пушкина в оригинале и переводе на белорусский язык с точки зрения лексического состава, образного содержания и особенностей грамматического построения текстов.

В переводе на белорусский язык ряд метафор, использованных А. Пушкиным, передаётся довольно точно, сохраняется исходная образность и семантика метафорических конструкций. Это объясняется многими факторами, среди которых важно отметить мастерство переводчика, стремление сохранить ритм и рифму, полный объём исходной информации, которую подаёт автор в произведении.

Одним из важнейших условий адекватной передачи метафор в поэтическом тексте перевода является совпадение русских и белорусских лексем:

Твоим огнём душа палима

Отвергла мрак земных сует [4, с. 157].

Тваім агнём душа, магчыма,

Зямных турбот прагнала след [8, с. 84]. Г. Бородулін

И медленно в душе твоей

Надежда гибнет, гаснет вера [5, с. 13].

У душы тваёй пакутнай зноў

Надзея, вера згаснуць сора [9, с. 17]. А. Александрович

Почто в груди моей горит бесплодный жар [2, с. 319].

Нашто ў грудзях гарыць бясплодны жар [8, с. 19]. А. Вольскі

Одна бы в сердце пламенела [3, с. 178].

Адна б у сэрцы палымнела [8, с. 36]. Н. Гилевич

И сердце вновь горит и любит [4, с. 111].

І сэрца зноў гарыць і любіць [8, с. 72]. В. Зуёнок

Огня надежды полон взор [5, с. 13].
Агнём надзей пагляд гарыць [9, с. 16]. А. Александрович
А слава... луч её случайный
Неуловим. Мирская честь [3, с. 254].
А слава... промень выпадковы
Няўлоўны ён. А свет людскі [9, с. 50]. В. Сёмуха
Да будет проклят правды свет [4, с. 189].
Хай будзе кляты праўды свет [8, с. 95]. Г. Бородулин
Обрадован музыки громом [6, с. 100].
Узрушаны музыкі громам [8, с. 207]. А. Кулешов

Примеры подобного употребления встречаются во многих текстах.

Вот ещё один пример адекватного перевода пушкинской метафоры:

Дохнула буря, цвет прекрасный
Увял на утренней заре,
Потух огонь на алтаре!.. [6, с. 114]
Дыхнула бура, цветка звяла,
Заўчасна звяла на зары...
Няма ўжо Ленскага, сябры [8, с. 220]. А. Кулешов

В последнем фрагменте наблюдаем несовпадение рода существительных (Ленский и цветка). Подобное расхождение придаёт выражению определённый контраст, но он не препятствует восприятию образа, так как метафора (в двух текстах) не обозначает прямого сравнения.

При переводе одних и тех же метафор разными авторами можно наблюдать варианты при выборе слов, что отличаются одно от другого морфемным составом и грамматическими признаками. В этом плане показательны переводы глагола в составе словосочетания **любовь угасла**:

Я вас любил: любовь еще, быть может,
В душе моей угасла не совсем [3, с. 128].
Я вас кахаў: быць можа, мімаволі,
Каханя жар у сэрцы не пагас [8, с. 75]. М. Лужанин
Я вас кахаў. Яшчэ маё каханне
Не згасла ў сэрцы, можа назусім. Е. Миклошевский
Я вас кахаў: маё каханне, можа,
Яшчэ ў душы пагасла не зусім. А. Бачила

Одинаковое или подобное звучание межъязыковых лексических единиц является одним из языковых ресурсов, которые позволяют

адекватно передать содержание и образность русскоязычного оригинала при переводе на белорусский язык.

В некоторых случаях эквивалентность перевода становится менее точной. Это наблюдается тогда, когда синонимические корреляции между близкими по семантике и фонетическому составу русскими и белорусскими словами нарушаются. Так, вместо слова **луна** в переводе употребляется слово **месяц**:

Настанет ночь; луна обходит

Дозором дальний свод небес [6, с. 54].

Надыдзе ноч; па-над зямлёю

Зноў месяц пачынае шлях [8, с. 165]. А. Кулешов

Как поэтические символы, слова луна и месяц имеют некоторые отличия, что обуславливает и несоответствие в переводе.

Более подробно необходимо остановиться на неэквивалентных переводах, когда степень расхождения с оригиналом оказывается более значительной, но в большей части отмеченных примеров основные направления метафоризации сохраняются. Основную роль при выборе таких соответствий играет традиционный характер данного направления метафоризации и устойчивое употребление таких слов в роли метафор как в русской, так и в белорусской поэзии. По существу, в языке перевода употребляются другие образы, часто относящиеся к той же тематической группе:

Снова тучи надо мною

Собралися в тишине [3, с. 69].

Аблачыны нада мною

Спахмурнелі – гром імкне [8, с. 65]. М. Стрельцов

Метафора **тучи** в русском варианте выступает как символ угрозы, непокоя, предвестник несчастья лирического героя. М. Стрельцов, на наш взгляд, сумел сохранить общую направленность метафоризации, но образность несколько изменилась: **аблачыны** в меньшей степени, чем **тучи**, передают тревогу, предчувствие неприятностей, беспокой, а скорее – какой-то шум, сумрачность, угрюмость, хмурость в настроении человека. Метафоризация в переводе распространяется и на другое слово контекста: **спакмурнелі**, которое находится в тесной смысловой связи со словом **аблачыны**. М. Стрельцов, вслед за А. Пушкиным, не просто называет некоторые неотвратимые угрозы, а описывает это при помощи пейзажных зарисовок. В языке перевода смысл пушкинских строк несколько изменяется, события подаются на звуковом фоне, а на языке оригинала “царствует тишина”.

Встречаются примеры, где метафорические слова употребляются с другой стилистической характеристикой:

Как я любил твои отзывы

Глухие звуки, бездны глас [3, с. 180].

Я так любіў тваё гучанне

Прадоння голас з глыбіні [8, с. 12]. А. Звонок

На основании книжнославянской лексики в русской классической литературе XIX века возникло множество метафорических выражений, которые вносили особенный колорит поэтичности, возвышенности языка. Произведения А. Пушкина не были исключением в этом плане. В его поэзии широко используются старославянизмы для выражения оттенков торжественности.

Отметим также случаи метафорического употребления слов, которые принадлежат разным частям речи:

Мрачили мятежи и казни [3, с. 307].

У змроку мецяжоў крываваых [8, с. 57] .В. Павлов

В оригинале употребляется словосочетание предикативного типа, а в переводе оно заменено генитивной конструкцией.

Нами зафиксирован и пример замены метафорического выражения путем его значительного лексического, стилистического и синтаксического перестроения:

Везде неправедная Власть

В сгущенной мгле предрассуждений [2, с. 283].

Скрозь у забабоннай мгле густой

Сядзіць няправедная ўлада [8, с. 5]. П. Глебка

Кроме этого, меняется структурный тип метафоры. В оригинале **мгла предрассуждений** – генитивное словосочетание, в переводе – атрибутивное: **забобонная мгла**. Однако образность приведенного фрагмента сохраняется, так как и в первом, и во втором отрывках речь идет о представлении несправедливой власти, основанной на лжи.

Примеров перестроения либо замены метафорических средств, которые приводят к значительной замене образности, немного. Это объясняется, прежде всего, отсутствием больших расхождений (фонетических, морфемных, морфологических) между русскими словами и их белорусскими эквивалентами.

В этом плане особенно ярко специфика авторского перевода с русского на белорусский язык проявляется в следующих строках А. Кулешова:

Ты негу жыцці узнаёшь,

Ты пьешь волшебный яд желаний. [6, с. 54]

Ты ичасце цымянае завеш,

Ты п'еш атрутны сок жаданняў. [8, с. 164] А. Кулешов

Белорусский автор заменил метафорическое словосочетание **яд желаний** на **сок жаданняў**, при этом обозначение ядовитости переносится на прилагательное. В результате фрагмент перевода значительно расходится с оригиналом с точки зрения лексического состава и грамматических форм соотносимых семантических элементов.

Обращают на себя внимание и случаи замены метафорического элемента оригинального текста гипонимом:

Того змяя воспоминаний,

Того раскаянье грызёт [6, с. 24].

Таму гадзюка ўспамінаў

Нідзе спакою не дае [8, с. 138]. А. Кулешов

Созданный образ переводчика полностью оправдан, так как слово **гадзюка** создаёт яркое представление о ядовитости змей и даёт основания рассматривать его как символ всех связанных со змеей отрицательных человеческих качеств и чувств.

Таким образом, к основным типам несоответствий метафор А. Пушкина в белорусских переводах относятся лексическое и структурное перестроение метафорической единицы, при котором сохраняется основное образное направление метафоры, при этом наиболее частым является употребление белорусских эквивалентов, что находятся с метафорическими элементами оригинала в тематически близких, синонимических, гипонимических и другого рода системных отношениях (*пыл души – огонь души, яд желаний – сок жаданняў, змяя воспоминаний – гадзюка ўспамінаў*).

ЛИТЕРАТУРА

1. Бородулин, Г. Пророк / Г. Бородулин // А. С. Пушкін і Беларусь = А. С. Пушкін и Беларусь / уклад. Т. Махнач; гал. рэд. А. Мальдзіс. – Мінск: Беларус. навука, 1999. – С. 185–186.

2. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. А. С. Пушкін. – Л.: Наука, 1977. – Т. 1: Стихотворения 1820–1826. – 400 с.

3. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. А. С. Пушкін. – Л.: Наука, 1977. – Т. 2: Стихотворения 1813–1820. – 480 с.

4. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. А. С. Пушкін. – Л.: Наука, 1977. – Т. 3: Стихотворения 1827–1836. – 480 с.

5. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. А. С. Пушкин. – Л.: Наука, 1977. – Т. 4: Поэмы. Сказки. – 448 с.

6. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. А. С. Пушкин. – Л.: Наука, 1977. – Т. 5: Евгений Онегин. Драматические произведения. – 528 с.

7. Пушкін, А. С. Выбранные творы А. С. Пушкін. – Минск: Дзярж. выд. БССР, 1949. – 570 с.

8. Пушкін, А. С. Выбранные творы А. С. Пушкін. – Минск: Маст. літ., 1999. – 430 с.

9. Пушкін, А. С. Руслан і Людміла: [паэма] / пер. А. Александровіча. – Минск: Маст. літ., 1978. – 120 с.

Сергушкова О.В.

*УО «Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина», г. Мозырь (Беларусь)
e-mail: sergushkova_olga@mail.ru*

УДК 811.161.1`367(043.3)

Сегментация сложноподчинённых предложений в русском и белорусском языках (на материале газетных текстов)

Sergushkova Olga Vladimirovna

*Mozyr State Pedagogical University named I.P. Shamyakin,
Mozyr (Belarus)*

UDC 811.161.1`367(043.3)

Segmentation of complex sentences in russian and belarus languages (on the basis of newspaper texts)

В статье на материале текстов современных газет доказывается сходство сегментации сложноподчинённых предложений в русском и белорусском языках, описываются различия в средствах структурирования сегментированных текстов

Ключевые слова: сегментация, сегментированная конструкция, сегментированный текст, тема, рема, сходство, различие.

In the article on the material of the texts of modern newspapers proves the similarity of segmentation of complex sentences in Russian and Belarusian languages, describes the differences in the means for structuring segmented texts.

Key words: segmentation, segmented construction, segmented text, theme, rheme, similarity and difference.

Под сегментацией мы понимаем расчленённость предложения, ведущую к отчленению от него какой-либо части, оформленной знаком конца предложения и называемой сегментированной конструкцией (СК), которая занимает лево- или правостороннюю позицию, структурирует новую рему или акцентирует тематическую или рематическую информацию данной части текста и является относительно самостоятельным высказыванием. Например: *Наша Джулия Робертс. Из Полоцка* (СБ. – 2004. – 2 окт.). Результатом сегментации выступает сегментированный текст (СТ), состоящий из базового предложения-высказывания (БП) и СК. Сегментированные конструкции представляют собой отчленённые от предложения синтаксемы или предикативные части (ПЧ) сложных предложений (СП).

Задача данной статьи – выявление специфики сегментации сложноподчинённых предложений (СПП) в современных русскоязычных и белорусскоязычных газетных текстах. **Объектом** нашего внимания являются образующиеся при расчленении СПП сегментированные тексты как факты современной культурологической парадигмы, играющие особую роль в структурировании публицистического информационного пространства Республики Беларусь и России.

Сегментации в аспекте актуального членения на материале русскоязычных текстов посвящено исследование [1]. Однако мы считаем необходимым обращение и к белорусскоязычным газетным текстам. Языковая ситуация в Беларуси, в которой два государственных языка – белорусский и русский, требует повышенного внимания к их сопоставительному анализу. Сходство грамматических систем, в частности синтаксических, данных близкородственных языков очевидно. Но остаются вопросы, насколько идентичны изменения на разных участках русского и белорусского синтаксиса во второй половине XX–начале XXI в. В настоящей работе предпринята попытка дать ответы на некоторые из этих вопросов.

Результатами данного исследования являются следующие выводы:

1. В нашей картотеке более 2000 случаев расчленения СП в русском и белорусском языках. Наиболее ярко СК проявляют себя при расчленении СПП. Чаще других отчленяются ПЧ следствия, причины и уступки (соответственно 33%, 20,7% и 18,7% от количества всех сегментированных ПЧ).

Сегментация СПП может быть необязательной, но желательной. Но в русском и белорусском языках чаще встречаются СТ как результат расчленения условно-исходных СПП, имеющих такие факторами расчленения, которые делают сегментацию необратимой (т. е. обязательной). Эти факторы являются идентичными для обоих языков. Например, пропуск какой-то части информации: (1) (1а) *Это попытка проанализировать некоторые... реформ, которые проводит Казахстан в течение последних десяти лет.* (1б) **И почему это невозможно в России** (Изв. – 2003. – 11 дек.), где смысловая лакуна перед СК делает невозможным «слияние» БП (1а) с сегментированной ПЧ (1б) из-за аграмматичности получаемого несегментированного предложения. Или радикализации расчленения, в большей степени характерная для белорусского языка: (2) (2а) *Хочацца бачыць нашу дзіцячую кнігу... яркай, прывабнай, надрукаванай на добрай паперы...* (2б) **Каб выдаваліся для самых маленькіх беларускія кніжкі-малюнкi, кніжкі-раскладанкі, кніжкі-расфарбоўкі.** (2в) **І яшчэ: каб кніжкі і часопісы былі даступныя дзецям** (ЛіМ. – 2000. – 22 сн.), где необратимая сегментация СПП обусловлена дистантной позицией отчленённых СК по отношению к слову *хочацца*, выступающему частью сказуемого в (2а) и одновременно главной частью расчленённого СПП, ПЧ которого являюся СК (2б) и (2в).

Примечание – В статье приняты следующие графические выделения и сокращения: 1) *курсив* – для обозначения текста, 2) **полужирный курсив** – для обозначения СК, 3) подчёркивание – для обозначения ремы; газеты: 1) Изв. – «Ивестия» 2) Зв. – “Звезда”, 3) ЛГ – «Литературная газета», 4) ЛіМ – “Літаратура і мастацтва“, 5) СБ – «СБ – Беларусь сегодня»; названия месяцев: апр. – апрель окт. – октябрь, сент. – сентябрь, янв. – январь, дек. – декабрь; лют. – люты, сак. – сакавік, сн. – снежань, студз. – студзень.

2. ПЧ, отчленённые от СПП, в русском и белорусском языках являются парцеллированными конструкциями (ПК), потому что они имеют свои собственные темы и ремы, смысловая значимость которых при сегментации возрастает. Например: (3) *А можа, сама святая Ефрасіння Полацкая, на чьёму слову і быў створаны крыж, загадала выказаць на ім гэтыя словы. Каб ніхто не вынес яго з роднай зямлі...* (Союзное вече. – 2004. – 21–27 окт.).

Примечание – по участию СК в выражении темы и ремы, кроме парцеллированных, согласно нашей классификации, выделяются

также конструкции собственно сегментированные, в которых нет новой ремы, и сегментированные присоединительные конструкции со своей ремой, содержащие добавочное сообщение из другой области знаний.

3. Сегментация СПП предпринимается с целью уравнивания по значимости описываемых текстовых ситуаций или градуирования их с позиции автора, а также для акцентуации рем в главной и придаточной частях, отвечающих на два разных латентных вопроса, а не на один, как в несегментированном СПП. А смысловые отношения между главной частью и сегментированной ПЧ (то есть «бывшая» рема второй ступени, которая также выявляется с помощью латентного вопроса) приобретают новый коммуникативный статус, так как переносятся на другой, иерархически более высокий, уровень тема-рематической организации речи – уровень текста – и становятся текстовой ремой ($P_{\text{текст}}$). Акцентуация ремы в «бывшей» ПЧ и ново, текстовой, ремы может быть интенсифицирована с помощью усилительно-выделительных частиц, вводных слов, анафорических местоимений и др. лексем, которые сегментируются вместе с ПЧ и благодаря сегментации сильнее акцентуируются, усиливая экспрессивность высказывания. Например: (4) *...аўтары, якія знаходзяцца далей ад сталічнага тлуму, не могуць не выклікаць да сябе павышанай увагі. **Асабліва** калі **пішуць хараша, таленавіта, захоплены...*** (ЛіМ. – 2000. – 22 сн.); (5) *...даже не очень демократическая стабилизация сегодня на пользу. **Если, конечно, она не будет сопровождаться новым переделом собственности*** (ЛГ. – 2001. – 10–16 янв.), где пунктирным подчёркиванием выделены слова, интенсифицирующие акцентуацию. Дополнительные акцентуаторы рем в СК часто изменяют смысловые отношения между «бывшими» главной и придаточной частями условно-исходного СПП. Например: (6) *Аказалася, што... за ўсё трэба плаціць. **Нават калі плаціць няма чым*** (ЛіМ. – 2004. – 10 студз.); (7) *...вдоволь погонять по свежему воздуху мяч – затея вполне реальная. **Даже если тебе уже не 30 и не 40 лет...*** (СБ. – 2009. – 16 янв.), где в обоих СТ текстовые ремы с новым, уступительно-условным, значением структурируются и акцентуируются не только сегментацией, но и сочетанием рематизирующей частицы «даже» с союзом «если».

4. При выделении и квалификации употребляемых как самостоятельные высказывания ПЧ, отчлѐнных от условно-исходных СПП, следует учитывать, что многие из них не являются СК. Это

относится, прежде всего, к тем придаточным присоединительным, средством связи которых с главными частями выступает союзное слово, выраженное местоимением «что» в различных падежных формах. Оно структурирует расчленённое СПП, отличающееся от других СПП такой же структуры. На наш взгляд, при сегментации степень и без того слабой грамматической связи присоединительной ПЧ с главной частью СПП значительно уменьшается, и такая «бывшая» ПЧ ведёт себя и как СК, и как простое предложение. Например: (8) ...ён (Валодзя Ягоўдзік) *здолеў пераканаць тагачаснага рэдактара “ЛіМа” узяць мяне ў штотыднёвік на сталую працу. **За што я і ўдзячна ім ободвум...***” (ЛіМ. – 1998. – 28 лют.); (9) ...для получения хорошего крахмала нужна чистая проточная вода. **Что и учёл помещик Дурасов** (ЛГ. – 2007. – 14–20 марта), где выделенные конструкции лишь по формальному признаку (союзному слову) являются ПЧ. По существу же это самостоятельные простые предложения, в которых белорусское «што» и русское «что» (эквиваленты лексем «гэта» и «это») выступают как текстообразующие элементы (анафорические местоимения). Противоречие между формой выражения и ролью в тексте приводит к синкретизму этих единиц.

5. Л. Ф. Шильникова считает, что «в статическом аспекте парцелированные структуры сводятся к простым и сложным предложениям. На динамическом же уровне парцелирующее членение из простого и сложного предложения образует текст» [2, с. 7]. Однако, учитывая тот факт, что сегментация (в нашем понимании) стала весьма частотным коммуникативным явлением, СК в постпредложенческой позиции приобретает более независимый характер, а СТ входит в актуализационную парадигму предложения-высказывания [1], можно говорить о приближении СК к статусу конструктивных, структурно-грамматических, а не только коммуникативных явлений языка. Это в полной мере относится к тем ПЧ, отчленение которых не удаётся установить, что свидетельствует о формировании нового типа предложений, находящихся с ПЧ в отношениях формального сходства. На наш взгляд, квалификация проблемной конструкции зависит не только от «неожиданного» знака конца предложения перед ней, но и от её связей с другими синтаксическими единицами. Так, если есть БП, с которым данная конструкция непосредственно связана по смыслу и грамматически, и возможно образование исходного, несегментированного, предложения (без изменений или с некоторыми небольшими изменениями структурного характера), то

перед нами СК. При отсутствии такой связи и невозможности образования несегментированного варианта СПП данное построение является новым типом простого предложения. Например: (10) (1) *Лірычная герайня паэтэсы спавядаецца аб набалелым.* (10а) *Спавядаецца, каб і ў іных падобнае жаданне з'явілася.* (10б) *І няхай у іх свой шлях, верставыя слупы, што стаяць на ім, часта падобныя і на дарожныя знакі чужога лёсу.* (10в) **Бо ўсе мы з маленства....** (ЛіМ. – 2000. – 22 сн.), где высказывание (10в) представляет собой СПП с придаточным, актуализирующим целевые установки субъекта. По смыслу оно мало связано с (10б) и не отчленяется от него, хотя по структуре это не предложение, а ПЧ. Для данного высказывания нет БП, оно само служит средством связи, выражая субъективную интерпретацию причинно-следственных связей между событиями и выводя информацию за пределы вербально выраженного текста – в дискурс. Рассматриваемая конструкция (10в) тяготеет к простому предложению нового типа; (11) *Всё вокруг в полнейшем запустении. Но надо ли винить англичан? Разве откроешь в такой глуши музей? Хотя, наверное, прибить к двери табличку с именем писателя все-таки можно* (ЛГ. – 2002. – 27 марта – 2 апр.), где выделенная конструкция – также простое предложение нового типа, связанное со всем текстом об английском писателе Оруэлле. К тому же здесь невозможен несегментированный вариант ССП, потому что для выделенной конструкции нет базового предложения.

6. Симптоматичен, на наш взгляд, факт всё более частого употребления сегментированных, на первый взгляд, ПЧ в качестве заголовков газетных статей. В этом случае правомерен вопрос: результатом расчленения каких СПП они являются? Например: (12) **Каб не згасалі святыні** (ГП. – 2004. – 25 сак.); (13) **Чтобы помнили** (СБ. – 2004. – 8 сент.). Мы считаем, что такие употребления – несомненное доказательство существования в русском и белорусском языках новых синтаксических единиц, которые внешне, формально хотя и совпадают с ПЧ, но являются относительно самостоятельными предложениями-высказываниями.

Таким образом, между русским и белорусским языками нет различий в употреблении СК как текстовых и текстообразующих элементов, являющихся результатом расчленения СПП. Одинаковыми являются коммуникативные типы и функции сегментированных ПЧ. При расчленении СПП его ПЧ становятся

ПК, а ремы в высказываниях полученного СТ выделяются более отчётливо. Отграниченные друг от друга знаком конца предложения БП и СК сохраняют те же смысловые отношения, что и в несегментированном варианте СПП, но их вклад в коммуникацию значительно возрастает, так как они структурируют новую, текстовую, рему. Благодаря сегментации СПП, в белорусском и в русском языках формируется новый тип предложений, находящихся с ПЧ в отношениях формального сходства.

Что касается различий сегментированных СПП в данных близкородственных языках, то они касаются стилистической характеристики СТ, а также соотносительности средств связи БП и СК в СТ русскоязычных и белорусскоязычных газетных статей. Так, русским каузальным союзам «потому что», «так как», часто употребляющимся в СТ, соответствуют белорусские «таму што» и «бо», однако постоянная корреляция отсутствует. Причину этого явления мы усматриваем в стилистической принадлежности данных слов: союз «бо» имеет разговорный оттенок и употребляется в белорусских газетных текстах гораздо чаще книжного союза «таму што». Согласно нашим данным, сегментированные ПЧ в белорусском языке, ближе, чем в русских текстах, к устной речи, в которой разговорность выражена сильнее. Они воспринимаются как более экспрессивные построения, что делает такие СК уместными, современными и востребованными в информационном поле Российско-Белорусского пограничья.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сергушкова О.В. Сегментированные конструкции в аспекте актуального членения / О. В. Сергушкова. – Минск : РИВШ, 2014. – 188 с.
2. Шильникова, Л. Ф. Принципы организации сегментированных текстов в современном русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Л. Ф. Шильникова ; Моск. гос. ун-т. – М., 1976. – 23 с.

Станкевіч А.А.¹, Старадубец С.М.², Бялугіна В.У.²

¹УА “Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Францыска Скарыны”, г. Гомель (Беларусь)

²ФДБАУ ВА «Брянскі дзяржаўны ўніверсітэт імя акадэміка І.Г. Пятроўскага», г. Брянск (Россія)

¹e-mail: astankevich@gsu.by

²e-mail: starodubets.madam@yandex.ru

УДК 398.432:398.2(476.2+470.333)

Вобраз русалкі ў міфалагічнай прозе гомельска-бранскага памежжа : этналінгвістычны аналіз

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
(в рамках научного проекта № 17-24-01002 а (м))
и БРФФИ (в рамках научного проекта № Г17Р-018)*

**Stankevich Alexandra Aleksandrovna¹,
Starodubets Svetlana Nikolaevna², Belugina Olga Vladimirovna²**

¹*Gomel state University by Francisk Skarina, Gomel (Belarus)*

²*Bryansk state University named after academician I. G. Petrovsky",
Bryansk (Russia)*

UDC 398.432:398.2(476.2+470.333)

The image of a mermaid in the mythological prose of the gomel-bryansk borderlands: ethnolinguistic analysis

В статье описывается образ русалки как персонажа низшей мифологии в мифологической прозе Гомельско-Брянского пограничья. При этом анализируется система атрибутивных и акциональных персонажеобразующих признаков, в числе которых – происхождение русалки, ее статус, место обитания, внешний вид, особенности поведения и отношение к людям.

Ключевые слова: мифологическая проза, Гомельско-Брянское пограничье, мифологический персонаж, образ русалки, персонажеобразующие

The article describes the image of a mermaid as a character of lower mythology in the mythological prose of the Gomel-Bryansk frontier region. In this analysis the system attribute and action personaljesus signs, including the origin of the mermaid, her status, habitat, appearance, behavior and attitude towards people.

Key words: mythological prose, Gomel-Bryansk Borderlands, mythological character, mermaid image, character-forming features,

признаки, характеристика, характеристика, образа, *аттэрибутивная акциональная амбивалентность* *attributive characteristic, actional characteristic, ambivalence of the image.*

Важнейшай формай выражэння нацыянальнай самабытнасці і светапогляду, адлюстравання духоўнага жыцця этнасу з’яўляецца традыцыйная народная культура. Духоўная культура славянскіх народаў фарміравалася ў працэсе іх сумеснай гісторыі, разнастайных стасункаў і ўзаемадзеяння. Расійска-беларускае памежжа – унікальны рэгіён, які мае адметную гісторыю, этнічныя, культурныя, моўныя асаблівасці і займае спецыфічнае месца ў агульным гісторыка-геаграфічным, этнаграфічным, фальклорным і лінгвістычным кантэксте еўрапейскага кантынента. Гомельска-Бранскае памежжа як частка гэтага рэгіёна захоўвае многія рэліктавыя асаблівасці агульнаславянскай і ўсходнеславянскай культуры.

Комплекснае даследаванне вуснай народна-паэтычнай творчасці адзначанага рэгіёна, заснаванае на ўзаемасувязі фальклорнага, этнаграфічнага і лінгвістычнага матэрыялу, дазваляе вывучыць асаблівасці рэгіянальных культурных традыцый, вызначыць іх месца ў парадыгме апазіцый сучаснай канцэптасферы духоўнай культуры расійска-беларускага памежжа.

Міфалагічная проза займае адметнае месца ў сістэме агульнай народна-паэтычнай творчасці, паколькі адлюстроўвае анімістычную здольнасць свядомасці першабытнага чалавека, яго імкненне да адухаўлення разнастайных рэалій прыроднага свету, да надання неадушаўлёным прадметам і з’явам стану і паводзін жывых істот.

Адным з самых старажытных архетыпічных персанажаў усходнеславянскай міфалогіі, паводле меркавання даследчыкаў, з’яўляецца вобраз русалкі. У міфалагічных аповедах адзначанага рэгіёна акрэсліваецца статус апісваемай міфалагічнай істоты – ёсць канкрэтныя ўказанні на яе дэманалагічную прыроду: *І русалкі, і вадзяныя – дзэманьы. Ані ў вадзе жывуць* (г. Гомель) [1, с. 346]; *Русалак лічылі дочкамі вадзяных і ведзьмаў* (в. Чырвонае, Гом) [1, с. 348].

У міфалагічнай прозе Гомельшчыны вобраз русалкі ўключае сукупнасць характарыстык, тыповых для прадстаўнікоў ніжэйшай міфалогіі, якія ў навуковай літаратуры кваліфікуюцца як

персанажаўтваральныя адзнакі [2, с. 23] – месца і час бытавання, знешні выгляд, асаблівасці паводзін, стасункі з іншымі міфічнымі істотамі, адносіны да людзей. Неабходна, аднак, адзначыць, што названыя прыкметы соеасабліва трансфармуюцца ў вобразе русалкі, які з’яўляецца адным з самых супярэчлівых персанажаў ніжэйшай міфалогіі. У ліку атрыбутыўных прыкмет гэтага персанажа адметная лакатыўная і тэмпаральная характарыстыка .

Так, калі большасць прадстаўнікоў ніжэйшай міфалогіі маюць пэўны, канкрэтны локус існавання, паводле якога і называецца персанаж: *вадзянік* (вада), *лесавік* (лес), *палявік* (поле), *дамавік* (дом), *хлеўнік* (хлеў), *балотнік* (балота), *лазнік* (лазня), то русалкам прыпісваецца бытаванне ў розных мясцінах. Як адзначаюць даследчыкі, русалка – “персанаж усходнеславянскай міфалогіі, .. які з’яўляецца ў летні час .. у злакавым полі, у лесе, ля вады” [3, с. 495]; “русалка магла адначасова выступаць як вадзяны, лясны і палявы дух” [4, с. 454].

У міфалагічнай прозе Гомельшчыны адзначаецца, што асноўнае “месца жыхарства” русалкі – водная стыхія: *Русалкі жывуць у вадзе* (в. Галавінцы, Гом.) [1, с. 343]; *Русалкі .. сядзяць каля ракі і чакаюць жэртву, каторую зашчакочваюць насмерць* (в. Зябраўка, Гом.) [1, с. 345]; *Они, русалки, живут в воде* (в. Урыцкае Гом.) [5, с. 76], але яны могуць прысутнічаць і ў іншых мясцінах: *Русалкі могуць жыць у возеры, рэчцы, лесе, полі* (в. Шэйка Ветк.) [6, с. 264]; *Русалак .. бачылі ў лесе, яны сядзелі на дубах.* (в. Чырвонае, Гом.) [1, с.348]; *Раз у гаду яны выходзяць з ракі і качаюцца на галінках дрэў* (в. Свяцілавічы, Ветк.) [7, с. 320]; *Калі на полі цвіце жыта, то на ім ходзяць русалкі і водзяць хараводы* (в. Крупец, Добр.) [5, с. 81].

У сувязі з розным локусам існавання русалак у некаторых міфалагічных паданнях выдзяляюцца іх розныя віды: *Русалки бывают речные и полевые. Речные похожи на духов воды. Полевые – русалки плодородия* (г. Гомель) [8, с. 228].

Русалкі маюць таксама адметную тэмпаральную прыкмету – у іх сезонны (звычайна летні) час з’яўлення, у адрозненне ад іншых міфалагічных персанажаў, існуючых пастаянна ў сваім локусе [3, с. 496]. Праўда, у міфалагічнай прозе Гомельшчыны гэта асаблівасць не акцэнтуюцца, у некаторых паданнях адзначаецца, што зімуюць русалкі пад льдом. Даволі часта рэспандэнты звяртаюць увагу на іх начны лад жыцця: *Гавораць , што летам ноччу калісь з вады выходзілі ды дурэлі, на ветках качаліся .. такія прыгожыя, з*

валасамі доўгімі (в. Свяцілавічы, Ветк.) [7, с. 329]. Ёсць і процілеглае сцвярджэнне: *Русалкі .. жывуць у рэках, на балотах. Ноччу яны там спяць у вадзе, а днём выходзяць* (в. Даўгалессе, Гом.) [1, с. 344].

У асобных былічках месца з'яўлення русалак звязваецца з пэўным часам: *Русалкі да Русальнай нядзелі жылі ў вадзе, а ўжо паслека выходзілі і жылі хто на дзеравах, а хто ў жыце* (г. Гомель) [6, с. 251].

Гендэрная і ўзроставая характарыстыка гэтага персанажа ў міфалагічнай прозе Гомельшчыны даволі выразная: *Гэта істота жаночага полу, найчасцей дзяўчына. Они, русалки, живут в воде. Это девочки с длинными волосами* (в. Урыцкае Гом.) [5, с. 76], хаця можа быць і жанчынай ва ўзросце: *Русалкі ... Ну эта такія жэнішчыны, у якіх да пояса ўсё як у абычнай жэнішчыны* (в. Дзям'янкi, Добр.) [9 с. 257].

Партрэтная характарыстыка русалак у міфалагічных замалёўках тыповая. У апісаннях іх знешняга выгляду звычайна адзначаюцца доўгія, прыгожыя валасы: *Гэта вельмі красівыя дзеўкі з дліннымі залатымі косамі і вялікімі блакітнымі вачамі* (г. Гомель) [1, с. 343]; *Русалкі пахожы на малых дзяўчат з дліннымі зялёнымі косамі, яны былі вельмі красівыя ..* (в. Макаўе, Гом.) [1, с. 345]; *Яны прыгажуні такія. Белья плаціці заўсёды ў пол такія, косы жоўтыя-жоўтыя, длільныя. Бабы бачылі, гавораць* (в. Стаўбун Ветк.) [5 с. 74]; *Гэта прыгожая дзеўка, з рыжымі валасамі, якая жыве ў возеры* (в. Жгунь Добр.) [5, с. 74]; *Старыя людзі кажуць, што ў гэтым дупле раней жыла русалка. Вельмі прыгожая яна была: косы длільныя, ярка-залатыя* (г. Гомель) [6, с. 264]; *Заўсёды іх бачылі голымі, з доўгімі чорнымі валасамі і вачыма таго ж колеру* (г. Гомель) [6, с. 261]; у іх абавязкова рыбін хвост: *Русалкі – гэта красівыя дзяўчаты з доўгімі валасамі і хвостом замест ног, на канцы каторага рыбі плаўнік. Іх цела пакрыта чашуёй, і, каб скрыць яе, яны часта акутываюцца водараслямі* (г. Гомель) [1, с. 344]; *У русалак .. красівыя ногі. Толькі ступні, як плаўнікі. Людзі гаварылі, што замест крові ў іх нібы вада, і самі па сабе вельмі халодныя* (в. Глыбоцкае, Гом.) [5, с. 78]. У некаторых міфалагічных паданнях указваецца на страшны знешні выгляд русалак.

Такім чынам, у знешнім выглядзе русалкі спалучаецца антрапаморфная характарыстыка з зааморфнымі элементамі.

Вобраз русалкі ў міфалагічных паданнях Гомельшчыны на тэрыторыі беларуска-расійскага памежжа, несумненна, амбівалентны.

Тыповыя функцыянальныя прыкметы гэтага міфалагічнага персанажа складаюць яго акцыянальную характарыстыку. Дамінуючымі прыкметамі, якімі надзяляецца вобраз русалкі рэспандэнтамі, з'яўляюцца іх агрэсія, варожае стаўленне да людзей, шкодная дзейнасць: *Русалкі злыя. Яны добра нікому не дзелаюць* (г. Гомель) [1, с. 343]; *Русалкі – вельмі злобныя сушчства, і сваю злосць яны пераносяць на людзей* (г. Гомель) [1, с. 344]; *Шчытаеца, што русалкі вельмі каварныя і іх трэба баяцца, не хадзіць начамаі на лесу і к лясному возеру* (в. Рудня-Марымонава, Гом.) [1, с. 347]; *Яны – знішчальніцы людзей. Пачалі знішчаць людзей, калі іх Бог надзяліў рыбным хвостом* (в. Залессе Чач.) [5, с.73]; *Шчакоча людзей, яны смяюцца, а потым выбіваюцца з сіл і начынаюць тануць. Очань рэдка, калі яны выжываюць, то ў іх прападае ці слых, ці зрок* (в. Жгунь Добр.) [5, с. 74]; *Губілі русалкі ў асноўным маладых хлопцаў і з'яўляліся там, дзе былі яны. Хлопцам яны падабаліся, а русалкі іх тапілі* (в. Тарасаўка Ветк.) [6, с. 246]. Прыхільнасць русалак да маладых хлопцаў каменціруецца наступным чынам: *Русалкам любові не хапае, дык яны хочуць прыгожых хлапцоў заманіць* (в. Глыбаўка, Ветк.) [8, с. 225].

У свядомасці стваральнікаў міфалагічных паданняў, акрамя таго, рэпрэзентуецца і такая адзнака русалкі, як уменне песнямі заманьваць у ваду: *Русалка . . заманьвае жэртв сваім голасам і ўбівае іх там* (в. Залессе Чач.) [5, с. 73]; *Той, хто аказваецца на беразе ў гэты час і будзе бачыць рухомыя агенчыкі і жалобную песню, будзе завячон русалкамі і згіне назаўсёды ў глыбіні цёмных водаў* (г. Гомель) [6, с. 261]; *Русалка .. вечарамі пье песні і, калі хто-небуць нахіліцца да вады паслухаць песню, уцягвае ў ваду і топіць чалавека* (в. Стаўбун Ветк.) [5, с. 80].

Стваральнікі міфалагічных паданняў пра русалак лічаць небяспечнай для чалавека нават саму сустрэчу з русалкай: *Русалак .. бачылі ў лесе, яны сядзелі на дубах .. Хто іх бачыў, у хуткім часе паміраў або цяжка хварэў* (в. Чырвонае, Гом.) [1, с. 348], а зрокаваму кантакту з імі надаюць асабліва негатыўнае ўздзеянне на чалавека: *Русалкі рабілі жудасныя позіркы і таго, хто іх бачыў, скручывала назаўсёды* (г. Гомель) [6, с. 261].

Толькі ў асобных паданнях сцвярджаецца меркаванне аб станюўчым характары вобраза русалкі: *А яны зла не рабілі. Яны ж добрыя. А людзі іх абіжаць сталі, дык невядома цяпер, дзе яны* (в. Свяцілавічы, Ветк.) [7, с. 329].

Амбівалентнасць вобраза русалкі праяўляецца і ў тым, што, як адзначае В.С. Новак, “у мясцовым песенным варыянце выразна адлюстраваліся міфалагічныя ўяўленні аб русалках, як аб істотах, якія могуць дабратворна ўплываць на ўраджайнасць жыта” [9, с. 193]. Л.М. Вінаградава сцвярджае, што “па дадзеных русальнай абраднасці – больш відавочнай становілася сувязь русалак з вегетатыўным культам, з расліннасцю, жытам, бярозай, з ідэяй плоднасці і ураджайнасці” [10, с. 88].

“Знаходжанне русалак у ржаным або канапляным полі матывуецца ў народных павер’ях тым, што русалкі ахоўваюць пасевы і садзейнічаюць ураджаю. У першапачатковых народных уяўленнях дэманічны вобраз русалкі абагаўляўся і звязваўся з клопатамі пра пладаноснасць зямлі, пра яе ўраджайнасць. Але з цягам часу, як сведчаць вучоныя, у выніку ўзаемадзеяння язычніцкіх і хрысціянскіх вераванняў многія старажытныя боствы захавалі ў сабе амбівалентныя рысы: выступалі то як памочнікі чалавека, то як яго ворагі” [6, с. 235].

У міфалагічнай прозе Гомельска-Бранскага памежжа ў сувязі з амбівалентнасцю ўспрымання вобраза русалкі – шкоднага і станюўчага, а таксама нейтральнага характару іх дзейнасці выказваецца думка аб існаванні розных істот – русалак і берагінь, рачных і палявых русалак, сапраўдных русалак і дзяўчат-утопленіц: *У русалак нема ног, а ў берагінь есць. Берагіні оберегают, предупредждают рыбаков* (г. Гомель) [6, с. 248]; *Русалкі – гэта жонкі вадзяніка ці дочки яго. Ёсць розныя русалкі: сапраўдныя, якія нарадзіліся русалкамі, яны ніколі не выходзяць на бераг, і дзяўчаты, што ўтанулі і сталі русалкамі. Гэтыя выходзяць на бераг, могуць нават падыходзіць да сваёй хаты* (в. Вераб’ёўка, Гом.) [1, с. 343]. Адзначаецца таксама, што *палявыя русалкі больш стрыманыя, а рачныя – больш агрэсіўныя* (г. Ветка) [8, с. 225].

У міфалагічнай прозе беларуска-рускага памежжа даволі падрабязна асвятляюцца розныя версіі паходжання русалак: *Гавораць, што русалкі– гэта дзяўчаты, што ўтаніліся ў рэчцы, якіх пракрылі маткі, а такжэ тыя, хто памерлі да хрышчэння* (в. Шылавічы, Чач.) [6, с. 240] ; *Русалкі – то ж дзеўкі – самагубкі і*

сталі русалкамі (в. Стаўбун, Веткаўскі раён) [8, с. 225]; *Русалкі—гэта душы дзяўчат і дзяцей, якія былі непакрэшчаны* (г. Гомель) [6, с. 261]; *Шчытаецца, што русалкі — гэта душы ўтопленіц, маладых дзяўчат, жанчын* (в. Рудня-Марымонава, Гом.) [1, с. 347].

Даволі часта паданне пра русалку заканчваецца перасцярогамі і парадамі, як трэба сябе паводзіць, каб не стаць ахвярай русалкі: *Людзі казалі, што калі ўбачыш русалку, уцякай хутчэй ад таго места, бо калі русалкі ўбачаць чалавека, то абязацельна зацягнуць у ваду і ўтопяць* (в. Макаўе, Гом.) [1, с. 345]; *Шчытаецца, што русалкі вельмі каварныя і іх трэба баяцца, не хадзіць начамі па лесу і к лясному возеру* (в. Рудня-Марымонава, Гом.) [1, с. 347]; *Каб русалкі не зацянулі ў ваду, нада абязацельна, кагда купацца ідзе, штоб крэсік надзеты быў* (в. Даўгалессе, Гом.) [1, с. 345]; *Каб не папасць пад іх ўліянне, не нада глядзець русалкі ў вочы* (в. Тарасаўка, Ветк.) [6, с. 246]; *На Купалле яна выходзіць з рэчкі ў выглядзе чалавека і ўбівае ўсіх. Каб гэтага не атрымалася, незамужнія дзяўчыны павінны былі пусціць вянкi на вадзе* (в. Залессе, Чач.) [5, с. 73]; *Рыбачыць нужно остарожно, только с берега, а то окружают лодку і ўтопят (особенно молодых і красівых)* (г. Гомель) [6, с. 248]; *А кагда чалавек убачыць русалак, далжон ціхенька сябе не выдаваць. Еслі ўбачаць русалкі, зацягнуць яго да сябе, у самую муць на дно* (в. Глыбоцкае Гом.) [5, с. 78]; *Каб засцерагчыся ад русалак, трэба на нітачку насадзіць кусочак часнака ці цыбулі і завязаць на шэі, бо русалкі не любяць гэтага запаху* (г. Ветка) [8, с. 225]; *Ад русалкі ёсць засцярога — гэта жалезная іголка. Лічылі, калі ўкалоць іголкай русалку, то ўсе іншыя русалкі знікнуць* (в. Залессе, Чач.) [8, с. 250].

Акрамя агульнаславянскай назвы *русалка*, гэты міфалагічны персанаж мае лакальныя варыянты — як аднослоўныя намінацыі *вадзяніцы, лесавіцы, берагіні: Жэніцца ён* [вадзянік — А.С.] *на русалках, вадзяніцах. А шчэ любіць маладых утопленіц* (в. Шэйка, Веткаўскі раён) [8, с. 18]; *І русалкі, і берагіні с лентамі, украшэннямі* (г. Гомель) [6, с. 248], так і перыфрастычныя, апісальныя назвы *рачная дзеўка, вадзяныя жанчыны, вадзяныя прывідзёнкі: Русалка—эта рачная дзеўка, якая некалі жыла на зямлі, а потым пайшла і ўтапілася* (в. Шэйка, Ветк.) [6, с. 264]; *Русалкі — гэта вадзяныя жанчыны, вадзяныя прывідзёнкі. Яны жывуць у вадзе і паказваюцца на Купалу* (в. Целяшы, Гом.) [1, с. 348].

Такім чынам, вобраз русалкі ў міфалагічнай прозе Гомельска-Бранскага памежжа з'яўляецца адным з самых старажытных, цікавых, супярэчлівых і яркіх персанажаў ніжэйшай міфалогіі.

ЛІТАРАТУРА

1 Народная духоўная спадчына Гомельскага раёна / уклад. В. С. Новак. Гомель: ААТ —Полеспечать, 2007. – 456 с.

2 Народная демонологія Полесья: Публікацыі тэкстаў в запісах 80 – 90-х гг. ХХ века. Т.1: Людзі со сверхъестественными свойствами / Составители Л.Н. Виноградова, Е.Е. Левкиевская. – М.: Языки славянских культур, 2010. – 648 с.

3 Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти томах / Под общей редакцией Н.И. Толстого. – Т. 4. – М.: Международные отношения, 2009. – 656 с.

4. Шапарова, Н.С. Краткая энциклопедия славянской мифологии / Н.С. Шапарова. – М.: Астрель: Русские словари. 2004. – 624 с.

5. Ніжэйшая міфалогія беларусаў у сучасных запісах / аўтары-ўкладальнікі: В. С. Новак, А. А. Кастрыца, К. В. Паборцава; Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Ф. Скарыны. – Мінск: Права і эканоміка, 2014. – 98 с.

6 Новак, В. С. Славянская міфалогія (на матэрыялах Гомельскай вобласці) / В. С. Новак. – Мінск: Права і эканоміка, 2009. – 328 с.

7 Вечнае: Фальклорна-этнаграфічная спадчына Веткаўскага раёна / уклад. І. Ф. Штэйнер, В. С. Новак. – Гомель: УА ГДУ імя Ф. Скарыны, 2003. – 362 с.

8 Міфалагічныя ўяўленні беларусаў / уклад В. С. Новак. – Мінск: Права і эканоміка, 2010. – 538 с.

9 Зямля чароўная дабра: Добрушскі край: гісторыя і сучаснасць / Пад агульнай рэдакцыя А.А.Станкевіч. – Гомель: ААТ “Полеспечать”, 2008. – 280 с.

10 Виноградова, Л.Н. Мифологический аспект полесской “русальной” традиции// Славянский и балканский фольклор / Л.Н. Виноградова. – М.: Наука, 1986. – С. 88 – 130.

Солодкая О.И.

УО «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины», г. Гомель (Беларусь)

e-mail: Zuriat@yandex.ru

УДК 811.161.1'373.611'373.421

О словообразовательной синонимии вещественных субстантивов с суффиксами -в- и -л(о) в русском языке

Solodkaya Oxana Ivanovna

*Gomel state University named after Francis Skaryna,
Gomel (Belarus)*

UDC 811.161.1'373.611'373.421

About the word-formation synonymy of substantives with -v- and -l(o)- suffixes in russian language

Исследуется явление словообразовательной синонимии вещественных субстантивов с суффиксами -в- и -л(о) в русском языке и диалектах (с привлечением материала других славянских языков). Устанавливается тенденция к закреплению в русском литературном языке суффикса -в- для выражения вещественного значения.

Ключевые слова: словообразовательная синонимия, субстантив, словообразовательный формант, суффикс, вещественное значение.

The phenomenon of word-formation synonymy of substantives with material meaning with -v- and -l(o) suffixes in Russian language and its dialects (data from other Slavic languages is also used) is investigated. The tendency to fixation in the Russian literary language the -v- suffix for the expression of material meaning is established.

Key words: word-formation synonymy, substantive, word-formation formant, suffix, material meaning.

Целью работы является анализ семантической соотнесенности производных с суффиксами -в- и -л(о) в русском литературном языке и диалектах (с привлечением материала других славянских языков) и наблюдение над исходом исторической конкуренции указанных суффиксов.

Идею словообразовательной синонимии обозначил В. В. Виноградов. Однако детально, как подчеркивает Г. А. Николаев, теория и история этого феномена была разработана казанскими дериватологами. Синонимичными суффиксами лингвисты называют суффиксы,

которые имеют общее значение и являются или воспринимаются с точки зрения происхождения и с точки зрения звукового оформления как совершенно самостоятельные морфемы [3, с. 93].

Факт синонимии создается противопоставлением общности производящих основ, создающих базу лексической синонимии, и разности образующих формантов, идентичных в плане словообразовательной семантики. Словообразовательная синонимия взаимосвязана с лексической, так как производные слова, имеющие в качестве мотивирующих одинаковые основы и образованные при помощи тождественных с точки зрения значения суффиксов, имеют и синонимичные лексические значения [12, с. 21-22].

Наблюдения показывают, что в области параллельного функционирования суффиксов *-в-* и *-л(о)* могут быть отмечены две основные тенденции: 1) сохранение словообразовательной синонимии вещественных субстантивов, содержащих в морфемной структуре суффиксы *-в-* и *-л(о)*, в русском языке или в определенной его разновидности (а также в качестве межъязыкового явления); 2) закрепление суффикса *-в-* для выражения вещественного значения в русском литературном языке при сохранении словообразовательной синонимии в диалектах.

Так, сохранение словообразовательной синонимии наблюдается в следующих случаях. Русскому языку известны словообразовательные синонимы *куплево* и *купило*, образованные от глагола *купить* посредством формантов *-в(о)* и *-л(о)*. Лексическое значение субстантивов идентично: 'то, на что покупают; деньги'; в современных толковых словарях сопровождаются пометами «разговорно-сниженное» [2], "просторечное" [7, т. 5, с. 1846-1848]. В белорусском языке значение 'средства, деньги, за которые покупают что-либо' имеет существительное *купіла* (сопровождается пометой «разговорное») [11], в украинском литературном языке – *купило* («фамильярное») [9, т. 4, с. 402].

Составители «Этимологического словаря славянских языков» (далее ЭССЯ) возводят субстантив *купило* к праславянскому **kupidlo*. Рефлексы праславянского существительного известны и другим славянским языкам и диалектам (болгарскому, сербохорватскому, словенскому, чешскому, старопольскому), в которых имеют значения 'деньги, то, чем платят' и 'покупка, купленная вещь' [13, вып. 13, с. 109].

Производящей базой для словообразовательных синонимов *куплево* и *купило* является глагол *купить*. Представленный материал отражает ситуацию употребления в русском литературном языке обоих словообразовательных синонимов, в то время как в других славянских языках (включая белорусский и украинский) распространен субстантив в суффиксом *-л(о)*.

К числу существительных, образованных посредством суффикса *-в-*, следует относить субстантив *каливо* (*калево*), который не известен современному русскому литературному языку. В псковских говорах *калевом* называют кал, испражнение, кроме того данное слово имеет значение ‘порошица, задний проход’ [1; см. также: 5, вып. 12, с. 347].

В словацких диалектах выявлено соответствие русскому *каливо* (*калево*) – *kal'ivo* ‘грязная вода после мытья тела, картофеля и т.п.’ [13, вып. 9, с. 124]. Лингвисты возводят *каливо* к праславянскому **kalivo*, образованному от глагола **kaliti* (продолжения которого в славянских языках имеют значения ‘закалять’, ‘загрязнять, мутить’, ‘замешивать с отрубями пойло скотине’, ‘портить’, ‘пачкать, делать плохо’, ‘сильно нагревать, доводить до раскаленного состояния’, ‘испражняться(ся)’, ‘выговаривать за проступок, бранить’ и т.п. [13, вып. 9, с. 123]) при помощи форманта **(i)v-*, который придает производному вещественное значение.

Словообразовательный синоним *каливо* (*калево*) субстантив *каллило* (< **kalidlo* < **kaliti*) в русском языке имеет значение ‘жигало, каленое железо для прожигу чего’ [1]. В украинском и диалектах сербохорватского языка рефлекс праславянского существительного **kalidlo* служат для наименования грязи, размокшей земли, грязной лужи [8 т. 2, с. 210; 13, вып. 9, с. 120]. Субстантив *каллило* имеет вещественное значение, сохраняется только в диалектах русского языка, как и его словообразовательный синоним существительное *каливо* (*калево*).

Сохранением словообразовательной синонимии характеризуется параллельное употребление русского диалектного *поиво* и распространенного в русском литературном языке и в говорах *пойло*, известных западно- и южнославянским языкам словообразовательных синонимов с вещественным значением – продолжений праславянских **kъrmivo* – **kъrmidlo* [13, вып. 13, с. 226].

В ряде случаев конкуренция словообразовательных синонимов с суффиксами *-в-* и *-л(о)*, имеющих вещественное значение, закан-

чивается закреплением в русском литературном языке субстантивов с суффиксом *-в*.

Имя существительное *месиво* известно ряду славянских языков: русск. *месиво* (разг.) ‘полужидкая масса, смесь каких-либо вязких, полужидких материалов’, ‘вязкая, глубокая грязь на почве, дороге’; ‘корм для домашнего скота или птицы, представляющий собою смесь муки или отрубей с мякиной, корнеплодами, травой и т.п.’, ‘полужидкое, плохо приготовленное кушанье’ [2]; (перен., прост.) ‘о беспорядочном сборище, массе людей’ [7, т. 6, с. 877]; бел. *месіва* (разг.) ‘густая или жидковатая масса, липкая смесь чего-либо’, ‘глубокая липкая грязь на дороге’; ‘смесь чего-либо разнородного’ [11]; укр. *місиво* (разг.) ‘полужидкая смесь чего-либо’, ‘то же, что тесто’, ‘вязкое болото, грязь (на дорогах, тропинках и т.п.)’; ‘корм для скота или птицы из смеси муки, мякины или высевок’ [9, т. 4, с. 748]; сербохорв. *mjesivo* ‘месиво’, польск. диал. *miesivo* ‘опара, раствор’ [13, вып. 18, с. 201]. В русских говорах *месиво* называет различные виды еды, в основном предназначенной для кормления животных: ‘мякина, смоченная водой для кормления скота’, ‘сено, залитое бардой для кормления скота’; ‘кушанье из остатков разной пищи’; ‘закваска для теста’ [5, вып. 18, с. 125]; ‘мучной корм для птиц или скота’; ‘сечка с отрубями, с мякиною и пр.’ [1].

Существительное *месиво* восходит к праславянскому **mēsivo*, образованному от глагола **mēsiti* путем присоединения форманта **(i)vo* [13, вып. 18, с. 201], который придает субстантиву **mēsivo* значение вещества как результата действия: *месиво* – то, что смешано, что образуется в результате смешивания.

Субстантив *месило*, имеющий значение ‘сырая, вязкая земля’, не известен русскому литературному языку, но зафиксирован в русских говорах. В других славянских языках (словенском, чешском, словацком) соответствия русскому *месило* < **mēsido* (**mēsido* < **mēsiti*) имеют орудийное значение, называя предмет, орудие для перемешивания [13, вып. 18, с. 199].

Родственный существительному *месиво* субстантив *мешево*, известный литературному языку, синонимичен субстантиву *мешало*, который в русских говорах также имеет вещественные значения [4, с. 153; 5, вып. 18, с. 146–148].

Белорусским говорам известно существительное *мешыва*, имеющее значение ‘замешенный корм для скотины’ [14, с. 31]. Составители ЭССЯ реконструируют следующую праформу для рус-

ского *мешевое*, *мешавое* и его славянских соответствий – болг. *мешава* (обл.) ‘участие, вмешательство’, *мешава* ‘то же, что и «смесь»’, словен. *mešava* ‘смесь’, в.-луж. *měšawa* ‘ложка для перемешивания, мешалка, мутовка’, н.-луж. *měšawa* ‘большой деревянный ковш, лопатка, лопаточка каменщика; тот, кто мешает, путаник’ [13, вып. 18, с. 217] – **měšava* / **měšavo* (**měš(a)va* / **měš(a)vo* < **měšati*). Таким образом, в славянских языках суффикс *-v- образовывал существительные с разными значениями (отвлеченного действия, вещества, орудия, субъекта действия), а в русском языке (как в литературной, так и в диалектной его разновидности) закрепился только в вещественном значении.

Имя существительное *курево* в современном русском литературном языке является многозначным: ‘то, что курят’ (разговорное), ‘курение’, ‘дым от курения’; ‘то, чем окуривают’ (устаревшее), ‘дым от окуривания чем-либо, что дает аромат’; ‘поднимающиеся над землей, водой испарения, туман и т.п.’ (разговорное, переносное значение), ‘то, что клубится, вьется в воздухе (о пыли, снеге и т.п.)’; ‘дым от костра, разводимого с целью защиты от комаров и мошкары’ (местное) [2, см. также: 7, т. 5, с. 1860]. В русских говорах *курево* так же, как и в литературном языке, имеет в основном вещественные значения (исключая значение ‘курительная трубка’) [5, вып. 16, с. 117-118].

Данный субстантив известен и другим славянским языкам (словенскому, чешскому, словацкому, белорусскому, украинскому), где имеет синонимичные значения, только в словенском языке *kurivo* служит для номинации топлива [см. 13, вып. 13, с. 125; 11; 9, т. 4, с. 407]. Дериват *курево* (*куриво*) восходит к праславянскому **kurivo*, образованному от глагола **kuriti* посредством форманта *-(i)vo. От указанного глагола при помощи форманта *-(i)dlo образовано также имя существительное **kuridlo*, известное различным славянским языкам. Так, в словенском языке значение ‘топливо’ имеет не только существительное *kurivo*, но и его словообразовательный синоним *kurilo*, чешское *kouřidlo*, *kuřidlo* имеет значения ‘благовоние; кадило; курильница’, польское диалектное *kurzydło* – ‘гнилушка, употребляемая для окуривания пчел при выемке меда’ [13, вып. 13, с. 122], белорусское диалектное *курыла* – ‘скрученный жгут, которым окуривают пчел’ [10, т. 2, с. 585]. В русских говорах *курило* имеет конкретно-предметные значения: ‘курительная трубка’, ‘о пьянице’, *курила* – ‘о том, кто портит воздух’ [5, вып. 16, с. 126].

Конкуренция словообразовательных синонимов **kurivo* и **kuridlo*, имеющих вещественное значение, отмечается в некоторых славянских языках; в русском языке (как в литературной, так и в диалектной его разновидности) вещественное значение выражается только субстантивом с суффиксом *-в(о)*.

Субстантив *кружево* в современном русском литературном языке имеет вещественное значение 'узорчатая сетчатая ткань из ниток для отделки белья, платьев и т.п. и украшения домашней обстановки' [7, т. 5, с. 1725]. В русских говорах *кружево* употребляется в значениях 'нарядная отделка на сарафанах', 'золотая обшивка на платье' [5, вып. 15, с. 310]. Диалектам белорусского и украинского языков известны соответствия русскому *кружево*, имеющие тождественное значение [13, вып. 13, с. 39].

Русскому и другим славянским языкам известны словообразовательные синонимы с суффиксом *-л(о)*: русское диалектное *кружило* 'кружевная лента из шелка или бумажных ниток, отделанная бисером, жемчугом и т.п.' [5, вып. 15, с. 311], *кружало* 3 (архангельское) 'кружево', 'о прическе' [5, вып. 15, с. 308]. В древнерусском языке *кружило* имело значение 'узорчатая нашивка на одежде, изделиях из тканей, обычно золотая или серебряная' [6, вып. 8, с. 85].

В других славянских языках производные субстантивы с суффиксом *-л(о)* < **dlo*, образованные, как и *кружево* (**krǫživo* < **krǫžiti*), от глагола **krǫžiti*, не имеют вещественного значения; для них характерна конкретно-предметная семантика.

Таким образом, конкуренция рассматриваемых синонимичных суффиксов приводит к закреплению существительного с формантом *-в-* (*кружево*) в современном русском литературном языке.

Представленный языковой материал дает основания говорить о тенденции закрепления вещественных субстантивов с суффиксом *-в-* в русском литературном языке, что подтверждает отмеченную лингвистами закономерность: «среди каждого синонимического суффиксального ряда обычно выделяется один суффикс, в настоящее время продуктивный, все остальные выступают как суффиксы малопродуктивные или непродуктивные вовсе» [3, с. 96]. Суффикс *-в-* является регулярным средством выражения вещественного значения в русском языке, о чем свидетельствует наличие целого ряда отглагольных существительных, образованных по рассматриваемой словообразовательной модели (*варево, жарево, марево, печево, крошево, квасиво, прядево, топливо* и др.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка [Электронный ресурс] / В. И. Даль. – М. : Бука, 2008. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

2. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Т. Ф. Ефремова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.efremova.info/>. – Дата доступа: 13.04.2018.

3. Николаев, Г. А. Теоретические проблемы русского словообразования. Казанская научная школа / Г. А. Николаев // Диалектное словообразование, морфемика и морфонология: Монография / под ред. Е. Н. Шабровой – СПб.: Наука; Вологда: ВГПУ, 2007. – С. 7-29.

4. Русская грамматика в II томах / редкол.: Н. Ю. Шведова (гл. ред.). – М. : Изд-во «Наука», 1980. – Т. 1 : Фонетика. Фонология. Ударения. Интонация. Введение в морфемистику. Словообразование. Морфология. – 788 с.

5. Словарь русских народных говоров / редкол.: Ф. П. Филин (гл. ред.) [и др.]. – Л. : Наука, 1965–издание продолжается. – Вып. 12. – 1977. – 368 с. ; Вып. 15. – 1979. – 399 с. ; Вып. 16. – 1980. – 376 с. ; Вып. 18. – 1982. – 368 с.

6. Словарь русского языка XI-XVII вв. / редкол.: С. Г. Бархударов (гл. ред.) [и др.]. – М. : Наука, 1975–издание продолжается. – Вып. 8 : Крада–Лящина. / редкол.: Ф. П. Филин (гл. ред.) [и др.]. – 1981. – 352 с.

7. Словарь современного русского литературного языка в 17 т. / редкол.: В. И. Чернышев. (гл. ред.) [и др.]. – М., Л. : Изд-во Академии Наук СССР, 1950–1965. – Т. 5 / редкол.: С. Г. Бархударов. (председатель) [и др.]. – 1956. – 1920 с. ; Т. 6 / редкол.: С. Г. Бархударов. (председатель) [и др.]. – 1957. – 1461 с.

8. Словарь украинского языка в 4 т. / под ред. Б. Д. Гринченко. – Киев, 1907–1909. – Т. II. – 1908. – 574 с.

9. Словник української мови [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://sum.in.ua/>. – Дата доступу: 12.04.2018.

10. Слоўнік беларускіх гаворак Паўночна-Заходняй Беларусі і яе пагранічча ў 5 т. / Склад. Ю. Ф. Мацкевіч [і інш.]. – Мн. : Навука і тэхніка, 1979–1986. – Т. 2 : Д–Л. – 1980. – 728 с.

11. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <http://www.skarnik.by/tsbm/>. – Дата доступу: 09.04.2018.

12. Шанский, Н. М. Очерки по русскому словообразованию и лексикологии / Н.М. Шанский. – М. : Учпедгиз, 1959. – 246 с.

13. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева. – М. : Наука, 1974 – издание продолжается. – Вып. 9. – 1983. – 197 с. ; Вып. 13. – 1987. – 259 с. ; Вып. 18. – 1993. – 255 с.

14. Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / рэдкал.: Г. А. Цыхун (гал. рэд.) [і інш.]. – Мн. : Беларуская навука, 1978–издание продолжается. – Т. 7. – 1991. – 315 с.

Тимофеев С.Е.

*ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского», г. Новозыбков (Россия)
e-mail: drumliker@mail.ru*

УДК 316.75:811.161.1'42:327

Понятие идеологического концепта в современном политическом дискурсе

Sergey Evgenyevich Timofeev

*Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky,
Bryansk (Russia)*

UDC 316.75:811.161.1'42:327

Ideological concept in the modern political discourse

Статья представляет собой обобщение существующих подходов относительно понимания и трактовки понятия «идеологический концепт» в современном политическом дискурсе. Представлены определения, а также классификации данного понятия современных исследователей.

Ключевые слова: политический дискурс, концепт, идеологический концепт, классификация идеологических концептов, первичные и вторичные идеологические концепты.

The article represents the summary of existing approaches on understanding and interpretation of ideological concept in the modern political discourse. Definitions as well as classifications of this concept in modern scientific researches are represented here.

Keywords: political discourse, concept, ideological concept, ideological concept classification, primary and secondary ideological concepts.

Вторая половина XX века ознаменована развитием исследований в области особого пласта слов с идеологической коннотацией, обладающих определенной степенью влияния на сознание адресата.

В современной лингвистике методика изучения ценностных доминант базируется на понятии «концепт» [Карасик 1996]. В общем случае концепт определяется исследователями как базовая лексическая единица, находящая свое отражение во взаимодействии языка и культуры [Арутюнова 1999, Вежицкая 1999, Лихачев 1993]. По мнению И.А. Стернина, «сущность концепта определяется содержанием» (по сравнению с лексемой, обладающей семантикой) [Стернин 1999]. Содержание концепта всегда зависит от той культуры, в рамках которой концепт функционирует. Одновременно один и тот же концепт, находясь под влиянием различных культур, может проявлять себя по-разному.

Сравнивая определения различных ученых [Маслова 2004, Попова 1999, Степанов 2007, Кубрякова 1996] и выделяя в них общее, делаем вывод о том, что концепт – это многомерная мыслительная конструкция, определяемая в понятиях той или иной культуры и отражающая действительность посредством комплекса языковых средств близкого или эквивалентного плана содержания.

Отдельно выделяют категорию идеологических концептов, широко представленных в современном социально-политическом дискурсе. Среди них можно выделить такие понятия, как *власть*, *партия*, *Родина*, *реформа* и др. Идеологические концепты формируются в соответствии с господствующей идеологией и являются прямым отражением отношения к действительности с позиции того или иного класса или группы.

А.Л. Голованевский под идеологическим концептом понимает «абстрактное имя и семантико-словообразовательный ряд его дериватов, отражающих комплекс представлений языковой личности и объединенных общностью мировоззренческих установок языкового коллектива о характере явления, вербализованном на обширном уровне его ассоциативных связей» [Голованевский 2001].

С.Н. Стародубец рассматривает идеологические концепты в нескольких параметрах:

- базовые (т.е. концепты, составляющие национальную когнитивную базу);

- групповые (концепты религиозно-философского дискурса с учетом внутренних ее составляющих (философия всеединства, философия евразийства, философия Белого движения и др.);
- индивидуальные [Стародубец 2008], [Стародубец 2010].

Среди идеологических концептов выделяют первичные и вторичные [Филиппова 2007]. Первичные идеологические концепты формируются в соответствии с идеологической доктриной и в полной мере отражают ее сущность. Вторичные возникают вне идеологии, а контекстуальный идеологический смысл либо идеологическая коннотация номинантов вторичных концептов образуется в определенном дискурсе.

Формирование первичных идеологических концептов типа *демократия, большевик, коммунизм* происходит в результате целенаправленных действий идеологов. В итоге образуется полноценный идеологический концепт, навязывающий адресату желательные для отправителя оценки и интерпретации такого концепта. Первичный идеологический концепт формируется в рамках определенной идеологии, наделяется идеологами смыслом, причем не всегда объективно отражающим функциональные особенности понятия. Следует отметить, что значение, приписываемое понятию идеологами, может крайне отличаться от альтернативных вариантов определения, следовательно, аксиологический модус будет меняться.

Вторичные идеологические концепты, например, *равенство, народ, свобода*, формируют конкретные идеологические смыслы в рамках определенного контекста. Вовлеченность таких концептов в сферу идеологии определяет их дополнительное идеологическое значение при функционировании в особых контекстах. Исходя из сферы своего употребления, понятие может приобретать различные смысловые оттенки, значения и контекстуальные особенности. Кроме того, такие концепты реализуются посредством вариантов безоценочного и амбивалентного характера (т.е. отрицательно-оценочного и положительно-оценочного). Таким образом, вторичные идеологические концепты обладают свойством пластичности, заключающееся в приспособлении своего значения определенному контексту или виду дискурса.

Проанализировав различные подходы к определению понятия «идеологический концепт», а также выделив существующие классификации, сформулируем соответствующие выводы.

Итак, в нашем понимании понятие «концепт» следует определять, как «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека», «представляющее собой результат познавательной деятельности личности и общества», «несущее комплексную информацию» [Стернин, Попова 2007].

Что касается идеологических концептов, то мы, вслед за Филипповой М.А. склонны считать, что они представляют собой «отражение ценностно маркированного отношения к действительности с позиций определенной социальной группы, формируются в сфере официальной идеологии и внедряются в массовое сознание» людей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
2. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / Пер. с англ. А.Д. Шмелева под ред. Т.В. Булыгиной. – М.: Языки русской культуры, 1999.
3. Голованевский А.Л. Идеологические концепты в лексикографическом дискурсе: семантика, прагматика, синтагматика // Принципы и методы исследования филологии: Конец XX в.: Сб. статей науч.-метод. семинара «ТЕХТУС». Вып. 6. СПб.; Ставрополь, 2001. С.335-339.
4. Земская Е.А. Клише новояза и цитация в языке постсоветского общества // Вопросы языкознания. 1996. №3. С. 23–31.
5. Карасик В.И. Культурные доминанты в языке. // Языковая личность: культурные концепты. Сб. научн. тр. Волгоград - Архангельск: Перемена, 1996. С. 3-16.
6. Клушина Н.И. Семантические и стилистические изменения в лексике современной газеты (на материале газет 1989–1994 гг.): дис. канд. филол. наук. М., 1995.
7. Кубрякова Е.С. Концепт // Кубрякова Е.С., Демьянков В.З. и др. Краткий словарь когнитивных терминов. М., изд-во МГУ, 1996. С. 90-93.
8. Купина Н.А. Живые идеологические процессы и проблемы культуры речи // Язык. Система. Личность / Урал. гос. пед. ун-т. - Екатеринбург, 2005.
9. Купина Н.А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. – Екатеринбург; Пермь: Изд-во Урал, ун-та, 1995.

10. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Известия ОРЯ, Серия литературы и языка, т. 52, №1, 1993.

11. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: Учебное пособие / В. А. Маслова. - Мн.: ТетраСистемс, 2004. – 256 с.

12. Попова З.Д., Стернин И.А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. Воронеж, 1999.

13. Стародубец С.Н. Идеологические концепты в дискурсе И.А. Ильина // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: Сб. мат-лов. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008. С.728.

14. Стародубец С.Н. Специфика организации языковых символических средств в дискурсе И.А. Ильина: дис. док. фил. наук. Брянск, 2010.

15. Степанов Ю.С. Концепты: тонкая пленка цивилизации: языки славянских культур. М.: Языки славянских культур, 2007. 602 с.

16. Стернин, И.А. Когнитивная лингвистика[Текст] / И.А. Стернин, З.Д. Попова. – АСТ; Восток-Запад, 2007. – 315 с.

17. Стернин И.А. Концепт и языковая семантика. // Связи языковых единиц в системе и реализации. Когнитивный аспект. Межвуз. сб. научн. тр. Вып. 2. Тамбов, 1999. С. 69-75.

18. Чудинов А.П. Политическая лингвистика. - М., 2007.

19. Филиппова М.А. Идеологический концепт «демократия»: на материале лингвокультуры США :дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2007.

Шаблдаева Н.И.

УО «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины», г. Гомель (Беларусь)

e-mail: shabuldaeva@mail.ru

УДК 811.161.1'28(470.333)'373.2:664.66

Брянские названия хлеба

Shabuldaeva Natalia Ivanovna

Gomel State University named after Francisk Skaryna, Gomel (Belarus)

UDC 811.161.1'28(470.333)'373.2:664.66

Bryansk names of bread

Работа посвящена изучению некоторых брянских названий хлеба *The work is devoted to the study of some Bryansk names of bread from*

с ареальной, семантической, словообразовательной точек зрения. Доказывается, что данные названия не являются изолированными, а входят в древнейшие генетические гнезда и словообразовательные типы.

Ключевые слова: название, семантика, говор, территория распространения, славянские языки, праславянский язык, дериват, производное, словообразовательный формант.

the areal, semantic, word-formation points of view. It is proved that these names are not isolated, but are included in the oldest genetic nests and derivational types.

Keywords: name, semantics, speaking, territory of distribution, Slavic languages, pre-Slavic language, derivative, derivative, word-formant.

Брянские говоры русского языка изобилуют названиями хлеба. Они характеризуют данный вид пищи с разных сторон. Это может быть хлеб или продукт из муки, приготовленный особым образом, по каким-то причинам неудавшийся хлеб, хлеб из остатков теста и др. В данной статье исследованы только некоторые из названий хлеба, зафиксированные на Брянщины, а именно: *верэнина*, *пушной хлеб*, *глызвываты хлеб*, *атесливы хлеб*, *кислый хлеб*, *цвильый хлеб*, *закляклое тесто*, *гарэлы*, *прыгарэлы хлеб*, *гарэлік*, *падскрёбак* (*падишкрёбак*), *саскрёбак*. Они рассматриваются с точки зрения семантики, образования и возможных параллелей на территории Славии.

В брянских говорах русского языка лексема *верэнина* обозначает заварное тесто из ржаной поджаренной муки; едят его горячим со свиным растопленным салом (Расторгуев 63). Данная лексема входит в ряд генетически родственных слов, таких как бел. черв. *вярэні* 'тапки, сплетенные по образцу сундучка', *вярэня*, *вярэнькі* 'пастушья сумка, сплетённая из бересты' (Шатэрн. 60), тур. *вярэня* 'кошёлка с крышкой, сплетённая из коры' (ТС I, 116); укр. *вереня* 'маленькая верета (холщевый мешок)' (Гринченко I, 135); укр. *вереница* 'засов в дверях' (Лисенко 20). Наиболее близко в семантическом плане к исследуемому *верэнина* стоит русск. урал. *наверенькать* 'приготовить (пищу)' (СРГСУ II, 158). А.И. Илиади пишет, что в данном случае «явная метафоризация значения 'плести' в 'готовить пищу', очевидно, через какое-то промежуточное звено» [3, с. 11]. На наш взгляд, этим промежуточным звеном может быть незафиксированное **верень* в значении 'пища'. Эта еда, вероятнее

всего, представляла собой жидкую кашу, заварное тесто, то есть пища, во время приготовления которой её ингредиенты постоянно вращались, кипели. Основанием для такого предположения служит русск. *верэнина* [4, с. 131]. Авторы ЭСБМ восстанавливают архетип **verenь* (<**verti*) для обозначения старинной плетёной обуви и плетёной сумы, кошелёки (ЭСБМ II, 322). Можно предположить, что **verenь* уже в праславянский период было многозначным, и одним из значений его было 'пища'. Производное *верэнина* образовано с помощью форманта *-ина* (*-ina*), очень продуктивного в данной тематической группе лексики, наряду с формантом *-ень*. Обнаружено большое число наименований хлеба с этими формантами: русск. *срезень* 'хлебная краюшка' (Даль VI, 306), перм. *наливень* 'пирожок', 'ватрушка' (СРНГ XX, 15), русск. *печень* 'хлебные мучные яства: пироги, блины, пышки' (Даль III, 108-109; СРНГ XXVI, 348); брян. *скавародень* (Запись наша), вит. *скаварадзень* 'пшеничная лепёшка' (Касьпяровіч 281), волог. *сочень* 'круглая тонкая лепёшка, поджаренная в масле' (Бурнашев II, 232), яросл. *сочень* 'круглая тонкая лепёшка без начинки, испечённая из остатков дрожжевого теста, приготовленного для выпечки пирогов на чугунной сковородке в печи' [6, с. 23], бел. диал. *сачэнь* (фонетические варианты *сашэнь*, *сацэнь*, *цацэнь*, *цацні*, *сатэнь* и др.) 'сковородник' (ЛАНБГ IV, карта № 324), укр. *дивень* 'хлеб в виде толстого кольца, пекут на свадьбу для невесты, которая должна сквозь него посмотреть на гостей' (Гринченко I, 381-382), *лежень* 'род большого калача, обрядовый свадебный хлеб' (Гринченко II, 353), *стулень* (*-льня*) 'род пирога без начинки' (Гринченко IV, 222) и др. А.С. Герд отмечает, что суффикс *-ень*, в числе других суффиксов, связан с названиями различных типов пищи в славянских языках [2, с.135]. Формант *-ина* относился к числу очень продуктивных словообразовательных средств ещё в праславянский период [9, с. 120]. В качестве примера можно привести следующие названия хлеба: русск. *печина* 'выпечное изделие: печенье, пироги, блины' (Даль III, 108-109; СРНГ XXVII, 5); русск. *хлебина* 'большой хлеб' (ССРЛЯ XVII, 178), бел. *хлябіна* 'булка хлеба' (БМ IX, 169, 172); русск. *ржанина* (*оржанина*) 'ржаной печёны хлеб' (Даль IV, 101; СРНГ XXIII, 341) и др. Праславянская древность рассматриваемого брян. *верэнина* проблематична по ареальным причинам.

В русских брянских и смежных с ними белорусских говорах, входивших в бывшую Смоленскую губернию, *пушным* называли

хлеб с пушном – мякиной (Расторгуев 223), а также [5, с. 142; 7, с. 454]. В.И. Даль приводит данную лексему без указания места (Даль III, 544-545). Мотивирующим словом для названия *пушной хлеб* является лексема *пух*, имеющая различные значения в славянских языках (‘меховая опушка’, ‘пух’, ‘головня в хлебе’) и уходящая корнями в праславянский язык (**рихъ*) (Фасмер III, 414). Словообразовательный формант *-ьп-*, в свою очередь, может указывать на древнее происхождение лексемы *пушной*, так как данное деривационное средство является древнейшим при образовании прилагательных.

На территории Брянщины обнаружено составное название для засохшего, затвердевшего теста *закляклое тесто* (СРНГ X, 136). Оно входит в ряд наименований с корнем *кляк-*: русск. твер. *клякиши* ‘клейкий комок хлеба’, калин. *клякыш* ‘недопеченный хлеб’, ряз. *кляклый* ‘сырой, непропеченный и твёрдый (о хлебе и других изделиях из муки)’; пенз., урал. *клёклый* ‘непропеченный, сырой и твёрдый’ (СРНГ XIII, 276), влад. *закляклый* ‘плохо выпеченный хлеб’ (СРНГ X, 136). В семантическом отношении приведённые лексемы наиболее близки к группе слов, возведённых к праформам **klekъ*, **klekati*/**kleknQti*, имеющих экспрессивную семантическую базу, которая, по мнению авторов ЭССЯ «подчас остаточно сохраняется и в конечной стадии, где мы имеем не нейтральное значение ‘сохнуть’, а ‘сохнуть определённым образом’ – ‘ссыхаться, черстветь, делаться вязким’» (ЭССЯ IX, 190-192). В формальном же отношении прослеживается связь с корнем **klek-*, объединяющего слова с семантикой ‘нечто кривое, искалеченной, тощее, припадающее на колени, хромое’ (ЭССЯ X, 31-33).

Русск. брян. *глызвываты* для обозначения недоброкачественного, недопеченного хлеба (Расторгуев 44) входит в значительное по объёму генетическое гнездо с корнем **gli-*/**glei-/gloi-* со значением ‘нечто липкое, вязкое’, восходящее к индоевропейскому периоду. Каждая из апофонических ступеней огласовки имеет свои детерминативы.

Индоевропейский вариант корня **gli-* в праславянском языке дал **glъ-* и был расширен детерминативами *-j-* <*-io-* и *-k-*: **glъjъ*, **glъkъ*. Праформа **glъjъ* приведена в «Этимологическом словаре славянских языков» (ЭССЯ VI, 162). От **glъjъ* ещё в праславянском образовано **glъjъkъjъ*, сохранённое многими славянскими языками, в том числе белорусским, в котором *глейкі* имеет значение ‘вязкий, сыроватый, испечённый из недоброкачественного теста хлеб’

(ТСБМ I, 56; ЭССЯ VI, 162; ЛАБНГ IV, карта № 317), а также слов. – *glejovity* ‘то же’ (SSJ I, 435). Праслав. **glьkъ* может быть реконструировано на базе бел. *глѣк* ‘недопеченный хлеб’ (ЛАБНГ IV, карта № 317; ЖНС 40), русск. *глѣк* ‘слизь, гной’. На родство *глѣк* и *глеи* указывал М. Фасмер (Фасмер I, 412). От *глѣк* образовано полесск. *гляцан* ‘недоокисший, неудавшийся хлеб’ (ЖНС 141) с помощью форманта *-ан* (<-ѣн-).

Вариант корня **glei-* ещё в индоевропейскую эпоху был расширен детерминативом *-ĝh-* и в праславянском языке имел рефлекс **gliza*, объединяющий слова со значением ‘что-то клейкое, клейкий комок’ (ЭССЯ VI, 131). В русском, белорусском и украинском языках имеется ряд названий недоброкачественного, недопеченного хлеба с данным корнем: бел. брест. *глізавый, глізову, глізавы, глізавы, глізаваты* (ЛАБНГ IV, карта № 317; ДСБ 46; СБГ I, 449); укр. житом. *глизкий*, диал. *глізавий* (СЛил 16; Гринченко I, 289). В данную ветвь генетического гнезда и входим экспрессивное брянское определение хлеба – *глызвываты* (Расторгуев 44).

Ещё одним русским брянским определением для неудавшегося хлеба является слово *атесливы* (Расторгуев 44). Оно не одиночно, а также принадлежит праславянскому словообразовательному гнезду с корнем **těst-* (**těsto*), уходящему корнями в индоевропейский язык (**toi-s(k)-t-o*), где корень **toi-*, а *-s(k)* и *-t-o-* – суффиксальные элементы) (Черных II, 240-241).

В данную группу входят, кроме брян. *атесливы*, также и сиб. *тесливый*, без указания места *тестятый* (Расторгуев 44; Новосибир. сл. 536; Даль, IV, 450), бел. *ацеслівы* (фонетические варианты *ацесьлевы, ацесьлявы, ацесьлевы, ацесьлівый, цесьлівы, цесьлівый, ацесьліваты, ацесьлевіты, цісяный, цеставаты, цісьняны, цесьцяный* (ТСБМ I, 310; ЛАБНГ IV, карта № 317) с семантикой ‘невыпеченный, сыроватый хлеб’, а также болг. *тист’ан* ‘недопеченный’, ‘вымазанный в тесто’, *тистиник* ‘недопеченный хлеб или другое изделие из теста’ (БД VIII, 171).

Прилагательные *тестяный, тестеный* фиксируются в памятниках старорусской письменности с XV века (Срезневский III, 1094). На словообразовательную структуру бел. *ацеслівы* указывают авторы «Этымалагічнага слоўніка беларускай мовы» (*а-цест-лівы*) (ЭСБМ I, 222). В русских и белорусских формах имеет место упрощение группы согласных на стыке корня и суффикса (*стл* > *сл, стн* > *сн*) и наличие протезы *а-*(<*о-*).

В названии *кислый хлеб* ‘чересчур кислый хлеб’, отмеченном нами в брянских злынковских и смежных с ними гомельских говорах, выделяется формант *-l-*, деривационной базой для него, как и для его синонима гомел. *кісюк* (запись наша), является глагол *кыснути*, *кысьти* [1, с. 153].

В брян. *цвильный* и бел. *цвілы* используются в значении ‘заплесневелый хлеб’ (Расторгуев 280). выделяется тот же формант *-л-* с производящей базой *цвисти*.

На территории Брянской и Гомельской областей записан ряд наименований подгоревшего хлеба: *гарэлы*, *прыгарэлы*, *гарэлік* (Запись наша), *гараны* (Янкова 81-82). Белорусским нормативным наименованием является *гарэлы* (ТСБМ II, 36). Данные наименования входят в праславянское гнездо с корнем **gor-* (Черных I, 204-205) и, без сомнения, принадлежат к ранним.

В брянских говорах имеются лексемы для называния последней булочки из квашни – *падскрёбак* (*падикрёбак*), *саскрёбак* (Расторгуев 185-186). Для них имеются параллели в соседних белорусских, а затем и польских говорах. В гомельских говорах белорусского языка фиксируется лексема *падскрóbка* (вариант *патикробак*) (БМ VI, 140-141; СБГ III, 454), в брестских и гродненских говорах отмечены фонетический и грамматический варианты *падскробак*, *патикрóbак* ‘последний хлеб’ (СБГ III, 320, 454). В данном случае праславянский корень представлен корневым вокализмом **e*-ряда – **-skreb-*. В польском языке выявлена параллель для русско-белорусского наименования: *podskrobek* (*-bka*) ‘калач из остатков теста’ (SW VI, 416), имеющая ступень вокализма **o*-ряда. К этой апофонической ступени корня относится и гомел. *сашкрóbак* ‘хлебец из остатков теста’ (БМ VII, 132). Словообразующим является праславянский деминутивный формант *-k-* с различным вокализмом: *-ьk(ь)* и *-ьk(a)* [1, с. 83-86]. Семантические и формальные параллели для них не обнаружены в других славянских языках.

Исследование показало, что рассмотренные брянские названия хлеба органически входят в славянский фонд данной тематической группы. Это доказывается тем, что семантика их отображает естественные реалии, в частности, неудавшийся, испорченный хлеб, булочки из остатков теста.

В плане своего происхождения они относятся к генетическим гнёздам, широко представленным в славянских языках: **skreb-/skrob-/skrab-*, **gor-*, **těst-*, **gli-/glei-/gloi-*, **klek-*, **klek-*, **vert-*.

В структурном отношении брянские названия хлеба ничем не отличаются от названий из других славянских языков, строятся по одинаковым словообразовательным моделям, продуктивным и в современном русском языке (*надскрѣб-ак, саскрѣб-ак; пушин-ой, атес-лив-ы*) или постепенно утрачивающим свою продуктивность (*вер-эн-ин-а, гарэ-л-ы, кис-л-ый*).

Территория использования данных названий иногда замыкается только брянскими говорами (*верэнина, глызвываты хдеб*), или охватывает соседние русские говоры (*закляклое тесто*), или смежную русско-белорусскую территорию (*пушиной, цивильный хлеб*).

ЛИТЕРАТУРА

1. Варбот Ж.Ж. Древнерусское именное словообразование. – М.: Наука, 1969. 232 с.
2. Герд А.С. Из истории связей псковских говоров с другими славянскими языками и диалектами // Псковские говоры. – Псков: Псков. ГПИ, 1968. Вып. II. С. 127 – 146 .
3. Іліаді О.І. Етимологічне гніздо з коренем **ver-* у праслов'янській мові. – Київ-Кіровоград: ДЛІАУ, 2001. 162 с.
4. Шабулдаева Н.И. Названия хлеба с корнем **ver-* в восточнославянских языках // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. 2007. № 3 (42). С. 130 – 139.
5. Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. – М.: Наука, 1991.– 507 с.
6. Кокарева И.П. Названия выпечных изделий в говорах Первомайского района Ярославской области // Деревня Центральной России: История и современность. – М.: Типография Российской академии сельскохозяйственных наук, 1993. С. 56 – 60.
7. Максимов С.В. Белорусская Смоленщина с соседями // Живописная Россия. – Мн.: Беларуская Энцыклапедыя, 1994. – С. 429 – 472.
8. Полевой А. О языке населения Новозыбковского уезда Гомельской губернии. Менск, 1926. 31 с.
9. Sławski F. Zarys słowotwórstwa prasłowiańskiego // Słownik prasłowiański / Pod red. F. Sławskiego. – Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk: PAN, 1974. T. I. 487 s.

Шаршнёва В.М.

УА “Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. А. Куляшова,
г. Магілёў (Беларусь)

e-mail:kaf_osy@msu.by

УДК 811.161.3'38

**Узаемадзеянне беларускай і рускай моў ў беларускім
інтэрнэт-дыялогу**

Volha Sharshniova

*Mogilev state University named after A. A. Kuleshov,
Mogilev (Belarus)*

UDC 811.161.3'38

**The interaction of russian and belarusian languages in the
belarusian internet dialogue**

У артыкуле ілюструецца ўзаемадзеянне рускай і беларускай моў у віртуальнай прасторы беларускага Інтэрнэту (на прыкладзе каментарыяў да публікацый у беларускамоўнай электроннай версіі газеты “Наша ніва”).

Ключавыя словы: інтэрнэт-дыялог, інтэрнэт-камунікацыя, электронны дыялог, віртуальныя зносіны, рэпліка, білінгвізм, інтэрферэнцыя.

The article illustrates the interaction of Russian and Belarusian languages in the virtual space of the Belarusian Internet (for example, comments to publications in the Belarusian-language electronic version of the newspaper "Nasha Niva").

Keywords: Internet dialogue, Internet communication, electronic dialogue, virtual communication, replica, bilingualism, interference.

На мяжы ХХ-ХХІ стагоддзя адбылося станаўленне і распаўсюджванне новай сферы камунікацыі – сістэмы Інтэрнэт, пры дапамозе якой ажыццяўляецца абмен тэкставай, графічнай, аўдыя- і відэаінфармацыяй без тэрытарыяльных і нацыянальных межаў. З’явіліся новыя віды дыялогавых зносін (чат, форум, ICQ і інш.), якія дазваляюць абменьвацца думкамі ў пісьмовай (пісьмова-друкаванай [7]) форме ў рэжыме рэальнага часу, што прыводзіць да пэўных моўных змен і інавацый.

Даследчыкі электроннага дыялогу адзначаюць яго дынаміку маўленчага ўзаемадзеяння, сістэмнасць абавязкаў яго ўдзельнікаў па

задавальненні камунікацыйных патрэб субяседніка (Л. В. Самойленка) [6]; інтэрактыўны характар, поліфанічнасць і дыстантнасць (А. П. Бялінская, В. А. Ціхамандрыцкая) [1]; крэалізаванасць і гіпертэкставасць з уласцівымі ёй фрагментарнасцю, нелінейнасцю, бясконцасцю, рознароднасцю (В. В. Лутавінава) [5]; адмежаванасць ад іншых сфер камунікацыі, накіраванасць на дасягненне фатычнай мэты зносін, гарманічнае суіснаванне ўнікальных лексічных і граматычных характарыстык (Л. Ю. Іваноў) [4] і інш. А. І. Гарошка сістэматызуе ўласцівасці інтэрнэт-камунікацыі, называючы ў якасці асноўных поліфанічнасць; гіпертэкставыя і інтэрактыўныя магчымасці Сеткі; ананімнасць, дыстантнасць, фізічную непрадстаўленасць, магчымасць далучыцца ў любы момант да зносін у Сетцы або адлучыцца ад іх; адсутнасць інструментаў прымусу; замяшчальны характар зносін, калі ўдзельнікі працэсу камунікацыі імкнуцца атрымаць неабходную інфармацыю пра субяседніка па ніку, аватары, псеўданіме і г.д.; эмацыйнасць; добраахвотнасць і пажаданасць кантактаў у Інтэрнэце [3]. Несумненна важным аспектам “віртуальнай рэальнасці”, на думку Т. Ю. Вінаградавай, “з’яўляецца змяненне ўмоў для ўзаемадзеяння людзей, у тым ліку і на моўным узроўні. Народжаная знешняй рэальнасцю, інтэрнэт-прастора можа існаваць толькі поры ўмове актыўнай чалавечай дзейнасці па яе стварэнні і развіцці. Яна сама па сабе з’яўляецца нічым іншым, як рэальным, жывым чалавечым мысленнем, увасобленым у выглядзе тэксту ў яго новым абліччы, якое сумяшчае ў сабе не толькі слоўнае выказванне, але і колер, гук, графіку і анімацыю” [2, с. 65].

Штуршком да ўзнікнення дыялога ў інтэрнэце можа стаць не толькі падзея грамадскага, культурнага, навуковага, палітычнага жыцця, а таксама любая больш-менш значная маўленчая падзея (выказванне палітыка або дзеяча культуры ці навукі), малюнак, фатаграфія, тэст, рэкламны ролік і інш. Пры стварэнні каментарыяў аўтарам неабходна максімальная канцэнтрацыя маўленчых сродкаў для пастаяннага стварэння рэплік і падтрымання ўвагі да іх. Аднак нават ідэальна аформленая, інфармацыйна насычаная, лагічна і пераканаўча арганізаваная рэпліка далёка не заўсёды можа затрымаць увагу і выклікаць жаданне сканцэнтраваць увагу на строга акрэсленай тэматыцы. Фізічная непрадстаўленасць, немагчымасць бачыць і чуць субяседніка ўплывае на культуру

зносін, на якась самавыражэння і творчай самарэалізацыі і, адпаведна, на разнастайнасць, паслядоўнасць і ўзаемазвязанасць ужытых маўленчых сродкаў – фанетычных, графічных, арфаграфічных, лексічных, фразеалагічных, словаўтваральных, граматычных, пунктуацыйных, стылістычных, структурных, тэкстаўтваральных.

Характэрная для Рэспублікі Беларусь сітуацыя білінгвізму не магла не паўплываць на двухмоўнае афармленне рэплік і, адпаведна, на стварэнне натуральнай і чаканай (хоць і далёка не пажаданай) інтэрферэнцыйнай карціны. Аналіз узаемадзеяння дзвюх моў (беларускай і рускай) прыводзіць да наступных высноў адносна пазіцыі і камунікацыйнай ролі рускай мовы ў беларускім інтэрнэт-дыялогу:

- 1) афармленне рэплікі поўнасцю на рускай мове;
- 2) афармленне рэплікі на беларускай мове з рускамоўнымі ўкрапінамі ў выглядзе асобных слоў, спалучэнняў слоў, словазлучэнняў, сказаў;
- 3) афармленне рэплікі на беларускай мове з выкарыстаннем сродкаў рускай графікі;

Выразным прыкладам, які пацвярджае беларуска-рускае ўзаемадзеянне моў, уяўляецца наступны дыялог, выкліканы публікацыяй « “Нам патрэбен адукацыйны цэнтр”»: ксёндз Уладзіслаў Завальнюк пра рэканструкцыю Чырвонага касцёла ў Мінску», размешчанай у электроннай версіі газеты “Наша ніва” [8] (*Заўвага*: афармленне поўнасцю супадае з арыгіналам):

Бася

06.03.2018 / 13:51

Ок,абсолютно не правы.

костел этот любимый, каждая месса-от 50 прихожан, детей-масса на службах, даже специальные детские есть и мессы на разных языках, значит тожж востребованы прихожанами

учеба вечерняя востребована,а малыши там всегда учились по собственному желанию

Тата

06.03.2018 / 14:30

Ок-мае рацыю, згодзен з ім на усе сто .Няхайпрыбяручьтаргоуло то мёдам ,то чаямі , якая не павіннабыць у Божым доме – колькімесцавысвабадзіцца . А на контнядзельнай-школы,умянебыў шок: навоштанашихдзяцейвучаць у

касцёлеіюдэйскаймалітве "шыма " на іхмове. Мы аддалі дзяцей навучыцца размаўляць і маліцца на роднай беларускай мове, гэтым і вабіў касцёл, але здаецца мы памыліліся. Вось такая вось " засада "

Ок

06.03.2018 / 15:16

Троль вылез нейкі, а Войнилович их сам заработал? Смеху варта. Читайте кто жертвовал. И сейчас, по большому счету, не о том кто построил речь. Войнилович там за это похоронен. Речь не о том.

<...>

Valadimir

16.03.2018 / 13:18

// Андрэй пісаў 13.03.2018 / 11:59 ...Дополнительная пристройка – спросите любого порядочного архитектора – вам ответят, что пристройка необходима с эстетической точки зрения, ее там не хватает. //

Ня трэба хлусіць, уважаемый! Прафесійныя архітэктары на розных пляцоўках выказалі аднадушнае меркаваньне, што гэта трохпавярховая прыбудова зь яшчэ адной вертыкальнай дамінантай – вежай, - **шкодная!** Бо яна разбурае існуючую гарманічную аб'ёмна-прасторавую кампазіцыю комплексу! Мала таго, гэта самавольна запраектаваная касцельным начальствам прыбудова абсалютна прафесійная і страшэнна безгустоўная!

Афармленне рэплікі на рускай мове звычайна сцвярджае моўную пазіцыю камуніканта і ў значнай ступені ўжо само па сабе выражае пэўныя адносіны да іншай (у нашым выпадку – беларускай) мовы. Аднак выбар мовы ўсё ж такі не заўсёды апраўданы катэгарычнай схільнасцю камуніканта да пэўнай мовы. Моўнае афармленне рэплікі можа быць выклікана жаданнем падтрымаць мову суб'яднага або, наадварот, выказаць сваё негатыўнае стаўленне і да яе, і да выказанага зместу. Выкарыстанне ў рускамоўных рэпліках беларускіх (*Троль вылез нейкі, Смеху варта – Ок*), а ў беларускамоўных рэпліках рускамоўных элементаў (*колькі месца высвабодзіцца – Тата; Ня трэба хлусіць, уважаемый!* – Valadimir) таксама можа мець неадназначнае тлумачэнне. Можна дапусціць, што аўтар такім чынам спрабуе не толькі стварыць уражанне вуснай рэплікі, наблізіць абмеркаванне да жывой гаворкі, але і надаць свайму меркаванню адценне іранічнасці.

Спецыфіка графічнага афармлення віртуальных рэплік з элементамі іншай мовы звязана, з аднаго боку, з камп'ютарнымі

наладкамі, з узроўнем валодання камунікантам навыкамі камп’ютарнага набору, а з другога боку, таксама з жаданнем (або, наадварот, нежаданнем) паказаць свае навыкі: выкарыстанне у замест *ў*, *и* замест *і*: *таргоулю размауляць вабіу* (Тата); *нейки* (Ок). Часта рускамоўныя ўкрапленні такога тыпу адлюстроўваюць імкненне камуніканта да максімальна хуткай перадачы сваіх думак у выпадку імпульсіўнага рэагавання на абмяркоўваемую падзею.

Разнастайны (арфаграфічны, лексічны, граматычны) уплыў рускай мовы пры афармленні беларускіх рэплік пацвярджаюць наступныя рэплікі, выкарыстаныя пры абмеркаванні перакладу на беларускую мову хіта Кіпелава “Я свабодны” (*Заўвага*: памылкі падкрэслены аўтарам артыкула):

Маланка

16.03.2018 / 12:35

Шыкоўна!!! Вось як можна ! Без аніякай трасянкі і здзекаў над роднай мовай ! Ад усёй душы падзяка і за тэкст песні , яе аранжыроўку і за выкананне. Высокі узровень !

<...>

ваяр

16.03.2018 / 12:56

жаночы вакал залішні!

пераклад і выкананне бязупрэчна! Дзякую!

<...>

Ясь

16.03.2018 / 13:04

Я занадта пурыстычна , але во яшчэ расеізмы ў тэксце:

<...>

Юрась Беларус

16.03.2018 / 14:57

Класная рэч!

Часта рускамоўныя ўкрапіны такога тыпу адлюстроўваюць імкненне камуніканта да максімальна хуткай перадачы сваіх думак у выпадку імпульсіўнага рэагавання на абмяркоўваемую падзею.

Беларуска-руская інтэрферэнцыя ў віртуальнай прасторы Байнэту, безумоўна, патрабуе належнай увагі. Незалежна ад сферы праяўлення інтэрферэнцыя прыводзіць да парушэння нормаў адпаведных моў. Яе ўзровень залежыць ад ступені авалодання другой мовай, ад умення адрозніваць факты розных моў і інш.

Беларуска-руская і руска-беларуская інтэрферэнцыя – з’ява даволі распаўсюджаная і ў значнай ступені выяўляецца ў віртуальным маўленні, закранаючы вымаўленне асобных гукаў і слоў, пастаноўку націску, формаўтварэнне і словаўтварэнне, выбар слоў і іх формаў, пабудову словазлучэнняў і сказаў. Сёння інтэрнэт з’яўляецца самай важнай і неабходнай крыніцай інфармацыі. Яго такія магчымасці, як апэратыўнасць, хуткасць і даступнасць сувязі паміж карыстальнікамі, дазваляюць успрымаць інтэрнэт як прыладу не толькі для пазнання, але і для зносін. Электронная камунікацыя адрозніваецца ад вусных зносін, што дазваляе гаварыць аб яе адметнасці, спецыфічнасці.

Блізкароднасны характар беларускай і рускай моў выклікае шматлікасць і ўстойлівасць інтэрферэцыйных памылак на той ці іншай мове. Аднак яны, як правіла, не ўплываюць на працэс разумення выказвання. Таму праблема інтэрферэнцыі для беларуска-рускага двухмоўя стаіць пераважна як праблема культуры беларускага і рускага маўлення. У сувязі з гэтым даследванне віртуальнага маўлення павінна абавязкова прадугледжваць зварот да цэлага шэрагу праблем, актуальных пры характарыстыцы любых рэалізацый мовы (маецца на ўвазе захаванне ўсіх тыпаў нормаў – моўных, камунікацыйных, этычных; выяўленне спецыфікі выкарыстання вербальных і невербальных сродкаў).

ЛІТАРАТУРА

1. Белинская Е. П., Тихомандрицкая О. А. Социальная психология личности : учебное пособие для вузов. М.: Аспект–Пресс, 2001. 301 с.
2. Виноградова Т. Ю. // Специфика общения в интернете. Русская и сопоставительная филология: лингвокультурологический аспект. Казань, 2004. С. 63-67.
3. Горошко Е. И. // Лингвистика Интернета: формирование дисциплинарной парадигмы. Жанры и типы текста в научном медийном дискурсе. Орел: Картуш, 2007. Вып. 5. С. 223-237.
4. Иванов Л. Ю. // Язык в электронных средствах коммуникации. Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник. Под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 791-793.

5. Лутовинова О. В. Линвокультурологические характеристики виртуального дискурса: диссертация ... доктора филологических наук: 10.02.19 / Лутовинова О. В. (место защиты: ГОУВПО «Волгоградский государственный педагогический университет»). Волгоград, 2009. 519 с.

6. Самойленко, Л. В. Электронный диалог как особый тип прагматических связей чат-коммуникантов. Вестник Астраханского государственного технического университета, 2015. № 2 (60). С. 94-101.

7. Стаценко Е. С. Графические особенности английской и русской чат-коммуникации (сопоставительный анализ): дис... канд. филолог. наук: 10.02.20 / Е. С. Стаценко. Пятигорск, 2010. 209 с.

8. “Нам патрэбен адукацыйны цэнтр”: ксёндз Уладзіслаў Завальнюк пра рэканструкцыю Чырвонага касцёла ў Мінску [Электронны рэсурс] / Рэжым доступу : <https://nn.by/?c=ar&i=205821#startcomments>. – Дата доступу – 20.03.2018.

9. “Я свабодны”: хіт Кіпелава заспявалі па-беларуску [Электронны рэсурс] / Рэжым доступу: <https://nn.by/?c=ar&i=2056361#startcomments>. – Дата доступу – 20.03.2018.

Шепель Ю.О.

*Дніпровський національний університет імені Олеся Гончара,
Дніпрó (Україна)
e-mail: 123zub@ua.fm*

УДК 81.432.1-3

Фразеологізми як високоінформативні одиниці мови етносу

Shepel Yuri Alexandrovich

Oles Honchar Dnipro National University, Dnipro (Ukraine)

UDC 81.432.1-3

Phraseologisms as high-effective units of ethnos language

У статті порушується питання ролі та місця етно- та лінгвокультурологічних ознак, зокрема фразеологізмів з ознаками кольору в мовах народів

The article raises the question of the role and place of ethno- and linguocultural characteristics, in particular phraseological units with signs of color, in the

пограничні зони. Колір розглядається як один із універсальних кодів творення світу, а назви кольору – складовою частиною мовної картини світу будь-якої культури.

Ключові слова: фразеологізм, кольороніми, етнос, міжетнічна сфера, етнокультурна, світосприйняття, фонові знання.

languages of the peoples of the border zone. Color is considered as one of the universal codes for creating the world, and the name of color is an integral part of the language picture of the world of any culture.

Key words: phraseology, coloronim, ethnos, interethnic sphere, ethnocultural, world perception, background knowledge.

Останнім часом Україна, як і інші країни, зокрема Росія, зіткнулася з загостренням відносин в міжетнічній сфері, з високими темпами акумулювання в ній конфліктогенного потенціалу. Отож постало питання пошуку оптимальної моделі етнокультурного розвитку на сучасному етапі. У цей процес активно включились регіони, бо будь-який регіон кожної країни унікальний, має неповторну етнокультурну специфіку та світобачення.

Це означає, що не існує єдиного для всіх регіонів рецепту вирішення проблем у міжетнічній сфері. У цьому контексті етнокультурна політика, що враховує регіональні особливості, стає значущим фактором стабільності соціуму. Набір широкого кола екстралінгвістичних уявлень є обов'язковим для кожного носія мови. Для тих, наприклад, кому українська мова є рідною, фонові знання є органічними, їх засвоєння від учасника комунікації не потребує особливих зусиль задля розуміння семантики, скажімо, лексем як знаків української етнокультури (пор.: *дереза* – символ сварки (*Дереза в хату вкинулася*) та *Коза-Дереза* – традиційний персонаж українських народних казок (*Коза-Дереза, півбока луплена, за три копи куплена*) чи власне паремій: *Добру людину бджола не кусає; Друга хатка – інша гадка; На те циган матку б'є, щоб його жінка боялася*. Ціннісно-смісловий центр мовних одиниць визначається системою образно-метафоричних засобів та ґрунтується на витлумаченні символів, семантичних вузлів, які своїм концептуальним змістом відображають архетипні уявлення того чи того народу, ознаки його національного світобачення. Особливу роль при цьому відіграють фразеологізми (далі — ФО).

Фразеологія вивчає специфіку фразеологізмів як знаків вторинного відтворення, особливості їх знакової функції та значення властивості структурно-семантичної стійкості та репродуктивності ознаки лексичних компонентів, їх звуковий склад, морфологічну та синтаксичну будову, характер зовнішніх лексико-семантичних зв'язків та форми реалізації у мовному ланцюгу, а також експресивно-стилістичні ознаки, їх системний зв'язок з іншими одиницями фразеологічного складу та зі словами.

Отож, фразеологізм сприймається як загальна назва семантично залежних сполучень слів, які не відтворюються у мові (пор. схожі з ними за формою синтаксичні структури – словосполучення чи речення), а відтворюються в ній у соціально закріпленому за ними стійкому співвідношенні змісту та окремого лексико-граматичного складу. Семантичні зрушення у значення лексичних компонентів, стійкість та репродуктивність — взаємопов'язані, універсальні і відмінні ознаки фразеологізмів. Поняття фразеологічної одиниці визначається на базі ознак структурно-семантичної стійкості, постійного співвідношення даного значення сполучень слів з даним його лексико-граматичним засобом вираження, що є слідством знаходження змісту усього сполучення чи окремих його компонентів, і репродуктивності – у нормативно закріпленому діапазоні варіантності та граматичних видозмін.

Як зазначає І. В. Арнольд, на думку О. В. Куніна, фразеологія — це наука про фразеологізми, тобто про стійкі сполучення слів з ускладненою семантикою, які не утворюються за структурно-семантичними моделями змінних сполучень, що породжуються [1, с. 91; 2].

Фразеологічні одиниці заповнюють лакуни у лексичній системі мови, яка не може повною мірою забезпечити найменування пізнаних людиною (нових) сторін дійсності, і у багатьох випадках з'являються єдиними ознаками предметів, властивостей, процесів, становищ, ситуацій і т. ін. Утворення фразеологізмів послабляє суперечність між потребою мислення та обмеженими лексичними ресурсами мови. У випадках, коли фразеологізми мають лексичні синоніми, вони зазвичай різняться у стилістичному відношенні. Фразеологія — це скарбниця мови. У фразеологізмах знаходить відбиток історії народу, своєрідність його культури та побуту.

Фразеологізми часто носять яскраво національний характер. Поряд із суто національними фразеологізмами можна спостерігати

багато інтернаціональних фразеологізмів. Національний фразеологічний фонд — складне поєднання первісних та запозичених фразеологізмів із явною перевагою перших [1, с. 190]. У фразеоутворенні велику роль відіграє людський фактор, тому велика кількість фразеологізмів пов'язана з людиною, з різними сферами її життєдіяльності. Фактор адресата слугує найважливішим елементом комунікації. Через те людина прагне обдарувати людськими рисами об'єкти зовнішнього світу, в тому числі й неживі. Свого часу Ш. Баллі стверджував: “Вічна недосконалість людського розуму проявляється також у тому, що людина завжди прагне надихнути все, що її оточує. Вона не може уявити собі, що природа мертва й бездушна; її уява постійно наділяє життям неживі предмети, але це ще не все: людина постійно приписує усім предметам зовнішнього світу риси і прагнення, які властиві її особі” [3, с. 221]. В. Г. Гак вніс суттєві корективи до висловлення Ш. Баллі: “Оскільки у центрі уваги людини знаходиться саме вона, звідси її постійне прагнення описати навколишній світ як себе. Мовний антропоморфізм є не залишками первісного мислення, як це стверджують деякі філософи, але загальним законом розвитку засобів номінації у мові” [4, с. 86]. Під мовним антропоморфізмом зазвичай розуміють надання людських рис предметам та проявам неживої природи, небесних тіл, тварин і міфологічних істот [5, с. 119; 6]. Так, наприклад, у збірці паремій, перше видання якої здійснено в 1864 році у Санкт-Петербурзі, фразеологізми та парамії виконують оцінну функцію – характеристику українцями інших націй. Виразна історико-політична оцінка репрезентована в одиницях *Москва слёзам не вёрить; Москва на злиднях збудована, та й злиднями годована*. Відстежуємо і паремійні паралелі із соціокультурною оцінкою життя українського й польського етносів: *Як Польща знов настане, тогди Марія Тереса з пекла вийде; Од Києва до Кракова всюди біда однакова; Піти до Кракова, всюди біда однакова; піти й за Карпати, то треба бідувати*.

Отак, фразеологізми можна кваліфікувати як високоінформативні одиниці мови; вони не можуть розглядатись лише як “прикраса” або “залишки” давнього мислення. Фразеологізми слід сприймати як одну з мовних універсалій, тому що немає мов без фразеологізмів.

Фразеологія будь-якої мови характеризується своєю багатовіковою історією. Отже, фразеологія — це надзвичайно складне явище, вивчення якого потребує свого методу дослідження, а також вико-

ристання даних інших наук — лексикології, граматики, стилістики, фонетики, історії мови. Предметом фразеології як розділу мовознавства виступає дослідження категорійних ознак фразеологізмів, на базі яких вирізняються основні ознаки фразеологічності та вирішуються питання про сутність фразеологізмів як особливих одиниць мови, а також виявлення закономірностей функціонування фразеологізмів у мові й

Фразеологізми є справжньою окрасою мови, одним із невичерпних джерел створення образності, носіями життєвого досвіду тієї чи тієї нації, адже вони яскраво відображають спостереження народу за навколишнім світом. Це безпосередньо зумовлює особливості вживання фразем у мовленні. У будь-якому художньому творі чи у публіцистичному виданні можна дослідити наявність фразем, які використовуються, перш за все, з метою надання текстові експресивного забарвлення, образності та емоційності. Насамперед, у художніх та публіцистичних текстах автор за їхньої допомоги акцентує увагу на героях розповіді, допомагає читачеві краще зрозуміти їхній емоційний стан. Важливим прагматичним аспектом ужитку фразеологізмів, особливо в публіцистичних текстах, можна вважати «емоційне послаблення» мовлення, насиченого подіями та фактами. Адже мовна ситуація, в якій було вжито фразеологізми, запам'ятовується надовго, бо в запам'ятовуванні бере участь емоційна пам'ять, яка до певної міри може бути сильнішою за інші види.

У процесі вжитку у мовленні окреме місце займають фразеологізми, до складу яких входить назва кольору. Такі ідіоми мають особливе психологічне значення, адже сприймання кольору пов'язане із зоровими відчуттями, вивчення фразеологізмів із колоронамімами створює підґрунття для розвитку уяви. Образ, який породжує фраза з назвою кольору, дуже легко уявити. А хист щось зорово уявляти позитивно впливає на запам'ятовування, що має велике значення при вивченні тієї чи тієї мови. Отже, такі вислови розвивають пам'ять. Не можна переоцінити процес мислення в ході навчання, в якому матеріалом для розв'язання завдань являються образи; ними знову-таки можуть слугувати фраземи з колоронамімами. Саме з цієї причини лексика на позначення кольору вже декілька десятиліть привертає увагу дослідників. Належна увага приділяється вивченню її семантичного багатства, розбіжності її джерел походження.

Загалом, колоронаміми, або кольороназви, визначаються як лексеми, денотативним значенням яких є ознака кольору.

Філологічні дослідження національної колористики мають тривалу історію, представлені різними підходами, методами та завданнями. Аналіз лексико-семантичної групи кольору здійснювався на матеріалі багатьох мов та за різними напрямками: зв'язок і взаємодія між концептуалізацією кольору носіями мови і розвитком словника кольороназв у мові (Б. Берлін, П. Кей, Т. Прістлі), колір у світлі психолінгвістики (О. П. Василевич, Р. М. Фрумкіна, А. А. Залевська), історія виникнення та розвитку “колірних” лексем (М. І. Чикало, О. М. Дзівак) та ін.

Так, скажімо, чорний колір є «кольором сажі, вугілля» і має постійно негативні асоціації у свідомості того чи того народу. Він є символом страху, смутку, зла, ненависті. Підтвердженням цього слугують фразеологізми: укр. *на чорний день, чорна справа, на чорну годину*, рос. *на черный день копить, черным словом ругать, в черном свете*, пол. *czarna melancholia, na czarną godzinę, czarne myśli*. Про осіб, які перебувають у сварці говориться, що між ними *чорна кішка пробіглася* (рос. *черная кошка пробежала*). Особу, яка ганьбила кого-небудь або суспільство і негативно відрізнялася від оточуючого середовища своєю поведінкою називають *чорною віцею* (пол. *czarna owca*). Слова, які вказують на білий колір також вживаються складі сталих порівнянь усіх мов. На противагу чорному білий колір є символом досконалості, правди, життя, святості, світла. При цьому деякі ФО виявляються еквівалентами, оскільки вони співпадають по образному сприйнятті реалій, але відрізняються одним із компонентів, наприклад, *білий як молоко – белый как снег – biały jak alabaster* і *білий як полотно – белый как полотно – biały jak płótno*. Про несхожу на інших особу українці та росіяни називають *білою вороною / белой вороной*. Натомість, скажімо, поляки фразеологізм *biały kruk* вживають на позначення рідкісного екземпляру книжки, публікації. Про щось незнане, неописане або замовчуване з певних причин говориться у еквівалентних фразеологізмах *біла пляма – белое пятно – biała plama*. «Біле» і «чорне» у фразеології уживається для позначення невиразності (укр. *ані біле, ані чорне*; пол. *białe, ani czarne*), або, навпаки, – виразності, контрасту (укр. *чорним по білому*, рос. *черным по белому*, пол. *czarne na białym*).

Часто-густо у мові зустрічаються ФО з колоритивом *зелений* на позначення «молодості, юності, недосвідченості», пор.: укр. *молодий та зелений*, рос. *молодо-зелено*, пол. *zielone lata, ktoś ma zielono w głowie, nie mieć zielonego pojęcia*. Зелений колір слугує сигналом

переваги, дороги без перешкод: укр. рос. *зелена вулиця, зеленая улица*, пол. *zielone światło*. У цікавий спосіб українці називають стан сильного алкогольного сп'яніння – *до зелених чортиків*, а росіяни — *напиться до зеленого змія*.

Золотий колір в мовах граничних з Україною країнах висвітлює лише позитивні асоціації, пор.: *золоті руки – золотые руки – złote ręce, золота душа / серце – золотая душа – złoty człowiek/ serce*. Проте фразеологізмів із сірим кольором замало. Словник української мови нотує один застарілий фразеологізм *сіра свита*. У такий зневажливий спосіб називали бідного селянина. У польській мові відомим є стале словосполучення *szara eminencja*. Цей фразеологізм означає малопомітну особу, яка має великий вплив на вирішення певних справ. Російська мова не має жодного фразеологізму з цим кольором. Фразеологічні одиниці з лексемою «синій, голубий» здебільшого висвітлює характерологічні особливості людини. Пор.: рус. *синий чулок* и укр. *синя панчоха* (про жінку, яка цілком занурена в читання книжок, яка надає перевагу мисленнєвій діяльності, неприваблива через відсутність жіночності).

Для людини колір є не просто об'єктивною характеристикою, але й моральною, естетичною категорією, яка виражає оцінки, норми, установки. Фразеологізми з використанням кольору супроводжуються оцінними конотаціями, у зв'язку з чим вони співвідносяться з ціннісною картиною світу окремої національної культури [1, с. 351; 2].

Загалом, входячи до складу фразеологізмів, назви кольорів у деяких випадках втрачають своє первинне значення (ознака кольору) і набувають зовсім інших семантичних відтінків, при цьому відбувається переосмислення значення самого виразу. Фразеологія переважно свідчить про своєрідне етнонаціональне бачення і сприйняття світу. Однак не дивлячись на своєрідну мовну форму відображення одних і тих самих близьких реалій і понять, люди (носії різних мов) завжди знаходять взаєморозуміння завдяки однаково мисленню. Відповідність розглянутих фразеологізмів з компонентами-кольорами (нехай навіть і часткова) доводить, що і такий тип мислення людини, як образне мислення, завдяки якому виникають ФО, також може мати цілком відносну основу.

У подальшому дослідженні колоризмів можливе в плані розширення емпіричного матеріалу, у детальньому вивченні семантики та етимології фразеологізмів з компонентами-колоризмом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнольд И. В. Лексикология современного английского языка. М., 1999. 418 с.
2. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка. М., 1990. 390 с.
3. Ашукин Н. С., Ашукина М. Г. Крылатые слова. М., 2000. 290 с.
4. Балли Ш. Английсукая стилистика / пер. с англ. К. А. Долинина. М., 1961. 407 с.
5. Белявская Е. Г. Семантика слова. М., 2004. 391 с.
6. Ковальська І. В. Колористика як перекладознавча проблема на матеріалі українських і англомовних художніх текстів : (авто-реф. дис. канд. філол. наук). Київ. 2001. 25 с. [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://disser.com.ua/contents/4019.htm>

Яковлева О.В.

*Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова,
г. Одесса (Украина)*

e-mail: olga.yakovleva.1920@gmail.com

УДК 811.161.1'37'255:165.212:398.8(=16)

Символічні значення лексем у народній поезії слов'ян (на матеріалі російськомовних перекладів)

Yakovleva Olga

Odessa I.I. Mechnikov National University, Odessa (Ukraine)

UDC 811.161.1'37'255:165.212:398.8(=16)

Symbolic meaning of lexemes in the slavic folk poetry (on the material of russian translation)

Стаття посвящена описанию символических значений отдельных лексем в народной поэзии славян. Русскоязычные тексты-переводы усного народного творчества берегли общеславянскую символику огня, воды, растений, животных и т.д. Особое внимание уделено тра-

The article deals with the description of the symbolic meanings of individual lexemes in the Slavic folk poetry. Russian texts-translations of the oral folk poetry have preserved the Slavic symbolism of fire, water, plants, animals, etc. Particular attention was paid to the transformation of

нформациям символических значений, обусловленных национальной спецификой.

Ключевые слова: славяне, венеты, анты, символическое значение, мифологическое мышление, символика растений, акциональные символы.

symbolic meanings due to the national specifics.

Key words: Slavs, Venethi, Antes, symbolic meaning, mythological mind, plant symbols, actional symbols.

Зародження слов'янського етносу, спільність у світогляді, спорідненість мов вивчали різні науковці, зокрема й відомий український лінгвіст В. Таранець [10]. Про загадки слов'янського етногенезу, проблему антів та їхньої духовної спадщини писали в кінці минулого століття автори збірки «Слов'янський і балканський фольклор» [6].

В. Таранець проаналізував походження етнонімів *слов'яни* / *склавіни*, *венети* і *анти* та дійшов висновку, що «розпад арійської мовної спільноти, або давньоєвропейської мовної сукупності, привів до виділення протослов'ян і зародження самоназви цих племен. Поява етноніма *слов'яни* засвідчує, що ці племена мали свою територію проживання, свої звичаї, відзначалися специфікою своєї мови порівняно з іншими мовами» [10, с.199]. Науковець припускає, що цей процес відбувався в час зародження європейських та інших етносів і припадає на II тис. до н.е. [там само].

Дослідники усної народної творчості слов'янських народів у 80-х роках минулого століття писали, що процес розподілу слов'янських племен і мов відбувався в середині першого тисячоліття нової ери [7, с. 6].

Але вже в середині I тис. до н.е. існувало три групи слов'янських племен: *склавіни* (слов'яни), *венети* і *анти*. В результаті воєн, міграції, повної дивергенції великої кількості малих племінних груп зникає спочатку наймення *анти*, а потім і назва *венети*. «Лише етнонім *слов'яни* як вихідний і найбільш давній та єдиний для всіх слов'янських об'єднань залишився у вигляді назви всього слов'янського етносу» [10, с. 212-218].

Об'єктом представленої статті було символічне значення окремих лексем, які є частотними у традиційній народній поезії слов'ян. Предметом стали процеси трансформації у значенні вербальних і акціональних символів у зазначених контекстах.

Вибір мовного матеріалу – переважно російськомовні переклади текстів народних пісень східних, західних і південних слов'ян – для даної роботи зумовлено висновками відомих українських фольклористів. Так, зокрема Н. Шумада, дослідниця усної народної творчості слов'ян, посилаючись на праці перших славістів (В. Караджича, Д. і К. Миладинових, Ф. Челаковського та інших), писала, що спорідненість слов'янського фольклору переконливо простежується саме на пісенному матеріалі [13, с. 5].

Народні пісні як жанр вивчала Л. Копаниця. Вона ж навела відомі вислови, що пісня – це істина, і що в жанрі народної поезії реалізується певна концепція дійсності [4, с. 75-76]. Важливим елементом для пісні є мотив або тема: «Існуюча методика каталогізації народної лірики стверджує мотив основним елементом тексту..., мотив можна порівняти з окремими психологічними феноменами, з архаїчними уявленнями міфологічного типу» [там само, с.94].

Отже, виділивши для аналізу в пісенному фольклорі слов'ян деякі тексти, ми можемо проаналізувати не тільки трансформації у традиційних символічних значеннях окремих лексем, а й зануритись у міфологічне світорозуміння далеких предків слов'ян.

Значення символів у слов'янських народних піснях дослідив у 1860 р. О. Потебня в магістерській дисертації «О некоторых символах в славянской народной поэзии» [5]. Відомий науковець вказував на «хід лексичного розвитку», який ми розуміємо як певні трансформації у символічному значенні. О. Потебня припускав, що такий процес виглядав приблизно так: нові поняття, що закріплювались у свідомості народу, в мові, як правило, позначались вже існуючими звуковими комплексами, які мали певне значення. Підґрунтям для цього була спільність основних ознак у нових поняттях і тих, які вже були. Зважаючи на те, що в природі не існує повної тотожності, до відомої ознаки у новому значенні слова додавались особливі відтінки, і звукова оболонка лексеми, зливаючись з новим поняттям, теж змінювала своє первинне значення. В результаті таких трансформацій відбувались численні нашарування, що, в свою чергу, віддаляло нове значення від основної ознаки, яка була колись очевидною. Однак у мові відбувається не тільки процес руйнації, а й створення. О. Потебня звернув увагу на постійну потребу носіїв мови відтворювати колишні й уже частково забуті значення деяких слів і вважав, що саме ця потреба була однією з причин утворення символів *(або лексем із символічним значенням – О. Я.)* [5, с. 5].

Зараз укладаються різні словники символів і, на перший погляд, немає потреби лінгвістам робити символічні значення об'єктом своєї уваги. Однак сучасні дослідники феномена значення взагалі й феномена символу зокрема звернули увагу на таке: по-перше, будь-яке лексикографічне значення слова за своїм об'ємом є значно меншим, ніж реально існуюче у свідомості носіїв мови значення цього ж слова [9, с. 137].

По-друге, лінгвістичних словників символів ще дуже мало; і вони або не відповідають базовим лексикографічним вимогам, або є недостатньо систематизованими й дуже скороченими. Н. Слухай у свій час писала, що символ використовує репертуар відомих форм, наповнюючи їх глибинним змістом, який відкривається лише тому, хто володіє мовою символічного Всесвіту. Для більшості інших вербальний символ має лише профанний зміст. Отже, пізнання природи символу, який є надзвичайно складним феноменом, – це, в першу чергу, осмислення стійкої у часі та просторі досить обмеженої кількості форм, які є безмежними у виявленні смислів міфопоетичної мови [8, с. 172-173].

Зважаючи на основоположний принцип міфологічного мислення далеких предків – *все в усьому*, – можна припустити, що потенційно символічне значення закладено в кожному слові, а от його реалізація або проявлення залежать від екстралінгвальних факторів. Наприклад, символічні значення *вогню* і *води* зумовлені їх необхідністю в житті людини; вогонь, як відомо, був богом. Д. Фрезер наводить приклад із життя мексиканських індіанців, які сповідаються Діду Вогню, і там є поняття *чисте божественне полум'я* [12, с. 29-30]. Прадавні символічні значення дерев і птахів збережені у міфах і літературних творах. Так, орел був птахом Юпітера, дуб – його священним деревом [там само, с. 162]; більшість символів кохання і шлюбу пов'язана з квітами, що ростуть в тій чи іншій місцевості [там само, с. 168]; вагітна жінка могла сприяти багатому врожаю; і греки, і римляни вагітних приносили в жертву богиням злаків і землі, а безплідна жінка, навпаки, негативно впливала на врожай [там само, с. 34-35].

Спільність символічних значень у слов'ян зумовлена історією та еволюцією свідомості. Наша позиція щодо розмежування національних особливостей у віруваннях і обрядах слов'ян збігається з точкою зору видатного дослідника української етнографії та етнології Степана Килимника, який був переконаний, що стародавня куль-

тура протягом віків і тисячоліть розвивалась у всіх народів майже тотожно, і це доводять сучасні науковці: «Займаючи територію від Волги і до Карпат, арії становили собою мовну і етнічну спільність» [10, с. 259]. Дійсно, всі народи мали культ Сонця, всі мали культ покійників, усі мали свята воскресіння природи. Але кожний народ, кожна нація, зважаючи на свої географічні, природні, економічні умови та умови сусідства з іншими народами (більш чи менш культурними), мала відмінність у розвитку своєї первісної культури. Однак жодний етнограф неспроможний подати вичерпно картину того далекого життя, тієї первісної культури – вірувань, ритуалів, пісень, чарувань тощо. С. Килимник справедливо пише про те, що навіть на території Русі-України стародавня культура, вірування не розвивалися однаково [3, с. 350-351].

У даній статті ми звернули увагу на національні особливості, що збережені у пісенних текстах і зумовлені, як нам здається, трансформаціями у традиційних символічних значеннях.

Піч з давніх-давен є символом благополуччя в родині, вона набувала антропоморфних рис у весільних піснях при випіканні короваю: *Наша піч теркотет, чогось она хочет, хоче она раю, красного короваю* [11, с. 171]. Процес збільшення і зростання коровайного тіста як на столі, так і в печі мав символічне значення зростання благополуччя молодій сім'ї, збільшення кількості її членів за рахунок дітей, які, підрастаючи, позитивно впливали на достаток родини. В українських піснях співають про неймовірно великий коровай, який не вміщується в печі; або він настільки «виріс» у печі, що її треба рубати, щоб його витягти: ... *Буде ся весілля починати, будемо короваєц саджати, подайте ж мені вострого меча, будемо рубати впіл каменного печа, будемо в тім містеньку ладовати, где маємо короваєц саджати* [11, с.174]; *Ковалю-коваленьку, зроби нам секіреньку, будемо піч рубати, коровай добувати!* [там само, с. 176].

Загальновідомим є пряме значення дії *руйнування печі* у міфологічній свідомості – це знищення родинного вогнища; ширше – родини в цілому. Символічне ж значення в обрядових піснях набуває позитивних конотацій.

У словацькій колядці значення такої дії пов'язано із благополуччям сім'ї, що передається символічним руйнуванням печі: *Вам желаем в Новый год, чтоб у печки выпал бок, чтобы печка развалилась, чтоб корова отелилась, чтоб свинья опоросилась* [7, с.22].

У всіх слов'ян розповсюджена рослинна символіка, що означає парубка і дівчину: у російських піснях, які віщують весілля: *Вился клен с березою – не развился, ладу, ладу!* [7, с. 26]. *Серая капуста – зеленый кочанок. Они сойдутся, не разойдутся* [там само]. У поляків на Івана Купала співали: *А как быть не может сок без древесины, так и быть не может парень без дивчины* [7, с. 44].

Сосна як вічнозелене дерево має символічне значення довголіття, дівчини, парубка і всієї родини: *«В сыром бору сосенка зелененька, а я у вас, матушка, молоденька...»* (російська народна пісня) [7, с.286]. *Добрый день, хозяин! Дай вам бог хороших гостей! На дворе у вас зеленая сосна, за нее привязан вороной коник, на конике седельце, на седельце ваш сыночек, на сыночке серебряный пояс...*(словацька колядка) [7, с.24].

На день Зеленого Юрія у Словаччині діти ходили по селу, закликаючи весну і просили винагороди. Якщо їм нічого не давали, то вони співали: *У ворот сосна, упадет она, ваши ворота из болота, ваша хата мышами богата...* [7, с. 39].

У болгар це ж дерево символізувало братів: *Две сосенки рядом выростали, между ними тоненькая елка, сосны росли высоко над лесом, закрывали тоненькую елку от злых бурь и от холодных ветров, чтоб верхушку ветры не сломали, чтобы бури ветки не сломали. То не были две сосны высокие, а то были два родных брата, а меж ними сестрица Елица...* [7, с.318].

Із родючістю землі, гарним врожаєм, жнивими тощо пов'язані наступні символічні значення: *Пора же, мати, жито жати, ох, и колосок налился. Колосок налился! Пора же, мати, дочку дати, ох, и голосок сменился* [7, с.46]. Налитий колос у російському фольклорі стає символом дівчини, яка вже готова виходити заміж.

Символічного значення в кінці жнив набувала так звана *борода* – нескошений рядок зернових, який залишали як жертву землі, що вродила гарний урожай. По чистому полю каталися й кохалися парубки й дівчата, символічно підсилюючи родючість землі: *Уж мы вьем-вьем бороду у Василья на поле, завиваем бороду у Ивановича нашего на ниве великоей, на полосе широкоей!* [7, с. 46]. *Ходил козел по меже, ходил козел по меже, дивовался бороде: «А чья й-то борода, а чья й-то борода черным шелком повита! (3 рази – О. Я.), сытой-медой полита?» «Иванова борода (2 р.) черным шелком увита (3 р.), сытой-медой полита. Марусенька, не лежи (2 р.), ему бороду облизжи!»* [там само].

З україномовної збірки слов'янських пісень зроблено переклад з аналогічним символічним значенням: *Вот тебе, борода, хлеб, соль и вода. – Ой, чьи ж то жнецы все шелудивцы? – Ивановы жнецы все шелудивцы: жита не сжали, серпы поломали...* [7, с.47].

У словацьких, українських, польських піснях були виділені такі акціональні символи: *орати землю* – парубок кохається з дівчиною; *дівчина напуває коня* або *дає напитися води парубкові* – вона згодна на кохання: *Буйный овес под горой, косит его парень молодой. Эх, коси, коси, пока нет росы! Парень косит, парень косит, а девица ему воду носит. Коса неотбитая, тут бугор, тут яма, эх, все ж ладно он косит, эх, ведь девица ему воду носит* [7, с. 297]; «*Парень, парень, что же ты не пашешь? Или волики устали, или ты не можешь?*» «*Девушка, девушка, я бы попахал, если бы ты погоняла, а я тебя целовал*»... [7, с. 293]; *У дороги верба, под вербой вода. У ворот стоит девка молода. «Моя дорогая, напои коня». «Не могу я напоить, не твоя жена»* [там само]; *Говорил меня возьмешь, только жито ты сожнешь, ты и сжал уж и связал, сироте свет завязал* [там само].

«*Вода із студеної криниці*» мала символічне значення дівочої цноти: *Заручена Настя, заручена молодая. Подай, Настенько, водици із студеної криници, моя водица дорога - дорожча меду і вина: по місяцю вичерпана, по ясній зорі несена, бо моя водица дорога - дорожча меду і вина* [11, с. 164].

Історію перекладів сербохорватської пісні в Україні дослідив М. Гуць [2]. Автор зауважив, що до цих пісень зверталось чимало українських перекладачів і дослідників, зокрема М. Шашкевич, Я. Головацький, І. Франко та інші. Перекладів, переспівів та оригінальних творів, написаних за мотивами сербохорватських пісень в Україні, – як зазначив дослідник, – вистачило б не на один том. Сербохорватська пісня на українському ґрунті зазнавала нерідко складних художніх переробок, переживала своє друге народження. З часом вона так тісно спліталася з українською народною творчістю, що, на перший погляд, сприймається як оригінальний витвір українського народу [там само, с. 3- 6].

У сербохорватському фольклорі зафіксовано символічне значення наступних дій: віддавати своє обличчя – погоджуватися на поцілунок; холодну воду – своє кохання – віддає не дівчина, а парубок: *Жатву жала красота-девица: золота рука, а серп серебрян. Когда было около полудня, то запела красота-девица: – Кто за*

мною снопы вязать бы начал, белое лицо ему дала бы, а кто б мне воды принес холодной, черные ему дала бы очи; а кто мне бы холодок устроил, я ему была б женою верной. Думала она – никто не слышит это, но пастух овечий все услышал: розозом снопы он повязал ей, из орешника ей холодок устроил и принес он ей воды холодной, а потом сказал красе-девице: – Дай, девица, что ты обещала! Но девица все ж была коварной, молодцу она так отвечала: – Молодой пастух, ступай отсюда! Если ты снопы все повязал мне, – твои овцы по стерне ходили; если ты принес воды холодной, – то и сам студеной ты напился; если ты мне холодок устроил, – то и сам под ним ведь отдохнул ты [7, 55].

Вода в народних піснях часто має символічне значення життя взагалі. У сербохорватській пісні дівчина, миючи своє личко, розмірковує про майбутню долю. В залежності від того, хто буде її цілувати – старий чи молодий, – вона б вичавила воду з полини або з рожі і залишила б на обличчі тільки гіркоту або пахощі: *Коб я знала, личко моє, личко! Що тя старий буде цюловати, пішла би я горою зеленою. Весь полин-бим по горе зібрала, из него-бим воду вицідила, мила бим тя нею в кожний ранок; як стар поцілує, що-бись гірке було. А коб знала, личко моє, личко! Що тя молод буде цюловати; пішла-би я у зельник зелений, всю би рожу в зельнику зібрала, так би з неї вицідила воду, мила-бим тя нею що заране, щоб, як поцілує, молодому пахло, щоб му пахло и миленьке було...* [цит. за М. Гуць, с. 17]. У контексті ми відмічаємо наступні трансформації символічних значень: *вода – рослина* (має позитивні й негативні конотації) – *дівчина* (живе зі старим – гірка доля; живе з молодим і розквітає, як рожа).

Всім слов'янам відомі символічні значення у назвах рослин: *Цвели, цвели цветики да поблекли, любил, любил милый друг да покинул* [7, с. 286]; *К венцу мы идем, два цветочка везем: под зеленым венцом Марысенька с молодым* [там само, с. 67]. *Цветанка* – «цвєтя», а по-руськи «цвєток». *Глаза твои карие, карие... Я завтра уеду к себе на восток, а ты остаешься в Болгарии* [цит. за Шумадою, с. 190]; *Ай, хмель, хмелечек, хмель зеленый, лучше тебя нету ничего на свете. Если б ты, хмелечек, на тын не лез, ты бы не делал из девушек невест. Но ты, хмелечек, по тыну ползешь, не у одной девушки веночек возьмешь. А когда, хмелечек, ты зазеленеешь, нет на свете ничего милее. А когда, хмелечек, листочки распустишь, этим ты, мой милый, девушек погубишь* [7, с. 72]; *Ой, крушина, крушина, меня*

иссушила. Ты выросла в полюшке на мою недолюшку. Как ты распускалася, я с милым встречалася; как ты ягодилася, я с милым сходилася; как ты осыпалася, я с милым рассталася... [там само, с. 290]; ... Покрывался явор зеленым листом, молодая Марыся – беленым платком [там само, с.71].

Загальновідома символіка голуба і голубки як закоханих парубка і дівчини: – *Сидит голубь на дубку, голубка на вишине. Скажи, скажи, девчоночка, что держишь на мысли...* [7, с.291]; сиві або сизі голуби набували символічного значення чоловіка і жінки, батька й матері: *С богом оставайтесь, батюшка милый, спасибо за все вам, голубчик мой сизый; с богом оставайтесь, матушка милая, спасибо за все вам, голубка сизая* [7,

с. 72]. Л. Васильєва, відомий український славіст, виділила таку символіку птахів: *голубка* у мусульман-босняків – це символ праведності, миру та згоди; *сокіл* у хорватів має символічне значення рятувальника й захисника, що вбиває нападника – орла та ворона [1, с. 19].

Аналіз навіть незначної кількості лексем із символічним значенням у перекладах поетичних текстів усної народної творчості слов'ян підтверджує спільність у світогляді цих народів, а трансформації символічних значень свідчать про національну специфіку світорозуміння. Подальші розвідки в цьому плані на матеріалі оригінальних фольклорних текстів різних жанрів будуть суттєвим внеском у розвиток такої галузі знань, як символіка.

ЛІТЕРАТУРА

1. Васильєва Л. П. Національно-культурна ідентичність та етнокультурні асоціації // Мовознавство. - № 1. – 2016. – С. 11-22
2. Гуць М. В. Сербохорватська народна пісня на Україні. – К.: «Наукова думка», 1966. – 206 с.
3. Килимник С. Український рік у народних звичаях в історичному освітленні : [у 3 кн., 6 т.]. Кн. 2, т. 3 : Весняний цикл; т.4 : Літній цикл / С. Килимник. - Факс. вид. - К.: Обереги, 1994. – 528 с.
4. Копаниця Л. М. Поетичний текст в усній і книжній традиції : питання поетики та художньої семантики : навч. посіб. / Л. М. Копаниця. - К. : Видавничо-поліграфічний центр «Київський університет», 2010. - 397 с.

5. Потебня А. А. Символ и миф в народной культуре / А. А. Потебня ; сост., подг. текстов, ст., коммент. А. Л. Топоркова. – Москва: Лабиринт, 2007. – 480 с.
6. Славянский и балканский фольклор. – М.: «Наука», 1971. – 252 с.
7. Славянский фольклор. Тексты / Составители Н. И. Кравцов, А. В. Кулагина. – М.: Изд-во МГУ, 1987. – с. 376.
8. Слухай Н. В. Символ в кругу смежных и близкородственных понятий // Слово. Символ. Текст: Сб. науч. тр., посв. 80-л.проф. М. А. Карпенко / Под общей ред. проф. Е.С. Снитко и проф. Л. П. Дядечко. – Киев, 2006. – С. 172-183.
9. Стернин И. А. Значение и концепт: сходства и различия / И. А. Стернин // Общение. Язмовое сознание. Межкультур-ная коммуникация : сб. ст. / Ин-т язмовознания РАН. - Калуга : КГПУ им. К. Циолковского, 2005. - С. 135-143.
10. Таранець В. Г. Арії. Слов'яни. Руси : походження назв Україна і Русь : монографія / В. Г. Таранець. - Одеса : ОРІДУ НАДУ, 2004. - 296 с.
11. Українські народні пісні в записах Зоріана Доленги-Ходаковського. - К. : Наукова думка, 1974. - 782 с.
12. Фрэйзер Дж. Дж. Золотая ветвь / Джеймс Джордж Фрэйзер; пер. с англ. М. К. Рыклина. – М.: АСТ: Астрель, 2011. – 767 с.
13. Шумада Н. С. Сучасна пісенність слов'янських народів. – К.: «Наукова думка», 1981. – с. 264.

ОНИМЫ КАК СОСТАВЛЯЮЩИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА СЛАВЯНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

Герасименко И.А.

*ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»,
г. Горловка (Донецкая Народная Республика)
e-mail: iragerasimenko@mail.ru*

УДК 81 '373 ' 2

Эргонимное пространство современного Крыма

Gerasimenko Irina Anatolevna
*Gorlovka Institute for Foreign Languages,
Gorlovka (Donetsk People's Republic)*

UDC 81 '373 ' 2

Ergonimicon of the modern Crimea

Работа посвящена исследованию эргонимикона современного Крыма. Цель работы – описать языковые средства актуализации ключевых кластеров эргонимного ландшафта крымского полуострова.

Ключевые слова: эргонимия, дискурс, концептуальное поле, Крым, номинация.

The article deals with the characteristics of the ergonimicon of the modern Crimea. The aim of the article is to describe the language means used for the actualization of ergonimicon key clusters of the Crimea.

Keywords: ergonimicon, the Crimea, geographical and cultural peculiarities, nomination, discourse, conceptual field.

Процессы глобализации, охватившие мир в к. XX–н. XXI вв., развитие деловых и культурных контактов между разными странами, взаимопроникновение языков и культур, как в зеркале, отразились в современном русском языке. Социально-экономические и политические изменения в жизни российского общества начала XXI в. Сказались на состоянии языка, нашли отражение во всех областях его функционирования, в том числе и в сфере эргонимии.

Каждый регион представлен своим специфическим эргонимиком и способами его актуализации. Современная эргонимия

Крыма имеет своеобразные черты, обусловленные «факторами глобализационного, географического, культурно-исторического, а также политического характера, вызванного сменой государственности» [1, с. 172]. Цель работы – описать лингвистические особенности эргонимного пространства Крыма.

Эргонимия современного Крыма как сложный лингвосоциальный и лингвокультурный феномен связана с доминирующим дискурсом этого южного региона – дискурсом отдыха, солнца и моря. Концепты «курортного» кластера явились «ономасиологическим основанием» для широкого списка эргонимов, в числе которых *санаторий «Парус», пансионат «Бригантина», санаторий «Морской прибой», вилла «Голубой залив», санаторий «Южный»* и под. С концептуальными полями ‘отдых’, ‘солнце’, ‘море’ соотносятся и эргонимы *База отдыха «Волна», Санаторий «Южнобережный», Гостевой дом «Солнечный берег», Санаторий «Морской прибой», Центр отдыха «Жемчужный берег».*

Крым – это и не только курортный, но и исторический регион со сложной тканью культурных означающих. Ввиду этого его тексты насыщены эргонимами типа *Президент-отель «Таврида»* – имя, отображающее древнее название Крыма; *Санаторно-курортный комплекс «Таврия»*, где *Таврия* – устаревшее название степной части Крыма и синоним *Тавриды*; *Ресторан «Максим Горький», Кофейня «Пушкин», Кафе «Белая дача», Пансионат «Дом творчества имени А.П. Чехова»* как рефлексия относительно Горьковских, Пушкинских и Чеховских мест – особой гордости крымчан. Эргонимикон, обращённый к истории Крыма, представлен номинациями *Пансионат «Дарсан», Санаторий «Ай-Даниль», Домотдыха «Аю-Даг»* – именами, образованными в результате семантической транонимизации от названий *холма Дарсан, водопада поселка Ай-Даниль, горы Аю-Даг* (более известной как *Медведь-гора*). Эти и подобные примеры иллюстрируют язык южного полуострова как среду сосуществования дискурсов, в которые тесно вплетена история жизни Крыма и его жителей, их судьба.

Разновекторная система дискурсов Крыма включает эргонимикон, образованный от антропонимов его современных жителей. Результатом семантической транонимизации выступают номинации типа *Учебный центр «Институт ногтей Юлии Богомоловой», Студия причесок Ирины Бондаревой, Дизайн-студия Ирины Шаповал, Школа профессионального макияжа Людмилы Невидомой.* Данные

поссесивные наименования немногочисленны (они отображают так называемый «штучный товар»), однако их появление связано с традициями российского купечества включать в эргонимикон полные формы имён собственных.

В языке современного Крыма активно используются ретрономинии – эргонимы, вербализованные глаголицей или включающие элементы дореволюционной орфографии: *Кондитерский магазин «Медоборы»*, *Банк «Рублев»*, *Ресторан-пивоварня «Фабрикантъ»*, *Кафе «Театръ»*, *Ресторан «Крымлъ»*, *Кафе-терраса «Репортеръ»*, *Ломбард «Экономъ»*, *Ресторан «Автографъ»*. Использование букв Ъ и Ы вызвано воссозданием колорита старины, что ассоциируется со стабильностью, традициями и историей Российской империи.

Обращение Крыма к российским традициям обусловлено сменной государственности (Крымской весной), результатом которой явилось включение в языковую стихию проприальной лексики полуострова прецедентных имён русской лингвокультуры. К их числу относятся эргонимы *Страховая компания «Кремль»*, *Страховая компания «Арсеналь»*, *Адмиралтейское агентство недвижимости*, *Многофункциональный правовой центр «Русь»*, *Байкал Банк*, *Страховая компания «Росгосстрах»*. Этиноминии образованы с опорой на разные классы апеллятивов – хоронимы (*Русь*), ойкодонимы (*Кремль*, *Арсенал*, *Адмиралтейство*), гидронимы (*Байкал*), эксприцирующие этнокультурные концепты.

Эргонимный ландшафт Крыма связан и с процессом глобализации, охватившим все сферы современной жизни и проявившим себя в семиотическом пространстве региона, важным компонентом которого – и одновременно коррелянтом – является коммуникативное, языковое пространство. Влияние английского языка широко представлено в номинатамах *Парк-отель «Porto Mare»*; *Пансионат «SeaLand»*; *Апартаменты «SunLine»* и др.

Иноязычные заимствования занимают значительное место в эргонимике Крыма. Они представлены единицами разной степени освоенности, включающими как номинии, оформленные кириллицей и латиницей, так и языковые знаки с элементами иноязычной графики. Ср.: *Забава-New* (агентство по организации праздников), *Леди & Boss* (салон-парикмахерская).

Зачастую понятие «иностранный» ассоциируется с качественным товаром или услугой, новейшими технологиями и последними

разработками. Поэтому одна из тенденций современного эргонимикона Крыма – оформление средствами латиницы освоенных русским языком иноязычных слов. Иноязычные средства функционируют в эргонимии в трех видах:

1. *Нетранслитерованные эргонимы* – иноязычные наименования, которые Д. С. Лотте [2] характеризует как слова, которые перенесены из языка-источника в том виде, в котором они существуют в момент заимствования. Е. С. Самсонова к *оригинальным иноязычным нетранслитерованным эргонимам* относит лексические единицы, которые «полностью не освоенные графически и морфологически» [4, с. 34]. Данные единицы соотносятся с понятием «иноязычное вкрапление», полностью соответствуя своим иноязычным эквивалентам в языке-источнике. Среди таких эргонимов в Крыму функционируют номинации *NewLook* (магазин брендовой женской одежды), *Faststudio* (веб-студия), *FashionReview* (ателье-студия), *AutoChange* (автосалон), *NewYorkPIZZA* (пищерия), *FlybabyFly* (детская игровая комната) и др.

2. *Транслитерованные эргонимы* – номинации, графическое оформление которых реализовано средствами русской графики для передачи иноязычных слов. Ср.: *АйтиХелп* (сервисная фирма), *Амиго* (парикмахерская), *Бонжур* (салон красоты), *Акватерра* (зоомагазин), *РедРоуз* (кафе), *GRENKA* (ресторан). Графическое оформление данного типа эргонимии также реализуется путем транслитерации русских слов средствами латиницы. Например: *LaKosa* (салон красоты), *Nash* (магазин женской одежды), *Nomer* (сеть салонов цифровых технологий).

3. *Эргонимы, оформленные кириллицей и латиницей*. Ср.: *АприориShoes* (магазин обуви), *Крем-Café* (кафе), *Real-Обувь* (магазин женской обуви), *New Оптика* (магазин оптики), *АВТОFood* (кафе), *Забава-New* (агентство по организации праздников).

Наряду с влиянием англоязычной культуры, следованию западной моде в выборе языковых средств номинации в эргонимиконе Крыма сохраняется украинская лингвокультура. Она зафиксирована в широком спектре номинаций полифоничного языка Крыма. Среди них – *Санаторий«Полтава»*, *Санаторий «Украина»*, *Пансионат «Украинские сувениры»*, *Санаторий «Киев»*, *Пансионат «Перлина»*, *Гостиница «Смерекова хата»*, *Санаторный комплекс «Зори Украины»*, *Санаторно-курортный комплекс «Запорожье»* и др. (некоторые из которых, правда, переживают процесс ухода из эргонимного

пространства южного региона; ср.: *Санаторий «Украина»*, переименованный в *«Родина»*, *Санаторий «Мечта»*, носивший название *«Мрия»*). Показательно, что своеобразным наследием Советского Союза продолжают оставаться эргонимы типа *Санаторий «Узбекистан»*, *Санаторий «Белоруссия»*, *Детский санаторий имени В. И. Ленина*, *Санаторий имени С. Кирова* и под.

Итак, эргонимное пространство Крыма имеет свои особенности и общие для современной жизни закономерности. Оно включает наименования, которые, во-первых, передают особенности полилингвального пространства полуострова, культуру и традиции населяющих его народов; во-вторых, отображает глобализационные процессы; в-третьих, иллюстрирует смену государственности. Рассмотренные названия характеризуют как прошлое крымского полуострова, так и его настоящее и требуют дальнейшего лингвистического анализа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Герасименко И. А. О когнитивно-дискурсивном ландшафте г. Ялты / И. А. Герасименко // Язык. Текст. Дискурс: Научный альманах Ставропольского отделения РАЛК / Под ред. проф. Г. Н. Манаенко. – Выпуск 13. – Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2015. – С. 170–175.
2. Лотте Д. С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов / Д. С. Лотте. – М.: Наука, 1982. – 150 с.
3. Отин Е. С. Номинационные процессы в русской эргонимии XX века (названия промышленных предприятий, акционерных обществ и фирм) / Е. С. Отин // Актуальные вопросы теории языка и ономастической номинации: [Сб. ст.]. – Донецк: ДонГУ, 1993. – С. 83–94.
4. Самсонова Е. С. Стратификация графико-фонетических иноязычных средств в эргонимии (на материале номинаций г. Томска) / Е. С. Самсонова // Вестник Томского государственного университета. – 2011. – Вып. № 345. – С. 34–37.
5. Сидоренко Е. Н. Из истории исследования эргонимов / Е. Н. Сидоренко // Реквием филологический; Сб. статей, посвященный памяти Е. С. Отина. – Режим доступа: <http://azbuka.in.ua/category/azbuka/yubileynye/>

Рацибурская Л.В.

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского»,
г. Нижний Новгород (Россия)
e-mail: racib@yandex.ru

УДК 811.161.1'373(075.8)

**Отонимическое словообразование в аспекте социального
противостояния**

*Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ,
проект 18-012-00195*

Ratsiburskaya Larisa Viktorovna
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod,
Nizhni Novgorod (Russia)

UDC 811.161.1'373(075.8)

**Neologisms derived from anthroponyms in the aspect of social
confrontation**

В статье рассматриваются ключевые антропонимы современной эпохи, их деривационный потенциал и структурно-функциональная специфика отантропонимических новообразований в медийных текстах в социокультурном и лингвопрагматическом аспектах.

Ключевые слова: словообразование, деривационные процессы, отантропонимические дериваты, масс-медиа

The article deals with the key anthroponyms of the present times, their derivational potential and structural-functional specificity of neologisms derived from anthroponyms in media texts.

Keywords: word-building, derivational processes, neologisms derived from anthroponyms, mass-media

Многие явления социальной действительности, как считают ученые, обязаны медийному вербальному моделированию, которое воздействует на сознание носителей языка и регулирует их поведение так, как это выгодно владельцам и распространителям информационных ресурсов. «Еще Л.В. Щерба неоднократно подчеркивал, что в содержательные планы слов входят в том числе и идеологические компоненты, обусловленные мировоззрением, менталитетными

особенностями, характерными для данной этнокультурной общности» [2, с. 196].

Современные СМИ формируют у членов социума представления о политиках, общественных деятелях, значимых фигурах современности. Так, в современном медийном словотворчестве своеобразным отражением политического противостояния в обществе являются антропонимы и их производные. Антропонимовообразования и их производные являются эффективным средством создания имиджа политика, общественного деятеля.

Отантропонимические новообразования «производятся очень часто от имен лиц, деятельность которых служит характерным признаком эпохи, режима, общественных явлений, идейных направлений или выражает их сущность» [4, с. 186].

Особенно активно вовлекаются в деривационные процессы и обыгрываются в медийных текстах имена (фамилии) значимых и популярных зарубежных деятелей (Меркель, Эрдогана, Клинтон, Трамп и др.). Для обозначения сторонников социально значимых лиц активно используются суффиксы *-ец*, *-ист*: *Необходимо сделать все для защиты человеческих жизней – заявил ярый меркелец Штеффен Зайберт* (Конт, 16.07.2016); *Верный эрдоганец привел убедительный, на его взгляд, аргумент в пользу допустимости вовлечения во власть членов семьи президента* (Новое время, 27.01.2015); *Да и не при авторитаризме бывают накладки – провалили же клинтонисты социологию* (NEWSru.com, 18.11.2016); *«Эрдоганисты» (да-да, некоторые из них так себя называют) не могут придумать другой причины, как преступный сговор* (Федеральное агентство новостей, 07.05.2016); *Нужно понимать, что в случае победы фетхуллахистов они бы тоже не церемонились с побеждёнными <...> Обещают и новую волну репрессий, которая выявит сильно замаскированных так называемых криптогюленистов вне зависимости от их партийной принадлежности* (Аргументы недели, 27.10-02.11.2016); *За первые месяцы команда Трампа разделилась на два условных лагеря: с одной стороны оказались убежденные трамписты <...> с другой – фигуры более привычные для республиканского истеблишмента* (Независимая газета, 21.02.2017). Подобные новообразования оперативно реагируют на интенсивную динамику общественных процессов и часто негативно характеризуют определенного политического деятеля и его сторонников.

На базе имен ключевых фигур современности создаются новообразования с суффиксами *-изм*, *-изаци(я)*, *-инг*, называющие идеологические направления, идейно-политические течения, процессы, связанные с тем или иным политиком: **Обамизм** и его последствия (7 дней, 18.09.2015); *Эту сложную задачу приходится сейчас выполнять клинтонизму* (The экономист, 01.06.2016); *«На самом деле, произошло обратное — к „кемализму“ добавился „эрдоганизм“»*, — отмечает в беседе с корреспондентом EADaily гражданский активист из Турции, фотограф Умут Ведат (Eurasia Daily, 10.11.2016); *Поэтому-то горняки и сталевары из американской глупинки, составляющие основу **трампизма**, так похожи на своих российских собратьев с Уралвагонзавода* (Эхо Москвы, 10.10.2016); *«**Траманизм**» — это решение кризиса неолиберализма* (Кто в курсе, 16.11.2016); *«**Обамизация**» нигде не исчезнет и после окончания правления Обамы* (9 канал ТВ, 16.03.2016); *В Швеции лингвисты официально приняли в обращение слово «**трампизация**», появившееся после многочисленных выступлений избранного американского президента Дональда Трампа в ходе предвыборной гонки* (Life, 01.01.2017); *Это ведь уже не **псакинг**, когда выводят на трибуну неграмотную девочку, с которой и спорить смешно* (Макспарк, 23.11.2015); *Надеюсь, «**псакинг**» как форма общения со СМИ приказал долго жить* (Свежие новости, 19.02.2017); **Кадыринг** — это тьюнинг по-русски (Retrans, 29.02.2016). Подобные новообразования в большинстве своем имеют негативную оценочность.

Для создания негативного имиджа политика, общественного деятеля журналисты используют новый заимствованный из английского языка суффиксоид *-гейт* со значением ‘политический скандал’: *Германия в шоке от «**Меркельгейта**»* (Окно в Россию, 30.10.2013); *От Уотергейта до **Сноуденгейта**. Эволюция американского скандала как мировой трендмейкинг* (Независимая газета, 18.02.2014); *Налицо очередной скандал с подслушиванием, который уже можно назвать «**Обамагейт**»* (Мужская работа, 20.02.2014); *О чём умолчал Обама в своём обращении: «**Хиллари-гейт**» всё-таки возможен* (Московский комсомолец, 13.01.2016); ***Хилларигейт** покруче Уотергейта* (Axaq.az, 30.10.2016); *«**Трамп-гейт**» российской блогосферы высветил основной вопрос именно здешнего политика: зрелость фашистских настроений* (Forum.msk.ru, 19.12.2016); ***Трампейт** состоит из нескольких частей, каждая из которых имеет различную степень подтвержденности и может иметь раз-*

ные последствия (Макспарк, 14.01.2017); **Пенелопегейт**, как теперь именуют события во Франции (ТВЦ, 01.02.2017). Использование суффиксоида *-гейт* является популярным манипулятивным приёмом. Исследователи указывают на социокультурные факторы продуктивности данного суффиксоида, связывая ее с частотой скандалов, вызванных аморальным поведением политиков и представителей правящих кругов [3, с. 38].

Очень популярны в медийных текстах новообразования с компонентами *-ман(ия)*, *-фоб(ия)*, называющие болезненное влечение и боязнь чего-либо: *От обамамании до обамифобии всего один президентский срок* (телеканал «Россия 1», 08.12.2015); *Правда, отечественные бизнесмены страдают особой формой «трампомании»* (Московский комсомолец, 09.11.2016); *Трампофобия или кому выгодно не допустить избрание Дональда Трампа* (Континент, 19.10.2016); *Зато она поведала мне, как видится «клинтонофобия» из Иерусалима* (Postimees, 28.10.2016).

Довольно необычны префиксальные новообразования от имен собственных. В таких новообразованиях нарушаются словообразовательные нормы, ограничения в сочетаемости морфем. Экспрессия усиливается вследствие того, что в норме префиксы не сочетаются с именами собственными. Особенно активны приставки *недо-* со значением недостаточности, *псевдо-* с семантикой неистинности, ложности: *Он как бы «недоТрамп»* (РИА Новости, 02.02.2016); *ПсевдоТрамп заверил, что не знаком с российским президентом* (Евроpost.com, 07.11.2016); *И к слову, можно смотреть вечно на три вещи: как течет вода, горит огонь и как псевдо-Обама поет "Because i'm happy"* (Экономические известия, 01.05.2015). К подобным новообразованиям примыкают производные от имен лиц с префиксом *анти-* с семантикой социального противостояния: *Проект «анти-Асад» сдулся* (Военно-промышленный курьер, 07.10.2015); *За яркость выражений Захарову даже прозвали «Анти-Псаки»* (Теория дискредитации, 11.08.2015); *Здесь участники «Антитрампа» начали стрелять* (Ivasi.news, 10.11.2016); *Операция запада под условным названием «антиэдорган» главной целью ставит сохранение Турции в НАТО, но без ее нынешнего правителя* (Русская народная линия, 11.06.2016); *В случае с Каиром нашёл своё наглядное проявление свойственный и другим государствам мира феномен «анти-Клинтон», то сеть подход «кто угодно, только не она»* (Вся правда, 15.11.2016); *В этом смысле Трамп действительно не Обама, он*

просто-таки анти-Обама (Коммерсантъ, 17.04.2017). В использовании словообразовательных префиксов с семантикой противостояния, отрицания проявляется ориентация языкового сознания на агрессию, которая часто культивируется в СМИ, поляризация мышления по принципу разделения на «свой-чужой», «черное-белое». Таким образом, отонимные новообразования являются действенным средством политической борьбы.

«Стремясь создать негативный языковой образ <...> политики, проводимой первыми лицами государства, в поисках хлестких и метких оценок словотворцы <...> образуют окказиональные отонимические экспрессивные компрессивы» [3, с. 117]. Имя собственное, обыгрываемое в медийном тексте, по мнению ученых, превращается в ярлык, бренд, используется с идеологическими целями. Экспрессивность негативной оценочности антропонима становится механизмом достижения успеха в политической борьбе. Лексика с отрицательным прагматическим компонентом не просто характеризует объект и отношение к нему говорящего, но и является, по мнению Н.Д. Арутюновой, руководством к действию [1, с. 174].

Таким образом, как отмечают исследователи, «отправной точкой каждой инновации, каждого инновационного словообразовательного процесса является общественная практика, поскольку на лексико-номинативную деятельность носителей языка оказывают непосредственное влияние культурно-исторические и социально-политические условия жизнедеятельности языкового сообщества» [3, с. 130].

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
2. Балалыкина Э.А. Внутренняя форма слова и наименования животных в русском языке // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2013. Том 155. Кн. 5. С. 196 – 205.
3. Коряковцева Е.И. Очерки о языке современных славянских СМИ. – Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach, 2016. 152 с.
4. Плотникова Л.И. Деривационный и когнитивно-прагматический потенциал лексических новообразований в живой разговорной речи // Гуманитарный вектор. Серия: Педагогика, психология. 2011. № 3. С. 183 – 187.

Королева И.А.

Смоленский государственный университет,
г. Смоленск (Россия)
e-mail: innakor@mail.ru

УДК 81'373'21

Общность топонимической лексики смоленско-витебского приграничья

Inna A. Koroleva

Smolensk State University, Smolensk (Russia)

UDC 81'373'21

The Common Character of Toponymic Lexics of The Smolensk-Vitebsk Bordering Areas

В статье рассматривается топонимическая лексика Смоленского и Витебского регионов. На материале анализа одинаковых географических названий населенных пунктов показывается общность процессов номинации, историческое единство говоров приграничной смоленско-витебской территории.

Ключевые слова: смоленско-витебское приграничье; топоним; общность; номинирование; населенный пункт; диалектизм.

The article considers toponymic lexics of the Smolensk and Vitebsk Regions. Having analysed the same geographical names of settlements, the article demonstrates the common character of nomination processes and historical unity of the dialects registered in the Smolensk-Vitebsk bordering territories.

Key words: Smolensk-Vitebsk border-line areas; toponym; common character; nomination; settlement; dialectal word.

Ономастические исследования сегодня приобретают особую актуальность и значимость в русле антропоцентрической парадигмы современного гуманитарного знания. Изучение имен собственных (ИС), в основах которых содержится самая разноплановая лингвистическая и экстралингвистическая информация, позволяет всесторонне описать человека и мир, его окружающий. Онимы всех разрядов высоко информативны, но особо следует выделить топонимическую лексику, маркирующую место рождения и проживания человека в системе окружающего его мира [16].

Несомненно, интерес вызывает исследование топонимической лексики приграничных территорий, на которых происходит своеоб-

разное совмещение языков и культур соседних народов. Для смолян и витеблян уникальной зоной с особым культурно-языковым ландшафтом является территория смоленско-витебского приграничья, включающая в свой состав шесть районов: три смоленских – Руднянский, Ведижский и Краснинский и три витебских – Витебский, Лёзненский и Дубровенский.

Ономастические исследования в смоленско-витебском приграничье ставят перед русскими и белорусскими учеными общую глобальную цель: выявить национально-культурную специфику системы топонимических единиц приграничной зоны с учетом исторических, социокультурных и лингвистических процессов, имевших место в прошлом, определявших заселение приграничной территории, ее освоение и жизнедеятельность людей, проживающих в этих местах[7].

Нам представляется, что топонимические разыскания в приграничной зоне весьма значимы как фактор популяризации социолингвокультурных реалий в рамках диалога культур – русской и белорусской, ибо топоним – это своеобразный свернутый лингвокультурный код, расшифровка которого позволяет глубже познать национально-культурное наследие приграничного региона в рамках исследования его топонимической системы, способов номинирования географических объектов, получить новые данные о роли русского и белорусского этносов в создании языковых и культурных ценностей региона[9, с. 31]. Географические названия приграничья – это весьма значимый фрагмент языковой системы и ее своеобразия, ибо на территории приграничья в условиях билингвизма, как нигде более, выявляются особенности языковой личности жителей этой специфической территории с особенностями ее языка и культуры[5]. Без всякого сомнения, исследования топонимии приграничья позволит получить новые данные о роли русского и белорусского языков, русской и белорусской культуры, их общности и различия, их взаимодействии в контексте определенного социума и определенной эпохи.

В настоящей статье мы хотим обратить внимание на общность географических названий смоленско-витебского приграничья. Источником исследования послужили официальные названия населенных пунктов приграничных районов: Велижский – 159 единиц, Руднянский – 209, Краснинский – 169 единиц; Дубровенский – 150 единиц, Витебский – 347 и Лёзненский – 95[6, с. 49-60].

Так, много названий повторяющихся, причем с диалектными основами: Буда (Дубровенский, Красненский), Будница (Велижский), Будянка (Витебский); Застенки (Краснинский, Дубровенский, Витебский); Ляхово (Руднянский, Краснинский), Ляховка (Дубровенский); Ляды (Дубровенский) Сухие Ляды (Велижский), Ляденки, Лядище (Витебский).

Есть общие названия не с диалектными основами: Замощье (Велижский, Лёзненский); Зуи (Руднянский, Лёзненский, Витебский), Зуево (Руднянский); Козлы (Руднянский, Краснинский, Дубровенский, Витебский); Маклаково (Краснинский), Маклок (Велижский), Маклаки (Витебский); Орловичи (Краснинский, Дубровенский) и пр.

Обратимся к анализу некоторых топонимов.

В современных смоленских говорах лексема *буда* имеет значение «строение, постройка» и является устаревшей [15, вып.1, с.278]. Слово известно на территории региона еще с XVII века: в Региональном историческом словаре в памятниках смоленской деловой письменности оно засвидетельствовано с значением «смолокурное, поташное или селитренное заведение в лесу» [11, с.35]. С тем же значением в западных источниках слово *буда* фиксируется в Словаре русского языка XI-XVIII вв. [14, вып. 1, с.344].

В.И. Даль определяет глагол *будовать*, от которого образовано существительное, с значениями «строить, возводить, класть, о строении каменном; устраивать, заводить новые здания, заведения, постройки» как немецкое или польское заимствование. *Буда* – «заведение в лесу для выварки поташу, сидки смолы, дегтя, селитряный завод» – дано со значением, аналогичным смоленскому [4, т.1, с.136]. Можно предположить, что имя нарицательное *буда* пришло из немецкого через посредство польского во время вхождения Смоленского края в состав Речи Посполитой (XVII век) и стало диалектным.

В белорусских лексикографических источниках слово *буда* фиксируется уже с XV века с подобным рассмотренному в смоленских текстах значением: «предприятие со специальной печью для смолокурения, гонки дегтя, получения древесного угля, выварки поташу в лесной части Поднепровья и Полесья» [17, вып. 1, с.260]. В XIX веке появилось более общее значение – «строение, склад для изготовленной продукции».

Географические названия, образованные от этнонимов, относятся к древнейшему пласту топонимии и содержат в своих основах разноплановую лингвистическую и историко-культурологическую информацию. Именно к таким относится группа названий с корнем *лях* «поляк», «ополяченная шляхта» [12, с. 36].

Слово *лях* бытовало в Смоленской крае уже в XVII веке с конкретным значением: *лях* – «поляк» [11, с.135]. Однако, скорее всего, как отмечает белорусский исследователь А.Ф. Рогалев, его значение было более широким – так называли любого жителя юго-западной территории, входившей в состав Речи Посполитой [12]. В настоящее время *лях* – устаревшее название поляков на Руси [13, т.2, с. 212]. В смоленско-витебском регионе с этой основой известны не только топонимы, но и фамилии: Ляхов, Ляховский, Ляхович, Ляховец [8].

Для приграничья исторически свойственно развитие земледелия; различные элементы системы землепользования, обработки почвы, земельные отношения нашли отражение в топонимах территории. Ключевым апеллятивом, отражающим суть подсечно-огневого земледелия, является *лядо* [5].

Существительное *лядо* (белорусское *ляда*) со значением «место, расчищенное от леса или кустов» засвидетельствовано в памятниках деловой письменности с XVII века [11, с.135]. Смоленский же пример отмечен в Словаре русского языка XI-XVII вв. в источнике также XVII века [14, вып. 8, с.349].

В.И. Даль дает более развернутое определение апеллятива: *лядо* – «пустошь, заросль, покинутая и заросшая лесом земля, запущенные заросли; чащоба, починок, пасека, кулига, валки, пожог, лесной перелог; лесок по болоту, березнячок с хвойным подсадом, то есть смешанный; вообще: низкая, мокрая и плохая почва» [4, т.2, с.435]. Как видим, слово в XIX веке не просто расширило, но и получило в некотором роде антонимичное значение; оно представлено с помехой «западное» В целом же реализуется сема «место».

В современных смоленских говорах бытуют слова *лядо* и *ляда* с несколькими значениями: «место в лесу, вырубленное и раскорчеванное под пашню»; «низкое место в лесу»; «болотистое место» [15, вып.6, с. 69]. Все значения употребительны, в том числе и на приграничных с Беларусью территориях.

В белорусском языке лексема *ляда* также многозначна: «топкое низкое место»; «место, очищенное от кустарников под посев»; «пахотный участок среди леса»; «поле на месте вырубленного леса»;

«низкое сырое место, поросшее лесом или кустарником» [1, с. 77]. Значения, связанные с семой «сырость», – диалектные; с семой «очищенное от кустов место» – литературное [10, т.2, с. 13].

Интересно название Застенки. Так, в настоящее время на Смоленщине апеллятив *застенок* – «небольшой участок земли вдоль межи; участок земли за межею (стеною); пристройка к дому» – отмечен как устаревший. Все значения определены по словарю В.Н. Добровольского 1914 года [15, вып. 4, с. 116].

Существительное *застенок* было весьма активно, судя по материалам Регионального исторического словаря, на Смоленщине с конца XVII века. Оно имело конкретное значение, схожее с современным: *застенок* – «участок (земельный или лесной), расположенный за стенами, т.е. границами отмежеванных владений» [11, с. 95]. Активно было и существительное *стена* «межа, граница». Часто использовалось множественное число *стены* – «стороны четырехугольника, обозначающие границы отмежеванного земельного владения» [Там же, с. 286]. Апеллятивы польские, общие со старобелорусским языком [2, словник].

То, что название Застенки закрепилось в форме множественного числа, не случайно: эта модель характерна для приграничья. По мнению белорусских исследователей, подобные топонимы образованы с помощью флексии от апеллятивов единственного числа (*застенок* – *застенки*, *козел* – *козлы* и пр.) [3].

Итак, мы сделали попытку показать общность топонимической лексики смоленско-витебского приграничья. Несомненно, эта общность проявляется не только в одинаковом номинировании географических объектов (в данном случае – названий населенных пунктов), но и в общих способах номинирования, общих словообразовательных моделях, общей этимологии многих основ. В дальнейшем выявление общности будет проведено по означенным направлениям более широко.

ЛИТЕРАТУРА

1. Басик С.Н. Общая топонимика: учебное пособие. Минск: БГУ, 2006. 200 с.
2. Борисова Е.Н. Лексика Смоленского края по памятникам письменности. Смоленск: СГПИ, 1974. 161 с.
3. Генкин В.М. Ойконимия и катойконимия Белорусского Поозерья. Витебск: ВГУ им. П.М. Машерова, 2009. 115 с.

4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х тт. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1956.
5. Евсева О.С. Топонимия смоленско-витебского приграничья: структурно-семантический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 2015. 24с.
6. Королева И.А. Географические названия Смоленско-витебского приграничья как обозначения объектов культурно-языкового ландшафта // Материалы для исследования культурно-языкового ландшафта смоленско-белорусского приграничья. Вып.1. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2014. С. 49 – 60.
7. Королева И.А. Ономастика приграничья и ее национально-культурная специфика // Русский язык в научно-образовательном пространстве российско-белорусского приграничья. : сб. научн. статей. Витебск-Смоленск: ВГУ им. П.М. Машерова, 2017. С.61 – 73.
8. Королева И.А. Словарь фамилий Смоленского края. Смоленск: СГПУ, 2006. 368 с.
9. Королева И.А. Топонимы как свернутый лингвокультурный код // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Филологические науки. Вып. 8. 2015. С. 31 – 38.
10. Крапива К.К. Русско-белорусский словарь: в 3-х тт. Минск: Белорусская энциклопедия, 2002.
11. Региональный исторический словарь XVI-XVIII вв. (по памятникам письменности Смоленского края) / отв. ред. Е.Н. Борисова. Смоленск: СГПУ, 2000. 368 с.
12. Рогалев А.Ф. Этнонимия Беларуси. Гомель: Белорусское Агентство научно-технической и деловой информации, 1993. 167 с.
13. Словарь русского языка: в 4-х тт. / под. Ред. А.П.Евгеньевой. М.: Русский язык, 1981.
14. Словарь русского языка XI – XVII вв. М.: Наука – Азбуковник. Вып. 1 – 29... 1976 – 2014...
15. Словарь смоленских говоров. Смоленск: СГПИ – СГПУ, 1974 – 2005. Вып. 1 – 11.
16. Суперанская А.В. Что такое топонимика? М.: Ин-т языкознания, 1985. 130 с.
17. Этимологический словарь белорусского языка / под ред. Г.А. Цыхуна. Т.1. Минск: Белорусская наука, 1978.

Евсеева О. С.

*МБОУ Заборьевская СШ Демидовского района
Смоленской области (Россия)
e-mail: evseevolya@yandex.ru*

УДК 81 ' 373 ' 21

**Исторические реалии и события, отраженные в топонимах
смоленско-витебского приграничья**

Olga Evseeva

Zabor'evsk Demidovsky district Smolensk region (Russia)

UDC 81 ' 373 ' 21

**Historical realities and events reflected in the toponyms of smolensk-
vitebsk frontier**

В настоящей статье обращается внимание на группу топонимов, в основах которых закреплены исторические реалии и события. На примере данного разряда географических названий рассмотрен фрагмент топонимической системы особого региона – смоленско-витебского приграничья, территории, имеющей историческую, культурную и языковую общность, что находит отражение в топонимической лексике. Выбранные для анализа топонимы позволяют выявить взаимосвязь двух славянских народов – русского и белорусского.

Ключевые слова: смоленско-витебское приграничье, топонимическое пространство; русский язык; белорусский язык.

This article draws attention to a group of toponyms, the foundations of which are fixed historical realities and events. On the example of this category of geographical names the fragment of toponymic system of the special region – Smolensk-Vitebsk frontier region, the territory having historical, cultural and linguistic community that is reflected in the toponymic lexicon is considered. The toponyms chosen for the analysis allow to reveal interrelation of two Slavic peoples – Russian and Belarusian.

Key words: Smolensk-Vitebsk borderland, toponymic space; Russian language; Belarusian language.

События исторического прошлого, а также историзмы легли в основу номинации некоторых географических названий смоленско-витебского приграничья. В территориальном плане это северо-западные и западные районы Смоленской области – Велижский,

Руднянский и Краснинский и северо-восточные районы Витебской области – Витебский, Лиозненский и Дубровенский. Протяженность государственной границы составляет около 200 км, а собранная нами картотека географических названий – 1129 единиц, из которых 537 зарегистрированы в смоленской приграничной зоне, 592 – в витебской [3].

Данная группа является немногочисленной, она насчитывает 20 единиц, что составляет 1,8% от общего числа топонимов: *Княжица, Князи, Княжичи, Пушки, Крестьянка, Ордовка, Панки, Панское, Партизановка, Ратьковина, Рублево, Хлыстовка, Холовьеи* др. Рассматривая появление подобных названий, мы в определенной мере воссоздаем исторический уклад жизни приграничья.

Топонимы с корнем *княз/княж* на территории приграничья встречаются 3 раза (*Княжица, Князи, Княжичи*). По данным Топонимического словаря Смоленской области, эти топонимы образованы от основы существительного *князь*. Конкретные условия их возникновения, как пишут авторы, различны: это могли быть земли, принадлежащие князю (*Княжичи*); это могли быть поселения, образованные княжескими людьми (*Княжица*) и т.д. Подчеркивается, что непосредственная связь названий с принадлежностью земель крестьян князю в дореволюционное время была более заметной [1, с. 122]. Слово *князь* – общеславянское заимствование из германских языков (ср. др.-в.-нем. *kuning* – первоначально «старейшина рода») [5, с. 153].

Некоторые топонимы содержат историзмы, которые сохранили в себе память о нелегкой крестьянской жизни; многие из них социальны, т.е. отражают в названиях именованых людей определенного социального класса: *Бояры, Боярщина (2), Крестьянка, Панки, Панское, Халаевка, Холовье*.

Названия *Бояры, Боярщина (2)* связаны с принадлежностью в прошлом поселения верхушке феодального класса – *боярам* [1, с. 34]. В Словаре В.И. Даля *боярин* – это «жалованный сан; вельможа, знатнейшее сословие в государстве»; здесь же находим апеллятив *боярщина* «тяга, панщина, половниковая работа на помещика, владельца» [2, т.1, с. 121]. По данным этимологического словаря, общепринятой версии происхождения слова *бояре* нет: скорее всего, слово является общеславянским производным с помощью суффикса *-арь* от существительного *бои* – «битва, сражение» [5, с. 43].

Топонимы *Панки*, *Панское* образованы от апеллятивапан «барин, боярин», который тоже указывает на социальное положение именуемого, но является заимствованием из польского языка, активно бытующим на юго-западных территориях [2, т. 3, с. 16]. В польском языке *pan* – «господин»; слово часто использовалось как обращение в приграничье. Вероятно, представленные топонимы обозначают земли, принадлежащие пану [5, с. 242].

Апеллятив *холоп*, послуживший основой для образования топонима *Холовье*, имеет значение «крепкий земле и господину, дворовый крепостной человек, либо купленный раб; слуга, покорный и т.п.» [2, т. 4, с. 559]. В этимологическом словаре Н.М. Шанского слово *холоп* общеславянское, восходит к **cholpъ*, неясному по происхождению [5, с. 362]. Как видим, в основе данного топонима лежит значение «человек, находившийся в зависимости, близкой к рабству; холопами помещики называли своих крепостных крестьян» [1, с. 282]. Вероятно, населенный пункт, в котором жили крепостные крестьяне, и назывался рассматриваемым топонимом. Правда, возможно, название образовано и от других апеллятивов, но наша версия вероятна. В названии *Холовье* [л] меняется на [ѣ], что может быть, так как оба звука губные: [л] – губно-губной, [ѣ] – губно-зубной, замена произведена для удобства произношения, но может быть и искажение. У В.И. Даля *холопье* «дворня» [2, т. 4, с. 559].

Для образования топонима *Халаевка* могли быть использованы два апеллятива *халуй* и *голый*. Если придерживаться первой версии, *халуй* «слуга, лакей, холоп» [2, т.4, с. 556]. В таком случае *Халаевка* – место, где жили слуги, холопы, возможно, это была часть населенного пункта, название которой стало общим словом. Имеет места лабиализация гласного, появление [у] вместо [а]. При втором предположении апеллятив *голый* имел значение «бедный, обнищальный» [2, т. 1, с. 371]. Естественно, шло подобное образование, но географическое название имеет более сложные фонетические изменения при типичной модели: начальное [г] меняется на [х], что обычно для смоленских говоров; сочетание *оло* (*гололед*) в безударной позиции заменяется на *ала*, что, возможно, отражает произношение. В любом случае топонимы образованы от исторических реалий и, скорее всего, в народной среде; официальная фиксация произведена на основе народного топонима.

Наименование деревни *Оброк* Руднянского района свидетельствует о том, что оно образовано в крепостную эпоху и означает посе-

ление на обложенной оброком земле, находящиеся на оброке крестьяне [1, с. 180]. Аpellятив *оброк* имеет значение «поземельная дань, подать, плата и сбор, брозга с имущества» [2, т. 2, с. 615]. С этимологической точки зрения слово общеславянское, образованное с помощью перегласовки *o/e* и темы *-ъ* от *обречь*. Первоначальное значение – «то, о чем договорились», т.е. договор, соглашение [5, с. 226].

Интересен топоним *Ратьковина* Велижского района, в основе которого лежит аpellятив *рать*, имеющий значение «воинство, войско, ополчение, воинская, боевая сила, армия» [2, т. 4, с. 85]. Сегодня топоним произносится с ударением на первом слоге, что подтверждает рассмотренное образование.

Топонимы приграничной зоны отражают события времен либо Отечественной войны 1812 года, либо Великой Отечественной войны: *Побединщина* и *Партизановка*. В словаре В.И. Даля находим следующее определение понятия *партизан* «начальник легкого, летучего отряда, вредящего внезапными покушениями с тылу, с боков» [2, т. 3, с. 19]. Как известно, партизанское движение было важным фактором в достижении победы и в Отечественной войне 1812 года, и в Великой Отечественной войне. В названии *Побединщина* явно выделяется корень *побед-*, который, безусловно связан с военными действиями.

Как видим, топонимы, отражающие в семантике исторические реалии и события, содержат в себе богатый исторический, культурологический и лингвистический материал. Чаще всего семантика данной группы основана на понятиях, связанных с крепостным правом и условиями военной жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Будаев Д.И., Махотин, Б.А. Топонимический словарь Смоленской области. ООО «Смоленское областное книжное издательство «Смядынь», 2009. – 280 с.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Рус. яз., 1995.
3. Евсева О.С. Топонимия смоленско-витебского приграничья: структурно-семантический аспект. автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Евсева Ольга Сергеевна. Смоленск, 2015. 22 с.
4. Королева И.А., Евсева О.С. Топонимия смоленско-витебского приграничья: структурно-семантический аспект (общий

обзор) //Материалы по русско-славянскому языкознанию: Международный сборник научных трудов. Выпуск 33. Воронеж: издательство «НАУКА-ЮНИПРЕСС», 2016. С.296–303.

5. Шанский Н.М. Краткий этимологический словарь русского языка. М.: Просвещение, 1961. 402 с.

ИСТОЧНИКИ

1. Генкін У.М. Слоўнік адтапанімых дэрыватаў Віцебшчыны. Віцебск: Віцеб. дзярж. ун-т, 2005. 235 с.

2. Назвы населенных пунктаў Рэспублікі Беларусь: Віцебская вобласць: нарматыўны даведнік / У.М. Генкін, І.Л. Капылоў, В.П. Лемцюгова; пад рэд. В.П. Лемцюгавой. Мінск: Тэхналогія, 2009. 668 с.

3. Назвы населенных пунктаў Рэспублікі Беларусь. Магілёўская вобласць: нарматыўны даведнік / І. А. Гапоненка і інш.; пад агульнай рэдакцыяй В. П. Лемцюгавой; Дзяржаўны камітэт па маёмасці Рэспублікі Беларусь, Рэспубліканская тапанімічная камісія пры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі]. Мінск: Тэхналогія, 2007. 406 с.

4. Справочник по вопросам административно-территориального устройства Смоленской области. Смоленск: «Принт-Экспресс», 2010. 247 с.

Ахраменко П. Е., Лисовский Л. А.

*УО «Мозырский государственный педагогический университет
имени И.П.Шамякина» (Беларусь)*

e-mail: piter2105@yandex.ru

e-mail: lisovskaynina@rambler.ru

УДК 81'367.7

**Микротопонимы как лингвокультурный пласт языка
(на материале микротопонимии деревни Михалки
Мозырского района Гомельской области Республики Беларусь –
Восточное Белорусское Полесье)**

*Ahramenko Petr Evgenjevich, Lisovsky Leonid Albinovich
Mozyr state pedagogical University named after I. P. Shamyakin,
Mozyr (Belarus)*

UDC 81'367.7

**The microtoponyms as linguistic and cultural reservoir of language
(by the material of microtoponymy of Mikhalki village in Mozyr
district of Gomel region-Eastern Belarusian Polesie)**

В статье рассматриваются микротопонимы д. Михалки Мозырского района Гомельской области РБ с точки зрения их образования и лингвокультурной значимости.

Ключевые слова: топонимия, микротопонимы, внутренняя форма слова, антропонимы.

The article discusses the microtoponyms D. Mikhalki Mozyrskogo district of Gomel region of Belarus from the point of view of their education and linguistic and cultural significance.

Key words: toponymy, microtoponyms, the internal form of words, antroponymy

Восточное Белорусское Полесье, в том числе и Мозырское, – это древняя славянская территория, на которой обитали племена дреговичей, чей центр Туров находился на правом берегу р. Припять, западнее впадения в неё р. Ствиги. Как предполагают историки, он существовал уже во второй половине X века и в начале исторической жизни русского народа был одним из важных городов Туровской земли и Северо-Западной Руси.

Исследуемая территория представляет интерес и в языковом отношении. Говоры Мозырщины (Мозырский, Наровлянский, Ель-

ский, Лельчицкий и Калинковичский районы Гомельской области РБ) относятся к полесской и частично к восточной подгруппе юго-западного диалекта белорусского языка.

Отдельные диалектные признаки говоров региона являются очень древними. Это, например, отсутствие оглушения звонких согласных перед глухими и на конце слова, употребление конструкций с предлогом *паўз* ("*без паўз сад*"), ряд слов сохранил своё более древнее значение, например, *товар* – "*крупный рогатый домашний скот*".

Диалектные особенности региона нашли отражение и в микропонимии.

Из фонетических диалектных черт микропонимы фиксируют:

– гласный [у] на месте [о] под ударением, отмеченный sporadично в пределах региона: "*вулішчэ*";

– гласные [і], [ы] на месте [е] под ударением на месте древнерусского «ять», зафиксированные sporadично в пределах региона: "*білы пісок*", "*гарылае*";

– замену этимологического [а] звуком [о], отмеченную на юго-западе и крайнем юго-востоке региона: "*борсукóвые норы*", "*доніловы прыдзёр*", "*окулін лес*";

– удвоение согласных: "*завугóлле*", "*узлэссе*" и др. [1, с. 5-6]

«Современное Полесье для лингвиста, фольклориста и этнографа является заповедником языковой и духовной культуры, сохранившим множество ценнейших памятников устной, живой старины. Исключительная авторитетность и научная весомость полесских данных признавалась и признается крупнейшими славистами (К. Мошинским, М. Гавации, Э. Гаспарини и др.)», – говорил Н.И. Толстой. [4, с. 17]

Следует отметить, что особенность микропонимов, в том числе и в местности окружавшей д. Михáлки, заключается в мотивированности, порой уже стертого, их наименования. Все они имеют внутреннюю форму.

А.А.Станкевич отмечал, что «пад унутранай формай слова звычайна разумеюць «уяўленне аб пярвічнай прыкмеце, пакладзенай у аснову паняцця, якое захавалася ў слове»... Унутраная форма слова (вобраз прыкмета, пакладзеныя ў аснову наймення) робяць мову больш выразнай, жывой і сакавітай. У жывых мовах унутраная форма з'яўляецца недаўгавечнай, даўжэй

яна захоўваецца ў словах, якія маюць выразна выдзялімыя часткі». [3, с. 24-25]

Топонимия, в том числе и микропонимы, сохраняет в себе особенности речевых явлений прошлого, культуру народа. Это, как в капле воды отражается солнце, отмечается и в микропонимах деревни Михалки.

Я сам родом из этой деревни, провел в ней свое детство.

По происхождению д. Михалки – одна из древнейших на Мозырщине, она имела богатую историю. Имеются упоминания о том, что она существовала уже с XIV века. Но так случилось, что в XX веке жизнь ее остановилась. Это связано с тем, что с 1968 года рядом с деревней началось строительство целой системы заводов, в том числе и такого нефтегиганта, как «Мозырский нефтеперерабатывающий завод». Близлежащие деревни Михалки и Кустовница подлежали сносу.

Отметим, что до настоящего времени наименования мест, служащих для называния определенных географических объектов и не занятых цехами заводов, обозначаются, как и прежде, при жизни деревни.

Особенности развития деревни, культура сельчан закреплялись в местных названиях (названиях местных урочищ, полей, сенокосов и т.п.), употреблялись бывшими жителями данной деревни для точного наименования местоположения объекта, а в настоящее время в неофициальных беседах употребляются работниками Мозырского нефтеперерабатывающего завода для обозначения мест близлежащих к заводу.

По семантике производящих основ микропонимы д. Михалки, как и в целом микропонимы-существительные мозырского Полесья [2, с. 131], можно подразделить на две группы:

1. микропонимы, созданные на базе апеллятивов;
2. микропонимы, созданные на базе антропонимов

О самом названии деревни – Михалки – существует легенда. В ней говорится о том, что ранее христианам запрещалось жениться на иноверцах, а некий парень Михал, любивший еврейскую девушку Хайку, убежал от преследований и поселился с ней на краю непроходимого болота. От слияния имен "Михала" и "Хайки" и произошло наименование Михалки, в дальнейшем трансформировавшееся в Михалки. Белорусский писатель Л. Прокша в своей книге «За Добрыцкай рэчкай» пишет относительно происхождения топонима Ми-

халки о том, что названия деревень Михалки, Кустовница и Митьки (они располагаются близко друг от друга) даны по именам первопоселенцев – трех братьев – Михала, Кости и Митьки.

Деревня Михалки была окружена со всех сторон сосновыми лесами и дубравами. Для точного обозначения этих мест им давались соответствующие названия. Так, к юго-востоку от Михалок находились урочища, которые назывались "*Линёц*" и "*Сабинóв*". Из истории известно, что эти леса до революции принадлежали пану Линкевичу, у которого была дочь Сабина, и названия были даны по имени бывшего владельца лесов – пана Линкевича и его дочери Сабины.

С северо-запада от деревни располагался вековой дубовый лес (как говорили старожилы, никто не помнил, чтобы его когда-нибудь сажали, он вырос «самосеем»), и называли его за «солидный возраст» "*Старина*". Рядом с урочищем «*Старина*» имеется еще одно урочище – "*Кóйров*", в котором был когда-то громадный ров, вымытый ливнями. Название, как нам видится, дано по слиянию указательного местоимения "*той*" плюс существительное "*ров*", которое затем трансформировалось в "*Кóйров*".

Между данными урочищами имеется относительно открытое место, гектара три, – "*Мейлохова поляна*", в настоящее время оно частично засажено елью, в большинстве же заросло самосеянными деревьями лиственных пород, на краю поляны до настоящего времени остались следы фундамента дома, полузаваленный колодец, одичавшие плодовые деревья. Название "*Мейлохова поляна*" дано по фамилии человека Мейлоха, который в связи со Столыпинскими реформами в начале 20 века перешел жить из деревни на хутора, так называемые отруба.

Среди поля была рукотворная возвышенность, а рядом с ней котлован, из которого местные жители брали для хозяйственных нужд глину. Это место называлось "*Клунище*" в связи с тем, что здесь ранее стояла клуня – постройка, где обрабатывали лён.

К западу от деревни располагалось поле, которое называлось "*Кáмень*", называли его так потому, что на этом поле было много камней и для того, чтобы можно было успешно вести на нем сельскохозяйственные работы, камни приходилось постоянно убирать.

Недалеко от данного поля, в отдалении от деревни стояла большая деревянная постройка для хранения сена, которую называ-

ли "гумно". Само же место именовалось "загумённое" или "гумнице".

К северу от Михалок, близ поселка «Дружба», располагающегося рядом с линейной перекачивающей диспетчерской станцией (название дано по одноименному нефтепроводу «Дружба»), находится поляна "Скомороховка". Относительно названия существует легенда о том, что на этой поляне перед войсками Петра I, которые здесь отдыхали несколько дней, выступали скоморохи, – так и закрепилось за данным местом название "Скомороховка".

В деревне было несколько микроселений – собственно "Михалки", "Новосёлки", "Слободка", "Пигаровка", "Купреевка", "Калёник", "Берёзки", образующих незаконченный квадрат вокруг болота. По данным наименованиям в 70-ые годы 20 века были названы улицы деревни. *Новосёлки* (довольно распространенное название в Беларуси) получили свое название в связи с новыми постройками, возведенными по соседству со старым селением. "Пигаровка" – за то, что в 40-ые годы эта часть деревни полностью сгорела и остались одни угли – "пигарки". "Берёзки" – за то, что недалеко от селений были громадные красивые берёзы, как говорили, остатки "Екатери́нинского шля́ха". "Калёник" и "Купреевка" – по фамилиям местных жителей Каленика и Купрея.

В центре деревни раньше стояла церковь, рядом с ней сад – несколько десятков яблонь – и колодец. Само это место называлось "Церкови́ще". Сад и колодец назывались соответственно "Попов сад" и "Попов колодец". После революции церковь была разрушена, а на ее месте (и из ее материала) построен клуб, и место стали называть двояко: более старые люди "Церкови́щем", а молодые – "Клубо́вищем".

Кроме данных наименований существовали и названия более мелких объектов, например, "поплав" – луг, "резервы" – часть болотистого места, "сажалка" – озеро, "шилега" – место, заросшее кустарником, "шмойлова долина" – часть сеножати в лесу, "домики" – часть жилых построек, находящихся недалеко от деревни.

В настоящее время вся территория на месте снесенных деревень Михалки и Кустовница именуется как «Промышленная зона Михалки» (в связи с тем, что Михалки были центром сельского совета) или называется сокращенно и безлико – промзона.

Деревни Михалки в Мозырском районе Гомельской области уже нет, но наименования объектов остались. В связи с этим особый

интерес приобретают названия, которые бытовали в этой местности при ее жизни.

Таким образом, изучение микропонимии позволяет сохранить культурный пласт порой даже утерянных материальных объектов (населенных пунктов, урочищ и т.п.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванова, А.А. Микропонимия Мозырского Полесья : монография / А.А.Иванова.-- Мозырь, 2007.—220с.

2. Иванова, А.А. Мікратопімы-назоўнікі Мазырскага Полесься ў форме множнага ліку //Беларуская амамастыка, 2 /Зборнік / Рэд В.П.Лемцюгова.– Мн, 1981.

3. Станкевіч, А.А. Да пытання аб тыпах унутранай формы гутарковага слова / А.А. Станкевіч // Рэгіянальныя традыцыі ва ўсходнеславянскіх мовах, літаратурах і фальклоры: тэз. дакл. II рэсп. навук. канф. 25-26 верасня 1980 г. / Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт. – Гомель, 1980.– 183с.

4. Толстой, Н.И. Атлас духовной культуры Полесья – лингвистический, фольклорный и этнографический аспекты / Н.И. Толстой // Рэгіянальныя традыцыі ва ўсходнеславянскіх мовах, літаратурах і фальклоры: тэз. дакл. II рэсп. навук. канф. 25-26 верасня 1980 г. / Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт. – Гомель, 1980.– 183с.

Воробьева Т. С.

*УО «Могилевский государственный университет
имени А.А. Кулешова», г. Могилев (Беларусь)
e-mail: tanyhav70@gmail.com*

УДК 811.161.1'373.21

**Неофициальные урбанонимы как часть топонимического пространства современного города
(на примере города Могилева)**

*Varabyova Tatsiana Stanislavovna
Mogilev state University named after A.A.Kuleshov
Mogilev (Belarus)*

UDC 811.161.1'373.21

**Informal urbanonyms as a part of toponymic space of modern city
(on example of Mogilev)**

В статье рассматриваются разновидности неофициальных урбанонимов Могилева, которые функционируют в разговорной речи и отражают живую рефлексию современных горожан, их экспрессивное, эмоционально-оценочное восприятие различных объектов.

Ключевые слова: ономастика, неофициальный урбаноним, топоним, топонимическое пространство, язык города, субстандартная лексика

The article examines the varieties of informal urbanonyms of the city of Mogilev, that function in speaking and present the living reflection of modern townspeople, their expressive, emotionally-estimated perception of different objects.

Keywords: onomatology, informal urbanonym, toponym, toponymic space, language of the city, substandard vocabulary

В последнее время актуальным направлением современных лингвистических исследований является изучение языка города. Существует особый именной пласт разговорной лексики, создаваемый самими горожанами вне официальной городской ономастики. Многие исследователи называют его неофициальной ономастической лексикой, относят к субстандартной лексике, «находящейся за пределами литературной нормы и в то же время не относящейся ни к территориальным диалектам, ни к просторечию» [4, с.58]. Значимой частью субстандартной ономастической лексики являются не-

официальные урбанонимы. Рассмотрим их особенности на примере топонимического пространства города Могилева.

Неофициальные урбанонимы – это названия городских реалий, которые представлены в разговорной речи жителей Могилева. В топонимическом пространстве любого современного города неофициальные урбанонимы занимают особое место, так как позволяют горожанам комфортно чувствовать себя в пространстве, выполняя функцию ориентиров, отражают историю конкретного города, формируют его культурный облик, передают творчество жителей, принимающих активное участие в наименовании различных городских объектов.

Многие исследователи выделяют два типа номинаций городских объектов:

- 1) Номинации, являющиеся «отображением» официально существующих названий, их модификацией и / или мутацией.
- 2) Собственно-народные топонимические номинации, не связанные непосредственно с формами официальных урбанонимов.

Неофициальные топонимы в основном второго типа экспрессивны по форме и содержанию, многообразны по мотивам номинации.

В науке нет пока единой терминологии для названия этих типов номинаций. Одни исследователи выделяют среди неофициальных урбанонимов названия-архаизмы и названия-историзмы [4, с.61].

По мнению О.А.Шариповой, среди неофициальных топонимов можно выделить мотивированные и немотивированные официальными названиями [5]. Мотивированными являются такие урбанонимы, названия которых являются семантически выводимыми из официальных топонимов. Их отличительное свойство – семантическая вторичность. Немотивированными являются урбанонимы, условно обозначающие объекты действительности и являющиеся первичными номинациями. Именно при образовании немотивированных урбанонимов ярко проявляется народное языковое творчество. В них «эксплицируется история городских районов, улиц, отдельных зданий города» [5, с. 205].

В данном исследовании мы используем собственную терминологию, полученную в результате анализа собранных нами неофициальных урбанонимов города Могилева.

Все неофициальные урбанонимы условно разделяем на две группы: *переименованные* и *придуманые*.

К первой группе мы относим урбанонимы, которые были официально переименованы, но в разговорной речи до сих пор бытует их первоначальное название. Например, *Лявониха* – в настоящее время это магазин «Ткани», *Спутник* – в настоящее время магазин «Спорт-мастер» на улице Первомайской, *Березка* – в настоящее время магазин «Изумруд», *кафе «Дубрава»* – в настоящее время кафе «Дионис», *магазин «Ласточка»* – в настоящее время мебельный магазин на проспекте Мира, *гастроном «Театральный»* – в настоящее время магазин «Твой выбор», *магазин «Молодежный»* – в настоящее время магазин «Юбилейный», *49-ый магазин* – в настоящее время магазин «Квартал», *магазин «Красный»* – магазин «Квартал» на улице Фатина, *магазин «Машека»* – в настоящее время магазин «Перекресток», *магазин «Европейский»* – в настоящее время магазин «У дома» на бульваре Непокоренных, *Универсам №4* – магазин «Квартал вкуса» возле ресторана «Ясень», Советская площадь – площадь Славы, *фабрика «Володарка»* – в настоящее время фабрика «Веснянка» и др.

Урбанонимы данного типа просты и имеют прозрачную мотивацию. В большинстве случаев они понятны всем жителям города.

Во вторую группу входят:

1) урбанонимы, неофициальное название которых придумано самими горожанами, официальных названий у таких урбанонимов не существовало и не существует. Например, *Мельница* – район Мелькомбината, *Веска* – район около школы милиции, *Камчатка* – частный сектор около Лавсановской больницы, *Струиня* – частный сектор в районе площади Космонавтов, *Пелагеевна или Пелагеевка* – район возле Областного центра творчества, *Сосонник* – район городского Тубдиспансера, *район Дубки* – частный сектор за СШ №12, *Холмы* – район за заводом Кирова к Днепру, *Рентген* – часть улицы от кинотеатра «Чырвоная Зорка» до бывшего ДК швейников, *Долина любви* – лесополоса за городской тюрьмой №4, *Горбатый мост* – мост в районе завода Куйбышева, *Серый дом* – дом на улице Челюскинцев, *Свечка* – здание на проспекте Мира, *Китайская стена* – здание около магазина «Изумруд», *Бесхайм* – еврейское кладбище на улице Ольчинской, *Под часами* – место под часами на железнодорожном вокзале, *Дедова хата* – автозаправка напротив желатинового завода, раньше был частный сектор др.

Урбанонимы этого типа образуются самыми разными способами, имеют различную мотивировку номинаций, зачастую служат

метафорическим переосмыслением значения на основе сходства по цвету, свойству, форме и т.д.

Были зафиксированы случаи, когда неофициальное название становилось официальным. В этой связи интересен пример урбанонима из этой группы – *Болото*. В Могилеве так называют район площади Космонавтов, где очень давно была заболоченная местность, а чаще так называют продовольственный магазин, который там есть и сейчас. Могилевский урбаноним *Болото* – результат метонимического переноса. Новый владелец этого магазина использовал народное название и превратил его в официальное. Какое-то время этот объект так и назывался – *магазин «На болоте»*, пока снова не сменился владелец. Сейчас магазин официально переименовали «Фортуна», но в народе его все равно называют *Болото*;

2) наименования объектов, в основе которых лежит историческая мотивация. Например, *Машековка* (название района пошло от имени жившего раньше в этих окрестностях Машеки), *Английский* (название магазина на проспекте Шмидта, берет свою историю с конца 60-х годов, когда на предприятие «Химволокно» были приглашены английские специалисты. Они жили с семьями в доме №20, а магазин в доме № 24 был ими наиболее посещаем), *Подниколье* (название пошло от Свято-Никольского храма, который находился в этой местности, сейчас он отреставрирован), *8-й кирпичный* (название района объясняется следующим образом: до войны в этой местности существовала небольшая деревня, а рядом с ней кирпичные заводы, после войны этот район стал так и называться – 8-й кирпичный), *Дом №90* (дом №42 на улице Первомайской называют девяностым, и это название имеет свою историю: здание было построено до войны специально для семей правительства, когда в конце 30-х годов прошлого столетия в Могилев собирались переносить столицу. Поначалу он действительно носил номер 90, но во время войны половина Первомайской была уничтожена бомбежками и пожарами, нумерация изменилась, а название осталось).

«Актуальным представляется рассмотрение вопросов вовлечения собственных имен в процессы вторичной номинации, исследование экстралингвистических и языковых факторов, влияющих на приобретение онимами референтных коннотаций» [3, с. 302].

Так, среди неофициальных урбанонимов города Могилева встречаются и прецедентные имена: *Китайская стена* (дом большой протяженности на улице Первомайской), *Поле чудес* (улица

Габровская), *Бухенвальд* (столовая №1 на улице Ленинской), *Курская дуга* (жилой дом дугообразной формы на углу улиц Первомайской и Миронова), *Царское село* (район за железнодорожным вокзалом, идущий параллельно улице Актюбинской, застроенный частными внушительными особняками), *Пизанская башня* (наклонившийся жилой дом на проспекте Мира), *Три поросенка* (три магазина в доме №7 по проспекту Шмидта – «Возле дома», «Заря», «Колос», объединенных покупателями в одно неофициальное название из-за мясного ассортимента продукции), *Кошкин дом* (здание Исполнительного комитета Ленинского района города Могилева) и др.

Отдельные прецедентные имена встречаются в неофициальной урбанонимии и других городов. Так, например, во многих городах есть такой урбаноним, как *Китайская стена*. Его используют для наименования дома большой протяженности в пространстве, что своим видом напоминает памятник всемирного значения, который находится в Китае – Великую Китайскую стену. В Могилеве *Китайской стеной* называют длинный жилой дом, растянувшийся на целый квартал улицы Первомайской. В Брянске это высотный жилой дом по улице 3 Интернационала. Урбаноним *Китайская стена* как наименование одиночного длинного дома встречается в Смоленске. «В Минске же Китайской стеной называют целый комплекс жилых домов по улице Максима Танка с 4-го по 36-й» [2, с. 50].

В неофициальных урбанонимах отчетливо проявляются языковая игра, юмор, ирония, нередко пародия. В них заключены оценочные характеристики, благодаря которым горожане показывают свое отношение к различным объектам, а оно может быть пренебрежительное (*магазин «Грязный»*), ироническое (*Долина любви* – лесополоса за городской тюрьмой №4), «уважительно-почтительное» [1, с. 204] (*Чапаевка, Менжинка* – названия районов), «покровительственно-снисходительное» [1, с. 204] (*Китайская стена*).

Таким образом, неофициальные урбанонимы являются важной составляющей топонимического пространства города Могилева. Они бывают придуманные и переименованные. К переименованным урбанонимам в основном относятся магазины, кафе, рестораны, также встречаются фабрики и площади. К придуманным урбанонимам относятся районы частного сектора, улицы (части улиц), мосты, дома, кладбища, университеты, библиотеки, общежития, предприятия, поликлиники, больницы, автостоянки, дома культуры. Благо-

даря неофициальным названиям воссоздается закрепленный в народном сознании образ города.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бобкова, Т. Г. Исторический материал в неофициальной топонимике Могилева / Т. Г. Бобкова // Ономастика в Смоленске и Витебске: проблемы и перспективы исследования: материалы Международной научно-практической конференции, Смоленск, 17-18 марта 2015 г. / отв. ред. И. А. Королёва. – Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2015. – С. 201–205.

2. Бутеев, Д. В. Сопоставительный анализ неофициальной топонимии Смоленска и Минска / Д. В. Бутеев, А. И. Винокуров // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования : сб. науч. ст. / сост.: А. М. Мезенко [и др.] ; под науч. ред. А. М. Мезенко. – Витебск : ВГУ им. П. М. Машерова, 2016. – С. 49–52.

3. Ганжина, И. М. Неофициальные урбанонимы Твери как культурно-языковой феномен: перспективы изучения / И. М. Ганжина // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования : сб. науч. ст. / сост.: А. М. Мезенко [и др.] ; под науч. ред. А. М. Мезенко. – Витебск : ВГУ им. П. М. Машерова, 2016. – С. 300–303.

4. Клименко, Е. Н. Неофициальная ономастика Екатеринбургa и причины ее появления в речи горожан / Е. Н. Клименко, Т. В. Попова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – № 1 (292). – Вып. 73. – С. 58–63.

5. Шарипова, О. А. Неофициальные топонимы как подсистема языка города [Электронный ресурс] / О. А. Шарипова // Ярославский педагогический вестник. – 2012. – № 4, т. 1 : (Гуманитарные науки). – Режим доступа: http://vestnik.yspu.org/releases/2012_4g/45.pdf. – Дата доступа: 21.05.2017.

Королевич С.А.

*УО «Брестский государственный университет
имени А.С. Пушкина», г. Брест (Беларусь)*

e-mail: stak54@mail.ru

УДК 811.161.3'373.23

**Прагматика гипокористического имени в говоре деревни
Вулька Лавская Пинского района**

Korolevich Stanislawa Antonovna

A.S. Pushkin Brest State University, Brest (Belarus)

UDC 811.161.3'373.23

**Pragmatics of the hypocoristic name in the subdialect
of the Vulka Lavskaya village, Pinsk district**

В статье приводится описание гипокористических форм антропонимов, бытующих в говоре отдельной деревни; определяются их структурные особенности и прагматические смыслы как способы обеспечения идентифицирующей функции имени и характеристики его носителя.

Ключевые слова: местный говор, гипокористическое имя, структура, прагматические характеристики.

The article describes the hypocoristic forms of the anthroponyms, existing in the subdialect of the village; their structural features and pragmatic meanings, as ways to provide the identifying function of the name and the characteristics of its bearer, are determined

Keywords: local subdialect, hypocoristic name, structure, pragmatic characteristics.

О семиотической природе личного имени собственного исследователи спорят [1, с. 154; 3, с. 110], но мысль о наличии в содержательной структуре антропонима определенных коннотаций, или прагматики, принимается единодушно. Спектр возможных прагматических смыслов личного имени может найти выражение в коннотациях, обусловленных внеязыковыми факторами – национально-культурных, социальных, психологических (оценочных, эмоциональных, экспрессивных и др.). Возможны также внутриязыковые коннотации – диахронические и мотивационные (этимология, принадлежность к определенному

историческому пласту, употребительность, устойчивые ассоциации, связанные с образом носителя имени и т.п.).

Наиболее выразительно коннотации предстают в антропонимах говора отдельного селения. Содержательность имени зависит от степени осведомленности коммуникантов о его носителе. О. Есперсен подчеркивал это почти 100 лет назад, написав, что если услышать про какого-нибудь человека впервые или первый раз встретить его имя в газетах, то не будешь знать о нём ничего, кроме имени. Но чем больше вам придётся слышать о нём и видеть его, тем более имя его наполняется для вас содержанием [2, с. 72].

Именно поэтому необычайно ёмким бывает прагматическое содержание антропонима в говоре отдельного селения, особенно небольшого, как моя родная деревня Вулька Лавская. Сфера функционирования имён здесь отмечена узостью, теснотой и даже замкнутостью, потому что в деревне, в лучшие имена насчитывающей около 330 человек, каждый человек находился на виду.

Прагматике личных имён в говоре нашего селения изначально была свойственна особая – в сравнении с семантикой – динамичность из-за тесной связи с социокультурными процессами в истории деревни. В силу особого географического положения деревни и особой её истории эти процессы были многообразными. Расположенная на юге современной Брестской области, вблизи границ с Украиной и Польшей, деревня была основана как вольное поселение во времена Речи Посполитой (польское *Wólka* от *воля*), позже стала частью Российского государства, была в составе Польши, СССР и Беларуси.

На протяжении послевоенного периода в именованном воленцев (так исконно называют жителей деревни) использовалось 58 мужских имён и 51 женское имя. 218 жителей деревни выступали носителями мужских имён, а 202 жительницы – женских. Имена аккумулировали в себе выразительные национально-культурные коннотации, свойственные языку в целом, выступали принадлежностью и православного (*Иван, Александр, Владимир, Галина, Софья, Елена* и др.), и католического (*Казимир, Бронислав, Алина, Ядвига, Альбертина, Эмма* и др.) церковных календарей; отмечены типичной для восточнославянских территорий частотностью: *Иван* (21 носитель из числа жителей деревни); *Сергей* (15 носителей); *Николай* и *Александр* (по 14); *Владимир* (11); *Нина*

(15), *Мария* (14), *Галина* (14), *Вера*, *Елена* (по 10) и др.; в именослове ожидаемо преобладают традиционные антропонимы, хотя в 40–50-е годы замечено появление «культурных», «городских» имён, нехарактерных для западнобелорусских деревень: *Игорь*, *Валерий*, *Виталий*, *Арсений*, *Ростислав*, *Олег*, *Ада*, *Дана*, *Зинаида*, *Изабелла*, *Тамара*.

Типичной особенностью функционирования антропонимов в говоре нашего селения является их употребление в неофициальной форме. Использование гипокористических форм объективно обусловлено самой сферой бытового общения, характерной для деревни. Кроме того, варьирование форм антропонима вызвано необходимостью дифференциации носителей одинаковых имён. Наконец, использование той или иной формы уменьшительного имени имеет целью выразить отношение говорящего к имяносителю.

Вследствие названных причин чуть ли не для каждого из антропонимов, известных в воленском говоре, образуются разные по объёму ряды уменьшительных имён. Так, повторяющееся имя *Иван* могло обретать такие формы, как *Иванко*, *Ваня*, *Ванька*, *Янэк*, *Янчык*, *Ясё*, *Яськó*. *Николай* – *Коля*, *Колькó*, *Коль*, *Колик*, *Колюн*; *Александр* – *Óлесь*, *Óлек*, *Саша*, *Сашка*, *Алё*, *Алик*; *Павел* – *Павцё*, *Павлик*, *Павлюк*, *Паша*; *Михаил* – *Миша*, *Михалко*, *Мишка*, *Мыка*; *Григорий* – *Грыша*, *Грышка*, *Грыц*, *Грыка*. Имя *Мария* выступало в формах *Маня*, *Манька*, *Маруся*, *Маруська*, *Марылька*, *Марынджа*; *Елена* – *Гэля*, *Гэлечка*, *Лёля*, *Лена*, *Ленка*; *Софья* – *Зоня*, *Зося*, *Софа*, *Соня*, *Сонька*; *Анна* – *Ганя*, *Гандзя*, *Аня*, *Анютка*; *Александра* – *Олеся*, *Саня*, *Саша*, *Шурка*; имя *Янина* имело формы *Янка*, *Яня* и *Яся*; *Евдокия* – *Евда*, *Евдоська* и т. д.

Состав гипокористических форм, как и антропонимов в официальной форме, показателен для социальной, конфессиональной и возрастной дифференциации жителей деревни. Родившиеся в самом начале XX в. потомки Марцинкевичей – рода основателей деревни, носили «семейные» имена-гипокористики с ударением, типичным для польского языка: *Óлесь* (*Александр*), *Кóстусь* (*Константин*), *Пётрусь* (*Пётр*), *Базё* / *Базик* (*Василий*), *Павцё* (*Павел*). По гипокористикам можно было идентифицировать католиков: *Казё* (*Казимир*), *Болё* (*Болеслав*), *Домцё* (*Доминик*), *Фэля* (*Фелиция*), *Тэся* (*Тереза*), *Ядзя* (*Ядвига*). В уменьшительных именах сохранялась также информация о возрастной дифференциации

носителей имени. Архаичные, редкие имена принадлежали рожденным в первые десятилетия XX века мужчинам (*Фáбо* (*Фабиан*), *Фанё* (*Феофан*), *Кодё* (*Никодим*), *Оныс* (*Онисим*), *Юзё* (*Иосиф*)).

Уменьшительное имя можно рассматривать как знак возраста и социальной характеристики одновременно. Так, носителями новомодных, экзотических для воленского говора женских антропонимов – *Иза* (от *Изабелла*), *Нэлька* (*Нелли*), *Лиля* (*Лилия*), *Нонка* (*Нонна*) – становились только представители поколения 70-х, причем сначала в семьях местной интеллигенции.

Обилие гипокористических форм антропонимов позволяет выделить несколько регулярно проявляющихся их структурных разновидностей, тоже значимых прагматически. Для мужских антропонимов это формы на *-ё / -о*: *Фáбо*, *Стахо*, *Толё*, *Виталё*, *Казё*, *Тосё*, *Вацё*, *Вицё* (*Виктор*) и т. п. Они содержат коннотативный признак «возрастная характеристика», принадлежали взрослым или пожилым мужчинам, использовались как по отношению к потомкам основателей деревни, так и к переселенцам, называли православных и католиков. Спорадически отмеченные формы имён с нулевым окончанием и суффиксами *-усь*, *-сь* (*Кóстусь*, *Пётрусь*, *Олесь*, *Адась*) именовали ныне ушедших старожилов и могут считаться устаревшими. Формы с нулевым окончанием и суффиксом *-ек / -эк* (*Антэк*, *Болек*, *Владэк*, *Янэк*) в говоре деревни последовательно именуют жителей-католиков. Формы на *-а*, *-я* (*Саша*, *Алёша*, *Ваня*, *Володя*, *Коля*, *Пашиа*) – это актуальные формы мужских имён, закрепившиеся во второй половине XX века. Они называют либо потомков переселенцев с окрестных хуторов, либо представителей младшего поколения.

Гипокористики с нулевым окончанием и суффиксом *-ик / -ык* (*Алик*, *Косцик*, *Базик*, *Тосик*, *Колик*, *Жоржык*, *Валерык*) могли выражать прагматические смыслы двоякого рода, в целом нейтральные или позитивные. Во-первых, независимо от возраста носителей они называли «детей» воленцев (*Базик*, *Толик*, *Валерык*, *Алик*); во-вторых – низкорослых мужчин (*Жоржык*, *Янчык*, *Казик*). В отличие от них уменьшительные имена с суффиксом *-к(-а)* использовались для национально-культурной идентификации и одновременно снисходительной характеристики беженцев-мужчин разного возраста из России, попавших в деревню во время войны (*Мишка* и *Ванька Гарасенковы*, *Лёнька* и *Ванька Шурчыны*). Однако в апеллятивной

функции такие формы функционировали как уменьшительно-ласкательные (*Жэник, Сашка, Витька*).

Отрицательные оценочные смыслы имели гипокористические формы имён местных колхозников на *-к(ó)* (*Василькó, Сцёпкó, Яськó*), указывающие как на невысокий рост носителей этих имён, так и на невысокий их авторитет. Особой коннотацией крайнего пренебрежения отмечены «усеченные» формы гипокористических имён на *-а, -я*: *Пэть (Петя), Коль (Коля)*.

Единичные примеры с уникальными суффиксами, например, *Пэтюра (Пётр), Павлюк (Павел), Колюн (Николай), Грыка (Гриша), Мыка (Миша)*, требуют отдельного рассмотрения, так как их прагматика обусловлена субъективными факторами: биографией, внешним видом, поведением именованных.

Гипокористические формы женских имён последовательно оканчиваются на *-а, -я*, но их структура и прагматика тоже отличаются благодаря суффиксам. Наиболее продуктивны формы с суффиксом *-к-(а)*: *Манька, Танька, Жэнька, Шурка, Панька, Наташка, Нинка, Янка*. Прагматическая нагрузка таких структур многозначна. Во-первых, как и в мужских именах, суффикс *-к-(а)* был национально-культурным маркером имён беженцев, поселившихся в деревне в годы войны и так называвших друг друга (*Панька, Танька, Нинка, Шурка*). Во-вторых, это был суффикс «детей» – так называли младших в семье: *Ленка, Валька, Людка, Наташка*. Наконец, в функции обращения такие формы квалифицируются как уменьшительно-ласкательные: *Лилька, Сонька, Таська*.

Формы имён, в структуре которых были элементы *-ечк-, -ушк-, -ютк-*, реализовали либо дополнительный признак ‘невысокий рост’ (*Насцечка, Лидушка*), независимый от возраста, либо позитивную оценку (*Гэлечка, Анютка* – эти женщины были по натуре мягкими и доброжелательными). Единожды отмеченные имена с суффиксами *-уськ-, -ёньк-, -оськ-* ассоциировались с негативной оценкой, потому что *Маруськой* звали местную блудницу, *Васёнькой* – невзрачную, косоглазую переселенку, а *Евдоська* была бедствующей женщиной, обременённой большим семейством и незрячим мужем.

Чаще всего гипокористики выполняли в говоре дифференцирующую функцию, будучи закреплёнными за определёнными носителями. Например, повторяющееся имя *Антон* имело особые формы для каждого из четырёх носителей: *Тонё* (Антон Хоровец); *Тосё* (Антон Лесневский); *Антосё* (Антон Петруко-

вич); *Антэк* (Антон Королевич). Имя *Янина* трансформировалось в уменьшительную форму *Янка* для Янины Марцинкевич (она остаётся Янкой и в 92 года); *Яня* – для Янины Ивинской и *Яся* – для Янины Королевич.

Как правило, уменьшительные формы имён могли выражать целый комплекс дополнительных прагматических смыслов одновременно. Так, *Ваней* любовно-уважительно называли одного из потомков основателей деревни, серьёзного, сдержанного, красивого человека, к сожалению рано ушедшего из жизни. А доживший до внуков статный и рослый, но пьющий и беспутный мужчина, поселившийся в деревне в годы войны, на протяжении последующих 65 лет оставался *Ванькой*. *Янчыком* звали невысокого, весёлого, обаятельного танцора и дамского угодника, работавшего в колхозе шофёром. *Ясько* тоже получил имя из-за низкого роста, но он был чужаком в деревне, которого не все приняли в качестве заведующего фермой. В каждом случае гипокористическое имя от антропонима *Иван* содержит индивидуальный оценочный смысл.

Дифференциация носителей одинаковых имён с помощью гипокористик могла проводиться в соответствии с социально-возрастными признаками, которые дополнялись иными характеристиками. Например, имя *Василий* функционировало как *Базик* при именовании младшего потомка основателей деревни Марцинкевичей; пренебрежительная форма *Василько́* закрепилась тоже за пожилым человеком, но он был деревенским пастухом-неудачником; имя *Вася* носил молодой сын колхозного бригадира. Социально-возрастные, физические и психологические признаки именователей находили преломление и в формах женских имён. Например, форма имени *Гэля* (от Елена) функционировала среди воленцев, чьи предки были из крестьян. Деминутивная форма *Гэлечка* закрепилась за невысокой пухленькой женщиной, приветливой и мягкой. Её соседка, высокая, худая, суховатая в обращении женщина, именовалась только *Гэля*. Для называния Елен из семей старожилов использовалась форма *Лёля*. Елены, появлявшиеся позже, именуется *Лена*, *Ленка*. Интересны гипокористики от имени *Евдокия* – *Евда* (сухопарая, молчаливая, строгая старуха) и упоминавшаяся выше *Евдоська* (маленькая, шустрая, вечно озабоченная мать многочисленной семьи); от имени *Василиса* – *Васа* (статная, красивая женщина) и *Васёнька*

(маленькая, тощая, косоглазая); от *Прасковья – Пракседа* (больная, парализованная старуха) и *Панька* (улыбчивая, лёгкая в общении); от *Анастасия – Настася* (спокойная, исполненная достоинства мать пяти взрослых мужчин) и *Насцечка* (маленькая одинокая старушка) и мн. др.

Наши наблюдения позволяют заключить, что гипокористические формы личных имён в говоре отдельного селения не только выступают продуктивным способом идентификации и дифференциации имяносителей, не только содержат информацию о таких значимых прагматических признаках, как национально-культурная принадлежность лица, его социально-возрастной статус, поведенческая характеристика, но и реализуют особые, характерные только для местного антропонимикона прагматические смыслы, устойчивые ассоциации, связанные с образом носителя имени. Эти дополнительные смыслы выявляются и в содержании, и в форме антропонима.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко, Н. Ф. Спорные проблемы семантики / Н. Ф. Алефиренко. – Волгоград : Перемена, 1999. – 273 с.
2. Есперсен, О. Философия грамматики / О. Есперсен.; пер. с англ. В. В. Пассека и С. П. Сафроновой. – Изд. 2. – М. : УРСС, 2002. – 404 с.
3. Руднев, В. П. Словарь культуры XX века / В. П. Руднев. – М. : Аграф, 1999. – 381 с.

Кривцов А.С.

ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени
академика И.Г. Петровского», г. Брянск (Россия)
e-mail: alexey.krivtsov@yandex.ru

УДК 81 ' 33

**Темпорально-типологическая характеристика русских
«говорящих» антропонимов в аспекте развития
современных ономастических исследований**

Krivcov Aleksej Sergeevich

*Bryansk state University named after academician I. G. Petrovsky,
Bryansk (Russia)*

UDC 81 ' 33

**Temporal-typological characteristics of russian «speaking»
anthroponyms in the aspect of development of modern onomastic
research**

В статье рассмотрены общие вопросы современной ономастики, проанализированы особенности антропонимов, описаны основные этапы и периоды исторического развития русских имён, представлена типология «говорящего» имени с точки зрения лингвистического, философского и общекультурного компонентов.

Ключевые слова: ономастика, антропонимика, антропоним, имя собственное, «говорящие» имена, типология имени, культурная картина мира.

The article considers the general issues of modern onomastics, analyzes the features of anthroponyms, describes the main stages and periods of the historical development of Russian names, presents the typology of the «speaking» name from the point of view of linguistic, philosophical and general cultural components.

Key words: onomastics, anthroponymics, anthroponym, proper name, «speaking» names, typology of the name, cultural picture of the world.

Ономастика, как многозначный термин, представляет собой, с одной стороны, раздел языкознания, изучающий имена собственные, с другой, – совокупность собственных имён, антропонимов [3, с. 100].

В качестве объектов ономастических исследований выделяют возникновение имён и мотивированность их номинации; становле-

ние имён в классе ономастики и их типологию; процессы трансонимизации и деонимизации, или иначе переход имени собственного из одного класса ономастики в другой (например, фамилии и имена *Нарцисса* (Мифы Древней Греции), *Молчалина*, *Репетилова* (А. С. Грибоедов «Горе от ума»), *Митрофана*, *Вральмана* (Д. И. Фонвизин «Недоросль»), *Шарикова* (М. А. Булгаков «Собачье сердце»), которые впоследствии стали нарицательными); территориальное и языковое распространение онимов, их функционирование в речи и использование в художественной литературе [3, с. 104].

Онимы могут изучаться с точки зрения фонетического аспекта (изменение фонетических процессов для приобретения благозвучия), морфологического (переход в класс ономастики различных частей речи), словообразовательного (способы образования имён собственных), семантического (смысловой компонент имени, а также с учётом того факта, что первоначально имя не несёт никаких семантических свойств, а лишь выполняет назывную функцию), этимологического (историческое возникновение имени собственного). Отмеченные аспекты обуславливают широкую связь ономастики с другими науками, такими как этимология, фонетика, история, география, биология, зоология, астрономия, литературоведение и др. [5, с. 290–291].

Классификация ономастики обширна. Так, по отношению к реальности можно выделить ономастику реалионимов (имена существовавших и существующих объектов: людей, городов, растений и т.п.); ономастику мифонимов (имена вымышленных объектов). В зависимости от языковых особенностей выделяют литературную ономастику (названия, присущие литературному языку), диалектную ономастику (названия-варианты диалектной речи: *Брянск* (*Брянск*), *Генко* (-у), (-ом) (*Генка*), *Хавронья* (*Феврония*), *Степан* (*Стефан*)), поэтическую ономастику (ономастику художественных текстов). В последнюю входят имена литературных персонажей, географических и астрономических объектов («говорящие» имена, прототипы в художественном произведении, намёки на реальные лица и объекты и псевдонимы авторов произведения). С точки зрения синхронии и диахронии ономастику можно подразделить на современную ономастику, изучающую имена собственные на современном этапе развития (синхрония); историческую ономастику, изучающую этапы развития имён собственных, а также выявляющую причины их изменений в историческом контексте (диахрония).

Также выделяют теоретическую ономастику (теория номинации единиц – ономаσιология); прикладную ономастику, которая занимается транскрипцией (звучанием) и транслитерацией (написанием) иноязычных имён собственных, а также устанавливает традиции в употреблении, произношении и написании иноязычных имён [5, с. 290–291].

Ономастика является одним из самых разветвлённых лингвистических направлений, а потому включает в себя обширное множество разделов (топонимика, гидронимика, этнонимика, эргономика и т.д.). Целью данного исследования являются антропонимические языковые объекты. Как известно, антропонимика – раздел языкознания, изучающий имена собственные людей и их составные компоненты (имена личные, отчества, фамилии, прозвища и. т.д.) [5, с. 31–32]. Как упоминалось нами выше, исконно имя собственное служит своим звучанием в отличие от имени нарицательного, то есть имя человека не выражает понятия, не обладает семантикой, а лишь называет лицо (лексическая функция – номинация [8, с. 276]), помогает отличить человека среди остальных. Значимость и характеристику оно приобретает лишь в процессе исторического развития. Имя человека отличается и словообразовательной моделью. В синхронии не имеется никаких способов образования имён, но в процессе развития в их построении участвовали как диахронические, так и современные способы словообразования, поэтому антропонимы, в отличие от нарицательных слов, имеют значительное количество вариантов (усечённая, краткая, неофициальная, разговорная, диалектная формы). Стоит отметить, что вариантность имени образуется только посредством сочетаемости фонетического состава, поэтому для появления имени нужны сложные условия.

Поскольку в основе нашей работы лежат именно «говорящие» имена, которые не только называют человека, но и несут некоторое значение и имеют определённые формы, следует дать краткую характеристику *основных этапов развития системы русских имён* [1, с. 95–138], чтобы объяснить, откуда и почему начинается семантика того или иного имени. Кроме того, приведём классификацию говорящих имен по трём семантическим аспектам.

Дохристианская эпоха становления имени обусловлена естественностью и фрагментарностью развития русской антропонимики. Известно, что в летописях фиксировались скандинавские имена (например, из династии Рюриковичей это были имена *Рюрик, Олег,*

Игорь, Ольга), тюркские имена (*Тимур, Сабур, Аксак* (впоследствии фамилия *Аксаков*)), имена литовских князей (*Витовт, Довмонт*), кавказские имена (*Шамиль*). «Говорящий» характер несли такие древнейшие славянские имена, общие для многих славянских народов и состоявшие, как правило, из двух корней, или основ, как *Святослав, Всеволод, Ростислав, Мирослав, Мечислав, Ратибор, Дорогобуд, Ярополк, Святополк, Ярослав, Брючислав, Вячеслав* и т.д. Все вышеперечисленные имена были характерны, главным образом, для князей, неслучайно приведённые имена часто называют княжескими. Дохристианские имена дружинников и рядовых общинников также происходили от славянских корней, но имели одну основу, например, *Добрыня, Гордята, Вышата* и т.п. Для отмеченного периода характерно первобытное и языческое мышление, поэтому у простолюдинов в дохристианский период было принято давать имена, совпадающие со словами нарицательными, например, *Баба, Беллава, Ждан, Любим, Найдан, Неждан*. Такие имена и позже появлялись при рождении ребенка и употреблялись в бытовой речи. Часто имена в дохристианский период носили отрицательную эмоциональную окраску. Так, имена *Грязной (Грязнуха), Докука, Злоба, Злодей, Негодяй, Нелюб, Некрас, Смертко, Безобраз* давались детям с «профилактической» целью: считалось, что злые духи не обратят внимания на ребенка с «плохим» именем и не причинят ему зла. На основании этого мы можем судить о том, что имя уже приобретает особую значимость, а именно, начинает «говорить» о том или ином лице, характеризует внешние признаки, принадлежность, отражает мировоззрение и т.п.

Период Крещения Руси (XI–XII вв.) стал переломным в русской антропонимической системе. Обряд крещения, строгий определенный перечень “святых” (именослов) обуславливали «святой говорящий» характер имён. Эти имена принято называть календарными (*Павел, Гавриил, Мануил* и т.д.). На Руси был принят календарь восточно-христианской церкви (православной). Календарные имена называли на Руси ещё и греческими, хотя значительная их часть римского, древнееврейского и иного происхождения. Многие календарные имена претерпели на Руси процесс адаптации, приспособились к русскому произношению: из *Иоанна* возник *Иван*, из *Георгия* – *Юрий* и *Егор*, из *Иакова* – *Яков* и т.д. Происхождение многих имён, таких как *Мария, Семён, Александр, Андрей* и др., в этот период можно классифицировать по трём группам: 1) имена героев

древних мифов, богов, героев (например, образованные имена от харит (трёх граций, *Гесиод*): *Аглая* («сияющая»), *Евфросина* («благомыслящая»), *Талия* («цветущая»), от *Геракла* – *Ираклий*, от *Диониса* – *Денис*, *Изида* – *Исидора* (*Исидор*)); 2) имена-эпитеты, которыми награждали богов (например, от *Афродиты Жемчужной* – *Маргарита*, от *Афродиты Морской* (*Марина* (греч. – *Пелагея*))); 3) древнерусские имена, выходящие из язычества (*Лада*, *Любава*).

В период XIV–XV вв. церковные имена распространялись с большим трудом. До XIII–XIV вв. в быту пользовались старыми некалендарными именами, а полученные при крещении имена (календарные) порой сохранялись в тайне, чтобы избежать сглаза. В это время в святцы попали языческие имена князей, признанных святыми: *Владимир*, *Борис*, *Всеволод* и др. Так стал формироваться своеобразный русский (восточнославянский) именовослов. При такой взаимосвязи христианства и язычества имена приходилось либо убирать, либо сохранять, а потому начинают формироваться вторые, «секретные» имена – прозвища. Так, наряду с календарными именами широко использовались прозвища, образованные по разным поводам. Прозвища давались людям по их внешнему виду, качествам характера, манере говорить, по принадлежности их предков к какой-нибудь нерусской народности, по роду деятельности и по разным другим особым обстоятельствам. Так, иногда давали прозвища по порядку рождения (*Первой*, *Старшой*, *Третьяк*, *Пятый*); по временному признаку (*Вешняк*, *Жар*, *Постник*) и т.д. После XIV в. князей требовали именовать только крестильными именами, а после XVII в. требование перешло и на людей всех сословий. Таким образом, древнерусские имена и языческие переходят на положение прозвищ. Запрет диктовал называть себя по-русски. Это было второе искусственное вмешательство в именоворчество после создания восточнославянского именовослова.

Позднее у русских составной частью имени становится и фамилия (от латинского *familia* – семейство) – общее имя членов семьи, наследуемое далее двух поколений. Русские фамилии появились позже других антропонимических компонентов. В XIV в. начали формироваться боярские фамилии, указывающие на принадлежность человека к определенному роду, семье. Затем появляются дворянские, позже – фамилии купечества. И только во второй половине XVI–XVII вв. в связи с составлением писцовых книг, где переписывались все податные, платящие налоги люди (главы семей и их

сыновья), начинают складываться фамилии крестьян, посадского населения, ремесленников, фамилии простолюдинов. Отмеченный период послужил предпосылкой для образования фамилий.

Фамилии в *период XVI-XVII вв.* возникали из двух источников: календарных имен и прозвищ. Общеизвестно, что они образовывались от соответствующих основ с помощью суффиксов притяжательных прилагательных *-ов, -ев, -ин*. Затем в большинстве случаев фамилия становилась именной или прозвищной (*Андрей* (чей?) – *Андреев сын* (*Андреев* – именная), кузнец *Комар* (*Комаров* – прозвищная). Затем по аналогии с именем большинство фамилий этого периода образовались от крестильных имён (*Романов, Григорьев*). Множество фамилий возникло на базе общерусских нейтральных слов, называвших людей по роду занятий (*Хлебников, Ямщиков, Кузнецов*), по принадлежности к определенной народности, по географическому расположению, по месту, откуда вышел человек (*Москвин, Сибирин, Греков, Французов, Поляков, Князев, Боярский, Попов* (последние давались чаще крепостным). Также фамилии возникали от прозвищ из слов, называвших различные качества человека. Были фамилии, образованные от слов, характеризовавших людей по особенностям внешности, по цвету волос и кожи, по особенностям лица и т.п. Большое количество фамилий возникло из прозвищ, сравнивающих людей с птицами, рыбами, животными, насекомыми, растениями, предметами быта, продуктами, разными видами хлеба. Так, среди русских фамилий выделяется особая группа с формантами *-ихин, -ов*. Их возникновение связано с наличием традиции образования женских прозвищ на *-иха* от имени или прозвища мужа: *Ворониха* (от *Ворон*), *Пузатиха* (от *Пузатый*), *Трубничиха* (от *Трубник*), *Юрчиха* (от имени *Юрка*), *Комаров* (от комара), *Зайцев* (от зайца), *Цветков* (от цветка), *Дубов* (от дуба) и пр. Если муж умирал, главой семейства становилась его вдова и, когда в ее хозяйстве появлялся новый муж, ему давали именование, образованное от прозвища жены: *Воронихин, Пузатихин, Трубничихин, Юрчихин, Комарихин, Зайчихин, Дубихин*. Как правило, в такой лексике отмечаются имена общерусские, диалектные и заимствованные. Особый раздел русской антропонимии составляют фамилии лиц духовного звания. Они образовывались тремя путями: по роду занятий – *Дьяконов, Протопопов, Попов*; по приходу – *Ильинский приход (Пётр Ильинский), Казанский (Алексий Казанский), приход Архангела (Архангельский)*. До второй половины XIX в. фамилии давало начальство

духовных семинарий (чаще подобные компоненты были искусственного образования): *Рождественский, Вознесенский, Богословский, Попов, Боголюбов*. Формировались фамилии по названиям экзотических растений (*Абрикосов, Кедров, Розов, Розанов*), по благолепным качествам (*Тихонравов, Добролюбов, Сладкопевцев, Радостей*), по красивым географическим наименованиям и словам (*Африканов, Горизонтов, Европейцев*), по местностям, упоминающимся в Библии (*Иорданский, Иерусалимский*), по переводам русских фамилии на латынь и греческий (*Беневоленский (Добровольский), Флоренский (Цветков), Сперанский (Надеждин)*).

В период XVIII–XIX вв. происходила европеизация страны. На форме имени отразилось западное влияние. Так, имя *Элен* возникло на базе русского *Елена*, имя *Пьер* употреблялось вместо *Пётр*. *Эраст, Эвелина, Альбер* являлись представителями дворянского сословия, *Агафья, Фёкла, Ефросинья* – купцами и крестьянами. Дворянские фамилии часто образовывались по названию владений с формантом *-ский* (*Оболенский, Ухтомский, Ржевский*). В русской традиции фамилии давались по некалендарным именам дедов и отцов с формантами *-ев, -ов, -ин* (*Корсаков, Белафин, Репнин*). Однако часто дворяне 19 века имели внебрачных детей от крестьян, и у таких детей происходило усечение фамилии, чтобы скрыть принадлежность к дворянскому роду и не опозорить его, например, так появлялись фамилии *Агин* (от *Елагин*), *Вранцев* (от *Воронцов*), *Умянцев* (от *Румянцев*).

Период XX в. характеризуется уже сформировавшимся в целом русским именованьем и списком фамилий. Но в советское время он пополнился новыми именами и фамилиями в память о тех или иных революционных деятелях или событиях. Морфологическим способом в его различных разновидностях складывались в 20-50-е гг. такие имена, как *Октябрина* (Октябрьская Революция), *Сталина* (от Сталин), *Владлен* (Владимир Ленин), *Ким* (Коммунистический интернационал молодежи), *Индустрина* (от индустриализации), *Даздраперма* (Да здравствует первое Мая), *Вилор* (Владимир Ильич Ленин Октябрьская революция), *Нинель* (обратное написание имени Ленин). Стали фамилиями партийные клички участников подполья. Популярны были фамилии *Красноармейских, Краснофлотцевых, Октябрьских* и т.п. Чаще всего новые фамилии и имена давались детям-сиротам или беспризорникам.

На рубеже XX и XXI вв. [2, с. 20–22], в том числе и во втором десятилетии нашего века, также наблюдается активное пополнение русского именослова под влиянием англицизмов и американизмов, глобализационных процессов, развития информационной и цифровой среды. Большое значение приобретают такие «неофициальные» компоненты антропонимов, как псевдоним, сетевые имена (никнеймы), влияние на которые оказали формирование рынка для профессионального творчества и создание виртуальной желаемой личности. Но мы рассматриваем семантическую мотивированность имени русского человека вне цифровой среды, где действует метод «от противного» и имя характеризуется в первую очередь такими экстралингвистическими факторами, как самоактуализация, национальная демонстративность и заимствования [4, с.18-25]. Так, для национальной самобытности характерно возвращение древних славянских имён, например, *Богдан, Всеволод, Станислав, Ярослав*. Как фактор самоактуализации частотны такие имена, как *София, Виктория, Дарья, Елизавета, Мария, Артём, Александр, Дмитрий, Даниил* и др., которые в переходный от советского к постсоветскому периоду под влиянием языковой моды и стилистической закреплённости демонстрируют универсальность и уход от советских шаблонов и тенденции, когда детей называли по святым. Однако эти имена могут «говорить» о значении, которое они первоначально закрепляют за собой. Основная цель именования в таком случае – показать разносторонность и самобытность личности, её положительные качества. В области заимствований имеет место быть использование кратких неофициальных форм с ориентацией на западную систему (*Дэн от Дениса, Ник от Никиты* и др.), происходит формирование прозвищ по моделям американской системы (*Ксю от Оксаны, Дрон от Андрея* и др.).

Итак, на основании характеристики основных этапов развития русских имён мы можем сказать, что некоторые имена и все их составные компоненты социальны и историчны, в результате чего произошёл функциональный переход имени от номинации к мотивировке (приобретение семантики). Несомненно, имя и его составные части лишь называли человека и непосредственно образовывались по разным причинам (мировоззренческим, культурным), возникали от сословного происхождения, крестильных имён, от названий профессий, от географических наименований, от прозвищ и так далее. Впоследствии с развитием письменности, науки произошёл

некий переворот, и имена стали не называть, а, наоборот, «говорить», отражать те самые общественные изменения, вкусы, взгляды на предметы, стали характеризовать целые мировоззрения, общественные отношения, традиции. Поэтому имя начинает активно использоваться в литературе как средство характеристики того или иного персонажа (приём «говорящего» имени). Стоит отметить, что само понятие «говорящего» имени никем не было введено в обиход ни в области языка, ни в области литературы. «Говорящие» имена сами по себе складывались в процессе исторического развития. Также, по нашему мнению, имя начинало «говорить» ещё в первобытном обществе, где не было различия между самим человеком и его образом. Имя играло и продолжает играть важную роль в жизни. «Говорящее» имя, как определение, вероятно, зарождается уже с XVIII века, когда имя собственное развивается в поэтической антропонимике, где через антропонимы исторический контекст совместно с авторской коннотацией позволяет дать описание литературных персонажей, определить намёки на реальные лица и объекты.

Исследовав темпоральное развитие антропонимики, функциональный переход имени, активное использование его составной структуры в литературе, мы можем дать собственное определение «говорящего» имени: «говорящие» имена – это имена, составные части которых (фамилия, собственно имя, отчество и прозвище) посредством исторического развития утратили лишь только номинативную функцию и приобрели своеобразное семантическое значение, которое служит средством характеристики того или иного человека и является отражением его культурной картины мира.

В зависимости от приобретённого в диахронии или введённого автором семантического значения, «говорящие» имена можно разбить на три широких семантических группы в зависимости от того, какой компонент заложен в их номинации. К таким компонентам относим лингвистический, философский и общекультурный.

С точки зрения лингвистического компонента «говорящие» имена – это имена, семантика которых лингвистически понятна как с позиции лексикологии, так и словообразования. Имени присуща характерная обусловленность от определённых нарицательных слов, которые помогают представить характеристику того или иного персонажа. *Стародум*, *Вральман* («Недоросль»); *Молчалин*, *Репетилов*, *Тугоуховские*, *Загорецкий* («Горе от ума»); *Смердяков* («Братья Карамазовы»); *Ляпкин-Тяпкин* («Ревизор»); *Добролюбов* («Бригадир»)

и далее – *Добронравов, Надеждинский, Нарциссов, Обновленский, Остроумов, Райский, Раев, Сельский, Сепаратов, Серебрянский, Юстицкий, Обьедков, Дурманов, Глухих, Гвоздев* и т.п. Все производные формы имён образованы напрямую от производящих основ нарицательных слов с помощью собственных исторически сложившихся формантов.

С позиции философского компонента «говорящие» имена – это имена, семантика которых диктует такие качества персонажа, которые напрямую или опосредованно связаны с философами и научными деятелями, повлиявшими на ход философского знания и всех исходящих из него областей. При этом при описании подобных качеств, свойственных тому или иному философу или научному деятелю, стилистическая окраска (авторская коннотация) может быть различной. Часто подобные имена даются при сравнении и образованы с помощью суффиксов притяжательных прилагательных *-ов, -ев, -ин* (*Демокритов, Платонов, Аристотелев, Анаксагоров, Сократов, Кантов*). К данной категории фамилий относятся и фамилии, образованные в честь учёных-первомыслителей (*Евклидов, Гераклидов*) и других впоследствии исследователей в различных областях науки.

Общекультурный компонентный аспект – самый, пожалуй, разносторонний и сложный, поскольку здесь «говорящие» имена, их производные формы характеризуют персонажа исключительно с точки зрения культурного опыта отдельного народа и теряют открытую лингвистическую мотивированность. Как правило, то или иное «говорящее» значение какого-либо имени могут понять только носители определённой культуры. Имя может затрагивать различные сферы общества (кроме научной). Составные компоненты имён данного аспекта обычно образуются с помощью собственно русских словообразовательных формантов и смешанных способов образования слов: усечения, стяжения, аббревиации и других (*Святослав, Ярополк, Нестор-ов, Пересвет-к-ин, Петр-ушк-а, Иван-ушк-а, Матрён-ушк-а, Май, Вилор, Декабр-ин-а, Ленар* и т. п.). Подобные имена уже «говорят» о некоей национальной, сословной принадлежности, диктуют исторический контекст, фольклор, народную самобытность. Например, церковная форма имени *Алексей Алексий* в литературном тексте может «говорить» о религиозной принадлежности или иметь иную коннотацию. Форма имени *Ольга* (от скандинавской формы *Хельга*) может свидетельствовать о на-

циональной черте. Диалектные формы имён *Степан (Стефан), Хаврония (Феврония), Осип (Иосиф)* также характеризуют в первом случае русскую и возможно сельскую принадлежность, во втором случае, вероятно, светскую, европейскую, что определяется авторской мыслью. С точки зрения общекультурного компонента могут рассматриваться абсолютно любые «говорящие» фамилии, отражающие всеобщие категории культурного пласта общества, в т.ч. в развитии русской антропонимики первой четверти XXI в.

Таким образом, имя человека не только служит для звукового обозначения конкретного лица, но и в дальнейшем начинает «говорить», является средством характеристики людей, средством выражения их знаний, представлений, отображает культурную картину мира. Впоследствии имя активно используется не только в устном обиходе, но и в письменности, где также является индикатором жизни как отдельной личности, так и всего народа в целом. Свидетельством социальной значимости имени служит представленная нами попытка рассмотреть «говорящие» антропонимы с точки зрения трёх компонентных аспектов, которые затрагивают важнейшие явления жизнедеятельности человека: язык, науку и культуру.

ЛИТЕРАТУРА

- 1.Бондалетов В. Д. Русская ономастика: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. 2101 «Рус. яз. и лит.». М.: Просвещение, 1983. 244 с.
- 2.Варачина Ю. В. Русская антропонимическая система на рубеже XX-XXI веков: основные тенденции и пути развития. Воронеж: Вестник ВГУ. Сер.: Филология. Журналистика. №1, 2009. С. 20-22.
- 3.Введенская Л. А., Колесников Н. П. Этимология: Учебное пособие. СПб.: Питер, 2004. 221 с.
- 4.Врублевская О. В. Языковая мода в русской ономастике. Автореферат. Волгоград: ТНИ ВГСПУ «Перемена», 2017. 40 с.
- 5.Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. 721 с.
- 6.Петровский Н. А. Словарь русских личных имён. Ок. 2600 имён / Спец. науч. ред. О. Д. Митрофанова. 2-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1980. 384 с.
- 7.Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Изд. «Наука», 1978. 199 с.

8. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. 367 с.

9. Суперанская А. В. Словарь русских имён. М.: Изд-во Эксмо, 2005. 448 с.

Кураш С.Б., Струков В.В.

УО «Мозырский государственный педагогический университет имени И.П. Шамякина», г. Мозырь (Беларусь)

e-mail: text2005@mail.ru

УДК 81 ' 373.211.5

Адъектоним полесский в структуре ономастических образований различных типов (на материале рунет- и байнет-источников)

Kurash Sergey Borisovich, Strukov Viktor Viktorovich
Mozyr State Pedagogical University named after I.P. Shamyakin, Mozyr (Belarus)

UDC 81 ' 373.211.5

Adjectonym *polesky* in the structure of onomastic constructions of different types (on the material of runet and bynet sources)

Работа посвящена выявлению и систематизации разнообразных типов контекстов, в которых чаще всего отмечается адъектоним полесский (-ая, -ое). Выявлены различные типы контекстов, содержащих данный адъектоним, по структурному, тематическому и лингво- и этнокультурному критериям.

Ключевые слова: оним, адъектоним, Полесье, полесский, ономастическая метафора.

The work is devoted to the identification and systematization of a variety of types of contexts, in which the adjectonym "Polesian" is most often noted. Various types of contexts containing this adjectonym have been identified, according to the structural, thematic and linguistic- and ethnocultural criteria.

Key words: onym, adjectonym, Polesie, onomastic metaphor.

Топоним *Полесье* занимает особое место среди знаковых для восточных славян онимов, будучи названием уникального по своим этнологическим и природным особенностям края, захватывающего части территорий четырёх государств – Беларуси (*Палэссе*), Украи-

ны (*Полісся*), Польши (*Polesie*). То же можно сказать и об образованном от данной ономастической единицы адъектоне *полесский* (-ая, -ое). Интерес единицам подобного рода в современной лингвистике достаточно прочный. «Прилагательные, образованные от географических имен, сопутствуют всей истории нашего языка, прослеживаясь в его древнейших памятниках», - отмечает автор словаря, фиксирующего подобные оттопонимические адъективы, Е.А. Левашов [1, с. 4]. В указанном лексикографическом источнике адъектоном *полесский* фиксируется в качестве единственного адъективного суффиксального образования от топонима *Полесье* [1, с. 409], причём он является результатом действия в словообразовательной системе русского языка самой активной модели по созданию номинативных единиц подобного рода: «В современном оттопонимическом словопроизводстве подавляющее большинство адъектонов обслуживает суффикс -ск-» [2, с. 230].

Интерес к адъектонам обуславливается и спецификой их лексического значения, которое «не может быть сведено к чисто относительному и представляет собой ряд типовых и индивидуальных значений, набор и соотношение которых как в отдельных конкретных случаях (лексемах), так и в лексической группе в целом изменяется во времени» [3, с. 167] и тем самым обуславливает специфику функционирования единиц подобного образца в коммуникации, т.е. в конкретных контекстных условиях.

В данной статье мы ставим целью выявление и систематизацию разнообразных типов контекстов, в которых чаще всего отмечается адъектоном *полесский* (-ая, -ое). Для решения данной задачи нами был методом сплошной выборки собран и систематизирован аутентичный корпус контекстов, содержащих данную оттопонимическую единицу, посредством привлечения поисковых систем Яндекс и Google в зонах рунета и байнета, а также онлайн-корпусов белорусского и русского языков (НКРЯ и Беларускага N-корпуса). Примеры приводятся далее на языке их нахождения в интернет-пространстве.

Вполне ожидаемо, что в подавляющем большинстве случаев анализируемый адъектоном представлен в прямо-референтной функции – функции обозначения относительного признака по соответствующей географической области. Такие контексты фиксируют локацию адъектонома *полесский* в границах территории белорусско-

го и – реже – украинского Полесья, в отдельных случаях – российского.

Собранный материал структурирован нами по нескольким критериям.

1. **Структурный.** В этом аспекте все ономастические образования, фиксирующие адъективом *полесский* (-ая, -ое), классифицированы следующим образом:

Структура ономастического образования	Примеры
Однокомпонентная <ul style="list-style-type: none"> • простая • сложная 	<i>Полесское</i> (село в Старовыжевском районе Вольнской области); <i>Полесское</i> (село в Коростенском районе Житомирской области); <i>Полесское</i> (село в Овручском районе Житомирской области); <i>Полесское</i> (посёлок в Полесском районе Киевской области); <i>Полесское</i> (агропромышленное предприятие, находящееся в Светлогорском районе Гомельской области); <i>Полесский</i> (национальный парк на востоке Польши); <i>Янов-Полесский</i> (железнодорожная станция); <i>Брест-Полесский</i> (железнодорожная станция).
Двукомпонентная	<i>Полесский экспресс</i> (междугороднее маршрутное такси); <i>Полесский лесхоз</i> и т.п.
Многокомпонентная	<i>Полесский государственный университет</i> ; <i>Полесский институт растениеводства</i> ; <i>Полесский аграрно-экологический институт НАН Беларуси</i> и т.п.

2. **Тематический (номинативный).** В основе данной классификации – тематический тип ономастической единицы:

Тип адъективонама	Примеры
Антропонимы	<i>Полесский</i> Сергей Николаевич (доцент Московского института электроники и математики им. А.Н. Тихонова); <i>Полесский</i> Илья (руководитель электронных проектов издательства «Вокруг света»); У <i>Полесских</i> было двое детей: дочь Людочка, сын Вовка (Сергей Залыгин. Уроки пращука Вовки // НКРЯ).
Названия городских объектов	<i>Полесский проезд</i> ; <i>улица Полесская</i> ; <i>проезд Полесский</i> , <i>переулок Полесский</i> , <i>Полесская площадь</i> и пр.

Тип адъектонима	Примеры
Названия продуктов питания	« <i>Полесский луг</i> » (чай с добавлением трав); « <i>Полесский</i> » (вид салатов); « <i>Полесский</i> » (мармелад фабрики «Красный мозырянин», г. Наровля); « <i>Полеская</i> » (колбаса вареная из мяса птицы); « <i>Полесский иницель</i> » и т.д.
Наименования различных мероприятий и акций	« <i>Полесский хоровод</i> » (фестиваль хореографического и музыкального искусства, г. Брест); « <i>Полесская нива</i> » (фестиваль лошади, Столинский р-н); « <i>Полесская радуга – 2017</i> » (региональное мероприятие для молодых людей с ограниченными возможностями, Мозырский р-н); « <i>Полесская горизонталь</i> » (шахматный турнир, г. Пинск); « <i>Палескі агеньчык</i> » (международный конкурс юных музыкантов, г. Дрогичин); « <i>Палескі ход</i> » (рок-фестиваль, г. Иваново); « <i>Палескі Вялікдзень</i> » (фестиваль духовной, народной и военно-патриотической песни, г. Калининковичи) и др.
Наименования организаций и предприятий	« <i>Полесская правда</i> » (газета, г. Пинск); « <i>Полесская Нива</i> » (ОАО, г. Столин); « <i>Полесские журавины</i> » (ОАО на базе Пинской клюквенной плантации) и др.
Наименования творческих коллективов	« <i>Полесские зори</i> » (народный ансамбль танца БелГУТ, г. Гомель); « <i>Палеская зорачка</i> » (детский танцевальный ансамбль, г. Мозырь) и др.
Наименования художественных произведений (литературы, кинематографа и пр.)	Иван Мележ, трылогія « <i>Палеская хроніка</i> »; Иван Шамякін, аповець « <i>Палеская мадонна</i> », Янка Маўр, аповець « <i>Палескія рабінзоны</i> »; Мікола Мятліцкі, кніга « <i>Палескі смутак</i> » (вершы і паэма); В. Кулик, роман « <i>Ведьма полеская</i> »; художественный фильм « <i>Полесская легенда</i> »; В. Костовинский, приключенческий роман « <i>Полесская Мавка</i> » и пр.

3. Лингвокультурный. С данной точки зрения мы противопоставили собственно номинативные (бесконнотативные) ономастические номинации и ономастические образования, содержащие в своей семантике этно- и/или лингвокультурный компонент, в пределах от отражения регионального колорита до выхода в прецедентное онимическое пространство в статусе ономастической метафоры, ср.:

Лингвокультурологические характеристики	Примеры
Собственно номинативные единицы	<p><i>Полесский район</i> (муниципальное образование в составе Калининградской области);</p> <p><i>Полесский природный заповедник</i> (действует на территории Овручского и Олевского районов Житомирской области) и мн. др.</p>
Наименования с выраженной коннотативностью (этно- и лингвокультурной и пр.)	<p>«<i>Полесский рай</i>» (агроусадьба в Петриковском р-не);</p> <p>«<i>Полесская жизнь</i>» (усадьба хуторского типа, с возможностью семейного отдыха, Пинский р-н);</p> <p>«<i>Полесская сказка</i>» (детская игровая комната в торговом центре, г. Кобрин);</p> <p>«<i>Полесская Веда</i>» (краеведческий музей, г. Мозырь) и др.</p>
Прецедентные феномены	<p>«<i>Полесская Одиссея</i>» (автобусный тур); «<i>Полесская Амазония</i>» (туристический маршрут); «<i>Полесская Ратомка</i>» (конезавод по выращиванию племенных лошадей, Столинский р-н); «<i>Тонеж. Полесская Хатынь</i>» (связано с преступлениями нацистских карателей на территории д. Тонеж Лельчицкого р-на в 1943 г.); «<i>Полесская Амазонка</i>» (познавательльно-приключенческий экскурсионный тур); «<i>Полесская Мадонна</i>» (проект по созданию открытой диалоговой площадки Ивановского райисполкома); «<i>Полесская Венеция</i>» (Полесская Венеция представляла собой дельту большой реки и состояла из больших и малых островков, разделенных ручьями и речушками); «<i>Полесская Венеция. Кудричи – утраченный рай</i>» (фотовыставка журналиста Павла Куницкого, г. Пинск); «<i>Полесская Сахара</i>» (о д. Бобровичи Ивацевичского р-на); <i>Палескі Джемс Бонд</i> (британски генерал Адриян Картон дэ Віарта, які нарадзіўся ў Бельгіі, вучыўся ў Англіі,</p>

Лингвокультурологические характеристики	Примеры
	ваяваў у Афрыцы, служыў у Польшчы і амаль 15 гадоў жыву на беларускім Палессі); <i>“Палескі Напалеон”</i> (кніга Анатоля Крэйдзіча, героі якой – запамінальныя, каларытныя, надзеленыя высокай духоўнасцю, багатым унутраным светам, якія не пазбаўлены трагізму, пошукаў спрадвечных ісцін (и т.д.).

Таким образом, то разнообразие контекстов, в которых фиксируется адъективом *полесский* (-ая, -ое), свидетельствует, с одной стороны, о валентностной активности и, как следствие, полисемантической насыщенности анализируемой оттопонимической единицы, а с другой стороны – об актуальности, семантической, этно- и лингвокультурологической ёмкости самого производящего онима *Полесье* в коммуникативных практиках при апелляции к данному топониму.

ЛИТЕРАТУРА

1. Левашов Е.А. Географические названия: Прилагательные, образованные от них. Названия жителей: Словарь-справочник. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2000. 604 с.
2. Озтюрк Л.И. Региональный аспект в исследованиях адъективимики современного русского языка // Вестник Чувашского ун-та. 2008. № 4. С. 229-236.
3. Генералова Е. В. О развитии значений оттопонимических прилагательных в русском языке (на примере истории лексики «московский») // Сибирский филологический журнал. 2016. № 3. С. 157-171.

Ломакина О.В.

*ОЧУ ВО «Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет», ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов», г. Москва (Россия)
e-mail: rusoturisto07@mail.ru*

УДК 81 ' 2

**Православные антропонимы в русской паремиологии:
лингвокультурный аспект**

*O.V. Lomakina
St. Tikhon's Orthodox University,
Peoples' Friendship University of Russia, Moscow (Russia)*

UDC 81 ' 2

**Orthodox anthroponyms in russian paremiology: lingusculture
aspect**

Статья посвящена рассмотрению культурологического потенциала одной из групп хрононимов – православным антропонимам.

Ключевые слова: пословица, паремия, лингвокультурология, православный антропоним.

The article is devoted to the consideration of the culturological potential of one of the groups of chrononyms - Orthodox anthroponyms.

Key words: proverb, paremia, lingvoculturology, orthodox anthroponym

Одним из направлений изучения современной фразеологии и паремиологии является разработка темы национально-культурной специфики всех фразеоресурсов языка, которые рассматриваются как языковые единицы, отражающие культурный потенциал народа. Особую роль в реализации познавательной функции паремий играют *этнолингвомаркёры* – «такие компоненты паремии (как и ФЕ, КВ), которые отражают национальное своеобразие, “культурную память” и могут не иметь прямых аналогов в другом языке, благодаря чему раскрывается этноспецифичность языкового знака» [Ломакина 2016: 120-121].

В качестве этнолингвомаркёров выступают следующие номинации:

- 1) имена собственные;

2) названия артефактов, присущих материальной культуре конкретного народа: предметов быта, одежды;

3) этнонимы – названия народов и племён.

Среди паремий с компонентом-именем собственным можно выделить следующие группы:

1) с антропонимом – именем собственным: *По Сеньке шапка, по Ерёме кафтан; На безлюдье и Фома дворянин; Наш Филипп ко всему привык; На бедного Макара все шишки валяются; Чего не знал Ванюша, того не будет знать Иван* и др.;

2) с хрононимами – названиями праздников: *Вот тебе, бабушка, и Юрьев день; Дорого яичко ко Христову дню; Нынче – Саввы, завтра – Варвары, а послезавтра – Симоны-гулимоны лентяя преподобно; Не все коту масленица, будет и Великий пост;*

3) с зоонимами – кличками животных: *Укачали Бурку крутые горки; Савраска да Каурка – на два века*

4) с топонимом – наименованием географических объектов (регион – *Не болтай, а то отправят на Алтай*, город – *Дядя едет из Серпухова; бороду гладит, а денег нет*; водные объекты; село – *Кому село Любятово, кому горе Лютое*).

Традиционно среди хрононимов выделяют:

1) православные антропонимы – церковные имена, включённые в святцы;

2) общенародные хрононимы – названия праздников;

3) диалектные наименования праздников, временных отрезков [Атрошенко 2015: 4].

Цель данной работы – охарактеризовать русские пословицы с компонентами - хрононимами – православными антропонимами. В качестве материала исследования выступают авторитетные словари: «Большой словарь русских пословиц» под ред. В.М. Мокиенко, этнолингвистический словарь «Русский народный календарь» под ред. Е.Л. Березович, «Библеизмы французского языка» Н. П. Жуковской.

Поскольку пословицы представляют собой свернутый текст, наделённый культурологической информацией, ценностными ориентирами, предписывающий определённое поведение, то их смысловое «декодирование» позволяет получить информацию о национальной картине мира определённого народа. Многие имена получали символическое наполнение, с ними связывали свои проблемы и чаяния, к святым обращались с различными требами, по датам в святцах проходили сельхозработы. Социально-политические собы-

тия, произошедшие в России век назад, отодвинули на второй план данную группу пословиц (сборник атеистических пословиц «Без Бога шире дорога» А.М. Жигулёва), однако в последние годы интерес к данному материалу возрос и требует комментирования.

Перспективными, на наш взгляд, являются сравнительно-сопоставительные исследования, ведь даже поверхностный анализ фразеологии и паремиологии православных и католических хронимов позволяет увидеть асимметрию. В католическом мире главным считается праздник Рождества, в православном – Пасха, о чём свидетельствует паремия *Пасха шире Рождества* (РНК: 304). Согласно словарю «Библеизмы французского языка» Н.П. Жуковской, ряд онимов является базой для ряда ФЕ литературного языка, в отличие от русского языка. Имя собственное *Самсон* во французской картине мира становится символом человека необычайной силы (БФЯ: 265), это прецедентное имя; тогда как в ряде русских диалектов с именем преподобного Странноприимца Самсона связывали приметы *На Самсона сено не раскладывают сушить; Если на Самсона дождь – семь недель дождь; Если на Самсона дождь, весь сенокос будут дожди* и др. (РНК: 372).

В количественном отношении преобладают паремии первой группы с компонентом-антропонимом, поскольку имя является хранителем культурной и исторической информации, участвует в создании национальных стереотипов, в появлении ассоциаций, нередко становится прецедентным. По данным О.П. Альдингер, словарь «Пословицы русского народа» В.И. Даля включает 812 антропонимов [Альдингер 2006: 14], что позволяет судить о русском именнике, сложившемся к XIX в.

О.П. Альдингер приводит антропонимы, которые наиболее распространены в паремиях: *Иван* (76), *Фома* (50), *Макар* (31), *Еремей* (20), *Тит* (18) [Альдингер 2005: 4]. Прикамская паремия отражает количественное превосходство *Их, Иванов, пятьдесят четыре в году всех-то праздников* (РНК: 165). Кроме того, с этим именем в русском народе ассоциировалось неприятности, это прецедентное имя, которое было синонимом дураку (Иван-дурак в сказках): *Когда у Ивашки белая рубашка, тогда у Ивашки и праздник; Нашему Ивану нигде нет талану: к обедне идёт – обедня отойдет, домой придёт – пообедали*. Паремия *На Ивана круглого не ешь, щей не вари* (РНК: 167) связана с историей жизни апостола Иоанном Крестите-

ля, который был обезглавлен по желанию иудейской царицы Иродиады и её дочери Саломеи.

Отдельно следует сказать о наиболее почитаемых у православных верующих святых. Это прежде всего Никола: *Проси Николу, а он Спасу скажет, Никола на море спасает, Никола мужику воз поднимает; Два Никола: тёплый и холодный; два Егорья: холодный и голодный* (БСРП: 597). Пословица *Юрий починает страду, Юрий кончает* (РНК: 485) указывает на то, что Юрьев (Егориев, День памяти великомученика Георгия Победоносца) отмечался 23 апреля (6 мая), 26 ноября (9 декабря), т.е. крестьянские полевые работы продолжались с мая по декабрь.

Не всегда пословицы отражают христианские идеалы, есть и языческое. Например, считается, что после Ильина дня, приходящегося на 2 августа, не следует купаться: *После Ильина дня нельзя купаться: медведь лапу в воду опустил, и та стала холодной; красная рука на дно утянет* (РНК: 185).

Согласно нашим наблюдениям, «женских имён в пословицах намного меньше, чем мужских. Это закономерно, ведь в русском языке в целом наблюдается то же явление: поскольку женщина в обществе играла второстепенную роль, её жизнь чаще всего ограничивалась домом и семьёй», с чем связана гендерная асимметрия при оценке женщин во фразеологии и паремиологии [Ломакина 2015: 99]. Даже распространённые, неоднократно отмечаемые в течение года праздники не образовали большую группу паремий с этим именем святой. Именины Марфы (Мавры) отмечались 3 (16) мая, 9(22) июня, 4 (17) июля, 1(14) сентября, что нашло отражение в единичных паремиях: *На Марфе овёс в кафтане, а на грече и рубашки нет; Мокей с Демидом в поле стоят, к Марфе навстречу вышли* и устойчивых единицах *Марфа-рассадица, Марфино лето и Марфы-ягодницы* (РНК: 247). Антропоним *Маремьяна*, народный вариант имени Марианна, не является продуктивным при образовании паремий: *Маремьяна – старица, а Маккавей – поговей; Маремьяна-старица за весь мир; Маремьяна-старица о всём мире печалится; Маремьяна- старица – на весь мир старальщица*.

Пословицы и поговорки любого языка, отражая систему ценностей конкретного народа, представляют собой универсалии, репрезентируемые в каждом языке определенным образом. Приведённый языковой материал показал, что именник находит отражение в различных жанрах паремий: пословицах, приметах, присловьях. Ана-

лиз материала позволяет увидеть связь паремиологии и народной культуры. Как видно из представленных примеров, тематика паремий широка, однако носит общечеловеческий характер, что объясняется кумулятивной функцией паремий – накопления и передачи опыта народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Альдингер О.П. Имя собственное в составе «Пословиц русского народа» В.И. Даля: статистический аспект // Седьмые Поливановские чтения. Смоленск: СГПУ, 2005. Часть III. С. 3–11.
2. Альдингер О.П. Фразеоломастическая картина мира в «Пословицах русского народа В.И. Даля»: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Смоленск, 2006. 24 с.
3. Атрошенко О.В., Кривошапова Ю.А. Русская календарная традиция и её отражение в языке // Атрошенко О.В., Кривошапова Ю.А., Осипова К.В. Русский народный календарь. Этнолингвистический словарь / Науч. ред. Е.Л. Березович. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2015. С. 3-4.
4. Атрошенко О.В., Кривошапова Ю.А., Осипова К.В. Русский народный календарь. Этнолингвистический словарь / Науч. ред. Е.Л. Березович. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2015. 544 с. – РНК
5. Жуковская Н.П. Библиизмы французского языка. М.: Изд-во ПСТГУ. 2006. 384 с. – БФЯ
6. Ломакина О.В. Фразеология в языке Л.Н. Толстого: лингвистический комментарий и лексикографическое описание»: Дис. ... доктора филологических наук. СПб., 2016. 390 с.
7. Ломакина О.В., Мокиенко В.М. Познавательный потенциал русинских паремий на фоне русского и украинского языков // Русин. 2016. № 3. С. 119-128.

Леванцевич Л.В.

*УО «Брестский государственный университет
им. А.С. Пушкина», г. Брест (Беларусь)
e-mail: lewalena@mail.ru*

УДК 81:39(476)(07)

**Русалка: понятийное и коннотативное содержание
названий**

*Levantsevich Lena Vasilievna
Brest State University of A.S. Pushkin, Brest (Belarus)*

UDC 81:39(476)(07)

Mermaid: conceptual and connotative names of contents

Культура, традиции, история каждого народа фиксируется и сохраняется в языковых единицах. Каждый язык выделяется своей национально-культурной семантикой. В статье анализируется языковая единица «русалка», показывается её понятийное и коннотативное содержание. Впервые раскрывается национально-культурная семантика, которая проявляется больше всего в региональных названиях мифического существа «русалка».

Ключевые слова: язык и национальная культура, русалка, лексический фон, национально-культурная семантика, поверье.

Culture, traditions, history of every nation are captured and stored in the language units. Each language stands out with its national and cultural semantics. The names of the mermaids in Belarus are analyzed in this article, conceptual and connotative content is also showed there. National-cultural semantics is manifested most in the regional names of mythical creatures «mermaid».

Keywords: language and national culture, mermaid, lexical background, national and cultural semantics, meaning.

Язык – это важное составляющее культуры. В каждом языке есть определенное количество слов, которые расширили свою семантику за счёт накопления информации, связанной с бытом, обычаями, культурой народа; многие из языковых единиц за исторический промежуток времени стали не столько языковыми, сколько культуроведческими. Язык сохраняет культуру как историческую память народа. Каждый язык выделяется своей

“национально-культурной семантикой” – совокупностью значений языковых единиц, в которых отображена история страны, её литература и искусство, быт и обычаи, природа и т.д.

Попробуем проанализировать одну из языковых единиц с национально-культурной семантикой, показать её понятийное и коннотативное содержание, определить её лексический фон. Для анализа нами взята лексема “русалка”.

Мифологические модели русальной традиции на общеславянском фоне, генезис русальной традиции, генетическую связь русалок с водой и растительностью, образно-стилистическое наполнение русальной поэзии, семантику термина в разное время исследовали Т.А. Агапкина, Ф. Миклошич, А.Н. Веселовский, А.Н. Афанасьев, А. Терещенко, Б.А. Рыбаков, Н.М. Гальковский, Д. Мартынов, К.Д. Зеленин, Е.Е. Левкиевская, Т.Д. Златковская, С.М. Толстая, Т.А. Ивахненко, Л.Н. Виноградова, А.С. Лис, Л.В. Леванцевич, В.Н. Сивицкий и др.

На Брестчине (Беларусь) русалку представляют следующим образом: *Яе завуць цыцоха; кудлатая, косматая; мела пры сабе жалезную цыцку; жыве ў жыце, на полі; калі зловіць, то заставіць ссаць жалезную цыцку і станеш жалезным або памрэш; русалкамі становіліса молодые дівчата, якіе з нешчаслівай любві кінуліса ў воду. Стройныя, з прыгожымі русымі волосамі, з голубымі очамі, доўгімі расніцамі; жывуць у водзе або ў молодым жыце, якое красуе; носілі вэрэтёны; хороша молодая дівчына з доўгімі косамі; жыве ў лесе; утопленіца або повешаная; з собоюносят вэрэтёна; русалка; молодые дэвчата, якіе кончылі жытце самогубствам; былі доўгія косы, белыя кошулі; жылі на дэрэвях; у лесі жывуць, русавкы, бы коты; дівчата з зылёнымі косамі, зылёнымі вочыма; сыдыць у лесе, жыте; росалка; молодая дівчына, у жыці жывэ; будэ ловыты і быты як пуйдэш у жыто; росалка; молодая ныхрышчона дівчына, якая втопылася; росалка; жылі в жыте, з вырытёнамы; росалка; лякала дытэй, шоб жыта ны мялы; косы роспушчаны; дае ссаты жылізну цыцку; бало казалы, дівчына пошла в росалкі; як посьцэш цыцку – умрэш; страшныя; росалка; страшная, з роспушчанымі косамы, молодая; жывэ у жыці; утопленіца; у жыты, у косных танцуе; дівка умрэ, то становыцца росалкою; русалкэ; дывкэ, з хвостом і доўгімэ косьмэ; молодэі, утопленіцы, жывуць у воді [7, с. 24].*

У восточных славян нимфы-никсы известны как русалки. Существует, кроме этого, и множество региональных названий: **азяри́ца, ласкату́ха, тучни́ца, смаля́нка, купалка, мяртву́шка, сві́цязянка, плутоўка, лобаста, берагі́ня, маўка, наўка, вадзя́ница, цыцо́ха, грэчу́ха, лісу́нка, марэ́на, дунаўка, фараонка.**

Понятийное содержание как самой мифологемы “русалка”, так и её региональных “имён” определить достаточно сложно. Происхождение слова русалка связывают со словами *роса, русый, рось, русло, русалии, роза (ружа)*.

1. Русалка – водная дева, распорядительница дождя. В первую очередь связь прослеживается с корнем “*рос*”. В санскрите *rasa* – ‘влага, вода, жидкость, сок’ [3, с. 305], кельтское *rus, ros* – имеет значение ‘озеро, сажалка’, латинское *ros* – то же, что и роса. Отсюда гнездо родственных слов: *оросить* ‘покрыться каплями чего-н.’, *орошальный* ‘который имеет отношение к орошению’, *росны* ‘покрытый росой’, *роса, росинка* ‘водяная капля’, *росный ладан* ‘ароматическая смола’, *мучнистая роса* ‘болезнь растений’ [12], а также устойчивые выражения: *абагнаць (раннюю) расу* ‘встать очень рано, на рассвете’, *пакуль сонца ўзыдзе, раса вочы выесяць* ‘пока дождешься чего-н. желаемого, то будет поздно и доведется перенести много горя, недоли’. В русском языке существует название дождя – *росинец*. Беларусы празднуют 19 мая *Росеннік*. “*У гэты дзень з расянки-травы, як з чарачкі зялёнай, пілі вільгаць*”. А ещё росенник давал наказ босыми ногами по земле ходить, чтобы “сухастою” в ногах не накапливать [5, с. 106]. На Полесье верили, что качание по юрьевской росе оберегает от русалок. В древности литовцы праздновали в конце июня праздник росы *rasos szwenta*, которое соответствовало римским “русалиям”. Немецкое *viesseln* обозначает ‘журчать, течь, бруйтись’, а производные *Rieselregen* – ‘изморось, мелкий дождь’, *Rieselanlage* – ‘оросительное приспособление’ [8, с. 520]. В общевосточно-славянском языке существовало выражение “грудие росное” – “родивьи капли росныя”, что значит ‘капли росы с небесной влаги, которые питают, помогают растениям вырасти’. Русское “русло” – ‘углубление в грунте, по которому течёт водный поток’ [9]. У россиян был праздник Русальница (8 июля). Этот день считался особенно счастливым для влюблённых. Родившиеся на Русальницу имели очаровательные русальи глаза. Болгарские русалии выливают в поле росу из рога. Южнославянские самовилы делаются беременными от утренной

росы. Сербы использовали росу с травы, где танцевали вилы, с оберегательной целью [11, с. 85].

На Беларуси, как и в других странах (в России, Польше, Богемии, Сербии, Болгарии: Руса, Рось, Русиловка, Ruseca, Rus, Rasa, Rasenica, Rasina, Rasinica и др.), существуют ономастические названия с корнем “рос”: гидронимы (реки, ручьи, озёра) – река *Раса* (правый приток Птичи), река *Рось* (левый приток Нёмана), река *Росіца* (правый приток Западной Двины), ручей *Росіца* (правый приток Росицы), озеро *Росіца* (Витебская область); антропонимы (фамилии) – *Роса, Росін, Расянок, Росо, Расюк, Расюкевіч, Раскевіч, Расінскі* [6]; ойконимы (названия населенных пунктов) – *Роськаў, Росіна Паляна, Росаш, Росахі, Росіна, Рос, Росіца, Роскі Сялец*.

Т.И. Балдышевская обращает внимание на сложность определения происхождения слова и приводит слова *русы* (светлый, ясный), *русло*, *ружа*, *раса*. Учитывая суждения об этимологии названия, что приводятся в статье, можно образовать семантическую цепочку: *русалка – русый – русло – роса – русалии* [1, сс. 156–157].

2. Русалка – русь, русый. В словаре В.И. Даля зафиксировано слово *русь* со значением ‘мир, бел-свет’. В словарной статье приводятся устойчивые словосочетания с этим словом: *совсем на руси* – ‘на виду, на открытом месте, на юру’; *все вывела на русь* – ‘распахнула душу, все высказала’ [4]. На территории Беларуси зафиксировано определенное количество топонимов с корнем “рус”: на Витебщине – *Русакі, Русакова, Русакаўшчына, Русанава, Русаны, Русачкі, Русілкі, Русінава, Русіны, Русцы*; на Минщине – *Русакі, Русакова, Русаковічы, Русакоўцы, Русаўшчына, Русачкі, Русінавічы, Рускае Сяло*; на Могилёвщине – *Русакі, Русенка, Русінаўка*; на Брестщине – *Русілы, Русінавічы, Русіно*; на Гродненщине – *Русакі, Русакова, Русанаўцы, Русацін, Русачкі, Русінаўцы, Русота*.

3. Русалка – русалии – *rosalia* – *ros*. Этимологический словарь М. Фасмера объясняет мифологему *русалка* как производную от древнерусского *русалии* “языческий праздник весны”, ‘игры в этот праздник, ‘неделя перед Троицей’, которое заимствовано от лат. *rosalia* – изначально ‘праздник роз’ [13, т. 3, с. 520]. О связи слов *русалка* и *русалии* говорит и Е.Ф. Карский: “...мы не можем не пагадзіцца з той высновай А.Н. Весялоўскага, што наша назва русальнага тыдня, а затым і русалак звязана са старажытнымі русаллямі, якія, у сваю чаргу, уяўляюць пераробку назвы рымскага свята вясенніх дзядоў, што называлася *dies rosae, rosalia*” [6, с. 279].

Заметим, что праздник русалий (русалье) существует и у южных славян. Хотя сербы и болгары русалок не знают. Это мифическое существо у них называется вила. Что касается восточных славян, то определенный исторический период и они знали русалок под названием вилы: “ тем же богам требу кладуть и творять и словеньский язык: вилам и Мокошьи диве, Перуну, Хърсу” [10, сс. 362–363].

В немецком языке существуют слова: *rosa* ‘розовый’, *Rosa* ‘роза, розовый цвет’, *Rosenkohl* ‘брюссельская капуста’ [8, с. 154] (о связи русалки с капустой упоминает А. Хатэнко), *Rosenkranz* ‘венчик из роз’ [8, с. 525].

В ботаническом словаре Зоськи Верес как диалектное название *ружы махровой* (лац. *Rosa centifolia*) зафиксировано слово *русальница* (*русакрасьвица, радоста*) [2]. На Беларуси существуют названия деревень *Русалишкі* (Минская и Витебская области).

Берегиня – русалка. На севере России даже в XX ст. вырезанных на досках сирен-“фараонки” (фараонка – фольклорное название русалки) называли берегинями. Исследователи связывают слово берегиня с двумя понятиями: берегом водного пространства и с глаголом оберегать. Возможно, первоначально берегини были связаны не с самой водой, а с её окончанием, границей, с берегом как началом безопасной жизни. На Витебщине зафиксировано название травы *беражница*: ‘различная крупная трава, которая растёт по берегам озёр, рек’.

Навка (мертвушка) – русалка. “Навка” – душа девушки, которая умерла до крещения. Название происходит от прасл. *nav – ък- а – навъ. В старославянском языке *navъ значит ‘покойник, труп’ [14]. От санскритского *nas* – ‘умирать’ происходит латинское *nex* – смерть, готское *naus, navis* – мёртвый, *navistr* – могила. У болгаров существует поверье, что дети, которые родились мёртвыми или умерли до крещения, становятся воздушными духами: мальчики становятся навьями (навами), а девочки – самодивами. С этимологией слова *наўка* связана и мифологема *мяртвушка*. Напомним гоц. *naus* ‘мёртвый’ и “Намські вылькдэнь” (пасха покойников, мёртвых). Наши предки носили на груди обереги-навьи – “*громныя стрэлкі*”, каменные предметы, кремниевые осколки.

‘Ласкатуха’, ‘ласкаталка’, ‘казытка’ – русалка. Восточным славянам известен глагол *ласкатаць*. Белорусское диалектное *ласкатаць* имеет значение ‘щекотать кого-н.’. В польском языке *loskotać* сохраняет значение ‘трещать, греметь, брэнчать, хлопать’.

Толковый словарь В.И. Даля приводит региональное *лоскать*, *лоскнуть*, *лосконуть*, *ласкануть*, *лоснуть* [4, с. 373]. В этимологическом словаре М. Фасмера приводится укр. *лоскати* 'щёлкать', *лоскіт* 'стук', сербохорв. *лоскот* 'гул', словен. *loskati* 'трещать, болботать, чмокаться', чешск. *loskot* 'грохот, треск' [13]. В белорусском языке существует название лекарственного растения – *ласкатуха*, возможно, связанной с растением *ласкавіца* 'лякаўка, *Silene cucubalus* Wil'. *Звонец* на Брестчине называют 'ласкавіца'.

Смолянка – русалка. Т.И. Балдышевская приводит лексему *смалянка* (*смулянка*), зафиксированную в д. Радчицк Столинского района Брестской области: "*Смулянка – то тое самое, што гэтая русалка...*" [1, с. 160]. Смулянка обычно вымазанная смолой или дегтем. В Лоеве (Беларусь) переодетую русалку обмазывали дёгтем, чтобы не топтала рожь. В мифологии смола (дёготь), как и святая вода, кровь, считаются метафорой дождя. Тогда название смолянка становится прозрачным, потому что русалка – владельница влаги.

На Гродненщине *светнік* 'растение с продолговатыми листьями и розовыми цветочками, собранными в метёлку' называют *смалянка*, а *смолку* 'растение с розово-красными цветочками' – *смалянька*, *смалярка*, *смаляночкі* (*смалянко*). Существует у белорусов и цветок *смалянка* 'растение с белыми, розовыми или красными цветами'. Как видим, совсем не по внешнему виду (и даже не по цвету) так назван цветок.

Цыцоха – русалка. На юге Ивацевичского и на востоке Березовского районов Брестской области русалки известны под названием "*цыцохі*", которые, скорее всего, получили такое название по предмету (железной "*цыццы*"), которую они носили с собой. Информаторы говорят, что русалка заставит "*ссаць жалезную цыцку*", после чего человек умирает или становится железным [7, с. 24].

Купалка – русалка. В соответствии с архаическими представлениями, в троицко-русальский период не только ветки деревьев, но и травы, цветы, злаки, вообще вся растительность становится воплощением русалок-навий. Вероятно, что и сами русалки могли получить наименование от определенных цветов. Беларусам известна *купалка* – 'купалка едкая, *Erigeron acer* L' – или сравним ещё *купала* 'марьянник, *Melampyrum nemorosum*'. Употреблялось раньше на территории Беларуси и название *купальнік* для буквицы 'небольшое растение, которое цветет светло-желтыми цветочками в соцветии' [2, с. 19].

Дунавка. Азярніца. Грэчуха. Свіцязянка. Лісунка. Все перечисленные названия связаны с местопребыванием русалки. Дунавка – живет в Дунае, озерница (азярніца) – в озере (Чёрное озера возле д. Брусы Гомельской области), гречуха (грэчуха) – в посевах гречки, свитязянка (свіцязянка) – в озере Свитязь (поэтическое название), лисунка (лісунка) – в лесу на деревьях. Полешуки разграничивают русалок водных, лесных и полевых.

Белая баба. Так русалку называют в д. Рыбчина Минской области: “*У нас страшылі дзяцей белай бабай, казалі: “Не ідзі ў жыта, там белая баба”*”. Название связано, вероятно, с внешним видом русалки: одета в белое.

Анализ семантического объёма и особенность контекстуального употребления лексемы русалка позволяет сформулировать следующие положения:

– Наличие национально-культурной семантики в лексеме русалка косвенно подтверждается существованием в белорусском языке семантически близких слов *русы, раса, ружа, русь*, а также “национальными” топонимами *Русакі, Русакова, Русакаўшчына, Русанава, Русаны, Русачкі, Русілки, Раса, Росіца* и др.

– Отметим, что национально-культурная семантика отражается, прежде всего, в региональных (диалектных) названиях мифического существа русалки. Для носителей языка в разных регионах Беларуси выявляется различная степень актуальности, важности конкретного признака русалки. Одни и те же свойства выступают как существенные и второстепенные, содержательные и поверхностные в разных диалектах белорусского языка. В номинативных единицах (безэквивалентных словах) проявляется национально-культурная семантика. Это такие названия русалки, как, например, *азярніца (возера), ласкатуха (ласкатаць), казытка (казытаць), смалянка (смала), купалка (Купалле), свіцязянка (в. Свіцязь), берагіня (берагчы), вадзяніца (вада), цыцоха (цыцкі)*.

– Бытуя на территории Беларуси, лексема русалка получила дополнительное коннотативное значение. Языковым проявлением коннотации лексемы русалка является употребление её в переносном значении – ‘красивая девушка’. Мифологема русалка стала активной в сравнениях *прыгожая, як русалка; валасы, як у русалкі; стройная, як русалка; плыве, як русалка; глядзіць, як русалка ў ваду; раска, як русалчына луска; як косы русалкі, травінкі-брыжы*.

– Возле слова “русалка” накопилось значительное количество информации, которая образует лексический фон – дополнительное, коннотативное значение. Коннотация мифологемы “русалка” проявляется в номинативной функции. Название Русалка приобретают книжный магазин, трёхместная весловая лодка, скульптуры, песня (автор В. Артюшкевич), стихотворения и повести (авторы Я. Борщевский, М. Богданович, Я. Купала, М. Чарот и др.), стиль свадебного платья, гостиница, туристическое агентство, парик, дизайнерский набор для творчества и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балдышэўская Т.І. Русалка – таямнічы вобраз дэманалагічнай // Веснік Магілёўскага ўніверсітэта імя А.А.Куляшова, 1999. № 4. С. 155 – 162.
2. Верас З. Беларуска-польска-расейска-лацінскі Батанічны слоўнік. – Выданьне газеты “Голас Беларуса”. Друкарня С. Бэкэра. – Вільня, Субач 2, 1924. 77 с.
3. Гусева Н.Р. Славяне и арьи. Путь богов и слов. Москва: ФА-ИР-ПРЕСС, 2002. 336 с.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Современная версия. Москва: ЭКСМО, 2002. 736 с.
5. Дзень за днём: Прыкметы надвор’я, а таксама народны каляндар-месяцаслоў. Укл. А. Русецкі. Мінск: Юнацтва, 2000. 157 с.
6. Карскі Я. Беларусы. Мінск: Бел. кнігазбор, 2001. 640 с.
7. Леванцэвіч Л.В. Атлас гаворак Бярозаўскага раёна Брэсцкай вобласці. Лексіка. Брэст: БрДу імя А.С. Пушкіна, 2001. 135 с.
8. Новый немецко-русский словарь справочник. Под ред.: Т.И. Куликова. Минск: “Асар”, 2001. 808 с.
9. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Москва: Российская академия наук, 1999. 944 с.
10. Рыбаков Б. Язычество древних славян. Москва : София, 2002. – 592 с.
11. Сівіцкі У.М. Русальная традыцыя Беларусаў: міфапаэтычная сістэма, тыпалагічныя паралелі. Мінск: Тэхналогія, 2006. 187 с.
12. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: у пяці тамах. Пад рэд. К.К. Атраховіча. Мінск: БелЭн, 1977–1984. 5т.
13. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 5-х т. Ред. Б.А. Ларина. Москва: Прогресс, 1964 – 1987. 5 т.

14. Этымалагічны слоўнік беларускай мовы: т. 1 – 10 Рэд. Г.А. Цыхун. Мінск: Бел. навука, 1985 – 1991. 10 т.

Петров Б.М.

Русское географическое общество, Москва (Россия)

e- mail: borismpetrov@yandex.ru

УДК 52.02:801.31(470.333-15)

**О парных топонимических рядах
(на примере ойконимики Стародубья)**

Petrov Boris Mikhailovich

Russian Geography Society, Moscow (Russia)

UDC 52.02: 801.31 (470.333-15)

**On paired toponymic ranges
(on the example of the oikonims of Starodubya)**

Работа основана на анализе списков ойконимов Стародубья (админоимы) и народом (фолконимы), образующих парные топонимические ряды. Админоимы – продукт рационального мышления, фолконимы – результат образного, правополушарного мышления. В XX в. в общественном сознании произошёл сдвиг в сторону рациональности, отразившийся в топонимике.

Ключевые слова: админоимы, фолконимы, топонимы-метки, топонимы-образы, парные топонимические ряды, Стародубье, принцип дополненности, XX век, прева-лирование рационального мышления.

The work is based on an analysis of the lists of Oikonim Starodubya (adminoimy) and the people (folkonims), forming pair toponymic series. Adminoimimy - a product of rational thinking, folkonims - the result of figurative, right hemisphere thinking. In the twentieth century there was a shift in the society towards the rationality of thinking, reflected in toponymy.

Key words: adminononyms, folkononyms, toponyms-labels, toponyms-images, pair toponymic series, Starodubya, principle of complementarity, XX century, prevalence of rational thinking.

Основной закон топонимии гласит, что в качестве топонима выбирается слово, называющее единичный признак объекта в сфере обращения этого названия. Однако, у объекта может иметься не

один единичный признак и, соответственно, может возникнуть не один называющий такие признаки топоним. В реальности выбор единичных признаков поселений и называющих их терминов (ойконимов) нередко осуществляется двумя коллективными субъектами: администрацией - путем издания актов, в той или иной мере идеологизированных, и народом - в процессе свободного языкового общения. Не удивительно, что выбор народа и мнение администрации далеко не всегда совпадают. В результате ойконимы региона образуют два сообщества или *парные топонимические ряды*: ряд ойконимов, внедренных администрацией (*админонимы*), и ряд названий, обращающихся в народе (*фолконимы*). При этом админонимы не всегда называют единичный признак, превращаясь, таким образом, в рациональные *топонимы-метки*. Фолконимы более образны, но эти народные *топонимы-образы* не всегда удовлетворяют требованиям официоза. Топонимические ряды неравновелики – официальных названий больше, чем народных. Это означает, что часть админонимов совпадает с народными названиями и наоборот.

Рассмотрим особенности парных топонимических рядов и составляющих их топонимов на примере ойконимики Стародубья. Стародубье – это историческая провинция, включающая территорию б. Стародубского полка Войска Запорожского (XVII-XVIII вв.) или четырех северных уездов (Суражского, Мглинского, Новозыбковского и Стародубского) дореволюционной Черниговской губернии. По Стародубью имеются опубликованные списки поселений по последней ревизии (1858 г.) и по Первой всеобщей переписи населения России (1897 г.) [8] Это особенно удобно, так как идеологизация ойконимики в конце XIX в. ещё не достигла уровня, характерного для более поздней эпохи.

При переписи 1897 г. в Стародубье зарегистрировано 1219 поселений. У 119 из них (9,8%) переписчиками отмечено по два названия. Задача выявить все названия населенных пунктов перед ними не ставилась. Материал собран ими попутно и видимо неполон, но другого перечня топонимов за эти годы нет. В результате неполной фиксации вторых названий наблюдаемые в Стародубье закономерности носят статистический слабоконтрастный характер, в некоторых случаях являясь лишь тенденциями.

По уездам доля поселений с двумя названиями колебалась от 4,4 до 21,3 % или в абсолютных значениях: Стародубский уезд – 14, Мглинский – 21, Новозыбковский – 23, Суражский – 61 ойконим.

Доля поселений с парными названиями несколько выше у малых и более молодых поселений (хуторов, займок, малых деревень). У более старых и, соответственно, многолюдных сёл двойные названия также встречаются, хотя и реже. В приграничном с Белоруссией Суражском уезде, обладавшем максимальным абсолютным и относительным (каждое пятое) количеством парных названий, доля несущих их поселений, образованных в XVIII в., максимальна (45,9%), а молодых (1858-1897 гг.). Это можно объяснить малым размером поселений, возникших на малопродуктивных по сравнению с другими уездами Стародубья землях Суражского уезда.

Народное название нередко возникает в качестве дополнительного к типовому обозначению поселения, неединичному в сфере обращения ойкониму вроде *Слобода*, *Займище*, *Хутор*, *Рудня* или деревенок с одинаковыми отымёнными названиями (*Ивановка*, *Петровка* и т. п.). Так, займища Стародубья получали дополнительные фолконимы обычно (но не все), по именам или кличкам владельцев или первопоселенцев, например: *Займище Гамалея*, *Займище Голицыной*, *Займище Алёновка*, *Займище Голяковка*. Той же закономерности подчиняются следующие пары ойконимов: *Гасанова Слобода* – *Перегоновка*, *Петрова Слобода* – *Синьковка* (по имевшимся близ неё курганам «синцов», т. е. покойников – вымершего дохристианского населения края, оставившего после себя курганные могильники), *Марьина Слобода* – *Ольшанка*, *Варварина Слобода* – *Добринь* (по названию речки), *Лидина Слобода* – *Ольховка*. Одноимённые деревеньки *Ивановки* обрели дополнительные фолконимы *Суздальёвка*, *Ямная*, *Кременчуковка*, *Гнилуша* и т. п. При этом в народе первый член возникшей топонимической пары в народе также обычно опускается вследствие действия принципа *топонимического лаконизма*: незачем говорить два слова, если одно из них может точно обозначить объект в сфере его обращения [4].

Многочисленные промыслы XVII-XVIII вв. - рудни, гуты и буды - различались по дополнительным фолконимам, обычно, как и у займищ и слобод, включавшим фамилию владельца или прозвище рудницкого или гутного мастера (*Рудня Косичская*, *Рудня Воловка*, *Рудня Голубовка*, *Гута Корецкого*, *Буда Смотрова* и др.). После отмирания перечисленных промыслов к концу XVIII в. для обозначения возникших на месте некоторых руден, гут и буд деревень оказалось достаточно типового названия (например, *Рудня*), – оно единично в округе.

Народное именотворчество особенно проявилось в назывании хуторов, официально именуемым по именам владельцев. Народ присваивал им свои, более красочные и образные наименования: х. *Петровка – Любского*, другая *Петровка – Нехотеевка*, *Лукьянцев – Гавриловка*, *Окоп – Елисаветинский*. (Последний топоним не имеет отношения к военному делу: из-за конфигурации границ земельной дачи этот хутор оказался почти со всех сторон *окопан* межевými знаками).

Для создателей фолконимов нет авторитетов, даже среди монашествующих: *Мартьяновка* (по малоизвестному древнему населеннику Киево-Печерской лавры) в народе – *Голотовка*, *Богородицкое* (по «Дому пресвятой Богородицы», как называли Лавру) – *Черneckая* и др. Народ не терпит сюсюканья (так, *Фёдоровка* стала в *Федьковкой*) и, особенно, манерничанья: х. *Фольварок* называли *Чернятин*, *Дионисполь – Крупец*, *Мантельмар – Иванин*, *Красный Кабачок* (посёлок при шинке за околицей посада Клинцы, именуемый названием известного столичного кабака) – *Забегаявка*. Фолконимы отличаются грубоватым народным юмором: *Крутая Буда – Злодейская Буда*, *Казённая Туросна – Дурни* (потому что поселились на бугре среди болота), местечко *Семионовка* (по Стародубскому полковнику Семиону Гетманичу) – *Задрисновка* и т. п.

Народ знал оба ряда ойконимов и пользовался обоими членами топонимической пары в зависимости от обстоятельств: при беседе с должностным лицом – официальным названием, в бытовом разговоре – народным, зачастую высмеивая официальные названия (так, хутор *Густав* стал *Кусты*), Правящее сословие предпочитало пользоваться ойконимами более близкого ему ряда, но фиксируя оба ойконима (например, хутор *Зараманский*, *Овсенков тож*).

Ряд топонимов-образов (фолконимов) формируется в языке в ходе свободного именотворчества при преобладании образного правополушарного мышления, ряд топонимов-меток (админимов) создается в результате рационального левополушарного мышления. Полное представление о поселении на основе его названия можно получить лишь соположив оба его ойконима, обозначающих его особо характерные признаки, которые *дополняют* друг друга. Формирование парных топонимических рядов рассматривается нами как проявление *всеобщего принципа дополнительности*, сформулированного Н.Бором [1; 3; 4].

Тоталитаризация общественной жизни, характерная для XX века, привела к резкому преобладанию админонимов в виде рациональных топонимов-меток, насаждаемых вопреки основному закону топонимики. Карты России и планы её городов переполнены однообразными политизированными (*Октябрьское, Первомайское, Ленинское, Мирный* и т. п.) названиями, не имеющими естественной связи с называемым объектом, и ложно-абстрактно-красивыми (*Прохладное, Цветочное, Раздольное* и т. п.) топонимами. Брянская область оказалась своего рода чемпионом РСФСР по насаждению таких безликих названий [6]. Так, в качестве топооснов годонимов города Клинцы, второго по величине в Брянской области, взяты термины, 56 % которых используются и в Москве [5]. (Невольно вспоминается старинная клинцовская поговорка «Клинцы-городок – Москвы уголок»). Такое же положение с наименованием улиц и в других городах России.

Фолконимы не запрещаются, они маргинализируются так, чтобы желание употреблять их не появлялось [7]. В ходе топонимической реформы 1964 г., направленной, в частности, на искоренение «неблагозвучных» и одинаковых ойконимов, соответствующие отменяемым названиям фолконимы не использовались. Составители уникального многотомного издания «История городов и сел Украинской ССР» обошли молчанием вопрос о двурядности ойконимов Черниговской области [2]. Все это свидетельствует о глубоких изменениях в общественном сознании и языке, в частности, в топонимическом словотворчестве, происходящих на наших глазах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бор Н. Атомная физика и человеческое познание: Сб. статей – М., 1961 (пер. с англ.).
2. История городов и сёл Украинской ССР: Черниговская область – К., 1983. С. 507.
3. Кузнецов Б.Г. Принцип дополнительности – М., 2007, 96 с.
4. Петров Б.М. О проявлении принципа дополнительности в топонимии / Вісник Дніпропетровського університету: Філософія. Соціологія. Політологія – Дніпропетровськ, 2012, вип. 22(4), т. 20, №9/2. С. 108-112.
5. Петров Б.М. О годонимии городских поселений Стародубья / Традиционная культура на территории Российско-Белорусского по-

границья: историко-этнографический и лингво-культурологический аспекты – Новозыбков, 2012, Изд-во РИО БГУ. С. 275-284.

6. Петров Б.М. О семантике топонимической реформы 1964 года / Нормативность в условиях смешения восточнославянских языков на территории Российско-Белорусско-Украинского пограничья – Новозыбков, 2012, изд-во РИО БГУ. С.311-317.

7. Руководство по сбору и установлению географических названий на топографических картах и планах. Утверждено Главным управлением геодезии и картографии при Совете Министров СССР. М., 1985, 53 с.

8. Русов А.А. Описание Черниговской губернии – Чернигов, 1899, т. II, 327 с.

Свистов Е.В.

Краевед, г. Новозыбков Брянская обл. (Россия)

E-mail: e.svistov@mail.ru

УДК 929

**Топонимы Брянского края в исследованиях краеведа
Поддубного Анатолия Ильича**

Evgeny Vladimirovich Svistov

Regional specialist, Novozybkov Bryansk region (Russia)

UDC 929

**Poddubny Anatoly Ilyich - local historian, researcher of toponyms of
Bryansk region**

Статья освещает исследовательскую деятельность краеведа Поддубного Анатолия Ильича в области изучения топонимов Брянского края.

Ключевые слова: топонимы Брянского края, научное наследие, языческое происхождение топонима, краевед.

The article highlights the research activity of the regional specialist Anatoly Podlyubny in the field of studying the toponyms of the Bryansk region.

Key words: toponyms of the Bryansk Region, scientific heritage, pagan origin of the toponym, local historian.

19 января 2018 года на 78-м году ушел из жизни Анатолий Ильич Поддубный - краевед, исследователь топонимов брянского края,

который на протяжении последних двадцати лет своей жизни публиковал свои научно-краеведческие исследования не только в сборниках межгосударственных научных конференций «История и археология Подесенья» [12;20;24], но и в районной газете «Маяк», как в виде цикла статей - «Пушкинский след на Новозыбковской земле» [3;7;8;9;10], и отдельных тематических статей: «Близкий родственник Пушкина» [11], «Николай Дмитриевич Долгорукий» [17], «Щорс и новозыбковский край: легенды и реальность» [22], «Новозыбковский добродей» (Об А.И.Шведове) [18] так и в виде открытого письма председателю Государственной Думы Селезневу Г.И. «В защиту русского языка» [23], так и письма «Фальсификация истории» [2] в Комиссию при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории, где он сообщает что «...многократно утверждалось и утверждается, что 17 сентября 1943 года Брянщина окончательно избавилась от оккупантов, и на её территории не осталось тогда ни одного вражеского солдата.

На самом деле на 17 сентября 1943 года была освобождена только одна треть территории нынешней Брянщины, а остальные две трети Красная Армия освободила с 18 сентября по 1 октября 1943 года...» [2] и «...из 13033 убитых и 43629 раненых в боях за освобождение Брянщины красноармейцев более половины приходится на время с 17 сентября по 1 октября 1943 года» [2], что сделало Анатолия Ильича Поддубного известным общественным краеведом для жителей Брянского края.

Так благородя Анатолию Ильичу была определена *историческая дата освобождения* нынешней территории Брянской области от немецко-фашистских захватчиков в 1943 году. Но власть области поправили его сказав, что «в других областях России, Украины и Белоруссии днём освобождения считается дата освобождения областного центра», а «празднование Дня освобождения Брянской области 17 сентября стало многолетней традицией, которую нет смысла менять» [2].

Благодаря его архивным изысканиям на кладбище с. Добродеевка Злынковского района Брянской области, им было обнаружено место захоронения Ганнибала Семёна Исааковича (1791-1853 гг.) - двоюродного дяди Александра Сергеевича Пушкина по материнской линии т.к. в последние годы жизни Ганнибал Семён Исаакович был управляющим имением графов Апраксиных в селе Добродеевка

Новозыбковского уезда Черниговской губернии, позволившее установить Ганнибалу Семёну Исааковичу надгробный памятник в 2013 году.

Но всё же в творческом наследии Анатолия Ильича Поддубного главной темой последних десятилетий является его исследования в области топонимов Брянского края.

Начиная с 2002 года Анатолий Ильич публикует на страницах местной районной газеты «Маяк» свои статьи о происхождении названий рек,- «Карна» [19] и «Каташин» [15]. Это сразу же вызвало несогласие местных краеведов с языческой точкой зрения Анатолия Ильича на их происхождения, так как в своих научных исследованиях топонимов Брянского края Анатолий Ильич Поддубный исходил из их языческого происхождения, а не из былинных воззрений, на которые опираются местные краеведы. Это обстоятельство обусловило появление целого ряда статей-ответов со стороны Анатолия Ильича на их статьи [1;25].

Так статья Анатолия Ильича «*И вновь о названии Карна*» [14], как ответ на публикацию К.Попова «*Не умножая сущности без необходимости, или за чем Карне печаль?*» [25], который утверждает что «*Ни одна река в пределах славянских земель не носит имен языческих богов*», [14, с.2] на что Анатолий Ильич ссылаясь на книгу академика Б.А.Рыбакова «*Язычество Древней Руси*», пишет, что в ней говорится «*о большом количестве урочищ, помеченных именами древних божеств*» [14, с.2], а так же на статью «*О суеверном почитании Пятницы в Малороссии*» опубликованную в «Земском сборнике Черниговской губернии № 4 за 1900 г., где «*Почти две трети статьи посвящены культу Пятницы в Новозыбковском уезде*» [14, с.2], а так же на примерах «языческого злобного болотного духа Злина названы урочища и текущая через него река Злынка» [14, с.2]. или «*...Имя другого злого духа – злого болотного карлика носит соседнее со Злынккой урочище Нокоть (ныне Накот)*» [14, с.2] и на целом ряде других примерах Анатолий Ильич делает свой следующий вывод: «*имена рекам давались по какому-то одному отличительному признаку*» так что «*...речную дугу – корну и приближенные курганы с прикорнувшей возле них от них от горя языческой (курсив мой) плакальщицей Карной*» тем самым доказывая что «*толкование имени речки: «печаль –плакальщица – река, другой корной впадающая в Ипуть*» [14, с.3] тем самым сформулированный им вывод в названии статьи «Печаль - река» верен.

Для написания статьи «*Каташин: имя, рожденное рекой*» [15] послужила так же статья местного краеведа В.И. Злобова «*Юбилей Каташина*» [1], где ее утверждает, что «*1. Село названо от «монаха по имени Нишатак» образованное от чтения этого слова на оборот. 2. Беглые люди «катались» т.е. убегали от помещиков – следовательно «отсюда и слова «Каташин». 3. В селе когда-то «катали шины», опять же получается Каташин от сложения «кат» и «шин». 4. Есть фамилия Котов, и был когда-то «шинок», т.е. кабак. 5. Жил-был когда-то в тех местах жестокий пан – «катпалач»* [15, с.3]. С доводами автора этой статьи Анатолий Ильич не согласился и в своей статье утверждает, что «*село возникло на берегу речки Каташинка т.е. еще не было монастыря и села, а имя Каташина-Каташинска уже существовало*» [15, с.3]. А также что «*...возле речки Каташинка возник монастырь, а за тем рядом с ним – село.*» [15, с.3].

Особо хочется выделить статью Анатолия Ильича «*Людки — Людковщина — Людково*» [16] так как она посещена исследованием топонима «Людково» — часть нынешней территории г. Новозыбкова, которая была слободой и называлась Людковщина [16, с.7] и возникла «*после 1654 года - времени изгнания поляков из Стародубья у реки Карна, на земле села Тростань, которым владел Афанас Зенченко*» [16, с.7] и которую «*узаконил в 1663 году стародубский полковник Петр Рославец*». [16, с.7] Само же название «Людково» как доказывает в своей статье Анатолий Ильич - «*название языческое и означает “место, где обитают молниевые духи –людки” или проще говоря, “молниевое место” ... Других объяснений нет*» [16, с.7].

С 2004 года Анатолий Ильич стал участвовать в межгосударственных научных конференциях «*История и археология Подесенья*» посвященной памяти брянского археолога и краеведа, Заслуженного работника культуры РСФСР Федора Михайловича Заверняева (28.II.1919 - 18.VI.1994) проводимые Управлением культуры Брянской области и Брянским государственным краеведческим музеем. Так в материалах межгосударственной научной конференции «*История и археология Подесенья*» (выпуск III) за 2004 год А.И. Поддубным была опубликована статья «*Языческие представления о злых духах в топонимах Злынковского и Климовского районов Брянской области*» [24], где он указывает, что «*...Пересмотрев свой ранние слова о том, что Зглинка... “текущая зглин” ... т.к. более*

тщательное изучение местности и старинных карт убедило меня в том, что это моё толкование неверно, а название Злынка – языческое...». [24, с.302]

В материалах межгосударственной научной конференции «История и археология Подесенья» (выпуск VI) за 2012 год были опубликованы статьи Анатолия Ильича Поддубного о Брянских топонимах «Рогнедино» [20] и «Карачев» [12], где он стоящий всё на тех же языческих представлениях происхождения топонимов в Брянском крае со ссылкой на статью Г. Полякова пишет, что «*Благодаря домыслам любителей старины сложилось мнение, будто село (ныне посёлок) Рогнедино... названо по имени жившей княгине Рогнедь (Рогнеда)*» [20, с.436] добавляя при этом что «*исторических доказательств на этот счёт нет*» [20, с.436].

Разделив слова «Рогнеда» на два слова «Рог» и «неда», и обозначив его как «*поселение у рога неды*» [20, с.439] Анатолий Ильич пишет, что «*...Всматриваясь в местность у посёлка, обнаруживает удивительное творение природы – глубокую впадину-низину в виде необычного изгиба большой протяженности. Это и есть урочище Рогнеда...*» [20, с.437]

В статье «Город возле Корочи» (о названии Карачев) [12] Анатолий Ильич Поддубный пишет, что «*...Город **Корочев** → Карачев → **Карачев** возник на берегу реки Снежень (Синежень) у самого края **корочевого**, то есть кустарникового с редколесьем, участка поймы...*» [12, с.444] и делает «*...вывод: Карачев означает город возле **корочи**...*» [12, с. 444].

Говоря о книжном наследии А.И. Поддубного нужно сказать о двух его книгах: «*Злынковская земля сквозь дымку времени: исторические очерки*» [6] и «*Добродеевка*» [5] написанных живым языком повествователя истории можно сказать, что на сегодня эти книги стали историко-краеведческим бестселлером у историков и краеведов не только Брянского края.

Среди задуманных творческих планов Анатолия Ильича Поддубного - словарь «*Топонимы Брянского края*» остался не осуществимым.

22 января 2018 года после отпевания в церкви Петра и Павла в с. Добродеевка Анатолий Ильич Поддубный был погребён в присутствии многочисленных людей, присоединявшихся по ходу следования похоронной процессии, рядом, с родителями на кладбище п.Вышков Злынковского района Брянской области.

Имя этого человека – краеведа и исследователя Брянского края, уже вписано золотыми буквами нашей памяти о нем и нам остается помнить и не забывать имя Поддубного Анатолия Ильича, как и его творческое наследие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Злобова В.И «Юбилей Каташина» // Маяк от 3.10.2002 г.
2. Поддубный А. И «Фальсификация истории. День освобождения Брянщины - 1 октября 1943 г.» <https://melizanda22.livejournal.com/>
3. Поддубный А.И «3. Александр Константинович Ипсиланти» г. Маяк от 30 апреля 1999 г. с. 5
4. Поддубный А.И «Одно полугодие из жизни Новозыбковско-го сельхозтехникума» г. Маяк от 8 июля 1999 г. с. 3 № 79 (14582)
5. Поддубный А.И. Добродеевка / рис. Ал.И. Поддубный./ – Новозыбков, Брянск: Ладомир, 2013. – 162, [2] с.: ил.; 24 см. - 300-летию села Добродеевка Злынк. р-на Брян. обл. посвящ. – Описано по обл. Без тит. л. – Библиогр.: с. 161-162 . – На рус. яз. - ISBN 978-5-91516-252-4.
6. Поддубный А.И. «Злынковская земля сквозь дымку времени»: Ист. очерки/. – Клинцы : Изд-во Клинцовской городской типографии, 2000. – 190 с.: ил.; 21 см . - Библиогр. в примеч.: с. 182- 189. - ISBN 5-88898-085-4: 50.00.
7. Поддубный А.И. «1. Сергей Петрович Румянцев» г. Маяк от 14 апреля 1999 г. с.3 № 45 (14548)
8. Поддубный А.И. «2. Петр Иванович Апраксин 1-й» г. Маяк от 22 апреля 1999 г. с. 3 № 48 (14551)
9. Поддубный А.И. «4. Семен Исааковича Ганнибал» г. Маяк от 25 мая 1999 г. с.3
10. Поддубный А.И. «6. Вера Федоровна Вяземская» г. Маяк от 5 июня 1999 г. с. 2
11. Поддубный А.И. «Близкий родственник Пушкина» г. Маяк от 5 июня 1999 г. с. 2
12. Поддубный А.И. «Город возле Корочи» (о названии Карачев) // Деснинские древности (выпуск 4) Брянск 2012 с. 440-445
13. Поддубный А.И. «Женская гимназия» г. Маяк от 27 июля 2000 г. с. 3
14. Поддубный А.И. «И вновь о названии Карна» // Маяк от 12 апреля 2003 г. с.2-3.

15. Поддубный А.И. «Каташин: имя, рожденное рекой» / Маяк – 16 января 2003 г. с. 3
16. Поддубный А.И. «Людки-Людковщина – Людково» // г. Маяк от 11 сентября 2004 с. 7
17. Поддубный А.И. «Николай Дмитриевич Долгорукий» г. Маяк от 4 ноября 1999 г. с. 2 № 129 (14632)
18. Поддубный А.И. «Новозыбковский добродей» (Об А.И.Шведове) / Маяк 3 июля 2001 г. с.2.
19. Поддубный А.И. «Печаль-река» / Маяк – 1 января с. 7
20. Поддубный А.И. «Поселение у самого рога Неды» (о названии Рогнедино) // Деснинские древности (выпуск 4) Брянск 2012 с. 436-439
21. Поддубный А.И. «С праздником тебя Перевоз» г. Маяк от 12 августа 2000 г. с.3 № 93 (14746)
22. Поддубный А.И. «Щорс и новозыбковский край: легенды и реальность» / Маяк. - 25 августа 6 сентября 2001 г. с.3
23. Поддубный А.И. Открытое письмо председателю Государственной Думы Селезневу Г.И. «В защиту русского языка» / Маяк- 18 января 2000 г. с. 1-2 (№ 71 (14210))
24. Поддубный А.И.«Языческие представления о злых духах в топонимах Злынковского и Климовского районов Брянской области» // Деснинские древности (выпуск 3). Материалы межгосударственной научной конференции «История и археология Подесенья» Брянск ,2004. с. 301-306.
25. Попова К «Не умножая сущности без необходимости, или за чем Карне печаль?» // Новозыбковские вести от 13.03.2002 г.

Сироткина Т.А.

*БУ ВО «Сургутский государственный педагогический университет», г. Сургут (Россия)
e-mail: sirotkina71@mail.ru*

УДК 81.27

**Этнонимы в ономастическом пространстве
полиэтничного региона**

*Sirotkina Tatyana Alexandrovna
Surgut State Pedagogical University, Surgut (Russia)*

UDC 81.27

Ethnomene in the single space political region

В статье на материале этнонимии Пермского края рассматривается функционирование этнонимов в диалектном и художественном дискурсе и делается вывод о том, что региональный этнонимикон – это зеркало межэтнических контактов, этнических стереотипов и ассоциаций, связанных с представителями разных культур.

Ключевые слова: этнонимы, ономастическое пространство, полиэтничный регион.

In the article, the ethnonym of Perm Krai considers the functioning of ethnonym s in dialect and art discourse and concludes that the regional ethnonymicon is a mirror of interethnic contacts, ethnic stereotypes and associations associated with representatives of different cultures.

Key words: ethnonyms, onomastic space, polyethnic region.

Этнонимы – названия народов – неотъемлемая часть лексики любого языка. Функционирование этнонимов в текстах разного времени и разных стилей отражает либо научную (научные тексты), либо наивную (записи диалектной речи), либо индивидуально-авторскую (художественные произведения) картину мира.

Этнонимикон определенного региона – зеркало той этнической карты, которая складывалась на данной территории веками. Покажем это на примере одного из полиэтничных регионов России – Пермского края.

Анализ этнонимии диалектного дискурса осуществлялся на материале картотеки словарного кабинета Пермского государственного университета, отражающей многолетнюю экспедиционную работу в д. Акчим Красновишерского района, а также существующих региональных словарей: «Словаря пермских говоров», «Словаря русских говоров Коми-Пермяцкого округа», «Словаря русских говоров Южного Прикамья», «Фразеологического словаря пермских говоров».

Как известно, образование категории тесно связано с формированием концепта или группы концептов, вокруг которых она строится. В рамках рассматриваемой нами категории этничности таким концептом выступает концепт “Этнос”, являющийся одним из основных в концептосфере “Человек”. Средством репрезентации концепта «Этнос» являются различные этнонимы. На определенной территории исторически складывается система этнонимов, отражающая представления об этничности данного территориально-языкового коллектива.

Концепт, по наблюдениям лингвистов, состоит из отдельных, но в то же время спаянных в единую структуру фрагментов – областей концепта. В силу разного рода коммуникативных задач вербализации может подвергаться только одна из областей концепта. Области активизируются и находят проявление через языковые знаки.

Поскольку под этничностью понимают присущие данному обществу язык, особенности духовной культуры и т.д., то, очевидно, базовый для данной категории концепт «Этнос» образуют такие концептуальные области, как «язык», «материальная культура», «духовная культура», «внешность» и некоторые другие.

В рамках той или иной этнической культуры формируются представления о различных этносах. Эти представления отражаются в языковой картине мира через набор оценочных смыслов, которые, в свою очередь, находят отражение в национально-культурных стереотипах. В языковой картине мира русских жителей Пермского края отражаются следующие черты этнических образов соседей:

1. Язык того или иного народа: «Были марийцы у нас. У них-то разговор свой». Неумение правильно говорить получает у носителей говоров отрицательную оценку: «Все да не все правильно говорим. *Челдоны-то челдоны* и есть – необразованные люди».

2. Типичные черты характера и поведения: «Он придет, так его не выгонишь. Больно навяшшывые. Своя нация – *цыганы*».

3. Занятия представителей определенной национальности: «Приезжали раньше-то гадали *цыганки*»; «*Манси* раньше наезжали. Унты продавали, туфли теплые»; «Третное ткали только *пермянки*, – оне в шесть ниченков, а мы – в три-четыре».

4. Манера одеваться: «Штаны как у *татарки* выпушшэны на-верх».

5. Особенности вероисповедания. Оpozнание «своих» и «чужих» может происходить не только на основе языковых различий, но и на основе различий религиозных. Старообрядцы в народном сознании – это отдельный народ, «как нации». Слово *кержаки*, как и многие этнонимы, имеет переносное значение – «упрямый, замкнутый человек, а также скупой».

Все эти образы складываются в стереотипные представления о том или ином народе, с которым русское население проживает в тесном контакте.

Однако основой гетеростереотипов является антропостереотипичность, т.е. обусловленность стереотипа внешним обликом индивида: «Личность такая *мариец*. Глаза узкие».

Интересен для исследования процесс ксенономинии, т.е. номинии через чужое (термин Е.Л. Березович). В диалектной речи отмечены следующие группы ксенонимов:

а) названия одежды: «*Татарка* – шуба на овечьем меху, с борками, поджимистая, то рубчик, то полусуконье возьмут; пышны рукава с грибочками; воротник из матерьялу»;

б) названия растений: «*Татарка* на репейник находит, ей одёжу жёлтили, така дублёна одёжа делалась»;

в) названия игр: «Мы раньше ишшо *зыряном играли*, ноне уж так-ту не играют; о святках одного средят, долгущего, остальные над им галятся»;

г) обозначения состояний человека: «Топи печку. - Тебе холодно? - Вроде того. А тебя *цыганский пот* прошибат?».

Показательны в плане ксенономинии фразеологизмы с этническим компонентом. Очень продуктивен в пермской фразеологии этноним *татары*: *татара (молотят) в голове* – головокружение, головная боль, тяжесть: «Сёдни я ничё не скажу, у меня татара молотят в голове»; *татарам на хмель* – ни на что не годен: «Баушка, праздник нынче, дай выпить маленько, потом помогу тебе чемнибудь. – Да кому ты нужен! Тебя только татарам на хмель»; *та-*

тарин родился – о моменте мгновенной тишины: «Татарин что ли родился? Почему тогда замолчали? Разговаривайте».

Писатель, создающий историческое произведение, передает с помощью языка художественного текста те нюансы, которые связаны с этнической составляющей ментальности. В художественной картине мира могут отражаться особенности национальной картины мира. В этом смысле автор художественного произведения выступает как носитель определенных национально-культурных стереотипов. Для анализа функционирования этнонимов в художественном дискурсе нами использованы повесть Николая Никонова «Ермак», романы Михаила Строганова «Камни господни», Евдокии Туровой «Слезы лиственницы», Алексея Иванова «Чердынь – княгиня гор», «Золото бунта», «Message: Чусовая», «Географ глобус пропил», повествующие об исторических событиях, происходящих в Пермском крае в XV – XVIII вв.

Являясь носителями определенной этнической культуры, авторы произведений реализуют в своих текстах оппозицию «свой – чужой», присутствующую в языковой картине мира народа. Представитель «чужого» этноса в рассматриваемых текстах часто не называется конкретно, а именуется просто *иностранцем*: «Карий увидел появившееся из темного угла испуганное бритое лицо иностранца». Ту же функцию – номинации «чужих», независимо от национальной принадлежности, выполняет лексема *иноплеменные*: « – Ведаю про измену вашу великую! И про то, что отложиться хотели к иноплеменным!». Однако чаще всего категория этничности является эксплицитной, получая выражение в конкретных этнических именах, актуальных для описываемого региона.

Важная роль этнонимов в художественном тексте – служить средством объективации. Этнические имена и образования от них выполняют функцию реально-исторической достоверности. Как и в других типах дискурса, в художественном дискурсе мы можем наблюдать существование внутритекстовых и межтекстовых номинативных парадигм этнонимов, например, *вогулы – вогуличи – вогульцы*: «В городище чердынском шепчутся, что летом вогулы придут»; «Брешет, вогуличи налетели»; «Так ведь там, говорят, проклятое место. Вогульцы идолопоклонствовали».

С другой стороны, мы наблюдаем парадигмы, состоящие из автоэтнонимов и экзоэтнонимов. Если этноним *русские* употребляют сами русские, то пермяки (коми-пермяки) называют их *роччиз*, во-

гулы – *русами*, а татары – *урус*: «Но пермяки разволновались и осенью съехали на совет в Янидор, куда пригласили и молодого князя русских»; «Вас, роччиз, как друзей мы пустили жить на наших землях»; «Русы-новгородцы – древние наши враги, – сказал Асыка». «Уруса Ермака брат живым, только живым».

Средством объективации в текстах исторической прозы служат не только сами этнические имена (*вогулы, русские, татары, остяки* и т.д.), но и названия деревень, фамилии героев, прозвища.

Наиболее актуальными для рассматриваемых произведений являются следующие виды этнотопонимов и этноантропонимов:

1. Оронимы (*камень Пермяков, Вогулинская гора, Чувашский мыс, Чувашева гора, Югорский камень*): «Деревня Пермякова расселась на левом берегу напротив камня Пермякова»; «А вот скала Вогулинская Гора так и не доползла до берега, чтобы тоже стать бойцом, и застряла в лесу: торчала там над еловыми острями обиженной кучей»; «В октябре 1582 года под Чувашским мысом разразилась решающая битва»; «На подступах к Искеру, под Чувашевой горой, в узкой ложине по берегу... устроили засеку из больших деревьев»; «В 1974 году новая грамота разрешила купцам строить гордки за Уралом (Югорским камнем)».

2. Ойконимы (*деревни Пермякова, Полякова*): «Жаль, умер разбойник Пермяков, от чьего корня пошла деревня (д. Пермякова)»; «Напротив камня на правом берегу стояла ныне исчезнувшая деревня Полякова».

3. Антропонимы. Пермская фамилия Зырянкин, прозвища Татарин, Зырянниха и другие – все эти отэтнонимные образования очерчивают этнокультурное пространство текста, наполняя его художественными ассоциациями автора: «С детства его звали Татаринком за маленький рост и скуластое, смуглое лицо»; «Прохора Зырянкина в Кашке любили не шибко; полдеревни у него в должниках ходило»; «Народ будто ошалел, когда увидел, что Зырянниху притащили за волосы уже мертвую – лопнуло бабье сердце».

В картине мира каждого народа существуют представления о «своих», складывающиеся в интраобраз, и представления о «чужих», формирующие экстраобразы. Так, в этнической картине русских старообрядцев, представленной в романе Е. Туровой, отмечаются следующие черты этнических образов соседей:

1. Особенности вероисповедания: «Тятя и сказывал потом про Вотяцку гору. Не проста гора-то была – молельна гора у вотяков».

2. Отличительные черты антропонимикона: «А тетя Руми? Имя какое-то нерусское, я и не знаю таких в деревне».

3. Особенности характера и поведения: «Как у русского чё выпросить, русский знают, а чуть чё – сразу по-русски плохо! Шибко оне хитрые, вот чё».

4. Внешние отличия: «Оня скоро затосковала среди русских. Какие они некрасивые: лица белые, глаза круглые!»; «Вотяки народ некрупный, светлоглазый, с жидкими светлыми волосами».

5. Языковые особенности: «Русские же умеют разговаривать только словами, они знают очень много слов. Как можно знать столько слов? Трудно разговаривать с русскими».

6. Отличия в обрядах и традиционной культуре: «Оня собралась в далекую страну Ымме. Пусть русские глубоко закапывают в холдную землю своих умерших. Она не хочет туда».

Таким образом, рассмотрение функционирования этнонимов в разных типах дискурса отражает этнический фрагмент региональной картины мира, позволяет делать выводы о межэтнических контактах этносов исследуемой местности, репрезентирует этнические стереотипы и ассоциации, связанные с представителями разных культур.

Стральчук Г.М.

*ДУА “Сярэдняя школа № 21 імя М.Ф. Гастэлы г. Мінска”,
г. Мінск (Беларусь)
e-mail: Galina-strela@tut.by*

УДК 81'373.232.1 (476.2)

Адлюстраванне матэрыяльнай культуры беларусаў у прозвішчах жыхароў Гомельскай вобласці

*Strelchuk Galina Nikolaevna,
Minsk school №21 named after N.F. Gastello,
Minsk (Belarus)*

UDC 81'373.232.1 (476.2)

Display of material culture of the belarusians in the citizens surnames of Gomel region

У прозвішчах апапелятыўнага ўтварэння адлюстраваліся шматлікія падзеі з гісторыі *In the names of residents of the Gomel region affected many events in the history of our people, their way of*

Гомельскай вобласці, побыт народа, традыцыі, звычаі, абрады. Зафіксавана 319 антрапонімаў, утвораных ад назваў прадметаў побыту, адзення, прадуктаў харчавання і грашовых адзінак.

Ключавыя словы: матэрыяльная культура, прозвішча, антрапонім, імя, апелятыў, лексіка-семантычная група.

life, traditions, customs and ceremonies. It was recorded that 319 surnames were formed from names of everyday objects, clothes, foodstuff and monetary items.

Key words: material culture, a surname, an anthroponym, a name, a noun, lexico-semantic group.

Як вядома, пад матэрыяльнай культурай, разумеюць сукупнасць створаных людзьмі матэрыяльных аб'ектаў, прадметаў (прылады працы, сродкі перамяшчэння, жыллё, зброя, посуд, адзенне, упрыгажэнні, мэбля і інш.) і спосабаў матэрыяльнай вытворчасці. Матэрыяльная культура цесна звязана з мовай народа, паколькі кожная рэалія, створаны прадукт маюць зафіксаванае слоўнае абазначэнне.

Прозвішчы ўтвораныя ад апелятываў, што абазначаюць набыткі матэрыяльнай культуры, даволі разнастайныя па семантыцы, паколькі называюць прадметы, звязаныя з гаспадарчай сферай жыхароў Гомельскай вобласці і суседніх тэрыторый. Яны нібы дапаўняюць тыя, што суадносяцца з прафесіяй і заняткамі чалавека, указваючы, напрыклад, якімі сродкамі яны карысталіся. Магчыма ў выніку метафарызацыі яны сталі антрапонімамі: нязграбнага чалавека маглі называць *Качаргой*, *Дубінай* – фізічна вельмі моцнага чалавека (раней гэтая лексема не мела таго адмоўнага значэння, якое нясе зараз) [4, с. 66].

1) Антрапонімы, утвораныя ад назваў прылад працы, прадметаў побыту (130 адзінак). У дадзенай лексіка-семантычнай групе выдзелены апелятывы, што называюць:

- прадметы побыту: *Булаўка*, *Булаўкін*; *Воўнаў*; *Гуненка*, *Гунькаў*, *Гуня* ад рэг. *гуня* 'пакрывала на каня, поцілка' [1, с. 121]; *Катлоў*, *Катловец*, *Катлярчук*; *Каўроў*; *Кашыцкі*, *Кашэвіч*, *Каішэль*, *Каішэнка*; *Кудзелька*, *Кудзелькін*; *Кужалевіч*, *Кужалеў*, *Кужэльны*; *Ліхтар*; *Суднікаў* – *суднік* рэг. 'шафа для кухоннага посуду' [1, с. 397];

- посуд: *Вільнічэнка*, *Вільчанка*, *Вільчык*; *Каўшаенка*, *Каўшар*, *Каўшароў*, *Коўш*; *Нажоў*, *Нажэў*; *Скавародзін*, *Скавародка*,

Скавароднікаў; Ступак, Ступінскі; Тарэлкін; Чарачкін; Чашанок, Чашаў; Чыгуноў;

- прылады працы і іх часткі: *Абухоў, Абушкевіч, Абушэнка; Верацельны; Дубіна, Дубіненка, Дубінін, Дубінскі; Калода, Калодка; Крук, Крукаў, Кручкоў; Лапата, Лапацін; Мятла, Мятліцкі; Расошанка, Расошка, Рассоха; Рашатняк, Раішэтнік; Сакаў; Серпаў, Серпікаў; Хамутаўскі; Цвік, Цвікаў, Цвык; Шыдлоўскі, Шыла, Шылаў, Шылін;*

- гаспадарчыя пабудовы, іх часткі, зямельныя надзелы: *Балацянаў ад балацянка 'невялікі ўчастак сенакосу' [6, с. 44]; Банік, Баннікаў, Банны; Буда, Будаў, Будкевіч; Гуменнікаў, Гумянюк; Даманаў, Даманікаў, Домненка, Домніч, Домчанка; Забалконаў; Клец, Клецеў, Клецянкоў; Правіла ад правіло 'апошняе бервяно ў зрубe' ці 'частка воза: доўгая жэрдка, якая злучае задок і перадок' [2, с. 181]; Страха.*

Да гэтай лексіка-семантычнай групы адносім прозвішчы тыпу *Брычыкаў, Палазкоў, Палазнік, Саннікаў, Сановіч*, апелятывы якіх называюць сродкі перамяшчэння; а таксама онімы, утвораныя ад найменняў рэчываў, што выкарыстоўваюцца ў гаспадарцы, з'яўляюцца яе адходнымі прадуктамі, увогуле, нейкім чынам да яе адносяцца: *Дымаў, Дымко, Дымкоў; Мылко, Мылнікаў, Мылцаў.*

Антрапонімы, звязаныя з гаспадарчай, культурнай, рамеснай дзейнасцю чалавека, суадносяцца з назвамі прадметаў, што акружалі чалавека ў паўсядзённым жыцці. Сустрэкаюцца ў прозвішчах такія апелятывы, якія абазначаюць прадметы, што выходзяць з актыўнага карыстання людзей, напрыклад, *верацяно, серп* і інш.

2) **Прозвішчы, суадносныя з назвамі адзення, абутку, пасцельных прыналежнасцей (46 адзінак).** Адзенне дапамагала адрозніваць чалавека па ўзросце, этнічнай і рэлігійнай прыналежнасці, паводле роду заняткаў і службовым становішчы, выконвала нават магічную і абрадавую функцыі, таму і служыла яркай прыметай вылучэння асобы з калектыву. Зафіксаваны прозвішчы, якія паходзяць ад апелятываў, што абазначаюць:

- галаўныя ўборы: *Калпакоў, Каўпак; Капялюш; Кучма* ад рэг. *кучма* 'мехавая, круглая мучынская шапка' [3, с. 241]; *Фатаў, Фатахоў; Шапка, Шапуха;*

- адзенне і яго часткі: *Башлакоў, Башлыкоў; Гузікаў; Кажуханаў, Кажухоў; Калоша; Камзол, Камзолаў; Карманаў,*

Карманаўскі; Картузаў; Майкаў; Мехаў; Наско, Наскоў; Панчоха, Панчыхін; Рубаха, Рубашын, Рубашэнка; Халява, Халяўка; Халяўкін; Шпілька; Штанюк; Шуба, Шубаў, Шубін;

- абутак: *Бот, Даўгалапцеў, Лапцейкін, Лапцеў, Башмак, Чабаткоў;*

- пасцельныя прыналежнасці: *Матрас.*

Разгледжаная вышэй лексіка-семантычная група колькасна нязначная. Каб надаць мянушку па такіх прыкметах, патрабавалася, каб апошнія былі добра заўважальнымі, выдзяляльнымі. Напрыклад, чалавек меў звычку пастаянна насіць *капялюш*, таму яго і называлі *Капялюш*.

3) **Антрапонімы, суадносныя з назвамі страў, прадуктаў харчавання, напояў (133 адзінкі).** Характар ежы і харчавання вызначаецца асаблівасцямі гаспадаркі. Старажытныя славяне былі пераважна земляробамі, таму раслінная ежа для беларусаў спрадвечная. Значнае месца ў харчаванні займалі дзікарослыя расліны, ягады і грыбы, таму гэтая група прозвішчаў набліжаецца па колькасці да групы, якая паходзіць ад фаўністычных апелятываў. Харчаванне не адрознівалася вялікай разнастайнасцю, таму і прозвішчаў, утвораных ад апелятываў, якія характарызуюць ежу, няшмат.

Антрапонімы жыхароў Гомельшчыны суадносяцца з назвамі:

1) мучных вырабаў: *Аладзінскі, Аладзько, Аладка; Бохан, Баханко, Бахмат; Блінец, Бліннікаў, Бліноў; Бубель, Бублікаў, Бублін; Булкін; Верашчагін, Верашчака – верашчака ‘рэдкая мучная страва з мясам, каўбасой і рознымі прыправамі’ [5, с. 110]; Калач, Калачоў; Караваеў; Каўрыжска; Корж, Коржык, Каржоў; Лапшак; Мякіш, Мякиун, Мяшын; Пірагоў, Піражкоў, Піражэнка; Прасвіраў, Прасвірын – прасвірка, ці прасвіра ‘маленькая круглая прэсная булачка беллага колеру, якая выкарыстоўваецца ў некаторых абрадах праваслаўнага набажэнства’ [5, с. 500]; Праснакоў – праснак ‘тоўсты блін з прэснага цеста’ [5, с. 501]; Сайкаў, Сайкін, Сайчук; Скарына; Скіба, Скібінскі; Хлебін, Хлебнік, Хлябцоў;*

2) агародніны і страў з яе: *Баршчоў, Баршчук, Боршч; Расол, Расолаў; Салянік, Салянікаў ад салянка “густы суп з дробна нарэзанымі кавалкамі мяса або рыбы і вострымі прыправамі” [5, с. 582];*

3) круп: *Крупа; Кулеш, Куляшоў* ад *кулеш* “густая мучная або крупяная каша з салам” [5, с. 306]; *Кашавенка, Кашаед; Манчанка, Манчук; Пионаў, Пионка, Пионны; Ячнік;*

4) малака і прадуктаў яго перапрацоўкі: *Малочка; Масла, Маслак, Масленка, Масляны; Прастаквашын; Смятанін, Смятаннікаў; Сыракваша; Сыркін, Сырцоў;*

5) мясных прадуктаў: *Калбасаў, Калбасенка, Калбасін; Лой, Лойка; Салаў, Салка, Сальнікаў; Шкваркаў, Шкварчук.*

На тэрыторыі Гомельшчыны зафіксаваны прозвішчы, апелятывы якіх называюць напоі: *Воднеў, Воднік, Водчыц; Брагін, Бражнік* ад *брага* ‘рошчын з соладу, мукі і бульбы, з якой гоняць спірт, гарэлку’, ‘пітво дамашняга вырабу з хмелем і цукрам’ [5, с. 92]; *Гарэлкін; Кісель, Кісялеўскі; Саладунаў, Саладуха, Соладаў* ад *солад* ‘прадукт, падрыхтаваны з прарошчанага, высушанага і змолатага зерня хлебных злакаў; ужываецца для вырабу спірту, піва, квасу і пад.’ [5, с. 613]; *Сакавец, Сокараў.* На спосаб прыгатавання стравы ўказваюць апелятывы наступных антрапонімаў: *Варэнік, Варэннікаў*, магчыма, і ад *варэнік* ‘від вараных піражкоў, начыненых ягадамі, тварагом’ [5, с. 107]. Сустракаюцца прозвішчы, апелятывы якіх прадстаўлены зборнымі і рэчыўнымі назоўнікамі тыпу: *Салей, Саленнікаў, Саланкоў; Сахараў; Цукараў, Цукраў.*

Найменні такога тыпу маглі надавацца па некалькіх прычынах: любімая стравя чалавека або тое, чым гаспадар і яго сям’я харчаваліся. Напрыклад, *Путро* ад рэг. *путра* ‘кіслая каша’, ‘нясмачная, дрэнна прыгатаваная стравя’, рус. ‘пойла з мукі’ [1, с. 339].

4) **Антрапонімы, суадносныя з назвамі грашовых адзінак і адзінак вымярэння.** Дадзеная лексіка-семантычная група самая нешматлікая: на Гомельшчыне зафіксавана толькі 10 прозвішчаў. Пераважная большасць апелятываў, што ляглі ў аснову антрапонімаў гэтай групы, уяўляюць сабой устарэлыя словы: *Вярстак; Грош; Злацін, Злотнік, Злотнікаў; Пенязь, Пенязькоў* ад рус. *пенязь* “чаканеная бляшка, грошы” [1, с. 321]; *Рублеўскі; Шэлег, Шэлегаў* ад *шэлег* “старажытная дробная манета” [5, с. 381].

ЛІТАРАТУРА

1. Бірыла, М.В. Беларуская антрапанімія: прозвішчы, утвораныя ад апелятыўнай лексікі / М.В. Бірыла. – Мінск: Навука і тэхніка, 1969. – 504 с.

2. Дыялектны слоўнік Брэстчыны / склад. М.М. Аляхновіч і інш. – Мінск: Навука і тэхніка, 1989. – 294 с.
3. Народная лексіка / пад рэд. А.А. Крывіцкага, Ю.Ф. Мацкевіча. – Мінск: Навука і тэхніка, 1977. – 288 с.
4. Семянькова, Г.К. Прозвішчы жыхароў Віцебшчыны: структура, семантыка, геаграфія: дыс. ... канд. філал. навук: 10.02.01 / Г.К. Семянькова. – Мінск, 2002. – 136 с.
5. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы: больш за 65000 слоў / пад рэд. М.Р. Судніка, М.Н. Крыўко. 3-е выд. – Мінск: БелЭН, 2002. – 784 с.
6. Янкова, Т.С. Дыялектны слоўнік Лоеўшчыны / Т.С. Янкова. – Мінск: Навука і тэхніка, 1982. – 432 с.

Стародубец С.Н., Белугина О.В.

ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского», г. Новозыбков (Россия)
e-mail: starodubets.madam@yandex.ru
e-mail: obelugina@mail.ru

УДК 82'396, 81'42

Лексикографирование восточнославянских мифонимов: традиции и новации

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-24-01002 а (м)

Starodubets Svetlana Nikolaevna, Belugina Olga Vladimirovna
Bryansk state University named after academician I. G. Petrovsky,
Novozybkov (Russia)

UDC 82'396, 81'42

Lexikographie east slavic mironkov: traditions and innovations

В статье представлен анализ пяти лексикографических источников, в которых зафиксированы наиболее продуктивные восточнославянские мифонимы. Отмечено, что современная этнолингвистика располагает необходимой системой этнолингвистических

The article presents the analysis of five lexicographical sources, in which for-fixed most productive in East Slavic metonymy. Noted that temporal and ethnolinguistics has the necessary system ethno-linguistic fre-mation

сведений о мифологических персонажах. Недостаточной представляется фиксация символического значения мифонима.

Ключевые слова: язык фольклора, народная демонология, мифологическая проза, мифологический персонаж.

about the mythological characters. Insufficient appear to be fixing simbolica-sky values mythonym.

Key words: language, folklore, folk demonology, mythology, prose, mi-fologicheskikh character.

Типология современных словарей многообразна.

Небезызвестно, что «Славянские древности: энциклопедический словарь» под редакцией Н.И. Толстого есть фундаментальная научная энциклопедия. Первый опыт словаря традиционной духовной народной культуры славян.

Как отмечал в период многолетней работы авторский коллектив, «...главная задача словаря – представить семантический материал для реконструкции древнейшей системы славянской народной культуры» [10, с. 7].

«В отношении языковых данных и прежде всего терминологии славянской духовной культуры составители словаря придерживались той точки зрения, что она является неотъемлемой частью плана выражения духовной культуры, причём частью, наиболее непосредственно связанной с планом содержания. Эта связь двусторонняя. С одной стороны, факты языка служат важнейшим источником для реконструкции элементов культуры, народного сознания, мифологии, с другой стороны, решение многих собственно лингвистических задач <...> требует обращения к широкому культурно-историческому и этнографическому контексту» [10, с. 19]. Необходимо признать сегодня, что научный коллектив под руководством Н.И. Толстого справился с этой и другими задачами, названными в приведённой работе.

Имеющийся в распоряжении лингвистов, этнографов, фольклористов, лингвокультурологов такой научный базис определяет развитие этнолингвистики в целом и смежных с нею областей.

В этой связи необходимо констатировать, что выход в свет названного междисциплинарного фундаментального словаря стал крупнейшим событием в лексикографии конца XX – начала XXI веков. Очерчена система координат, которая фиксирует максимум «этнолингвистики» в такого типа источнике. Очевидно, что совре-

менный этнолингвистический словарь предполагает репрезентацию языкового материала (плана выражения) сквозь призму многоуровневого системного плана содержания, вобравшего в себя парадигму мифологических, культурных и сакральных смыслов.

Что касается включённых в словарь мифонимов, то, по мнению авторов словаря, «демонологические персонажи должны быть охарактеризованы по 1) их названиям и фразеологии, 2) внешнему облику, 3) происхождению и превращениям, 4) месту обитания, 5) времени появления, 6) характерным действиям, 7) фольклорным сведениям о них» [10, с. 17].

Так, например, при лексикографировании мифонима *Леший* фиксируются следующие параметры характеристики: во-первых, специфика этимологии имени мифологического персонажа, во-вторых, представления о происхождении, в-третьих, внешние особенности, в-четвёртых, характерные черты («оборотничество»), в-пятых, «характерное звуковое поведение», в-шестых, «место обитания», в-седьмых, наличие либо отсутствие семьи, в-восьмых, функции мифонима как «хозяина леса» [8-1, с. 104-109].

Глубоким, на наш взгляд, является описание мифологических персонажей в работе М. Власовой «Энциклопедия русских суеверий» [3]. Спецификой репрезентации смыслового поля мифонима в названном источнике является фиксация символического значения, как-то: «**РУСАЛКА** – дух в облике женщины, который может появляться у воды, в лесу, в ржаном поле, в коноплях и т.д. <...> **Русалка** <...> и материальное, конкретное образное воплощение силы плодородия, и сверхъестественное существо, эманлирующее эту силу в своём движении, влияющее на плодородие. <...> Сложный контаминационный образ русалки в весенне-летних календарных обрядах, видимо, всё же более персонифицирует силы плодородия, природы; он словно бы проступает из воды, земли, растительности, затем в них растворяясь» [3, с. 448-464]. Компрессия представленной в дефиниции информации позволяет установить символическое значение мифонима в узусе – «амбивалентный водяной дух, образное воплощение силы, влияющей на плодородие».

Большие достоинства, на наш взгляд, имеет и «Русский демонологический словарь», автором-составителем которого является Т.А. Новикова [7]. Широкий охват мифологической лексики, спектр привлечённых сведений и источников позволяет выявить устойчивые и продуктивные характеристики мифонимов в русской культуре.

Представлены яркие синонимические ряды к каждому мифониму, гендерная характеристика, функциональная специфика, например: «**БА́ННИК**. Также баенная нечисть, баенник, <...> банные лешие, банный апостол, <...> дедушка банный, <...> нечистик баенный, <...> хозяин баенный, <...> шишига, шишко, шишок. В ж. роде: байниха, обдериха. <...> Когда впервые идут мыться в новую баню, для банника, как и для домового, берут хлеб-соль и оставляют на полке в бане, чтобы банник не пугал моющихся и не травил их угаром. Но самое место, где когда-то стояла баня, считается нечистым. Банища – места поганые и опасные, ни один хозяин не поставит там избу: либо клопы одолеют, либо мыши сгрызут весь домашний скарб, либо баенник передушит скот. Не поможет ни закладка денег по углам избяного сруба, ни муравейник посреди двора» [7, с. 35-41].

Не зафиксированным остаётся символическое значение мифонима «банный дух, персонификация жара, обжигающего человека».

Первым опытом систематизации мифологических сведений в Беларуси является энциклопедический словарь «Беларуская міфалогія». В названном источнике белорусская мифология представлена как организованная семиотическая система, включающая: персонажный код, космографический код, ландшафтно-топографический код, календарно-хронологический код, астрономический код, метеорологический код, антропоморфный код, «жывельны код», «раслінны код» и др. Мифоним фиксируется в ряду синонимических вариантов, репрезентирующих весь составляющие смыслового поля: «**ЛЕСАВІК, Дабрахот, Дабрахожы, Верасовы Дзядок, Лёшы, Лясны Дзед, Лясны Хазяін, Лясун, Часной Лёса**, у беларускай міфалогіі дух – васабленне лесу як часткі прасторы, патэнцыйна чужой чалавеку» [5, с. 285]; «**ДАМАВУХА**, дух дома. Уяўлялася ў выглядзе нізенькай, тоўсценькай, нібы дзежачка, кабеты сярэдніх гадоў. Ёю падтрымліваўся парадакі лад у хаце добрай гаспадыні. Яна спрыялаёй у розных гаспадарчых справах, глядзела і люляла чароўнымі зёлкамі, з дапамогаю якіх тыя хутка папраўляліся» [2, с. 133].

Отмечаем, что дефиниции мифологических персонажей в названном словаре репрезентируют функциональную специфику мифонима, парадигматические и синонимические связи, имеет место гендерная характеристика, тем не менее символическое значение остаётся не зафиксированным. С нашей точки зрения, символиче-

ское значение мифонима *Леший* – «амбивалентный лесной дух, персонификация страха человека, находящегося в лесу, восприятие леса как живого существа, имеющего своего Хозяина».

Фундаментальный анализ мифологических персонажей быличек и бывальщин Гомельской области описан в монографии профессора В.С. Новак «Славянская мифология» [6]. Структура монографии базируется на персонажном принципе описания нарратива. В первой части репрезентирована система значений мифонима, представленная в работах известных славистов (Н.И. Толстого, Я.Е. Левкиевской, Л.Н. Виноградовой и др.). Во второй части – имеет место фиксация внешних, локальных, гендерных и функциональных признаков мифонима в мифологических рассказах респондентов, проживающих на территории Гомельской области РБ. В третьей части – учёный приводит фрагменты декодированных сведений из мифологической прозы респондентов.

Так, например, при описании мифонима *дамавік* отмечено, что образ является амбивалентным, антропоморфным и зооморфным (= кот, волк), может быть ассоциирован также с умершим членом семьи, имеет локальную привязанность (печь, потолок и др.), его необходимо задабривать сладостями. Оригинальными являются способы определения наличия домового в доме, а ритуальные действия, связанные с необходимостью позвать домового с собой при переезде: «Можна ўзнаць, ці іе дамавы ў доме. Нада ўзяць чатыры ложкі і завярні, кааб ложкі былі ўнутры газеты. Раскладзі патом на падлозе крастом і скажы: «Скажыце, пожалуста, іе ў гэтай хаце дамавы і сколькі?» У хаце трэба цішына, пасядзець некалькі мінут, а патом праверыць, развярнуць ложкі. Еслі дамавыіе ў доме, то ложка выпадзе з бумагі» (в. Дзімараркі Лоеўскага р-на)» [6, с. 134]; «... перад гэтым гаспадыня гэтага дома тапіла печ у старым доме і пасля таго, як дровы згаралі, а выграбала ўвесь жар у гаршок і пераносіла яго ў новую хату, пры гэтым нагаворваючы словы замовы ці малітвы, у якіх дамавіка запрашаліжыць у новым доме» [6, с. 136].

Этнолингвистическое описание мифологической прозы брянско-гомельского пограничья, выполненное нами совместно с учёными Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины, позволило зафиксировать «смежный спектр мифологических персонажей, как-то: *ведьма, русалка, шептуха (волхвица), домовый, банник, леший, доброхожий, невидимые*» [9, с. 168].

Опираясь на значительный опыт лексикографирования мифонимов в современной науке, в которой наиболее скрупулёзно описана этимологическая, функциональная характеристика, внешние признаки, специфика действий мифологических персонажей, представлены синонимические ряды, гендерные черты, подчёркиваем, что имеет место ядерная архетипическая репрезентация мифонимов в русской национальной картине мира.

Полагаем, что дальнейшее лексикографическое описание мифонимов должно быть детерминировано углублённым лингвистическим анализом мифологического текста с фокусом фиксации символического значения, которое является маркером мифологического мышления этноса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беларуская міфалогія. Энцыклапедычны слоўнік. Науч. рэд. Т. Валодзіна, С. Санько, У. Васілевіч і інш. Мінск: Беларусь, 2004. 599 с.
2. Васілевіч У. Дамавуха // Беларуская міфалогія. Энцыклапедычны слоўнік. Науч. рэд. Т. Валодзіна, С. Санько, У. Васілевіч і інш. Мінск: Беларусь, 2004. С. 133.
3. Власова М. Энциклопедия русских суеверий. СПб.: Издательский Дом «Азбука-классика», 2008. 624 с.
4. Левкиевская Я.Е. Леший // Славянские древности: этнолингвистический словарь. Под общей редакцией Н.И. Толстого. В 5 томах. Том 3. М.: Международные отношения, 1995-2012 гг. С. 104-109.
5. Лобач У. Леший // Беларуская міфалогія. Энцыклапедычны слоўнік. Науч. рэд. Т. Валодзіна, С. Санько, У. Васілевіч і інш. Мінск: Беларусь, 2004. С. 285.
6. Новак В.С. Славянская міфалогія (на матэрыялах Гомельскай вобласці): манаграфія. Мінск: «Право і эканоміка», 2009. 324 с.
7. Русский демонологический словарь. Автор-составитель Т.А. Новичкова. СПб., Петербургский писатель, 1995. 640 с.
8. Славянские древности: этнолингвистический словарь. Под общей редакцией Н.И. Толстого. В 5 томах. М.: Международные отношения, 1995-2012 гг.
9. Стародубец С.Н., Станкевич А.А., Белугина О.В. Мифологическая проза брянско-гомельского пограничья: специфика функцио-

нирования // Русский язык как основа межкультурного диалога славянских народов на территориях приграничных с Россией государств: Научные доклады участников Международной научной конференции (г. Новозыбков, Брянская область, 25-26 октября 2017 г.) / Под ред. С.Н. Стародубец, В.Н. Пустовойтова. Брянск: ООО «АВЕРС», 2017. С. 162-169.

10. «Этнолингвистический словарь славянских древностей»: проект словника. Предварительные материалы. Редколлегия: А.В. Гура, О.А. Терновская, СМ. Толстая, Н.И. Толстой (отв.ред.). М., 1984. 172 с.

Хазанова К.Л.

*Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Ф. Скарыны, г. Гомель
(Беоарусь)*

e-mail: hazanova@gsu.by

УДК 811.161.3'373:398.3'27(476.2+476.2)

Міфонімы ў лінгвакультурнай прасторы гомельска-бранскага пагранічча

Khazanava Katsiaryna Lvovna

Gomel state university named F. Skoryna, Gomel (Belarus)

UDC 811.161.3'373:398.3'27(476.2+476.2)

Mythonyms in the linguistic and cultural space of the gomel-bryansk border-zone

Работа на основе изучения мифологических рассказов Гомельско-Брянского пограничья исследует вариантность названий демонологических существ как региональную особенность языкового ареала.

Ключевые слова: мифология, мифоним, пограничье, ареал, вариантность, регион.

The article research the mythological stories of the Gomel-Bryansk border-zone and study the variability of the names of demonological creatures as a regional peculiarity of the linguistic area.

Keywords: mythology, mythonym, border-zone, area, variant, region.

Міфалагічныя апавяданні, адзначаныя на тэрыторыі Гомельска-Бранскага пагранічча, утрымліваюць шматлікія звесткі, паводле якіх

магчыма набыць уяўленне пра старажытнае ўсходнеславянскае міфалагічнае багацце рэгіёна, што з'яўляецца геаграфічным цэнтрам рассялення ўсходніх славян і кантактнай тэрыторыі пражывання некалькіх славянскіх народаў, у выніку чаго ў рэгіёне адбываецца ўзаемадзеянне і адзначаюцца ўзаемаўплывы розных славянскіх культур і традыцый, а міфалагічныя ўяўленні і фальклорныя традыцыі асабліва сканцэнтраваны.

Арэальная інтэрпрэтацыя мяркуе даследаванне пашырэння міфалагічных і моўных з'яў у прасторавай працягласці і міжкультурна-міжмоўна-міждыялектным узаемадзеянні. Асноўная задача арэальнай інтэрпрэтацыі – характарыстыка тэрытарыяльнага распаўсюджвання міфалагічных і моўных асаблівасцей. У выніку арэальна-тыпалагічнай інтэрпрэтацыі міфонімнага лексічнага фонду Гомельска-Бранскага пагранічча выяўляецца вобласць (арэал) узаемадзеяння традыцый розных народаў і самабытнасць міфалагічных уяўленняў рэгіёну.

Міфонімы ў лінгвакультурнай прасторы названай мясцовасці працяваюць актыўна функцыянаваць і праяўляюць дастатковую ўстойлівасць. Колькасна значнай групай міфонімаў рэгіёна з'яўляюцца найменні істот ніжэйшай міфалогіі.

Этналінгвістычнае вывучэнне назваў дэманалагічных чалавекападобных істот у міфалагічнай прозе Гомельска-Бранскага пагранічча паказвае наяўнасць варыянтаў онімаў. У некаторых выпадках прадстаўнікі ніжэйшай міфалогіі ў розных апавяданнях маюць фанетычныя разыходжанні ў найменнях, абумоўленыя рознымі мясцовымі рэфлексамі праславянскіх спалучэнняў: *дабраходжы – дабрахожы*. Граматычная варыянтнасць міфонімаў тлумачыцца беларуска-рускім білінгвізмам: *дамавік – дамавой – дамавы, вадзянік – вадзяной – вадзяны*.

Асобныя міфалагемы рэгіёна выяўляюць у сваім называнні фанетычна-марфалагічную варыянтнасць. Сярод міфонімаў лексіка-тэматычнай групы найменняў персанажаў ніжэйшай міфалогіі ў міфалагічных апавяданнях частотным з'яўляецца *лесавік*: *Лесавік жыве ў лесе ці гушчары якім* (в. Новыя Грамыкі, Веткаўскі раён) [4, с. 193-194]. У тэкстах фіксуюцца розныя найменні:

- *лесавік*: *У лесе жыве лесавік* (в. Куты, Веткаўскі раён) [4, с. 193];

- *лясун*: *Лясун – гэта лясны дух, які можа памарочыць чалавека* (г. Гомель) [4, с. 196];

- лешый: У народзе яго называюць **лешый**. Ён жыве ў гушчы лясоў (в. Неглюбка, Веткаўскі раён) [4, с. 193].

Разнастайныя назвы персанажа – *лесавік*, *лясун*, *лешый* – адлюстроўваюць міжмоўнае ўзаемадзеянне, уласцівае разгледжанай тэрыторыі. *Лесавік* і *лясун* дэманструюць уласна беларускую прадуктыўную словаўтваральную мадэль адпрыметнікавай і адназоўнікавай дэрывацыі назоўніка з дапамогай агульнаславянскіх суфіксаў: *лесав-ы* + *-ік* – *лесавік*; *лес-* + *-ун* – *лясун*. Прыгадаем, што адпрыметнікавыя ўтварэнні з суфіксам *-ік* паводле дэрывацыйных адметнасцей уяўляюць сабой і іншыя міфанімы, што называюць персанажаў ніжэйшай міфалогіі (тыпу *вадзянік*, *дамавік*).

Утварэнне *лешый* мае вытокамі гаворкі рускай мовы. Субстантываваны прыметнік утварыўся ад назоўніка *лес* пры дапамозе праславянскага суфікса [**j*]. Рэфлексы ётавай палаталізацыі старажытнейшага праславянскага спалучэння [**sj*] – [ш] выяўляюць старажытнае паходжанне міфаніма.

Па звестках этнографу, у міфалогіі Браншчыны часцей ужываецца найменне *леший*: *Водил леший мужика, водил по лесу и увел в другую сторону от села* [1, с. 84]; *А это леший идет. Его не видно, а деревья шумят* [1, с. 86].

У некаторых былічках Браншчыны фіксуецца ўтварэнне *лешак*: *Так это лешак ее водил - он любит так делать* [1, с. 86]. У адзінкавых выпадках лесуна Бранскіх лясоў называюць надзвычай каларытна і адпаведна ўскладзенымі на гэтую істоту народнай свядомасцю функцыямі: *А еще вот что: от Лесного Хозяина научилась она знахарству* [1, с. 91]; *- С хозяином леса надо дружить - он и подскажет* [1, с. 96].

Разам з тым найменне *лесавік*, выяўляючы сябе полісемантам, фіксуецца ў гаворках рускай мовы і ўтрымлівае адно са значэнняў – міфалагічнае: “*Лесовик* – по народным поверьям – лесной дух, леший: *Лесовик*, или дедушка лесной, сивый весь и борода сивая, и балахон носит высокий, ён скотину убирает, да кормит травой и народ; *Миха-то, что лесовик*, все оббегает. Где бы отдыхать, а он, как *лесовик*, носится по лесу” [5, с. 10]. Адметна, што рускія гаворкі прапануюць і назву жонкі персанажа: *лесовіха* [5, с. 10].

Міфалагічная проза Гомельска-Бранскага пагранічча ўтрымлівае лексічную варыянтнасць онімаў. Для папулярнага *дамавога* адзначаюцца намінацыі, утвораныя ад іншых каранёў:

- *хатнік*: У некаторых выпадках: *Калі на гэтых вугальках гаспадыня зможа агонь запаліць, значыць, хатнік перабраўся з гаспадарамі ў новую хату* (в. Куты, Веткаўскі раён) [4, с. 121];

- *хазяін*: У кожным доме ёсць свой *хазяін*. Толькі чаму-та ён не дае аб сабе знаць, толькі к чаму-та, к нейкім пераменам у жыцці (в. Вылева, Добрушскі раён) [4, с. 138].

Найбольшая дыферэнцыраванасць онімаў уласціва для наймення такой міфалагічнай спецыфікацыі названага рэгіёна, як *дабрахожы*. Трывала ўжываецца ў міфалагічных апавяданнях назва *невідзімыя / нявідзімыя: Невідзімыя людзі –эта не хрышчоныя. Сколькі нас людзей, столькі невідзімых людзей. На кожнага чалавека ёсць невідзімы* (п. Свабода, Веткаўскі раён) [2]. Лексема мае відавочную матывацыю – ад дзеепрыметніка рускай мовы *невидимый* ‘той, якога ніхто не бачыць’.

У некаторых апавяданнях адзначаецца міфонім *вятры*: *Вятры, вот, эта – добрахожыя* (п. Новое Заляддзе, Веткаўскі раён) [2]. Падобную матывацыю мае назва *віхры* (з фанетычным вар’іраваннем формы адзіночнага ліку *віхр / віхар*): *Мёртвыя дзеці, калі нежывыя раджаюцца, віхр еты, во, гуляя, аж да неба, ну вот, што вецер скруця пыль, аж да неба стаўбом, эта завецца – віхр* (в. Неглюбка, Веткаўскі раён) [2].

Незвычайная магутнасць і велізарная сіла *дабрахожых* актывізавала міфонім *багатыр*: *Вот, у Неглюбцы кажуць “багатыры”? – Былі, былі...- Ён памагае ці перашкаджае? – Памагае. Да многа памагае. Я чуць чула. І я так раскажываю. – Як ён называецца? – Багатыр* (п. Рэпішча, Веткаўскі раён) [2].

Спарадычна лексічныя варыянты сустракаюцца ў міфалагічных апавяданнях рэгіёна для наймення русалкі. Розныя лексемы называюць гэты міфалагічны персанаж пры апаведзе пра сувязь і адносіны асобных вобразаў ніжэйшай міфалогіі. Калі ў апавяданні з русалкамі жэняцца лесавікі, то замужняя русалка называецца *лесавічка: Русалкамі называюць дзевак, а лесавікі – мужыкі. А еслі замужняя – лесавічка называецца* (в. Верхлічы, Краснагорскі раён, Бранская вобласць) [3]. Адносіны русалак і вадзянікоў здаюцца больш натуральнымі. Русалка-абранніца вадзяніка называецца *вадзяніца: Вадзянік не любіць адзін жыць. Жэніцца ён на русалках, вадзяніцах* (в. Шэйка, Веткаўскі раён) [4, с. 18].

Праведзеныя этналінгвістычныя назіранні назіральна пацвярджаюць наяўнасць на тэрыторыі Гомельска-Бранскага

пагранічча міфалагічнага арэала са спецыфічнымі моўнымі адметнасцямі і сведчаць, што міфалагічная проза рэгіёна ў цэлым і міфонімная лексіка, у прыватнасці, узыходзіць да агульнаславянскай і агульнаўсходнеславянскай моўнай спадчыны. У найменнях персанажаў ніжэйшай міфалогіі выяўляецца мясцовая спецыфіка і самабытнасць моўнага арэала. Рэгіянальна-лакальныя рысы выяўляюцца ў моўных асаблівасцях міфонімаў, якія паказваюць узаемаўплыў блізкароднасных традыцый і выяўляюць беларуска-рускую моўную інтэрферэнцыю Гомельска-Бранскага пагранічча, абумоўленую трывалым замацаваннем беларуска-рускага білінгвізму на ўказанай тэрыторыі.

Даследаванне выканана пры падтрымцы Беларускага рэспубліканскага фонду фундаментальных даследаванняў у межах сумеснай навукова-даследчай работы Гомельскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Ф. Скарыны і філіяла ФДБАУ ВПА «БДУ імя акадэміка І. Г. Пятроўскага» ў г. Навазыбкаве “Міфалагічныя апавяданні Бранска-Гомельскага пагранічча: этналінгвістычнае лексікаграфічнае даследаванне” (дагавор з БРФФД № Г17Р-018 ад 18.04.2017 г.).

ЛІТАРАТУРА

1. Былички и бывальщины: Суеверные рассказы Брянского края / сост., вступ. ст., подгот. текстов и прилож. В. Д. Глебова. – Орёл-Брянск: Изд-во ОГУ, 2011. – 405 с.

2. Лопатин, Г.И. О народной демонологии белорусско-брянского пограничья: доброхотие, невидимые и др / Г. И. Лопатин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nashkraj.info>. – Дата доступа: 31.05.2017.

3. Лопатин, Г.И. “Раскажу табе пра русалак...” (Представления о русалках по современным белорусским свидетельствам) / Г. И. Лопатин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nashkraj.info>. – Дата доступа: 31.05.2017.

4. Міфалагічныя ўяўленні беларусаў / уклад В. С. Новак. – Мінск: Права і эканоміка, 2010. – 538 с.

5. Словарь русских народных говоров: в 42 вып. Вып. 17: Лесно-каменный – Масленичать. – Ленинград: Наука, 1981. – 384 с.

Доманова В.Д.

МБОУ «СОШ№28» г. Брянска, г. Брянск (Россия)
lera.domanova@bk.ru

УДК-98

**Формирование и развитие гидронимов и топонимов
Брянской области как феномен Русско-Белорусского
пограничья: экспериментальный звуко-цветовой анализ
гидронимов**

В данной работе топонимы брянского пограничья рассмотрены в их ретроспективе, проведена классификация топонимов по их семантической составляющей. Проведен экспериментальный звуко-цветовой анализ соответствий гидронимов и топонимов на основе работ А.В.Журавлева.

Ключевые слова: топоним, гидроним, антропогидроним, звуко-цветовой анализ, русско-белорусское пограничье.

Славянский язык сохранил в себе память тысячелетий, и сейчас становится вполне реальным восстановить потерянный смысл множества древних названий. Все алфавитные системы, где были использованы иероглифы, имеют в своей основе единый язык. По своей грамматической структуре и словарному составу язык этот – древнеславянский.

Украинский, белорусский и русский языки восходят к единому народу и, следовательно, к единому языку – древнерусскому. В XI веке все восточные славяне входили в состав Древнерусского государства. На территории, где располагались восточные славяне, начинает образовываться единый древнерусский язык. Разговорный древнерусский язык имел свои территориальные диалекты, которые имели свои фонетические, лексические и морфологические особенности.

В конце XII – начале XIII века Киевское государство распалось, после чего и прекратился процесс образования единого древнерусского языка. На основе его отдельных территориальных диалектов с XIV века начинается образование множества самостоятельных родственных восточнославянских языков, ставших в итоге русским, белорусским и украинским языками. Доказательством ко всему этому, служит одинаковость географических названий пограничья. Так как Брянская область граничит с Украинской и Белорусской облас-

тями, да и в древности здесь располагались поляки, то вследствие этого мы видим схожесть географических названий.

Например:

Болва (вар. *Балва*), л.п. *Десны*, 213 км. Корень: *bal; oti(-avo)-* стоять в разливе (с лужами, болотами)

Белорусский язык:

Болва (вар. *Балва*), л.п. *Десны*, 213 км. Корень: *bal; oti(-avo)-* стоять в разливе (с лужами, болотами)

Украинский язык:

Болва (вар. *Балва*), л.п. *Десны*, 213 км. Корень: *bal; oti(-avo)-* стоять в разливе (с лужами, болотами)

Историческое прошлое, физико-географические особенности Брянского региона нашли свое отражение в топонимике и гидронимах. Брянские земли входили в состав Киевской Руси, Северной земли Черниговского княжества, долгое время было под гнетом монголо-татар и под властью польско-литовского княжества. Каждый исторический этап оставил свой след на топонимии. Топонимы устойчивы, а в названиях – народная мудрость и язык самого народа. Проанализировав все собранные гидронимы и топонимы, мы сгруппировали их по лексико-семантическому принципу. Топонимы – 742 номинации, выделены группы: антропонимы (*Демьянки*), от древних племен (*Кривец*), от названий животных (*Соловьевка*) и растений (*Клюковники*), от названия ремесел (*Гута*), от национально-культурных компонентов (*Коляды*), от географического пейзажа (*Курганы*), от языческого культа (*Навля*), от событий (*Эдазия*, *Латышовка*), от цветового восприятия (*БельеДомики*), от административно-объектных особенностей (*Мостечня*), омонимичные (*Кубань*, *Кавказ*, *Венеция*) и составные (*Верхняя Злобинка*) топонимы. Гидронимы – 269 номинаций, выделены группы: признаки гидрообъекта (звуковая (*Вабля*) и цветовая окраска (*Иржич*)), особенности русла (*Рассуха*) и поймы (*Локна*), особенности течения (*Вырка*), источник (*Зевра*); фитогидронимы (*Дебря*) и зоогидронимы (*Вепринка*); деятельность человека (хозяйственная деятельность (*Язвеца*)), полезные ископаемые (*Сядра*), социальный статус (*Солька*), эмоциональная окраска (*Чаянка*)), болезнь (*Псурия*), религия и мифологическое мышление (*Волосовка*), антропогидронимы (*Титва*), этногидронимы (*Радица*); образно-метафорическое значение (*Ипуть*), составные (*Малая Уса*) и неразгаданные (*Будемежь*, *Важеребка*, *Госома*) гидронимы.

Для этноисторических исследований, из всего множества географических названий, наиболее надежными и полезными ввиду их архаичности являются гидронимы. Они сложились в древности, в основном до возникновения большинства названий населенных пунктов. В большей степени гидронимы отражают особенности природной среды, а в меньшей степени – были подвержены изменениям при сменах этносов. В своей книге "Балты. Люди янтарного моря" Мария Гимбутас отмечает, что на современных картах Белоруссии и России едва ли можно обнаружить балтские следы в названиях рек – сегодня это все славянские территории. Однако многие лингвисты установили, что почти все наименования в верхнем Поднепровье, бесспорно, именно балтского происхождения. Вместе с тем, исследователи, расшифровывая гидронимы, получают некий хаос в трактовках их значений. Поэтому, на основе громадной работы, выполненной лингвистами, перед нами сейчас стоит задача попытаться систематизировать и определить модель возникновения различных гидронимов.

Рассмотрим древнегреческие названия наиболее известных рек – Борисфен, Гипанис, Тирас, Танаис, Рудон, Родан, Эридан и т.д. Можно уверенно выделять составные части (форманты) –ис, -ас,-до(а)н. Их значения тоже легко расшифровываются – русло, поток. Таким образом, можно полагать, что в названии любого гидронима должен быть элемент, указывающий на «русло».

Это понятие отражено в названиях крупных рек Брянской области: Беседь (вар. Бесеть), л.п. Сожи, 261 км, корень: besti – рыть, втыкать, везти.

Болва (вар. Балва), л.п. Десны, 213 км, корень: bal; oti(-avo) – стоять в разливе (с лужами, болотами), ba; lti – бледнеть, угасать.

Вабля, п.п. Судости, п.п. Десны, 61 км, корень: vo; byti – трудно транспортировать, чавкать (глаголы с корнем vab-, veb-, vob- указывают на труднопроходимость, медлительность).

Ветьма, л.п. Десны, 112 км, Вытебеть, п.п. Жиздры, л.п. Оки, 133 км, корень: vyto; ti – раскачиваться (глаголы с корнем vet-, vit-, vut- указывают на раскачивание, переплетение); формант: -бе – среди болот.

Воронуса, л.п. Ипутя, л.п. Сожа, 92 км, Вороница, л.п. Ипутя, л.п. Сожа, 74 км, корень: vagna; uti – блуждать, рыться, охотиться.

Габья, п.п. Десня, 74 км, корень: gabe; nti – тяжело везти, изгибаться, тлеть.

Десна, л.п. Днепра, 1130 км, корень: dus (-e,-in) ti – задыхаться, тушить, уплетать.

Ивоть (вар. Ивотка), л.п. Десны, 94 км. корень: ;vu; ti – запутывать, виться, загонять (кур во двор).

Ипуть, л.п. Сожи, 437 км, корень: ;ру; (-u)ti – размокать, тлеть, загнивать.

Клевень, п.п. Сейма, л.п. Десны, 113 км, корень: kleivo; ti – тащиться, ковылять (кривоногий).

Навля, л.п. Десны, 126 км, корень: povuti – изводить, мучиться, блуждать, прикончить (мертвец).

Надва, л.п. Ипути, л.п. Сожи, 96 км, корень: nied; ti – недостойный внимания.

«Все живое стремится к цвету», – писал И.В. Гете. Т.М. Рогожникова отмечает, что «когда мы пользуемся одной из любимых современной психолингвистикой метафор, мы рассматриваем ассоциации как продукт функционирования активированных систем личности, которые представляют собой своеобразную характеристику человека, как живой системы, определяющую количество и качество его взаимодействия с другими системами».

По мнению А.А. Залевской, «...один и тот же показатель количества разных ответов может свидетельствовать о различных тенденциях в ассоциативном поведении носителей того или иного языка в зависимости от того, какова общая картина стереотипности и распределения реакций по соответствующей экспериментальной группе; в то же время фактический «вес» различающихся количественных показателей может по той же причине оказаться близким или совпадающим». Используемые в речи фонемы, у большинства людей ассоциируются с определенным цветом или цветовым оттенком. Эта связь очень устойчива, поэтому наша речь — это прочно связанный *поток звуко-цветовых ассоциаций*. Мы провели сопоставительный анализ экспериментальных результатов исследований звуко-цветовых соответствий, проведенных разными авторами в период с 1966–2005гг. (Г.Н. Иванова-Лукьянова, А.П. Журавлев, Л.П. Прокофьева, М.А. Балаш, С.В. Бондарь, М.Н. Дымшиц), что позволило нам выделить 26 звукобукв, которые имеют полные или частичные несовпадения в цветовом значении. Качественная интерпретация и количественный анализ ассоциативных цветовых реакций на звукобуквы русского языка дают основания для вывода о том, что из 26 исходных стимулов 7 звукобукв изменили свой цве-

товой образ: В'(вь) – синий→голубой; Л'(ль) – синий→голубой; П – черный→серый; Т – черный→болотно-коричневый; Т'(ть) – синевелый→сери-коричневый; Х – черный→серый; Х'(хь) – чернй→сери-зеленый. Мы решили расширить свою работу и провести цветовой анализ гидронимов пограничья. Каждая из вышеперечисленных рек имеет свой определенный цвет.

Река Беседа полностью ассоциируется с зеленым цветом и по цветовой ассоциации совпадает с рекой Тетерев, протекающей на просторах Белоруссии и Днестру (Украина), а так же город Коростень, Вытебеть (река в Брянской области), Днепру, в том числе и городом Коростень (Украина).

Река Белая связана с желтым. Интересный факт, что Белая река, находящаяся в России, по цвету полностью совпадает с Белой Церковью, которая расположена на Украине, Карачев (Брянск), река Неман (Белоруссия).

Цон (Брянская область) – Сож (Белоруссия), так же к такому же цветотипу относиться Полоцк, город, расположенный в Белоруссии.

С синим цветом идет ассоциация при названии таких рек, как: Ивоть, Ипуть (Брянская область), Южный Буг, Белорусского города Минск и города, расположенного в Брянской области - Вщиж.

Такие реки как: Болва, Вабля, Габля, Навля, Надва (Брянская область), Припять (Белорусская область), города: Тира (Украина) и Навля (Брянская область) чаще всего ассоциируются с красными и пурпурными оттенками. Таким образом, опираясь на выше приведенные исследования мы можем сделать вывод, что славянское пограничье ранее было единым.

В летописном «Списке русских городов дальних и ближних» упомянуты 6 городов, ныне относящихся к Брянской области: Брянск, Трубеческ, Попова гора, Стародуб, Меглин, Карачев.

Рассмотрим один из этих городов - Вщиж. Впервые упоминание о Вщиже можно увидеть в Ипатьевской летописи 1142 года: «...Всеволод же радъ бивъ разлоучьню ихъ. И оуладивъ са.вволость. и да Берестии. Дорогичинь. И Вьщижь...» Позже можно увидеть и другие варианты названия — Вщиж, Щиж, Вьщижь, Вьсчиж, Ущиж. Сегодня в этой небольшой деревушке уже невозможно узнать величественный город, некогда стоявший на высоком правом берегу Десны. В древности это был удельный центр, входивший в состав Черниговского княжества. В 1238 году город был разрушен. Научного объяснения названия Вщижа пока нет. Некото-

рые краеведы и лингвисты считают, что название этого города связано с возникновением крепости-защиты — от слова «ущищать». Заслуживает внимания и пермячко-вотяцкий вариант П.И. Якоби — застроенная гора, дозорный пункт. А. Шкроби, В. Соколов излагают интересную версию происхождения этого названия: «город в древности назывался «Устейж» от слова Усть-Чиж (в устье Чижа)». После проведенного нами исследования, мы можем сделать вывод о том, что онимическая лексика является неотъемлемой частью любого естественного языка. В основном, большая часть онимов принадлежит естественному языку.

Язык, согласно концепции лингвокультурологии, активно участвует во всех важнейших моментах культурного творчества — выработке миропредставления, их фиксации и последующем осмыслении. Они есть форма выражения содержания мысли, само это обретенное и сохраняемое духовное содержание и, наконец, инструмент его осмысления, орган самосознания. Данная работа, основанная на топонимах и гидронимах Брянской области, доказывает, что славянское пограничье некогда было единым, именно поэтому лексика вблизи славянского пограничья, а именно Русского, Белорусского и Украинского, так схожа между собой по звучанию и звуковой ассоциации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гимбутас Мария "Балты. Люди янтарного моря", М. «Просвещение», 2004 г.
2. Журавлев А.Л. «Звук и смысл», М., «Просвещение», 1991 г.
3. Орешкин Петр «Русский язык из глубины веков» М., «Потанинское», 2009 г.
4. Соколов Я.Д «Седая брянская старина». Брянск, «Дебрянск», 2000 г.
5. Федченко О.Д «Происхождение названий древних городов Брянской области. История и археология» История и археология: материалы IV Междунар. науч. конф. (г.Санкт-Петербург, июль 2017 г.). — СПб.: Свое издательство, 2017.

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ И МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ СФЕРЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Гехтляр С.Я.

*ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет
имени академика И. Г.Петровского», г. Брянск (Россия)
e-mail: sv_ge@mail.ru*

Развитие интеллекта и формирование лингвистической компетенции учащихся в процессе подготовки к государственному экзамену в 9 классе

На основе анализа содержания и структуры материалов общего государственного экзамена по русскому языку описываются некоторые методологические составляющие оптимизации подготовки к нему, предлагается алгоритм подхода к выполнению описанной категории заданий.

Ключевые слова: методология ОГЭ, лингвистическая компетенция, выразительные средства языка.

In this paper we describe methodological components of optimizing the Unified State Exam in the Russian language and propose an algorithm of doing the described set of tasks, this was done on the basis of analyzing the contents and structure of the materials of the Unified State Exam in the Russian language.

Key words: Unified State Exam, linguistic competence, expressive means.

Среди многочисленных забот, которые несет с собой учебный год ученику 9 класса, совершенно особого внимания требует предстоящий экзамен по русскому языку: ОГЭ, «общий государственный экзамен».

Из бесед с учителями, родителями девятиклассников, из консультаций учащихся часто выявляется такая закономерность: не всегда удается осознать, практически усвоить (а главное, извлечь пользу из такого осознания): 1) что материал экзамена в 9 классе – всего лишь завершение, *обобщение* изученного, экзамен не требует и не предполагает проявления какого-то особого умения, не предусмотренного темами программы, но зато 2) его материал – кладезь возможностей (не побоимся пафосного слова) интеллектуального

развития, уже вне школьного развития серьезного интереса к родному языку.

Важная особенность экзамена состоит в том, что обобщение изученного в соответствии с программой предполагает: справиться с заданиями ОГЭ может только ученик, прочно усвоивший основы грамматики, орфографии и пунктуации. Если, например, выполняя задания тестовой части, ученик затрудняется найти в указанном отрывке текста краткое страдательное причастие как подтверждение правила, что в кратких страдательных причастиях всегда пишется одна буква Н [5, с.74], – значит, у него имеется пробел по крайней мере в одном из следующих познаний: 1) что такое причастие, 2) по каким признакам мы узнаем его в тексте, 3) какие вообще бывают причастия и 4) в чем главные приметы страдательного причастия вообще и краткого страдательного в частности. Следовательно, так сформулированные задания помогают обнаружить пробелы в усвоении материала и, что особенно ценно, развивают способность ученика видеть языковые характеристики в их связи с логикой, мышлением, помогают активизировать накопленные знания, не теряясь в ситуации необычного ракурса, в котором надо их использовать.

Цель данного доклада – привлечь внимание к некоторым особенностям хотя бы части заданий, которые, судя по содержанию тренировочных упражнений, выполняют, кроме контролирующей, и развивающую функцию.

К безусловно положительным свойствам тренировки на тестовых заданиях, кроме тренировки навыка правописания, относятся вырабатываемые навыки редактирования текста, навыки повышенного внимания к его содержанию. В связи с этим особенно важно выбирать для тренировки такие тестовые задания, которые требуют осмысленного подхода, препятствуя тем самым возникновению у выполняющего соблазна просто угадать правильный из нескольких предлагаемых ответов [См. 4, 5, 6].

Для начала проиллюстрируем такой осмысленный подход. В одном из заданий по лексике встречается, например, предложение: *Мальчика явно тянуло к воде, и он не в силах был сопротивляться* [4, с. 32]. Требуется ответить на вопрос: «В каком из приведенных ниже значений: *открыто, определенно, насильно, ясно* употребляется здесь слово ЯВНО?» [Там же].

В выборе ответа самую первую помощь ученику обязательно должен оказать весь сложившийся у него опыт читателя: у того, кто много читает, как правило, достаточный запас слов, и такой ученик легко сформулирует понимаемое им значение.

Чтобы не ошибиться, нужно вдуматься в смысл предложения, Полезно начать с того, чтобы мысленно подставить на место данного слова каждый из предлагаемых синонимов: мальчика *открыто* тянуло? – это слово не подходит, т.к. иначе в предложении была бы информация о каком-то *препятствии*, о преодолении путем открывания *чего-то скрытого*, как в таком, например, случае: «Он хотел было это скрыть, но потом решил *открыто* признаться». Попробуем второй вариант. Не подойдет ли нам *насильно* тянуло? – тоже нет, оно меняет смысл заданного предложения, в котором для использования этого слова недостает информации о наличии какой-то силы, действующей на мальчика, ср. другой контекст, где бы это подошло: «Мальчика *насильно* заставили пойти туда», в нашем же случае речь о силе, находящейся не вовне, а внутри мальчика, а доказательство – безличный характер действия («нечто тянуло»), а не что-то активное производило действие; вот, кстати, и знание видов и стилистики односоставных предложений может прийти на помощь).

Далее пробуем наречие *ясно*: *Ясно* тянуло? – здесь мы встречаемся с другим препятствием замене: у наречия *ясно*, кроме значения *очевидности*, которое в принципе нам бы и подошло, есть ненужный нам в этой ситуации добавочный элемент: нечто потому бывает ясно, что «отчетливо воспринимается органами чувств», но оно для характеристики безличного действия *тянуло* не подходит.

И вот теперь остается значение «*определенно*», оно и будет нашим ответом, сравним: *Мальчика явно тянуло* – *Мальчика определенно тянуло*. И у слова *явно*, и у слова *определенно* есть общие, очень точно передающие смысл предложения оттенки значения: *явный* – совершенно *очевидный*, ясный для всех, а *определенный* – *безусловный*, *ясный*, отчетливый.

Да, изменилось при этом и что-то в смысле предложения, но этот добавляющийся оттенок смысла все же ближе всего к исходному, не нарушает главного в содержании. И позволяет обучающемуся по-новому взглянуть на характер русской синонимии, на то, что *в составе значения слова* чаще всего имеется *несколько элементов*, что уместность слова в речи определяется согласованностью этих

элементов с содержанием текста [3, с. 244]. А ведь в таком понимании – суть явления синонимии.

Главное, что должен знать и навык к чему должен обнаружить во время государственного экзамена девятиклассник (упоминаю об этом в том порядке, в котором представлены задания): 1) уметь работать с текстом, различая в нем основную и второстепенную информацию, понимая, какими средствами маркирует язык самые тонкие сходства и различия; 2) уметь, прочитав или прослушав текст, изложить его содержание, т.е. построить на основании прочитанного собственный текст, умея при этом использовать законы языка и требования стилистики, которые диктуются правилами согласования глагольных времен, принципами слово- и формоизменения; 3) уметь выбрать, использовать эпитет, видеть и уместно применять другие выразительные средства языка [См. 5, 6].

В заданиях по смысловому анализу текста необходимо прежде всего внимательно, не менее двух раз, прочитать предлагаемый отрывок, мысленно представить в нем каждый из вариантов ответа. При этом учащийся должен помнить, что инородное слово, попав в текст, сразу изменит его, обнаружит свою непригодность, подчеркнув логическое несоответствие, *став помехой для уяснения смысла* [См. 8].

Рассмотрим, как можно реализовать эти советы. Например, в задании дан текст: *Замок, в котором сейчас жили-были мы с друзьями, стоял на высоком холме за лесом. Издали он казался целым городком – такое множество башенок с флюгерами и шпилями громоздилось над его высокими зубчатыми стенами* [5, с.87].

Необходимо определить, в каком из значений использовано здесь слово *громоздиться*: 1) *влезать наверх*, 2) *возвышаться*, 3) *иметься*, 4) *доминировать*. Вначале следует определиться с лексическим значением: *громоздиться* – так можно сказать про какой-то предмет или предметы, массивные, громоздкие, которые располагаются как беспорядочное скопление. Помня об этом, приступаем ко второму шагу нашего анализа. Это должен быть поиск наиболее соответствующего из предлагаемых слов. *Влезать наверх* – явно не подходит, так как названное в тексте множество («*башенок с флюгерами и шпилями*») статично, оно никуда не движется, следовательно, не влезает; далее слово *иметься* – слово нейтральное, оно могло бы, казалось, подойти, но такая замена слишком нейтрализует смысловые оттенки текста: главное, что такое слово *не* отмечает, *не*

подчеркивает, что все эти нагромождения *находились наверху* [7, т.1, с. 661].

Не подойдет, как представляется, и значение *доминировать*, т.к. смысл текста *не в том*, чтобы подчеркнуть *выделение* элементов, а только их *совокупность*. А вот значение *возвышаться* нам подойдет, потому что *громоздиться* – это возвышаться одновременно всей своей совокупностью и неразделенностью [См.там же,с.198].

Встречаются в заданиях и вопросы, требующие синонимической замены выразительного средства соответствующим синонимом.

Особое место в системе экзаменационных заданий принадлежит таким, где *вопрос о правописании* просто не может быть решен без обращения к *смыслу* конкретного языкового явления (выбор суффикса, требующий решения вопроса о частеречной принадлежности слова: *крашенные полы – полы, крашенные масляной краской*; выбор приставки с учетом семантики, вносимой ею в слово: *прЕ зрение – прИ зрение* и др.) [Там же, т.3, с. 376, 411].

Как представляется, серьезные возможности развития интеллекта и художественного вкуса, языкового чутья содержат задания, посвященные изобразительно-выразительным средствам языка. Прежде всего, ученик должен обладать запасом чисто практических сведений, хорошо разбираться в отличительных признаках эпитета, метафоры, различных фигур речи, звукописи.

Как показывают задания тренировочных тестов, опыт прошлых лет, на экзамене возможны два типа формулировок вопроса об изобразительных средствах. Первый – когда требуется среди нескольких предлагаемых предложений найти то, в котором использовано то или иное выразительное средство. В этом случае необходимо прежде всего вспомнить, что означает указанный в задании термин, например, фразеологизм, сравнение, эпитет, метафора. Затем нужно внимательно прочитать каждое из предлагаемых выборкой предложений, осознать его содержание и определить, с помощью чего это содержание доводится до сознания читателя. Тогда сразу обнаружит себя *слово или словосочетание, выполняющее роль, уже известную нам*. Обнаружим нужное предложение, рассмотрев конкретный пример:

Укажите предложение, в котором средством выразительности речи является фразеологизм: 1) *Гимнастика ног причиняла острую боль, но Мересьев с каждым днём отводил ей на минуту*

больше, чем вчера. 2) Однажды летним утром пожилой человек в железных очках принёс ему пару протезов, очень ловко сконструированных и пригнанных по мерке. 3) — Спасибо, спасибо, старик, знатная работа, — бормотал Алексей. 4) Он перешёл эту черту и теперь легко, без напряжения пожинал плоды многих и многих дней тяжёлого труда [6, с. 47].

Вспоминаем, что фразеологизм – это лексическое средство выразительности, словосочетание, обладающее неделимым и переносным смыслом, извлекаемое из памяти в готовом виде и выполняющее в тексте функцию словарной единицы, единого члена предложения [1, с. 503]. Внимательно читая каждое предложение, понимаем, что сочетание, обладающее перечисленными качествами, есть только в последнем предложении, это сочетание – *пожинал плоды*.

Какие из основных примет наиболее часто встречающихся в заданиях средств, должен твердо знать ученик? Прежде всего, это приметы эпитета [Там же, с. 527]. Это один из самых распространенных тропов, у него четыре главных показателя. Первый: это всегда *образное определение*, второй: он представлен словом, содержащим *переносное, не прямое значение*, третий – это такое определение, которое придает высказыванию экспрессивный характер и 4) определение, отвечающее на вопрос: *Какой? Какая? Какое?* [См. там же].

Начнем с последнего. На такие вопросы чаще всего отвечают прилагательные, следовательно, наличие в предложении прилагательного – важная подсказка: оно может оказаться эпитетом. Но не обязательно. Особенно важно, что эпитет не просто определение, а *определение образное*, т.е. напоминающее о другом явлении, предмете, *содержащее образ* предмета, напоминающее о таком свойстве предмета или явления, с помощью которого можно ярко, поэтично характеризовать данный предмет, например: «*Сквозь волнистые туманы пробирается луна*». Здесь *волнистый* – не просто определение, а эпитет, и не только потому, что это прилагательное и отвечает на вопрос *какие*, а, главное, – оно не простое определение, а эпитет, так как слово *волнистые* напоминает о *волнах*, содержит *образ волны*, а свойство волнистости, изменчивости позволяет нам представить характер тумана, придает туману поэтичность, эфемерность, загадочность.

Специфика эпитета станет особенно явной, если рядом с *волнистыми туманами* рассмотреть такое, например, сочетание, как *си-*

ний карандаш: синий – тоже определение, но в силу своей *безобразности*, цветовой конкретики, эпитетом не является [См.8].

Таким образом, *эпитет* — слово, определяющее предмет или явление и подчеркивающее какие-либо его свойства, качества, признаки. Эпитет иногда называют еще *красочным определением*, что позволяет ученику яснее представить особенность этого языкового средства [Там же].

Образность – важнейшая особенность и другого выразительного средства, *метафоры*. Но отличие метафоры в том, что в основе образности лежит *перенос* свойства одного предмета на другой с опорой на некоторое качество, метафорой представлена *аналогия* этому качеству. Если поэт говорит: «*Ситец неба такой голубой*», то внутри данной метафоры мы осознаем утверждение: легкость, чистота, гладкость небосклона напоминают легкость, тонкость одного из самых народных, издавна широко распространенных видов материи [7, с.99].

Таким образом, сформулируем отличительные признаки метафоры, по которым ученик может узнавать ее в тексте: 1) в основе лежит особого типа, основанная на аналогии *образность*, 2) метафора – это *не выраженное формально сравнение*, так как нет сравнительных слов, нет союзов типа *как, будто, подобно*, но мы всегда можем мысленно подставить их, и это не изменит содержания, ср.: *ситец неба – небо как голубой ситец – небо подобно голубому ситцу*; 3) еще одним показателем метафоры и в то же время ее отличием от эпитета является *возможность ее выражения разными частями речи*, не только прилагательным; образ может создаваться и сочетанием нескольких слов.

Сравним два выражения: *Весенний ливень бурных слез – Серебряные седины*. В первом высказывании – метафора, ее основу составляет сочетание *ливень слез*: так как *ливень – сильный дождь*, льется потоком, то мы осознаем, что речь о таких же, потоком льющихся слезах. Образ усиливается внутренним сравнением с весной (весенний – значит такой, как бывает весной), когда ливни особенно бурные, и благодаря такому внутреннему, как *бы спрятанному* сравнению, мы понимаем, что поэт говорит нам *о слезах очищающих*, облегчающих душу, как очищает воздух и природу весенний ливень. И все это мы понимаем благодаря концентрации мысли, экспрессии, которые несет метафора.

И сразу видим, насколько *менее сложна* образность эпитета в сочетании *серебряные седины*: седые волосы цветом своим напоминают *серебро*, похожи на изделие из серебра. Сравним: *серебряные седины – серебряная ложка*. Во втором случае безобразное определение, уже не эпитет, а *указание* на материал.

Помня о рассмотренных замечательных свойствах метафоры, ученик без труда всегда будет ее обнаруживать, как в таком, например, задании: «*Укажите предложение, в котором средством выразительности речи является метафора*: 1) Над дверью висела синяя с белыми буквами вывеска: «Городской дом ребенка». 2) За спиной у детской начальницы негромко гудел финский холодильник, а на окнах колыхались розовые занавески из красивой ткани; 3) А Николая была в висок ужасная мысль; 4) В большой и светлой комнате вдоль стен стояли рядами детские кроватки, а в них лежали младенцы [6, с.68].

Мы видим, что в каждом из предложенных фраз есть слова в роли определений: *синяя вывеска, белые буквы, финский холодильник*, но из данных примеров ни одно не является ни метафорой, ни даже эпитетом – нет и намек на образность. А вот в предложении 3) *Николая была в висок ужасная мысль* – есть метафора, потому что мысль в обычной жизни бить, драться не может, здесь *создан образ*, создан переносный смысл, чтобы показать, что мысль сильная, неотвязная, что она как будто излучает силу, не дает от себя отвертеться.

Еще одним широко употребляемым выразительным средством является *сравнение*. Оно похоже на метафору, но запомнить его и узнавать в тексте еще проще: присутствуют слова-сравнения, союзы. Сравнение – это слово или выражение, содержащее уподобление одного предмета другому, одной ситуации – другой, например: *сильный, как лев* [1, с.449].

Рассмотрим одно из заданий: *Укажите предложение, в котором средством выразительности является сравнение*: 1) Она возникла перед взглядом Алексея как-то вечером, в час бешеного приступа его боли, а мимо не прошла, задержалась; 2) И неграмотная старуха бродила вечерами между коек, кладя компрессы на жаром пышущие лбы и приговаривая, приговаривая какие-то словечки, то ли убаюкивая ими, то ли сказку какую волшебную рассказывая; 3) Когда заканчивалось ее дежурство, усаживалась теперь тетя Груня на табурет, смачивала уголком полотенца ссохшиеся, запекшиеся

его губы, и обтирала лицо, и подносила водички, и все время гладила она его холодную, неживую руку и приговаривала, приговаривала, не жалея слов, мягких, как хорошая повязка; 4) Как же могла она, мать и жена, не ходить в палаты после дежурства, как могла не приговаривать своих ласковых слов, как могла не помочь Алексею? [6, с.45].

Прочитав все внимательно, *сравнение* как выразительное средство мы находим в предложении 3: с помощью сравнительного союза *как* автор помогает нам ярче представить, какие были слова, которые она говорила раненому солдату: *добрые, мягкие* как хорошо, правильно сделанная повязка, а что может быть мягче, важнее для человека, которому больно? Только средство, облегчающее боль. Так через указание на похожесть автор придает объемность и убедительность описываемому.

Серьезным развивающим потенциалом обладают и задания на написание изложения и сочинений [см. 4,5,6], но они требуют более пристального, чем позволяют размеры данного доклада, внимания, достойны отдельного рассмотрения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М., 1966.
2. Введенская Л. А., Черкасова М.Н. Русский язык и культура речи. – Ростов-на-Дону, 2011.
3. Голуб И.Б. Стилистика русского языка. – М., 2002.
4. Драбкина С. В., Субботин Д.И. Демонстрационные варианты ОГЭ. – М., 2017.
5. Егораева Г.Т. Русский язык. ОГЭ. Практикум. Реальные тесты. – М., 2015.
6. ОГЭ 2015. Русский язык. Типовые экзаменационные варианты: 36 вариантов под. / Ред. Цыбулько И.П. – М., 2015.
7. Словарь русского языка в 4 тт.)Под редакцией А.П. Евгеньевой. – М., 1981.
8. Шкловский В. Воскрешение слова – М., 1914.

Мальцева О.В.

Одесский национальный университет имени И.И.Мечникова,
г. Одесса (Украина)
e-mail: loviss007@mail.ru

УДК 811.161.1'36-112

Преподавание исторической грамматики и древнерусского языка в условиях русско-украинского двуязычия

Maltseva Olga Vadimovna

I. I. Mechnikov Odessa National University, Odessa (Ukraine)

UDC 811.161.1'36-112

Teaching historical grammar and the old russian language in the context of russian and ukrainian bilingualism

Статья посвящена особенностям обучения исторической грамматике филологов-русистов и древнерусскому языку студентов-историков в условиях русско-украинского двуязычия. Затрагивается проблема украинизации и её последствий в русскоязычном регионе Украины.

Ключевые слова: русско-украинское двуязычие, историческая грамматика русского языка, древнерусский язык, особенности обучения студентов в условиях двуязычия.

The article dwells upon peculiarities of teaching Russian philology students historical grammar as well as teaching historian students the Old Russian language in the context of Russian and Ukrainian bilingualism. The problem of Ukrainization and its consequences in Russian-speaking region of Ukraine is touched upon.

Keywords: Russian and Ukrainian bilingualism, historical grammar of the Russian language, the Old Russian language, features of teaching students in the context of bilingualism.

В настоящее время в украинских высших учебных заведениях увеличивается количество дисциплин, преподавание которых ведётся на украинском языке, в частности, это касается и многих предметов, которые изучают студенты-русисты. На русском отделении филологического факультета Одесского национального университета по-русски преподаются только профилирующие предметы.

В связи с повальной украинизацией в университете растёт численность студентов, которые не изучали русский язык в школе, а просто являются носителями языка. Из-за этого возникает множест-

во проблем при обучении русистов, так некоторые студенты не владеют необходимой базой для углублённого изучения современного русского языка.

В процессе подготовки филологов немаловажную роль играет освоение исторической грамматики, изучение которой опирается на уже имеющиеся знания, а при нынешнем положении, этот предмет изучается с большим трудом.

Как известно, древнерусский язык лежит в основе не только современного русского, но и украинского и белорусского. Поэтому в процессе обучения обязательно проводится сопоставление рефлексов, которые были порождены древнерусским языком и отражены в современном русском и современном украинском.

Я преподаю не только историческую грамматику русистам, но также веду ещё два сопоставительных курса древнерусского и старославянского языков на отделении прикладной лингвистики филологического факультета и на историческом факультете. Нужно отметить, что преподавание учебных дисциплин здесь ведётся полностью на украинском языке. У меня пока есть возможность читать свои курсы по-русски, хотя общение со студентами идёт на двух языках: на русском и на украинском.

Учитывая всё вышесказанное, мы можем с уверенностью говорить о русско-украинском двуязычии, которое совершенно нормально воспринимается обеими сторонами учебного процесса. В данной статье, базируясь на личном опыте, хотелось бы осветить, как проходит процесс обучения в условиях двуязычия на русском отделении филологического факультета и на историческом факультете.

Несомненно, что бытующее в нашем регионе двуязычие очень мешает усвоению русского литературного языка. В связи сокращением аудиторных часов такие предметы как орфография и орфоэпия вообще остаются без внимания, а это приводит к безграмотности. Существует много факторов, которые мешают обучению, например, когда написание русское и украинское очень похоже: слово «коледж» по-украински пишется «коледж», это слово, написанное на вывеске, привлекает к себе внимание, остаётся в памяти и воспроизводится по-русски с одной «л», что становится неосознанной ошибкой. Ещё одной проблемой является то, что студентам-русистам недоступна русская литературная речь. Из-за политических неурядиц российские программы запрещены, а фильмы переводятся на укра-

инский язык. И хотя в Одессе в подавляющем большинстве говорят по-русски, одесский «русский» очень отличается от литературного языка.

Что касается изучения исторической грамматики на филологическом факультете, то здесь знание украинского языка часто можно применять с пользой. Например, древнерусский звук, изображаемый буквой ѣ, в русском литературном языке преобразовался и закрепился как «е», а в украинском – как «і»:

Древнерусское слово	Русское слово	Украинское слово
лѣсъ	Лес	Ліс
лѣто	Лето	Літо
сьнегъ	Снег	Сніг
хлѣбъ	Хлеб	Хліб
ръцѣ	Руке	Руці

Студентам, которые владеют обоими языками, это явление легко запомнить, а впоследствии и применить на практике. Например, чтобы ответить на вопрос теста:

В каком из данных слов был звук . . . ?

а) день; б) отец; в) село; г) мера.

Знание украинского языка приходит на помощь, достаточно вспомнить, что «мера» по-украински – «міра»

Также подобные факты показывают равноценность русского и украинского языков, указывая на их общее происхождение, что особенно важно при современном некоем «языковом противостоянии», которое развивается на Украине.

В процессе преподавания древнерусского языка на историческом факультете, где примерно равное количество студентов – носителей русского и украинского языков (то же самое можно сказать и об отделении прикладной лингвистики), используется несколько иной подход. Здесь нужно акцентировать, что русский и украинский язык являются наследниками древнерусского языка, а также обратить внимание историков на общность и на различия, которые появились в процессе языкового развития.

Например, следствия падения редуцированных в русском и украинском языке отличаются, т.к. к тому времени (кон. XII – нач. XIII вв.) фонетические процессы обусловили распад древнерусского языка на три ветви: старорусский, староукраинский и старобелорусский язык. Необходимо отметить, что в русском языке действует регрессивная ассимиляция, в украинском – прогрессивная. Одним из показательных примеров является видоизменение древнерусского слова бѣчела, которое после падения редуцированного, изменяется в современное русское – «пчела» и в современное украинское – «бджола». Кроме того, проводя сопоставление русского и

украинского языков в их современном состоянии, мы должны указать и на их исторически сложившееся лексическое различие. Так в русском языке намного больше старославянских заимствований, чем в украинском, что обусловлено сильным влиянием православной церкви. Поэтому, читая на историческом факультете сопоставительный курс «Старославянский и древнерусский язык», так или иначе, приходится обращаться к современному русскому языку.

На практических занятиях студенты-историки отвечают на том языке, на котором им удобнее общаться, это могут быть ответы и по-русски и по-украински, то же самое происходит и с подготовкой реферативных работ. Количество рефератов на русском и украинском языках приблизительно равное.

Подводя итоги, отметим, что двуязычие оказывает неблагоприятное влияние на профессиональную подготовку русистов, которым необходимо совершенствовать знание, как теории языка, так и практики, т.е. правильно изъясняться на литературном языке устно и письменно.

Студенты-историки при двуязычном обучении, напротив, приобретают дополнительные знания в области русского языка.

Досмаханова Р.А., Ажиев К.О.

*НАО «Алматинский университет энергетики и связи»,
г. Алматы (Казахстан)*

e-mail: dosmakhanova@mail.ru, azhievk@mail.ru

УДК 8.81.81 - 13

Полиязычная олимпиада в техническом вузе

***Dosmakhanova Raikul Amandykovna,
Azhiev Kanat Omirzakovich***

*Almaty University of Power Engineering and Telecommunications,
Almaty (Republic of Kazakhstan)*

UDC 8.81.81 - 13

Multi-lingual olympiad in technical university

В статье рассматривается вопрос о лингвистической олимпиаде в вузе как важной части языковой подготовки студентов. Обобщается конкретный опыт проведе-

The article deals with the problem of linguistic Olympiad in high school as a way of students' language training. It summarizes the experience of conducting such Olympiads for

ния в техническом университете интегрированной олимпиады по казахскому, русскому и английскому языкам. В заключение делается вывод о том, что полиязычная олимпиада наряду с повышением у обучающихся мотивации к изучению языков, развитием их креативного мышления, является одним из способов реализации государственной программы трехязычия в рамках вузовского учебного процесса.

Ключевые слова: полиязычная олимпиада, языковая подготовка, трехязычие, технический вуз, задание, лингвистическая задача.

Technical University students in Kazakhstan, Russian and English languages. It is stated in conclusion, that the Olympiad, along with increase in students' motivation to study languages and development of their creative thinking, is one of the ways to implement the state tri-lingualism program in the framework of the University educational process.

Keywords: multi-lingual Olympiad, language training, tri-lingualism, technical University, task, linguistic problem.

На сегодняшний день в связи с укреплением Казахстана в мировом культурно-экономическом пространстве происходит реформирование системы образования. Поэтому в настоящее время на рынке труда, а также в социальной и общественной сферах жизни, востребован специалист, который имеет полиязычную профессионально-ориентированную компетенцию, дающую возможность личностного развития в условиях изменяющейся профессиональной среды. В связи с этим одним из приоритетных направлений вузовской подготовки является организация полиязычного учебного процесса на базе контентно-языковых интегрированных технологий. Несмотря на то, что в настоящее время накоплен определенный научно-методический опыт профессионально-языковой подготовки студентов технического вуза, назрела необходимость комплексного решения проблемы обучения профессиональному казахскому/русскому/английскому языку в масштабе программы подготовки полиязычного специалиста. С целью осуществления профессионально ориентированного обучения преподаватели-словесники пытаются найти наиболее эффективные методы и приемы языковой подготовки студентов технического вуза. Среди наиболее активных интенсивных технологий внеаудиторного обучения, используемых в высшей школе, особое место занимают лингвистические олимпиады.

В статьях российских исследователей Е.В. Терентьевой, М.Н. Гавриловой, Е.В. Гетманской, И.А. Вороновой, Г.Х. Вахитовой, Т.В. Колесовой олимпиада рассматривается как вид учебной деятельности студентов, направленной на совершенствование процесса языковой подготовки в вузе. Не случайно Е.В. Терентьева считает, что «Олимпиада – это внеаудиторное учебное мероприятие, ставящее перед собой следующие цели: формирование ценностных установок студентов в отношении собственной грамотности, развитие мотивации к дальнейшему изучению родного языка, а также развитие творческих способностей, логического мышления, языковой интуиции» [6, с. 344]. Следует отметить, что российские ученые представляют в своих работах систему заданий для олимпиады по русскому языку как иностранному и английскому языкам, а также формы их организации в рамках вузовского образовательного процесса. Так, И.А. Воронова в своей статье делится опытом проведения тематической олимпиады по английскому языку «Язык и мир» на базе Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации в г. Вологда [1]. По мнению исследователя, «Тематическая олимпиада по английскому языку проводится с целью определения уровня сформированности коммуникативной компетенции в различных видах речевой деятельности. Участие в олимпиаде способствует расширению общего кругозора, пропаганде социокультурных знаний, а также поддержания интереса к изучаемому предмету и служит мотивацией к изучению иностранных языков» [2, с. 62].

А.И. Попов рассматривает понятие «олимпиадное движение студентов», зародившееся в 70-е годы прошлого столетия как ответ на все возрастающую потребность студентов в творческом образовательном процессе [5]. Исследователь утверждает, что олимпиады давали возможность обучающимся проявить себя, применить имеющиеся знания при решении нетиповых задач. Предметные олимпиады выступали в основном как элемент контроля творческой работы со студентами вуза. Е.В. Терентьева и Т.В. Колесова предлагают использовать информационные технологии при проведении языковой олимпиады [3].

Очевидно, разработка методики проведения лингвистической олимпиады в казахстанских неязыковых вузах является на сегодняшний день актуальной проблемой. В настоящее время в высших школах республики, в том числе технических университетах акти-

визируется процесс организации языковых олимпиад среди студентов дневной формы обучения. В частности, в Алматинском университете энергетики и связи ежегодно практикуются лингвистические олимпиады по казахскому/русскому/английскому языкам. В настоящем учебном году в условиях перехода к трехязычному обучению, как новой образовательной модели, была предпринята попытка проведения интегрированного мероприятия, учитывающего полиязычную подготовку студентов, то есть знания государственного (казахского), официального (русского) и иностранного (английского) языков. Цель олимпиады: повышение у обучающихся мотивации к изучению языков, реализация государственной программы трехязычия в рамках вузовского учебного процесса. Задачи олимпиады: привитие навыков решения коммуникативных задач во всех видах речевой деятельности, реализуемых как в устной, так и в письменной форме; развитие у обучающихся интереса к научно-познавательной и творческой деятельности. Содержание олимпиады должно соответствовать специфике «поликультурной модели образования Независимого Казахстана, основанной на развитии трех языков – казахского, русского, английского» [4, с. 346].

Олимпиада проводилась в два тура. На первом отборочном туре были выявлены студенты с более высоким уровнем языковой подготовки. Для этого были подготовлены моноязыковые задания: по русскому языку для студентов казахских групп, казахскому языку – для студентов русских групп, английскому языку – для студентов полиязычных групп. Была тщательно продумана система заданий для проверки языковой компетенции участников. Сначала были предложены задания на знание норм литературного языка (орфоэпические, лексические, морфологические и грамматические нормы). Это важно, во-первых, потому, что формирование ценностной установки на грамотную речь – важная задача олимпиады. Указанные задания были неоднородными: от простейших (например, выбрать правильную морфологическую форму) до решения грамматических задач, требующих языковой интуиции, нахождения сходства среди неоднородных объектов.

Вторая группа – это задания лингвокультурологического характера, связанные с историей языка, умением читать и понимать текст и интертекст. Известно, что в каждом языке существует определенный культурный код, который помогает воспринимать и оценивать предметы и явления окружающего мира. Изучение языка способст-

вует тому, что человек осознает себя как личность, выстраивает отношения со своим окружением. Кроме того, знание реалий родной и иноязычной культуры, которые обучающиеся демонстрируют при выполнении данной группы заданий, позволяет оценить их кругозор и широту фоновых знаний, без которых собственное творчество затруднительно.

Третья вид заданий – лингвистические задачи. Это совершенно особый жанр, описанный в трудах А.А. Зализняка, А.Н. Журинского, В.И. Беликова и др. Лингвистические задачи весьма разнообразны как по форме, так и по содержанию. Лингвистические задачи предполагают языковое творчество, так как они, демонстрируя какое-то грамматическое явление, свойство языка, дают возможность увидеть под новым углом зрения вещи, которые, казалось бы, давно и хорошо знакомы.

По результатам первого тура производится отбор участников второго полиязычного тура. Создается своеобразная олимпиадная среда из студентов со сравнительно высокой языковой подготовкой. На втором туре участникам предлагаются задания, требующие знания трех языков: чтение и перевод текста на неродной (второй) и иностранный (третий) языки, продуцирование текста на заданную тему на казахском, русском и английском языках, моделирование диалога на определенную тему. На втором туре было продуктивным проведение конкурса «Полиглот».

Первый опыт проведения полиязычной олимпиады в техническом университете, способствовал творческому единению преподавателей языковых дисциплин, а также сплочению студентов инженерных специальностей. Очевидно, в основе «олимпиадного движения» лежит внутренняя потребность как у обучающихся, заинтересованных в изучении языков, так и у преподавателей-организаторов олимпиады в творческом совершенствовании. Проведение олимпиады является перспективной формой активизации познавательного интереса студентов в области изучения языков. Кроме чисто соревновательной цели языковые олимпиады решают ряд педагогических задач, определяемых социальным заказом и требованиями современных образовательных стандартов. Участие в олимпиаде дает возможность студентам сформировать такие необходимые качества конкурентоспособного специалиста, как творческий характер мышления, способность к анализу и синтезу информационных потоков, умение оптимально использовать имеющиеся лексические ресурсы,

психологическую готовность к коллективной деятельности в стрессовых условиях, умение адаптироваться в коллективе.

Таким образом, трехязычная олимпиада является благоприятной «интеллектуальной площадкой» для развития полиязычной личности. Такое мероприятие служит развитию опыта взаимодействия студентов и преподавателей в условиях трехязычия; вносит изменения в систему организации процесса языковой подготовки, направленной на адаптацию студентов к новым социально-культурным реалиям; разработку процедуры мониторинга сформированности профессиональных лингвокультурных и межкультурных компетенций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воронова И.А. Опыт проведения тематической олимпиады по английскому языку «Язык и мир» для студентов неязыковых факультетов // Наука вчера, сегодня, завтра: сб. ст. по матер. XLV междунар. науч.-практ. конф. № 4(38). Новосибирск: СибАК, 2017. С. 35–40.

2. Воронова И.А., Коноплева И.Н. Итоги второй тематической олимпиады по английскому языку «Язык и мир» // European Research: Innovation in Science, Education and Technology / European Research № 5(6) / Сборник статей по материалам: VI международно-практической конференции (Россия, Москва, 23-24 июля, 2015). М., 2015. С. 62–64.

3. Колесова Т.В. Применение новых информационных технологий для проведения языковых олимпиад в вузе // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). 2016. 4 (169). С. 76 – 79.

4. Нурагунова Г.М., Сманова А. Современные подходы по внедрению полиязычного образования в Казахстане // Международный журнал экспериментального образования. – 2016. – № 4-2. – С. 343 – 346.

5. Попов А.И. Роль предметных олимпиад в системе олимпиадного движения // Труды ТГТУ. Выпуск 12. Строительство. Машиностроение. Металловедение. Гуманитарные науки. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2002. С.3.

6. Терентьева Е.В. Использование информационных технологий при проведении лингвистических олимпиад в техническом вузе // Записки Горного института. Т.187. СПб, 2010. С. 345 – 347.

Кошурникова Т.В.

КОГОАУ ДПО «ИРО Кировской области», г. Киров (Россия)

E-mail: tkoshurnikova@mail.ru

УДК 372.881.161.

Формирование толерантного сознания обучающихся в процессе преподавания русского языка в многонациональном школьном коллективе

Koshurnikova Tatiana

*The Institute of Education Development of the Kirov Region,
Kirov (Russia)*

UDK 372.881.161

The formation of tolerant awareness of the students during the Russian language teaching process in the multicultural school environment

В статье освещается деятельность учителей русского языка и литературы Кировской области по одному из направлений Концепции преподавания русского языка и литературы в Российской Федерации – учет этнокультурных особенностей обучающихся, разработана методика преподавания в условиях двуязычия; рассматриваются различные формы работы на уроках русского языка, позволяющие развить у обучающихся толерантность.

Ключевые слова: Концепция преподавания русского языка и литературы, толерантное сознание, поликультурный мир, диалог, полиэтничное общество, двуязычие, национальные особенности.

The article deals with the activity of the Russian language and Russian literature teachers of the Kirov region in one of the directions of Concepts of teaching Russian language and literature in the Russian Federation - consideration of ethnocultural features of the students, the development of teaching methods in conditions of bilingualism; various forms of work are considered during the Russian language lessons, allowing students to develop the tolerance.

Keywords: Concept, tolerant awareness, multicultural world, dialog, polyethnic society, bilingualism, national characteristics.

Концепция преподавания русского языка и литературы в Российской Федерации утверждена распоряжением Правительства РФ

9 апреля 2016 года и выступает стратегическим документом, определяющим как методические, так и содержательные особенности преподавания предметов в современных условиях развития образования. Целью реализации Концепции является обеспечение высокого качества изучения русского языка и литературы в образовательных организациях в соответствии с меняющимися запросами населения и перспективными задачами развития российского образования и экономики.

Основными направлениями Концепции являются следующие:

1. Объединение усилий образовательных организаций и учреждений культуры по поддержке чтения современных школьников.
2. Формирование читательской компетенции и способности осмысленно воспринимать текст.
3. Разделение требований к предметным результатам по русскому языку и литературе на базовом и углубленном уровне.
4. Учет этнокультурных особенностей обучающихся, разработка методик преподавания в условиях двуязычия.
5. Совершенствование КИМов по предметам. Реализация технологий оценки устной речи в рамках государственной итоговой аттестации.

В данной статье мы осветим деятельность учителей русского языка и литературы Кировской области по одному из направлений Концепции.

На современном этапе развития общества вопрос воспитания толерантного сознания приобретает особую остроту. Главная причина этого – те процессы, которые наблюдаются в мире. Поэтому одна из актуальных задач гуманитарного образования – формирование толерантного сознания и поведения в поликультурном мире, готовности и способности вести диалог с другими людьми, достигать в нем взаимопонимания, находить общие цели и сотрудничать для их достижения – выступает и как социальный заказ системе образования, и как условие успешного развития современного полиэтнического общества.

Несмотря на то, что в настоящее время проблема формирования толерантности нашла отражение в педагогической теории, она не получила необходимого решения в практике образовательных учреждений. А школа имеет потенциальные возможности для ее решения. Особую актуальность данная проблема имеет в условиях многонационального коллектива. Наша область – многонациональ-

на, в образовательных организациях учатся дети разных национальностей, многие из которых в стенах школы говорят на русском языке, а дома – на родном, поэтому не случайно, что преподавание русского языка происходит в условиях двуязычия, следовательно, необходимо учитывать национальные особенности обучающихся.

В процессе преподавания русского языка необходимо создавать условия для формирования толерантного сознания и поведения обучающегося и решать не только конкретные методические и дидактические, но и психолого-педагогические задачи. Ведь речь идет не только о преподавании вопросов толерантности, но и о создании различных проблемных ситуаций, которые заставили бы школьника проявить определенные качества толерантного сознания. Осуществление индивидуального подхода позволяет сделать процесс обучения мотивированным и эффективным. В результате ученик получает возможность взглянуть на себя изнутри и извне, сравнить себя с другими учащимися, оценить свои поступки и поведение, научиться принимать себя и других в целом, а не как совокупность хороших и плохих черт характера; вырабатывает силу воли, учится управлять собой через постоянные влияния на учебные и жизненные ситуации; учится преодолевать собственные эмоциональные барьеры; учится общению.

Остановимся на некоторых формах и приёмах организации урока русского языка, позволяющих развить толерантные качества у обучающихся.

1.Словарная работа. Ведущим в уроке русского языка, несомненно, является работа со словом, в ходе которой будет постепенно формироваться, по словам известного лингвиста Л.Щербы, «твёрдый зрительный образ» слова. Слово традиционно рассматривается одновременно в четырёх аспектах: орфоэпическом, лексическом, орфографическом, в контексте с другими словами. Для полного понимания лексического значения слова и обогащения словаря, применимы такие приемы, которые стимулируют и организуют самостоятельное и осмысленное учение школьников: систему интересных вопросов, творческих заданий и исследовательских проектов. Например, на уроке «Незаменимые помощники – словари» учащимся предлагается определить значение, этимологию слова «толерантность», используя различные словари. Работа идет в микрогруппах, члены которых – дети разных национальностей. Результатом исследовательской работы являются выступления учащихся.

Затем дается справка о том, что характеристика определения толерантности видоизменяется в Уставе ООН: «...проявлять терпимость и жить вместе, в мире друг с другом, как добрые соседи». Лишь «Декларация принципов толерантности» толкует это понятие более широко, многогранно. Далее учащиеся снова работают в группах, выполняя следующее задание: «Прочитать текст «Декларации», определить, какие еще значения включает в себя этот термин?»

Таким образом, обучающиеся приходят к выводу, что толерантность – это способность человека, общества, государства слышать и уважать мнение других, невраждебно относиться к мнению, отличному от своего; это умение жить в мире и гармонии с окружающими людьми. В качестве домашнего задания предлагается составить «Словарик толерантного человека: хорошо и плохо».

Задача учителя – воспитать такие качества, как расположенность к другим, чуткость, сдержанность, ответственность, умение слушать и владеть собой, способность к сопереживанию, чувство юмора. Одновременно ведется работа по включению в словарь школьников этих понятий. Помощь в работе оказывает словарь по этике. Например, проводится работа с понятием *чуткость*. Определяются его основные признаки, затем на каждом уроке раскрываем только один признак понятия.

При изучении темы «Значение и основные признаки прилагательного» учащимся предлагается грамматическое задание: выписать существительное с относящимся к нему прилагательным, разобрать. Предложение для разбора раскрывает нужный нам признак. И на последующих уроках в тексты для грамматического разбора включаются другие определения понятия через очередной его признак.

В ходе работы с этическим понятием можно использовать и такие задания, как, например: подобрать к слову синонимы, антонимы; составить со словом словосочетание или предложение; подобрать однокоренные слова; выполнить морфемный и словообразовательный разбор; охарактеризовать своего одноклассника. Подобная работа способствует усвоению (или обогащению) нравственных понятий, формирует нравственное сознание обучающихся.

Систематическая словарная работа дает возможность повысить уровень самостоятельности и творческой активности учащихся, развивать умение пользоваться словарями, воспитывать уважение к одноклассникам, терпимость к чужому мнению. Применение в обу-

чении **проблемной ситуации** позволяет добиться следующих результатов: осознания учащимися социальной, практической, личностной значимости учебного материала; умения формулировать проблемы, предлагать пути их решения, отстаивать свою точку зрения.

2.Работа с текстом. Обращение к тексту в процессе обучения позволяет в комплексе решать образовательные и воспитательные задачи, помогает раскрыть индивидуальность каждого ученика, сформировать творческую личность с индивидуальным языком и стилем. Поэтому при отборе текстов для обучения речевому общению учитываются следующие требования: насыщенность изучаемыми грамматическими и лексическими единицами; коммуникативная направленность текста, т.е. содержание материала должно способствовать формированию личных качеств школьника, формированию социально- коммуникативной компетентности.

На уроках русского языка можно предложить учащимся различные виды работы по тексту книги академика Д.С. Лихачева «Письма о добром и прекрасном». Эти письма представляют собой пример толерантного отношения ко всему живому на Земле. Его заповеди пронизаны идеями гуманизма и терпимости: «Не помысли народ свой врагом других народов», «Уважай мысли и чувства братьев своих», «Пусть будет свободным все, ибо рождается свободным», «Пусть труд и мысли твои будут трудом и мыслями свободного творца, а не раба». В этом плане интересны и произведения наших земляков – вятских писателей (В.Крупина, Б.Мосунова, П. Маракулина, В. Ситникова и других).

Работа с текстом позволяет создавать на уроке проблемную ситуацию, использовать востребованную сегодня в школе педагогику сотрудничества, в основе которой лежат принципы толерантности. Групповая работа создаёт атмосферу взаимопомощи, сотрудничества, воспитывает умение взаимодействовать с любым партнером, вежливо и доброжелательно общаться с ним, обосновывать свою позицию и отказываться от своего мнения, если мнение кого-то из товарищей оказывается более убедительным, испытывать чувство ответственности не только за собственные успехи, но и за успехи своих одноклассников.

Для воспитания толерантности хорошо подходят **тексты о замечательных людях**, жизнь и деятельность которых носила ярко выраженную гуманистическую направленность. Дети выполняют **комплексный анализ текста, пишут изложения разных видов,**

сочинения(сочинение-размышление, сочинение-эссе, очерк). Такие тексты формируют толерантное сознание. Тексты публицистического характера служат поводом для проведения дискуссии в классе. **Уроки - дискуссии** формируют культуру полемики, умение выслушивать оппонента, учат терпимости к иной точке зрения; формируют культуру речи. В этом проявляется их огромная роль в процессе становления полноценной личности в процессе ее социализации.

Итак, **работа с текстом** рассматривается не только как важнейшее задание обучающего характера и эффективный способ проверки знаний учащихся (формируются УУД), но и как средство формирования мировоззрения, жизненной позиции школьников, развития их морально-нравственных качеств, способности выражать и защищать свою точку зрения через слово, противостоять негативным воздействиям окружающей речевой среды, среды «антикультуры».

3. Языковая толерантность. Язык является инструментом, формирующим личность, поскольку тысячелетиями впитывал в себя ум, традиции, философские взгляды на жизнь – все духовное богатство народа. Во фразеологизмах, пословицах и поговорках сосредоточены результаты культурного опыта разных народов, отражены этические нормы, правила социальной жизни и поведения в обществе, что помогает найти пути разрешения конфликтов и проблем: необходимо быть сдержанным, следить за речью, не доводить до ссоры и до появления недоразумений, конфликтов. Необходимо формировать у обучающихся умение управлять своими действиями, убеждать их, что толерантность – это один из стилей общения: промолчать, дать собеседнику высказаться, внимательно его послушать – это и есть толерантность.

Работа с содержанием пословиц и поговорок приобщает учащихся к доброму слову и учит находить выход из конфликтных ситуаций, учит правильному общению с людьми с позиции языка добра, управления своими чувствами и эмоциями. С подобным материалом можно использовать разные формы работы. Например, **проекты**, с помощью которых можно исследовать, какие русские (или других языков) фразеологизмы влияют на формирование личности; **уроки – презентации афоризма** (объясните афоризм, напишите по нему сочинение«Кто ищет зла, к тому оно и приходит» (Соломон);«Сострадание правит миром» (древнеиндийская пословица),

«Чтобы поверить в добро, надо начать его делать» (Л.Н.Толстой), «Если я чем-то на тебя не похож, я этим вовсе не оскорбляю тебя, а, напротив, одаряю» (С. Экзюпери), «Жить надо не для себя и не для других, а со всеми и для всех» (Н.Ф. Федоров).

Толерантность – нравственное качество, которое не является врожденным, оно может никогда не появиться, если не будет воспитано.

Организация учебно-воспитательного процесса в условиях двуязычия, сочетающего методику скрытого воздействия, создание проблемной ситуации, подбор дидактического материала, способствует воспитанию нравственных качеств человека, становлению личности гражданина России, который готов и способен вести диалог с другими людьми, достигать в нём взаимопонимания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абакумова И.В., Ермаков П.Н. О становлении толерантной личности в поликультурном образовании // Вопросы психологии.- 2003.- №3.

2. Асмолов А. Г. Историческая культура и педагогика толерантности //Мемориал. 2001., №24.

3. Асмолов А. Г. Толерантность от утопии к реальности. // На пути к толерантному сознанию. М., 2000.

4.Асмолов А.Г. Психология обыкновенного фанатизма. / Век толерантности. Научно-публицистический вестник. – М., 2011.

5.Концепция духовно-нравственного воспитания гражданина России. –М., 2011.

6.Степанов П.В. Как воспитывать толерантность в школе. // Педагогический вестник. – 2010. - № 2.

Трощинская-Степушина Т.Е.

ГУО «Средняя школа № 4 г. Витебска», г. Витебск (Беларусь)

e-mail: astrid_2000@tut.by

УДК 811.161.1 ' 243 (476):371.32

Русский язык в белорусской школе: взгляд учителя-словесника и его учеников

Troschinskaya-Stepushina Tatyana Evgenjevna

High school N4 of Vitebsk, Vitebsk (Belarus)

UDC 811.161.1 ' 243 (476):371.32

Russian language in the belarusian school: teacher's point of view and his pupils

Работа представляет собой переработанное эссе, которое было представлено для участия в XVII Международном Пушкинском конкурсе для учителей русского языка и принесло автору диплом лауреата, на тему «Учить русский. Можно? Модно? Выгодно?». В статье рассматривается проблемы, связанные с отношением к изучению русского языка в современной белорусской школе с точки зрения учителя и учащихся (приводятся результаты исследования, проведённого среди старшеклассников).

Ключевые слова: белорусская школа, русский язык, ученик, учитель.

The work is a revised essay that was submitted for participation in the 17th International Pushkin Contest for Russian Language Teachers and brought the author a diploma of the laureate on the theme "To Learn Russian. Can? Fashionable? Favorably?". The article deals with the problems associated with the attitude to the study of the Russian language in the modern Belarusian school from the point of view of the teacher and pupils (the results of a study conducted among high school pupils are given).

Key words: Belarusian school, Russian language, pupil, teacher.

В 2017 г. тема эссе Международного конкурса для учителей-русистов звучала неожиданно и даже несколько провокационно: «Учить русский. Можно? Модно? Выгодно?». Белорусам сложно понять смысл фразы «Можно ли изучать русский язык?». Для нас понятие возможности, т.е. некоей «разрешимости» изучения русского языка в принципе оксюморон. Ведь в нашей стране он давно имеет статус государственного. Более того, 90% населения нашей стра-

ны говорят именно на русском языке – он для них родной. Русский язык изучается во всех школах и вузах в обязательном порядке. Новые, переработанные учебники русского языка содержат большое количество интересных текстов из художественной и научно-популярной литературы, информации о писателях, учёных-филологах. И особенно важно то, что многие тексты упражнений в учебниках 10-го и 11-го класса посвящены волнующим для ребят этого возраста темам: отношениям в семье и между мальчиками-девочками, проблемам выбора дальнейшего жизненного и профессионального пути, отношения с самим собой и миром. В качестве домашних заданий в профильных классах учителя предлагают написание сочинений, эссе на темы, которые побуждают думать и фантазировать, развивают навыки связного изложения своих мыслей на родном русском языке.

Таким образом, можно утверждать, что средняя школа Беларуси медленно, но верно отходит от «орфографцентризма» и приближается к пониманию языка как культурно-исторического феномена. Поэтому русский язык у нас изучать не можно, но нужно!

Иначе складываются взаимоотношения между понятиями «русский язык» и «мода». Например, когда мы, поколение «родом из СССР», учились в школе, во многих кабинетах русского языка на стене размещались изречения классиков (напр., «Я русский бы выучил только за то, что им разговаривал Ленин» В. В. Маяковского и под. [2, с. 14–18]). Тогда, в советские времена, когда от самого слова «мода» веяло чем-то запрещенным, думается, мысль об изучении русского языка как о чем-то модном показалась бы если не крамольной, то по меньшей мере весьма странной. Пиетет перед ним рождал стойкое убеждение: русский язык – наше все, поэтому вопрос изучать или не изучать его вообще не приходил никому в голову! Прошли годы, и сегодня понятие «модно» способно сопрягаться с чем угодно – как с принципом «не следовать моде ни в чем», так и с космическим туризмом. И где-то между ними – вопрос о моде на изучение русского языка.

В 80-е гг. прошлого века в культовом фильме К. Шахназарова «Курьер» профессор-резонёр истерически спрашивает у главного героя: «Я и мое поколение хочет знать: в чьи руки попадет возведенное нами здание? Для кого мы жили и боролись?!» [3]. Наше поколение, поколение 40–50-летних, прекрасно видит, в чьи руки попало возведенное нами (конечно, не только нами, но все же) здание

русской речи: оно оказалось у наших современных и продвинутых, прикольных и тусующихся и – в любом случае! – гораздо более свободных и уверенных в себе почти взрослых детей. И они, не слишком интересуясь нашим мнением по этому (равно как и по любому другому) поводу, делают с великим и могучим что хотят!

Безусловно, множество и других, вполне объективных причин влияет на языковую картину сегодняшнего дня подростков: интернет, вездесущие и все более продвинутые гаджеты, трудности пубертатного периода, сложности в семье, а еще сокращение количества учебных часов и прочая, и прочая. Перефразируя известную цитату Ленина, можно сформулировать новую формулу современной социально-экономической системы (капитализма, демократии – кому как нравится): «Система – это торговля плюс гаджетизация всей страны». Время неумолимо, и всевозможные языковые трансформации (расшатывание орфографических и орфоэпических норм, смешение стилей, изменения в лексике и грамматике – от «языка падонкафф» до «зачисток» граммар-наци и др.) являются неизбежным следствием происходящих в обществе перемен, ведь всем известно, что язык – живая, а, значит, изменяющаяся субстанция, и «ключевые слова эпохи» [1, с. 85] сейчас, безусловно, иные, чем даже два десятилетия назад.

Кроме этого, современные реалии таковы, что детям решительно не до классики! Но горевать по этому поводу так же бессмысленно, как печалиться по поводу отсутствия кринолина в сегодняшних дамских нарядах. Хорошо, если вообще что-то читают! У каждого учителя-словесника свой подход к решению данной проблемы. Однако метод принуждения, как показывает практика, совершенно не работает: заставлять человека что-либо делать абсолютно бессмысленно – результат грозит быть отрицательным. Можно использовать практику чтения вслух на уроке: учитель или подготовленный ученик читают фрагменты произведений. Хорошие результаты приобщения к чтению даёт работа над инсценировкой пьес, что ребята очень любят. Хочешь – не хочешь, а уж свой кусок текста не только прочесть – выучить придется! Задачу освоения произведений большого объема в нашей школе решается в школьном киноклубе. Заседания проводятся раз в две недели, и наряду с фильмами, которые выбрали сами ребята, мы смотрим и киноклассику («Войну и мир» С. Бондарчука, «Жестокий романс» Э. Рязанова, «Анну Каренину» А. Зархи и другие шедевры). Прочесть литературное произ-

ведение самому ребенку, конечно, хорошо, полезно и почетно, но мы же понимаем, что не каждый способен на такой подвиг сегодня, и поэтому необходимо искать собственные, позитивные и мотивирующие пути, чтобы повернуть этого героя нашего времени лицом к литературе. Мы, учителя, убеждены: хорошее отношение к детям способно творить чудеса, и «наш скорбный труд» в конечном итоге не пропадет: не в школе, так позже молодой человек возьмет в руки книгу!

Выгодно ли изучать русский язык? Слово «выгодно», на наш взгляд, несёт негативные коннотации – оно противопоставлено понятиям бескорыстия и доброты. Выгодно можно что-то купить или продать, это из той, нужной, житейской, но не «языковой» сферы. Поэтому с любимым с раннего детства русским языком это понятие мы рядом не поставим. А вот заменить «выгодно» словом «полезно» вполне возможно! Полезно ли изучать русский язык? Русский язык – это возможность дышать полной грудью. Русский язык – это радость встречи с любимым писателем. Русский язык – это неисчерпаемый источник вдохновения. Русский язык – это возможность узнавать, говорить и писать, а еще возможность слушать, слышать и быть услышанным. А еще – радость от смакования слов: написанное иногда разительно отличается от сказанного (например, слово «огурцы» в написании разительно отличается от своего фонетического отражения). А еще – восторженный хохот от языковой игры, причудливые извивы иронии, изысканная ядовитость сарказма...

Но это все *мой* русский язык. А что скажут мои продвинутые, модные, прагматичные и – любимые ученики? Приведём результаты небольшого исследования на эту тему (были опрошены учащиеся 10–11 классов школы).

На вопрос, **модно ли учить русский язык**, ребята ответили так.

86 % – утвердительно: *«сегодня модно быть грамотным», «быть грамотным – достоинство», «девушки любят грамотных парней, а парни – грамотных девушек», «чтобы общаться», «русский язык – один из самых распространенных в мире», «если хочешь, чтобы тебя принимали в культурном обществе, то просто обязан владеть русским языком»;*

6 % – отрицательно: *«сегодня модно учить английский и китайский»;*

8 % опрошенных считают слово «модно» неприменимым к понятию «изучение русского языка»: *«модной может быть одежда, а*

не изучение русского языка», «учить и знать русский нужно не из-за моды, а из потребности быть грамотным», «учить язык нужно для себя, а не для того чтобы отдать дань моде».

Вопрос, **выгодно ли учить русский**, не вызвал такого резонанса:

94 % ответили положительно: *«мы живем в стране, где почти все разговаривают на русском», «изучение русского языка развивает мышление и речь», «человек, умеющий хорошо изъясняться на русском языке, произведет более выгодное впечатление на собеседовании», «знание русского языка пригодится в дальнейшей профессиональной деятельности», «можно поступить в вузы России», «чем шире у человека словарный запас, с тем большим количеством людей из разных профессиональных сфер он сможет общаться», «особенно выгодно иностранцам: русский язык очень сложный, и знающий его по праву может считать себя настоящим интеллектуалом», «иностранцы, знающие русский язык могут в оригинале читать великие литературные произведения русской классики» и др.*

6 % считают выгодным изучение английского и китайского языков.

Итак, наши выпускники имеют собственный взгляд на проблему изучения русского языка. Радует то, что у многих уже сформирована привычка к независимому мышлению (имеются в виду те восемь процентов) – уверены, их имена мы еще услышим! Что касается отношения ребят к изучению русского языка сегодня, то здесь также есть повод для того, чтобы чувствовать себя на коне: подавляющее большинство искренне (анкетирование проводилось анонимно) считает, что русский изучать и модно, и выгодно. Вопрос, можно ли, и не задавала – ответы говорят сами за себя: не можно – нужно.

Русский язык так же изменчив, как человеческая жизнь, и прекрасен в своей изменчивости: его не загонишь в рамки, не прикажешь быть таким, как нам хочется или удобно – он неподвластен никому, потому что свободен. И современный учитель понимает и принимает это, он не борется со временем – он идет с ним в ногу, не теряя при этом свой огонь и любовь к детям, профессии и, конечно, к русскому языку!

ЛИТЕРАТУРА

1. Кронгауз, М. А. Русский язык на грани нервного срыва. – М.: Языки славянских культур, 2008. – 320 с.
2. Маяковский, В. В. Нашему юношеству («На сотни эстрад бросает меня...») // Маяковский В. В. Полн. собр. соч.: В 13 т. – М.: Гос. изд-во худож. лит., 1955—1961. Т. 8. Стихотворения 1927 года, поэма «Хорошо!» и очерки. – 1958. – С. 14–18.
3. «Курьер» (реж. К. Шахназаров; Мосфильм, 1986 г.)

Ахметова Э. Т.

Алматинский университет энергетики и связи (Казахстан)
e-mail: teakmetova@mail.ru

УДК 809.434.2 : 371

Самостоятельная работа студента как важнейшая форма обучения при подготовке бакалавров

Akhmetova Elmira Tursunovna
Almaty university of power Engineering and telecommunications,
Almaty (Republic of Kazakhstan)

UDC 809.434.2 : 371

Independent student work, as the most important form of training in the preparation of bachelors

В данной статье рассматриваются основные факторы и формы, определяющие значимость самостоятельной работы студентов – как одной из форм учебной работы при кредитной системе обучения.

Ключевые слова: самосовершенствования и самообучения, наворотский характер, сознательность и мотивированность действий, мобильность, умение, прогнозировать ситуацию, активное влияние

Basic factors and form, detective important work of the student making his work himself how one of the form of student's work of the credit system of studying.

Key words: self-improvement and self-education, innovative nature, consciousness and motivation of actions, mobility, ability, to predict the situation, active influence

Кредитная система обучения существенным образом меняет работу как преподавателя, так и студента, ставя их перед необходимостью постоянного самосовершенствования и самообучения, обеспечивая прежде всего более высокую качественную значимость самостоятельной работы студентов.

Самостоятельность как особое качество личности включает в себя сознательность и мотивированность действий, неподверженность чужим влияниям и внушениям, проявление своей воли, опирающейся на понимание необходимости поступать и действовать в данных обстоятельствах в соответствии с принятым решением и внутренней позицией человека.

Самостоятельная работа наряду с аудиторной представляет одну из форм учебного процесса и является его существенной составляющей частью. Для ее успешной организации и выполнения необходимо планирование и контроль со стороны преподавателя, а также планирование объема самостоятельной работы кафедрой.

Главной целью самостоятельной работы является не только закрепление, расширение и углубление получаемых знаний, умений и навыков, но и самостоятельные изучение и усвоение нового материалов без посторонней помощи.

Факторы, определяющие значимость самостоятельной работы студентов. Во-первых, самостоятельная работа позволяет студентам глубоко вникнуть в сущность изучаемого вопроса, основательно в нем разобраться. Во-вторых, самостоятельный учебный труд вырабатывает у учащихся стойкие идейные взгляды и убеждения. В-третьих, в ходе самостоятельной работы студенты формируют у себя такие ценные качества, как трудолюбие, организованность, инициативу, силу воли, дисциплинированность, творческий подход к делу, самостоятельность мышления.

В настоящее время преобладают две общепринятые формы самостоятельной работы. Традиционная, т.е. выполняемая студентом самостоятельно в произвольном режиме времени в удобные для него часы, часто вне аудитории, а когда того требует специфика дисциплины – в компьютерном классе. Аудиторная самостоятельная работа под контролем преподавателя, у которого в ходе выполнения задания можно получить консультации.

Самостоятельная работа всегда вызывает у студентов, особенно в первых курсах, ряд трудностей, обусловленных необходимостью адаптации бывших школьников к новым формам обучения. Главная

трудность связана с необходимостью самостоятельной организации своей работы. Многие первокурсники испытывают затруднения, связанные с отсутствием навыков анализа, конспектирования, работы с первоисточниками, умения четко и ясно излагать свои мысли, планировать свое время, учитывать индивидуальные особенности своей умственной деятельности и физиологические возможности, незнание общих правил организации самостоятельной работы. Одной из перечисленных задач работы с первокурсниками является разработка и внедрение методов рационализации и оптимизации самостоятельной работы. Всякая самостоятельная работа студентов должна начинаться с определенной установки, подготавливающей восприятие нужного материала. Основное средство формирования установки – это словесная инструкция преподавателя. Учитывая особенности студентов – первокурсников, преподаватель должен использовать при организации самостоятельной работы студентов соответствующие методы и приемы.

В первую очередь преподаватель должен обучить первокурсников:

- основам самостоятельной работы с книгой;
- конспектированию;
- подготовке сообщений, докладов, рефератов;
- приемам саморегуляции и др.

Руководство самостоятельной работой студентов со стороны преподавателя должно постепенно переходить к самоуправлению и самоорганизацию студента как субъекта процесса обучения.

Для эффективной и полноценной самостоятельной работы необходимо, чтобы студенты проявляли активность, интеллектуальную инициативу, т.е. пытались находить нестандартные подходы к деятельности.

Наблюдения за процессом организации самостоятельной работы показывают, что положительные результаты могут быть достигнуты при любом стиле педагогического руководства. Если при одном стиле руководства студентам даются четкие указания и требования к выполняемой работе, определяются строгие сроки ее выполнения и осуществляется жесткий контроль, то при другом – студенты получают возможность самостоятельно выбирать не только тему для выполнения, но и характер задания: реферат, доклады, устная форма сдачи, организация круглого стола,

диспутов, научных проектов. Студенты сами распределяют свое время и срок сдачи работы по согласованию с преподавателем.

Рассмотрев самостоятельную работу в некоторых ее аспектах, можно сделать следующие выводы.

В процессе самостоятельной работы ярко проявляются индивидуальные особенности студентов: синтетичность и аналитичность восприятия; устойчивость, распределение и переключение внимания; скорость запоминания, гибкость мышления, самостоятельность и подражательность.

Роль преподавателя в организации самостоятельной работы очень велика на первых курсах при подготовке бакалавров, затем происходит переход самоорганизации студентов как субъектов учения.

В связи с этим можно отметить условия, обеспечивающие успешное выполнение самостоятельной работы:

- мотивированность учебного задания;
- четкое постановка познавательных задач;
- метод выполнения работы , знание студентом способов ее выполнения;
- четкое выполнение преподавателем форм отчетности, объема работы, сроков ее представления;
- определения видов консультационной помощи;
- критерии оценки, отчетности и т.д. ;
- виды и формы контроля.

Заключение.

Поскольку самостоятельная работа – важнейшая форма учебного процесса, следует акцентировать внимание студентов на ее непосредственном влиянии, на формировании таких параметров квалификационной характеристики, как мобильность, умение прогнозировать ситуацию и активно влиять на нее, самостоятельность оценок и т. д. с тем, чтобы студенты видели положительные результаты своего труда.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдыгапорова С.Б. и др. Основы кредитной системы обучения в Казахстане. - Алматы: Қазақ университеті, 2004. – 198с.
2. Ерастов Н.П. Методика самостоятельной работы.-М.-1985г.
3. Жусанбаева Г. Өздік жұмыстардағы тиімді әдістер // Қазақ тілі және әдебиеті.- №1.-2001ж.
4. О самостоятельной работе студентов // ВВО.- №1.-1990.-с.63

Анализ грамматической структуры предложения с использованием графов

В данной статье мы приводим примеры использования элементов теории графов в гуманитарных дисциплинах, в частности, в лингвистике, при анализе языковых структур. На примере анализа простого предложения показано выделение языковых структур скобками, в виде таблиц и в виде «дерева».

Ключевые слова: графы, дерево, простое предложение, лингвистический анализ, грамматика

Первая работа по теории графов принадлежит Леонарду Эйлеру, в которой он решил популярную тогда "задачу о кенигсбергских мостах". Однако, термин "граф" впервые был введен спустя 200 лет венгерским математиком Денешем Кенигом.

Возникнув при решении занимательных игр и головоломок, теория графов стала в настоящее время мощным инструментом решения широкого круга проблем. С помощью графов часто упрощается решение задач, сформулированных в различных областях знания: не только в математике, физике, химии и биологии, логистике, но и социологии, лингвистике и др.

Геометрический способ задания графа представляет собой множество точек и множество соединяющих их линий. Можно рассматривать граф – «как совокупность двух конечных множеств: множества точек, которые называются вершинами, и множества ребер – отрезков, соединяющих вершины. Число вершин графа не может быть равным нулю. Каждое ребро можно рассматривать как пару точек. Например, ребро $i j$ – соединяет вершины i и j ».

Граф, подразделяются на ориентированные и неориентированные. Если в графе направление линий не обозначается (пара ij – неупорядочена), то все линии называются ребрами, а граф - неориентированным

Если на ребре задано направление (пара ij – упорядочена), то оно называется дугой, т.е. ориентированным ребром. Соответственно, граф, в котором хотя бы одна линия является дугой, называется ориентированным графом или ортографом.

Приведем примеры некоторых видов графов. Нулевой граф состоит из изолированных вершин (рис.1), неполным называется граф, в котором построены не все возможные ребра (рис.2), граф называется полным, если две его различные вершины соединены одним и только одним ребром (рис.3). Графы приведенные на рисунках 1-3 не являются ортографами, так как не содержат дуг.

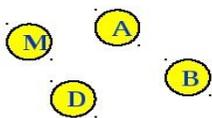

Рисунок 1. Нулевой граф

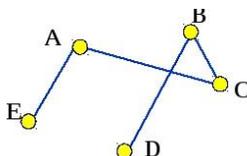

Рисунок 2. Неполный граф

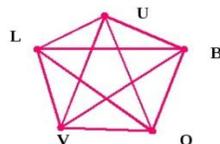

Рисунок 3. Полный граф

В данной статье мы приводим примеры использования графов в гуманитарных дисциплинах, в частности, в лингвистике, при анализе языковых структур. Все языки организованы иерархически, т.е. имеют иерархии нескольких уровней. Существует много языковых уровней: поток речи, сложное предложение, простое предложение, синтаграмма, слово, часть слова, отдельные бессмысленные звуки, дифференциальные признаки звуков. Ниже речь пойдет о простых предложениях.

Граф иерархической системы называется деревом. Главной особенностью дерева является то, что между любыми двумя его вершинами существует один единственный путь. Дерево не содержит циклов и петель. Принято, что у дерева, представляющего иерархическую систему, выделяется одна вершина, часто она называется главной, или корнем дерева. Каждая вершина дерева (кроме корня) имеет только одну исходную вершину, которая относится к классу верхнего уровня. Любая вершина дерева может порождать несколько вершин, соответствующих классам нижнего уровня (рис.4).

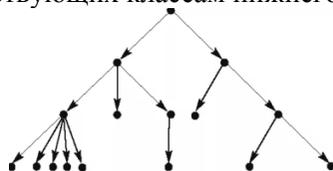

Рисунок 4. Граф - Дерево

Во многих задачах, связанных с графами, в том числе и с «деревом» возможно представление графа в виде таблицы - схемы, что будет показано ниже.

Рассмотрим ситуации, приводящие к необходимости представления структуры предложения в виде графа – «дерева».

В языке встречается много случаев, когда невозможно объяснить понимание предложения только на основе знания закономерностей сочетания слов в предложениях. «Когда выбор некоторого элемента зависит от другого элемента, появляющегося в предложении намного раньше. При таком подходе необходимо помнить, что встречалось раньше... и «пронести» эту информацию через разрывы, заполненные вставными структурами». Дж.Грином и Д. Слобин замечают, что «теоретически длина вставленных структур беспредельна, например, между «если» и «то» может быть вставлено предложение любой длины» [1, с.38].

Дж.Грином и Д. Слобин приводят еще один аргумент «против попытки объяснить понимание предложений только на основе закономерностей сочетания» слов в предложениях [1, с.38]. Речь идет о двусмысленных предложениях, которые по звуковой и по письменной форме совпадают, но грамматически или по смыслу различны.

Рассмотрим пример такого двусмысленного предложения, выделив скобками деление на синтаграммы:

They are visiting firemen: (They) (are) (visiting firemen); (They) (are visiting) (firemen).

Мы уже говорили, что предложение можно понять по-разному, потому что оно имеет две структурные составляющие. Его можно разбить на элементы, или составляющие, двумя различными способами. Кроме выделения скобками (рис. 5) данные языковые структуры можно изобразить в виде «дерева» (рис. 6).

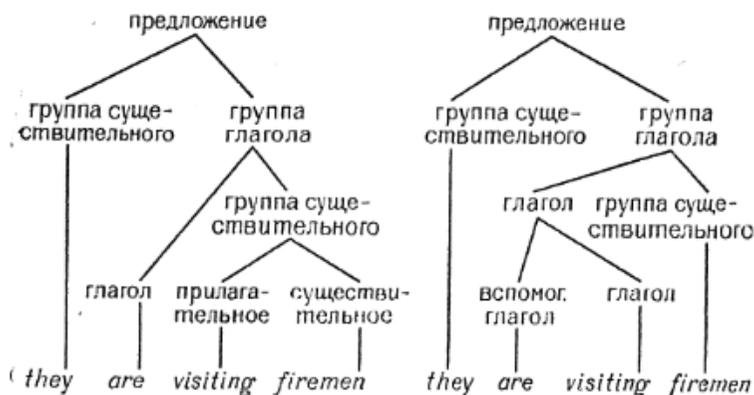

Рисунок 5. – Представление языковых структур в виде «дерева»

Рассмотрим другой пример, простое предложение на английском языке (английский выбран из-за специфики грамматических временных конструкций и наличия артиклей): The boy hit the boll (мальчик бросил мяч). The girl hit the doll (девочка бросила куклу). Лингвистическая интуиция подсказывает, что некоторые пары слов связаны между собой больше чем другие. Например, the boy, the boll, the girl, the doll можно рассматривать как единые элементы, а - hit the – нет. Такое восприятие текста связано с тем, что the boy можно заметить на he (он), the boll можно заметить на it (его), соответственно the girl – на she (она), the doll - на it (её). Можно заменить более крупную группу слов hit the boll (doll) общим словом, например acted (действовал /действовала). Данное описание можно нагляднее представить в виде таблицы-схемы 1.

The	boy	hit	the	boll
The	girl	hit	the	doll
She\He		hit		it
She\He				acted

В лингвистике данная процедура называется «анализом по составляющим». Части предложения, являющиеся цельными единицами, называются «составляющими».

Процедура анализа по составляющим можно упростить и обобщить, обозначив символами различные типы составляющих. Возьмем за основу обозначения предложенные Дж.Грином и Д. Слобин [1., с.40,42].

The - артикль (T), girl – существительное (N), hit – глагол (V), соответственно пары the girl и the doll – образуют группы существительного (NP), соединение глагола с группой существительного дает группу глагола (VP), и на самом высоком уровне, соединение группы глагола и группы существительного дает грамматическое предложение (S). Поясним сказанное при помощи таблицы-схемы 2:

The	girl	hit	the	doll
T	N	V	T	N
NP		V	NP	
NP		VP		

Данная структурная модель лежит в основе грамматически правильного предложения.

Рассмотренные таблицы-схемы можно представить в виде «дерева» (рис.6)

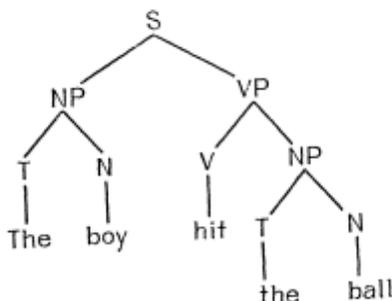

Рисунок 6. Представление языковых структур в виде «дерева»

Рассмотренные нами примеры предложений достаточно просты, поскольку статья носит обзорный характер, тем не менее, метод использования графов позволяет анализировать предложения любой сложности. По словам Хомского «...грамматика основанная на анализе непосредственно составляющих, ... в состоянии обращаться со вложенными предложениями. Поскольку деревья структуры предложения строятся от вершины к основанию, а не слева направо, в любой точке дерева мы снова можем ввести символ S, Обозначающий новое предложение...и работать с этим новым предложением, перейдя к другой ветке» [1, с.43].

ЛИТЕРАТУРА

1. Слобин, Д., Грин, Дж. Психоллингвистика / Под общ. ред. А.А. Лентьева., Пер. Е.И. Негневицкая – М.: Прогресс, 1976. – 350с.

2. Словарь математических терминов [Электронный ресурс].
URL: <http://www.mat-analiz.ru>

Галинская О.В.

*учитель русского языка и литературы МАОУ СОШ №14, г.
Балашиха, мкр. Железнодорожный Московской обл. (Россия)
galinskaya-shevel@mail.ru*

Обоснование использования дидактических средств творческой направленности на уроках словесности

Galinskaya Oksana Viktorovna

Balashikha, md. Zheleznodorozhny Moscow region (Russia)

Substantiation of the use of didactic means of creative orientation in literature lessons

Автор статьи обосновывает целесообразность использования авторских дидактических средств на уроках литературы, опираясь на опыт теоретиков и практиков литературы.

Ключевые слова: приемы преподавания, творчество, личностное восприятие, дидактические средства, литература.

The author proves the feasibility of using copyright didactic means in literature classes, based on the experience of practitioners and theorists of literature.

Keywords: method of teaching, creativity, personal perception.

Важным в воспитании личности ребенка является приобщение его к духовности, нравственности, морали, начиная с раннего возраста. Ведущую роль в развитии и формировании творческой личности играет именно литература. Методика преподавания литературы организует процесс познания литературы в пространстве, называемом уроком. Собственно урок является творческим продуктом, призванным развивать и воспитывать творчески направленную личность. Развитие воображения является главным условием формирования и развития творческой личности.

Для достижения поставленной цели урока преподаватель использует как традиционные, так инновационные методы и приёмы. Что касается школьного предмета «литература», хочется заметить, что перед учителем стоит сложная задача - увлечь своим предметом,

сделать его необходимым и интересным для всех учеников. Следовательно, перед преподавателем стоит проблема мотивации обучающихся на чтение, а затем и на изучение художественного произведения. Каждый учитель выбирает сам именно ту технологию, которая, по его мнению, решает задачи образовательного процесса.

Целесообразность использования средств обучения литературе доказана методически и подтверждена учителями практиками [1].

При изучении литературы главным является текст художественного произведения. Работа над текстом, над словом писателя занимает центральное место на уроке, поэтому назначение любого средства внешней наглядности – помочь ученику в более глубоком восприятии и понимании емкого словесного образа, дать представление о своеобразии личности, творческой манеры писателя [1].

Специфика литературы как учебной дисциплины определяется сущностью литературы как вида искусства. Литература, эстетически осваивая мир, выражает богатство и многообразие человеческого бытия в словесных образах. Вместе с тем, почти все художественные произведения получают свою «вторую» жизнь: на сцене, в кинематографе, в изобразительном искусстве, музыке и т.д. – то есть, художественное произведение попадает в широкий культурный контекст и может рассматриваться в многообразии связей, существующих между отдельными видами искусств. Такой путь изучения литературного произведения помогает углубить его восприятие и анализ и в результате – лучше понять емкий художественный образ. Реализовать данный подход к изучению литературного произведения и помогают средства обучения. [1].

Дидактические средства становятся ценным элементом процесса обучения в том случае, когда они используются в тесной связи с остальными компонентами этого процесса. Их подбор зависит от поставленных целей урока, методов учебной работы, возраста учащихся, а также от характерных особенностей отдельных учебных предметов [2].

Дидактические средства выполняют в процессе обучения следующие функции:

- служат непосредственному познанию учениками определенных фрагментов действительности (познавательная функция);
- являются средством развития познавательных способностей, а также чувств и воли учащихся (формирующая функция);

- представляют собой важный источник знаний и умений, приобретаемых учащимися, облегчают закрепление проработанного материала, проверку гипотез, проверку степени овладения знаниями и т. п. (дидактическая функция) [7].

Существует множество различных классификаций дидактических средств. Чаще всего используются классификации, основания которых связаны с характером воздействия этих средств, а именно визуальным, аудиальным и аудиовизуальным. В соответствии с этим критерием дидактические средства также подразделяются на визуальные (оригинальные предметы или их разнообразные эквиваленты, диаграммы, карты и т. п.), аудиальные (радио, магнитофон и т. п.) и аудиовизуальные (звуковой фильм, телевидение). Кроме того, известна классификация, основанная на своеобразно понимаемом принципе: «от простого и конкретного к сложному и абстрактному» [7].

Дидактическими средствами служат предметы, являющиеся сенсомоторными стимулами, воздействующими на органы чувств учащихся и облегчающими им непосредственное и косвенное познание мира. Они, как и методы, выполняют обучающую, воспитывающую и развивающую функции, а также выступают средством побуждения, учебно-познавательной деятельности учащихся, а также управления и контроля [2].

Дидактические средства облегчают непосредственное познание и является важным источником знаний, умений и навыков. Их используют для развития познавательных способностей, облегчения закрепления обработанного материала, проверки гипотез. Учитель при выборе дидактических средств должен учитывать их информационную, мотивационную возможность [2].

Чувственно-наглядный образ – это образ субъективный, в котором отражается лишь внешняя сторона объекта или явления. Наглядные образы обеспечивают постоянную связь мышления с изучаемым объектом или явлением, поставляя мышлению необходимый информационный материал, и выполняют при этом две основные функции:

- познавательную, обогащая процессы мышления многими деталями, утраченными в абстрактных понятиях, и помогая раскрыть внутренние свойства изучаемого объекта или явления;

- управление познавательной деятельностью человека [3].

Специфическим свойством чувственно-наглядных образов является то, что в процессе познания они непрерывно совершенствуются и обогащаются. Наглядные образы играют исключительно большую роль и на стадии абстрактного мышления. На заключительной стадии изучения явления или объекта особенно важно показать учащимся его практическое применение. Это нельзя сделать без использования средств обучения [3].

Таким образом, на стадии чувственного созерцания, на стадии абстрактного мышления и на стадии ознакомления учащихся с практическим применением изученных явлений и объектов необходимость использования средств обучения вытекает из закономерностей познавательного процесса [3].

Практика применения имеющихся средств обучения показывает, что в случае педагогически правильного применения они выполняют роль источника учебной информации [3].

Средства обучения дают возможность полнее и глубже раскрыть, доходчивее и проще изложить содержание излагаемого учителем учебного материала, способствуют формированию у учащихся положительных мотивов учения [3].

Задача педагога состоит в том, чтобы в каждом конкретном случае выбрать наиболее удачный вариант «дидактического взаимодействия». [4].

Фундаментом урока литературы всегда является концепция произведения, родившаяся в процессе литературоведческого анализа художественного текста. Конечно, толкование произведения искусства всегда носит субъективный оттенок, но всё же любая интерпретация не должна противоречить смысловому инварианту — авторской позиции, авторскому замыслу, который объективирован именно художественной формой. Анализ текста и позволяет учителю максимально приблизиться к авторскому замыслу, почти перевоплотиться в автора, посмотреть на мир с его точки зрения — и при этом у учителя, как и любого читателя, есть право с автором не согласиться. Не забудем, что оно сохранится и за нашими учениками [5].

Понимание текста произведения искусства не может быть одинаковым у всех, кто вступает с ним в общение. Глубина понимания литературного произведения у читателей, находящихся на разных уровнях литературного развития, безусловно, будет разной [5].

Исследования показывают, что на протяжении ряда последних лет в разных странах мира нетрадиционным для педагогов является построение обучения в контексте непрерывного образования, курс на создание для учащегося возможностей занимать не просто активную, но и инициативную позицию в учебном процессе, не просто «усваивать» предлагаемый учителем (программой, учебником) материал, но познавать мир, вступая с ним в активный диалог, самому искать ответы и не останавливаться на найденном как на окончательной истине. В этом ключе ведутся поиски, направленные на превращение традиционного обучения в живое, заинтересованное решение проблем [6].

Дидактические поиски в сфере построения обучения в современной педагогике отражают и одновременно служат пространством развертывания двух типов научно-педагогического сознания. Первый, сциентистско-технократический. Второй, гуманистический, реализует в сфере дидактики идеалы развития творческого потенциала человека в ходе обучения, ориентирует учащихся на самостоятельное освоение нового опыта с неочевидными результатами, развитие своих познавательных и личностных возможностей [6].

Для развития исследовательской, творческой, познавательной деятельности учителю нужно искать способы создания особой, побуждающей к творчеству обстановки учебного процесса. В последние годы группа исследователей под руководством С. Парнса предложила ряд рекомендаций по созданию творческой обстановки в ходе обучения. На сегодняшний день эти рекомендации считаются общепризнанными в мировом научно-педагогическом сообществе [6].

Хотя дидактические средства не оказывают решающего влияния на конечные результаты учебно-воспитательной работы, тем не менее, обогащая используемые методы обучения, они содействуют росту их эффективности. Правильно подобранные и умело включенные в систему используемых учителем методов и организационных форм обучения, дидактические средства облегчают реализацию принципа наглядности. Благодаря этому они не только улучшают условия непосредственного познания действительности учащимися, но и дают материал в форме впечатлений и наблюдений, на который опираются косвенное познание, мыслительная деятельность, а также различные виды практической деятельности [7].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабанский Ю. К. Избранные педагогические труды. – Москва: «Педагогика», 1989
2. Дидактика средней школы: Некоторые проблемы совр. дидактики/ Под ред. М.Н. Скаткина. — М.: Просвещение, 1982. — 319с. (253с.)<http://hum.edu-lib.net/pedagogika-psihologiya/skatkin-m-n-didaktika-sredney-shkolyi-onlayn>
3. <https://didaktica.ru/didakticheskie-sredstva>
4. Кларин М.В. Инновации в мировой педагогике: обучение на основе исследования, игры и дискуссии. (Анализ зарубежного опыта) — Рига: НПЦ «Эксперимент», 1995. – 176 с.
5. Кудина И.Ю. Современный фонд средств обучения литературе: состояние и тенденции развития. http://vio.uchim.info/Vio_31/cd_site/articles/art_4_7.htm
6. Рыжкова Т.А. Проектирование уроков литературы. М., Педагогический университет «Первое сентября», 2008.
7. Слостенин В.А. и др. Педагогика: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / В. А. Слостенин, И. Ф. Исаев, Е. Н. Шиянов; Под ред. В.А.
8. Слостенина. М.: Издательский центр "Академия", 2002. - 576 с. режим доступа: http://pedlib.ru/Books/1/0075/1_0075-335.shtml

Горяинова Е.Э.

*ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского», г. Брянск (Россия)
e-mail: fil_helena@mail.ru*

УДК 372. 882

За страницами учебника литературы: выявление культурологических связей регионального характера при изучении биографии писателя

Goryainova Helena Ernstovna

*Bryansk state University named after academician I. G. Petrovsky,
Bryansk (Russia)*

UDC 372. 882

Behind pages of the textbook on literature: the detection of the culturological relations of the regional character at the study of the writer's biography

На основе исследования связей русских литераторов XIX-XX вв. с Брянским краем в работе освещаются некоторые методические аспекты изучения биографии писателей, ориентированные на систематическое использование культурологического регионального материала в практике школьного и вузовского обучения.

Ключевые слова: регионоведение, литературное краеведение, методика изучения биографии писателя, культурологические связи

Based on a study of the connections of Russian writers of the 19th-20th centuries. with the Bryansk Territory in the work some methodical aspects of studying biographies of writers are covered, oriented to the systematic use of cultural regional material in the practice of school and university education.

Key words: regional studies, literary study of local lore, methods of studying the writer's biography, cultural links.

В современном образовательном стандарте немалое место отводится региональному компоненту. Он может реализоваться как с помощью спецкурсов и спецсеминаров по литературному и лингвистическому краеведению, так и благодаря вкраплению регионального материала в практику преподавания основных курсов рус-

ского языка и литературы. Одним из плодотворных путей изучения биографии писателя может стать установление культурологических связей жизни и творчества писателя с тем или иным регионом. Литературное краеведение поможет взглянуть на ставшую хрестоматийной личность художника слова с новой стороны, сделать его интереснее и ближе.

Как отмечает в своем исследовании О.А. Родионова, «краеведческий подход к изучению биографии писателя позволяет показать связь художника слова с тем или иным краем, его влияние на творчество, создать живой облик писателя, заинтересовать ученика его творчеством, познакомить с фактами материальной и духовной культуры родного края, его истории, что будет содействовать нравственному воспитанию школьников» [8, с.3]. Добавим к этому и формирование столь важной «скрытой теплоты патриотизма», чувства гордости за свою малую родину, неразрывными нитями связанную с историей и культурой Родины большой. Кроме того, как писал Д.С. Лихачев, «краеведение вносит в окружение человека высокую степень духовности, без которой человек не может осмысленно существовать» [3].

Тема «Земля Брянская в русской литературе» стала предметом исследования очень многих местных краеведов. Ей посвящены как целые монографии, так и отдельные статьи. Одной из первых в этом направлении стала работа Я.Д. Соколова и Р.В. Русанова «Их помнит Брянщина» [11]. Незаменимыми пособиями при установлении биографических связей русских писателей с нашим регионом являются работы Н.А. Соболева [10], В.П. Парыгина [4; 5; 6], В. Скидана [9] и многих других. Результаты краеведческих изысканий публикуются в сборниках «Парыгинские чтения» [7], некоторых брянских периодических изданиях, например, в «Брянской учительской газете». Некоторые сведения о связях русских художников слова с нашим регионом приведены в составленном нами Приложении «Брянские страницы русской классики», данном в учебном пособии для старших классов «Брянщина литературная: с XVIII века до наших дней» [1, с.346–352].

Все эти крупницы складываются в единую картину истории культуры нашего региона, которая непременно должна иметься в виду как при изучении литературы в целом, так и биографий писателей в частности.

Приведем лишь отдельные, наиболее наглядные факты брянских страниц русской классики, которые будут интересны и полезны тем, кто способен выйти за хрестоматийные рамки учебника литературы. Биографические связи известных писателей с регионом могут иметь разный характер, как очень тесный, так и эпизодический. Брянщина стала колыбелью поэзии Ф.И. Тютчева, творческим кабинетом и местом упокоения А.К. Толстого. В разное время на Брянщине по тем или иным причинам бывали знаменитые русские писатели XIX-XX вв.: И.А. Крылов, Л.Н. Толстой, И.С. Тургенев, Я. Полонский, А.А. Фет, Г. Успенский, В.В. Розанов, Л. Добычин, Д. Андреев, К.Г. Паустовский, Б.Л. Пастернак, К. Симонов, Ф. Искандер, Е. Евтушенко и другие.

Одни писатели связаны с нашим краем родовыми корнями, другие имели здесь друзей, с которыми вели переписку, в жизни третьих посещение Брянщины стало значительным эпизодом в их творческой биографии – нити, соединяющие судьбы художников слова с брянским регионом, весьма разнообразны.

Как известно, изучение творчества А.С. Пушкина и в школьном, и в вузовском курсе литературы занимает одно из центральных мест. Обучающимся будет интересно знать, что среди современников и знакомых А.С. Пушкина было немало людей, связанных с Брянским краем. Среди них стародубский помещик М.О. Судиенко, которому великий поэт адресовал свои письма, братья С.С. и И.С. Мальцовы, прототип героини «Пиковой дамы» Н.П. Голицына, карачевский помещик Н.Н. Хитрово, писатель Антоний Погорельский, его брат В.А. Перовский и другие. Значительную роль в определении поэтической судьбы А.С. Пушкина сыграл его лицейский наставник А.И. Галич, уроженец Трубчевска.

А.И. Галич (Говоров) родился в 1783 году в семье дьячка. В 1803 году он закончил Севскую духовную семинарию, получил довольно глубокое гуманитарное образование. Свое обучение он продолжил в Петербургском педагогическом институте, а затем за границей. После возвращения в 1813 году в Россию он стал читать лекции по философии в Петербургском педагогическом институте, а в 1814 году ему предложили заменить в Царскосельском лицее заболевшего профессора Н.Ф. Кошанского. В 1814-1815 гг., как раз во время учебы А.С. Пушкина, А.И. Галич преподавал в лицее русскую и латинскую словесность. По воспоминаниям лицеистов, это был исключительно добрый человек, занятия он проводил в форме бесед

с учащимися о прочитанных книгах, поощрял литературное творчество. Именно он вдохновил своего воспитанника А.С. Пушкина на написание для переводного экзамена стихотворения «Воспоминания в Царском Селе», вызвавшее восторг у Г.Р. Державина. Судьба А. Галича оказалась нелегкой. В 1837 году он был отставлен от преподавательской работы в университете, служил переводчиком, начальником архива одного из ведомств. Семейные неурядицы, бедность, запои и к тому же пожар, уничтоживший и имущество, и рукописи философа и поэта, подорвали его здоровье. Умер А.И. Галич в 1848 году в Царском Селе.

Полезным дополнением к биографии Л.Н. Толстого станут сведения о его посещении в 1885 году Дятькова. У Л.Н. Толстого, жившего в Ясной Поляне, было немало друзей. Среди них Л. Д. Урусов, исполнявший обязанности вице-губернатора г. Тулы, женатый на Марии Сергеевне Мальцевой, дочери владельца Дятьковского хрустального завода. Лев Дмитриевич часто гостил у родственников жены. Однажды, находясь в такой поездке, Урусов тяжело заболел, ему необходимо было срочно выехать на лечение в Крым. Однако сопровождать его в этой поездке было некому, и он обратился с просьбой к своему другу Л.Н. Толстому. 8 марта 1885 года Л.Н. Толстой прибыл в Дятьково. Писатель не мог остаться равнодушным к новым местам, он стремился познакомиться и с условиями труда на хрустальном заводе, и с бытом простых рабочих, и с нравами небольшого городка. Свои впечатления он передавал в письмах к жене, Софье Андреевне. Например, в одном из них сообщал: «Я... видел ужасы, на мой взгляд. Девочки 10 лет в 12 часов ночи становятся на работы и стоят до 12 дня, а потом в 4 идут в школу, где их по команде учат... Здорового лица женского и мужского увидеть трудно, а изможденных и жалких бездна...». В другом послании он пишет: «Тут куча всяких заводов и фабрик, и чугунолитейный. Мы только что весь вечер ходили по заводу, где льют чугун и делают железо. Все это поразительно. Страшная работа...» 12 марта писатель вместе с больным другом выехал в Крым. Этот небольшой эпизод в богатой биографии Л.Н. Толстого помогает представить его человеком неравнодушным, с обостренной совестью, чувствующим чужую боль.

Родственными узами связаны с нашим краем многие известные писатели. Среди них Н.С. Лесков и М.А. Булгаков.

Николай Семенович Лесков, интересовавшийся своей родословной, в одном из документов сообщает о своей семье следующее: «По происхождению я принадлежу к потомственному дворянству Орловской губернии, но дворянство наше, молодое и незначительное, приобретено моим отцом по чину коллежского асессора. Род наш собственно происходит из духовенства, и тут за ним есть своего рода почетная линия. Мой дед, священник Дмитрий Лесков, и его отец, дед и прадед, все были священниками в селе Лесках, которое находится в Карачевском или Трубчевском уезде Орловской губернии. От этого села «Лески» и вышла наша родовая фамилия – Лесковы... Полагаю, что Лески было село бедное, потому что во всех воспоминаниях тетки о детстве и детстве моего отца главным образом всегда упоминалось о бедности и честности деда моего, священника Дмитрия Лескова» [2, с.5]. В настоящее время село Лески находится на территории Навлинского района Брянской области.

Родовые корни связывают с Брянским краем Михаила Афанасьевича Булгакова. Дед писателя со стороны отца, Иван Абрамович Булгаков, в 1859 году был назначен после окончания Орловской семинарии священником в село Байтичи, что в 45 верстах от уездного города Брянска и в 170 от губернского города Орла, затем в селе Подольяны Орловского уезда и Сергеевской кладбищенской церкви в Орле. Его жена Олимпиада Ферапонтовна была дочерью печатника из Брянска. Она стала потом крестной матерью будущего писателя Михаила Булгакова. В Байтичах родился и вырос отец писателя, Афанасий Булгаков, так же окончивший Орловскую духовную семинарию, позже ставший профессором в Киевской духовной академии. В настоящее время село Байтичи находится на территории Жиртинского района.

Семья матери Михаила Афанасьевича была родом из Карачева. Второй дед писателя, Михаил Васильевич Покровский (в честь него и был назван знаменитый внук), служил по окончании Орловской семинарии в Вознесенской кладбищенской церкви, а затем в Казанском соборе Карачева, где получил чин протоиерея. Бабушка Михаила Афанасьевича, Анфиса Ивановна Турбина, была из старинного карачевского купеческого рода. Мать писателя, Варвара Михайловна Покровская, родилась в Карачеве в 1869 году, училась в Орле. До замужества была учительницей в Карачевской женской прогимназии. 1 июля 1890 года в Карачеве состоялась свадьба А.И. Булга-

кова и В.И. Покровской. Вся их дальнейшая жизнь прошла в Киеве, где 3 мая 1891 года у них родился сын Михаил.

Некоторые эпизоды личной и творческой судьбы А.Т. Твардовского связаны с Брянским краем. Он бывал здесь в конце 20-х – начале 30-х годов и по заданию Смоленской писательской организации (ЗОАПП), проводя работу с местными авторами, и в качестве политработника во время различных кампаний, и в творческих командировках. Интересно отметить, что самое первое крупное путешествие тогда еще начинающего поэта А.Т. Твардовского имело своей первой остановкой наш родной город. В 1928 году, отправившись в командировку с целью изучения жизни и быта своей страны по маршруту Смоленск – Брянск – Орел – Курск – Харьков – Симферополь – Севастополь, но не имея достаточных средств, поэт вместе со своим другом С. Фиксиным делал в каждом городе остановки с целью заработка. По инициативе приятеля Твардовский устроился вместе с ним временно работать на Брянскую нефтебазу, где они должны были перекачивать нефть и керосин из вагонов-цистерн в огромные резервуары. Жить же им пришлось в караульном помещении вместе с охраной. Всего десять суток пробыли два друга в Брянске, но эти дни помогли им уверовать в неодолимую силу труда, и дальнейший путь уже не казался им слишком рискованным и неясным.

Неоднократно бывал на Брянщине замечательный русский писатель К.Г. Паустовский. Воспоминания его о наших местах окрашены теплыми чувствами. Здесь, в брянских лесах зародилась у него огромная привязанность к среднерусской природе. Еще ребенком приезжал Константин Георгиевич на лето в гости к своему дяде по линии матери – Николаю Григорьевичу Высочанскому, инженеру брянского завода «Арсенал». Недалеко от станции Синезерки, в селе Ревны (ныне Навлинского района) дядя снимал дачу, куда на лето съезжались многие родственники. Именно с этими местами связано первое в жизни самостоятельное путешествие, которое состоялось в 1902 году, когда будущему писателю было всего десять лет. Он впервые, без сопровождения родителей, приехал на поезде из Киева в Синезерки. Об этом эпизоде и других, связанных с посещением Брянщины, К. Паустовский поведал в своей автобиографической книге «Далекие годы». Прочитав главы «Брянские леса», «Липовый цвет», «Крушение», «Артиллеристы», «Великий трагик Кин», «Один на большой дороге», «Воробьиная ночь», «Маленькая порция

яда», можно живо представить себе и время – начало XX века, и место – Брянск, и быт и нравы нашего города, и, конечно, обстоятельства, влиявшие на формирование личности будущего писателя.

В Брянске на Покровской горе, напротив Покровского собора стоит двухэтажный дом, в котором жила семья дяди Паустовского. Отсюда далеко видна пойма Десны, далекие, смыкающиеся с голубизной неба леса. Рядом, внизу, завод «Арсенал». Сюда-то в 1909 году после распада семьи из-за развода родителей и приехал на шестнадцатом году жизни юный Константин. Он пробыл в Брянске почти год, учился в местной гимназии. Жизнь Паустовского у дяди была наполнена светом добрых отношений, радостью общения с порядочными людьми. Замечательным событием в его брянской биографии было и то, что здесь он пристрастился к литературе и начал писать стихи.

Таковы лишь некоторые факты, позволяющие установить культурологические связи региональных эпизодов с общей биографией известных писателей. Преподаватель-словесник должен иметь в своем арсенале различные краеведческие сведения, которые, несомненно, влияют на эмоциональное восприятие творчества тех или иных авторов, помогают приблизить их личность к читателю. Систематическое обращение к элементам краеведения при изучении жизненного и творческого пути художника слова способствует более глубокому пониманию личности, мировоззрения, творчества писателя, вызывает в душах молодых людей ощущение причастности их региона к большой истории и культуре страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брянщина литературная: с XVIII века до наших дней. Учебное пособие для старших классов общеобразовательных учреждений / Под общей ред. А.В. Шаравина. Брянск: Курсив, 2008. 352 с.
2. Лесков Н.С. Автобиографическая заметка // Собр. соч. в 11 т. М.: ГИХЛ, 1958. Т.11, 851 с..
3. Лихачев Д.С. Краеведение как наука и как деятельность [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://likhachev.lfond.spb.ru/>.
4. Парыгин В.П. Из глубины веков. Брянск: Придесенье, 1993. 207 с.
5. Парыгин В.П. Из противоречий сотканный талант. Брянск: Придесенье, 1993. 375 с.

6. Парыгин В.П. Реабилитирован посмертно (1920-1930 гг.). Брянск: Придесенье, 1994. 430 с.

7. Парыгинские чтения. Материалы литературно-краеведческих конференций. Брянск, 2001-2009.

8. Родионова О.А. Изучение биографии писателей в 5 – 11 классах с привлечением краеведческого материала. Автореферат дис.... канд. филолог. н. Оренбург, 2006. 28 с..

9. Скидан В. Брянская тропинка в Пушкину. Брянск: Дебрянск, 1991. 110 с.

10. Соболев Н.А. Земля Брянская в русской литературе: Учебно-методическое пособие для учителей-словесников. Тула: Приок. кн. изд-во, 1987. 90 с.

11. Соколов Я.Д., Русанов Р.В. Их помнит Брянщина (о пребывании знатных людей на Брянщине) // Блокнот агитатора. 1987. №5-8. 126 с.

Печёнкина О.Ю.

*ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского», г. Брянск (Россия)
e-mail: olya_bryansk@mail.ru*

УДК 81 '373 '

Термины лингвокультурологии на элективных занятиях по русскому языку

Pechenkina Olga Yurjevna

*Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky,
Bryansk (Russia)*

УДК 81 '373 '

The terms of cultural linguistics studied in the elective classes of russian language.

Работа на основе анализа фольклорных текстов (поговорок и пословиц) освещает современные методические аспекты, ориентированные на систематическое использование лингвокультурологических терминов на факультативных занятиях по русскому языку.

The work based on the analysis of the folklore texts (proverbs and proverbial phrases) shows us the modern methodical aspects, focused on the regular using of the terms of cultural linguistics in the elective classes of Russian language.

Ключевые слова: концепт, понятие, лингвокультурология, картина мира, языковая картина мира, фольклор.

Keywords: concept, conception, cultural linguistics, picture of the world, language picture of the world, folklore.

Элективные занятия, которые проводятся во внеурочное время, представляют собой такую форму, которая направлена на расширение, углубление и коррекцию знаний учащихся по учебным предметам в соответствии с их потребностями, запросами, способностями и склонностями, а также на активизацию их познавательной деятельности. Наличие подобного рода занятий позволяет педагогу уделить больше внимания тем вопросам, которые не раскрываются на плановых уроках. Такие занятия помогают не только углубить знания учеников по изучаемым предметам, но и расширить их кругозор, вызвать интерес к языку, культуре русского народа, познакомиться с такими аспектами, которые не входят в общую программу средней школы. Заинтересовать учащихся можно с помощью различных средств: 1) организации проблемной ситуации; 2) индивидуального подхода в выборе информации, получении знаний; 3) сообщения необычных сведений из области лингвистики; 4) использования межпредметных связей; 5) обращения к научным источникам. На наш взгляд, важным является учет межпредметных связей. На занятиях по русскому языку это связь языка с литературой, историей, культурой народа. Поэтому обращение к понятиям лингвокультурологии на элективных курсах таким, как концепт, картина мира, менталитет, языковая картина мира, которые помогают понять ученикам, каким образом культура народа отражается в его языке, очень актуально.

На наш взгляд, целесообразно начинать такие занятия с объяснения новых терминов. Понятие лингвокультурология является одним из основных, так как оно помогает раскрыть связь лингвистики и культурологии. Главная задача этой дисциплины состоит в изучении и описании взаимоотношений языка и культуры, языка и этноса, языка и народного менталитета. Важно определить задачи данной дисциплины: 1) изучение взаимосвязи и взаимодействия языка и культуры; 2) анализ языкового и внеязыкового содержания единиц.

Ученики должны осознать то, что каждый индивид, каждый участник коммуникации является субъектом языка и культуры. Они должны понимать, что система представлений об окружающей дей-

ствительности складывается на протяжении всей жизнедеятельности человека и обязательно закрепляется в слове, которое является основным репрезентантом того или иного концепта. В лингвокультурологии концепт – это ментальное образование, которое характеризуется внутренней семантической расчлененностью, этнокультурной особенностью и языковой закреплённостью. Учащиеся знакомятся с этим термином, на основе которого раскрываются основные взаимосвязи изучаемых процессов. Преподаватель, поясняя его содержание, может показать ученикам, как в концепте отражается менталитет того или иного народа. Для этого необходимо объяснить то, что, когда концепт приобретает вербальное выражение, языковые средства, использованные для его реализации, выступают как способ его объективизации. Языковой знак представляет концепт в речи, но не раскрывает его полностью. Для полной характеристики концепта необходим анализ всех его репрезентантов, так как он образуется в результате освоения человеком мира, в нем отражается национальная духовная деятельность народа, фрагмент действительности. Формируется он в человеческом сознании на разных основах: 1) из чувственного опыта восприятия мира; 2) из деятельности человека, связанной с манипуляциями с различными предметами; 3) из переосмысления уже существующих концептов; 4) из языкового общения; 5) из самостоятельного переосмысления языковых единиц и значений [3, с. 45]. Из этого следует, что образы, составляющие основу концепта, во многом индивидуальны, ведь складываются они в первую очередь из личного опыта субъекта, но также в концептосфере каждого отдельного народа выделяются, во-первых, концепты, которые имеют национальную специфику, они характеризуются ментальной уникальностью, поэтому их трудно или даже невозможно передать при помощи другого языка; во-вторых, такие единицы, которые есть в других языках, но в русском они обладают этническими особенностями. Обнаружение и характеристика таких концептов очень важны для понимания поведения и мыслей народа.

Учитель должен показать ученикам, чем отличаются такие термины, как концепт, понятие и слово. Так слово представляется как основная номинативная единица, которая служит для именованя предметов, их качеств и характеристик, их взаимодействий, а также именованя мнимых и отвлечённых понятий, создаваемых человеческим воображением. Ученики знают, что лексическое значение закрепляется в словарях и отражает основные представления носи-

телей языка о данном предмете или явлении. Большинство концептов имеют вербальное обозначение – слово, выступающее основным репрезентантом концепта, значение которого определяется семантикой слова, но не исчерпывается ею. Сравнивая «концепт» и «понятие», учитель должен объяснить то, что оба термина демонстрируют особенности мышления, но при этом первый непосредственно является элементом культуры. Главным в концепте принято считать «культурный компонент», хранящий и передающий особенности национального мировосприятия. Структура концепта сложнее, чем у понятия, потому что, во-первых, она включает понятие (содержание – те признаки предмета, которые отражаются в понятии; объем – класс предметов, которые подходят под данное содержание), во-вторых, в неё входит все то, что относит концепт к фактам культуры (этимология; история, сокращенная до основных признаков; современные ассоциации и пр.). Для того, чтобы ученики смогли понять, в чём заключается сущность концепта, им необходимо объяснить это на простом примере, показав, что нового они для себя могут открыть, анализируя культурные понятия: 1) концепт связан с историей, в нем отражается процесс познания человеком окружающего мира; 2) он имеет уникальную структуру, в которой представлена «преemptивность» и взаимосвязь с другими концептами; 3) концепт – это антропологическое явление, он помогает познать человека и то, как он смотрит на мир.

Таким образом, исходя из всего вышесказанного, можно предложить ученикам самим дать определение концепта, выделив его основные признаки: 1) содержательная единица коллективного сознания; 2) отражает предмет реального или идеального мира; 3) хранится в национальной памяти носителей языка в вербально обозначенном виде; 4) служит для передачи информации об окружающем мире.

Разобрав самостоятельно один из концептов, ученики смогут лучше понять, в чём заключается его особенность. Например, концепт Правда в обществе определяет модели поведения людей в разных ситуациях, человек очень часто делает выбор – «правда/ложь», причем это проявляется на разных уровнях. Ученикам нужно самостоятельно подобрать примеры, с которыми они будут работать на занятии: *Не ищи правды в других, коли ее в тебе нет; Пред бога с правдой, а пред судьбу с деньгам.* Основными репрезентантами данного концепта являются лексемы правда и истина, но в языковой картине мира они различаются, поле концепта Правда соотносится с

миром индивидуальным, субъективным, а поле концепта Истина с миром объективной реальности.

Работая с этимологическими словарями, ученики смогут увидеть связь языка и истории народа, его культуры. Они узнают, что русские слова *истина* и *правда* изначально имеют различное понятийное содержание: слово *правда* этимологически связанное с корнем *prav-*, древнерусск. *правь* - "прямой", "правильный", "невиновный", исходно выступает в таких значениях, как "обет", "обещание", "присяга", "заповедь", "правило", "договор", "закон". *Истина* образовано от местоимений *is-toi*, таким образом, этимологически соотносится с лат. *iste*- "этот, тот", болг. *ист-* "тот же самый"; *истина* сближается с глаголом *есть*, выступая как соответствующий субстантив – *естина* [5, с. 352]. Интерес вызывает тот факт, что в слове *правда* определяющей является речевая направленность; смысловый тип концепта *правда* - это *речь, обращенная к другому: Хлеб-соль кушай, а правду слушай; Доброе дело – правду говорить смело*. Именно поэтому в русском языковом сознании Правда реализуется с помощью лексемы *речь: Не прикажите казнить, прикажите речь говорить(правду говорить)*. Интерес вызывает и то, что исследователи отмечают, что **правь*, может происходить от **pro-*, родственного лат. *probus-* "добрый, честный, порядочный", и древнеинд. *prabhus-* "выдающийся (по силе и изобилию), превосходящий"; указывается также на связь **правъс* лат. *provincia*, первоначально "власть, полномочие", **probinguos-* "облеченный властью, имеющий право" [4, 5]. *Суд правый кривого дела не выправит (а кривой суд правое скривит)*. Для русского человека правда – это, то что нельзя опровергнуть: « Истина на деле, истина во образе, во благе; правосудие, справедливость...» [2, с. 379]. В.И. Даль трактует данное значение через синоним истина, доказывая, что правда связана с истиной, но если истина воспринимается, как нечто неизменное, неизблемое, догмат, который имеет божественную сущность, то правда – это некая реализация истины на земле, то есть она непосредственно связана с человеком и поэтому может иметь некоторые изменения. При этом правда не исключает истины: *Правда – свет разума; Свет плоти – солнце, свет духа – истина*. Согласно русскому менталитету, основу которого составляет христианское мировоззрение, жить по правде – это значит жить, не нарушая божьих законов, то есть высшей истины. Ядерным компонентом концепта Правда является «безгрешность»: *В правде бог помогает, в неправде карает; Бог*

тому даст, кто правдой живет; Кто правды ищет, тот бога сыщет. Пословицы и поговорки, в которых реализуется данный концепт, ориентируют человека на праведную жизнь: *Неправедное – как пришло так и ушло; а праведная денежка век кормит; Неправедное богатство прахом пойдет; Кто правду хранит, того бог наградит.*

Анализ пословиц и поговорок позволяет представить концептуальную модель: Бог - высший уровень - сама Истина; Его слово, обращенное к людям, - Правда; Божьи законы, которые реализуются в человеческих законах (поэтому главные законы назывались в русской истории словом правда: Русская правда; Правда Ярославлева); судьи – люди, знающие правду и наделенные властью судить других; низший уровень - люди, не причастные к Истине, но знающие правду и поэтому способные выбрать праведный или неправедный путь. В результате анализа фольклорных текстов ученики приходят к выводу, что русские люди не верят в справедливый человеческий суд, а все надежды возлагают на высший суд: *Судья суди, да и за судьей гляди! Порешил суд, так будешь худ; Тяжба – петля; суд – виселица.* Суд должен выступать как гарант правды, но чаще он предстает в противоположном значении: *Где суд, там и неправда; В суд пойдешь – правды не найдешь; Неправдою суд стоит.* Судья не «хранитель правды, которому дано право судить человека за нарушение правды», а «тот, кто сам постоянно отступает от истины и нарушает закон»: *Не бойся суда, бойся судьи; Судье полезно, что в карман полезло.* Поэтому Бог – справедливый судья, противопоставляется судье – человеку: *Бог любит праведника, а судья (черт) ябедника. Суд людей, не божий. Бог на правду призрит.* В пословицах делается акцент на то, что судью можно подкупить, но также говорится и о том, что дороже правды ничего нет, что не всякая правда продается, что не всякий суд может судить правду: *Деньги смогут много, а правда все; Правда суда не боится. Правда бессудна.* Примеров, в которых судья представлен как «хранитель истины» мало: *Где добрые судьи поведутся, там и ябедники переведутся;* поэтому особый интерес вызвала пословица, в которой судья выступает как «равный Богу»: *Праведный судия одесную спасителя стоит.* Ученики, работая с пословицами, отметят большое количество примеров, в которых правда выступает как «истина», которую не способен повлиять человек: *Как ни хорони концов, а бог найдет; Правда тяжелее золота, а на воде всплывет; Правда сама себя*

очистит. Следует показать ученикам то, что происходит «пересечение» концептов Правда и Истина. Об истине говорят в религиозном дискурсе, ее называют божественной, святой, небесной и священной. Истину нельзя познать разумом, ее можно только принять. Когда речь идет о человечестве, его идеалах и конечных целях, тоже говорят об истине. Правда же - это проекция Божественного мира на жизнь и речевую деятельность людей, «это отраженная истина, истина в зеркале жизни, преломившаяся в бесчисленных его гранях» [1, с. 26].

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Истина: фон и коннотации // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х томах. М., 1982, т.3.
3. Попова З.Д, Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2001.
- 4.Иванов В.В., Топоров В.Н. О языке древнего славянского права // Докл. на XII Междунар. съезде славистов. Славянское языкознание. М., 1978.
5. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 3, М., 1971.

Пустовойтов В.Н.

*ФГБОУ ВО "Брянский государственный университет им. акад.
И.Г. Петровского", г. Брянск (Россия)
e-mail: vnpnov@gmail.com*

УДК 37.01 : 37.06 : 372.8 : 061: 37.014.53 : 81.25

Поликультурное образовательное пространство и языковая интерференция: сущность сопряжения

Viktor N. Pustovoytov

*Bryansk state University named after academician I. G. Petrovsky,
Bryansk (Russia)*

UDC 37.01 : 37.06 : 372.8 : 061: 37.014.53 : 81.25

Multicultural educational space and language interference: the essence of conjugation

В статье сделана попытка анализа методологических проблем взаимосвязи языковой интерференции и поликультурного образовательного пространства (на примере России как многонационального государства, включенного в мировые процессы глобализации). Показано, что поликультурное образовательное пространство как социально-педагогико-культурный феномен, благодаря своим характеристикам, реализует культурно-образовательные, коммуникативные и социально-адаптивные функции. Рассмотрено понимание интерференции. Выявлено положительное и возможное негативное влияние языковой интерференции на образовательную среду.

Ключевые слова: поликультурность, поликультурное образовательное пространство, социокультурная среда, информационное образовательное пространство, языковая интерференция, методика обучения русскому языку.

The article attempts to analyze the methodological problems of language interference in the multicultural educational space (on the example of Russia as a multinational state, included in the global processes of globalization). It is shown that the multicultural educational space as a socio-pedagogical-cultural phenomenon, due to its characteristics, realizes the cultural-educational, communicative and socio-adaptive functions. The understanding of interference is considered. The positive and possible negative influence of language interference on the educational environment is revealed.

Keywords: multiculturalism, multicultural educational space, sociocultural environment, information educational space, language interference, methods of teaching russians.

Современный мир отличает противоречивость, смена ценностей, прагматизм практически во всех сферах жизни человека. Ключевыми характеристиками современного мира является глобализация и поликультурность, проявляющиеся, в том числе, в языковой интерференции. Учитывая определяющее значение поликультурности в современном образовании, возникает необходимость методологического осмысления проблематики проявления языковой интерференции в поликультурном образовательном пространстве.

Педагогическая категория "образовательное пространство" получила обоснование, осмысление и развитие сравнительно недавно в трудах Е.В. Бондаревской, В.П. Борисенкова, Дж. Бэнкс, О.В. Гукаленко, Р. Люсиер, Я. Пэй и других исследователей.

Анализ научных источников показывает, что образовательное пространство представляет собой многоаспектный феномен и понимается как:

- особая реальность, сам мир, социум, культура, где человек может занимать различные места и играть различные роли [3, с. 19-22], это "семиотические подпространства" во всем их многообразии;
- исторически предопределенное, взаимосвязанное объединение сфер общественной жизни и деятельности человека – культуры и образования;
- единство территориально обособленных институтов культуры и образования;
- единство реального и цифрового информационного пространства;
- внутренний мир, опыт индивидуальности, как отражение усвоенной культуры.

В общем случае, под образовательным пространством понимается среда, ограниченная временем и территориально, включающая в себя агентов, социальные институты и контент, связанные прямо или опосредованно со сферами обучения и воспитания человека. Сегодня большую роль в обществе играет всемирное информационное пространство, ставшее, по сути, для современных подростков и молодежи виртуальным миром жизни (см. [10; 11]).

Современное образовательное пространство многолико и интеркультурно. Его особенности – противоречивость, высокий уровень вариативности, потенциал. Образовательное пространство, по сути, не имеет границ. Свободный доступ к ценностям культуры, высокие потенциальные возможности коммуникации делают практически любое образовательное пространство мульти- и поликультурным.

Мы разделяем точку зрения В. П. Борисенкова, подчеркивающего, что поликультурность представляет собой качественную характеристику современного мира [3, с. 6], где образование и культура неотделимы. Сегодня, де-факто, в едином пространственно-временном континууме сосуществует множество культур, ценностей, образцов отношений. О. В. Гукаленко отмечает: поликультурное образовательное пространство – это не только "...учреждения, специально созданные и предназначенные для воспитания и образования подрастающего поколения..., но и ..., все то, что обуславливает глубокие изменения в многокультурном обществе" [5, с. 3].

Поликультурность выступает важнейшей ключевой характеристикой образовательного пространства современного российского общества, которое выстраивается как на основе укрепления и углубления связей региональных образовательных систем, так и на основе международной консолидации и интеграции образования и культуры. Обеспечивая необходимые условия для культурного становления и подготовки молодого поколения в условиях поликультурной среды, образовательное пространство Российской Федерации опирается на законодательство. Конституция Российской Федерации, Федеральный закон "Об образовании в Российской Федерации", Национальная доктрина образования в России, Федеральные государственные образовательные стандарты – эти и другие документы, определяя государственную политику в сфере образования, создают законодательную базу и определяют механизмы поликультурного образования молодежи, формирования поликультурной среды на территории Российской Федерации при сохранении национальных традиций, национально-культурной идентификации граждан России.

Включая в себя цифровые ресурсы и средства информационно-коммуникационных технологий, образовательное пространство, потенциально способно к консолидации мирового общества и развитию национальных культур, нивелированию возможностей различных социальных групп и предоставлению широких возможностей для индивидуального развития каждого члена общества, созданию условий и возможностей для саморазвития, самоактуализации и самореализации как старшего поколения, так и молодежи. Основу существования и развития образовательного пространства составляет диалог, общение, коммуникация, язык.

Образовательное пространство неотделимо от общества, вбирает и транслирует в себя все процессы, происходящие в нем. Глобализация и поликультурность современного общества приносят в образовательное пространство феномен языковой интерференции.

Категория "интерференция" (от лат. *inter* - взаимно, между собой, *ferens* (*ferentis*) - несущий или *ferio* - ударяю, поражаю) используется во многих научных дисциплинах: физике, биологии, химии, психологии и др. Сущностью категории является взаимодействие, влияние, наложение. При этом при употреблении категории рассматривается как интеграционно-объединяющее влияние явлений, процессов, фактов (интерференция как "явление взаимодействия

звуковых, световых или иных волн, исходящих из разных источников" [14]), так и влияние с оттенком нейтральности и негативности, искажения (интерференция – это: "взаимодействие двух или более волн, например, звуковых или световых, в результате чего создаются помехи" [6], "взаимоподавление одновременно осуществляющихся процессов, прежде всего относящихся к познавательной сфере, обусловленное ограниченным объемом распределяемого внимания" [8], "ухудшение сохранения запоминаемого материала в результате воздействия (наложения) другого материала, с которым оперирует субъект" [1]).

В лингвистике интерференция рассматривается как результат влияния языков друг на друга, их контакта, проявляющегося в устной и письменной речи. Контакт языков рассматривается в аспектах как положительного, так и нейтрально-негативного влияния. Интерференция – это:

- "лингвистическое частичное совпадение (overlap), при котором языковая единица оказывается элементом двух систем одновременно, или как наложение двух языковых систем" [15, с. 69-70];

- "случаи отклонения от норм каждого языка, происходящие в речи билингвов в результате их знакомства с более чем одним языком" [16, с. 1-7];

- "нарушение билингвом правил соотнесения контактирующих языков, которое проявляется в его речи в отклонении от нормы" [12, с. 28];

- "взаимодействие языковых систем в условиях двуязычия, складывающегося либо при контактах языков, либо при индивидуальном освоении неродного языка; выражается в отклонении от нормы и системы второго языка под влиянием родного..." [2, с. 197];

- : "тормозящее взаимодействие навыков, при котором уже сложившиеся навыки затрудняют образование новых, либо снижают их эффективность" [13, с. 461].

Языковая интерференция рассматривается как "явление интерференции в языковой системе".

Интерференцию можно анализировать и по отношению к некоторому индивиду, который попеременно пользуется одним или другим языком (несколькими языками), и по отношению к группе индивидов, обществу в целом.

В.М. Панькин, А.В. Филиппов выделяют следующие виды интерференции: "лексическая, морфологическая, синтаксическая, сло-

вообразовательная, акцентологическая, фонетическая, интонационная, словопорядковая интерференции и частные случаи их" [7]. Существуют и другие подходы в классификации интерференции: звуковая (фонетическая, фонологическая и звуковая-репродукционная) интерференция, орфографическая, грамматическая (морфологическая, синтаксическая и пунктуационная), лексическая, семантическая, стилистическая, внутриязыковая интерференция.

Явление интерференции обусловлено контактом языков, т.е. речевым общением субъектов-носителей различных культур: "...интерференция является функцией двух языковых систем, ее качество и количество в каждом конкретном случае зависит от субстанциональных свойств языков находящихся в контакте" [4, с. 105]. Таким образом, в основе интерференции изначально лежит межъязычие, межкультурность и поликультурность.

Вместе с тем, как свидетельствует практика (в том числе – материалы данного Форума) языковая интерференция сегодня преимущественно изучается с филологической точки зрения; психолого-педагогические аспекты остаются малоизученными.

В первом осмыслении видится, по крайней мере, две значимые проблемы сопряжения поликультурного образовательного пространства России и языковой интерференции:

– формирование гражданско-патриотических качеств личности. Учет проблем и особенностей языковой интерференции имеет важное значение в формировании гражданской идентичности молодежи, формировании чувств патриотизма и интернационализма подрастающего поколения (см., например: [9]). Через язык, общение в целом, молодежь усваивает нормы иноязычных культур; происходит перенос (и, соответственно, усвоение молодежью) лексики и языковых особенностей иностранных языков в русский язык; идет процесс латентной пассивной аккультурации. Тем самым, с одной стороны, создаются условия для упрочения взаимопонимания и формирования толерантности ("говорим на одном языке"), создаются условия для становления индивидуальности, способной и готовой к жизни в поликультурном обществе будущего, а с другой – эти же факторы несут на себе и отрицательную функцию: создаются условия для возможного постепенного вытеснения норм русского языка, его частичной подмены "языковыми суррогатами" (что повсеместно наблюдается сегодня в молодежной среде), вызывающими "загряз-

нение" языка, потерю его историко-культурного своеобразия и чистоты;

– формирование коммуникативной культуры и коммуникативных универсальных учебных действий. Формирование коммуникативных универсальных учебных действий – требование Федеральных государственных образовательных стандартов. В этом аспекте языковая интерференция может сыграть положительную роль. Через целенаправленное включение в учебный материал диалектный слов, языковых заимствований и др. учитель имеет возможность разнообразить процесс обучения, "осовременить" учебный материал, удовлетворять интерес учащихся к иноязычным культурам, формировать требуемые умения и навыки.

Таким образом, в условиях глобализации и решения проблемы сохранения национально-культурных особенностей, видится, что языковая интерференция сопряжена с поликультурным образовательным пространством, способна играть в образовательном процессе и положительную, и отрицательную роли.

Подводя итог сказанному, отметим: языковая интерференция – порождение современного мира, отличающегося поликультурностью и глобализацией. В образовательном пространстве России интерференция языка только получает свое осмысление. Она играет как положительную роль, так и создает условия для возможного вытеснения норм русского языка. Де-факто, сегодня назрела необходимость изучения проблематики с позиции педагогики, методологии и методики филологического образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большая психологическая энциклопедия / Ред. Н. Дубенюк. – М.: Эксмо, 2007. – 544 с.
2. Большой энциклопедический словарь. Языковедение / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Науч. Изд-во "Большая Российская энциклопедия", 1998.
3. Борисенков, В.П. Поликультурное образовательное пространство России : история, теория, основы проектирования : Монография / В. П. Борисенков, О. В. Гукаленко, А. Я. Данилюк. – М.-Ростов н/Д : Изд-во РГПУ, 2004. – 576 с.
4. Верещагин, Е.М. Понятие "интерференция" в лингвистической и психолингвистической литературе / Е.М. Верещагин // Иностранные языки в высшей школе. – 1968. – № 4. –С. 103-110.

5. Гукаленко, О.В. Социокультурная политика современной России: региональный аспект // Социальная педагогика в России. – М.: Издательство "Современное образование". – 2013. – №3. – С.3-14.
6. Научно-технический энциклопедический словарь. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://enc-dic.com/sciencetech/> (Дата обращения: 10.04.2018).
7. Панькин, В.М. Языковые контакты: краткий словарь / В.М. Панькин, А.В. Филиппов. – М.: Флинта; Наука, 2011. – 160 с.
8. Психологический словарь. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://psi.webzone.ru/> (Дата обращения: 25.04.2018).
9. Пустовойтов В.Н. Поликультурное воспитательное пространство вуза как среда формирования гражданственности и патриотизма / Борисенков В.П., Гукаленко О.В., Пустовойтов В.Н. // Педагогика. – 2018. – №2. – С. 44-51.
10. Пустовойтов, В.Н. Методологические основы формирования познавательной компетентности старшеклассников в процессе обучения математике : Монография. – Брянск: ООО "Ладомир", 2013. – 268 с.
11. Пустовойтов, В.Н. Школьный курс математики как поликультурное образовательное пространство формирования познавательной компетентности учащихся // European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук). – Рига-Москва, 2013. – №6(34). – С.250-257.
12. Розенцвейг, В.Ю. Языковые контакты: лингвистическая проблематика / В.Ю. Розенцвейг. – Л.: Наука, 1972. – 80 с.
13. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии. – СПб.: Изд. "Питер", 2000. – 712 с.
14. Толковый словарь Ушакова. Д.Н. Ушаков. 1935-1940. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://ushakov-online.ru/> (Дата обращения: 28.04.2018).
15. Хауген, Э. Языковой контакт / Э. Хауген // Новое в лингвистике. – 1972. – №6. – С. 61-80.
16. Weinreich, U. Languages in Contact: Findings and Problems / U. Weinreich. – Paris-N.York, 1953. – 150 s.

Свириденко О.И.

*Белорусский государственный педагогический университет
имени Максима Танка, г. Минск (Беларусь)
olgasv246@tut.by*

УДК 373.31

**Организация работы с фразеологизмами как способ
формирования лингвокультурологической компетенции
учащихся-билингвов**

Sviridenko Olga Ivanovna

*Belarusian state pedagogical university named after Maxim Tank,
Minsk (Belarus)*

UDC 373.31

**Organization of work with phrasemes as a method for forming
linguocultural competence of students-bilingues**

В статье описываются приёмы работы с фразеологизмами, направленные на формирование лингвокультурологической компетенции учащихся начальных классов в условиях русско-белорусского билингвизма. Предлагаются упражнения и дидактические игры с фразеологизмами для использования на уроках белорусского языка в начальных классах.

Ключевые слова:
лингвокультурологическая компетенция, учащийся-билингв, фразеологизмы, упражнение, дидактическая игра.

The article describes the methods of working with phrasemes aimed at forming the linguocultural competence of primary school pupils in conditions of Russian-Belarusian bilingualism. The exercises and didactic games with phrasemes for use in the lessons of the Belarusian language in primary classes are suggested.

Keywords: linguocultural competence, bilingual pupil, phrasem, an exercise, didactic game.

В соответствии с идеей реализации компетентного подхода в общем среднем образовании одним из социальных требований к языковому образованию учащихся становится формирование лингвокультурологической компетенции, которая тесно связана с коммуникативной компетенцией и характеризует речевое поведение человека. Лингвокультурологическая компетенция учащихся-

билингвов включает осознание каждого из двух государственных языков как национальной ценности, усвоение культурно маркированных единиц белорусского и русского языков, овладение правилами речевого этикета [6]. Её формирование невозможно без обращения к фразеологизмам.

Культурологическое значение фразеологических единиц складывается из трёх компонентов: а) фраземы отражают культуру комплексно: что такое добро и зло, что принято и что не принято в определённом обществе; б) они отражают культуру своим составом: целый ряд фразеологизмов любого языка имеет в своём составе названия предметов материальной культуры; в) фраземы отражают национальную культуру теми фактами и явлениями, на основе которых они возникли [1]. Исследованию происхождения устойчивых словосочетаний и их связи с народной духовной культурой посвящены работы Н. И. Толстого, В. М. Мокиенко, Ю. А. Гвоздарёва, А. С. Аксамитова, И. Я. Лепешева, Ф. М. Янковского, В. И. Коваля и других лингвистов. Исследования названных авторов свидетельствуют о том, что связь языка с “внеязыковой действительностью” особенно ярко проявляется во фразеологизмах, многие из которых исторически связаны с древними поверьями и представлениями. Вопросы обогащения речи учащихся II ступени общего среднего образования белорусскими фразеологизмами достаточно полно освещены в работах Л.Н. Гамезо, Н.А. Даниловича, И.Я. Лепешева, О.А. Лещинской и других учёных-лингвистов и методистов. Однако специальных исследований по формированию лингвокультурологической компетенции учащихся I ступени общего среднего образования в процессе знакомства с белорусской фразеологией не проводилось. Во многом это объясняется тем, что фразеологизмы не являются объектом специального изучения на уроках белорусского языка в начальных классах. Вместе с тем, многие темы школьного курса белорусского языка во 2 – 4 классах дают возможность учащимся понаблюдать за использованием фразеологических единиц в речи, приобрести лингво- и этнокультурологическую информацию, усвоить этикетные слова и выражения. Кроме того, в учебниках по белорусскому языку и литературному чтению для 2 – 4 классов встречается большое количество фразеологизмов, многие из которых требуют от учителя специально организованной работы,

направленной на объяснение значения и активизацию в речи учащихся названных языковых единиц.

На наш взгляд, работу с фразеологизмами в начальных классах нужно организовывать в следующих направлениях: нахождение в текстах фразеологических единиц; объяснение значения фразеологизмов, содержащихся в текстах учебников и активно используемых в устной речи учителем, родителями, детьми; упражнения в употреблении фразеологизмов в речи; группировка усвоенных фразеологических единиц. Кроме того, в условиях близкородственного русско-белорусского билингвизма имеет смысл сопоставление эквивалентных фразеологических единиц двух языков.

Проиллюстрируем конкретными примерами различные направления работы с фразеологизмами на уроках белорусского языка в третьем классе, способствующие формированию лингвокультурологической компетенции учащихся. При изучении темы «Суфікс» в рубрике «Гаварыце правільна!» [4, с. 35] предлагаются следующие устойчивые выражения: *на скорую руку*’, *пад гарачую руку*’, *на руку*, *у руку*’, *пад руку*’. Проводится сопоставление произношения белорусских и русских фразеологизмов: *на руку*’, *у руку*’, *пад руку*’ (*по-белорусски*); *на*’ *руку*, *в ру́ку по’д руку* (*по-русски*). В ходе практической деятельности обращается внимание учащихся на следующие моменты: белорусские фразеологизмы *на руку*’, *у руку*’, *пад руку*’ имеют близкое значение ‘адпавядае чым-небудзь інтарэсам’ и соответствуют русскому эквиваленту *на’ руку*; белорусский фразеологизм *у руку*’ в сочетании со словом-сопроводителем *сон* (*сон у руку*’) имеет значение ‘аказаўся прарочным, спраўдзіўся’ и соответствует русскому эквиваленту *сон в ру́ку*; белорусский фразеологизм *пад руку*’ в значении ‘выгадна, адпавядае чым-небудзь інтарэсам’ и русский *по’д руку* в значении ‘некстати, не вовремя (говорить, попадаться и т.п.)’ не тождественны по значению; белорусский фразеологизм *пад руку*’ и *русский по’д руку* эквивалентны по значению лишь при употреблении со словом-сопроводителем *ісці* (идти) ‘ісці, апіраючыся на чыю-небудзь сагнутую ў локці руку ці прытрымліваючы каго-небудзь за локаць’ [3, с. 292-293]. Учитель может предложить учащимся выполнить задание, направленное на запоминание значения

фразеологизмов *на скорую руку*, *пад гарачую руку* и их сочетаемости с другими словами. Для этого на доске делается следующая запись:

Андрэйка апрануўся *на скорую руку* і па-
бег да сяброў.
Пад гарачую руку Паўлік даў абяцанне
сябрам і быў вымушаны памяняць свае
планы на вечар.

у стане ўсхваляванасці,
запальчывасці, раздражнення
паспешліва, наскора, не траця-
чы часу

Организовывается беседа с учащимися. (Прачытайце спалучэнні слоў на старонцы 35. Якое значэнне яны маюць у сказах, запісаных на дошцы?)

При изучении темы «Адзіночны і множны лік назоўнікаў» предлагается выполнить следующее задание [4, с. 56]:

- *Навучыцеся хутка і правільна вымаўляць скарагаворку.*

У Варвары – акуляры. Акуляры *да твару* Варвары (*М. Пазнякоў*).

Спішыце. Падкрэсліце ў сказе назоўнік, які выкарыстоўваецца толькі ў форме множнага ліку.

На доске учитель может сделать следующую запись:

да твару быць прыгожым;

падыходзіць каму-небудзь.

Организовывается беседа с учащимися. (Што абазначае выдзелены выраз у скарагаворцы? Злучыце гэты выраз з яго значэннем. Паглядзіце на суседа па парце і скажыце, якая рэч яму вельмі падыходзіць, што яму да твару. Вусна складзіце сказ са спалучэннем *да твару*.) Учитель может обратить внимание учащихся на то, что любому человеку бывает очень приятно, когда другие люди отмечают положительные черты его характера, поведения, замечают приятные изменения в его одежде, причёске. Желательно акцентировать внимание на том, что в русском языке в подобных ситуациях используется выражение к лицу ‘подходит, идёт; подходит, соответствует занимаемому положению’ [2, с. 74].

При изучении темы «Правапіс не з дзеясловамі» трэтьекласнікам предлагается выполнить такое задание [4, с. 122]:

- *Вусна дапоўніце спалучэнні слоў левага слупка словам не. Растлумачце іх значэнне, карыстаючыся словамі правага слупка.*

... адрываць вачэй

... зводзіць вачэй

... выходзіць з галавы

... ідзе з думак

не забываецца

глядзець пільна, уважліва, не

адрываючыся

З адным спалучэннем слоў на выбар вусна складзіце сказ.

При выполнении задания внимание учащихся заостряется на парах синонимичных фразеологизмов, на русских эквивалентах (не отрывать глаз – не сводить глаз, не выходит из головы – не выходит из мыслей (из ума)).

Для обогащения словаря учащихся устойчивыми сочетаниями слов на уроках белорусского языка целесообразно активно использовать дидактические игры. На наш взгляд, наиболее эффективными они будут при условии учёта смысловых связей фразеологизмов. Приведём примеры некоторых дидактических игр, организуемых в парах [5]:

• **“Собери пазл”**. На каждую парту раздаются части разных пазлов. Учащиеся пробуют собрать пазл, подобрав к фразеологизму рисунок и словосочетание, раскрывающие его значение, а также фразеологизмы с близким и противоположным значением.

На одной их частей пазлов можно записать русские эквиваленты предложенному белорусскому фразеологизму (два сапога пара, из одного теста, один другого стоит, одним лыком шить, одного полета птицы, одного поля ягоды).

• **Фразеологическое лото “Переводчики”**. На каждую парту раздаётся набор фишек. На одной стороне фишки записан белорусский фразеологизм, на другой – его русский эквивалент. Учащиеся кладут фишки друг на друга так, чтобы сверху оказались русские фразеологизмы. Один учащийся читает фразеологизм и пробует назвать его белорусский эквивалент. Потом переворачивает фишку и сравнивает свой ответ с фразеологизмом, записанным на обратной стороне фишки. Если белорусский фразеологизм назван правильно, учащийся забирает фишку себе, если нет – фишка кладётся в конец стопки. Второй учащийся производит аналогичные действия со следующей фишкой из стопки. Побеждает тот, кто наберёт большее количество фишек. Для игры можно взять следующие пары фразеологизмов, в состав которых входит слово *вочы* (глаза): *адводзіць вочы* – *отводить глаза*, *акінуць вокам* – *обвести глазами*, *вачам сваім не верыць* – *глазам своим не верить*, *вочы разбягаюцца* – *глаза разбегаются*, *вочы на мокрым месцы* – *глаза на мокром месте*, *знікнуць з вачэй* – *исчезнуть с глаз*, *кідацца*

ў вочы – бросаться в глаза, куды вочы глядзяць – куда глаза глядят, куды ні кінь вокам – куда ни кинь взглядом, на вачах – на глазах, на свае вочы - своими глазами, не адрываць вачэй - не отрывать глаз, падымаць вочы – поднимать глаза, перад вачамі – перед глазами [2].

Таким образом, формирование лингвокультурологической компетенции учащихся начальных классов на уроках белорусского языка невозможно без обращения к этнокультурному контексту. Фразеологизмы отражают историю народа, своеобразие его культуры и быта, поэтому работа с ними на уроках белорусского языка в начальных классах развивает интерес к языку, содействует формированию у учащихся эмоционально-ценностного отношения к культуре белорусского народа. За основу работы с фразеологизмами в начальных классах необходимо брать игровую и художественно-речевую деятельность детей, поскольку учебная деятельность младших школьников может быть полноценно сформирована только на основе игровой. В процессе игры учащиеся без трудностей смогут запомнить компонентный состав многих фразеологизмов и закреплённый за ними смысл.

ЛИТЕРАТУРА

1. Верещагин Е. М. Язык и культура. М.: Индрик, 2005. 1038 с.
2. Киселёв И. А. Русско-белорусский фразеологический словарь : для средн. шк. Мн.: Нар. асвета, 1991. 192 с.
3. Лепешаў І. Я. Фразеалагічны слоўнік беларускай мовы : у 2 т. Т. 2. М –Я. Мн.: БелСЭ імя П. Броўкі, 1993. 607 с.
4. Свірыдзенка. В. І. Беларуская мова: вучэб. дапам. для 3-га кл. устаноў агул. сярэд. адукацыі з беларус. і рус. мовамі навучання : у 2 ч. Ч. 2. Мн. : Нац. ін-т адукацыі, 2017. 144 с.
5. Свірыдзенка. В. І. Васілеўская А. С. Фразеалагізмы на ўроках беларускай мовы і літаратурнага чытання. 2 – 4 класы: дапам. для настаўнікаў устаноў агул. сярэд. адукацыі. Мн : Аверсэв, 2017. 93 с.
6. Учебные программы для учреждений общего среднего образования с русским языком обучения и воспитания : 3-й класс. Мн.: Нац. ин-т образования, 2017. 165 с.

Стрижак А.Л.

*УО «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины», г. Гомель (Беларусь)
e-mail: strizhak2011@yandex.ru*

УДК 81'373.217(23)

Изучение лексики с национально-культурным компонентом значения на занятиях по русскому языку как иностранному

*Strizhak Artem Leonidovich
Gomel State University named after Francisk Skaryna,
Gomel (Belarus)*

UDC 81'373.217(23)

Study of lexic with national-cultural component of values at the lessons of russian language as foreign language

В статье рассматриваются аспекты изучения лексики с национально-культурным компонентом значения на занятиях по русскому языку как иностранному, что способствует развитию устной и письменной речи учащихся, формирует языковую, лингвокультурологическую и коммуникативную компетенцию иностранных студентов.

Ключевые слова: национально-культурный компонент значения, устаревшая лексика, лингвострановедение, публицистический текст, русский язык как иностранный, коммуникативная компетенция.

The article examines aspects of the study of vocabulary with the national and cultural component of meaning in the classes on Russian as a foreign language, which contributes to the development of oral and written speech of students, forms the linguistic, cultural and communicative competence of foreign students.

Keywords: national-cultural component of meaning, outdated vocabulary, linguistic culture, journalistic text, Russian as a foreign language, communicative competence.

Очевидно, что успешная коммуникация в процессе изучения русского языка как иностранного невозможна без усвоения определенного объема культурно-исторической и страноведческой информации, которую иностранный учащийся получает благодаря знакомству с лексикой, обладающей национально-культурным компонентом значения. Одним из источников лингвострановедческой информации, в котором содержатся сведения о духовной и материаль-

ной культуре народа, представлена информация о взаимосвязи лингвистических и экстралингвистических факторов в истории языка, о связи языка и культуры, является богатый фонд устаревшей лексики.

Особый интерес с точки зрения восприятия текста иностранцем представляет использование устаревшей лексики в публицистике с целью усиления выразительности публицистического текста, оказания определённого эмоционально-экспрессивного воздействия на адресата и достижения тем самым нужного эстетического эффекта. Обращение к подобным текстам в иностранной аудитории позволяет осуществить презентацию нового языкового материала, способствуют его углубленному усвоению и служат для дальнейшего обогащения словарного запаса студентов, а также дает возможность адекватно интерпретировать авторский замысел.

Анализируя функционирование устаревшей лексики в газетных текстах, следует четко отграничивать использование подобных слов в экспрессивно-стилистических целях от употребления генетически идентичной возвращенной лексики, т.е. «части пассивного словаря русского языка, переместившейся в определенный период времени в активный словарь преимущественно под влиянием внеязыковых факторов и претерпевшей семантические, стилистические, сочетаемостные, оценочные и другие изменения» [2, с.25]. Обязательным условием функционирования устаревших слов как прагматически заряженных единиц является наличие у них экспрессивно-оценочного потенциала (даже если такое словоупотребление носит традиционный характер (ср. *вассал, вотчина, жандарм, ландскнехт*)). Вместе с тем использование возвращенных слов предполагает лишь нейтральную номинацию новых объектов и явлений действительности (*гувернантка, губернатор, лицей, мэр, департамент*).

Как справедливо замечает Г.Я. Солганик, «оценочность историзмов объясняется самой природой их как лексической категории. Обозначая реалии быта, хозяйства, культуры и т.д. разных времен и народов, историзмы с течением времени обрастают разнообразными эмоционально-оценочными (коннотативными) оттенками» [4, с.40]. Следовательно, отличительной особенностью переносного осмысления устаревших слов является актуализация у них коннотативного компонента значения, верное определение которого развивает навыки лингвистического анализа текста иностранцами учащимися.

В ходе изучения устаревшей лексики считаем важным определять пути актуализации значения подобных слов в публицистических материалах:

1) **Традиционная актуализация** коннотативного значения предполагает использование в экспрессивно-оценочной функции такого слова, переносное значение которого имеет словарную фиксацию: *Лекарь российской экономики* (АиФ, окт. 1995); ср. *лекарь* ‘кто-л. или что-л., способное облегчить физические или нравственные страдания’ [1].

2) **Узуальная актуализация** коннотативного значения происходит в случае регулярного употребления в газетном тексте такой устаревшей лексемы, метафорическое значение которой пока не получило отражения в лексикографических источниках: *В народ идут то президент, то спикер, то бояре помельче...* (НГ, апр. 1993); ср.: *боярин* ‘в Древней Руси: крупный землевладелец; звание служилых людей; лицо в этом звании’ [1].

3) **Окказиональная актуализация** коннотативного компонента значения имеет место при неожиданном, единичном использовании историзма (реже – архаизма) в тексте газеты: *Но есть и еще более непримиримый критик – нью-йоркский сиделец З. Позняк* (СБ, дек. 1998); ср.: *сиделец* ‘лавочник, торгующий в лавке по доверенности купца’ [1].

Анализ материала в указанном аспекте может осуществляться под руководством преподавателя либо самостоятельно, с опорой на ресурсы Национального корпуса русского языка.

Обращение к нейтральной (т.е. не обладающей коннотацией) устаревшей лексике в ходе традиционной актуализации – явление достаточно редкое в современной публицистике, поскольку в таком случае остается нереализованной воздействующая функция газетного текста: *Опять отличился неугомонный, известный своими наскоками на чиновничью «рать», депутат Б. Матвеев* (НГ, янв. 1995), где *рать* ‘Шутл. множество представителей кого-, чего-л.; многочисленная толпа’ [1]; ср.: *Правила <...> следует дополнить пунктом о запрете продажи гашиша иностранцам. А если «обделенный» чужеземец обидится и пойдет на «черный рынок»?* (КП, окт. 1993), где *чужеземец* ‘то же, что иностранец’ [3].

Гораздо более распространенными являются случаи, когда контекстуальное переносное значение отлично от словарного, при этом наиболее типичным проявлением семантических сдвигов в значении

устаревшей лексемы становится расширение ее смыслового объема: *Дело в психологии временичников...* (КП, сен. 2007); ср.: *времячник* *‘о том, кто занят какой-л. деятельностью временно, вследствие чего халатно исполняет свои обязанности’ ← ‘о человеке, находящемся у власти случайно, временно, не заботящемся о пользе дела, о будущем’ [3].

Следующие газетные иллюстрации демонстрируют повышение экспрессивного статуса историзма *опричник* ‘о тех, кто помогает проводить в жизнь жестокую политику правительства’ [1] ← ‘в России в царствование Ивана IV (Грозного): служилый дворянин, состоявший в рядах опричнины’ [1], обусловленное спецификой его семантических трансформаций: *...те, кто сподобился попасть в число избранных, должны были заплатить 300 рублей. Если при себе такой суммы не было, «опричники» Тихонова советовали сбежать за деньгами домой* (НГ, нояб. 1993); ср.: *... даже во дворе хаджиевского правительства прикомандированные омовцы ведут себя покруче **опричников*** (КП, июнь 1995).

В группе узуально используемых устаревших слов нередко встречаются выразительные иллюстрации, позволяющие иностранному учащемуся расширить свои знания о богатом культурно-историческом наследии русского народа: *... «будет поддерживаться образ диктатора с фашистскими замашками, мечтающего о захвате российского **престола**»* (СБ, дек. 1998); ср.: *Не забывайте: 31 декабря ВВП будет отмечать вторую годовщину своего восшествия на российский **престол*** (КП, дек. 2001), где *престол* ‘трон монарха (преимущественно как символ его власти)’ [3] → *‘высший государственный пост’. При этом проведение прямых исторических параллелей активизирует соответствующие фоновые знания адресата: *Отречение от **престола**: за сенсациями последних дней зримо встает призрак досрочного ухода Бориса Ельцина с должности* (АиФ, авг. 1998). Так, употребление в пределах предложно-падежной конструкции *отречение от престола* семантического и собственно языкового историзма (*отречение* ‘официальный документ об отказе от своих прав (преимущественно на престол)’ [1] и *престол*) подчеркивает негативную оценочность контекста.

Как показывает анализ материала, в современных газетных текстах получило широкое распространение прямое сопоставление до-революционной жизни России с современными реалиями: *Ельцину удалось подавить путч благодаря тому, что офицеры «придвор-*

ных» дивизий <...> обустроены лучше, чем в других армейских частях (БР, окт. 1993), где придворный *‘приближенный к верховной власти, беспрекословно служащий ей’ ← ‘состоящий на службе при дворе монарха, великого князя; связанный со двором монарха’ [3]; ср.: *Ведь ясно, что каждое «княжество» <...> будет периодически совершать на Кремль пиратские набеги, чтобы добыть здесь для себя прав, свобод, денег* (КП, апр. 1993), где княжество *‘независимое государство, возникшее в результате распада какого-л. более крупного государственного образования’ ← ‘область, управляемая владетельным князем’ [1]; или: ... *персонифицированная сильная власть все же ближе к народному идеалу, чем **семибоярщина*** (НГ, окт. 1996); ср.: *семибоярщина* ‘в России 1610–1612 гг.: орган боярского правления, состоявший из семи именитых бояр; время такого правления’ [1]. Подобное словоупотребление отчетливо показывает тесное взаимопроникновение культурной и лингвистической семантики языкового знака, содержащего в себе ценную для иностранных студентов информацию.

Окказиональное употребление устаревших слов приводит к созданию социально-оценочных номинаций «на злобу дня», часто сопровождается неожиданными ассоциациями, яркой образностью, поэтому такого рода газетные иллюстрации обладают особой значимостью в качестве учебного материала на занятиях по русскому языку как иностранному: *В 1991-м у определенных людей была надежда, что и без непонятной вдруг, суверенной Москвы, удастся продлить свое «суверенное» коммунистическое княжение...* (НГ, окт. 1993); ср.: *Как жить будем, **товарищи бояре?** (почему многие члены ВС не желают коренных реформ экономики)* (АиФ, март 1993). Экспрессия сочетания *коммунистическое княжение* возникает вследствие невозможного с рациональной точки зрения совмещения термина *коммунистический* ‘коммунизм’ ‘разновидность утопического социализма, основывавшаяся на принципе социального равенства; бесклассовое общество’ [1] и историзма *княжение* ‘время, в течение которого кто-л. княжит’ [1]. Выразительность второй газетной иллюстрации также основана на столкновении тематически полярных лексических единиц (*товарищ* ‘в СССР: форма вежливого упоминания или обращения к мужчине; гражданин’ и *боярин* ‘в Древней Руси: крупный землевладелец; высший чин, звание служилых людей; лицо в этом звании’ [1]), являющихся историзмами.

Особой выразительностью отличаются газетные контексты, где проводятся прямые исторические параллели между явлениями давно ушедших эпох и реальностью конца XX – начала XXI вв.: *Иван Грозный очень доходчиво объяснил народу свой взгляд на демократию, либерализм и федерализм. Разогнал с помощью своей «генпрокуратуры» (опричников) древних олигархов (бояр), взял Казань и разгромил вечевой Великий Новгород* (КП, дек. 2004); ср.: *Борис Годунов строил вертикаль власти с некоторым либеральным уклоном. Освободив олигархов (бояр) от репрессий, он вел поддержку предпринимателей (служилое дворянство), которые за службу щедро вознаграждались поместьями* (КП, дек. 2004), где *дворянство* ‘в феодальном и капиталистическом обществе: привилегированный господствующий класс (из помещиков и выслужившихся чиновников)’ (СО). В приведенных иллюстрациях можно наблюдать калейдоскопическое смешение устаревших слов (*опричники, бояре, дворянство*) и новой лексики политической, экономической и юридической сферы (*демократия, либерализм, федерализм, либеральный уклон, репрессии; олигархи, предприниматели; генпрокуратура*). Подобное совмещение разнородных лексических пластов позволяет говорить о скрытой насмешке автора, его едкой иронии, направленной на пародирование современной политической ситуации через сравнение ее с широко известными историческими событиями. Сравним: *Ведомство действовало в русле социально ориентированной политики: уже в XVIII в. казенные кабаки начали открываться в тогдашних агрозородках (селах), при гипермаркетах (торжках) и в «дьюти фри» (на пересечении торговых путей)* (БГ, нояб. 2006).

Таким образом, использование устаревшей лексики на занятиях по русскому языку как иностранному способствует развитию устной и письменной речи студентов, формирует умение правильно декодировать текст и адекватно воспринимать его, а также позволяет предупредить возможные ошибки, которые могут возникать при недостаточном владении культурно-языковым кодом. Лингвострановедческая направленность подобных занятий определяет отбор и специфику языкового материала, содержащего фоновую и безэквивалентную лексику, в то время как анализ таких единиц в составе определенного контекста формирует языковую, лингвокультурологическую и коммуникативную компетенцию иностранных учащихся.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2000. 1536 с.
2. Геращенко, М. Б. Реактивизация лексики на рубеже XX–XXI столетий / М. Б. Геращенко // Гуманитарные исследования : Журнал фундаментальных и прикладных исследований. 2008. № 1. С. 24–29.
3. Ожегов, С. И., Шведова, Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М. : ООО «А ТЕМП», 2006. – 944 с.
4. Солганик, Г. Я. Лексика газеты / Г. Я. Солганик. М. : Высшая школа, 1981. – 112 с.

Стральчук Г.М., Сапега С.У.

*ДУА “Сярэдняя школа №21 імя М.Ф. Гастэлы г. Мінска”,
г. Мінск (Беларусь)
e-mail: Galina-strela@tut.by*

УДК 81'373.232.1 (476.2)

Журналістыка ў школе – заклік да творчасці

*Strelchuk Galina Nikolaevna, Sapega Svetlana Vladimirovna
Minsk school №21 named after N.F. Gastello, Minsk (Belarus)*

UDC 81'373.232.1 (476.2)

Journalism at school is a challenge to creativity

Арганізацыя журналісцкай дзейнасці ў школе спрыяе развіццю творчых здольнасцей вучняў, асэнсаванаму выбару прафесіі, павышэнню матывацыі да вывучэння гуманітарнага цыклу.

The organization of journalistic activities at school contributes to the development of the creative abilities of students, an informed choice of profession, an increase in motivation for the study of humanitarian subjects.

Ключавыя словы: журналістыка, школа, вучні, творчыя кампетэнцыі, нататка, артыкул.

Key words: journalism, school, students, creative competence, note, article

Журналістыка ў нашы дні – гэта новая сацыяльная тэндэнцыя. Яна адносіцца да таго тыпу духоўнай творчасці, асноўнай за-

дача йякога з'яўляецца не толькі адлюстраванне, але і каштоўнаснае асэнсаванне значных падзей з пункту гледжання іх грамадскай карысці [3, с. 8].

Сённяшнія вучні актыўна карыстаюцца інфармацыйным асяроддзем: сацыяльныя сеткі, разнастайныя форумы, сайты. Але, на жаль, не заўсёды дзеці і падлеткі 21-га стагоддзя удала прымяняюць магчымасці сусветнай “павуціны” ў вучэбных мэтах. Напрыклад, пры канспектаванні біяграфій пісьменнікаў назіраецца адсутнасць паслядоўнага, граматычнага і лагічнага выкладу фактаў, а напісанне сачыненняў больш нагадвае пераказ мастацкага твора, дзе адсутнічае ўласная думка. З мэтай актывізацыі крытычнага і творчага мыслення вучняў, павышэння матывацыі да вывучэння прадметаў гуманітарнага цыклу прадуктыўным бачыцца стварэнне клуба юных журналістаў або выкарыстанне элементаў журналістыкі ў адукацыйным працэсе. Заняткі журналісцкай дзейнасцю ў школепазрабуюць развіцця многіх кампетэнцый для стварэння паспяховага прадукта – якаснага матэрыялу. Важна навучыцца вызначаць напрамкі сваіх дзеянняў і ўчынкаў (каштоўнаснасавая кампетэнцыя); працаваць у камандзе, успрымаць і разумець пункт гледжання іншага чалавека (агульнакультурная кампетэнцыя); самастойна знаходзіць матэрыял, які неабходны для працы, складаць план, ацэньваць і аналізаваць інфармацыю, рабіць высновы і вучыцца на ўласных памылках і памылках таварышаў (вучэбна-пазнавальная кампетэнцыя); ажыццяўляць пошук неабходнай інфармацыі, асвойваць сучасныя сродкі інфармацыі і інфармацыйныя тэхналогіі (інфармацыйная кампетэнцыя) [2] і інш. Стварэнне журналісцкага матэрыялу дазваляе выказацца і быць пачутымі, асвятляць падзеі, што адбываюцца ў навучальнай установе, горадзе, краіне, свеце. Для напісання публікацыі патрэбна мэтанакіраваная праца па авалоданню стылістычнымі, арфаграфічнымі, пунктуацыйнымі, лексічнымі нормаў беларускай літаратурнай мовы.

Важнейшае месца ў структуры заняткаў па журналістыцы займае праца над артыкулам. На наш погляд, менавіта з гэтага этапу дзейнасці ў пачаткоўцаў-журналістаў адкрываецца асаблівае стаўленне да тэксту, з'яўляецца разуменне важных прынцыпаў яго пабудовы, што палягчае працу над любымі тэкстамі, няхай гэта будзе сачыненне або пераказ, водгук ці эсэ [1]. Творчая праца,

напісаная ў адным з публіцыстычных жанраў, ацэньваецца па наступных крытэрыях:

- уменне працаваць з фактамі, правяраць інфармацыю;
- уменне працаваць з перша крыніцамі;
- распрацоўка тэмы;
- літаратурнае ўвасабленне;
- адпаведнасць жанравай кампазіцыі;
- наяўнасць аўтарскай пазіцыі.

Неабходна адзначыць, што ў рамках школьнай праграмы па філалагічных дысцыплінах на творчыя працы вылучаецца абмежаваны час. Аднак навыкі напісання тэкстаў, пошук і адбор інфармацыі, праца над структурай тэксту – найбольш каштоўныя навыкі, якія спатрэбяцца кожнаму вучню як пры падрыхтоўцы да выпускных іспытаў, алімпіяд, творчых конкурсаў, так і ў далейшым жыцці. Так, згодна з вучэбнай праграмай па беларускай мове, стылі і тыпы маўлення вывучаюцца ў сярэдніх і старшых класах. Каб зацікавіць вучняў, варта распрацаваць сістэму падрыхтоўкі да напісання творчых работ. Напрыклад, у 5 класе актуальнымі будуць наступныя заданні: прыдумаць арыгінальны (можна цытатны) заглавак да тэксту, суаднесці фота з журналісцкім матэрыялам, узяць інтэрв’ю ў казачнага персанажа; у 8-м класе – на аснове прапанаваных ілюстрацый скласці рэпартаж з месца падзей; у 9-м - па апісаннях жыцця і творчасці пазнаць знакамітую асобу; у 10-м - прыдумаць тэкст, дзе кожнае слова пачынаецца на адну літару, напісаць інфармацыйную нататку пра тыдзень роднай мовы, асвятліць у школьнай прэсе наведванне тэатра, музея; у 11-м – стварыць дыялог на прапанаваную тэму, арганізаваць прэс-канферэнцыю з удзелам творчай эліты. Дэманстрацыя прыкладу людзей, якія здолелі праявіць сябе, дасягнулі значных вынікаў у журналісцкай дзейнасці, мае вялікае значэнне для фарміравання цікавасці да яе вывучэння. У старшых класах ужо добрай традыцыяй стала стварэнне тэматычных газет-плакатаў, прысвечаных юбілеям пісьменнікаў, святочным датам, а таксама інфармацыйнае папаўненне школьнага сайта. Спасціжэнню журналісцкіх таямніц садзейнічае актыўны ўдзел вучняў у творчых конкурсах, літаратурных, журналісцкіх. Адным з накірункаў работы па выяўленні высокаматываваных вучняў і развіцці іх творчых здольнасцей з’яўляецца правядзенне школьнай стылістычнай алімпіяды.

Супрацоўніцтва з друкаванымі СМІ: «Настаўніцкая газета», «Настаўнік», «Переходный возраст», часопісамі «Качели», «Малодосць», «Юный спасатель», «Мінская школа» – дапамагае юным журналістам вызначыцца з выбарам прафесіі. Публікацыі ў перыядычных выданнях значна павышаюць рэйтынг абітурыентаў пры паступленні на творчыя спецыяльнасці. Для гэтага наладжана супрацоўніцтва з выданнямі і вышэйшымі навучальнымі ўстановамі, прадстаўнікі якіх дапамагаюць у правядзенні лекцыйных і практычных заняткаў, арганізуюць майстар-класы ў рэдакцыях, запрашаюць вучняў да ўдзелу ў выставах.

Такім чынам, журналіцкая дзейнасць у школе спрыяе развіццю творчых здольнасцей вучняў, паляпшае ўзровень іх вуснага і пісьмовага маўлення, узбагачае слоўнікавы склад. Настаўнікі не могуць абмежаваць уплыў шматлікай інфармацыі на вучняў, але навучыць іх крытычна і асэнсавана ставіцца да яе, крэатыўна мысліць, граматычна і лагічна выкладаць думкі – задача кожнага філолага.

ЛІТАРАТУРА

1. Козел, В. И. Как вовлечь ребят в издание газеты или журнала? / В. И. Козел // Народная асвета. – 2008. – № 5. – С. 84–86.
2. Коломиец, С.М. Творческие компетенции студентов социально-экономических специальностей: монография / С.М. Коломиец. – Москва: Перо, 2010. – 181 с.
3. Мисонжников, Б.Я. Журналистика. Введение в профессию: учебное пособие / Б.Я. Мисонжников, А.Н. Тепляшина. – СПб: Питер, 2014. – 272 с.

Татарина Т.И.

*УО «Мозырский государственный педагогический университет
имени И.П. Шамякина», г. Мозырь (Беларусь)
e-mail: text2005@mail.ru*

УДК 372.882

**Современные образовательные технологии в обучении
русскому языку**

*Tatarinova Tatyana Ivanovna
Mozyr State Pedagogical University named after I.P. Shamyakin,
Mozyr (Belarus)*

UDC 372.882

Modern educational technologies in teaching the russian language

Работа выполнена на основе подготовленного в процессе преподавания дисциплины «Методика преподавания русского языка» проекта «Читаем роман «Евгений Онегин» А.С. Пушкина «под лингвистическим микроскопом»

Ключевые слова: педагогическая технология, личностно ориентированное обучение, проектный метод, метод интеграции.

The work bases on the project "Reading the novel" Eugene Onegin " by A.S. Pushkin "under the linguistic microscope" prepared in the course of teaching the discipline "Teaching methodology of the Russian language"

Key words: pedagogical technology, personality-oriented teaching, project method, method of integration.

Методика обучения, как и вся дидактика, переживает сложный период. Изменились цели общего среднего образования, разрабатываются новые учебные планы, новые подходы к отражению содержания посредством не отдельных обособленных дисциплин, а через интегрированные образовательные области. Создаются новые концепции образования, основанные на коммуникативно-деятельностном подходе. Известно, что качество знаний определяется тем, что умеет с ними делать обучаемый.

Самая надежная гарантия благополучия и прогресса - интеллектуально-творческий и духовный потенциал подрастающего поколения. Создание условий для развития способностей личности должно являться приоритетным направлением государственной политики.

Внедрение в практику новых технологий позволит решить ряд задач в этом направлении.

Среди основных побудительных **причин** возникновения и практического использования новых психолого-педагогических технологий можно выделить следующие:

1. Необходимость более глубокого учета и использования психофизиологических особенностей обучаемых;

2. Осознание настоящей необходимости замены малоэффективного вербального способа передачи знаний системно-деятельностным подходом;

3. Возможность проектирования учебного процесса, организационных форм взаимодействия учителя и ученика, обеспечивающих гарантированные результаты обучения;

4. Потребность снизить негативные последствия работы малоквалифицированного учителя.

Для того чтобы в этом процессе было меньше погрешностей, важно различать **три основные группы педагогических технологий**:

1. Технологии объяснительно-иллюстративного обучения, в основе которых информирование, просвещение учащихся и организация их репродуктивных действий с целью выработки у них общеучебных умений и навыков.

2. Личностно ориентированные технологии обучения, создающие условия для обеспечения собственной учебной деятельности обучающихся, учета и развития индивидуальных особенностей школьников.

3. Технологии развивающего обучения, в центре внимания которых способ обучения, способствующий включению внутренних механизмов личностного развития обучающихся, их интеллектуальных способностей.

Образовательный процесс – это практическая реализация модели обучения и воспитания, где ведущее место отводится педагогическим технологиям, с помощью которых теория внедряется в практику. **Технология** - это и способ, и результат внедрения научных достижений. Пока технология не создана, господствует индивидуальное мастерство. Но рано или поздно оно уступает место «коллективному мастерству», концентрированным выражением которого и является технология.

Технология обучения – системный метод планирования, применения и оценивания всего процесса обучения и усвоения знаний путем учета человеческих и технических ресурсов и взаимодействия между ними для достижения более эффективной формы образования.

Педагогическая технология – это строго научное проектирование и точное воспроизведение педагогических действий, гарантирующих успех. Специфика педагогической технологии в том, что учебный процесс гарантирует достижение поставленных ею образовательных целей.

Технология обучения должна:

1. Обеспечить безусловную реализацию целей обучения с наивысшей эффективностью;
2. Быть посильной для осуществления в любом учебном заведении любым педагогом;
3. Психологической сущностью новых технологий обучения должно стать планирование учебного процесса «от ученика», то есть психологически ориентированное обучение.

Понятие *«педагогическая технология»* в последнее время получает все более широкое распространение в теории обучения. Именно в этом смысле термин *«технология»* и его вариации *«технологии обучения»*, *«образовательные технологии»*, *«технологии в обучении»*, *«технологии в образовании»* стали использоваться в педагогической литературе и получили множество (более трехсот) формулировок в зависимости от того, как авторы представляют структуру и составляющие образовательно-технологического процесса. Необходимо изменять организационные формы учебного процесса, методы, содержание, что, в свою очередь, окажет воздействие на педагогическое мышление преподавателей и обучаемых. Такое толкование технологии подчеркивает не только важность взаимосвязи всех компонентов процесса обучения в единой системе, по и их взаимовлияние, развитие, приводящее к изменению менталитета педагога и учащихся.

Технологизация образовательной и воспитательной деятельности не может ограничивать свою сферу только лишь обучением и подготовкой кадров, но предполагает более широкий и разнообразный спектр образовательных услуг. Он связан с использованием средств других современных технологий, требующих перестройки стереотипов традиционного обучения, формирования нового мыш-

ления, изменения менталитета современного педагога и обучаемых, что трудно даётся «самопостижением». Актуальность современных педагогических технологий подтверждается их активным внедрением в практику в школах и в вузовском курсе «Методика преподавания русского языка».

Занятия-исследования, занятия-поиски, интеграция с историей, литературой, культурологией постепенно должны стать привычными для учащихся. Только после этого могут вводиться более крупные формы личностно-адаптированного обучения такие, как проектный метод. Ранее нами был разработан и внедрен в учебный процесс проект «Жанр характеристики человека».

Современный подход к обучению требует осознания учащимися возможностей эффективного использования языка в конкретных социально-психологических условиях коммуникации, постижения ими не столько объективно-информационного, сколько прагматического содержания текстов.

Важнейшую роль в процессе обучения играет принцип комплексной, интегральной характеристики речевого жанра. По-новому, более широко и всесторонне подойти к изучению жанра речи можно, используя нетрадиционные формы обучения.

Новые технологии позволяют значительно расширить поле деятельности учителя, отойти от строгих рамок урока. Вместе с тем их применение способствует повышению интеллектуальной активности учащихся, а следовательно, и эффективности урока. Использованию новых технологий будущих филологов необходимо обучать на занятиях по методике. Делать это можно по-разному, главное, чтобы студенты ощутили эффективность и необходимость использования новых технологий обучения, т. к. суть каждой из них заключается прежде всего в социальной и личностной ориентированности.

На одном из занятий мы попытались использовать сразу несколько современных образовательных технологий, таких, как РКМЧП (развитие критического мышления через чтение и письмо), игровая и проектная технологии, интегрированное обучение. Все они были представлены в рамках проекта «Характеристика человека». Все названные методики могут быть применены в работе по совершенствованию языковой компетентности учащихся при обучении данному жанру, который изучается в 7 классе, что особенно актуально для подросткового возраста, когда ребенок особенно чу-

ток к мнению и оценке сверстников, заинтересован в их уважении и признании. Внутри жанра характеристики выделяется самохарактеристика. что способствует формированию личности, способной к самопрезентации в обществе. Создавая характеристику и самохарактеристику, школьники учатся наблюдать, сопоставлять, анализировать, облекать материал своих наблюдений в яркую образную форму. Кроме того, работа над названным жанром воспитывает стремление глубоко разбираться в сущности человека, отказываясь от поверхностного суждения и категоричности мнений.

Определив тему проекта («Характеристика человека»), мы предложили студентам III курса филологического факультета следующие задания:

I группа. Представить данный жанр как методику РКМЧП.

II группа. Подготовить фрагмент интегрированного урока.

III группа. Разработать проект изучения жанра характеристики.

Направляя и координируя работу студентов, знакомых с названными технологиями из спецкурса «Инновационные технологии в обучении русскому языку», мы получили достаточно интересное занятие.

Позднее нами был разработан и представлен еще один вариант использования личностно ориентированной технологии обучения в рамках проекта «Читаем роман «Евгений Онегин» А.С.Пушкина «под лингвистическим микроскопом». Помимо проектного метода, был применен метод интеграции. Проект готовился студентами как УСРС. Результат был представлен в рамках учебно-методического семинара «Взаимодействие высшей и средней школы в системе подготовки учителя-словесника» на совместном заседании кафедры белорусской и русской филологии и ее филиалов.

Вначале в качестве разминки выяснялось, насколько хорошо присутствующие помнят роман. Делалось это в форме тестов. Например:

1. Онегин родился:

А) в Москве;

Б) в Лондоне;

В) в Петербурге;

Г) в деревне.

(Онегин, добрый мой приятель,
родился на брегах Невы...)

2. Пушкин пишет об Онегине:

Дожив без цели, без трудов до...

А) 18;

Б) 27;

В) 26;

Г) 19.

(Дожив без цели, без трудов до
26 годов)

3. А сколько лет было Ленскому в момент дуэли?

А) 22;

Б) 27;

В) 19;

Г) 18.

(Он пел поблеклый жизни цвет без малого восемнадцать лет)

4. Назовите отчество Татьяны Лариной:

А) Васильевна;

Б) Дмитриевна;

В) Петровна;

Г) Степановна.

(Надгробный памятник гласит: Смиренный грешник, Дмитрий Ларин, Господний раб и бригадир, Под камнем сим вкушает мир...)

Далее присутствующим предлагалось продолжить пушкинские строки. Например:

1. Мой дядя самых честных правил,

Когда не в шутку занемог

(Он уважать себя заставил

И лучше выдумать не мог)

2. Мы все учились понемногу

Чему-нибудь и как-нибудь

(Так воспитаньем, слава богу,

у нас немудрено блеснуть)

3 задание

Каждое слово в романе продуманно, ярко и уместно. Но всегда ли мы понимаем, о чём пишет Пушкин? Давайте проверим это, ведь мы исследуем роман под “лингвистическим микроскопом”.

В отрывках, которые были продемонстрированы, были подчеркнутые слова, значение которых уточнялось:

И наклонясь, ей шепчет нежно

Какой – то пошлый **мадригал**;

Сосед наш неуч, сумасбродит,

Он **фармазон**...;

Онегин жил **анакоретом** и др.

4 задание касалось использования собственных имён разных тематических групп.

5. задание предполагало рассмотрение средств создания праздничного антуража следующих тематических групп: а) предметы гардероба; б) сцены балов; в) блюда и напитки.

В процессе подготовки проекта студенты и все присутствующие убедились в том, что Пушкин в своём романе объединил все языко-

вые ресурсы, все богатство русского языка, накопленное веками, свободно соединяя слова и выражения разных стилей, широко используя повседневные, бытовые слова, просторечные лексемы, архаизмы, европеизмы и галлицизмы.

Все это позволило ему создать уникальное произведение – первый русский реалистический роман в стихах, справедливо названный В.Г.Белинским «энциклопедией русской жизни».

ЛИТЕРАТУРА

1. Колеченко, А.К. Энциклопедия педагогических технологий / А.К.Колеченко. – СПб., 2001.
2. Ксензова, Г.Ю. Перспективные школьные технологии / Г.Ю.Ксензова. – М., 2001.

Чеботарева Е.С., Вакулина Е.В.

*ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского», г. Брянск (Россия)
e-mail: Savchenko22@mail.ru, elvakulina@yandex.ru*

Лингвокультурная грамотность в деятельности учителя-физика

В работе произведен анализ собственной культуры физической речи, в сравнении с основными педагогическими критериями и требованиями, выявлены основные компоненты культуры речи учителя физики.

Ключевые слова: культура речи учителя физики, основные компоненты культуры речи учителя.

Как известно, речь учителя физики на уроках принято рассматривать с позиции тех функций, которые она выполняет в учебном процессе, а именно, речь: стимулирует, регулирует, контролирует и организует.

Но, если речь учителя на уроках физики рассмотреть как средство в основе которого лежат специальные навыки и умения, путем которого реализуется педагогическое общение, то речь учителя покажется сложной, объемной и многоплановой. Содержание профессиональных умений проявляет всю специфику предмета физика, но коснется ли это коммуникативно – обучающей деятельности в целом, педагогического общения на уроке или дидактической речи в частности [3, с. 45].

Специфика предмета физики проявляется в содержании профессиональных умений, касается ли это дидактической речи, педагогического общения на уроке физики или коммуникативно-обучающей деятельности в целом.

Владения языком учителем рассматривается в связи с коммуникативно-обучающей функцией. Поскольку содержание этой функции «состоит в том, что учитель должен обеспечить построение учебного процесса на коммуникативно-речевой основе». В содержание этого понятия включают определенный набор умений:

- умение вести урок, умением установить контакт учитель – класс, учитель – ученик, ученик – ученик, учитель – класс;

- умение перестроить свою речь в зависимости от конкретных условий обучения (упростить или усложнить ее, перейти от одной к другой форме работы, переход от монолога к диалогу и наоборот и т.п.);

- умение словесно побудить учеников к мотивированной деятельности и далее управлять ею, поставить перед учащимися определенные задачи, например, коммуникативные;

- умение создать и использовать различные учебно – речевые ситуации, стимулируя таким образом деятельность учеников на уроках физики, и далее управлять ею путем поэтапного усложнения задач, при этом обеспечивать единство поведения и деятельности учеников;

- умение определить характер ошибки ученика, выявить ее причину и наметить путь ее предупреждения, а так же способ устранения;

- умение использовать внеклассную работу учеников с целью совершенствования практических навыков и умений, а так же для повышения интереса учащихся к учебному предмету.

В совокупности все перечисленные умения учителя представляют собой понятия, которые характеризуют разные аспекты его профессиональной деятельности [1].

Под культурой физической речи принято понимать культуру речи субъекта, которая проявляется в процессе описания и объяснения физических явлений и свойств материи, определения и характеристики физических величин, описания физических приборов, машин, механизмов, сопровождения физических опытов четкими и логическими рассказами, грамотного чтения физических графиков, рисунков, схем, чертежей, формулирования физических законов,

раскрытия физических теорий. Модель культуры речи учителя физики включает в себя пять компонентов:

1. Языковой компонент, который подразумевает соблюдение всех норм литературного языка;

2. Коммуникативный компонент – учитель владеет функциональными стилями, целостностью речи, соблюдает правила точности, чистоты, понятности, логичности и т.п.;

3. Профессиональный компонент – учитель владеет нормами двух видов: предметной (непосредственное знание физики, темп изложения материала согласуется с физическим экспериментом, специальные умения: описание и объяснение физического явления, структурных форм материи; определять физические величины; правильно описывать физические приборы, механизмы, машины; сопровождать физические опыты четкими и логическими рассказами; читать грамотно графики, по заданному рисунку строить рассказ, грамотно формулировать физические законы; раскрывать содержательно физическую теорию) и педагогической (владеет основами педагогического общения, уметь применить разные словесные методы, знать и применять законы логики и логические функции изложения);

4. Риторический компонент – четко представлять структуру излагаемого материала;

5. Этический компонент (учитель должен знать и применять правила языкового поведения в конкретной ситуации).

Говоря о методической системе развития культуры речи в процессе обучения физике, то она включает в себя следующие компоненты:

1. Мотивационно – целевой, который объединяет цели, задачи и систему методических средств развития положительной мотивации учеников в процессе развития у них культуры речи при обучении физике;

2. Содержательный, который включает структурную модель культуры речи учащихся;

3. Процессуально-деятельностный (описывает этапы развития культуры речи на уроках физики, причем разной формы; приемы вовлечения учащихся в процесс речевого общения на уроках физики);

4. Результативно – корректирующий, включает анализ и самоанализ устной и письменной речи учеников, которые корректируют действия на разных этапах формирования культуры речи.

Физика – точная наука, которая требует четкости выражения мысли. К слову, как известно, необходимо относиться бережно и внимательно, эти факты учитель может показать ученикам на примерах физических определений и формулировок. Например, испарение — это вылетание молекул с поверхности жидкости... Нужно, испарение – это процесс парообразования, при котором в пар переходят молекулы с поверхности жидкости. Следует подчеркнуть, что снижение эффективности обучения связано с допущением содержательно – речевых недочетов: нечеткие высказывания, неправильное использование физических терминов, неуместное применение образных выражений, неуместный переход от демонстрации к проблеме, нелогичное объяснение задач и т. п. Из этих фактов вытекает важность владения учителем всеми нормами литературного языка, а также необходимость знать точные определения физических величин, формулировки законов, четкость в произношении единиц измерения физических величин [2].

Правильность – это обязательное первостепенное качество любой речи, и речи учителя в особенности. Учащиеся, слушая учителя физики, не должны отвлекаться от содержания изучаемого материала, от смысла речи из – за неверного произношения слов и нестандартно построенных фраз, которые могут значительно замедлить понимание учениками и без этого сложного материала по предмету. Правильная речь – это речь, в которой соблюдаются все нормы современного литературного языка. Точная речь – это речь, в которой адекватно отражается действительность и однозначно обозначено словом то, что должно быть сказано. В случае, если учитель по физике не знает своего предмета или другими словами, предмета речи, то он может исказить ее, и тем самым речь учителя не будет точной. Знание предмета речи (законов, формул, физических понятий, теорий и т.п.) является обязательным. Например, уран – химический элемент, Уран – планета, дифференцировать – решать проблему по частям, дифференцировать – находить дифференциал.

Выразительная речь – это речь, свойства, особенности, структура которой вызывают и поддерживают внимание и интерес слушателей. В ходе объяснения учителем физики, какого – либо абстрактного понятия будет уместным использовать метафору (употребить

слово в переносном значении), что позволит позицию педагога сделать понятной. Например, раскрыть вопрос или построить схему. Можно, также, использовать сравнение (сопоставление предметов, имеющих общих признаков). Сравнение является одним из способов познания внешнего мира, поэтому без сравнения не обходится ни сама наука, ни ее язык. Например, электроны – это совсем не шарики-пылинки, а некоторые во многом еще загадочные сгустки материи, которые ведут себя не только как частицы, но и как волны. Электроны движутся по орбитам вокруг ядра (не бильярдный шар). Закономерно использование в речи учителя эпитета. Эпитет – слово, определяющее предмет или действие и подчеркивающее в них какое-либо характерное свойство, качество. Например, стекание электрического заряда, чувствительность прибора. Чистая речь – это речь, в которой нет чужих литературному языку элементов. Образность речи создается благодаря употреблению слов в переносном значении. Например, протекание физического процесса (протекание не жидкости, а изменение во времени параметров процесса). Логичная речь – это речь, состоящая в соответствии связей речи связям предмета и явлений в реальной действительности. Некоторые требования логичности речи нарушаются в предложениях с одновременными именами и обобщающим словом (сочетание родового понятия с видовыми). Например: В лаборатории электромагнетизма есть амперметр, вольтметр, приборы для измерения физических величин (получается, что первые приборы не измеряют физические величины).

Культура речи учителя физики служит важным показателем владения предметом, методикой обучения, коммуникативными умениями. Сфера деятельности является сферой «повышенной речевой ответственности», так как слово (речь) становится важнейшим (если не основным) инструментом деятельности учителя физики. Данное обстоятельство определяет значимость развития культуры речи учителя физики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеевнина, А.К. От физических понятий к культуре речи. Журнал «Фундаментальные исследования».2014. – №6 (часть 4) – 807-811с.

2. Большой психологический словарь [Текст] / под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. – М.: Прайм -ЕВРОЗНАК:ОЛМА-Пресс, 2004. – 666 с.

Десяева, Н.Д. Культура речи педагога: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / Н.Д. Десяева, Т.А.Лебедева, Л.В.Ассуирова. М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 192 с.

СЛАВЯНСКИЙ ТЕКСТ И КОНТЕКСТ В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Старцева И.Л. Шаравин А.В.

ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени
академика И. Г. Петровского», г. Брянск (Россия)
e-mail: ekl9ier@mail.ru, kafedra338@mail.ru

УДК 82-1/-19

Славянская свадебная обрядность в балладах А. К. Толстого

Startseva Irina Leonidovna, Sharavin Andrey Vladimirovich
Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky,
Bryansk (Russia)

UDC 82-1/-19

Slavic wedding ceremonialism in ballads by A. K. Tolstoy

В работе исследуется особенность функционирования славянская свадебная обрядности в балладах А. К. Толстого. Отмечается ее двойственную роль: поддерживает идиллическую любовную атмосферу баллады и в то же время воссоздает былинную опасность интимно-личностной сферы для богатырей. Проанализирована фольклорная стилизация писателя, воссоздающая «охотничий» и «ландшафтный» коды славянской свадебной обрядности в балладах «Сватовство», «Алеша Попович».

Ключевые слова: былина, баллада, славянская свадебная обрядность, свадебный охотничий код.

The paper presents the characteristic feature of functioning of Slavic wedding ceremonialism in the ballads by A.K. Tolstoy. Its dual role is specified: it supports the idyllic love atmosphere of the ballad and at the same time recreates the epic danger of the intimate and personal sphere for heroes. The folklore stylization of the writer recreating the "hunting" and "landscape" codes of Slavic wedding ceremonialism in the ballads "Courtship", "AlyoshaPopovich" is analysed.

Keywords: bylina, ballad, Slavic wedding ceremonialism, wedding hunting code.

В творчестве А. К. Толстого славянская свадебная обрядность не получила частотного воплощения. Однако в балладах «Алеша Попович», «Сватовство» свадебные традиции народной культуры организуют смысловое поле произведений, являются важным эле-

ментом поэтики писателя. Особо следует отметить, что в балладах «Алеша Попович», «Сватовство» фольклорная свадебная обрядность вступает во взаимодействие с жанровой памятью былины и содержательно-формальными компонентами баллады. Уже название баллады «Сватовство» определяет значение и роль фольклорного обряда в произведении. В «Сватовстве» А. К. Толстой выбирает самый популярный хронотоп былин - времена князя Владимира, соответственно главные герои - богатыри Чурило Пленкович и Дюк Степаныч, «старый князь» Владимир и его семья: княгиня и две дочери. При этом пространство лишено былинной определенности; понятно, что действие происходит где-то на Киевской Руси (богатыри упоминают о своем стремлении вернуться к княжескому «двору»: «Твой двор чтоб видеть вновь...»), однако стольный град Киев не назван, других действующих лиц в произведении, кроме указанных, нет [5, т.1, с.217]. Есть отсылка только к отдельным названиям географических реалий - «Днепр-река», река Брынь («брынские стрелки»), «Новоград». А. К. Толстой воссоздает камерную, интимную обстановку, в тексте не обозначено название жилища князя Владимира, только его отдельные атрибуты: «открытое окно», крыльцо, ворота, из внутреннего убранства - кресла, «красный кут» с иконою. Княжеский дом - продолжение природного пространства, пропитан запахом черемухи, пение птиц в комнатах заглушает голоса людей, через открытое окно он визуальнo соединен с окружающими полями, лесами («В лесах, в полях отрада,/ Все вербы расцвели/Ой ладо, диди-ладо!/ Ой ладо, лель-люли!» [5, т.1, с.211]. Из богатырских атрибутов у Чурилы Пленковича и Дюка Степаныча «...на поясе широком/ Крыжатые мечи» [5, т.1, с.216]. Героическое в балладе «Сватовство» редуцировано и ограничивается известными по былинам именами, обозначением персонажей богатырями, проявлением их силы-энергии через взгляд и облик («Орлиным мечут оком/ не взоры, но лучи;»; «И, светлы как заря,/ Два славные предстали/ Пред ним богатыря;»), амуницией - мечами, да особым временем легендарного князя Владимира [5, т.1, с.216]. Сватовство - также одна из функций, которую выполняют богатыри в былинах, хотя она скорее второстепенна по сравнению с воинской службой. Все, связанное с битвой, сражением, остается «за кадром». Из деяний Чурилы Пленковича и Дюка Степаныча упоминаются лишь относящиеся к сфере интимно-личностных отношений («Армянских двух царевен/ Отвергли мы любовь») [5, т.1, с.218]. Богатырское

скрыто за любовными чувствами и томлениями, балладное подчиняет былинное. «Сватовству» придана форма песни, исполняемой гусярами, именно они, обозначаемые в тексте, как «мы», задают мажорный тон-напев, прославляющий весеннее пробуждающееся чувство (кстати, Чурило Пленкович и Дюк Степаныч также представляются «бедными каликами», «старцами-гусярами», очарованными майским пробуждением природы и обреченными на задорные любовные напевы). Певцы отмечают «вешний склад» (весенний) своего исполнения, что несомненно является отсылкой к песенному складу былин. «Один из главнейших признаков русского эпоса, отличающий его от других произведений героического содержания, состоит в том, что он слагается из песен, которые назначены не для чтения, а для музыкального исполнения. От романов, героических поэм, легендарных сказаний и пр. эпос отличается иной жанровой принадлежностью и иными формами исполнения. Признак музыкального, песенного исполнения настолько существен, что произведения, которые не поются, ни в каком случае не могут быть отнесены к эпосу. Музыкальное исполнение былин и их содержание не могут быть разъединены, они имеют самую непосредственную связь. Музыкальное исполнение свидетельствует о глубокой личной взволнованности, затронутости событиями песен, выражает состояние вдохновения, выражает чувства народа, возбуждаемые героями и повествованием песни. Отнять от былинны ее напев, исполнить ее в форме прозаического рассказа означает перевести ее в совершенно иную плоскость художественного творчества», - отмечает В. Я. Пропп [3, с.6].

В балладе А. К. Толстого все герои «зачарованы» весной, даже «старый князь» Владимир и «седая» княгиня. Произведение начинается с описания камерной обстановки княжеского дома: княгиня сидит за пряжей, а дочери, «потупившие взгляд», - за пядьцами. Однако через открытое окно уже проникла весенняя «отрада», «вешнее» половодье чувств. «Старый князь» Владимир «бодр и весел», а у дочек «... в груди поется лихо: / Ой ладо, лель-люли!», «... так сильно сердце бьется/ В веселый месяц май!» [5, т.1, с.211; с.212]. В балладе передается весеннее пробуждение звуков («И много в небе рея,/ Поет пернатых стай - /Всех месяцев звончее/ Веселый месяц май!»), ему вторит задорный песенный напев, а аккомпанирует стук сердец молодых героев («Услыша слово это,/ С Чурилой славный Дюк/ От дочек ждуд ответа,/ Сердец их слышен стук»)[5, т.1,с. 215;

с.219]. Звонкое майское заглушает разум героев, отдавая их во власть опьяняющего чувственного начала. Весеннее также характеризуется такими метафорами, как «веселое», «избыток сил», красота, играющая кровь. В балладе изображено счастливое взаимное чувство героев, предполагающее и удачное сватовство. Певцы в конце произведения пытаются сохранить интригу как будто нерасслышанным ответом княжон, однако ход баллады однозначно дает понять, какой будет ответ, а пробел в заключительном действии сватовства - лишь еще один шуточный розыгрыш. Под стать праздничной, цветущей природе и праздничная, роскошная, великолепная одежда богатырей («Корсунская накидка / Надета на плечо»; «Коты из аксамита / С камением цветным, / А берцав крест обвиты / Обором золотным;») [5, т.1, с.212]. В балладе совершенно безоблачная атмосфера, любое обозначившееся препятствие лишь игровое, условное. Однако за безмятежностью и идиллией в произведении проявляются знаки тревоги. Былинное, вытесненное балладным в подтекст, тем не менее реализует свой жанровый потенциал. Богатыри, полностью поглощенные лишь интимно-личностной сферой, выглядят несколько утрировано и неуместно, обычно невеста всегда добывается через сражение, битву, а любовное отступает на второй план. Всегда соблюдающийся в былине приоритет воинской славы над любовным чувством в балладе А. К. Толстого нарушен. Для былины «в центре творческого напряжения находится герой-богатырь, его ратные доблесть и сила» [4, с.95]. Богатырь может и должен характеризоваться только через подвиг, считает А. П. Скафтымов в работе «Поэтика и генезис былин» («...оценочное отношение к герою направляется не к национальности его как таковой и не к его классовой принадлежности самой по себе, а опять лишь к его подвигу, в котором только и находит классовая и национальная гордость свое исключительное оправдание и повод, так что сама идеологическая ценность (национальная, классовая и др.) получает здесь ореол и очарование лишь от подвига...»)[4, с.94-95]. Исследователи былин, и в частности В. Я. Пропп, выделяют шесть основных былин о сватовстве («Садко», «Михайло Потык», «Иван Годинович», «Дунай», «Козарин», «Соловей Будимирович»), из них нас интересуют былины о сватовстве богатырей. В. Я. Пропп отмечает особую закономерность былин: «Рассмотрение древних русских былин о сватовстве привело нас к заключению, что эти былины обладают известным единообразием и закономерностью. Брак или вообще не происходил, или он оказы-

вался трагически неудачным. Причина этого состоит в том, что в эпосе эпохи становления и первоначального развития русского государства преодолевается и отрицается старая традиция эпоса эпохи распада родового строя, где женитьба героя стояла в тесной связи с идеологией и требованиями этого строя... Если же в эпосе мы пока не видели счастливых браков, то это происходит не потому, что в древней Руси их не было, а потому, что эпос их не отражает. Счастливый конец и брак характерны для сказки, но не для былины. Счастливый брак не может быть предметом эпоса в Киевской Руси, как недостаточно высокий и значительный предмет для воспевания» [3, с.167-168]. Былину «Соловей Будимирович» - былину «о счастливом браке», исследователь предлагал рассматривать как «былиную-идиллию», и носит она, по его мнению, «балладный характер» «лишена какого бы то ни было трагизма... весела, шутлива и этим выделяется среди суровых, драматически напряженных песен» [3, с.168]. Возникает вопрос: учитывал ли А. К. Толстой табуированность интимно-личностной сферы в своих произведениях, построенных на взаимодействии жанровых моделей былины и баллады? Во всяком случае, главный герой его баллады «Илья Муромец» увлечение женским полом трактует как отступление от духа истинного богатырства: «Без меня других довольно:/ Сядут - полон стол!/ Только лакомы уж больно,/ Любят женский пол! Все твои богатырство, /Значит, молодежь, / Вот без старого Ильи-то/Как ты проживешь!/ Тем-то я их боле стою,/Что забыл уж баб./ А как тресну булавою,/ Так еще не слаб!» [5, т. 1. с.203]. К подобному типу, богатырям - «молодежи», (снижающая оценка) относятся и герои «Сватовства» - Чурило Пленкович и Дюк Степаньч (отметим, что «залетными птенцами» их называет и князь Владимир). Да и концепция угасания и искажения богатырства на Руси у А. К. Толстого отсылает как к одной из причин - вытеснению надличностного героического интимно-личностным началом. В этом плане взгляды писателя XIX века и исследователей русского эпоса XX века совпадают: «Богатырь, побежденный любовным порывом, в эпосе не может изображаться как герой в собственном смысле этого слова» [3, с.123].

Отмеченное предполагает особое значение славянской свадебной обрядности в «Сватовстве» и вопрос о ее направленности: на «поддержание» явных балладных или скрытых, подтекстных былинных жанровых тенденций. В балладе А. К. Толстого месяц май шесть раз именуется «веселым», а вот напрашивающееся слово вес-

на (за исключением синонима «вешний») автором не используется. Такое замещение представляется закономерным, не случайно исследователи славянских языков установили взаимосвязь слов весна и веселье. В этимологических словарях Г. А. Крылова, Л. В. Успенского, Н. М. Шанского слово «веселый» отмечено как общеславянское, образованное от той же основы, что и существительное весна (подчеркивается одна основа с древнеиндийским *vasu* – хороший). Исследователи славянской свадебной обрядности отмечают: «На всей славянской территории выделяются два основных типа названий свадьбы: производные от +svat- и от +vesel-» [2, с.429]. А. В. Гура считает довольно частотным у славян использование второго типа названий свадьба от слова +vesel-: «...распространенная у славян группа названий собственно свадьбы — термины с корнем +vesel-: пол. *wesele*, укр. *весілля* (полтав. *весілле*, укр. *веселувати* ‘играть свадьбу, гулять на свадьбе’), а также бел. *вяселле* (мин. *вяселле*, *вяселля*, брест. *весілля*), рус. (редко) *смолен.*, *псков.*, *самар.*, *ср.-урал.*, а также (преим. в песнях) *твер.*, *карел.* *веселье*, *ю.-рус.* *веселье*, *весельство* ‘свадьба и празднество свадебное’, *воронеж.* *весельные годы* ‘свадебное празднество’, *псков.* (в песне) *веселийце*, *твер.* (в песне) *весельюшко* (ср. также: *новг.* (в песне) *веселишничек* ‘девичник в канун свадьбы’, *дон.* *весёлое утро* ‘утро после дня свадьбы’), *словац.* *veselie*, *veseľe* (вост. Словакия, на востоке зап. Словакии и в р-не Мартина), *кошиц.*, *с.-в.-* и *ю.-в.-спиш.* *vešeľe*, *чеш.* *силез.* *vesele*, *veselí*, *старочеш.* *veselí*, *ц.-чеш.*, *в.-чеш.*, *глинец.* *veselost*, *с.-з.-словац.* *з.-трэнчін.* *vesielka*, *чеш.* (повсеместно) *veselka*, *серб.* (редко) *веселье* (ср. также *черногор.* *весела* *свадба* ‘свадьба в случае, если в семье нет траура’)» [2, с.432]. Таким образом, можно отметить единую этимологию слов - весна, веселие, веселье/весельство/весельюшко (свадьба). Однако А. К. Толстой нарушает единую смысловую цепочку, употребляя вместо названия времени года весны название весеннего месяца - май (учитывая ареал распространения названия свадьбы весельем - Украина, Белоруссия. Смоленщина, писатель, проживавший в усадьбе Красный Рог, расположенной на границах с указанными территориями или рядом с ними, мог знать данный вариант). На наш взгляд, использование названия май в балладе «Сватовства» увязано А. К. Толстым с былинной концепцией опасности свадьбы, интимно-личностных отношений для богатырей. И здесь намечается знаменательное совпадение героического эпоса и народной свадебной обрядности. «У

восточных и западных славян несчастливым месяцем для свадьбы считался май (Сумц.СО...). Такое поверье обычно встречается в афористической форме и часто мотивируется на основе языкового созвучия и народной этимологии: у русских считалось, что женившиеся в мае будут век маяться («В мае жениться, век промаяться»; ср. также: «Рад бы женился, да май не велит», Даль...; «Женишься в мае — спокаешься», Ерм.НСМ...), у чехов известны поговорки «V májinamáry» [В мае — на погребальные носилки] (Моравия, Navr.RO...), «V máji — berzomáry» [В мае — прямиком на погребальные носилки] (сев.-вост. Чехия, р-н Йилемнице...), у поляков — «W majuślub, w grudniu (w czerwcu, rychły, szybki, szybko, prędko) grób» [В мае женитьба, в декабре (в июне, вскоре) могила], «Ślubmajowy — gróbgotowy» [Майский брак — готовая могила], «Ślub w maju — młodzi prędko umierają» [Брак в мае — молодые быстро умирают] (Еленегурское воев., р-н Згожельца...)» - отмечает А. В. Гура [2, с.579]. Название баллады А. К. Толстого – «Сватовство», однако сватовство, описанное в произведении, по правилам славянской свадебной обрядности, какое-то неправильное (отсутствие стороны женихов, сватов). Конечно, можно предположить, что писатель не ставил целью максимально точно воспроизвести свадебные традиции и в произведении все построено на ситуативной весенней чувственной импульсивности. Однако нарушение ритуальной, установленной очередности свадебного обряда приводило по народным верованиям к несчастливому браку («Жених редко сватает невесту сам, обычно он посылает сватов, иногда присоединяется к ним, но в переговорах не участвует», - отмечает А. В. Гура) [2, с.105].

Особо следует остановиться на предвещающем свадьбу «звучковом коде» - куковании кукушки в балладе: «Княгиня ж молвит: «Знала / Я это наперед, / Недаром куковала / Кукушка у ворот...» [5, т.1, с.217]. В славянском фольклоре с кукушкой в проекции на свадебные обычаи в основном были связаны отрицательные коннотации. Так свадебный обряд, в который вступали вдова или вдовец у южных славян назывался «кукушкина свадьба» и «сокращался или сводился до минимума» [2, с.45]. В Пермской области существовало поверие, что «кукование колдуньи на крыше... способ насылания порчи на участников свадьбы, когда они шли по деревне» [2, с.45]. «В северном Прикамье запрет устраивать свадьбы в мае мотивировался кукованием в это время кукушки, наделяемой в народных

представлениях символикой одиночества, безбрачия, вдовства и смерти» [2, с.580]. Так что в балладе «Сватовство» кукушкин «звуковой код» с позиции фольклора – знак беды и несчастья, что корреспондирует и с месяцем маем как нежелательным временем для свадеб, и с нарушением установленного народными традициями порядка свадебных событий.

Отметим также, что Чурило Пленкович и Дюк Степаныч сватаются к двум сестрам-княжнам в произведении А. К. Толстого. Конечно, двукратность события усиливает балладный эмоциональный и чувственный накал происходящего, однако в фольклорном обрядовом контексте актуализируются совершенно противоположные значения. «Венчание в один день или год двух сестер считалось плохой приметой также у русских и у поляков», - отмечает А. В. Гура [2, с.96]. Подобные представления бытовали и у лужичан, болгар, в польском Подлясье («...выход двух сестер замуж в одном году грозил скорым несчастьем в браке одной из них»; близнецам не разрешалось присутствовать на свадьбе у сестры или брата; когда девушки из одной семьи выходили замуж одновременно, то младшая покидала дом родителей через окно) [2, с.28]. Даже встреча с другой невестой по пути к венчанию считалась у болгар и македонцев предвестием преждевременной смерти, бездетности и несчастья [2, с.96]. При встрече двух пар молодоженов проводился целый комплекс защитных мер от злых духов, из-за козней которых одна девушка забирала удачу у другой [2, с.96]. Обозначенные элементы свадебной обрядности «работают» на подтекстные былинные тенденции, демонстрирующие табуированность для богатырей интимно-личностной сферы.

«Приговоры» же богатырей на сватовстве традиционны и отрицательных коннотаций не несут. Чурило Пленкович и Дюк Степаныч представляются сначала рыбаками, которые хотели бы поймать «двух рыбок златоперых», затем «брыньскими стрелками», преследующими двух куниц, и, наконец, «бедными каликами», «старцами-гуслярами», пришедшими к князю Владимиру на две свадьбы. Богатыри во время сватовства используют традиционный свадебный охотничий код («брак как удачная охота или рыбная ловля») [2, с.637]. Для русской свадебной обрядности частотно сравнение жениха с охотником, а невесты с куницей. У А. К. Толстого в балладе почти полностью повторяется народная семантика свадьбы как ловли (можно сравнить: «На это гости: «Княже,/ Коль мы не рыбаки./

Пожалуй, скажем глаже:/ Мы брыньские стрелки! Стреляем зверь да птицы/ По дебрям по лесным,/ А ноне две куницы/ Пушистые следим; Трущобой шли да дромом,/ Досель удачи нет,/ Но нас к твоим хоромам / Двойной приводит след» - «В русских приговорах сваты представляются родителям невесты как охотники, преследующие добычу, идущие по куньему следу. Мотив преследования куницы распространен и в русских приговорах дружки у запертых ворот дома невесты в день свадьбы: куний след появляется из-под сказочного дуба и приводит поезжан к дому невесты» [5, т.1, с. 213-214;2, с.643]. В подобной стилизации под фольклорные свадебные приговоры выдержана в балладе А. К. Толстого и семантика свадьбы как рыбной ловли (для сравнения: «Мы княже-господине,/ Мы с моря рыбаки,/ Сейчас завязли в тине/ среди Днепра-реки! Двух рыбок златоперых/ Хотели мы поймать,/ Да спрятались в кокорах,/ Пришлось подождать!») - «В русских свадебных песнях жених-рыбак ловит рыбку-невесту в сети: “Да як наш Мишенька рыболовцем был, (2 р.) Он ходил с неводом коло озера, (2 р.) Он словил рыбку краснопёрую. (2 р.) — Жёночки, лебёдки, то не рыбка, (2 р.) А моя Ньюшенька чернобривенька”(2 р.)» [5, т.1, с. 213; 2, с.644]. Когда богатыри представляются «бедными каликами», «старцами-гусярами», то в балладе задействован «ландшафтный код» народных свадеб» [5, т.1;2, с. 213; с.644]. «Обрядовый путь жениха к невесте и невесты вместе с женихом из своего дома в дом жениха связан с преодолением открытого пространства, которое в свадебном фольклоре изображается как труднопроходимое, полное препятствий», - отмечает исследователь [2, с.670]. В балладе «Сватовство» и богатыри, и князь Владимир в соответствии со свадебной обрядовой традицией отмечают дальность пройденного пути («Мы скрозь от Новаграда / Сюда с припевом шли»; «А что с припевом шли вы/ Сквозь целый русский край») [5, т.1, с. 215]. А «старцы-гусяры», которыми представляются Чурило Пленкович и Дюк Степаныч, это скорее намек князю готовиться к свадьбе («И если бы две свадьбы/ Затял ты сыграть,/ Мы стали распевать бы/ Да струны разбирать...») [5, т.1, с. 215]. Князь Владимир выстраивает свой ответ богатырям, также используя уже апробированный ими «охотничий» и «ландшафтный» коды. Можно сделать вывод, что основная часть произведения А. К. Толстого (с момента появления богатырей и до завершения речи князя Владимира) стилизована под отдельные элементы структуры фольклорной свадебной обрядности, которые свя-

заны с обыгрыванием «охотничьего» и «ландшафтного» кодов и направлены на усиление балладного начала.

Баллада «Алеша Попович» повторяет структуру баллады «Сватовство»: идиллический природный мир, на фоне которого и развивается любовное чувство богатыря и царевны, и элементы второго ряда, концентрирующие предчувствие будущей трагедии.

Однако эти два произведения А. К. Толстого имеют и отличия. Если Чурило Пленкович и Дюк Степаныч приехали свататься к княжнам в рамках традиционной свадебной народной культуры, то Алеша Попович использует «реликтовый способ заключения брака» - «умыкание невесты» [2, с.22]. Как отмечают исследователи, в русском, польском, сербо-хорватском, болгарском языках до сих пор сохранились слова, обозначающие насильственный увоз невесты (рус. умычка, уволочение, увоз, пол. porwanie, с.-х. права отмица, отимачица, грабленьє, otimaćina, umicanje, vlačenje, болгар. влачене, влекане, завличане, отвлачене, грабване, грабене, грабуване, кра - дене, кражба). Насильственное похищение невесты существовало «в средневековой Польше, у чехов» «до XVI в.», «у украинцев до XVII в.», а «у русских раскольников, сербов, болгар» до конца XIX века [2, с.22]. Как и в балладе «Сватовство», в балладе «Алеша Попович» любовная история развивается на фоне цветущей летней природы, только хронотоп жилища князя Владимира сменяется на пространство, концентрирующееся вокруг речного, водного простора. Природному месту действия отводилась особая роль при «умыкании невесты». Исследователи делают вывод, что «дохристианский обряд венчания (ритуальное оформление бракосочетания) происходил возле дерева или воды (ср. в «Повести временных лет» о древлянах: "умыкиваху у воды дѣвица")» [2, с.460]. Подобные обычаи ученые находят у южных и восточных славян: «Согласно сербским свидетельствам, обряд бракосочетания с похищенной невестой совершался под дубом... У русских Витебской и Воронежской губ. в случае умыкания или после церковного венчания жених и невеста трижды обходили или объезжали вокруг заветного дуба, у латвийских старообрядцев — вокруг озера, считавшегося священным... В русской былине о Дунае сообщается о венчании «круг ракитова куста»; по преданию, Стенька Разин велел венчать «около вербовых деревьев»; в нижегородском предании говорится о венчании на озере под пихтой... Ср. также пословицы: рус. «Венчать вокруг ели, куста» (шутливо о невенчанных...), бел. «Абвёў вакрыг елі, і чэрці ім

пелі», «Абвёў ва круг дуба, ды й няхай будзе любя» [2, с.460]. Так что в балладе «Алеша Попович» природа выполняет роль не только фона, но и является обязательной ритуальной составляющей «реликтового свадебного обряда». Образ жениха-охотника широко распространён в народной свадебной обрядности. Алеша Попович из одноименной баллады называет себя «птицеловом» («Ты не первая попалась/В лодку, девица, мою:/ Знаменитым птицеловом/ Я слыву в моем краю! Без силков и без приманок/ Я не раз меж камышей/ Голубых очеретянок/ Песней лавливал моей!») [5, т.1, с. 220-221]. В северно-русской, смоленской, хорватской свадебной песне, свадебных обрядах Архангельской области невесту символизировала «сера утица», «перепелка», «златокрылая дикая утка», «белая лебедь». Жених, обозначенный как охотник-молодец добывает, ловит птицу. От таких свадебных охотничьих кодов и мотивировано именование Алеша Поповича «птицеловом» в балладе А. К. Толстого. В данном произведении писателя свадебная народная обрядность художественно мотивирует идиллическую направленность баллады.

Еще одна специфическая особенность баллады “Алеша Попович”: богатырь завоевывает любовь царевны и побеждает природу игрой на гусях и пением («Этим звукам сердце верит/ И дрожит, побеждено»; «Погремок, пестрец и шильник, /И болотная заря/ К лодке с берега нагнулись /Слушать песнь богатыря») [5, т.1, с. 223-224]. Вовлеченность Алеша Поповича в любовные перипетии, когда богатырское уходит на второй план, отражается и в описании героя: «За плечами видны гусли,/ А в ногах червлёный щит, / Супротив его царевна/ Полоненная сидит» [5, т.1. с.220]. Былинная опасность интимно-личностной сферы для богатырей в балладе “Алеша Попович” выражена более определенно, чем в балладе «Сватовство». В песне главного героя разрушается идиллическая атмосфера, звуки передают ощущение опасности, надвигающихся будущих катаклизмов («Иль ковшей то звон задравный?/ Иль мечи бьют о мечи?»; «Пламя ль блещет?»; «Буря ль встала, пыль крутя?»; «Конь ли по полю несется?»; «Или счастья обещанье?/ Или смерти то привет?» [5, т.1. с.222-223]. Особую роль в произведении играет образ стрекоз, отсылающий к балладе «Где гнутся над омутом лозы». В нашей статье с А. В. Антюховым мы отмечали опасность, связанную с образом этих насекомых в народном сознании. Так нами выделены соотносительности стрекоза/ведьма, стрекоза/эльфы, подчеркивающие «смертоносный код» насекомых [1, с.128-129; 6, с.132].

Анализ специфики функционирования свадебной обрядности в балладах А. К. Толстого позволяет сделать следующие выводы. Народная свадебная обрядность играет в балладах писателя двойственную роль: поддерживает идиллическую любовную атмосферу баллады и в то же время воссоздает былинную опасность интимно-личностной сферы для богатырей. Реализация таких противоположных функций, очевидно, объясняется жанровым взаимодействием модификаций былины и баллады, создающих особые, часто оппозиционные образы мира и человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антюхов А.В., Шаравин А.В. От немецко-австрийских образцов к воплощению славянской картины мира в балладах А.К. Толстого // Вестник Брянского государственного университета. № 2 (32) (2017). Брянск: РИО БГУ, 2017. С. 125-132
2. Гура А.В. Брак и свадьба в славянской народной культуре: Семантика и символика. М.: Издательство «Индрик», 2012. 936 с.
3. Пропп В.П. Русский героический эпос. Изд.2-е. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1958. 603 с.
4. Скафтымов А.П. Поэтика и генезис былин. М.: Книгоиздательство В.З. Яконова, Саратов, 1924. 224 с.
5. Толстой А.К. Собрание сочинений. В 4-х т. М.: Правда, 1980.
6. Фаустов А.А. Голос стрекозы в русской поэзии / Мировое древо. Выпуск 11. М., 2004. С.130-149

Долгов В.Г.

*Бельцкий государственный университет им. А. Руссо,
г. Бельцы (Республика Молдова)
e-mail: slavprav@gmail.com*

УДК 821.161.1

**Роль юродства в идейном содержании пьесы Л. Улицкой
«Семеро святых из деревни Брюхо»**

*Dolgov Vyacheslav Gennadievich
Balti State University A.Russo, Balti (Moldova)*

UDC 821.161.1

**The role of holy fool in the idea content of the play by L. Ulitskaya
«Seven saints from the village of Bryukho»**

В данной статье рассматриваются особенности художественного осмысления феномена юродства в пьесе Людмилы Улицкой «Семеро святых из деревни Брюхо». Учитывается специфика народного восприятия юродства, на которую опирается автор, разделяя институт блаженных и юродивых. Анализируются особенности образной системы и идейно-тематического своеобразия произведения.

Ключевые слова: юродивый, блаженный, система персонажей, идейно-тематическое своеобразие, конфликт.

The present article examines the various aspects of the artistic perception of the phenomenon of «Holy Foolishness» / «Yurodstvo» in Lyudmila Ulitskaya's play «Seven Saints from the Village of Bryukho». The particularities of the folk understanding of «yurodstvo», on which the author is based, differentiating «the Blessed» from «Holy Fools», are also taken into consideration. The specific features of the play's image system and its ideological and thematic peculiarity are analyzed from culturological point of view.

Key words: holy fool, blessed, system of characters, ideological and thematic originality, conflict

О замысле произведения и некоторых аспектах его реализации, использованном в качестве отправной точки источнике, специфике художественного мировидения Людмила Улицкая рассказывала как на презентации книги «Русское варенье и другое», в состав которой вошла и данная пьеса, так и в интервью. «В начале 90-х годов была

издана книга, написанная священнослужителем, который собрал рассекреченные материалы, связанные с гонениями в 1917 году на около церковных людей – нищих, юродивых и блаженных. Их убивали, сажали в тюрьмы – подобная трагедия произошла и в деревне Пузо, которая в книге получила название Брюхово» [4], – рассказала автор на презентации книги в Москве в 2008 году. Не вызывает сомнения, что протоосновой пьесы послужило «Житие и страдание преподобномученицы Евдокии (Шиковой) и послушниц ее Дарии (Тимолиной), Дарии (Сиушинской) и Марии». Оно входит в состав 1 книги иеромонаха Дамаскина (Орловского) «Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви XX века. Жизнеописания и материалы к ним», опубликованной в 1992 году.

Официально произведение позиционируется как «отчасти сюрреалистическая история о том, как сосуществуют грех и святость посреди разгрома и ужаса России периода коллективизации». Основное действие в пьесе разворачивается в доме блаженной Дуси, лишь изредка художественное пространство расширяется, но не выходит за пределы деревни. За счет пролога и эпилога (включение пролога и эпилога автор назвала «уступкой публике», к которой она прибегла после постановки пьесы в Фрайбурге, Москве и Тюмени. Эти композиционные элементы Людмиле Улицкой не представляются необходимыми, решение использовать их или нет, по ее мнению, в каждом отдельно взятом случае должен принимать режиссер), появившихся во второй редакции произведения, пространственные и временные характеристики произведения расширяются, как представляется, для того чтобы подчеркнуть актуальность одной из основных проблем – оскудения святости – и для современной России. Мотивы святости, духовного подвига, крови, пьянства, безбожия и власти, заявленные в прологе, станут лейтмотивами всей пьесы и, повторившись в эпилоге, замкнут кольцо времен.

В интервью Александру Вознесенскому Людмила Улицкая призналась: «Материал, который попал мне в руки, был совершенно потрясающий. Явление юродства на Руси отражено в литературе очень ярко. Само явление – уникальное, очень глубинное и корневое. Мне очень хотелось к нему прикоснуться» [6]. Примечательно, что типично русская особенность сочленения греха и святости, духовного величия и греха, плотского низа в авторской интерпретации бесчинств молодой советской власти потребовала обращения к уни-

кальному явлению русской культуры — юродству, которое и является предметом нашего внимания в данной статье.

Центральной фигурой произведения становится блаженная Дуся, дом которой, как уже отмечалось, станет своеобразным центром притяжения. Известно, что прототипом ее является Евдокия Шейкова (в книге «Мироносицы в эпоху ГУЛАГа» отмечается, что настоящая фамилия Евдокии Шейкова, о чем свидетельствуют как ее родственники, так и как жители села Суворово (Пузо). Утверждается, что неверное написание фамилии появилось в церковных источниках вследствие неправильной расшифровки имени святой в рукописях В. И. Долгановой), канонизированная Русской Православной Церковью в 2000 году. Не уступает блаженной по значимости юродивая Маня Горелая. Следует отметить, что слово *блаженный*, первоначально использовавшееся для обозначения юродивого, функционировало в древней и средневековой Руси в значении «хороший, благополучный, счастливый», а также «усопший, покойный» (как обозначение святого). На современном этапе в литературном языке лексема *блаженный* используется в значении «в высшей степени счастливый» (*блаженно, блаженство, блаженствовать*), разговорный вариант — в значении «глуповатый, чудаковатый» (*блажененький*; первоначально *юродивый*). Замечаем, что к настоящему времени семантика слова *блаженный* сдвинулась: это или одна из степеней святости, или тихое помешательство. Связи, установленные на лексическом уровне, как выяснится позже, не единственное, что будет сблизать внешне как будто противопоставленных героинь («*И была между нашими блаженными вражда*» [9, с. 9]).

Ключевые характеристики неходячей Дуся (отметим, что развитие культа юродивых на Руси способствовал и культ калек, а в народе «поврежденность» воспринималась как отмеченность Богом, что отчасти отражает этимология слова юродивый¹) в экспозиции дает Голованов: «*блаженная Дуся*», «*неходячая*», «*провидица*», «*целительница* («...одной богатой барыне сына исцелила») [9, с. 9]. Вслед за ней представляет и «*примечательную особу*» — Маню: «*беспримерная ругательница*», «...ясновидящая: все знала про всех, и прошлое, и будущее», «...на улице жила. Ни дома, ни двора» [9, с. 9]. Данный набор характеристик по ходу развития сюжета будет конкретизироваться и дополняться. Отталкиваясь от него, обратимся к определению оснований для разграничения блаженной и юродивой.

Как кажется на первый взгляд, их объединяют сверхчеловеческие возможности: дар прозорливости, чудотворения, целительства, которыми нередко наделяются адепты различных чинов святости, угодившие своим бытием или подвижнической деятельностью Богу. И однажды Дуся смогла воскресить ребенка (следование Христу — одна из отличительных черт юродства). Но утопший мальчик, воскрешенный блаженной, через год «обратно утоп» [9, с. 14].

Блаженная отличается привязанностью к «вещному миру». Дуся в родном Брюхе живет в доме, купленном благодарной барыней, с хожалками, которые должны выполнять любую ее прихоть. Обложенная подушками в «келье» (так она называет часть комнаты с кроватью), принимает подарки, любит платки, которых у нее множество, «даже и золотого шитья» [9, с. 11]. В то время как парадигма юродства предполагает отверженность всего, что связано с миром «дольним». Поэтому Маня Горелая подчеркнуто бездомна и связана с пограничным пространством крыши и кладбища. Презрение к комфорту, различным благам и богатству накладывает отпечаток даже на внешний вид — юродивая ходит босой и обходится минимумом ветхой одежды, которая не способна спасти ее от зимних морозов.

Аскеза юродивой сочетается с необходимостью «умерщвления» плоти — источника греха. Что заставляло многих подвижников, как, впрочем, и Маню, носить вериги, причинявшие невыносимую боль каждую минуту существования и заставлявшие еще больше заботиться о возвышении духа.

Юродство, как «противуканонический» чин святости, предполагал «подвиг изображения внешнего, т.е. видимого безумия с целью достижения внутреннего смирения» [7, с. 155]. За внешне бессмысленными действиями, поступками, высказываниями Мани скрывается сокровенный смысл, постичь который сразу невозможно. Маску безумца юродивый обычно надевает, с определенной целью: будь то стремление избежать почитания, которое чревато гордыней, будь то необходимость обнаружения ложного значения мирских ценностей. А Дуся, пережившая глубокую личную драму, похоже, реально «повредила умом». Возлюбленный Прокл пропал до венчания («...все, с тех пор и не вставала я на мои ноженьки», — объясняет причины своего недуга блаженная), и белый платок, повязанный на манер фаты, куклы, которых она называет деточками, свидетельствуют о том, что женщина явно не в себе. Отметим, что Е. Беленсон

разделяет «органическую, дефективную «юродивость» (слабоумие, недоразвитость)» и мистическое юродство, которое, в свою очередь, делится на два типа: «блаженненьких» и святых. Первую ступеньку юродивого пути Беленсон видит именно в слабоумии и недоразвитости; поврежденность, по ее мысли, является предпосылкой Благодати, «дефект обращается в положительное условие роста духовного» [1, с. 89-98].

Аскет, принявший подвиг юродства, отрекается не только от всего мирского, но и обрушает родственные связи. На фоне Дуси, постоянно возвращающейся к своей «вдовой» доле, «деточкам», Маня Горелая представлена свободной: отречение от «горизонтальных» связей призвано усилить связь «вертикальную» — с Богом. В финале произведения выяснится, что Маня — это и есть сбжавший из под венца Прокл. Данный прием травестии отсылает к образу юродивой Ксении, носившую одежду мужа после его смерти.

Как отмечают исследователи, юродство — акт санкционированный. По дороге к месту расстрела отец Василий будет петь панихиду и вдруг скажет: «*Господи, прими душу раба твоего протоиерея Василия, раба Божьего Прокла...*» [9, с. 66]. Следовательно, можно предположить, что священник, которому известна была тайна Мани / Прокла, благословил на подвиг юродивую.

Маню Горелую вполне можно назвать «похабом»². Она активно пользуется бранной лексикой (на месте погребения старого зипуна поет: «*На могиле нищий дрищит, / в брюхе ветер, в жопе пар, / приходи ко мне, миленок, вместе вздуем самовар!*» [9: 40], «перелицовывает» молитвы («*Исцелит тебя святая колода во имя пера, пуха и глухого уха!*» [9: 13]), гневно обрушивается на Дусю. Последнее, очевидно, объясняется борьбой с почитанием блаженной (что опасно для нее самой), необходимостью вернуть окружающих к Богу, поскольку пространство пьесы густо населено грешниками самых разных мастей.

Сюжетный конфликт пьесы связан со столкновением Дуси с Роговым. Однако проблематика произведения имеет более широкий характер. Рогов как яркий представитель «*homo soveticus*» заявляет о начале переустройства мира. Известная доктрина в его устах обретает эсхатологическое звучание: «*Все будет общее, все будет новое. Государство будет новое. И земля, и небо новое. А теперешний народ ни на что не годится. Пусть и перемрет*» [9, с. 53]. Трагизм ситуации заключается в том, что построение всего осуществляется на

крови, родить новых людей должна гуляющая девка, а новое мироустройство лишено духовной опоры — создаваемый мир не нуждается в Боге. Символично, что главную святыню — древнюю икону, о которой в экспозиции произведения сообщает Голованов — спасает из разграбленного храма именно юродивая Маня.

Людмила Улицкая, как видим, продолжает ту линию русской литературы, которая утверждает, что без праведника «не стоит село, ни город, ни вся земля наша». При этом, отталкиваясь от народного восприятия юродства, она, как представляется, одновременно разделяет и связывает Дусю и Маню как носительниц двух важных идей православия — смирения перед Богом и упования во всем на него, а также деятельной защиты всего, что представляет ценность для веры.

¹ Слово «юродивый» возникло в общеславянский период. В «Этимологическом словаре» Фасмера сказано: «Юродивый, др.-русск. ЮРОДИВЪ, начиная с XIV в. До этого — УРОДИВЪ. Согласно Соболевскому, связано со ст.-слав. Жродъ *ὑπερήφανος*» [9, т. 4, с. 534]. И далее: «Урод — др.-русск. УРОДЪ «слабоумный», «юродивый» [9, т. 4, с. 168]. Древнерусское «оуродъ» происходит от слова «род» с отрицательной частицей. П. Я. Черных в «Историко-этимологическом словаре современного русского языка» поясняет: «Русская, восточнославянская форма — урод —, из у- — приставки, обозначающей «ущербность», «недостаток», «убыль», «уменьшение»... и корня род-» [10, т. 2, с. 461]. По сути то же объяснение, но более обстоятельное, находим у иеромонаха Алексия, который отмечает, что «смысл частицы *iū* (оу и ю) будет означать «всё то, что мало цѣнится, чего можно не знать, от чего можно убѣгать». Частица оу (древний большой юсь) означает — отдѣленность, отходь оть чего нибудь. *rodh*; санскритское *rudh* — подниматься, расти» [3, с. 59]. Владимир Даль дает такое определение слова «юродивый»: безумный, божевольный, дурачокъ, отроду сумашедшій. При этом он разделяет народное и церковное восприятие, отмечая, что «народъ считаетъ юродивыхъ Божьими людьми, находя нерѣдко въ безсознательныхъ поступкахъ ихъ глубокой смыслъ, даже предчувствіе или предвѣденье», а церковь признает «и юродивыхъ Христа ради, принявшихъ на себя смиренную личину юродства», в церковном же значении [2, т. 4, с. 669]. Показательно, что исследователь разделяет

юродивых «отроду», т.е. «уродов» в древнем смысле этого слова, и «Христа ради».

² Лексема «похаб» обнаруживается уже в самых древних списках жития святого Андрея (XI-XII вв.), где используется чаще других синонимов, например, «салос», «убог», «несмыслен». По определению В. Даля «похаб» - это человек «наглый и бесстыжий в речах, срамо(скверно)словный, ругательский, поносный». В данной лексеме, как видим актуализируется признак поведения, выходящего за пределы установленных в социуме норм, на основании которого она вступает в синонимические отношения со словом «юродивый». Очевидно с XVII века свое сакральное значение это слово утратило и сегодня «похабным» называют нечто неприличное и позорное.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беленсон Е. О юродстве во Христе // Путь. Орган русской религиозной мысли. Париж, Т. 8, (август) 1927 г. С. 89-98.

2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1994.

3. Иеромонах Алексей (Кузнецов). Юродство и столпничество. Религиозно-психологическое, моральное и социальное исследование. СПб., 1913. Репринтное издание. М., 2000.

4. Людмила Улицкая представила в Москве книгу своих пьес «Русское варенье и другое». Режим доступа: <http://www.newsru.com/cinema/20feb2008/ulizkaya.html>

5. Мироносицы в эпоху ГУЛАГа: Свидетельства. Мемуары / Сост. Павел Проценко. Нижний Новгород: Изд-во Братства во имя св. Александра Невского, 2004.

6. Никакого авторского произвола. Беседовал Александр Вознесенский. Режим доступа: http://exlibris.ng.ru/fakty/2004-05-13/1_ulitskay.html

7. Покровский Д. Словарь церковных терминов. – Sharon, Massachusetts, 2002.

8. Словарь Древнего славянского языка, составленный по Остромирову Евангелию. Издание А. С. Суворина. СПб., 1899.

9. Улицкая Л. Русское варенье и другое. М., 2008.

10. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М., 1996.

11. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М., 1999.

Трофимович Т.Г.

*УО «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка», г. Минск (Беларусь)
e-mail: t.trof@mail.ru*

УДК 1'276.6:659.1 (476)

Языки современной белорусской социальной рекламы

Tamara Trofimovich
*Belarusian State Pedagogical University n.a. Maxim Tank,
Minsk (Belarus)*

УДК 1'276.6:659.1 (476)

The languages of contemporary belarusian public service announcement

В статье предпринимается попытка анализа языковых особенностей современной белорусской социальной рекламы, существующей в условиях близкородственного двуязычия; выявлены некоторые тенденции использования белорусского и русского языков в рекламных текстах.

Ключевые слова: языковая ситуация, близкородственное двуязычие, государственные языки, социальная реклама, взаимодействие языков.

The article is dedicated to analysis of distinctive features of contemporary belarusian public service announcement, which exists within a close-related bilingual situation; a few tendencies of Belarusian and Russian usage in ad texts are clearly recognized.

Key words: language situation, close-related bilingualism, official language, public service announcement, linguistic interaction.

Языковая ситуация в современной Республике Беларусь, как известно, квалифицируется как ситуация близкородственного двуязычия. Двуязычие законодательно закреплено «Законом о языках» 1993 года и Конституцией страны, статья 17 которой гласит: «Государственными языками в Республике Беларусь являются белорусский и русский языки»[1]. Это означает, что белорусский и русский

языки могут использоваться во всех сферах общественной жизни, являясь важнейшими средствами человеческого общения.

С относительно недавних пор в нашу жизнь прочно вошла реклама. Всезнающая «Википедия» утверждает, что реклама – это неперсонифицированная передача информации, обычно оплачиваемая и имеющая характер убеждения, о товарах, работах, услугах или идеях известных рекламодателей посредством различных носителей [2]. Среди многочисленных видов рекламы свое место в общественной жизни заняла реклама социальная. Она, как известно, не решает экономических задач, а направлена на достижение благотворительных и иных общественно полезных целей: популяризацию здорового образа жизни, безопасного поведения, поддержку незащищённых слоёв населения, борьбу с загрязнением окружающей среды, знакомство с деятельностью общественных организаций и фондов и т.п.

В современном белорусском обществе социальная реклама по распространенности успешно конкурирует с рекламой коммерческой как в средствах массовой информации, так и на улицах городов. Баннеры (биллборды) с социальной рекламой можно в большом количестве наблюдать вдоль магистралей, в общественном транспорте. Как в такой рекламе представлены русский и белорусский языки?

Материалом для наших наблюдений стали рекламные баннеры (биллборды), в настоящее время размещенные на улицах белорусской столицы, а также некоторые телевизионные ролики. Ясно, что социальная реклама, как и коммерческая, складывается из визуального ряда и вербального текста. Свое внимание мы сконцентрировали на текстах.

Давая обобщенную характеристику собранных нами рекламных текстов, укажем, что приблизительно половина из них выполнена на русском языке, а другая половина – на белорусском языке. Этот вывод подтверждает гарантированные законом равные права государственных языков, а также последовательную деятельность белорусского общества по поддержке, развитию и популяризации белорусского языка.

Разнообразна сфера интересов социальной рекламы, и, как показал анализ, сфера интересов нередко определяет выбор языка. Так, например, в основном белорусский язык используется в рекламе патриотической направленности. Серия баннеров размещена на

улицах столицы с изображением белорусских достопримечательностей и со строчками из Гимна Республики Беларусь: *Слаўся, зямлі нашай светлае імя! / Сэрцам адданья роднай зямлі! / Вечна жыві і квітней, Беларусь!* Другая серия содержит трафаретный текст, в котором меняется начальное слово: *Гісторыя / Культура / Хлеб / Радзіма... Тое, што нас аб'ядноўвае.*

Естественным оказалось использование белорусского языка в рекламе, которая призывает беречь, ценить, изучать родной язык. *Часцей рамаўляйце на роднай мове самі і разам з намі.* Хорошо известны белорусам баннеры *Смак роднай мовы*, на которых приведены названия растений по-белорусски и по-русски. *Смак роднай мовы / шыпшына – шиповник, агрэт – крыжовник, суніцы – земляника, кавун – арбуз* и др. Удачными оказались баннеры с трафаретным текстом с меняющимся видеорядом и первым словом: *Сябар/ Каханне / Радзіма... Маё першае слова па-беларуску? А якім будзе тваё першае слова на роднай мове?*

Социальная реклама на белорусском языке популяризирует белорусскую армию, призывает честно отдавать свой долг Родине: *Служым народу, закону, Айчыне / 100 год беларускім узброеным сілам / Вы заваявалі мір, мы яго зберажам.*

Белорусскоязычные тексты встречаются и в рекламе, призывающей к охране окружающей среды, родной природы. Соответствующие изображения сопровождаются лаконичными высказываниями: *Рыба не паскардзіцца, За чысціню нашых вадаёмаў / Ці такі след мы пакінем нашым нашчадкам? / Нашы суседзі з Чырванай кнігі / Лес – наша багацце.*

Рекламные тексты на белорусском языке разнообразны по содержанию: *Падаткі – кошт за жыццё ў цывілізаваным грамадстве!* (о необходимости платить налоги); *Асалода чытання* (о международном дне чтения вслух); *Пяшчота не проста слова, гэта сутнасць нашай працы* (о работе белорусской милиции).

К несомненным успехам социальной рекламы следует отнести широко распространенные плакаты со слоганом *Я люблю Беларусь!* Глагол *люблю* может заменяться символическим изображением сердца, выложенным из горсти ягод, рябиновой кисти, острова на озере, подснежников, драника. Исключительный успех обеспечен в данном случае еще и тем, что фраза по-русски и по-белорусски пишется одинаково.

Социальная реклама на русском языке тоже широко распространена. Она охватывает различные стороны общественной жизни. Так, например, активными являются призывы платить налоги, алименты: *Налоги – это наше здоровье / наши дороги / наши города / наша наука... / Бывших детей не бывает. Заплатите алименты! / Уплата налогов – ваш вклад в развитие города.*

Активную позицию по пропаганде безопасности жизнедеятельности занимает Министерство по чрезвычайным ситуациям, используя не только улицы городов, но и телевидение. Рекламные тексты и ролики создаются сериями. При этом изображение на плакате или видеоряд в ролике может меняться, а слоган остается неизменным. Так, например, произошло с рекламой, которая призывает родителей научить детей правильному безопасному поведению. Телевизионные ролики и плакаты содержат слоган: *Гордимся, что научили! Научите детей правилам безопасности.*

Социальная реклама на русском языке уделяет большое внимание сохранению жизни и здоровья граждан (*Не теряй голову на переходе! Посмотри налево, посмотри направо / Пройди тест на ВИЧ / Не будь глупцом! Не жги траву! / Цени свою жизнь!*), распространению финансовой грамотности (*Зарплата в конверте. Вас лишают пенсии, больничного, отпуска*), популяризации здорового образа жизни (*Подружись со спортом!*). Последняя реклама, призывающая подружиться с физкультурой и спортом, получила очень интересное визуальное сопровождение: многочисленные баннеры воспроизводили детские рисунки на спортивную тему. При этом сообщалось, кто автор рисунка и сколько ему лет.

Социальной рекламы на тему спорта на минских улицах много, она выполнена как на русском языке, так и на белорусском: *Гуляць у вейбол – гэта крута! / Каманда твайі сталіцы. Хакейны клуб “Дынама”- Мінск / Дорога в большой футбол! “Динамо”- Минск.*

Дети – особая забота современного белорусского общества: *Город, дружественный детям. Минск / Приложи руку к доброму делу. Белорусский детский хоспис / Дети не ищут опасность. Они просто играют.* Демографическая ситуация в стране тоже не осталась без внимания. Схематическое изображение семьи сопровождает надпись: *Не оставляйте пробелов!*

В поле зрения социальной рекламы оказались проблемы безопасного выезда за границу (*Собирайся за границу – звони!*),

искоренения насилия в семье (*Останови насилие в семье! Нужна помощь!*), благотворительности (*Я участвую в благотворительных акциях!*).

Сохранение окружающей среды – всеобщая забота. Социальная реклама настойчиво призывает к раздельному сбору мусора. Для примера вспомним два телевизионных ролика, которые в настоящее время демонстрируются по белорусскому телевидению. Это ролик с мультипликационным изображением детского хора, исполняющего песенку: *Чтобы, чтобы, чтобы планету нам спасти, надо, надо, надо мусор разделять. Зеленый, желтый, синий баки отыщи. Стекло, бумагу, пластик отдельно положи!* Удачной оказалась реклама такого же содержания со слоганом *Наша забота, а не енота! Раздельный сбор отходов*, на основе ролика были изготовлены баннеры.

Заканчивая наше рассмотрение социальной рекламы, укажем, что представленные в ней тексты, как на русском языке, так и на белорусском, лаконичны, а рекламный эффект складывается не только из них. К чести создателей социальной рекламы отметим, что в собранных нами текстах, а их было привлечено к анализу около 200, речевых, орфографических и пунктуационных ошибок не замечено.

Таким образом, размещенная на улицах современного Минска социальная реклама как нельзя лучше представляет языковую ситуацию в Республике Беларусь. Русский и белорусский языки гармонично сосуществуют, обеспечивая поступательное развитие общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Республики Беларусь. – Электронный ресурс. Режим доступа: <http://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnyedokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/> Дата доступа 10.04. 2018.
2. Реклама. – Электронный ресурс. Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki>. Дата доступа 10.04. 2018.

Трошина Н.В.¹, Мкртчян Н.Э.²

ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского», г. Брянск (Россия)

¹*e-mail: natalya_troshina@mail.ru*

²*e-mail: nubar.mkrt4yan@yandex.ru*

УДК 81 ' 371

Сравнительные обороты в поэзии Анны Ахматовой

Troshina Natalya Viktorovna, Mkrtchyan Nubar Edvardovna
Bryansk state University named after academician I. G. Petrovsky,
Bryansk (Russia)

UDC 81 ' 371

Comparative revolutions in the poetry of anna akhmatova

В статье представлен анализ одной из наиболее выразительных синтаксических доминант поэзии Анны Ахматовой – сравнительных оборотов. Выявлены их структурные, семантические особенности и изобразительные возможности, отражающие специфику идиостиля поэта.

Ключевые слова: сравнительный оборот, объект сравнения, эталон сравнения, основание сравнения, поэзия, Анна Ахматова.

The article presents an analysis of one of the most expressive syntactic dominants of Anna Akhmatova's poetry - comparative turns. Their structural, semantic features and visual possibilities, reflecting the specificity of the idiosstyle of the poet, are revealed.

Keywords: comparative turnover, comparison object, reference standard, comparison basis, poetry, Anna Akhmatova.

Сравнение, как явление языка, базирующееся на сопоставлении по сходству и различию разнообразных свойств, качеств и признаков отдельных предметов и явлений окружающей действительности, является «элементом художественного мышления и служит задачам изображения и раскрытия художественного образа» [3, с. 83]. Сравнение – яркий, весьма употребительный и продуктивный прием создания образа и художественной выразительности. Оно актуализирует смысл высказывания и добавляет ему личностный компонент. Кроме того, сравнение – это еще и оценочное средство, способствующее выражению говорящим своего отношения к передаваемой информации. Все эти свойства сравнения оказываются чрез-

вычайно важными для лирики, передающей мысли, чувства, переживания субъекта.

В поэзии Анны Ахматовой весьма продуктивным средством выражения компаративной семантики являются синтаксические единицы (сравнительный оборот, составные именные сказуемые с семантикой сравнения, придаточные части в составе сложноподчиненного предложения и др.). При этом наиболее ярким средством с точки зрения структуры, семантики, изобразительных возможностей является сравнительный оборот, «полупредикативная синтаксическая единица, вводящая в предложение словоформы с семантикой сравнения при помощи сравнительных союзов-частиц» [2, с.453].

Сравнительные обороты в стихотворениях А. Ахматовой характеризуются разнообразием моделей.

Обороты, в которых сравнительная часть представлена отдельной словоформой, имеют в основе разные части речи: 1) существительные в форме именительного падежа: *Едкий, душный запах дегтя, / Как загар, тебе идет* [«Рыбак», с. 42; здесь и далее цитаты стихотворений А. Ахматовой даются по изданию [1]; в скобках указываются название стихотворения и номер страницы]; 2) местоимения: *Я была, как и ты, свободной, / Но я слишком хотела жить* [«Хорони, хорони меня, ветер!», с. 36]; 3) прилагательные: *И неверно брела, как слепая, / Незнакомой узкой тропой* [«Я пришла тебя сменить сестра», с. 71]; 4) предложные формы существительных в косвенном падеже: *От любви твоей загадочной, / Как от боли, в крик кричу...* [«От любви твоей загадочной...», с. 140]; 5) беспредложные формы существительных в косвенном падеже: *Обессиленную, на руках ты, / Словно девочку, внес меня...* [«Побег», с. 94]. Отмечены единичные случаи использования фразеологизмов в качестве сравнительных оборотов, при этом Ахматова для усиления экспрессии иногда подвергает устойчивое сочетание модификации: *Мне ни к чему одические рати И прелесть элегических затей. По мне, в стихах все быть должно некстати, Не так, как у людей* [«Мне ни к чему одические рати...», с. 190] – модифицированный фразеологизм «всё не как у людей» подчеркивает ироническое отношение автора к той оценке, которую дают обыватели стихам, непохожим на другие.

Среди сравнительных оборотов-словосочетаний отмечены субстантивные конструкции (простые и сложные): *Волынки вдали замирают, Снег летит, как вишневый цвет...* [«Белый дом», с. 112]; *А пришедший из южного края / Черноглазый, горбатый старик, /*

Словно к двери небесного рая, / К потемневшей ступеньке преник [«Плотно сомкнуты губы сухие», с. 65]. Существительные с предметным значением способны вызывать в сознании человека целый ряд ассоциаций, что оказывается важным для поэзии. Несомненно, преобладание имен существительных в качестве стержневого компонента сравнительного оборота является отражением особенностей идиостиля Ахматовой, предпочитающей конкретно-бытовые сравнения абстрактным. То, что реальное сравнение, семантической основой которого является сопоставление реальных фактов или явлений окружающей действительности, является для поэта более значимым, чем сравнение предположительное, условное, подтверждается и средствами связи сравнительных оборотов с предложением. Большая часть из них оформляется союзом-частицей КАК, вносящим элемент реального сравнения.

Сравнение как лингвистическая единица обладает своими особыми конструктивными признаками, отличающими ее от других языковых явлений. В идеальном, полном варианте сравнение представляет собой трехчленную структуру, включающую в себя объект, эталон и основание (модуль) сравнения. В исследуемых поэтических текстах представлены два вида сравнительных конструкций с точки зрения полноты структуры. С одной стороны, сравнение реализуется развернутыми оборотами, в которых присутствуют три компонента сравнения: *И он доходчив, / Как жаворонка утренняя песня* [«Говорят дети», с. 331]. Такое детализированное сравнение создает наглядный, яркий образ. В редуцированных конструкциях присутствуют только объект и эталон сравнения, модуль сравнения опущен: *Журавль у ветхого колодца, / Над ним, как кипень, облака* [«Ты знаешь, я томлюсь в неволе...», с. 63]. Восстановление оснований таких образных сравнений – это своего рода разгадка читателем художественного замысла поэта.

Объект сравнения – это предмет, явление, действие, находящееся в поле внимания говорящего и оцениваемое им. Как объекты сравнения в поэзии Ахматовой могут выступать различные реалии. Их названия можно представить несколькими лексикотематическими группами: 1) названия лиц: *Оттого и темно в светлице, / Оттого и друзья мои, / Как вечерние грустные птицы, / О бывшей поют любви* [«Родилась я ни поздно, ни рано», с. 120]; 2) названия явлений природы: *Высоко в небе облачко серело, Как беличья расстеленная шкурка* [«Высоко в небе облачко серело», с. 26]; 3)

названия предметов: *Как в трапезной – скамейки, стол, окно / С огромною серебряной луною* [«Луна в зените», с. 203]; 4) названия животных: *Хозяйкин черный кот глядит, как глаз столетий, / И в зеркале двойник не хочет мне помочь* [«Когда лежит луна ломтем чарджуйской дыни», с. 207]; 5) названия растений: *И крапива запахла, как розы, но только сильнее* [«Небывалая осень построила купол высокий», с. 152]; 6) названия отвлеченных реалий: *И, исполненный жгучего бреда, / Милый золос, как песня, звучит, / И на медном плече Кифареда / Красногрудая птичка сидит* [«Все мне видится Павловск холмистый», с. 96]; 7) названия локальных объектов: *Как щелочка, чернеет перулок* [«Ленинград в марте 1941 года», с. 189]; 8) номинации темпоральных явлений: *Зачем во дни святые / Ворвался день один, / Как волосы густые / Безумных Магдалин* [«Горят твои ладони», с. 55].

Яркой чертой идиостиля Ахматовой в плане представления объектов сравнения является использование личных местоимений Я и ТЫ: *Оттого и оснеженная Даль за окнами тепла, Оттого и я, бессонная, Как причастница спала* [«8 ноября 1913 года», с. 66]; *Словно ангел, возмутивший воду, / Ты взглянул тогда в мое лицо, / Возвратил и силу и свободу, / А на память чуда взял кольцо* [«Словно ангел, возмутивший воду...», с. 125]. Частотны в исследуемых текстах и конструкции, устроенные по модели определенного-личного предложения, где объект сравнения формально не представлен, но имплицитно выражен через формы глаголов: *Как невеста, получаю/ Каждый вечер по письму, Поздно ночью отвечаю Другу моему* [«Как невеста, получаю...», с. 91]; *Как соломинкой, пьешь мою душу. Знаю, вкус ее горек и хмелен* [«Как соломинкой, пьешь мою душу...», с. 28]. Частотность сравнений с объектом, представленным личным местоимением, отражает особенности поэзии Ахматовой: для её лирики характерен яркий психологизм, передача глубоких чувств, проникновение в тонкий душевный мир лирических героев.

Под эталоном сравнения понимается обозначение предмета, явления, действия, с которым и осуществляется сопоставление. Это часть сравнительной конструкции является наиболее творческим, индивидуальным элементом данной структуры. Именно эталоны сравнения в стихотворениях А. Ахматовой «позволяют раскрыть центральные категории мироощущения поэта, сложное и причудливое взаимодействие символов поэтического мира» [4, с. 243].

Антропоморфные эталоны сравнения создают образы, связанные с человеком: *Я люблю тебя, как сорок / Ласковых сестер* [«Читая “Гамлета”», с. 21]. Примечательно, что в сравнениях Ахматова обращается в основном к женским образам (*словно девочку, как слепая, как причастница, как невеста, как опьяневшая блудница* и др.), что связано с глубоким психологизмом её лирики, с принятием на себя всего спектра чувств и переживаний, которые испытывают лирические героини.

Представление в эталонах сравнения образов животных, птиц, насекомых, рыб, растений наделяет объекты сравнения необычными для них свойствами: *Кто воет за стеной, как зверь, / Кто прячется в саду?* [«На стеклах нарастает лед...», с. 370]; *И малиновые костры, / Словно розы, в снегу цветут* [«Как ты можешь смотреть на Неву...», с. 86]. Среди биоморфных эталонов наиболее ярким оказывается образ птицы: *И трепещет, как дивная птица, Голос твой у меня над плечом* [«Годовщину последнюю праздную...», с. 179]. В творчестве Ахматовой птица обозначает многое: полёт мысли, состояние души, Божьего посланника; это олицетворение свободной жизни.

Своеобразие лирики А. Ахматовой заключается в запечатлении одухотворенной предметности, что отражается в фетишных эталонах сравнения, представляющих образы предметов обихода, одежды, веществ, металлов и т.д.:... *Иль хриплый ужас лапою косматой / Из сердца, как из губки, выжмет жизнь* [«Так просто можно жизнь покинуть эту», с. 320]; *Как соломинкой, пьешь мою душу. / Знаю, вкус ее горек и хмелен* [«Как соломинкой, пьешь мою душу», с. 28]; *А лиственницы нежные и липы / В спокойных водах тихого канала, / Как в зеркале, любят себя собой* [«Приморский парк победы», с. 218]. Ахматовские детали вещного мира, представленные в сравнительных оборотах, психологичны и ассоциативны, они материализуют душевный строй, мысли лирического героя.

Эталонные сравнения также репрезентируют образы явлений, стихий природы: *Тот август, как желтое пламя, / Пробившееся сквозь дым...* [«Тот август, как желтое пламя...», с. 165]. Такие анимические эталоны сравнения (*как в чистой воде, как свет, как облако, как божье солнце* и др.) представляют архетипные образы природы, несущие на себе отпечаток взаимодействия лирического героя с окружающим миром.

Особое значение в поэтическом мире Ахматовой имеет реализация эталонов сравнения, репрезентирующих образы религиозных представлений человека, мифологических персонажей и т.п.: *Казалось мне, что туча с тучей/ Сшибется где-то в высоте / И молнии огонь летучий / И голос радости могучей, / Как ангелы, сойдут ко мне* [«Как страшно изменилось тело...», с. 129]; *А пришедший из южного края / Черноглазый, горбатый старик, / Словно к двери небесного рая, / К потемневшей ступеньке приник* [«Плотно сомкнуты губы сухие», с. 65]; *Тот август поднялся над нами, / Как огненный серафим* [«Тот август, как желтое пламя...», с. 165]. Такие эталоны сравнения создают всеобъемлющие образы, наполненные символическим значением.

Кроме того, эталоны сравнения в поэзии Ахматовой репрезентируют темпоральный и пространственный культурные коды, связанные с созданием образов через обозначение времени и топосов на поэтической карте поэта: ... *И полотенца снег, и свечка восковая / Горит, как в детстве, мотыльков сзывая* [«Когда лежит луна ломтем чарджуйской дыни», с. 207]; *И в тайную дружбу с высоким, / Как юный орел темноглазым, / Я, словно в цветник предосенний, / Походкою легкой вошла* [«И в тайную дружбу с высоким...», с. 125].

Основание (модуль, признак) сравнения – это тот признак, который определяется у обоих рассматриваемых предметов и на базе которого производится их сопоставление. Это наиболее субъективный элемент сравнительной конструкции.

Материальным воплощением основания сравнения в стихотворениях Ахматовой являются слова разных частей речи. Самыми частотными оказываются глаголы: *И еще не слышанное имя Молнией влетело в душный зал, / Чтобы ныне, всей страной хранимо, / Зазвучать, как боевой сигнал* [«Маяковский в 1913 году», с. 187]; *Я думала: томно-порочных/ Нельзя, как невест, любить* [«Высокие своды костёла», с. 60]. В ряде случаев в качестве основания сравнения представлены прилагательные: ... *Когда заря, как зарево, красна* [«Памяти друга», с. 203]. Чаще всего в сравнительных оборотах А. Ахматова использует основания сравнения, через которые передается её субъективное отношение к сопоставляемым явлениям действительности. Скрытые, неявные признаки предметов, образов, кажущихся изначально несопоставимыми, можно выявить лишь путем рассуждения, поиска ассоциаций: *А теперь я игрушечной стала, / Как мой розовый друг какаду* [«В Царском селе», с. 23]; *А дальше –*

свет невыносимо щедрый, / Как красное горячее вино... [«Они летят, они еще в дороге», с. 82].

Сравнительные обороты в лирике Анны Ахматовой, участвующие в выражении поэтических смыслов, разнообразны по структуре и семантике, наполнены архетипными смыслами, преломленными через индивидуальное авторское сознание, что является несомненным отражением уникального идиостиля поэта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахматова А.А. Сочинения. В 2-х т. Т. 1. Стихотворения и поэмы. М.: Худож.лит., 1986. 511с.
2. Бабайцева В.В. Система членов предложения в современном русском языке. М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. 496 с.
3. Жилин И.М. О категории компаративности // Вопросы синтаксиса и стилистики современного немецкого языка / Уч. зап. Ленинградск. пед. ин-та им. А.И. Герцена. Л., 1963. Т. 255. С. 83–90.
4. Трошина Н.В., Фёдорова С.К. Сравнительные конструкции как средство репрезентации мифологического культурного кода в поэзии Арсения Тарковского // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2017. № 2. С. 243–248.

Бахвалова Т. В.

*ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени
И.С. Тургенева» (Россия)
e-mail: btv-orel@yandex.ru*

УДК 811.161.1'374

Текст художественного произведения как ключ к познанию языка и культурно-исторического прошлого жителей региона

Bakhvalova Tatjana Vasilevna
*Orel State University named I.S. Turgenev,
Orel (Russia)*

UDK 811.161.1'374

Text of a work of art as a key to the language knowledge and cultural-historical past time of theregion residents

Статья посвящена выявлению язы- The article is devoted to the

ковых и культурно-исторических сведений о жизни и жителях орловского края в тексте художественных произведений И.С. Тургенева и И.А. Бунина.

showing up of lingual and cultural-historical information about life and residents of the Orjol region in the text of literary works of I.S. Turgenew and I.A. Bunin.

Ключевые слова: лингвистическая регионалистика, писатели-орловцы, художественные произведения, однодворцы, южнорусские говоры.

Key words: linguistic regionalistics, the Orjol-writers, works of art, smallholders, south russian dialects.

Текст художественного произведения, если он принадлежит мастеру слова, знающего и описывающего жизнь современников своего родного края, является богатейшим кладом сведений о языке, материальной и духовной культуре, мировидении местных жителей.

В последнее время базой для исследования диалектной лексики и фразеологии всё чаще выступают художественные произведения. Они дополняют традиционные источники изучения народных говоров такие, как живые говоры, антропонимия, топонимия, памятники письменности и др., а в некоторых случаях являются по существу самым главным, единственным информантом своеобразия речи диалектоносителей. Это относится в первую очередь к произведениям XIX – начала XX вв.

При изучении «диалектного сегмента» в ткани художественного произведения обычно обращается внимание на состав диалектной лексики и фразеологии, наполненность и системная организация отдельных тематических и лексико-семантических групп, функционирование диалектных слов в речи автора и персонажей, ареал территориально ограниченных единиц и квалификация их по отношению к живым говорам и современному языку, роль диалектной лексики в создании идиостиля писателя [4; 6].

Исследователями языка художественных произведений отмечается возможность использования их в качестве достоверного источника изучения особенностей языка, мировосприятия жителей определённого региона.

По достоинству оцененными в этом плане являются художественные произведения писателей-орловцев: И.С. Тургенева, Н.С. Лескова, И.А. Бунина, И.Е. Вольнова и др.

В ряду сложившихся направлений исследования языка текстов этих писателей хочется отметить значимость рассмотрения художе-

ственных произведений как источника лингвокультурологической и исторической информации об этнических сообществах, свойственных в прошлом для южных территорий России.

Обратимся к рассказу И.А. Бунина «Божье древо». Лауреат Нобелевской премии, автор многих рассказов и повестей, посвященных своему родному краю, своей малой родине, И.А. Бунин – продолжатель традиций русской реалистической литературы. Правдивость изображения действительности, свойственная писателю, усиливает ценность использования текстов его произведений в качестве достоверного источника.

В рассказе «Божье древо» главным героем является однодворец Яков Демидыч Нечаев. Однодворцы, как известно, потомки служилых людей, военных землевладельцев, несших дозорную и сторожевую службу на южных границах Московского государства в XVI–XVII вв. Эти сословные группы людей, с середины XIX века официально называемые государственными крестьянами, отличались от окружающих, коренных жителей южного приграничья. Занимая промежуточное положение между дворянами и крестьянами, они долгое время сохраняли самобытность, традиции в речи, одежде, питании, в поведении, в характере.

Однодворец середины XIX века выразительно представлен И.С. Тургеневым в рассказе «Однодворец Овсяников» его знаменитого цикла «Записки охотника»: – это человек *с ясным и умным взором..., с важной осанкой, мерной речью, медлительной походкой... Носил он просторный синий сюртук с длинными рукавами, застегнутый доверху, шелковый лиловый платок на шее, ярко вычищенные сапоги с кистями...* Поведение его отличалось важностью, достоинством, величавой приветливостью. *Это был один из последних людей старого века.*

Однодворцев начала XX века (1908-1910 гг.), проживавших в восточной части Орловской губернии, охарактеризовал известный славист, диалектолог А.М. Селищев. Объектом его описания стали государственные крестьяне, называемые однодворцами, родного села Волово Ливенского уезда Орловской губернии. В «Заметках по великорусской диалектологии» А.М. Селищев подробно описывает своеобразие одежды, речи этой группы жителей села, отличия их от цуканов – бывших помещичьих крестьян. Ученый отмечает при этом типичность языковых особенностей однодворцев разных местностей: «Уклад жизни, постройка и расположение домов у тамош-

них государственных крестьян (однодворцев), черты характера их одинаковы и в Ливенском уезде Орловской губернии, и в соседних уездах Курской губернии». «Тот же тип говора представляют и другие села и деревни государственных крестьян этой местности» [7, с. 410, 416].

Описание речи однодворца в научной статье и в рассказе И.А. Бунина во многом совпадает, что ещё раз подтверждает ценность и достоверность информации в этих разных источниках изучения особенностей характерной для юга России в прошлом группы населения.

Яков Демидыч Нечаев, однодворец в рассказе «Божье дерево», родом из сельца Прилепы Знаменской волости. Заметим, что сельцо Прилепы, как и село Волово, входило в состав Ливенского уезда Орловской губернии. В нём проживали государственные крестьяне. Сам Яков вспоминает: *У нас в старину село богатая была, сходка, бывало, соберётся – все тузья, бояре, угоишали радушно, на полный рот. Хочется обратить внимание на то, что и И.С. Тургенев отмечает те же особенности однодворцев, ср.: Овсяников ... напоминал мне русских бояр. ... Гостей он принимал весьма ласково и радушно.*

В прошлом однодворческое население было сравнительно обеспеченным, по своему положению было выше находящихся в крепостной зависимости помещичьих крестьян: *Ведь мы однодворцы, в старые времена тоже, бают, господа были. Над нами барские и теперь ещё смеются: ты мол, гáлман, чьих господ барин?*

Однако со временем бывшее благополучие падает, уходит в прошлое. Уже в XIX веке, как пишет И.С. Тургенев, *однодворца трудно отличить от мужика: хозяйство у него едва ли не хуже мужицкого*. Почему так произошло в отдельных семьях, рассказывает Яков Лукич Нечаев: *У нас двор в старину знаменитый был. Да знамо дело – стали делиться, ну и изничтожились. Мне земли пришлось всего полторы десятины.*

Дольше всего сохраняются и ярче всего обращают на себя внимание особенности речи однодворцев. В рассказе «Божье дерево» читаем: *Что однодворец, сразу заметно – по говору. ... Говор старинный, косолапый, крупный*. Своеобразие речи героя проявляется и в лексике, и в фонетическом, грамматическом оформлении слов, предложений.

Словарный запас включает в себя немало устаревших и диалектных слов.

Так, к историзмам относится слово *кумане* – *Ногайцев он назвал кумане, – древнее название половцев...* Во всей видимости, это изменённое *куманы / кумани* – этноним древнего народа. Как этнос «...куманы исчезли, сначала большинство их покорилось монголам и стало частью Золотой Орды, затем, потеряв этнические особенности, вошли в состав новых этнических образований – татар (крымских и казанских), караимов, карачевцев и балкарцев. Этноним *куманы* исчез» [2, с. 97].

В речи однодворца встречается слово *варяжить* вместо *торговать*. Производящим для него явилось существительное *варяг*, употреблявшееся в XIX веке в значении «мелочный купец, разносчик», торговец, который возит на телеге «целую лавку товаров, взятых большею частью в долг у купца» [СРНГ, вып. 4, с. 64]. Вполне возможно, поэтому слово *варяжить* является не архаизмом, а историзмом.

Явно к архаизмам относится слово *ма́ханина* «конина». В Словаре народного языка произведений И.А. Бунина оно квалифицируется как *Устар. и обл.* [5, с. 103]. Заметим, что в рязанских говорах в начале XX века было известно слово *маханина* «мясо павшего животного», «плохое, тощее или несвежее мясо» [9, вып. 18, с.45].

Конечно, речь окружающих людей не могла не повлиять на речь однодворца Якова Лукича, который *иногда сбивается на обычный, народный язык наших мест*. В его высказываниях немало слов диалектных. По своей ареальной характеристике они довольно разнообразны. Есть слова, употребляемые преимущественно в северных говорах: *воять* «выть» (в тексте: о собаке), *седатый* «седой» (в тексте: о ковыле), *вар* «солнечный зной, жара». Однако большинство диалектных слов имеют южнорусский ареал: *во́лна* «шерсть, состриженная с овцы, козы» – *А пока вот по садам сижу, а зиму хожу, волну бью по соседским дворам; совосто́жить* «сделать, приготовить что-либо» – *Вот добыл водицы в людской избе, сейчас кашку себе совостою; грéбовать* «брезговать» – *При старости при такой не гребуют никакой, у чужом у краю и с рябой как в раю; опри́чь*, предлог с род. п. «кроме» – *Кто же её такую-то опричь вдовца возьмет?* Есть слова, имеющие очень узкий ареал. Так, прилагательное *áредный* (*Казаки убили, пропади они пропадом. Они ведь страшные жадные, áредные, черти*) в тексте очень близко по зна-

чению к бранному слову. Именно в таком статусе оно зафиксировано и в тульских говорах [9, вып. 4, с. 40]. Слово *изнугряться*, употребляемое Яковым вместо *издеваться*, функционирует в живых орловских говорах – *Как ана изнугряитцъ над им, издиваитца* [8, вып.4, с. 147]. В качестве предлога известно на Орловщине и слово *наране* «перед чем-либо, накануне», ср. в тексте рассказа – *Повенчались наране Успенья*.

Интересно в связи со сказанным субстантивированное прилагательное *стременная*, значение которого хорошо объясняет сам Яков: – ... *стой, сват, давай ещё по единой, по стремянной выпьем!* – *Это что ж за стремянная такая? ... Эта, значит, по самой последней, когда уж в стремя становишься, ко двору едешь*. Заметим, что в донских говорах употребляется устойчивое словосочетание *стременная рюмка* «последняя рюмка спиртного, выпиваемая перед уходом на военную службу» [1, с. 514].

Наряду с диалектными словами в речи однодворца встречаются и явно индивидуально-авторские лексические единицы: *жара срединднёвная*, *толстолетнее дерево*, *людодёрство* и др.

Интересны устойчивые словосочетания, фразеологизмы: *хоть дёньги считай* «очень светло», *дай бог час* «в добрый час», *стеблом глаза колоть* «укорять, попрекать» (ср. диалектное *стеблo* «сухой стебель»), *стар пестрѣц, да уха сладка* (ср. диалектное *пестрѣц* «гриб моховик»), *пятки салом подмазала* «ушла», *на полный рот* «щедро, от души (об угощении)» и ср. *с ложки кормить* «угощать, проявляя скупость, сдержанность, умеренность» и др.

Поражает изобилие пословиц, поговорок, присловий, просто рифмованных фраз в речи Якова. Приведем некоторые из них. *Бог и колосьев не сравнял. Бог и лесу-то не сравнял. Лес по дереву не тужит. Конь ездока любит. День меркнет ночью, а человек печалью. Когда будем помирать, тогда будем горевать. Могу курить, могу и целый год так ходить. Сладок мед, да не по две ложки в рот. Не первая волку зима. Не пьют на небеси, а тут кому не поднеси*.

Наряду с лексическими особенностями в речи однодворца Якова немало и других диалектных черт, характеризующих его как носителя южных говоров. Среди фонетических черт следует отметить следующие: недиссимильативное аканье (*тапѣрь, сабѣ, табѣ, кагѣ, жанись*), сильное яканье (*маягѣ, нямножко, бяда, вялит, вялѣк, ня жадный, ня знаятя*), звук [x] на месте [ф] (*хунтик*), звук [y] в абсолютном начале слова на месте [в] (*усякая, усякие, у чужом у край, у*

Рыме), ассимилятивное смягчение заднеязычного [к] (*на речку, по-стирушечка, трубочка, водочка, табачкём, кобелькя*) и др.

К яркими грамматическим особенностям можно отнести явление так называемой «утраты среднего рода» у имен существительных, что проявляется в наличии при субстантивах среднего рода определений, выраженных словами женского рода: *село богатая была, эта одна баловство, ваша подаяня, божья древо: куды ветер, туды и она*. Имеются диалектные формы числа (*овсы, ячменя, по ржам, изо ржей, тузья*) и падежа (*этих бурей не боимся*). У глаголов 3-его лица единственного числа настоящего времени отсутствует конечный звук [т]: *пахня, вскоча, плача, не хоча, не жалае, не будя, помоча, мышкуя, можа – ... она, мышь-крыса усякая, перед дожжом сильно пахня. Он как вскоча... А она, значит, не жалае, не хоча. ...и помоча маленько, авось не сахарные, не растаем... Понуряя голова и с рублем пропадае*.

Обращают на себя внимание и отдельные, не свойственные литературному языку синтаксические конструкции: *думал об мужиков, на степь ездили, по садам сидеть, работой скучает, у чужом у краю*.

Своеобразие речи однодворцев, хорошо показанное И.А. Буниным, послужило основой для возникновения прозвищных именованных. Так, в Курской губернии бывших однодворцев называли *галманами* за то, что у них «язык толстый», *кулгурами*, потому что они резко отличались своим говором от окружающих [10, с. 176], в Воронежской губернии – *щекунами*, в Рязанской – *щокалками* [3, с. 4].

Запечатленными в народных говорах оказались и особенности поведения, черты характера однодворцев. За чрезмерную гордость, важность, спесь, стремление во всём подражать дворянам они получили прозвания *индюхи, гонурь, алая кровь, лапотные дворяне*, ср. также *Ана запускальсь, што аднадворка. Ну гардильсь* (орловские говоры).

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой толковый словарь донского казачества. – М., 2003. 608 с.
2. Евстигнеев Ю.А. Куманы/куны: кто они // <https://cyberleninka.ru/article/v/kumany-kuny-kto-oni>.
3. Зеленин Д.К. Талагаи и цуканы. Этнографический очерк. Воронеж, 1906/

4. Крюков Ю.Ю. Диалектная субстантивная лексика в произведениях И.А.Бунина: автореф. ...канд. филолог. наук. Орел, 2009.
5. Курносова И.М. Словарь народного языка произведений И.А. Бунина. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2006. 219 с.
6. Курносова И.М. Лексико-фразеологическая система писателей Центрального Черноземья и её лексикографическая представленность: автореф. ...докт. филолог. наук. Елец, 2009.
7. Селищев А.М. Заметках по великорусской диалектологии // Селищев А.М. Избранные труды. М.: «Просвещение», 1968. С. 402-427.
8. Словарь орловских говоров / Под ред. Т.В. Бахваловой. Вып. 1-4. Ярославль, 1989-1991; Вып.1-17. Орел, 1992-2016.
9. Словарь русских народных говоров. Вып. 1-49. М., Л., СПб., 1965-2016.
10. Халанский М.Г. Народные говоры Курской губернии // Сборник ИРЯС ИАН. Т. 76, №5. СПб, 1904.

Агафонов А.Ю., Федорова Т.В.

ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского», г. Брянск (Россия)
e-mail: fedorova0808@yandex.ru

УДК 81 ' 112

Абстрактная лексика в «Житии Сергия Радонежского»

Agafonov Anton Yurievich, Fedorova Tatyana Vladimirovna
Bryansk state University named after academician I. G. Petrovsky,
Bryansk (Russia)

UDC 81 ' 112

Abstract vocabulary in «The life of Sergius Radonezh»

В работе исследуется структура и семантика отвлеченных существительных как одного из важнейших стилеобразующих средств агиографического текста 15 века.

Ключевые слова: житие, абстрагизация, абстрактная лексика, се-

The paper reviews the structure and semantics of abstract nouns as one of the most important means of style formation of hagiographical text of 15 century.

Key words: life, generality, abstract vocabulary, semantics, lan-

Житие – один из жанров древнерусской литературы, который оставался ведущим на всем протяжении ее существования. Житие представляет собой жизнеописание церковных или государственных деятелей, мучеников, аскетов, объявленных христианской церковью святыми. Возникнув вместе с письменностью, агиографические тексты имели особое значение для русской культуры: в них нашло отражение духовно-эстетическое мышление наших предков. Первые оригинальные русские жития (Ольги, Бориса и Глеба) возникли в XI веке, значительное распространение данный жанр получил в северо-восточной Руси в XIV – XV веках. Именно к этому периоду относится и Житие Сергия Радонежского, написанное Епифанием Премудрым.

Агиографический текст связан с церковным действием, это определяет его жанровые особенности. «Житие святого, – пишет историк церкви, – само составляло принадлежность богослужения в день его памяти, будучи обязательно прочитываемо в церкви на 6-ой песни канона после кондака и икоса, и потому само настраивалось обыкновенно на возвышенный хвалебный тон церковных песней и чтений, который требовал от него не столько живых конкретных черт в обрисовке личности и деятельности святого, сколько черт именно типических, отвлеченных, чтобы сделать эту прославляемую личность чистым олицетворением того же отвлеченного идеала» [2, с. 4].

В памятниках житийной литературы находит отражение высокий, сакральный стиль древнерусского литературного языка. Необходимость выражения Божественного содержания требовала от книжника использования особого семантически и стилистически богатого языка. В нем, как и во всем строе агиографического текста, неизбежно проявлялось стремление к абстрагированию изображаемого. Эта особенность обнаруживается в частности в том, что «из литературного произведения по возможности изгоняется бытовая, политическая, военная, экономическая терминология, названия должностей, конкретных явлений природы данной страны и т.д.» [6, с. 21], вес же отвлеченной лексики в данном жанре чрезвычайно велик. Она участвует не только в создании одной из ключевых стиливых категорий жанра жития (абстрагизации), но и создает особую

приподнятость повествования. В текстах агиографического жанра мы можем наблюдать динамику отвлеченной лексики. В настоящей работе исследуется структура и семантика абстрактных существительных, представленных в «Житии Сергия Радонежского» (далее ЖСР).

Самую многочисленную группу абстрактных существительных, представленных в тексте, составляют те, которые образованы при помощи суффиксов *-ниј-*, *-ениј-*, *-иј-*. Как правило, такие существительные среднего рода и являются отглагольными образованиями. К этой группе можно отнести, например, следующие лексемы: *смиреномудрие*, *уединение*, *попечение*, *стенание*, *дръзновение*, *плакание*, *алкание*, *легание*, *жадание*, *умерщвление*, *прихождение*, *целование*, *братолюбие*, *долготерпение*, *утѣшение*, *дарование* и др.. Нередко в пределах одного предложения мы обнаруживаем целый ряд данных лексем: «Ты же глаголи слово божие без сомнѣния» (282); «Ино къ множеству трудов старьчих и къ великим исправлениемъ его възирая, аky безгласенъ и бездѣленъ в недоумѣнии от ужаста бывая...» (260); «Пребых убо нѣколько лѣт, аky бездѣленъ в размышлении, недоумѣниемъ погружаяся, и печалию оскръбляяся, и умом удивляяся, и желаниемъ побѣждаася» (258); «Мариа же, мати его, от дне того, отнеле же бысть знамение таковое и проявление, оттолѣ убо пребываше до времени рожения его и младенца въ утробѣ носящи яко нѣкое съкровище многоцѣнное...» (266); «Гробъ его у нас и пред нами есть, к нему же вѣрою повсегда притекающе, велико утѣшѣние душам нашимъ приемлем и от сего зѣло пользуемся; да поистинѣ велико то есть намъ от бога дарование даровася» (256). Все приведенные выше слова в современном русском языке имеют ту же морфемную структуру, что и в древнерусском языке, а их семантика напрямую связана с производным глаголом.

Реже абстрактные существительные с суффиксами *-ниј-*, *-ениј-*, *-иј-* образованы от существительных, например: *беспутие*, *безгнѣвие* — «без гнева» [8, т. 1, с. 53]: «Прочяя же добродѣтели его како имам повѣдати: тихость, кротость, слова млъчание, смирение, безгнѣвие...» (290); *бессоние* — бессонница (отметим, что данный пример не зафиксирован в словаре И.И. Срезневского): «И по малѣ часѣ в сонъ сведенъ бысть многъ въ еже в болѣзни бессоние исполнити...» (398).

Многие отвлеченные существительные, присутствующие в тексте Жития, интересны с точки зрения этимологии не только в лин-

гвистическом плане, но и в историко-культурном. Обратимся, например, к слову *въскръсение*. П. Я. Черных [9, т. 1, с. 168] приводит такое его значение: «день недели, следующий за субботой и предшествующий понедельнику», «общий день отдыха на неделе». В. И. Даль [1, т. 1, с. 248] дает еще одно известное всем значение: «восстание от мертвых, оживание, возрождение». В значении, указанном П. Я. Черных, в древнерусском языке известно и слово *недѣля*. Слово же *въскръсение* заимствовано из старо-славянского языка и является суффиксальным производным от *въскръсѣти*, которое в свою очередь образовано при помощи приставки *въс-* от *крѣсати*, производного от *крѣсь* — «поворот солнечный» [8, т. 1, с. 1355], т. е. «резкое изменение в течение времени, в течение года» [9, т. 1, с. 169]. Существует точка зрения, что глагол *кресать* или *кресить* означает «высекать» (огонь). Такое мнение существует исходя из того, что существительное *крысало* имеет значение «огниво, плашка» [1, т. 2, с. 205] и глагол *крысать* означает «рубить, высекать, кресать» [1, т. 2, с. 205]. Чередование *ы//е* — в с связи с тамбовским диалектным вариантом *кресало*.

Таким образом, с точки зрения диахронии, морфемное членение этого слова таково: *въс-крѣс-ениј-е*. В современном русском языке И. И. Кузнецова и Т.Ф. Ефремова тоже выделяют префикс *вос-* [4, с. 169].

Общность же семантики в древнерусском языке слов *недѣля* и *въскръсение* объясняется тем, что «воскресеньем сначала называли первый день пасхи — пасхальное воскресенье (в память «воскресения из мертвых» Христа)» [9, т. 1, с. 168], т. е. день, когда ничего не следует делать. Слово *недѣля* образовано при помощи приставки *не-* от *дѣлати* [9, т. 1, с. 566] с отсечением у последнего суффиксов *-а-*, *-ти-*. Однако с точки зрения синхронии это слово — с непроизводной основой. Семантика неделания, бездействия, подтверждается И. И. Срезневским [8, т. 2, с. 380]: «недѣля — «воскресенье, воскресный день». В таком значении слово *недѣля* употреблено в следующем контексте из ЖСР: «Еще бо ему въ утробѣ матернѣ носиму, въ единѣ от дний дневи сущу недѣли мати его вниде въ церковь по обычаю, въ время, егда святую поют литургию» (264). Ср. также значение слова *въскръсение* как «восстание от мертвых» в контексте: «...трикраты же Христос по въскръсении рече: “Петре, любиши ли мя?”» (274).

Рассматривая многие употребленные в памятнике абстрактные существительные с суффиксами *-ниј-*, *-ениј-*, *-иј-* точки зрения диахронии, нередко можно обнаружить процесс опрощения. Обратимся, например, к слову *умѣние* и его производящей базе *умь*. Др.-рус. слово *умѣние*, в словаре Даля [1, т. 4, с. 497] трактуется как «свойство по глаголу (уметь): способность, опытность, знание, усвоенье дела, работы». Слово *умѣние* является производным от глагола *умѣть*, который в свою очередь «образован с помощью суффикса -ѣти (совр. -еть) от той же основы, что и *умь*» [10, с. 495]. Др.-рус. (с XI в.) и ст.-сл. *умь* — «ум», «душа», «мысль», «понимание» [9, т. 2, с. 289] является производным от о.-с. **umь* при помощи суф. -*m*. И.-е. корень **au* (рус. *у*) имеет значение «воспринимать органами чувств», «понимать» [Там же, с. 290]. В тексте ЖСР *умѣние* приведено в следующем контексте: «Сего господа бога, Спаса помощника на помощь призываю: тѣй бо есть богъ нашъ великодатель, и благых податель, и богатых даровъ дародавецъ, премудрости наставникъ, и смыслу давецъ, несмысленным сказатель, учай человека разуму, даа *умѣние* неумѣющимъ, дая молитву молящемуся, даяй просящеу мудрость и разумъ, даяй незлобливимъ коварьство, и отроку уну чювьство и смыслъ, иже сказание словесъ его просвѣщает и разумъ дает младенцемъ» (264).

В приведенном отрывке присутствует слово *разумь* (*разумь*). Оно образовано с помощью префикса *раз-* от *умь* [10, с. 381]. «Префикс *раз-*, ст.-сл. по огласке (ср. др.-рус. *роз-*), восходит к общеславянскому **orz-* — «врозь», развившемуся из общеевропейского **ord*, осложненного суф. *-z-*: **ord-z*; *dz>z*» [10, с. 378]. Это одна из точек зрения на этимологию этого префикса. «Неясно, однако, при каких обстоятельствах эта и.-е. база на славянской почве получила значение и функции приставки *раз-*, *роз-* [9, т. 2, с. 95]. Форма *разумь* — это старославянизм. Др.-рус. вариант *розумь* в значении «указание» в тексте жития нами не обнаружен. Наличие в тексте Жития вариантов *разумь* и *разумь* объясняется так называемым вторым южнославянским влиянием.

Также в тексте ЖСР встречаются отвлеченные существительные с суффиксами *-ниј-*, *-ениј-*, *-иј-*, которых, если рассматривать их с точки зрения графической оформленности, нет в современном русском языке: *преселение*, *нищекръмие*, *проглаголение*, *къниговичение*, *безимѣнство*, *ястие*, *жадание*, *легание* и др. В «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского многие из

них не зафиксированы, это, например: *преселение* — переселение («О *преселении* родителей святого» (288); *нищекръмие* — кормление нищих («И съ слъзми почте и отца и мать умръша понахидами же и святыми литкргами, украси память родителю своею и молитвами, и милостынями къ убогим, и *нищекръмиемь*» (292)); *проглаголане* — способность говорить после состояние немоты. В отношении последнего примера отметим, что в «Материалах» И. И. Срезневского [8, т. 2, с. 1517] приводится только слово *проглаголати* со значениями: «начать говорить, получить способность говорить», «сказать, произнести слово», «произнести прочитать», «предопределить, предназначить»; отглагольный дериват отсутствует. В ЖСР лексема *проглаголане* употребляется так: «Творит бо елико хоцет и может, могый даровати слѣпым прозрѣние... нѣмымъ проглаголане» (262). Здесь семантика существительного связана с *проглаголати* в первом значении. В тесте ЖСР нами также обнаружено абстрактное существительное *книговычение* — обучение грамоте: «...ова же от инѣхъ старцевъ древних, достовѣрныхъ бывших самовидцев рожеству его, и въспитанию, и книговычению...» (260); у И. И. Срезневского данный композит также не зафиксирован, но в др.-русск. *вычение* означало «учение, наука» [8, т.1, с. 457].

Лексема *безимѣнство* в тесте ЖСР выступает в значении «бедность» [Там же, с. 57]: «Но сице стяжа себѣ паче всѣх истинное нестяжание и безимѣнство, и богатство — нищету духовную, смирение безмѣрное и любовь нелицемѣрную равно къ всѣм человеком» (418).

Существительные с суффиксом *-(ь)ств-* (*-(е)ств-*) составляют еще одну группу отвлеченных слов, встречающихся в тексте ЖСР: *духовничество*, *проньрство*, *кознодейство*, *неверствие*, *воинство*, *младенство*, *собьство*, *блаженство* и др.: «Нынѣ же...хотѣлъ убо бых писати от самого рожества его...и во *иночьствѣ*, и въ *игуменьствѣ*, и до самого преставления...» (262); «И мало поживша лѣтъ в *черньчествѣ*, преставистася от жития сего, отидоста къ богу...» (292); «*Братству* же умножающуся премногоу, и бысть монастырь великъ, славень...» (380).

Нередко данные существительные содержат в своем значении сему собирательности. Они могут быть мотивированы: а) другим существительным со значением лица. Например: *иночество*, *игуменьство*, *черньчество*, *братство*

б) прилагательным: *естество* (в значении «природа»), *коварьство*. Интересно, что последнее слово старославянского происхождения и образовано от *коварь* (др.-рус. *коваль, ковачь*) — «кузнец» при помощи суффикса *-ьств-* [10, с. 201] Таким образом, первоначальное его значение — «ковка цепей», которое впоследствии метафоризировалось;

в) глаголом: *рожество, господьство, свидетельство*.

Стоит отметить, что в ЖСР можно встретить употребление древнерусского и старославянского вариантов одного и того же слова. Примером может стать лексема *рожьство* (ст.-сл. *рождение* и *рождество*). Приведем контекст: «...ова же от инѣх старцевъ древних, достовѣрныхъ бывших самовидцевъ рожеству его (Сергия)» (260); «И бысть же и чюдо нѣкое прежде рождения его: прилучися нѣчто сицево, его же не достоит мльчанию предати» (264). Слово *рожьство* значит «рождение» и является синонимичным образованием к *рожение* (от *родити*) [8, т. 3, с. 133, 143], от того же корня, с помощью суффикса *-ьств-* [9, т. 2, с. 120]. Данные варианты абстрактного существительного образованы от глагола *рожать* (*рождать*), который имеет о.-с. корень **radjati*, где *d* дало *ж* под воздействием *j*. В современном русском языке «прижились» лишь старославянские варианты *рождение, рождество*. Употребление того или иного варианта в тексте ЖСР контекстуально не обусловлено, случайно.

Слова с отвлеченным суффиксом *-ость-* составляют самую малочисленную группу в ЖСР. Это существительные женского рода: *хитрость, свѣтлость, ярость, жестость* (от ст.-сл. корня *жестый* — «твердый» [10, с. 146]), *лютость, благодсть*: «Откуда ли приобрящу хитрость да възможна будет к таковому сказанию?» (260); «...ему же видѣние странно и несказанно, въ свѣтлости велицей, и образом сияюща, и ризами блистающа» (384); «И всѣхъ вкупѣ равно любляше...ни клевета, ни гнѣвом, ни яростю, ни жестостию, ни лютостю, ниже злобы дръжа на кого...» (418).

Небольшую группу слов составляют существительные с суффиксом *-от-*: *пестрота, простота, дългота* (слова) (в значении «пространность» (в рассказе)) со старославянским написанием редуцированного с плавным), *нечистота, теснота*.

Еще одну группу слов составляют абстрактные существительные, образованные безаффиксным способом: *бесѣда, ужина, ужасть, отвѣтъ, трудъ, дълго, обида, смѣхъ* и др.: «И обрѣтохъ

нѣкыя старца премудры въ отвѣтахъ... и въпросих я о нем» (258); «... дѣла божиа проповѣдати добро есть и полезно» (258); «Ино къ множеству *трудоу* старьчих и къ великим исправлениемь его взирая, акы безгласенъ и бездѣленъ в недоумѣнии от *ужасти* бывая...» (260). Все эти существительные — отглагольные дериваты, образованные путем отсечения глагольного суффикса у производящей базы. Интересно происхождение слова *ужина*. В древнерусском языке оно являлось существительным женского рода и выступало в значении «полдник, еда после полудня» [8, т. 3, с. 1166]. Семантика слова видна из о.-с. корня **jugъ*, впоследствии др.-р. *ужъ*, которое имело значение «юг», «полдень» [Там же, с. 1141]. *Г* изменилось в *ж* перед *и*. Начальный *ј* в др.-р. языке был утрачен [10, с. 521].

В плане этимологии и словообразования интересно также слово *бесѣда*. Срезневский [8, т. 1, с. 84] дает такие его значения: «сидалище, место сидения», «разговор в собрании», «разговор с кем-нибудь», «речь, слово, слова», «речь, язык», «язык, наречие». Мотивирующим значением для всех остальных значений было первое. *Бесѣда* произошло от о.-с. **beseda*, которое является сложным словом с неясным первоначальным значением морфологического состава [bez(s) + sed(a)?]. Скорее всего — «разговор, когда люди сидят, засиживаются» [9, т.1, с. 87]. Компонент *be-* произошел, вероятно, из **bez(s)*, старшее значение которого: «снаружи», «вне» (дома) [Там же, с. 87]. Существительное *сѣда* означает «сидение». И таким образом, трансформация слова была следующей: *безсѣда* > *бессѣда* > *бесѣда*. Развитие значения шло, видимо, так: «сидение снаружи, перед домом > разговор во время такого сидения > разговор [10, с. 43]. Интересно, что А. Н. Островский в «Материалах для словаря русского народного языка» у производящего для *бесѣда* глагола *бесѣдовать* отмечает «сидеть», писатель указывает, что это костромской диалект [7, с. 307], т.е. отживающее, но еще существующее в языке семантическое явление.

В тексте Жития слова *бесѣда* приводится в разных значениях. Например, в значении «слово»: «Или которая довлѣет бесѣда к похвалениемь его?» (260); «И уже конечную бесѣду реку...» (284); в значении «речь»: «Яко же не мощно есть малѣи лодии велико и тяшко бремя налагаемо понести, сице и превъсходит нашу немощь и ум подлежащая бесѣда» (260); в значении «разговор с кем-нибудь»: «Сим образом назнаменаѣ тѣм свое к нимъ прихождение и

поѣщение, и несвѣдомым накинovenиeмъ пранья бесѣды их разоряше» (338, 340).

В заключение отметим, что отвлеченные существительные в "Житии Сергия Радонежского" являются важными тексто- и смыслообразующими единицами, которые сообщают памятнику высокую степень эмоциональности, создают торжественность стиля.

ЛИТРЕРАТУРА

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Дрофа: Русский язык–Медиа, 2011.

2. Дмитриев Л.А. Литературные судьбы жанра древнерусских житий: Церковно-служебный канон и сюжетное повествование // Славянские литературы: VII Международный съезд славистов: Варшава: Авг. 1973 г. М., 1973. 400-418 с.

3. Житие Сергия Радонежского // Памятники литературы Древней Руси. XIV – XV века/ Вступ. статья Д. С.Лихачева; Сост. и общая ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. М.: Художественная литература, 1981. С. 256—429.

4. Кузнецова А. И., Ефремова Т. Ф. Словарь морфем русского языка: Ок. 52000 слов. М.: Русский язык, 1986. 1136 с.

5. Лихачев Д. С. Комментарии к Житию Сергия Радонежского// Памятники литературы Древней Руси. XIV – XV века/ Вступ. статья Д. С.Лихачева; Сост. и общая ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. М.: Художественная литература, 1981. С. 570—579.

6. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М.: Наука, 1979. 376 с.

7. Островский А. Н. Полное собрание сочинений, т. 1—16, М.: ГИХЛ, 1949—53. Т.13.

8. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: В 3 т. — СПб, 1893—1912.

9. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. М.: Русский язык, 1999.

10. Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка. М.: Просвещение, 1971. 542 с.

Алёшина Л.В.

ФГБОУ ВО "Орловский государственный университет
имени И.С. Тургенева" (Россия)
e-mail: alyoshinalv@mail.ru

УДК 811.161.1

**Диалектная лексика в повести Н.С. Лескова
«Житие одной бабы»**

Alioshina Lyudmila Vasilyevna
Orel state University named I. S. Turgenyev, Orel (Russia)

UDC 811.161.1

Dialectic lexicon in the agenda n.S. Leskova «The life of one baby»

В повести «Житие одной бабы» Н.С. Лесков использует диалектизмы, применяя различные приёмы, позволяющие раскрыть их значение, что способствует созданию речевой характеристики героев – носителей говора, позволяет уточнить наши представления о языковой картине мира носителей орловских говоров в дореформенный период.

Ключевые слова: Лесков, диалектная лексика, языковая картина мира

In the story "The Life of one baby" N.S. Leskov uses dialecticism, using various techniques to reveal their meaning, which contributes to the creation of verbal characteristics of the heroes-speakers of the dialect, allows us to clarify our ideas about the language picture of the world of speakers of the Oryol dialects in the pre-reform period.

Key words: Leskov, dialectal vocabulary, language picture of the world

Интерес к творческому наследию Н.С. Лескова со стороны исследователей, как литературоведов, так и лингвистов, неуклонно рос на протяжении всего XX века и продолжает расти. Замечание одного из современников писателя о том, что его книги – для «ученых любителей языка», для «филологов», оказалось пророческим. Это обусловлено, в частности, проникновенным вниманием Лескова к национальным особенностям русского языка, тщательностью работы над словом.

Значительный интерес представляет для диалектологов повесть «Житие одной бабы» (из гостомельских воспоминаний). Гостомля – «узенькая, но чистая» речка, на которой стояла глухая деревенька

Панино, или Панин хутор, где поселилась семья Лесковых, когда старшему сыну, Николаю, было восемь лет. Здесь будущий писатель проводит «дни и ночи в живом общении с народом, почерпая от него ценнейшие знания» [3, с. 65], которые затем позволят с поразительной точностью воссоздать крестьянский быт и передать особенности местной речи.

Как справедливо отмечает Е.В. Брысина, «актуальные, значимые для диалектоносителей представления об окружающей действительности неизбежно отражаются в языке в виде концептуальных понятий, которые реализуются, в первую очередь, на лексико-фразеологическом уровне диалекта» [1, с. 51]. Анализ диалектизм и фразеологических единиц позволяет интерпретировать аккумулярованные в них культурологические смыслы, воссоздать фрагменты языковой картины мира диалектоносителей. При этом источником материала могут быть не только данные, полученные от информантов, материалы словарей, но и художественные произведения.

Лесков, рисуя картины деревенской жизни, мастерски использует диалектизмы. В языке повести встречаются междиалектные лексемы, а также локальные орловские диалектизмы, о чем свидетельствует их фиксация в Толковом словаре живого великорусского языка В.И. Даля с пометой орл., а также в Словаре орловских говоров (приводимые ниже толкования даются по этому словарю).

Нами выявлены диалектизмы разных типов: фонетические (*вострый*, *анбар*, *антиресно*, *страмить*, *начпорт*), словообразовательные (*опосля*, *промеж*, *повсегды*, *смерзнуть*, *сблизу*, *спроведать*, *задворок*), лексические (*гребовать* ‘брезговать’, *когут* ‘петух’, *мирошник* ‘мельник’, *сибирный* ‘очень злой’, *разобраться* ‘раздеться’, *тукманка* ‘удар кулаком’, *погудка* ‘поговорка’, *попритчиться* ‘почудиться, померещиться’), этнографические (*пунька* ‘легкое надворное строение, обычно с глинобитными стенами’, *панева* ‘юбка из трех полотнищ, спереди распашная или со вставкой’, *прошва* ‘вставка из однотонной тонкой ткани на передней части паневы’, *гречишник* ‘оладьи, блины из гречневой муки’), лексико-семантические (*жалеть* ‘любить’, *играть* ‘петь песни’, *пол* ‘дощатый настил между русской печью и стеной’), морфологические (*баловайся*, *вороты*, *родителей*, *могим*, *хочем*).

Большинство диалектизм дается без пояснений. Это прежде всего междиалектные лексемы, получившие широкое хождение и знакомые всем современникам писателя (*ручник*, *нынче*, *свита*,

овин, кубан, студено), а также фонетические и словообразовательные диалектизмы, значение которых понятно не только без комментария, но и вне контекста (*нетути, изнарочна, надоть, по'мочь, напоследки, дарма, смерзнуть, песельник*).

Писатель использует различные приемы, позволяющие раскрыть значение диалектизмов, которые могут быть непонятны читателю.

В ряде случаев локально ограниченное слово дается наряду с общеупотребительным синонимом: «- *Матвейч! **вечерять** пора. Ужинать собрали, - крикнула через окно жена Прокудина*»; «...из избы ей уж два раза доносили, что жареный петух готов... *Варвара собрала дружков, ...и с церемониею повели молодых за брачный стол есть **когута** жареного и пшеничную кашу с коровьим маслом*»; «*То любит бабу, а то так и припадает к ней, так за нею и гибнет. – Любит, - тихо промолвила Настя. – Известно, любит. Ну и она его **жалеет**; нечего сказать, добрая баба. – И она любит, - опять проговорила Настя*».

Значение диалектизмов зачастую передается описательно: «*В притворе церковном свахи завернули ей косу под белую женскую **повязку** с красной бумажной бахромой...*» (*повязка* – старинный женский головной убор в виде широкой, часто украшенной вышивкой, бисером и т.п. ленты'); «...там их *рухлядь* кое-какая стояла: две, не то три коробки, донца, прялки, **тальки**, что нитки мотают, стан, на котором холсты ткут...» (*талька* – приспособление для сматывания пряжи').

При необходимости диалектизм сопровождается развернутым авторским пояснением: «*Купцы на этом большую пользу для себя имеют; но большие в этом деле корыстуются свои сельские **большаки**, то есть этакие богатенькие мужички, что капиталец кой-какой имеют или свои маслобойни*»; «*У нас в Гостомле есть много народу, что от тесноты в избах целую зиму спят по чуланам да по **пунькам** либо по подклетьям. Чуланчики такие, вроде деревенских часовен, погородят из хворостового плетня, либо просто на дворе, либо под сараем, и это называют «**пуньками**». Как женится кто в семье, сейчас и заводится такой **пунькой** – для молодой жены*».

Автор подчеркивает диалектный характер слова, маркируя его кавычками и используя соответствующую вводную конструкцию: «*Вверху по Гостомле, или, как у нас говорят, «**в головах**», **пастбища** тесные, и их берегут на время заказа лугов, а пока луга не зака-*

заны и опять когда их скосят, из «голов» всегда водят коней на пастбище на самый нижний и самый большой луг, Ивановский».

Три диалектизма сопровождаются авторским примечанием в сноске: «...все семейные были на маслобойне, где заводили новый тяжёлый **сокол**¹ и где потому нужно было много силы» (сноска: «Тяжёлый деревянный снаряд, заменяющий в крестьянских маслобойнях прессь»); «Пришли «**со'роки**»¹, на дворе стало крепко теплеть» (сноска: «Сорок мучеников¹»); «Кто это у нас так хорошо песни **играет**?¹» (сноска: «У нас не говорят «петь песни», а «играть песни»).

В повести представлена диалектная лексика разных тематических групп. Основные из них: домашняя утварь (*каганец, серничек, ставец, таган, дежа, косарь, косьё, о'жег*); одежда, ее фрагменты (*азям, панева, повязка, прошва, свита, позумент, ластовица*); еда, напитки (*травник, пенник, полоток, брага, сыченый мед, гусиные полотки*); постройки, их части (*анбар, овин, пунька, полати, пол верхний, пол нижний, подклеть, плетень, застреха, мазанка*); явления природы (*жары, кура, курить, подземки, зажоры*); обряды (*девичник, запои, рукобитье*); отношения между людьми (*жалеть, михлювать, нахлебтаться, подсударить, гармидер, урекатся, гуторить*); трудовые действия (*отбить косу, посукать веретен*).

Бо льшая часть диалектизмов употребляется писателем в тех значениях, которые зафиксированы словарями. Однако в ряде случаев семантика диалектных слов, встречающихся в повести, отличается от данных Словаря орловских говоров. См., например: «- Нет, малый, ты там в своем доме волен делать что хочешь, а у нас в избе не обижай бабу. – Ты **закажешь**? Гневно спросил Костик. – А еще как **закажу-то!**» (ср.: заказывать 'задавать для заучивания'); «Настя... смотрит в щелку, которых много в плетневой стене, потому что **суволока**, которою обставляют пуньки на зиму, была отставлена» (ср.: суволока 'стебли конопли, а также всякая сорная трава, оставшаяся в поле после уборки конопляного поля'); «- Нехай поживет до **прядева**. И действительно, к **прядеву** Настя вернулась домой» (ср.: *прядево*¹) сырьё для кудели, 2) кудель, 3) пряжа').

Лексема *бедовый* в Словаре орловских говоров даёт только в значении 'лишенный счастья, радости; несчастный', у Лескова же она употребляется в значении 'смелый, отважный', зафиксированном В.И. Далем: «Бабы у нас **бедовые**, «разухабистые», что говорятся...».

Отдельные диалектизмы, встречающиеся в повести, не представлены в Словаре орловских говоров. Такова лексема *сухотить* ‘тиранить, мучить’: «*Костик тут вырос, гляючи, как покойный отец **сухотил** весь век свою жену, пока не вогнал ее в удушье...*» (ср. в словаре В.И. Даля ‘сухотиться о ком, о чем, вост. заботиться; сухотиться, сухотовать поком, о чем, крушиться, кручиниться, печалиться, горевать, сокрушаться’). «Диалектизм *пол*, зафиксированный в Словаре орловских говоров в значении ‘дощатый настил между русской печью и стеной, на 10-15 см поднятый над уровнем земляного пола’, употребляется Лесковым с конкретизирующими определениями ‘*верхний пол*’ и ‘*нижний пол*’: «*Настя с молодками да с девушками на **верхнем полу** сидели*»; «*Настя одела кузнечихину свиту, подпоясалась и сошла на **нижний пол***»; «*Нет тебе сестры, да и все тут!* – воскликнула кузнечиха и пихнула Настю *опять на верхний пол*».

Диалектизмы, а также диалектные фразеологизмы, будучи важнейшей составляющей языковой картины мира диалектоносителей, являются источником культурологической информации. Так, о нравах, царивших в Гостомле в описываемое Лесковым время, можно судить по тому, что воровство, разбой расценивалось не как тяжкое преступление, а как *баловство* (в значении ‘шалости, дурачества, проказы’): «*Баловство было большое в нашем народе <...> у нас воровство, кажись, и за грех не почиталось*». В том случае, «если кто неловко украдет да поймают», следовал самосуд, а умение ловко своровать становилось предметом своеобразного бахвальства: «*Сами о себе гостомельцы, бывало, говорят: “Наш народ шельма прожженная”*». Не считалось предосудительным и прелюбодеяние: «*Ну да «у нас (как говорят гостомльские мужики) из этого просто», – ворон ворону глаза не выклюет*», главное, чтобы было «*все шито да крыто*». Так, о сваха героини, «у которой муж другой год пропадает на Украине и которая в это время успела приобрести себе кличку *Варьки-бесстыжей*», не только не осуждается, но даже пользуется уважением в деревне: «*О ее родных говорили, что они «первые хозяйны», и Варьке по ним везде был почет, хоть и знали, что она баба гулящая...*». Даже снохачество (снохач ‘бранное живущий незаконно со снохою’) не осуждается, а является лишь поводом для «смеху» и «погудок» (погудка ‘балагурная шутка’). Главная героиня повести, у которой «о “гулянье” <...> и думки не было», безответная, «*тихая, кроткая, молчаливая*», любившая

«тихую жизнь», одинока и беззащитна среди односельчан.

Даже беглый обзор диалектизмов в языке повести «Житие одной бабы» позволяет убедиться в том, что этот пласт национального языка, обусловленный тематикой и сюжетом произведения, мастерски используется писателем, выполняя при этом несколько функций: способствует созданию речевой характеристики героев – носителей говора, отражает местный колорит, передает народные корни писателя, позволяет уточнить наши представления о языковой картине мира носителей орловских говоров в дореформенный период.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брысина Е.В. Диалект через призму лингвокультурологии // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 2, Языкознание. –2012, № 2 (16) –С. 51-56.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – Т.1-4. – М.: Русский язык, 1980-1982.
3. Лесков А. Жизнь Николая Лескова по его личным, семейным и несемейным записям и памятям. – Тула, 1981.
4. Словарь орловских говоров. Т. 1-5. – Ярославль, 1989-1992; Т. 6-15. –Орел, 1994-2008.

Альховик Ю. А.

УО МГПУ им. И.П.Шамякина, г. Мозырь (Беларусь)

e-mail: 6699062@mail.ru

УДК 811.161.1:38 (092)

К проблеме использования невербальных средств коммуникации в романе Ф.М. Достоевского “Братья Карамазовы”

Alhovik Yulia Alexandrovna

MSPU named after I.P. Shamyakin, Mozyr (Belarus)

UDC 811.161.1:38 (092)

The problem of using non-verbal means of communication in the novel "The brothers Karamazov" by F.M. Dostoyevsky

*Работа посвящена рассмотре-
нию невербальных средств комму-
никации, являющихся ярким средст-*

*The work is devoted to the con-
sideration of non-verbal means of
communication, which are a vivid*

вом художественной выразительности, позволяющим автору реализовать свой творческий замысел, дополнять характеристику персонажей, описывать их психологическую реакцию на различные жизненные ситуации.

Ключевые слова: невербальные единицы коммуникации, междисциплинарный характер, мимика, жесты, позы, тактильные и акустические средства

means of artistic expressiveness, allowing the author to realize his creative intention, to supplement the characterization of characters, to describe their psychological reaction to various life situations.

Key words: non-verbal communication units, interdisciplinary character, facial expressions, gestures, postures, tactile and acoustic means.

Для написания объективного портрета героя автор произведения очень часто прибегает к невербальной коммуникации. Невербальная коммуникация (от лат. *verbalis* – устный и лат. *communicatio* – общаться) – поведение, сигнализирующее о характере взаимодействия и эмоциональных состояниях общающихся индивидов.

В настоящее время ученые проявляют особый интерес к использованию невербальных средств к этому аспекту языка в художественном тексте. Возможно, это связано с тем, что невербальные средства общения имеют междисциплинарный характер и включают в себя грани различных наук, естественных и социально-гуманитарных, таких как социология и психология. Но с позиции какой науки мы бы их ни рассматривали, следует отметить, что максимально важную часть информации о герое произведения мы получаем именно из невербальных средств общения, которые дают представление о человеке исходя из его поведения, эмоционального состояния, возрастной и даже половой принадлежности. Наиболее полную информацию о конкретном лице дают мимика и жесты, которые представляют собой знаковые системы, проникающие в границы человеческого сознания и расширяющие эти границы в формировании образа, представленного автором. К примеру, взгляд человека в зависимости от направленности, эмоциональности и других характеристик может придавать поступкам одного и того же героя разную семантическую окраску. Именно поэтому ученые активно занимаются изучением и классификацией невербальных языковых средств общения, используемых автором в художественном произведении. Умело подобранная невербальная коммуникация помогает читателю глубже вживаться в образ героя, постигать значение его

поступков, целиком видеть психологические аспекты его характера и делать правильные выводы.

В современном языкознании изучение речевой коммуникации претерпело глубокие изменения: традиционный формально-грамматический подход сменился более широким – лингвоантропологическим, принимающим во внимание социо-, психо- и нейролингвистические факторы коммуникации в дополнение к собственно лингвистическому. По словам Г. Е. Крейдлина, языку тела и невербальной коммуникации в истории и культуре всегда уделялось достаточно много внимания [1, с. 169]. Интерес к жесту известен еще с античных времен, когда проблема происхождения языка выдвинула теорию первоначального возникновения жестового языка, на базе которого развился звуковой язык. Невербальные средства, включенные в речевое сообщение и передающие, вместе с вербальными средствами, смысловую информацию, изучаются в специальном разделе языкознания – паралингвистике. В узком понимании паралингвистика – совокупность невербальных средств, участвующих в речевой коммуникации.

Альберт Мейерабиан установил, что передача информации происходит за счет вербальных средств (только слов) на 7%, за счет звуковых средств (включая тон голоса, интонацию звука) на 38% и за счет невербальных средств на 55%. Профессор Бердвиссл провел аналогичные исследования относительно доли невербальных средств в общении людей. Он установил, что в среднем человек говорит словами только в течение 10-11 минут в день и что каждое предложение в среднем звучит не более 2,5 секунд. Как и Мейерабиан, он обнаружил, что словесное общение в беседе занимает менее 35%, а более 65% информации передается с помощью невербальных средств общения [2, с. 16].

Проникновение в авторский замысел в изображении героя – важная составляющая восприятия произведения. Именно поэтому изучение средств, с помощью которых создан образ (невербальная коммуникация), актуально в любое время.

Роман «Братья Карамазовы», как и все произведения Ф.М. Достоевского трудно анализировать вне его внутренней структуры, потому что мы имеем дело как раз с тем автором, чьи слова никак нельзя заменить, например, жестом, хотя бы потому, что их хочется слышать и понимать. Но именно потому роль невербальных средств

возрастает: появляется возможность научиться слышать слова и одновременно понимать невербальный язык.

Как правило, невербальные проявления имеют вербальные описания, составляющие разветвленный и обширный пласт языка. Это номинативные единицы русского языка, закрепленные за отражением жестов, мимики, поз, выражений лиц, симптомов душевных переживаний. Специфически описывая жест или позу, данные единицы отражают – душевное состояние человека.

Все элементы невербального общения: мимика, походка, жесты, поза, тактильные и акустические (не связанные с речью, например, тембр голоса, интонация) средства, зоны общения, запахи, кожные реакции и многие другие – выполняют функцию дополнения и замещения речи, создают психологический контакт между партнёрами и передают их эмоциональное состояние.

Невербальные средства, используемые в литературе, призваны дополнять характеристику героев для полного понимания читателем. Персонаж, который совершает относительно небольшое количество движений, как правило, вызывает меньший отклик

Инструментом «общения» часто является тело человека, обладающее широким диапазоном средств и способов передачи информации или обмена ею, включающим в себя все формы самовыражения человека.

Желая показать свои чувства, люди обращаются к жестам. «*Он вышел, крича и жестикулируя*»[3, с. 105]. Вот почему для проницательного человека важно приобрести умение понимать жестикуляцию собеседника. Кроме того, непосредственную и специфическую информацию об эмоциях человека обеспечивает мимическая деятельность. Каждый жест, мимика, позы, выражение лица обладают значением.

В тексте невербальные единицы обычно проявляют себя в диалогах или в моменты активных действий, связанных с той или иной ситуацией. Автор показывает мимикой или жестами, как персонаж переживает сложные моменты в жизни. Примером тому может служить сцена общения Ракитина, Грушеньки и Алёши в главе «Луковка»:

Она резво подсела к Алёше на диван, с ним рядом, и глядела на него решительно и с восхищением [4, с. 30].

Использование словосочетание «*резво подсела*» усиливает чувства, которые испытывает героиня в данный момент. Слова

«глядела на него решительно и с восхищением» служат подтверждением затаённых чувств Грушеньки к Алёше.

...Пустишь меня, Алеша, на колени к себе посидеть, вот так! – И вдруг она мигом **привскочила и прыгнула смеясь ему на колени, как ласкающаяся кошечка, нежно правой рукой охватив ему шею** [4, с. 31]...

Использование таких невербальных средств как «**привскочила и прыгнула... ему на колени**», показывает неуждимость, искренность чувств героини, заставляет нас посмотреть на неё как на человека позитивного. «**Нежно правой рукой охватив ему шею**»... Казалось бы, Грушенька - напористый и решительный человек, однако в данном примере мы видим её как новую, ранимую натуру, когда она «**нежно охватывает его шею**», словно желает привязать к себе героя.

– Эх, не секрет, да и сам ты знаешь, – озабоченно проговорила вдруг Грушенька, **повернув голову к Ракитину и отклонясь немного от Алёши, хотя все еще продолжая сидеть у него на коленях, рукой обняв его шею** [4, с. 32]...

В данном предложении «**повернув голову к Ракитину и отклонясь немного от Алёши**» с помощью невербальных средств показано уважение Грушеньки к собеседнику, внимание проявляется и к Ракитину, притом она «**продолжает сидеть на коленях, рукой обняв его (Алёшу) шею**», не желая его отпускать.

– Так умер старец Зосима! – воскликнула Грушенька. – Господи, а я того и не знала! – Она **набожно перекрестилась**. – Господи, да что же я, а я-то у него на коленках теперь сижу! – **вскинулась она вдруг как в испуге, мигом соскочила с колен и пересела на диван. Алеша длинно с удивлением поглядел на нее, и на лице его как будто что засветилось** [4, с. 34].

Это «**набожно перекрестилась**», «**соскочила с колен и пересела на диван**» выявляет в героине человека набожного, способного на сопереживание. Алёша «**с удивлением поглядел на неё**», лицо его «**засветилось**», видимо он не ожидал таких искренних чувств от Грушеньки и обрадовался им.

В дальнейшем после бурного диалога, когда Алёша отстаивал честь Грушеньки перед Ракитиным, у него «**затряслись губы и стеснилось дыхание**» от обуреваемых его сильных чувств, что показывает непримиримость его в произошедшей ситуации.

Невербальные средства помогают уточнить действия и фразы. Семантика невербальной коммуникации ставит перед исследователем те же проблемы и требует той же методологии, что и семантика естественно-языковая.

Каждый автор имеет своё излюбленное, часто встречающееся на протяжении всего романа действие. Для героев романа Ф.М. Достоевского это «*на колени*», «*на коленях*», «*на коленки*» и т.д. Эти действия могут дополняться различными описаниями и уточнениями: «*упасть на колени*», «*ползать на коленях*», «*стать на коленки*».

По нашим подсчётам, данное действие используется в романе сорок девять раз:

«на колени»	«на коленях»	«на коленках»	«на коленки»	«на колена»
20	16	6	4	3

В диалогах оно упоминается 16 раз. Использование данного действия фоновыми персонажами, которые встречаются единожды, либо является проявлениями чувств неизвестных мужчин или женщин отмечено 11 раз. Из главных героев «*на колени*» падает Алёша – 5 раз, по 4 раза Старец, Грушенька и Митя, 2 раза Григорий, по одному разу Фёдор Павлович, Катерина Ивановна и Коля.

Чаще всего это действие используется в связи со словами: *пал, стал, стала, стать, повергся, опустился, бросился, упал*.

Каждое из этих словосочетаний играет свою роль в развитии сюжета и обозначает определённое действие в конкретной ситуации. Так, «*стал на колени*» – может означать «*помолиться*» либо просьбу отчаявшегося человека; «*повергся на колени*» становится признанием поражения; «*опустился на колени*» – действие человека, потерявшего всякую надежду. В большинстве случаев все эти действия несут в себе негативную коннотацию. И лишь один случай с положительной окраской, когда Грушенька «*садится на коленки*» Алёши, выражая симпатию и заинтересованность.

Кроме того, частотны в романе следующие действия:

«упал»	«упала»	«упало»	«упали»
20	6	5	1
«ударил»	«ударился»	«ударила»	«ударило»
23	4	4	3

Всего использовано 32 действия с глаголом «упал» и 34 – с глаголом «ударил».

Таким образом, рассмотрение невербальных средств коммуникации позволяет сделать вывод, что они являются ярким средством художественной выразительности, помогающим автору реализовать

свой творческий замысел, дополнять характеристику персонажей, описывать их психологическую реакцию на различные жизненные ситуации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крейдлин, Г. Е. Невербальная семиотика / Г. Е. Крейдлин. — М. : Новое литературное обозрение, 2002. — 581 с. — (Науч. б-ка).
2. Пиз, А. Язык телодвижений / А. Пиз. — М. : Эксмо, 2006. — 272 с.
3. Достоевский, Ф.М. «Братья Карамазовы» (книга 1) / Ф.М. Достоевский, — Мн.: Белорусская советская энциклопедия им. Петруся Бровки, 1981. — 367 с.
4. Достоевский, Ф.М. «Братья Карамазовы» (книга 2) / Ф.М. Достоевский, — Мн.: Белорусская советская энциклопедия им. Петруся Бровки, 1981. — 508 с.

Атаманова Н.В.

*ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского» (Россия)
e-mail: atamanova2001@list.ru*

УДК 801.3

**Лексико-семантическое своеобразие славянской тематики в публицистических и поэтических произведениях
Ф.И. Тютчева как отражение
славянского мировидения поэта**

*Atamanova Natalya Victorovna
Bryansk state University named after academician I. G. Petrovsky,
Bryansk (Russia)*

UDC 801.3

Lexico-semantic originality of the slavic themes in public and poetic works of F. I. Tyutchev as the reflection of the slavic worldview of the poet

В статье проанализированы ключевые лексические единицы с семантическим компонентом «славянство», эксплицирующие основы сла- *The article analyzes the key lexical units with the semantic component «Slavs», explicating the basics of the Slavic worldview of*

вянского мировидения Ф.И. Тютчева, отраженные в его публицистических и поэтических произведениях. Ведущими идеями славянского мировидения поэта явились представления о всеобщем единении славян, темы исторического прошлого и перспектив будущего России, возрождения мира.

Ключевые слова: славянское единство, народность, Россия, Тютчев, публицистика, поэтический текст, поэтическое мировидение

F.I. Tyutchev, reflected in his publicistic and poetic works. The leading ideas of the Slavic worldview of the poet were ideas about the universal unity of the Slavs, the themes of the historical past and the prospects for the future of Russia, the revival of the world.

Key words: Slavic unity, nationality, Russia, Tyutchev, publicistic works, poetic text, poetic worldview

Тема России и всеобщего единения славян оставалась одной из ключевых на протяжении всей жизни великого русского поэта Ф.И. Тютчева и приобретала постоянство как в его поэтических произведениях, так и в публицистике.

Этому способствовал ряд обстоятельств. Ф.И. Тютчев более 20 лет отдал дипломатической деятельности, работая в российских дипломатических миссиях в Баварии и Сардинии, 30 лет прослужил в российском Министерстве иностранных дел чиновником для особых поручений, цензором, а затем председателем Комитета иностранной цензуры. В то же время поэт был гражданином-патриотом, много сил отдавшим общественно-политической деятельности, в особенности в зрелый период жизни. Его волновали проблемы международной роли России, ее места в мировой истории, будущее русского народа и славянства в целом [1, с. 169]. Кроме того, по своим политическим воззрениям Ф.И. Тютчев относился к славянофилам, а потому идеи свободы и независимости русского народа и славянской земли были для него важны.

Славянские идеи и настроения Ф.И. Тютчева хорошо переданы им в публицистических произведениях. Поэт как публицист, политический идеолог и принципиальный полемист является христианским мыслителем. В основе его общественных представлений лежат историософские идеи, высказанные в публицистических статьях «Письмо русского», «Россия и Германия», «Россия и Революция», «Римский вопрос», «Россия и Запад», «Письмо о цензуре в России», написанных на французском языке и дающих достаточное представление о своеобразии историософской и политической мысли поэта [7]. Так, «Письмо русского» стало реакцией на напечатанный

в газете очерк «Русская армия на Кавказе», который составлял фрагмент анонимного цикла «Письма немецкого путешественника с Черного моря» и в котором подвергались критике порядки, традиции и обычаи военной службы в России, а солдаты сравнивались с галерными каторжниками [8].

В статье «Россия и Германия» Ф.И. Тютчев поднял вопросы отношения к России европейского общественного мнения, союза двух государств, особенностей их исторического прошлого и перспектив возможного будущего. Поэт стал непосредственным свидетелем развития антирусских настроений, развившихся на Западе в 20-30 гг. XIX века. Страх перед возмужавшим могуществом России и возможным объединением славян под эгидой русского царя служил одним из источников формирования фантастического образа «петербургского чудовища», врага, захватчика, тирана, который якобы угрожает завоеванием всему Западу и даже представляет опасность для всего человечества. В противовес Западной Европе, отказавшейся признавать за Российским миром подлинную новизну духовного, исторического и культурного содержания, Ф.И. Тютчев мечтает о «Новом свете» Восточной Европы как о Вселенской Божественной монархии – огромном и целостном единстве славянских народов, «прочно взаимосвязанном в своих частях, живущих своей собственной органической, самобытной жизнью», принципиальной опорой и ценностью которого является православная вера [9]. В его представлении Россия оставалась единственной страной XIX века, сохранившей высшую божественную легитимность верховной власти в самодержавии, опирающемся на православную веру, и только во главе с Россией Восточная Европа может стать «подлинной державой Востока» и помочь Германии преодолеть терзавшие ее в прошлом раздоры и разделения.

В статье «Россия и Революция» Ф.И. Тютчев убеждает общественность в существовании двух главных противоборствующих сил – России и Революции. При этом Россия – «христианская держава, а русский народ является христианином не только вследствие православия своих верований, но и благодаря чему-то еще более задушевному». Революция же – «прежде всего – враг христианства». Корень Революции – удаление человека от Бога, ее главный результат – «цивилизация Запада», «современная мысль», полагающая в своем непослушании Божественной Воле привести в гармонию общественные отношения [10].

В статье «Россия и Запад» Ф.И. Тютчев продолжает проповедовать христианские идеи. По мнению поэта, христианство положило конец «неправдоспособности человеческой души», сокрушив рабство человека человеку в свободном и добросовестном повиновении индивида и государства «истинному Господину их обоих», «Верховному Владыке всяческих», подлинному источнику любого авторитета и власти [11].

«Письмо о цензуре в России», занимающее особое место среди публицистических заметок Ф.И. Тютчева, посвящено различным вопросам функционирования государства, политика которого, по мнению поэта, отличается нелепостью, подлостью, «безнадежной глупостью» и «полнейшей бессознательностью», что подтачивает мощь христианской империи и служит пособничеством «революционному материализму» [12].

Как видим, какой бы аспект политической мысли не затрагивался в статьях и не являлся основным для рассуждения, Ф.И. Тютчев везде и всюду проповедует идею всеобщего единения славянских народов. Понятия «славянство» и «Россия» были для него неотделимы. Он был убежден, в чем неоднократно высказывался в письмах, что «для Славянских племен нет и возможности самостоятельной исторической жизни вне законно-исторической их зависимости от России. Чтобы возродиться Славянам, им следует прежде всего окунуться в Россию» [5, с. 158; 9]. Подобная идея метафорично выражена поэтом в письме к И.С. Аксакову, где славянские народы названы им «до мозга костей дробью, а Россия – знаменателем, и только подведением под этот знаменатель может осуществиться сложение этих дробей» [6, с. 226].

Идеи всеобщего единения славян, хоть и в меньшей степени, выражены в политических стихотворениях Ф.И. Тютчева, не привлекавших пристального внимания исследователей его творчества и считавшихся малохудожественными и написанными «на злобу дня». В первую очередь тютчевское поэтическое мировоззрение раскрывается в использовании автором лексики славянского тематического содержания.

Лексико-семантическое поле слов, употребляемых поэтом для выражения славянской тематики, выстраивается вокруг двух ключевых лексем *славянство* (2) и *Россия* (27) и включает в свой состав следующие лексические единицы: *славянин* (8), *славянский* (10),

славяница (1), *Русь* (17), *русский* (42), *российский* (1), *российский* (1), *росский* (1) [3].

Семантические компоненты «славянство», «славянский», «русский», «национальный» получают эксплицитную выраженность в дефинициях тематически связанных лексем: *славянин* – «принадлежащий к славянам, группе родственных по языку и происхождению народов», *славянский* – «относящийся к славянам как единокровному народу», *славянство* – «принадлежность человека, народа к славянам, люди, принадлежащие к славянам», *славяница* – «славянские государства и народы в них проживающие» [2, с. 712-713]; *русский* – «относящийся к русской нации, свойственный ей по каким-либо признакам, -русские люди» [2, с. 656]; *народ* – население, жители какой-либо страны, государства; нация; славянство» [2, с. 337]; *русский дух* – русские интересы [2, с. 554]).

Для Ф.И. Тютчева идея славянского единства является всеобъемлющей, поэтому важным представляется вовлечение всего мира, всего земного шара в славянское самосознание. Отсюда частотное употребление поэтом сочетаний *славянский мир* (3), *славянская семья* (2), *земля* (1), *среда* (1), *громада* (1) (кроме того, в публицистических текстах поэта встречаем следующие номинации *славянские народы*, *славянские народности*, *славянские племена*, *славянская страна*, *славянская Империя*). Семы «единый», «общий» определяют семантическую структуру данных сочетаний как на лексикографическом уровне (*славянская земля* – «народы, проживающие на общей территории», *славянский мир* – «славянские государства, народы этих государств», *славянская семья* – «славянские народы, объединенные в один союз» [2, с. 712]), так и посредством синтагматического контекстуального окружения. В поэтических текстах номинации, связанные со славянской тематикой, дополняются атрибутами *весь* («*Вся славянская земля!*» <136> [4], «*Весь мир славянский обошел*» <140>, «*Но был славянством всем усвоен*» <375>, «*Со всех Славяницыны концов*» <300>), *родной* («*Славян родные поколенья*» <4>, «*В славянской, всем родной среде*» <300>), *великий* («*Великого служения славянам*» <316>).

При этом Ф.И. Тютчев неоднократно подчеркивает взаимосвязь славянства и народной духовности. Славянская страна, по мнению поэта, эта та, где «народный дух еще не до конца умерщвлен», «где народный дух тянется к возрождению» [13]. Народность понимается им и как христианская, православная, духовная, и как политическая,

которая невозможна для славян вне России: «Россия – христианская держава, а русский народ является христианским не только вследствие православия своих верований, но и благодаря чему-то еще более душевному» [10].

В употреблении лексических единиц, выстраивающихся вокруг лексем-доминанты *Россия*, наблюдаем аналогичные синтагматические отношения: «*Родная русская земля*» <339>, «*Все честные, все русские сердца*» <311>, «*Со всеми русскими сердцами*» <270>, «*Родную Русь твоя волна*» <315>, «*И всю Россию им одень!*» <348>, «*Не изменяй себе, великая Россия!*» <316>. Поэтом неоднократно подчеркиваются качественные характеристики желанной ему освобожденной родной страны: ее целостность («*И целость русского порога*» <205>, «*Кто отстоял и спас России целость*» <253>), покой («*России целость и покой!*» <96>), честь («*Они спасли России честь!*» <306>). Отношение Ф.И. Тютчева к России определяется уже с первых строк «Письма русского», в котором он называет себя «русским сердцем и душой, глубоко преданным своему отечеству» [8].

С идеей славянского единения связано тютчевское представление о возрождении мира, что выражается не только в употреблении глаголов в императивной форме («*Воспрянь, Славянская семья!*» <138>, «*Славянский мир, сомкнись тесней*» <336>, «*Вставай же, Русь!*» <156>), но и глаголов, эксплицирующих семы «общий», «тесный», «единый» и фиксирующих таким образом традиционную для поэта идею «круга» («*сомкнись тесней*» <336>, «*всю Россию одень*» <348>, «*под знамя русское собрать*» <96>).

Славянское единство в поэтическом представлении Ф.И. Тютчева приобретает строгую очерченность. Границы его четко определены: «*На север, на восток, на юг и на закат?.. От Нила до Невы, от Эльбы до Китая, От Волги по Евфрат, от Ганга до Дуная...*» <146>. «Заветными столицами русского царства» для поэта оказываются «*Москва и град Петров, и Константинов град*», вечность и неизыблемость которых подчеркивается в стихе («*Вот царство русское... и не пройдет вовек Как то провидел Дух и Даниил предрек*» <146>).

Лексемы *Русь*, *русский* становятся ключевыми в передаче автором идеи славянского единства. Особую частотность приобретает здесь сочетание *русское слово* (5), дополняемое атрибутивными характеристиками *живое*, *родное*, *святое*. Номинация *Руси святой* неоднократно повторяется Ф.И. Тютчевым. Здесь, видимо, выража-

ется поэтическое представление о ведущем предназначении России в построении единого православного мира («*Велико, зная, О Русь, твое значение!*» <252>).

Качественным показателем всеобщего единства является для Ф.И. Тютчева духовное единение, которое передается в поэтическом контексте синтагматическими конструкциями *русский ум* (2), *русская душа* (3), *сердце русского народа* (2), *славянское самосознание* (2). Поэт выражает уверенность в том, что, достигнув завещанных границ, освобожденная страна проникнется идеей духовного православного единения всех народностей, станет единой страной во всех ее проявлениях («*О Русь, велик грядущий день*» <156>).

Воссозданию идеи славянского единства способствуют специфически тютчевские художественные приемы передачи авторской мысли и средства выразительности. Так, стихотворение «К Ганке» <138> отразило общий взгляд поэта на проблему взаимоотношений славянских народов, трагически разделенных в своей истории, но остающихся братьями по крови и по вере и тяготеющих к единству. Это единство не только должно стать благом для всего славянского мира, но и призвано разрешить исторические противоречия и в конечном итоге должно стать, по мнению поэта, оплотом на пути разрушительных революционных процессов, подчиняющих себе ход современной истории. Подобный общий тон поэтического текста поддерживается высокой одической интонацией и употреблением высокой архаизированной лексики («*плод сторичный*», «*доблий муж*»), а также обращением поэта к приему русской оды – «одическому парению», сливающему воедино безграничные пространства («*От Невы до Черногорья, От Карпатов за Урал. Рассветает над Варшавой, Киев очи отворил, и с Москвой золотоголовой Вышеград заговорил!*»). Художественная цель подобного поэтического приема – выразить впечатление высочайшей значимости в связи с преодолением разделенности славянских народов. Одические интонации в стихотворении развертываются параллельно разговорным. Так, ставя в единый контекст «высокое» и «обыденное», Ф.И. Тютчев делает художественное размышление выражением подлинно живого духа братской любви и единения.

В некоторых поэтических контекстах Ф.И. Тютчев обращается к излюбленному приему символического наполнения смысла. Так, стихотворение «Альпы» <82> представляет собой на первый взгляд мастерски нарисованную картину природы. Однако в контексте

скрыт иной смысл: Ф.И. Тютчев аллегорически изображает славянские народы как цепь горных вершин. Рассвет, идущий с востока, первым озаряет самую высокую вершину – старшего брата: *«И с главы большого брата На меньших бежит струя, И блеснит в венцах из золота Вся воскресшая семья»*.

Прием контраста используется Ф.И. Тютчевым в стихотворении «Два единства» <336>, репрезентируемом единство Вселенской империи. Россия, по мнению поэта, призвана поставить все народы и страны в правильные условия бытия, освободить и объединить мир Славянский, мир Восточный, вообще явить на земле силу земную, государственную, просветленную или определенную началом Веры, служащую только делу самозащиты, освобождения или добровольного объединения. Поэтому, обращаясь к славянам, поэт говорит, что в противоположность Бисмарку, спаявшему единство Германии «железом и кровью», мы, то есть славяне, попробуем спаять единство любовью, - *«А там увидим, что прочней»*.

Прием поэтического предвидения обрамляет стихотворения, посвященные теме русско-польского примирения. Поэт выражает надежду, что Польша все же станет полноправным членом славянской семьи, водворяя «в славянской мировой громаде» «вожделенный строй» в своем «полном торжестве» <170>. Несмотря на то, что вера в единство и общую свободу русского народа звучит утопически, поэт свято призывает прислушаться к его словам, обращаясь ко всему поколению славян. Активное использование ярких метафорических образов способствует этому: *орел одноплеменный* (символ единого братства), *феникс* (символ свободы), *очистительный костер* (символ обновленного государства) <96>.

Наконец, прием призыва и обращения завершает стихотворение «Великий день Кирилловой кончины» <316>, написанное в день празднования тысячелетней годовщины со дня смерти славянского просветителя. Завещание Кирилла стало основой построения текста: *«Каким приветствием... Святую память мы почтим? Какими этот день запечатлеть словами, Как не словами, сказанными им... слова святыя Его воспомянув, воскликнем мы тогда: «Не изменяй себе, великая Россия!.. И, как святой Кирилл, и ты не покидай Великого служения Славянам...»*.

Как видим, в основы тютчевского славянского мировидения заложены представления о всеобщем единении славян, темы истори-

ческого прошлого и перспектив будущего России, идеи возрождения мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Атаманова Н.В. Исследование феноменальности и уникальности Ф.И. Тютчева как языковой поэтической личности // Дискуссия. Политематический журнал научных публикаций. № 12 (30) декабрь 2012. Екатеринбург, 2012. С. 168-172.

2. Голованевский А.Л. Поэтический словарь Ф.И. Тютчева. Брянск: РИО БГУ, 2009.

3. Конкорданс полного собрания стихотворений Ф.И. Тютчева. А-Я / Сост. Н.В. Атаманова, А.Л. Голованевский / Отв. ред. А.В. Антюхов. Брянск: РИО БГУ, 2013.

4. Тютчев Ф.И. Полное собрание стихотворений. Л.: Советский писатель, 1987. Иллюстративный материал стихотворений Ф.И. Тютчева приводится по данному сборнику. Номер стихотворения указывается в косых скобках.

5. Ф.И. Тютчев. Школьный энциклопедический словарь. Сост. Г.В. Чагин. М.: Просвещение, 2004.

6. Ф.И. Тютчев. Полное собрание сочинений и письма в шести томах. М.: Классика. Т.6., 2004.

7. Ф.И. Тютчев. Публицистические произведения Ф.И. Тютчева. [Электронный ресурс]. URL: <http://ftutchev.ru/>.

8. Ф.И. Тютчев. Письмо русского / Перевод Б.Н. Тарасова. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tutchev.com/>.

9. Ф.И. Тютчев. Россия и Германия / Перевод Б.Н. Тарасова. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tutchev.com/>.

10. Ф.И. Тютчев. Россия и революция / Перевод Б.Н. Тарасова [Электронный ресурс]. URL: <http://ruskline.ru/>.

11. Ф.И. Тютчев. Россия и Запад / Сост., вступ. статья, перевод и коммент. Б.Н. Тарасова / Отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2011. 592 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rusinst.ru/>.

12. Ф.И. Тютчев. Письмо о цензуре в России. [Электронный ресурс]. URL: <http://ftutchev.ru/>.

13. Ф.И. Тютчев. Записка. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tutchev.com/>.

**Шәңгерей Бөкеев шығармашылығы Ханғали Сүйіншәлиев
зерттеулерінде**

В статье рассматриваются некоторые научные аспекты исследовательских работ профессора Ханғали Суюншалиева по шангерееведению.

This article covers some scientific aspects of the research work on Mr. Shangerey Bokieev's work by Mr. Khangali Suyunshaliev.

Қазақ әдебиеті тарихындағы аса әйгілі есімнің бірі – Шәңгерей Бөкеев. Ақынның онсыз да жұмбақтау, дара күн кешкен өмірі кешегі кеңестік жүйе кезеңінде туған халқының танымынан тысқары қалды.

Шәңгерей Бөкеевтің ақындық ғұмырбаянын әдебиет тарихында орнықтыру бағытында жасалған зерттеулерді негіз ете отырып, ақын мұрасын әдебиет тарихы оқулықтарына енгізуде қазақтың белгілі әдебиеттанушы ғалымы, жоғары мектепте оқытылатын әдебиет тарихына арналған іргелі оқулықтардың авторы Ханғали Сүйіншәлиев елеулі еңбек жасады.

Әр жылдары Шәңгерей Бөкеев шығармашылығына арнап жазылған академиялық мақалаларында Ханғали Сүйіншәлиев заман ағымына орай пікір-ойларын толықтырып, жаңғыртып отырғанын байқаймыз.

Ғалым-ұстаздың 2006 жылы «Санат» баспасынан толықтырылып, өңделіп қайта басылым көрген «Қазақ әдебиетінің тарихы» оқулығында да Шәңгерей Бөкеев туралы арнаулы тарау бар [1]. Осында ақын мұрасын танудың қайсыбір фактілеріне қатысты автор мынадай пайымдау жасайды: «Шәңгерей Сейіткерейұлы – ақтандақтар қатарына ілініп, көп жылдар бойы халқымыз көз жазып қалуға айналған көрнекті ақындарымыздың бірі, ХІХ ғасыр қазақ әдебиетінің ірі өкілі, өз дәуіріндегі ақындық өнерде өз үлесі, өшпес орны айқын қайталанбас қаламгер. Сонымен бірге ол – қазақтың жазба әдебиетін өркендету, оның образдылығы мен көркемдігін жетілдіре түсу жолында елеулі еңбек еткен шын мәніндегі жазушы да. Бірақ, жетпіс жылдан астам тарихы бар кеңестік мәдениетіміздің назарына жете ілінбей, шығармашылығы көмескі қалпында қалып,

орынсыз кінәлар тағылып, тарихи бағасына ие бола алмаған асыл сөздердің авторының бірі осы Шәңгерей» (1, 766 б.).

Шәңгерей шығармашылығы туралы тиянақты, негізді, жан-жақты мәліметті бере отырып, Х. Сүйіншәлиев ақын мұрасындағы жазба әдебиеттің даму, қалыптасу фактісіндегі орнына назар аударуы бекер емес. Бұл мәнде Шәңгерей шығармашылығы арнайы зерттеуге тартылуы құба-құп болмақ.

Шәңгерейдің тұспал мен таңбалық нышандары басым озық лирикасының құны мен мәні Ханғали Сүйіншәлиев танымында тағы да аса бағалы бір қыры.

«Ол адам жанының құпия сырларын аша-ақтара жыр шерткен ең сезімтал лирик, қазақтың адамгершіл, сыршыл, мәнді де мәнерлі поэзиясының аты әйгілі ақыны» (1, 767 б.).

Ханғали Сүйіншәлиев дара дарын Шәңгерей поэзиясының көркемдік қуат, құндылығымен тұтас ашылып, айқындалып зерттелмеу себебін дәуір ақиқатынан табады.

«Кенестік дәуірде қалыптасуға бет алған қазақ әдебиеті сынының Шәңгерейдей сән-салтанат жыршысын тап басып тануға шамасы жетпеді. Ол өзінің кенжелілігіне сай бірден ғылымның сара жолына түсіп кете алмай, әр түрлі тұрпайы да, анайы ағымдар жетегіне ілесіп, солшылдыққа ұрынды. Ғылыми-тарихи көзқарастан ауа жайылды» (1, 767 б.).

Ғалым әдеби танымдағы тапшылдық талаптардың тарихи салдарлары Шәңгерей шығармашылығын зерттеуде де көп көлденең тұрғанын орынды атап көрсетеді.

Шәңгерейдің туып-өскен ортасы, ата-тегі де ақын мұрасының кеңінен таралып, насихатталып, танылуына аз кедергі келтірмегені рас.

Бұл жөнінен Ханғали Сүйіншәлиев те Шәңгерейді «Қандыбалақ төрелерден шыққан, озбыр ортаның түлегі» деп таниды. Оны шын өнер иесі, ақын есебінде тани алмай келуіміздің негізгі себебі де осы тегіне байланысты болғанын атап көрсетеді. Ақынның шыққан тегі, өскен ортасы, бала шақтағы мұсылманша сауат алу жолын баяндай келіп, оның ендігі кең өріс, дүние болмыстың терезесін айқара ашуға бет алған кезеңіндегі өмір фактілерін айтуында да Х. Сүйіншәлиев ақындық тағдырдың қалыптасу тарихынан хабар беретін елеулі жайларды тізеді.

«Асылы, Шәңгерейдің оқу, іздену жолындағы сапары оң болған. Ол өз кезіндегі білім, ғылым жолына жеткізетін дүниелі

мектептен оқып жетілген. Әуелі, Астрахан реальное училищесінде, одан кейін Орынбар кадет корпусында оқыған. Өз тізгіні өзіне тигеннен кейін білімді, зиялы орталарда болыңқырап, өзінің дүниетанымын кеңейте түскен. Сартау, Самар, Орал, Қазан, Уфа шаһарларында жергілікті ұлықтар қатарында қызмет те атқарған» (1, 768 б.).

Шәңгерейдің әкімшілік билік саласынан көп жайды көңіліне түйіп, онан кейін де ешқандай жұмысқа араласпау себептерін егжей-тегжейлі тарқата айтқан Х. Сүйіншәлиев ақынның аса биік өредегі адамгершіл мінез-құлқына тоқталып, мән береді.

Шәңгерейдің елде жоқ үрдістен орыс дворяндарынша тұрмыстық мәселелерге көңіл бөлуі өз алдына бір дүние болатын. Х. Сүйіншәлиев патшадан дворяндық атақ алған қазақ төресінің, Шәңгерей ақынның бұл өмір салтына қатысты мынадай деректерді көпшілікке жеткізеді.

«Патша тарапынан өзіне дворяндық атақ алып, мекен-жайға лайық жер бөліріп, өзінің меншігін белгілеп, сол жерінде білгенін, ойына келгенін жасап, адамгершіл істер атқарған.

Тәуелсіз өмір кешіп, еңбекке, өнерге негізделген жаңаша тұрмыс құрып, шаруа кәсібінің жүйесін жасамақ болған. Сол кездегі орыс помещиктерінің имениесі, хуторлары оған үлгі болса керек. Әсіресе, Л.Н. Толстойдың Ясная Полянадағы меншікті шаруашылығының үлесін қатты ескерген. Сол ұлы жазушының зор гуманистік бағытын қолдап, қолынан келгенінше қазақ жағдайына лайық істер жүргізген» (1, 769 б.).

Шәңгерей «Көлборсы» атты құнарлы алқаптың игілігін ағайын-туыс, ел-жұртпен бөліскен. Қазақ шаруаларының жаңа тұрмыс жасауына қолайлы жағдайлар туғызады. Үй салдырады, қора-қопсы салдырады. Мал өсіріп, егін егумен айналысқан елге керегін тауып бергізіп, дүкен ашқызып, базар саудасын дамытқызыған. Балаларды оқытуды қолға алған. Көптеген білімді оқытушы жалдаған. Тұрмысқа қажетті заттар соғатын ұстаханалар жұмыс істеген. Мәнша да салынған, көңіл көтеріп, өнермен айналысатын орындар да ашылған.

25-тен енді асқан шағында Шәңгерей орыс помещиктерінің үлгісіндегі өмір ортасын туғызады. Сонымен бірге Көлборсыда ұлттық өнер саятшылық, аңшылық, әншілік те қызу жанданады.

«Қазақтың қалың ортасында сауық-серуені мол Орда тұрғындары ішінде өткендіктен, оның өткен-кеткен тарихынан,

өнерпаз адамдарынан хабардар болып, ол білігін толық игеруге күш салады. Елдегі аттары әйгілі ақын, жыраулар мен әнші, күйші музыка-канттар Бөкей ордасына, Шәңгерей мекеніне соқпай өтпейтін болады. Олардың кейбірін айлап ұстап, өнер үйренер жас қауымға үлгі етеді. Осы Шәңгерей сияқты өнерге құштар қайраткерлердің еңбектері арқасында болса керек, Батыс өлкесіне мәлім бөкейлік әуен, ән-күй, саз қалыптасады. Бөкейлік саздың өзгешелігін музыка зерттеушілер назарға алмай жүр» (1, 770 б.).

Осы мәселе қазақ ән-саз мектептерінің бір ерекшелігіне қатысы бар мәселе сияқты. Ханғали Сүйіншәлиев өте орынды назар аударыпты. Ғалым бөкейлік саз өнері туралы кәнігі маман болмаса да біршама ұғындыру жасаған екен.

«Ол туралы маманданған түсінік беру біздің қолымыздан келе бермейді. Тек айтарымыз: аталмыш әуеннің жыршылар толғауында да, әншілер әуенінде де, күйшілер саз-сарындарында да өзгеше орындалатыны ғана.

...Бөкейлік саздың өзгешілігі қоңыржай бірқалыптылығында, бапты, жайлы, салтты сыршылдығында сияқты. Ән көтеретін тұста ғана дауысталып, орынды, орамды сазбен орындалады. Кейде төкпе желісті желдірме термелер, кейде ақтарыла төгіп-төгіп жіберіп барып бәсеңдейтін жыр-толғау мақамдары бөкейлік саз ерекшеліктері дер едік» (1, 770 б.).

Х. Сүйіншәлиев қазақ ән мектебінің аймақтық ерекшелігінің бір дерегін осылайша тарқатып айтып берген. Көңіл бөлетін, маңызы бар ойлар.

Х. Сүйіншәлиевтің «Бөкейлік саз музыкасымен де біраз ілгері болған» деген пікірі де дәлелмен дәйектелген. Бұл әуеннің үздік өкілдері болған еді деп Ханғали Сүйіншәлиев Құрманғазыны, Дәулеткерейді, Мұхит пен Абыл, Динаны атайды. Көлборсыда жыршы, термешілердің де небір айтулысы ат басын бұрғанын да көпшілік біле бермейтін мәнді деректер. Мұрат, Нұрым, Байтоқ, Жанұзақтардың да өнер көрсетуі әбден мүмкін дейді зерттеуші. Осылайша Х. Сүйіншәлиев ақындық алымы арғыда да, бергіде де ешкімге ұқсамайтын, бөлек дарын Шәңгерей Бөкеевтің әдеби шығармашылыққа қандай орта, қандай тарихи жағдайда бет бұрғанын бүге-шігесіне шейін баяндай келіп, ақын поэзиясындағы алабөтен сарындар, алақұйын сезімдер жұмбағының бір шешімдеріне бастар сыр ұшығын ағытады...

ПАЙДАЛАНЫЛҒАН ӘДЕБИЕТ:

1. Сүйіншәлиев Х. Қазақ әдебиетінің тарихы. Оқулық. – Алматы: Санат, 2006. – 904 б.

Бароўская І.А.

*Гомельскі дзяржаўны медыцынскі ўніверсітэт,
г. Гомель (Беларусь)*

Гістарычныя аспекты фарміравання хрысціянскай скіраванасці беларускіх песенна-паэтычных твораў

Артыкул прысвечаны разгляду рэлігійна-хрысціянскай скіраванасці песенна-музычных твораў беларускіх аўтараў. Значымым інтэркантэкстам для вялікай колькасці тэкстаў еўрапейскай культурнай прасторы стала Біблія. Прадметам аналізу ў артыкуле выступілі як помнікі праваслаўнай музыкі (гімны, канты, ірмалоі), так і тэксты сучасных паэтаў. Кароткі аналіз скіраваны на песні, прысвечаныя асобе Ф. Скарыны.

Ключавыя словы: еўрапейская культурная прастора, канты, ірмалоі, псалмы, Біблія, малітва

Беларуская паэзія на працягу амаль стагоддзя заставалася напauфальклорнай, а таму адной з найбольш сур'езных школ паэтычнага майстэрства для яе заставалася народная. У той жа час, народная песня змяшчала ў сваёй структуры і рэшткі старажытнага міфалагічнага светаўспрымання, і рэліквіі гераічнага эпасу, і драматызм балады, і гулілінасць прыпевак, і глыбокія пачуцці любоўных перыпетый – адным словам, усю палітру класічнай еўрапейскай лірыкі. Невыпадкова, што беларуская песня, якая нараджалася падчас 19 ст., стала выразна поліфанічнай і шматстайнай. Спрыяла гэ таму і традыцыйнае бытаванне песні ў дзвюх асноўных разнавіднасцях: народнай і літаратурнай (прафесійнай). Галоўнае адрозненне апошніх бачыцца ў наяўнасці канкрэтнага аўтара, часе ўзнікнення (у выключнай большасці выпадкаў) літаратурнага тэксту раней за музычны напеў і іншы раз яго незалежнае ад музыкі існаванне.

Значнае месца ў жыцці насельніцтва Беларусі 16 - 18 стст. займала царкоўная музыка. Да нашых часоў захаваліся помнікі праваслаўнай музыкі - царкоўныя гімны, канты (уласна канты і

псалмы), ірмалой (Супрасльскі, Віцебскі, Жыровіцкі, Слуцкі, Мірскі і інш.).

Цэнтральнае месца ў еўрапейскай культурнай прасторы займае Біблія, якая з’яўляецца значымым інтэртэкстам для велізарнай колькасці іншых тэкстаў. Біблейны тэкст – асноўная крыніца рэлігійных вартасцей хрысціянскай культуры. Кананічны біблейны тэкст з’яўляецца адным з рэгулятараў жыццядзейнасці чалавека. На працягу тысячагоддзяў біблейныя выразы і сімвалы замацаваліся ў свядомасці людзей. Нязменная цікавасць да біблейнага тэксту абумоўлена шэрагам прычын: значнасцю, агульнавядомасцю і аўтарытэтам Святога Пісання.

Больш за чатыры стагоддзі таму ў Нясвіжскай друкарні быў надрукаваны «Канцыянал» – адзін з першых на Беларусі нотных зборнікаў, які змяшчаў больш за сотню песень (кантаў) з прыкладзенымі да іх нотамі. У 1594 г. «Канцыянал» быў перавыдадзены ў Вільні. У Нясвіжы была створана адна з першых на Беларусі майстэрня па вырабу музычных інструментаў, а таксама падручнік па харавых спевах. Яго напісаў каля 1794 г. мясцовы выкладчык Антон Варанец. Праз паўтара дзесяцігоддзі падручнік быў выдадзены ў Вільні на польскай мове пад назвай «Пачатак музыкі – як фігуральных, так і харавых спеваў» з дабаўленнем італьянска-польскага слоўніка музычных тэрмінаў.

У свецкай музыцы 16-18 стст. найбольш характэрным жанрам быў кант: шматгалосая песня свецкага зместу. Вытокі канта – у старажытных гімнах і песняспевах яшчэ дахрысціянскіх часоў, якія трапілі ў праваслаўную і каталіцкую музыку і знайшлі свой працяг у свецкіх песняспевах. Разнастайныя па сваёй тэматыцы (філасофскія, павучальныя, пакаральныя, жартоўныя, лірычныя, сатырычныя), канты набылі шырокае распаўсюджанне на Беларусі, Украіне і Расіі.

Брытанскі даследчык беларускай культуры Гай Пікарда у канцы 1950-х гадоў адправіўся з экспедыцыяй на Падляшша, дзе збіраў старажытныя беларускія царкоўныя спевы. Ён вывучаў творчасць беларускіх кампазітараў М. Равенскага, М. Куліковіча (Шчаглова), распрацоўваў гісторыю перакладаў Бібліі на беларускую мову. Акрамя таго, займаўся пошукам старажытных беларускіх царкоўных спеваў і іх выданнем. У 1959 Гай Пікарда адшукаў у Кіеве Супрасльскія і Жыровіцкія ірмалой — рукапісныя музычныя зборнікі 16 ст. рэлігійнага зместу. Брытанскі даследчык выдаў «Беларускі царкоўны спеўнік. Св. Літургія» (кн. 1—2, 1979—81),

«Беларускі духоўны спеўнік» (Вільня, Лондан, 1989), анталогію беларускіх шматгалосых песняпеваў «Залатая Беларусь» (1998).

У 16-18 стст Беларусь стала своеасаблівай «сталіцай» кантавай культуры Усходняй Еўропы (кант – ад лац. *cantus* — спевы, песня, шырока вядомая ў Цэнтральнай і Заходняй Еўропе вакальна-харавае песня-гімн, што бытвала ў колах духавенства і манастырах). Паэтыка кантаў бярэ пачатак ад літаратурнай (кніжнай) паэзіі, а не народнай песні. Ствараліся канты на словы прадстаўнікоў сілабічнай паэзіі (С. Полацкага, Я. Славінецкага, Д. Растоўскага і інш.). Тэксты і напевы кантаў існавалі ў шматлікіх варыянтах, уваходзілі ў рукапісныя зборнікі і выконваліся групай спевакоў альбо хорам без інструментальнага суправаджэння. Інтанакцыя ў кантаў вылучаюць сінтэз элементаў беларускай, украінскай і рускай народнай песні, «знаменнага распева» (самага старажытнага з рускіх царкоўных распеваў), а таксама польскай мелодыкі. На Беларусі канты набылі ярка выяўленыя нацыянальныя рысы дзякуючы спалучэнню з традыцыйнай народнай музыкай. Вылучаюць свецкія канты (уласна канты) і рэлігійныя (псалмы). У 17-18 стст большасць свецкіх кантаў на Беларусі мела любоўна-лірычны змест – пра каханне, сустрэчы, смутак у разлуцы, здраду, супрацьдзеянне бацькоў і інш. «Большасць кантаў стваралася на старабеларускай мове з адхіленнямі ў царкоўнаславянскую і польскую. Беларускія канты і псалмы нясуць у сабе элементы пазацаркоўнай песеннай культуры (фальклору), што было характэрна і для гусіцкіх гімнаў, і для лютэранскіх і кальвінісцкіх харалаў» [8, с. 36].

Менавіта з Беларусі ў канцы 16 - пач. 17 стст. жанр кантаў распаўсюдзіўся на Украіну, а ў 17 - 18 стст. – у Расію. Такая прагрэсіўная роля Беларусі ў пашырэнні новай дэмакратычнай музычнай плыні невыпадковая: рост гарадоў у 16 ст. спрыяў развіццю разнастайных прафесійных рамёстваў, у тым ліку і музычнага. Таму раней за іншыя краіны Усходняй Еўропы канты набылі папулярнасць менавіта ў беларускіх гарадах. Такі росквіт кантавага жанру паўплываў на тое, што шмат беларускіх паводле мовы і матываў песняў трапіла ў замежныя зборнікі 18 ст. («Варшаўскі зборнік»), розныя маскоўскія зборнікі.

Сярод замежных збораў беларускіх кантаў найбольш вядомыя «Куранты» (1733) – рукапісны зборнік вакальнай лірыкі цалкам свецкага зместу, запісаны кіеўскай натацыяй. Зборнік «Куранты»

ўпершыню апісалі і надрукавалі ў 1970 г. англійскія прафесары Макмілін і Дрэйдж («Oxford Slavonic Paper» 5. 08.1970).

Лірыка з усімі яе умоўнасцямі, гіпербаламі, іншы раз алагічнымі злучэннямі слоў, святых хваласпевы-малітвы — гэта псалмы (ад грэч. psalmos – псалом, песнь), вершы, якія спявалі ўслых. Першым псалмаспеваком лічыцца Давід, цар ізраільскі, які пражыў да глыбокай старасці з усведамленнем граху і з вялікай любоўю да Бога. Ён іграў на гусях, псалтыры (струнны музычны інструмент; гэта яшчэ і назва зборніка псалмоў цара і прарока Давіда, зборніка, які ўваходзіць у склад Старога Запавета Бібліі) і іншых музычных інструментах, спяваў псалмы і славіў Усемагутнага Творцу.

З эпохі ранняга Сярэднявечча псалмы аказвалі велізарны ўплыў сваім зместам або стылем. Па прыкладу Яна Каханоўскага Сімяон Полацкі лічыў, што яго псалмы («Псалтыры царя і прарока Давіда») будуць і спявацца. Сапраўды, у 1680 годзе пеўчы дзяк В. Цітоў стварыў 165 музычных твораў на тэксты псалмоў С. Полацкага, што адзначана як зараджэнне рускай камернай вакальнай музыкі.

Сваю выдавецкую дзейнасць пачынаў з Псалтыра Францыск Скарына (Прага, 1517): *И что ест, чего в псалмох не найдешь?.. Там ест справедливость. Там ест чистота, душевная и телесная.. Там ест мудрость и разум doskonaлый..* Псалтыр Скарына называе «*великим сокровищем*». Вось як вызначае ён псалмы ў сваіх прадмовах (пераклад А. Разанава): *Псалом – всеединый голос церкви разноразычной. Он возвеличивает торжество и украшает праздник, а распри, вражду и злословие усмиряет ради Всевышняго Бога. Сердце, пусть даже каменное, псалом трогает и смягчает и, как из источника, из него источает слёзы. Псалом – песнопение ангельское, темьян духовный; учит душу, а тело пением веселит.*

Скарына быў першым усходнеславянскім паэтам, які выкарыстаў магутны інструмент паэзіі – рыфму. Яго паэтычныя вопыты, што ўсё яшчэ дрэнна вывучаны, стаяць у вытокаў магутнага патоку, які зрабіў айчынную літаратуру сусветным дасягненнем [6, с. 515].

Усёй душой ён жадаў наблізіць да народа крыніцу мудрасці, вынік шматвяковага вопыту чалавецтва – кнігі «Бібліі». Беларускі асветнік прапанаваў чытаць, напрыклад, Прытчы Саламонавы «всыкому человеку, мудрому и безумному, богатому и вбогому,

младому и старому, наболей тым, они же хотят имети добрые обычае и познать мудрость и науку» [4, т. 3, с. 295].

Гуманістычныя тэндэнцыі эпохі Адраджэння ён перадаваў праз прадмовы і пасляслоўі, у якіх ёміста, афарыстычна прапаноўваў свае погляды на зямное прызначэнне чалавека, на бязмежныя магчымасці ў Сустве, дзе пануюць воля і разум.

Даследчыкі адзначаюць літаратурнае майстэрства Скарыны [6, с. 334], які, напрыклад, цудоўна валодаў майстэрствам параўнання, што і выкарыстоўваў у якасці інструмента эмацыянальнага ўздзеяння на чытача: «... в сих притчах сокрита мудрость, якобы мощь в драгом камени, и яко злато в земли, и ядро ув ореху» [4, т. 3, с. 294]. Нагнятанне эпітэтаў сустракаем у наступным радку Прытчаў, што, безумоўна, сведчыць аб літаратурным таленце Францыска Скарыны: «В ней воистину ест дух разумности святыи, единый, различный, смысленный, скромный, вымовный, движущийся, непокверненный, истинный, сладкий, чистый, стальной, добротливый...» [4, т. 3, с. 294].

Падобнае ж нанізванне назіраем і ў Кнізе Ісуса Сірахава, дзе сутыкаемся з вялізным пералікам паняццяў, якія ў ёй тлумачацца: «о мудрости, о страху господнем, о слове божием, о справедливости, о вере, о любви, о надежи, о чистоте, о службе божией, о долготерпении, о смирении, о милостыни...» [4, т. 3, с. 98] і г. д.

Па сутнасці, ад Скарыны бярэ пачатак традыцыя глыбокай адданасці роднаму слову, вернага служэння свайму народу, свайё Радзіме «найболей с тое причины, иже мя милостивый Бог с того языка на свет пустил».

Сёння імя Францыска Скарыны грунтоўна заняло месца ў айчыннай гісторыі. Яго праслаўляюць у вершах, паэмах, песнях, праявічай літаратуры. У беларускай песеннай прафесійнай лірыцы існуе пласт песенных твораў, прысвечаных слаўтай асобе. Нам бы хацелася крыху спыніцца на моўна-вобразных асаблівасцях песень, прысвечаных асобе Ф. Скарыны, тым больш, што ў гэтым годзе паўсюдна адзначалася 500-годдзе беларускага кнігадрукавання.

П. Марціновіч у песні «Памяць» (муз. Л. Шлега), яскрава і лаканічна перадае гаротнае жыццё беларускага народа, якое было асветлена той іскрай, што ўспыхнула асобай Скарыны. Асананс гука [а] садзейнічае ўзмацненню інтанацыйна-гукавога малюнка, выразнасці радкоў:

Тады, калі была краіна

*Пад гвалтам здзеку і абраз,
Ты быў для нас, нібы іскрына,
Як памяць, вера і абраз.
Ты быў для нас, як памяць,
Вера і абраз. [1, с. 10].*

Не менш пранікнёна гучыць песня «Доктар Скарына» на верш В. Р. Айзенштата (муз. М. Я. Магаліфа):

*Здалёк відней, што з году ў год
У цемры жыў яго народ.
Сагнуўшы спіны працаваў
І долі лепшай не спазнаў.
Жыццё такое, як палон,
Як горкі сон, страшэнны сон. [1, с. 12]*

Асананс гука [о] з алітэрацыяй санорных гукаў стварае атмасферу цяжару, цемры, горычы, што ўзмацняецца наяўнасцю яркіх параўнанняў *як палон, Як горкі сон, страшэнны сон.* Рытарычным воклічам паэт заклікае радзіму прыняць свайго сына:

*Чуеш, Белая Русь!
Ты прыняць свайго сына павінна,
Да цябе ён на крылах,
Як птушка ляціць.
Сустракай – гэта доктар Скарына!*

Дакладна і грунтоўна прадстаўляе нам паэт В. Р. Айзенштат самога Скарыну, які, нібы сам, спавядаецца перад сваімі нашчадкамі, у наступным творы «Я – Скарына» (муз. М. Я. Магаліфа):

*Я – Скарына Францыск.
Доўгі кніг маіх спіс.
Што праз цемры той хмыз,
Быццам сонечны дыск.
Перад Богам я чысты,
Перад вамі я чысты.
Дзякуй, розуму бліск!
Я – Скарына Францыск. [1, с. 31].*

Паэт прадстаўляе нам Скарыну, які шмат вандраваў, “зорак вывучаў шлях, Фаліянтаў суровы тэкст”. Наяўнасць адмоўных часціц не побач з лексэмамі *меч, кроў (ніколі не браў меч, Не жадаў нічыёй крыві)* перадае жыццёвы шлях генія-асветніка, сэрца якога

“білася, як птах”, прызначэнне якога – несці “землякам сваім з іншаземных краін святло”:

*Сёння з вамі я твар у твар,
Вам, нашчадкам, хачу сказаць,
Што галоўнай была з мар –
Мову матчыну захаваць!* [1, с. 31].

Побач з вялікімі італьянскімі гуманістамі – Дантэ, Бакачча, Пятрарка, якія шырока спалучалі ў сваіх творах лацінскую мову з жывой народнай гаворкай, Францыск Скарына ў сваіх перакладах сінтэзаваў элементы царкоўнаславянскай мовы і жывой беларускай гаворкі.

Сучасныя паэты асвятляюць асобу Скарыны з розных бакоў. М. Стральцоў, напрыклад, стварыў верш «Твар Скарыны», які быў пакладзены на музыку С. Бельцоковым:

*З-над цяжкіх век ён глядзіць.
З вякоў былых у век новых дум, трагедый, парыванняў.
Твар Скарыны.* [1, с. 16]

Антанімічнае супастаўленне часоў “*былых - новых*” аб’ядноўвае ў радках стагоддзі ў гісторыі чалавецтва, а нанізванне назоўнікаў *дум, трагедый, парыванняў*, нібы папярэджвае і нагадвае нам аб будучых цяжкасцях у нашым жыцці.

Дарэчы, выява твару Скарыны дайшла да нас з яго партрэта, размешчанага на апошніх лістах кнігі Іісуса Сірахава [4, т. 3, с. 671] і Царстваў [4, т. 2, с. 599]. Даследчыкі адзначаюць, што ў дадзеным выпадку беларускі асветнік, безумоўна, наватар, таму што няма ў гісторыі 15 – пачатку 16 стагоддзяў прыкладаў, калі б выдаўца змесціў бы ў кнізе свой партрэт [4, с. 380]. Скарына ганарыўся тым, што “рабіў” кнігі для народа. І нельга забываць, што партрэт быў змешчаны не проста ў кнізе, а ў Свяшчэнным Пісанні:

*О, глядзі, убач усё да звання!
Гавары са мною, не хлушу.
Ты скажы – усё я запішу.
Твар Скарыны.*

Загадны лад побач з выкарыстаннем першай асобы адзіночнага ліку дзеясловаў у чатырохрадкоўі, узмоцнення рытарычным воклічам, ствараюць дыялог паэта з самім Скарынам.

Нашчадкі гатовыя “*пахіліцца перад тымі, хто жыў да нас для нас*” і спазнаць агонь душы самога Францыска («Скарынава душа», верш В. Стрыжака, музыка В. Кузняцова):

*Хай узрастае аддаленне
Ты вер у души перасяленне
І перакінецца пажар
У душы іншых пакаленняў –
Нібы Скарынава душа. [1, с. 28].*

Славуты беларускі паэт Л. Лягчылаў у свой час побач з кампазітарам М. А. Моўчанам стварылі нават рок-паэму «Ave Sole, альбо слова Скарыны» [1, с. 36], якая складаецца з некалькіх частак: «Першы», «Доктар Скарына», «Успамін» («Маргарыта»), «Слова Скарыны», «Астравы шчасця», «Белая Русь»: *Слова пакліча з глыбінь векавых! Слова Скарыны, слова Скарыны!*

*Сонца і шчасце дзяліце на ўсіх.
Кіньце слова ў агонь, а яно не гарыць,
І да сэрцаў людскіх птушкай Фенікс ляціць.
Людзі, вам будаваць заўтра сонечны храм,
І паэта жыццё прысвячаеца вам!*

І сапраўды, жыццё Францыска Скарыны прысвечана ўсяму чалавецтву. Значэнне яго дзейнасці выходзіць за межы толькі ўсходнеславянскай культуры, сусвет гэтага чалавека мае агульначалавечы характар. Скарына выйшаў на міжнародную арэну, пры гэтым ён працягваў заставацца патрыётам і аддаў усяго сябе асвеце роднага народа. Таму усе мы з удзячнасцю ўспамінаем сёння яго асобу і бачым, як актыўна адгукваюцца на гэта імя нашы слаўныя паэты, музыканты, што прысвяцілі і прысвячаюць славу таму Скарыне свае цудоўныя творы.

Да псалмоў звярнуўся і вялікі беларускі паэт Рыгор Барадулін у сваім зборніку «Ксты» (2005). Тэксты паклаў на музыку і спявае Алесь Камоцкі. У час жорсткасці і канкурэнцыі, бездухоўнасці і ўседазволенасці менавіта зварот да душы так неабходны кожнаму з нас: *Як у сцюдзёную раку, Памалу ў Біблію заходжу, Бо веру, што душу злагоджу, І, думаю, бяду ўраку [2, с. 80].*

Заглыбленне ў сваё ўнутранае «я» часта нараджае малітву – споведзь душы перад Богам і людзьмі. Выдыхнуць словы малітвы – значыць, агучыць унутраны голас: «Я буду маліцца і сэрцам, і думамі, // Распетаю буду маліцца душой...» (Я. Купала. «Мая малітва»). Гэта малітва за бацькоўскі край, Беларусь. Падобныя радкі ўмацоўваюць у перакананні, што «дух рэлігійнасці - беларускі дух» [5, с. 23]. Пранікнёнае вершаванае маленне працягваецца ў сучаснай паэзіі. Так, напрыклад, беларуска-польскі паэт Алесь

Барскі настолькі ўлюбёны ў родныя мясціны, што, працягваючы традыцыі Янкі Купалы, які *маліўся небу, зямлі і прастору*, звяртаецца з малітвай да зямлі:

Другіх багоў даў лёс

І загадаў маліцца.

Але не выракайся

Песеннага бога.

Які ёсць лесам,

Цалаваным бліскавіцай. [3, с. 41].

Не аднойчы паэт падкрэсліць, што не ўмее маліцца, *не знае «Верую» і слаба «Запаветы»* або нават гаворыць, што *бязбожнік я – малюся за жыццёлы*. А. Барскі, як старажытныя грэкі, адухаўляе прыроду. Кветкі асота нагадваюць яму крык *ці ў песні, ці ў малітве гордаі; далоні дрэў зноў моляцца над рэчкай; ворагі вучылі нас маліцца богу-страху; малюся, каб ніколі ў жыцці нядоўгім не мець пытанняў менш; малюся лясному голлю, п'янею ад песні трыцца; і сныцца доўгія гады малітвы салаўя* [3, с. 41].

Малітва ў славянскай традыцыі – гэта сустрэча з жывым Богам, які чуе чалавека, дапамагае яму, любіць яго. Аднак святарная малітва і паэтычная вельмі адрозніваюцца паміж сабою, бо і сам паэт у споведзі-малітве адрозны ад звычайнага хрысціяніна: упадабляецца хутчэй язычніку, невыпадкова параўноўваючы малітву з паганскай замовай, захоўваючы, аднак, яе сакральнасць і містычнасць. Існуюць малітвы велічныя, падзячныя і прашэнні. Алесь Барскі, як і Купала, для сябе асабіста нічога ў сваіх малітвах не просіць. Ён толькі ўдзячны Сусвету, Богу, роднай зямлі за шчасце быць на свеце і спявае ўдзячную песню. Сапраўды, ў стылі Купалы гучыць ягоны зварот да нябесных сілаў:

З гімнам,

З малітвай

Стаім і просім

Свет на каленях:

Гэй, веснавая добрая просінь,

Трымае нас у жмені.

Ён добра ведае суровы закон жыцця:

І песні, як багі,

Напоўнены дабрэчай;

Здаецца, маладосць –

Кранаю я рукой,

*А гэта брама могілак,
Мой чалавеча* [3, с. 14].

Бог, пошук Боскага ў чалавечым існаванні, прага ачышчэння, чалавекалюбства, далучэнне да вечнага, хрысціянскага, усяго святога – вось тое кола матываў, якое вызначае змест творчасці рэлігійна-хрысціянскай скіраванасці. Высакародныя па сваёй сутнасці вершы Ул. Пецюкевіча, які ў думках, словах часта звяртаецца да Бога, Божай Маці, да святых, да анёлаў: *Хачу нахадзіцца, хачу заблудзіцца ў нечым святым і высокім...* Актыўны зварот шматлікіх сучасных аўтараў да трагедыі Чарнобыля выклікае складанне шматлікіх твораў-малітваў за родны край, за Беларусь: *Божа мой, даруй нам, квольм, Сілы дай расправіць плечы, І вярні, вярні нам голас векавечны чалавечы* (Ул. Пецюкевіч. «Малітва») [7, с. 19]; *Божа нашы дарагі, адпусці нам грахі, Асвяці пуцявіну крутую – Уратуй Беларусь, блаславі Беларусь – Нашу Маці святую!* (Ул. Пецюкевіч. «Малітва за Беларусь») [7, с. 544].

Такім чынам, рэлігійныя ўяўленні, біблейскія пашыраюць магчымасці паэтычнай думкі, лексіка-семантычны склад вершаванай творчасці. Жанр малітвы раскрывае маральную заглыбленасць беларускай паэзіі, яе скіраванасць да духоўных вытокаў вечнага жыцця. Вечная біблейная мудрасць запатрабавана, каб зацвердзіць неперыходныя агульначалавечыя каштоўнасці, вытлумачыць сэнс нашага накіравання на зямлі. Біблейныя тэксты выступаюць асноўнай крыніцай рэлігійных вартасцей хрысціянскай культуры і з’яўляюцца адным з рэгулятараў жыццядзейнасці чалавека. Рэлігійна-хрысціянскія матывы музычных і песенна-паэтычных твораў складаюць асобны пласт беларускай культуры, што, безумоўна, выступае яскравай старонкай у духоўнай спадчыне нашага народа.

ЛІТАРАТУРА:

1. Адрасуючы Скарыне : зборнік / уклад. Э. А. Алейнікавай. – Мн. : Народная асвета, 1991. – 92 с.
2. Барадулін, Р. Ксты: / Р. Барадулін – Мн. : Рым.-катал. Парафія св. Сымона і св. Алены, 2005. – 472 с.
3. Барскі, А. Блізкасць далёкага / Алесь Барскі – Беласток, 1983. – 116 с.
4. Біблія : Факс. Узнаўленне Бібліі, выд Ф. Скарынаю ў 1517-1519 г. : У 3 т. – Мн.: БелСЭ імя П. Броўкі. ; Т. 1 : Біблія [адказны

рэдактар канд. філас. навук С. В. Кузьмін, навук. кансультант канд. гістар. навук Г. Я. Галенчанка]. – 1990. – 827 с. ; Т. 2 : Біблія [адказны рэдактар канд. філас. навук С. В. Кузьмін, навук. кансультант канд. гістар. навук Г. Я. Галенчанка]. – 1991. – 806 с. ; Т. 3 : Біблія [адказны рэдактар канд. філас. навук С. В. Кузьмін, навук. кансультант канд. гістар. навук Г. Я. Галенчанка]. – 1991. – 780 с.

5. Века, А. «На Беларусі Бог жыве...»: Біблейскія сюжэты і матывы ў паэзіі Уладзіміра Караткевіча / А. Века // Роднае слова. - 1995. - № 11. - С. 23-35.

6. Немировский, Е. Л. Франциск Скорина: Жизнь и деятельность белорусского просветителя : литер.- худож. издание / Е. Л. Немировский. – Мн. : Маст. літ., 1990. – 597 с.

7. Пецюкевіч, Ул. Узняўся белы птах. Песні, вершы, балады / зборнік / уклад. Леакадзія Мілаш / Уладзімір Пецюкевіч – Вільня : Таварыства Беларускай культуры ў Літве, 200

8. Сасноўскі, З. Гісторыя беларускіх музычных уплываў / Зміцер Сасноўскі. – Мінск : Медысонт, 2009. – 140 с.

Василевская Е. С.

*УО «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка» (Беларусь)
e-mail: alena08@tut.by*

УДК 81'373.231

Прецентные имена в повести Владимира Короткевич «Дикая охота короля Стаха»

*Elena Stanislavovna Vasilevskaya
Maxim Tank Belarusian State Pedagogical University,
Minsk (Belarus)*

UDC 81'373.231

Precedent names in the news Vladimir Korotkevich "The wild hunting of the king of Stah"

В статье рассматриваются прецентные имена, употребленные в повести В.Короткевича «Дикая охота короля Стаха», определяется их роль в

The article discusses the precedent names used in V. Korotkevich's novel The Wild Hunt of King Stach, determines their role in

контексте, расшифровывается экстралингвистическая информация, содержащаяся в этих именах.

Ключевые слова: прецедентные имена, экстралингвистическая информация, Владимир Короткевич, перевод, художественный текст

the context, deciphers the extralinguistic information contained in these names.

Keywords: precedent names, extralinguistic information, Vladimir Korotkevich, translation, art text

Глубокое прочтение художественного текста, по мнению И.Р. Гальперина, требует понимания трех видов информации – содержательно-фактуальной, содержательно-концептуальной и содержательно-подтекстовой. Однако и этого бывает недостаточно, чтобы понять идею произведения, оценить его художественные достоинства. Возникает необходимость обращения к внетекстовой, экстралингвистической информации, нередко заключенной носителями в прецедентных именах, использованных в художественном тексте.

Прецедентное имя связано или с широко известным текстом, или с прецедентной ситуацией, это, по определению В.В.Красных, «своего рода сложный знак, при употреблении которого в коммуникации осуществляется апелляция не к собственно денотату, а к набору дифференциальных признаков данного прецедентного имени» [1, с. 48]. Как правило, прецедентные имена вносят в художественный текст «значительные объемы культурной информации» [1, с. 49], и далеко не каждый читатель может эту информацию расшифровать.

Ситуация становится еще более сложной, если текст переводится на другой язык. Человек, читающий этот перевод, не всегда может понять зашифрованную информацию, заложенную в прецедентном имени, принадлежащем другой культуре. Возникают и такие случаи, когда одно и то же имя в разных культурах аккумулирует различные смыслы. Все это может привести к неправильной трактовке художественного произведения.

Примером сказанному может послужить повесть классика белорусской литературы Владимира Короткевича «Дикая охота короля Стаха». Произведение является первым историческим детективом в белорусской литературе, сюжет которого часто сравнивают с «Собакой Баскервилей» Артура Конана Дойла. Но произведение белорусского писателя отличает мощная национальная идея, которая реализуется в первую очередь через образы Андрея Белорецкого и Андрея Светиловича.

Главный герой и рассказчик, Андрей Белорецкий, приезжает в имение Болотные Ялины, где сталкивается с загадкой дикой охоты, которая уничтожает представителей древнего дворянского рода Яновских.

Повесть стала очень популярной не только среди белорусов. Ее перевели на русский (В.Щедрина) и украинский (К.Скрипченко) языки. В 1979 г. режиссер Валерий Рубинчик снял одноименный фильм, который получил ряд наград на кинофестивалях в Италии, Франции, Канаде, США.

В повести употребляется большое количество имен реальных исторических персонажей, литературных героев, что связано, в первую очередь, с образом главного героя – интеллигента, человека энциклопедических знаний, фольклориста и этнографа по профессии.

Так, употребление имен писателей и литературных героев, с одной стороны, позволяет дать характеристику обстоятельствам, передать индивидуальную оценку событий, а с другой стороны, подчеркивает уровень образованности и начитанности самого Андрея Белорецкого: *Черт знает какой дурак надумал насадить в таком мрачном месте ели, но это было сделано, и парк, которому было никак не меньше сотни лет, был ненамного приятнее, чем известный лес у Данте* [2, с. 374]; *Вы знаете, я небольшой охотник до романов в духе мадам Радклиф и первый не поверил бы, если б кто рассказал мне о том, что случилось дальше* [2, с. 378]; *«Что мне это напоминает? — подумал я. — Ага, пушкинская Татьяна среди чудиц в шалаше. Обложили, бедную, как лань во время охоты»* [2, с. 399].

Но чаще всего в повести В.Короткевича имена реальных людей становятся воплощением определенной исторической эпохи, способом выражения мировоззрения героя.

Например, имя **Иософата Кунцевича**: *Но в ту пору я в глубине души... был убежден, что не только из виселиц растут на земле леса (что, конечно, было правильно даже во времена Иософата Кунцевича и белорусской «доказной» инквизиции) и не только стон слышится в наших песнях* [2, с. 352]. Иософат Кунцевич, униатский епископ Речи Посоплитой, – неоднозначная личность в белорусской истории. В 1867 г. он был канонизирован католической церковью. А в историю Беларуси вошел как человек, который любыми средствами, даже самыми жесткими и жестокими, добивался своей цели.

Иосифат Кунцевич был убит во время Витебского восстания в 1632 г. Этим событиям посвящена драма В.Короткевича «Званы Віцебска» («Колокола Витебска»). В пьесе автор делает акцент на противоречивости характера этого человека. Однако в повести «Дикая охота короля Стаха» главный герой упоминает имя Кунцевича в таком контексте, который позволяет рассматривать время правления епископа (1618-1623) как очень кровавое и жестокое.

Вспоминается в повести и легендарный князь Великого Княжества Литовского **Витовт**, который в сознании белорусов является символом расцвета княжества: *Говорил, что русский булат берет медную пластину, польская «зигмунтовка» довольно толстый гвоздь, а эта — наша, секрет еще татары при Витовте завезли* [2, с. 422]. Имя употребляется в речи одного из персонажей повести — Дубатовка, который хвалит нашу саблю, и упоминание имени великого князя, при котором и создали такое невероятное оружие, является показателем силы традиций.

Нередко введение прецедентного имени позволяет определить статус персонажа. Так, в начале повести мы узнаем, что ее главный герой является фольклористом и этнографом, причем достаточно известным. Об этом нам говорит имя реального исторического персонажа **Евдокима Романова** — одного из известных белорусских фольклористов и этнографов XIX в., основателя Могилевского церковно-археологического музея: *Но повсюду — и только это облегчало дело мое — я встречал внимание и помощь. И в лице малообразованного волостного писаря, который потом высылал записки сказок мне и Романову, и в лице дрожащего за хлеб сельского учителя ...* [2, с. 353].

Возможно, что для русского или украинского читателя информация, заложенная в именах известных деятелей белорусского истории и культуры, будет непонятна. Как не все поймут и следующее замечание главного героя повести: *Хотя среди мелкой шляхты тогда разговаривали по-белорусски, шляхта того слоя, к которому, видимо, принадлежал этот пан, языка не знала: среди гостей не больше десятка разговаривали на языке Марцинкевича и Каратынского, остальные на варварской смеси польского, русского и белорусского* [2, с. 400]. Действие в повести происходит в конце XIX в. Это период становления нового белорусского литературного языка, время, когда начинают появляться первые образцы белорусской профессиональной литературы. Среди первых писателей, кото-

рые создавали свои произведения на белорусском языке, были Винцент Дунин-Мартинкевич, основатель белорусской национальной драматургии, и Винцент Каратынский, написавший на белорусском языке несколько поэтических произведений. Для главного героя повести эти писатели – образец зарождающегося белорусского литературного языка.

Однако наиболее важным для понимания характеров героев, их идеалов и принципов является употребление в тексте повести имён **Кастуся Калиновского** и **Михаила Николаевича Муравьёва**.

Кастусь Калиновский – один из руководителей восстания 1863 г., представитель наиболее радикального крыла этого восстания, автор первой белорусской газеты. В белорусской истории он стал национальным героем, примером героического самопожертвования. Для В.Короткевича личность Калиновского имела особую притягательность. Известно, что на рабочем столе писателя стоял портрет Калиновского и перед ним светильник, который зажигался один раз в год – 21 марта, в день смерти первого белорусского революционера [3, с. 79]. Калиновский является действующим лицом самого известного исторического романа В.Короткевича «Колосья под серпом твоим» и главным героем пьесы «Кастусь Калиновский», где сюжет основана на конфликте Калиновского и Муравьёва.

Противопоставлены эти имена и в повести. Вот как описывает комнату Андрея Светиловича рассказчик: *Гравированный портрет Марата в ванне, пораженного кинжалом, и написанный карандашом портрет Калиновского висели над столом. На другой стене карикатура: Муравьев с плетью в руке стоит на груди черепов. Его бульдожье лицо грозно. Катков, низко склонившись, лижет ему зад* [2, с. 472]. Автор показывает нам два разных по жанру произведения изобразительного искусства: карандашный портрет с изображением Калиновского, и карикатура с нарисованной фигурой Муравьева. Уже это позволяет нам говорить о пристрастиях персонажа. А поставленный в один ряд с именем **Марата** фамилия белорусского национального героя даёт возможность понять, что идеалами Светиловича являются свобода, самопожертвование ради великой цели. Такая же информация заложена и в имени **Софьи Перовской**, одной из руководителей «Народной воли», женщины, поднявшей руку на царя: — **Калиновский** шел на виселицу. **Перовскую**, женщину, на которую только глянуть — и умирай, на эшафот... [2, с. 466].

Революционный дух Светиловича, его стремление бороться за свободу народа подчеркивает и введение в контекст фамилии украинского поэта, основателя современной украинской литературы Тараса Шевченко: *Началось с того, что мы решили почтить память Шевченко. Нам пригрозили, что в университет введут полицию... Ну, мы взбунтовались* [2, с. 412].

Граф Муравьев – участник Отечественной войны 1812 г., видный государственный, общественный и военный деятель Российской империи эпох Николая I и Александра II. Но для героев повести его имя связано только с подавлением восстания 1863 г. Люди, поддерживающие политику Муравьева, также выступают душителями свободы, в том числе и национальной. Это публицист *Михаил Катков* и попечитель Виленского учебного округа *Иван Корнилов*: *Я родился, как говорили в те времена, с «польской» фамилией..., в гимназии (а это было тогда, когда еще не забылся черной памяти попечитель Корнилов, сподвижник Муравьева) называли нас, беря за основу язык отцов, «древнейшей ветвью русского племени, чистокровными, истинно русскими людьми»* [2, с. 353].

Таким образом, использование прецедентных имён в художественном тексте тесно связано с реализацией идеи произведения, способствует более глубокому раскрытию характеров персонажей произведения. Однако нередко при переводе на другие, даже близкородственные, языки у читателя могут возникнуть трудности, связанные с расшифровкой информации, заложенной в этих именах. В таких случаях употребление прецедентных имён необходимо, на наш взгляд, сопровождать развёрнутым экстралингвистическим комментарием.

ЛИТЕРАТУРА

1. Имя собственное в художественном тексте : учеб.-методич. пособие. Авт.-сост. А.Н. Деревяго. Витебск: УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2008. 195 с.
2. Короткевич В. Дикая охота короля Стаха // Черный замок Ольшанский : роман; Дикая охота короля Стаха : повесть. Минск: Маст. лит., 1984. С. 349 – 526.
3. Мальдзіс А. Жыцце і ўзнясенне Уладзіміра Караткевіча : партр. пісьменніка і чалавека. Мінск : Маст. літ., 1990. 230 с.

Головачева О.А.

ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени
академика И.Г. Петровского», г. Брянск (Россия)
e-mail:: golovacheva-olga@mail.ru

УДК 811.11

**Национально-культурный компонент в заголовках и
текстах публицистических произведений Н.С. Лескова
60-х гг. XIX века**

Golovacheva Olga Alekseevna
Bryansk State Academician I.G. Petrovski University,
Bryansk (Russia)

UDC 811.11

**National and cultural component in the titles and texts of publicistic
works N. S. Leskova 60-ies. XIX century**

В работе представлен ряд публицистических произведений Н.С. Лескова, сделан акцент на компонентах содержательного характера с учетом национально-культурной парадигмы. Выявлены некоторые особенности русского этнотипа и эксплицирующие их языковые средства.

Ключевые слова: Н.С. Лесков, ранняя публицистика, национально-культурный компонент.

The work presents the names of a number of journalistic works by N.S. Leskov, emphasis is placed on the components of a meaningful nature, taking into account the national-cultural paradigm. Some features of the Russian ethnotype and their exploring language tools are revealed.

Keywords: N.S. Leskov, early journalism, national cultural component

В этнокультурной парадигме язык всегда выступает как главное средство сохранения и трансляции национальных ценностей, передачи исторического опыта. Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров рассматривают связь языка и культуры с лингвистической точки зрения, отмечая, что язык обладает кумулятивной функцией, поскольку слово есть «вместилище знаний» и <...> слово «может стать их источником» [2, с. 13].

Национальная и культурная специфика русского народа, ярким представителем которого является «русский из русских» писатель и публицист Н.С. Лесков, выпукло проявляется в его творчестве, что

наглядно демонстрируют уже первые публицистические работы, включающие в названия лексемы *русский, Россия, национальный, народный*, указывающие на проблемное поле той или иной статьи: «О русском государственном бюджете на 1862 год», «Русское общество в Париже», «Русские женщины и эмансипация», «О русском расселении», «Русское купечество», «Русские люди, стоящие не у дел», «Вопрос о народном здоровье и интересы врачебного сословия в России», «Несколько слов о полицейских врачах в России», «Полицейские врачи в России» и др.

Контент *русский* в публицистике Н.С. Лескова представлен в двух ракурсах: в сопоставительном (*свой – чужой*) и аналитическом (применительно к *своему*).

Любовь к своему народу, многочисленные предложения по улучшению его положения не лишали работы публициста объективности, что отмечено исследователями его творчества (В.В. Леденёвой 2015, О.А. Головачевой 2016 и др.).

Так, показывая острую потребность общества в женщинах-врачах, в статье «Специалисты по женской части» Н.С. Лесков говорит об обучении женщин, необходимых стране и *способных врачевать хотя бы одни специально женские недуги, открытие которых врачу-мужчине для многих скромных женщин сопряжено с унижением женской стыдливости.*

Однако призванные охранять *застенчивость и скромность* других женщин слушательницы медицинских курсов, которым правительство открыло путь к получению профессии врача, проявили себя так, *что их нравы во время тесного общения с людьми науки получили такое оригинальное развитие, что женская скромность, для охранения которой столь желанны были женщины-врачи, едва ли сочла бы возможным совещаться с теми женщинами-врачами, какие должны были выйти из этих студенток, получивших известность у высшего правительства и даже городской полиции.*

Контекст демонстрирует широкое использование публицистом синтагматики лексических единиц, структурирование им сочетаний эвфемистического плана (*оригинальное развитие, известность у высшего правительства и даже городской полиции*), эксплицированные в иронически-язвительном диапазоне, в т.ч. с включением в смысловое наполнение словосочетаний имплицционала текстовой зоны (*женская скромность ... едва ли сочла бы возможным совещаться с женщинами-врачами*).

Ключевыми словами, характеризующими авторское кредо, выступают единицы *скромность*, *стыдливость*; последняя тиражируется автором на текстовом пространстве как публицистических, так и художественных произведений. Данную лексему мы «относим к идиостилемам Н.С. Лескова-публициста, позволяющим реализовать ментально-лингвальные парадигмы языковой личности в совокупности их проявлений» [7, с. 96], репрезентирующие также фундаментальные ценности русского социума. При таком подходе к нравственному и физическому здоровью нации ярко очерчено непротиворечивое умозаключение автора, разделяющего позицию правительства лишить студенток права дальнейшего обучения в медицинском вузе, потому что они *своим, ни в каком обществе не оправдываемым, поведением вызвали у правительства мысль об удалении женщин из медицинской академии и университетов*. Н.С. Лесков-публицист оценивает поведение студенток через описательные выражения (*нравы*) *получили оригинальное развитие; ни в каком обществе не оправдываемое поведение* и семантически близкую данным единицам лексему *разврат*:

*Правительство же не захотело иметь **разврата** в заведениях, устроенных для **образования**, — и оно поступило прекрасно.*

В контексте антонимические проявления представлены авторской парадигмой *разврат – образование*. Значение субстантива *образование* – «ЛСВ-3: процесс усвоения знаний, обучение, просвещение» [12, т. 2, с. 155] – противопоставлено корреляту *разврат* в одном из значений – «все дурное с моральной тоски зрения, испорченность» [12, т. 3, с. 19]. Субстантивы демонстрируют отсутствие интегральных сем на эксплицитном уровне. Антонимия строится в имплицитной зоне (*‘хорошо’*, *‘полезно’* – *‘плохо’*, *‘вредно’*). Аналогичное проявление (по компонентам *‘хорошо’* – *‘плохо’*) репрезентировано коррелятами *женщины-врачи – женщины, матери и подруги*, где первый член парадигмы транслирует компоненты семантики негативного регистра, привлеченные широким контекстом, а второй – позитивного. Антонимия обозначена членами одной ТТГ. Коннотативные элементы составляют имплицитную смысловую зону, в которой заключено наполнение этнокультурного диапазона, расширенное разноструктурными единицами антонимического плана *долгое или короткое время – раз навсегда*, выполняющие функцию воздействия для формирования у читателя своей (возможно, сближенной с авторской) позиции по вопросу женщин-врачей. Пуб-

лицист реализует отношения противопоставленности на уровне не только парадигм, но и более крупных объединений – блоков. Таким образом, авторский антонимический блок представлен как лексемами, так и неоднословными единицами неузальной противопоставленности: 1) *женщины-врачи – женщины, матери, подруги*; 2) *долгое или короткое время – раз навсегда*; 3) *разврат – образование*, которые отражают устойчивые национально-культурные парадигмы, закреплённые в сознании русского этноса. Н.С. Лесков-публицист с уверенностью, подкреплённой действиями правительства, полагает:

Обществу несравненно легче еще оставаться долгое или короткое время без женщин-врачей, чем остаться раз навсегда без женщин, матерей и подруг, без которых стране нашего строя жить невозможно.

Лесковеды (Н.В. Ангелова – 2014, О.А. Головачева – 2009, 2016, 2017, В.В. Леденёва – 2015, 2000 и др.) отмечали, что для литератора образцом всегда была мудрая, ответственная и вместе с тем свободная русская женщина-«семьянка» – пример взыскательного отношения к себе, доброго и внимательного – к детям и мужу, поскольку ее постулаты жизни основаны на Православии, представлениях о самоограничении и греховности.

Вместе с тем русским женщинам, в частности описанным в цикле «Русское общество в Париже», свойственна открытость, наивность, искренность, что отличает их представительниц других этносов.

Я и теперь не хочу обидеть русских людей, не бывавших за границей, когда скажу, что мне не доводилось дома встречать сплошь и рядом такого количества прекрасных русских простолюдинов, каких я узнал в Берлине, Ницце и Париже.

Автор отмечает: даже молодые русские девушки-служанки при культурно-цивилизационной отсталости от француженок в отличие от последних демонстрируют чистоту помыслов и поступков в моральном и духовном отношении. О таких представителях простого русского народа, с кем по разным поводам общался Н.С. Лесков за границей, публицист говорит восторженно, с прагматикой побуждения других к совершенствованию.

Колоритно, например, обрисована литератором русская нянька Матрена Ананьевна – «*субъект очень крупный, здоровый и живой*», характеризуемый автором с помощью лексем мелиоративного оце-

ночного регистра (*весела, добра от природы, рассудительна, хлебо-солна*) и сочетания, подчеркивающего моральное совершенство (*образец честности и гордости*); она, по заключению публициста, «*многое научилась понимать не холопским пониманием*». Ключевой оценочной единицей в контексте выступает адъектив *не холопский*, семантическое наполнение которого можно определить как «независимый, развитый, самостоятельный», т.е. противопоставленный холопам не в социальной аспекте, а в развитии. Эта умудренная жизненным опытом русская женщина имеет свое суждение по многим вопросам, в частности, о различиях русских и французов:

Матрена Ананьевна, насмотревшись на французов, говорила: “Они небось: они не такие, как мы, глупые да простодушные”.

Здесь лексемы *глупые да простодушные* имеют мелиоративную оценочную коннотацию, т.к. фиксируют отсутствие прагматичности у русских простолюдинок. Адъективы *простодушный* – «бесхитрый, доверчивый» [11, т. 3, с. 526] и *глупый* – «недогадливый, несообразительный; наивный (о детях)» [11, т. 1, с. 317] – репрезентируют типичные качества натуры русской девушки: детскую наивность, доверчивость, откровенность, которые не характерны для представительниц других этносообществ, в том числе и французов.

Национальные особенности ярко проявляются при сопоставлении поведения русских людей и представителей других наций. Например, в очерке «Скандалы, устроенные русскими в Париже», заголовок которого фокусирует внимание читателя на особенностях темперамента русских, публицист рассказывает об имевших место или по каким-то причинам не состоявшихся скандалах соотечественников, организованных и спровоцированных против них представителями других наций, как правило, поляками. Ключевыми словами в его прорисовке являются *недружелюбно, чепуха, ложь, ФЕ держаться на расстоянии*.

В ряде работ, указанных выше, сопоставляя свою страну и европейские государства, Н.С. Лесков в унисон с наблюдениями Н.Я. Данилевского («Россия и Европа»), категорично заявлял:

Россия никогда не была, не будет и не может быть западноевропейской страной по своему быту и духу и не может сделаться общеевропейской страной по своему быту и духу... потому что история России и состав русского общества сложились совершенно другим путем и иначе, нежели история западноевропейских государств и состав их общества. На это указывали также ученые раз-

ных исторических периодов, в частности, современный исследователь С.Н. Стародубец: «...уникальность русского духовного опыта, веры, особенности национального характера (плюс темперамент), своеобразие истории, выбора государственной формы – факторы, определяющие миссионерский статус *русской национальной культуры*» [12, С. 65-66].

Русская литература, в отличие от европейской, никогда не воспевала прагматизм, не идеализировала богатство, но объективно показывала противоречия национального уклада жизни, где сопряжены любовь и жестокость, щедрость и самоограничение, напряженный поиск смысла жизни и смерть как финальная нота человеческого бытия, и мн. др.

Публицистические тексты Н.С. Лескова дают основание утверждать, что идеалы русского народа определяют такие константы, как *культура, нравственность, духовность, талант*.

О несовместимости России и Запада, который не рассматривал восточного соседа как равного партнера, а стремился «изничтожить» (определение одной из героинь Н.С. Лескова-беллетриста) государство и население, емко сказал М.О. Меньшиков (1859 – 1918): «Народ наш обеднел до теперешней столь опасной степени не потому, что работает мало, а потому, что работает слишком много и сверх сил, и весь избыток его работы идет в пользу соседей» [10, с. 50].

Таким образом, в заголовках и публицистических текстах Н.С. Лескова национальный компонент представлен через культурную парадигму русского сознания, фиксирующего низкий бытовой уровень, порой неблагоприятное поведение, и в то же время – высокий духовно-нравственный потенциал, доброту простолюдинов, их наивность, открытость, умение сопереживать, в отличие от прагматичного подхода к жизни и людям в Европе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ангелова-Трынко, Н. В. Русский человек в мире Н.С. Лескова / Н.В. Ангелова-Трынко. – Воронеж: Военно-воздушная академия имени профессоров Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина, 2014. 262 с.
2. Верещагин, Е. М. Язык и культура / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М.: «Индрик», 2005. 1038 с.
3. Головачева, О. А. Антропонимы в ранней публицистике Н.С. Лескова. Функциональный аспект. // Региональные аспекты современных историко-правовых, филолого-культурологических,

психолого-педагогических, естественнонаучных и экономических исследований [Текст]: сборник материалов международной научно-практической конференции, посвященной 85-летию Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского и 20-летию филиала университета в г. Новозыбкове (г. Новозыбков, Брянская область, 15-16 октября 2015 г.): [в 2 ч.] / Новозыбков: Новозыбковская гор. тип., 2015. С. 252-257.

4. Головачева, О. А. Категория СВОЙ-ЧУЖОЙ и языковые средства ее выражения в ранней публицистике Н.С. Лескова // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки»: научный журнал. Орел: изд-во ФГБОУ «Орловский государственный университет», 2015. №6 (69). С.124-128.

5. Головачева, О. А. О языке и стиле произведений Н.С. Лескова, посвященных «женскому вопросу» onlanguageandstylein n. leskov'swordsdevotedto «women'sissue» / О.А. Головачева // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер.: Рус.филология. 2009. № 2. С. 3 – 11.

6. Головачева, О. А. Пословицы и поговорки в публицистическом тексте (на материале публицистики Н.С. Лескова 60-х годов XIX века) Паремииология в дискурсе: общие и прикладные вопросы паремииологии. Пословица в дискурсе и тексте. Пословица и языковая картина мира/кол.монография под ред. О.В. Ломакиной. – М.: ЛЕНАНД, 2014. С. 84-101.

7. Головачева, О. А. Прагматико-стилистический потенциал слова Н.С. Лескова (язык публицистики 60-х годов XIX века): диссертация ... доктора Филологических наук: 10.02.01 / Головачева Ольга Алексеевна; [Место защиты: ФГБОУ ВО Смоленский государственный университет], 2017. 538с.

8. Головачева, О. А. Устойчивые единицы как идиостилевые маркеры в цикле очерков Н.С. Лескова «Русское общество в Париже» // Вестник БГУ, 2016. №1. С. 236-242.

9. Леденёва, В. В. Слово Лескова: монография / В.В. Леденёва – М.: ИИУ МГОУ, 2015. 260с.

10. Меньшиков, М. О. Из писем к ближним / М. О. Меньшиков. – М.: Воениздат, 1991. 224 с.

11. Словарь русского языка в 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистических исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. – 3-е изд. стер. – М.: Изд-во «Русский язык», 1985-1988. – Т.1: А-Й. – 702 с., Т.2: К-О. – 736 с., Т.3: П -Р. – 750 с., Т.4: С-Я. – 797 с.

12. Стародубец, С. Н. Специфика организации языковых символических средств в дискурсе И.А. Ильина : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.01 / Стародубец Светлана Николаевна. Москва, 2010. 519 с.

13. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. – М.: Гос. ин-т "Сов. энцикл."; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов. - Т.1, 1935; Т.2, 1938; Т.3, 1939; Т.4, 1940. Репринтное издание: М., 1995.

Дмитриева Ю.Л.

*ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»,
г. Горловка (Донецкая Народная Республика)
e-mail: iksta_aravar@mail.ru*

УДК 81'1(082)

Образ дерева в языковой картине мира С. Городецкого

Dmutrieva Julia Leonidovna
*Gorlovka Institute for Foreign Languages,
Gorlovka (Donetsk People's Republic)*

UDC 81'1(082)

“The tree” image in S. Gorodetskiy’s world language picture

В статье описаны средства экспликации образа дерева в языковой картине мира С. Городецкого. Выделены интегральные и дифференциальные признаки чувственного образа дерева, зафиксированные в языковом опыте этноса и автора. Также автором указаны лексические единицы, объективирующие рассматриваемый образ в текстах С. Городецкого. В работе рассмотрены средства вербализации метафорического образа дерева как человека.

Ключевые слова: языковая картина мира, чувственный образ, метафорический образ, метафорическая модель, дифференциальные признаки.

The article describes the means of explication of “the tree” image in S. Gorodetskiy’s world language picture. Integral and differential features of the sensory image of “a tree”, recorded in the language experience of both the ethnos and the poet are investigated. The author of the article also indicates the lexical units that are objectifying the image in S. Gorodetskiy’s texts. Means of verbalizing of the metaphorical image of “a tree” as a human being are examined in the given work.

Keywords: language picture of the world, sensual image, metaphorical image, metaphorical model, differential features.

В современной лингвистике сохраняют свою актуальность исследования, направленные на изучение особенностей языковой картины мира человека и/или этноса и, в частности, её составляющих – концептов, т.е. «ментальных единиц, содержанием которых являются результаты осмысления человеком элементов действительности на основе его этнического, социального и индивидуального опыта» [4, с. 11 – 12]. Данная единица, в свою очередь, имеет две базовые содержательные формы: понятие и образ. Описание языковых средств экспликации образа дерева в языковой картине мира С. Городецкого и является *целью статьи*.

В процессе формирования картины мира «отражение предметов и явлений в голове человека не является зеркальным. Головной мозг превращает поступающую извне информацию в образ» [7, с. 71]. Мы, вслед за Н. Ф. Алефиренко, под образом понимаем преимущественно «зрительное восприятие предметного мира, фиксирующее форму, цвет, свет, объём и положение в пространстве предмета» [1, с. 115]. В современной лингвистике выделяются несколько способов формирования образа в сознании человека: во-первых, чувственное познание, результатом которого является формирование довербального и вербального чувственного образа, во-вторых, переосмысление перцептивного опыта при помощи «устойчивых метафорических моделей» [9, с. 17] и создание метафорического образа.

Чувственный образ фиксирует один или несколько доминантных признаков объекта отражения. Эта информация закрепляется в лексическом значении слова, эксплицирующего образ или его признак. Словарная дефиниция «может перечислять внешние признаки предмета, может отсылать к признакам другого предмета, т.е. указывать на подобие признаков» [6, с. 11]. Так, словарное трактование лексемы *дерево* содержит указание на визуально наблюдаемые признаки объекта онтологического мира: «Многолетнее растение с *твёрдым стволом и ветвями, образующими крону* (здесь и далее выделено нами – Ю. Д.)» [2, с. 252]. Ср. это описание с вербализацией рассматриваемого образа в произведениях С. Городецкого: *И в каждом дереве только ствол, / Листва, кора...* [3, с. 74]; *Сорвал Стрибог кору с дубов* [2, с. 88]; *Там белеется ствол обнажённый, / Там белеется липовый ствол* [3, с. 77]; *Всех белее ствол берёзки* [3, с. 67].

В приведённых примерах актуализирован визуальный образ, отражающий в сознании индивидуума объект онтологического мира сквозь призму его строения, или морфологии. Лексемы *ствол* и *листва* в своём значении имеют интегральную сему «часть дерева». Ср.: «Ствол – наземная, самая мощная и толстая *часть дерева* или кустарника, несущая на себе ветви» [2, с. 1264]; «Листва – листья растений, обычно *деревьев*» [2, с. 499]. Слово *кора* эксплицирует визуальный признак рассматриваемого образа, однако в значении данной лексической единицы есть отсылка к другому объекту: «Кора – наружный, большей частью легко отделяющийся от внутренней массы древесины покров *ствола*» [2, с. 456].

Образ дерева в анализируемых примерах конкретизируется адъективами *белый*, *липовый* и глаголом с семантикой цвета *белеться*. В словарных трактованиях данных вербальных знаков зафиксированы зрительные когнитивные признаки «цвет коры дерева» («Белый – очень светлый, светлее, чем обычно бывает определяемый этим словом предмет» [2, с. 70]; «Белеться – от *белеть*, т.е. становится белым» [2, с. 69]) и «отношение к определённому дереву» («Липовый – сделанный из древесины, коры липы» [2, с. 498]).

Кроме того, рассматриваемый образ может быть эксплицирован лексическими средствами, номинирующими виды деревьев или указывающими на отношение объекта к определённому виду отображаемых реалий онтологического мира. В произведениях С. Городецкого образ дерева актуализирован словами *дерево* (*древ*о), *берёза*, *ель*, *липа*, *осина*, *сосна* и др. В лексическом значении указанных вербальных знаков зафиксирован интегральный признак, объединяющий их в одну тематическую группу, которая репрезентирует образ дерева в сознании индивидуума и/или этноса. *Берёза*, *липа*, *осина* определяются в словаре как «лиственные деревья» [2, с. 72, 498, 729], а *ель* и *сосна* – как «хвойные деревья» [2, с. 296, 1240]. Также в словарных дефинициях эксплицированы дифференциальные признаки, к числу которых относим:

а) «цвет элементов морфологии» (коры или цветков), объективированный колоративами *белый*, *желтоватый*, *зеленовато-белый*;

б) «форму элементов морфологии» (листьев или плодов), выраженную адъективами *сердцевидный*, *зубчатый*, *конусообразный*, *округлый*;

в) «размер элементов морфологии», репрезентированный вербальным знаком *длинный*;

г) «запах элементов морфологии» (листьев или цветков), актуализированный лексемами *пахучий, душистый*. Ср.: «Берёза – лиственное дерево с *белой корою* и *пахучими сердцевидными листьями*» [2, с. 72]. «Ель – вечнозелёное хвойное дерево семейства сосновых, с *кроной конусообразной формы* и *длинными чешуйчатыми шишками*» [2, с. 296]; «Липа – лиственное дерево семейства липовых с *сердцевидными зубчатыми листьями* и *желтоватыми душистыми медоносными цветами*» [2, с. 498]; «Осина – лиственное дерево рода тополей с *зеленовато-белой гладкой корою*» [2, с. 729]; «Сосна – вечнозелёное хвойное дерево с *длинными иглами* и *небольшими округлыми шишками*» [2, с. 1240].

Однако в языковой картине мира С. Городецкого представлен не только чувственный, но и метафорический образ дерева. В основе его формирования лежит метафорическая модель «человек → дерево». Область источника данной модели определяется антропометрическим принципом, согласно которому «человек – мера всех вещей» [8, с. 174]. Областью цели является образ дерева как фрагмент картины мира человека и/или этноса.

Анализируемая метафорическая модель в произведениях С. Городецкого репрезентирована лексическими и грамматическими средствами. В текстах *Всех белее ствол берёзки / Свесил жёлтенькие слёзки* [3, с. 67]; *Липа, нежное дерево, липа – / Липовый ствол / Обнажённый* [3, с. 77]; *Берёза. Белое тело, белое, как хмель / Кипучих волн озёрных* [3, с. 125] рассматриваемая модель объективирована с помощью выделенных лексем.

В примере *Всех белее ствол берёзки / Свесил жёлтенькие слёзки* [3, с. 67] область источника модели «человек → дерево» эксплицирована словом *слёзки*, указывающим на «сетования, плач» [2, с. 1208], т.е. физиологическое проявление свойственных человеку эмоций. Область цели объективирована лексемой *берёза* и колоративом *жёлтенький*, который рассматриваем как отражение в сознании индивидуума цвета кроны дерева осенью. «Жёлтенький – цвета яичного желтка, золота» [2, с. 302]. Аналогично реализуется рассматриваемая модель в тексте *Липа, нежное дерево, липа – / Липовый ствол / Обнажённый* [3, с. 77]. Область цели эксплицирована лексемами *липа* и *ствол*. Область источника объективирована вербальными знаками *нежный* и *обнажённый*. Адъектив *нежный* употребляется для выражения представлений о человеке, «проявляющем любовь, ласку по отношению к кому-либо, в обращении с

кем-либо» [2, с. 622]. В свою очередь, причастие *обнажённый* зафиксировано в языковом опыте этноса как указание на отсутствие одежды, или покров: «Обнажённый – ничем не прикрытый, нагой (о теле, частях тела)» [2, с. 675]. В отрывке произведения «Берёза» С. Городецкого *Берёза. Белое тело, белое, как хмель / Кипучих волн озёрных* [3, с. 125] область цели метафорической модели репрезентирована номинацией *берёза*, а область источника – лексемой *тело*, указывающей на «часть человеческой фигуры от шеи до ног» [2, с. 1313].

Грамматические средства вербализации метафорического образа дерева в языковой картине мира С. Городецкого представлены формами повелительного наклонения глаголов и обращениями. Например: *Ты, липа-цвет, своей рукой / Прижми меня к груди своей* [3, с. 102]; *Ах, ёлка-ель, согнись в ветвях, / Склонись ко мне* [3, с. 102]; *Берёза-мать, напой, укрой! / Ты так бела, как тело* [3, с. 102].

Повелительное наклонение выражает грамматическое значение приказа, повеления или просьбы исполнить действие. В приведённых текстах образ дерева, репрезентированный лексемами *липа*, *ёлка*, *берёза*, наделяется автором возможностью выполнения действий, свойственных человеку. Ср.: «Прижать – крепко обнять» [2, с. 977]; «Согнуться – согнуть спину, корпус; наклониться над чем-либо» [2, с. 1228]; «Склониться – наклониться, нагнуться» [2, с. 1196]; «Напоить – насытить чем-либо» [2, с. 593]; «Укрыть – спрятать где-либо, защитив, предохранив от чего-либо» [2, с. 1382]. Данное значение актуализируется лексемами *рука*, *грудь*, *мать*, эксплицирующими область источника метафорической модели «человек → дерево», а также обращениями *липа-цвет*, *ёлка-ель*, *берёза-мать*. Эти синтаксические конструкции в сочетании с грамматическими формами, выражающими значение повелительного наклонения, формируют метафорический образ дерева.

Отметим, что в примере *Берёза-мать, напой, укрой! / Ты так бела, как тело* [3, с. 102] область источника модели «человек → дерево» выражена, кроме перечисленных грамматических средств, с помощью приложения *мать*, т.е. «женщина, имевшая или имеющая детей» [2, с. 525], и сравнительного оборота *как тело*. За лексемой *тело* в языковом опыте этноса закреплено значение «часть человеческой фигуры от шеи до ног» [2, с. 1313]. Синтаксическая конструкция *Ты так бела, как тело* сравнивает две гетерогенные сущно-

сти: ствол дерева и тело человека. Основанием для отождествления выступает визуальный признак «цвет объекта».

Следовательно, в языковой картине мира С. Городецкого образ дерева эксплицирован лексическими единицами, семантика которых содержит перцептивные признаки дерева как объекта онтологического мира. Описание поэтом дерева как человека, репрезентируемое в проанализированных текстах посредством метафорической модели «человек → дерево» с помощью лексических и грамматических средств языка, формирует метафорический образ дерева. Однако приведённое описание анализируемого образа не является исчерпывающим. Это обуславливает перспективу нашего дальнейшего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1.Алефиренко Н. Ф. Спорные проблемы семантики : монография. М.: Гнозис, 2005. 326 с.

2.Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.

3.Городецкий С. Избранные произведения. В 2-х т. Т. 1. Стихотворения; Сост. В. Енишерлева, вступ. статья С. Машинского, коммент. В. Енишерлева, Е. Прохорова. М.: Худож. лит., 1987. 479 с.

4.Климкова Л. А. Нижегородская микропонимия в языковой картине мира: автореф. на соискание учёной степени д. филол. наук. М., 2008. 66 с.

5.Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003. 375 с.

6.Розенфельд М. Я. Перцептивный образ в структуре значения слова: автореф. дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук. Воронеж, 2008. 23 с.

7.Серебренников Б. А. Язык отражает действительность или выражает её знаковым способом? // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б. А. Серебренников [и др.]. М.: Наука, 1988. С. 70 – 86.

8.Телия В. Н. Метафоризация и её роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке : Язык и картина мира / Б. А. Серебренников [и др.]. – М.: Наука, 1988. С. 173 – 204.

9.Юрина Е. А. Образный строй языка. Томск: Изд-во Том. унта, 2005. 156 с.

Киселёв А. А.

*УО «Белорусский государственный университет информатики
и радиоэлектроники», г. Минск (Беларусь)
e-mail: kiselev_aa@list.ru*

УДК 81'272: 94 (476)

**Вопрос о белорусском языке на страницах
«Вестника Виленского православного св.-духовского
братства»**

Kiselev Alexander

*Belarusian State University of Informatics and Radioelectronics,
Minsk (Belarus)*

UDC 81'272: 94 (476)

**The question about belarusian language on pages of «Bulletin of the
Vilnius Orthodox Holy-Spiritual Brotherhood»**

В статье показывается, что публицисты газеты выступали против использования польского языка в изучении римско-католического катехизиса католиками-белорусами. Белорусский язык являлся главным признаком для определения белорусской идентичности. Вместе с тем газеты была против идеи замены русского литературного языка на белорусский.

Ключевые слова: белорусский язык, диалект, литературный язык, языковая политика, Российская империя.

The article shows that the newspaper's publicists opposed the use of the Polish language in the study of the Roman Catholic catechism by the Byelorussian Catholics. The Belarusian language was the main sign for the definition of Belarusian identity. At the same time, the newspaper was against the idea of replacing the Russian literary language with Belarusian.

Keywords: Belarusian language, dialect, literary language, language policy, Russian empire

В начале XX в. в дискуссию по вопросам языковой политики в белорусско-литовских губерниях крае все больше включались местные периодические издания. В их числе следует упомянуть газету «Вестник Виленского православного Свято-Духовского братства», которая с 1907 г. выделилась из неофициальной части «Литовских епархиальных ведомостей» и выходила дважды в месяц. Несмотря на свое церковное происхождение газета-приложение к «Литовским

епархиальным ведомостям» имела черты общественно-политического издания. На ее страницах среди прочих вопросов поднимался и вопрос о языке преподавания, катехизации и литургии, который в условиях края приобретал политический характер.

Следует сразу отметить, что вопрос о белорусском языке не относился к числу особенно актуальных, но все же присутствовал в повестке газеты. Чаще всего языковая проблема на страницах «Вестника Виленского православного Свято-Духовского братства» появляется при обсуждении выбора языка обучения Закону Божьему католическим населением. Эта проблема приобретала не столько церковное, сколько политическое значение. В своих рассуждениях о языке религиозного просвещения публицисты газеты воспроизводили националистический тип дискурса. Они обосновывали желательную для себя языковую политику, прибегая к филологическим, историческим и сугубо политическим аргументам. Дискуссия вокруг языка преподавания Закона Божия велась на страницах издания при обсуждении конфликта между римско-католическим духовенством и российским правительством по вопросу об определении родного языка крестьян-католиков в западных губерниях империи.

В этом отношении показательна передовая статья «О языке преподавания в народных школах С-Западного края» от 15 апреля 1912 г. Поводом для ее написания стал думский запрос депутата ксендза Мацеевича, выступившего против распоряжения инспектора народных училищ Дисненского уезда В.Г. Нечаева о преподавании детям-католикам Закона Божия на русском языке. Автор передовицы придавал языку решающее значение в сохранении этнической идентичности, утверждая, что именно язык «составляет душу народа: он выражает самобытную национальную индивидуальность» [3, с. 128]. Понимание этого обстоятельства обусловило польскую политику ассимиляции посредством римско-католической Церкви, образования и печатных изданий с политической целью «поглотить западнорусский народ». В свою очередь «предки современных белорусов» на протяжении веков стремились сохранить «свой родной язык, называя его не иначе как «русским»[3, с. 128]. Однако А. Виленец заявляет, что до сих пор «бедный западнорусский народ» лишен «права и возможности на своем родном языке молиться Богу и изучать Закон Божий»[3, с. 128]. Главной преградой для обретения этого права в издании объявляются усилия польских ксендзов-ассимиляторов, которые используя свое влияние

на паству, заставляют просить перевода обучения на польский язык и внушают тождественность польского языка, национальности и католической веры своим прихожанам. В качестве противоядия публицистом предлагалось отказаться от определения национальности на основании заявлений родителей, а руководствоваться исключительно данными этнографии и лингвистики. Имеющиеся исследования русских и, что замечательно, польских ученых позволяют, по мнению автора, беспристрастно установить белорусский характер местного населения. Только на их основании специальная комиссия «из авторитетных этнографов, лингвистов и правительственных лиц» будет обследовать на местах язык и быт населения и, «если признает их белорусскими, то такой округ законодательным путем, без всякого опроса и самоопределения, должен быть признан белорусским, стоящим вне сферы польской пропаганды» [3, с. 130]. Проектируемой комиссии предлагалось выполнять роль арбитра в отдельных спорных случаях. Подобная мера запустит процесс деполонизации римско-католической Церкви в крае. При этом предлагалось обратить особое внимание на устройство и характер преподавания в римско-католических семинариях, поскольку «важно, чтобы ксендз был одной нации и быта с своими прихожанами, и проникнут желанием постоять за их национальный интерес». Наконец, следующим шагом стало бы развитие «национального самосознания белоруссов» путем школьного и внешкольного просвещения. Вместе с тем публицисту предстояло пояснить почему при безусловном признании белорусской принадлежности жителей западных губерний образование, преподавание, в том числе Закон Божий, следовало вести на русском литературном языке. Автор передовицы привел следующие аргументы. Во-первых, он констатировал отсутствие на данный момент литературного белорусского языка. По словам публициста, белорусский язык «еще не имеет единства» и «не вполне сложившийся язык» [3, с. 131]. При этом язык публикаций «Нашей нивы» расценивался не иначе, как «жаргон». Во-вторых, по мнению автора, белорусские крестьяне исходя из прагматических соображений не примут идеи перевода преподавания на белорусский язык. Для доказательства этого тезиса А. Виленец сослался на негативный опыт издания книг на белорусском языке, предпринятый местной российской администрацией накануне польского восстания 1863–1864 гг. В частности, против идеи подобных языковых экспериментов еще в то время отрицательно высказались православные иерар-

хи из белорусских уроженцев. В-третьих, преподавание Закона Божия на белорусском повлекло бы за собой «гигантский труд для выработки единого литературного белорусского языка», что было бы совершенно неэффективной тратой ресурсов, поскольку «русский язык дети-белоруссы достаточно усваивают в первое же полугодие» [3, с. 131]. При этом напоминалось о том, что первый опыт изложения основ римско-католической веры на русском языке датируется еще 1822 г., т.е. уже имеется традиция катехизации католиков в России.

Тема языка преподавания римско-католического катехизиса вновь упоминается на страницах «Вестника Виленского православного Свято-Духовского братства» в заметке, сообщавшей об итогах поездки делегации виленского Русского национального союза в столицу. Целью поездки называлось предоставление сведений руководителям министерств внутренних дел и народного просвещения «об ограждении белорусского населения от полонизации его польскими ксендзами при посредстве правительственной начальной школы» [1, с. 159] 18 апреля 1912 г. депутацию принял министр народного просвещения, который, согласно газетному изложению, согласился с тем, что вопрос о языке преподавания должен определять сельский учитель.

Публицисты «Вестника Виленского православного Свято-Духовского братства» указывали на то, что на самом деле дети-католики не в состоянии понять основ веры, преподаваемых на польском. По словам автора газетной передовицы, католические священники убеждали родителей и официальные власти в том, что польский язык является для белорусского католического населения родным. Главным доводом в пользу этого тезиса считался факт того, что в своей церковной жизни белорусские дети-католики знают на память молитвы только на польском языке. В результате ксендзы на уроках Закона Божьего ведут «преподавание польского языка», что является «могущественным средством для полонизации этого населения» [5, с. 379]. Отнюдь не случайно в другом выпуске газеты от 15 августа 1913 г. была перепечатана стенограмма выступления депутата Государственной думы от Виленской губернии В. Юзвюка «О языке преподавания в народной школе в С-Западном крае». Основной идеей выступления являлась резкая критика идеи о необходимости перевода начального образования для детей-католиков на польский язык. Ссылаясь на свое собственное белорусское про-

исхождение и опыт жизни в крае, священник и депутат утверждал, что «белорусский язык есть видоизменение русского языка, известный белорусский жаргон». По мере расширения сети образовательных учреждений в крае «жаргон белорусский должен вылиться в русский, а не в польский язык» [6, с. 291]. Апеллируя к своему опыту жизни в Ошмянском уезде, депутат говорил о том, что для католиков и православных в белорусских селах «природным языком должно считать белорусский» [6, с. 292].

Наряду с вопросом о языке катехизации, в газете отстаивалась идея сохранения в образовании русского литературного языка. В частности, в одном из номеров издания была размещена отчетная заметка о заседании общества «Крестьянин» в Вильно 3–5 августа 1908 г. В ней упоминалось, что в заседании принимали участие 92 народных учителя, которые постановили, что основным языком преподавания в начальных школах обязан оставаться «язык общегосударственный – русский» [8, с. 334]. Для католического населения преподавание основ веры должно вестись не на польском, а на «русском языке, или, в крайнем случае на белорусском его наречии» [8, с. 335]. При этом участники общества специально отметили, что белорусский – это «не самостоятельный язык, а только наречие русского языка, и решительно нет никакой надобности в развитии его и распространении» [8, с. 335]. Интересно, что общественные деятели апеллировали к тому, что само население не только считает белорусский язык малопрестижным или «простым», но стремится к переходу на русский литературный язык и «обижается даже, когда образованный человек заговорит с ним на этом «простом языке» [8, с. 335]. Любопытно, что издатели газеты косвенно признавали право на существование белорусскоязычной прессы. Например, в краткой заметке об окончательном переходе еженедельника «Нашей нивы» на кириллицу это событие отмечалось как положительное явление [4, с. 372].

К языковому вопросу, но уже в контексте критики языковой политики «Нашей нивы», газета вернулась в 1915 г. Например, в заметке «Белоруссы и «белоруссы» пишется о том, что редакция белорусскоязычной газеты развернула в свое время в прессе кампанию накануне учительского съезда в целях пропаганды перевода обучения на белорусский язык. Не без удовлетворения церковные публицисты отметили, что среди «белорусских учителей не нашлось ни одного, который бы разделял эти претензии и решился за них рато-

вать» [7, с. 122]. Кроме того, они обратили внимание на то, что переход «Нашей нiвы» на русский гражданский шрифт, обусловленный стремлением влиять на православную читательскую среду, стал политической проблемой для первой белорусскоязычной газеты. Это решение поставило «Нашу ниву» в конфликтные отношения с местным польским обществом. По мнению «Вестника Виленского православного Свято-Духовского братства», причиной конфликта стало то, что в замене шрифта «польские националисты усмотрели поворот в сторону восточной русской культуры и стали вести среди своих соотечественников пропаганду против «нашенивцев» [7, с. 122]. В этой же статье язык издания газеты именуется «белорусским наречием».

В другой публикации под названием «В преддверии новой исторической эры» от 15 мая 1915 г. автором передовой статьи в очередной раз отрицалась необходимость использования белорусского языка в преподавании. Отмечалось, что применение белорусского вместо польского языка при изучении Закона Божия еще могло иметь смысл, но на «высших ступенях обучения даже католиков-белорусов оно совершенно излишне» [2, с. 153]. При этом вопрос об использовании белорусского наречия для православных белорусов даже не ставился. Вновь указывалось на то, что идея языковой белорусизации не пользовалась поддержкой среди учительства. В частности, «местные педагоги никогда не мечтали о белорусском наречии в роли языка преподавания в местной народной школе, в виду явной абсурдности этой идеи» [2, с. 154].

Таким образом, на страницах «Вестника Виленского православного Свято-Духовского братства» отстаивалась идея сохранения русского литературного языка в преподавании в учебных заведениях белорусских губерний. Журналисты газеты считали, что в силу исторических причин белорусский язык на данный момент не вышел за пределы диалекта или наречия. В принципе допуская теоретическую возможность создания белорусского литературного языка, усилия в этом направлении расценивались как совершенно непрактичная задача. По мнению публицистов, при освоении русского литературного языка белорусское население не сталкивалось с проблемой языкового барьера. Жестко отрицалась идея перевода образования на белорусский, оставляя последний лишь для изложения основ римско-католической веры и молитв для детей белорусокатоликов. Вместе с тем следует отметить, что сама по себе тема

противостояния белорусского – русского языка являлась периферийной проблематикой для этого церковного общественно-политического издания. Данная тематика проявлялась преимущественно в двух контекстах: во-первых, борьбы против идеи перевода изучения основ католицизма для белорусов-католиков на польский язык; во-вторых, отрицании необходимости введения белорусского в образовательный процесс. Интересно, что в обоих случаях главной причиной был националистический дискурс, направленный в первом случае не столько против католичества, сколько против полонизации, а во втором – против продвижения идеи о существовании белорусов как отдельной национальной политической общности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белорусская депутация в Петербурге // Вестник Виленского православного Свято-Духовского братства. – 1912. – № 9 (122). – С. 159–161.
2. В преддверии новой исторической эры // Вестник Виленского православного Свято-Духовского братства. – 1915. – № 10 (196). – С. 152–155.
3. Виленец, А. О языке преподавания в народных школах С-Западного края / А. Виленец // Вестник Виленского православного Свято-Духовского братства. – 1912. – № 8 (122). – С. 128–132.
4. Из Белорусской жизни // Вестник Виленского православного Свято-Духовского братства. – 1912. – № 21 (135). – С. 372.
5. Консультант Об языке преподавании Закона Божия белорусам-католикам / Консультант // Вестник Виленского православного Свято-Духовского братства. – 1913. – № 21 (159). – С. 379–381.
6. О языке преподавания в народной школе в С-Западном крае // Вестник Виленского православного Свято-Духовского братства. – 1913. – № 15–16 (153–154). – С. 291–293.
7. Православный белорус Белорусы и «белорусы» // Вестник Виленского православного Свято-Духовского братства. – 1915. – № 8 (194). – С. 121–123.
8. Съезд О-ва крестьянин // Вестник Виленского православного Свято-Духовского братства. – 1908. – № 15–16. – С. 334–335

Козлова Е.Ю.

ФГБОУ ВО "Брянский государственный университет им.
академика И.Г.Петровского", г. Брянск (Россия)

Eliz.cozlova2014@yandex.ru

УДК 811.161.1'37

Тематическая группа «язык – речь» в текстах пословиц и поговорок

Kozlova Elizabeth Yuryevna

*Bryansk State University named after acad. Petrovskii,
Bryansk (Russia)*

UDC 811.161.1'37

**Thematic group "language - speech" in texts
of ambassadors and talks**

Исследование пословиц и поговорок помогает установить дополнительные смысловые оттенки лексем с национально-культурной семантикой. Настоящая работа посвящена анализу текстов пословиц и поговорок, собранных В.И.Далем, с целью выявить рамки тематической группы «Языковая культура» в сознании носителя русского языка.

Ключевые слова: Пословицы; поговорки; речевая культура; картина мира; тематическая парадигма.

The study of proverbs and sayings helps to establish additional semantic nuances of lexemes with national-cultural semantics. The present work is devoted to the analysis of the proverbial texts and sayings collected by V.I.Dal, in order to identify the framework of the thematic group "Language Culture" in the mind of the native speaker of the Russian language.

Key words: Proverbs; sayings; speech culture; picture of the world; thematic paradigm.

Давно замечено, что мудрость и дух народа проявляются в его пословицах и поговорках, а знание пословиц и поговорок того или иного народа способствует не только лучшему усвоению языка, но и более глубокому пониманию его образа мыслей и характера. Поговорки и пословицы – одни из самых активных и широко распространенных памятников устного народного поэтического творчества. В них народ на протяжении веков обобщал свой социально-исторический опыт. Как правило, они имеют афористическую фор-

му и поучительное содержание, выражают думы и чаяния, взгляды на явления общественной жизни, эмпирически сложившееся представление о воспитании молодого поколения.

В.И. Даль так определяет пословицу: «Пословица – краткое изречение, поучение, более в виде критики, иносказания, или в виде житейского приговора». Пословица имеет прямое или переносное значение, что делает её многозначной. «Поговорка – складная короткая речь, ходячая в народе, но не составляющая полной пословицы» [3]. Исследование фольклора наглядно показывает сходство в изложении жизненного опыта различными народами, существовавшими относительно изолированно друг от друга, это базируется на одних и тех же системах жизненных ценностей. Отличительной особенностью пословиц и поговорок любого народа является их исконно национальное происхождение, несмотря на то, что их мотивационная база во многом универсальна.

Целью настоящего исследования является изучение текстов пословиц и поговорок в рамках выявления лексических компонентов тематической группы «Язык – Речь». Для этого мы обратились к собранным В.И. Далем пословицам русского народа. Отметим, что пословица представляет собой сложную единицу, являющуюся объектом изучения в рамках междисциплинарной парадигмы (лингвистика, фольклористика, психология, этнография и т.д.). Исследователи-фольклористы рассматривают пословицу прежде всего как некое суждение, содержащее в сжатом виде многовековой опыт народа, концентрированное выражение коллективного представления в отношении моральных или категориальных императивов.

Материал показал, что внутри тематической группы «Язык – Речь» целесообразно выделить и проанализировать следующие подгруппы.

1. «Сила языка».

В пословицах и поговорках в концентрированной форме выражается сущность мировосприятия, менталитет народа, особенности культуры, речевого этикета. Во многих культурах язык очень ценится, рекомендуется относиться к нему бережно. Русский язык изобилует пословицами и поговорками о русской речи, о речевом поведении в различной ситуации, подчёркивается значимость языка как основы человеческого существования. Так, исследование показало, что в рамках «Сила языка» можно выделить тематическую подгруппу «Язык как формирование личности»: *Язык телу якорь;*

Мал язык да всем телом владеет; Язык мал, великим человеком ворочает; Язык один, и в будни и в праздники; Лучшие не договорить, чем переговорить; На думках - что на вилах; на словах - что на саях, а на деле - что в яме; Язык болтает, а голова не знает [2].

Как видим, тематическая парадигма «Сила языка» пополняется ключевыми лексемами с отрицательной коннотацией *якорь, владеет, болтает, переговорить*, которые вступают в семантически оппозиционные отношения с номинациями качеств, характеризующих личность: *болтливость, балагурство, бесстыдство*. Коннотативные семы «проводник», «помощник», «красноречие» применительно к руководящей роли языка в жизни человека видим в текстах пословиц: *Язык до Киева доведёт; У него на всякий спрос есть ответ; На его вопросы ответов не напасёшься; Язык – стяг, дружину водит; Язык царствами ворочает; Язык языку весть подаёт.*

Следует отметить, что тексты пословиц и поговорок содержат сему «страшное оружие», когда речь заходит о влиянии Слова на человека. Так, в пословицах: *Слово не стрела, а пуще стрелы разит; Слово не стрела, а сердце сквозит; Слово не обух, а от него люди гибнут; На великое дело – великое слово; Ласковое слово и кость ломит*; ключевые семы *стрела, разит, обух, гибнут, ломит* заключают в себе отрицательную коннотативную сему по отношению к номинации «речь», поэтому словом можно уничтожить, но в то же время пословицы: *От приветливых слов язык не отсохнет; И собаку ласково примолвишь, так хвостом вертит (так не скоро укусит)* заключают ключевые лексемы *приветливые, ласково*, что отражает исключительно положительную семантику, связанную с вежливым и приветливым обращением. С подобной семантикой связаны тексты пословиц и поговорок, в которых номинируется «индивидуальность» рассказчика, собеседника: *Петь хорошо вместе, а говорить порознь; Красную речь красно и слушать; Во многословии не без пустословия*. Так, ключевые лексемы *порознь, многословие, красно* в рамках контекста приобретают коннотативную сему «своеобразие», «отдельность».

2. «Отношение народа к речи-языку»

Национальная культура, патриотизм, этническое самосознание народа напрямую зависит от отношения общества к родному языку, так как в нём выражены основные убеждения, принципы, жизненные цели и историческая культура. Речь непосредственно влияет на формирование у человека смысла жизни как цели, достижение ко-

торой выходит за пределы его непосредственно индивидуального бытия. Достижение цели, по пословицам, у каждого человека проявлялось различно, в том числе в зависимости от его гендерной принадлежности.

Гендер (или гендерные особенности) дефинируются как социальный пол, определяющий поведение человека в обществе и зависящий не от биологических, а от социальных условий (общественное разделение труда, специфические социальные функции, культурные стереотипы и т.п.) [4]. Так, исследование показало, что в рамках тематической парадигмы «Язык-Речь» можно выделить тематическую подгруппу «Гендерные особенности», которая пополняется ключевыми лексемами с отрицательной коннотацией *наседка*, *беда*, *чёртово помело*, *кривая* в половицах: **Знала б наседка, узнает и соседка**; **Не ждёт баба *спроса*, сама всё скажет**. **Что вода в решете**; **Бабий язык – чёртово помело**; **Мели, кривая**; **грош на полке (т.е. за мною)**; **Бьёт языком (баба), что шерстобит струной жильной**; **Не та хозяйка, которая *говорит*, а та, которая *щи варит***; которые вступают в семантически оппозиционные отношения с номинациями качеств, характеризующих болтливых женщин: *пустословие*, *сплетничество*, *судачество*. Однако, если женщине присуще лишь злорадство и сплетничество, то коннотативные семы *предательство*, *обман* применительны к поведению молодого человека, мужчины, что наблюдаем в пословицах: **Мужик *ражий*, да язык-то *вражий***; **Речист, да на руку не чист**; **На словах – блажен муж, а на деле – вскую *шаташся!***; **Так *врёт*, что с души прёт**; **Врал бы, да меру знал бы**; **Ради *красного словца* не пожалеет родного отца**; **Для *красного словца* не пощадит ни матери, ни отца**.

Следует отметить, что тексты пословиц, поговорок и обрядовые тексты отмечают молчание, краткость и сдержанность, присущие немногим, что в русской картине мира является следствием ума, рассудительности и даже таланта: **Сперва *подумай*, а там и *скажи!***; **В добрый час *молвить*, в худой *промолчать***; **Недолгая *речь* хороша, а долгая – *поволока***; **Много *говорить* – голова заболит**; **Молчи, глухая, меньше *греха!***; **Мелет день до вечера, а послушать *ничего***; **Нечего про то и *говорить*, чего в горшке не варить!** (коннотативная сема «*принцип уместности*»). Ключевые лексемы *подумай*, *недолгая*, *ничего*, таким образом, с одной стороны заключают в себе отрицательную коннотативную сему, связанную с бездумностью разговоров, а с другой же касаются обрядовости, традиционности и нор-

мы поведения, принятой в обществе (*подумай, а затем скажи, нечего говорить, чего не варить, «обдумать», «не зарекаться», «не вести пустых разговоров», «смолчать»*). Отношение народа к родному языку высоко и бережно, русский народ убеждён, что каждое сказанное слово обладает своей силой, именно поэтому следует обдумать каждое слово прежде, чем его произнести.

3. «Речевая культура»

Нередко лексема «Язык» наделяется потенциальной семой «звукочувствительная стихия, природная по своей сути» (звукотрагическое как аналог человеческой речи), с ней человек часто не может справиться, только волевым усилием может она покориться, что также получает лексико-семантическую характеристику в текстах пословиц: *За кукушку бьют в макушку; Бормочет, что глухарь. Лепечет (Сокочет), как сорока. Тарантит, как сойка (как варакушка). Пищит, как цыпленок. Кричит (Зевает), как выпь. Воркует, как голубок. Поет, как канарейка. Каркает, как ворона. Пташкой щебечет; Ври сдуру, что с дубу! Это так с морозу сорвалось; Врет, как водой (как в уброд) бредёт; Это на вей-ветер сказано; Есть у него шишку лишку: во рту мышка (потенциальная сема «пустословие») Язык мой – враг мой (прежде ума глаголит); Язык мой – враг мой: прежде ума рыщет, беды ищет; Язык мягок: что хочет, то и лопочет; Держи язык за зубами; Держи язык короче; Держи язык на привязи (на веревочке) (потенциальная сема «сдержанность», «обдуманность»)[1, с.36].*

Тематическая парадигма «Язык – Речь» пополняется и лексемами, определяющими отношение ко лжи: *За худые слова слетит и голова; Как сорвалось (с языка), так и брякнулось (и совралось); Сперва подумай, а там и скажи! Врать – своя неволя (охота); Зерна мели, много (а лишнего) не ври! Со вранья пошлин не берут; Так врёт, что с души прёт; Врал бы, да меру знал бы; Больше говорить – больше согрешить. Меньше говорить – меньше греха. Меньше врётся – спокойнее живётся; Меньше ври, больше ешь, спи да грезь на себя (потенциальная сема «продуманность слов», «немногословие», «честность»)*. Выделенные лексемы передают отрицательное отношение ко лжи, а также дают советы, как её избежать.

Нельзя не заметить, что отношение к языку и речевой культуре во многом определяется традициями и обычаями народа, которые в полной мере реализуются в текстах пословиц. Так, пословицы: *По разговорам всюды (годится), а по делам никуды; Языком не торо-*

*пись, а делом не ленись; Кто много **говорит**, тот мало делает; Меньше **говори**, да больше делай! Не спеши **языком**, торопись делом; Кто **языком** иштурмует, тот мало навоюет* содержат ключевые лексемы *разговоры, дело, не спешишь говорить*, обозначающие положительное отношение к тому, кто делает, а не болтает.

Другие пословицы: *Кто **говорит**, тот сеет; кто слушает – собирает (пожинает); Чья бы ни **рычала**, да твоя-то молчала; Бог дал два уха, а один **язык**; Умей вовремя **сказать**, вовремя **смолчать**; Нестыдно молчать, коли нечего **сказать*** содержат коннотативную сему, связанную с внимательным и толерантным отношением к собеседнику («вежливо выслушать», «помочь советом вовремя», «промолчать»).

Таким образом, анализ текстов пословиц и поговорок позволяет выявить существенные особенности отношения к родному языку, речи русского народа, благодаря чему раскрывается фрагмент языковой картины мира русского народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: В 3 т. – М., 1994.
2. Даль В.И. Пословицы русского народа. URL: <http://hobbitaniya.ru/dal/dal141.php> (дата обращения 24.02.2017)
3. В. И. Даль. Пословицы русского народа. М. 1862. СПб. 1879. С. 370. URL: <http://www.rodon.org/dvi/prn0.htm> (дата обращения 20.02.2017)
4. Сексологическая онлайн-энциклопедия. URL: http://www.endic.ru/enc_sex/Gender-159.html (дата обращения 07.03.2017)

Косолапов В.В.

РОИИ (Россия)
e-mail: Ikvv000@mail.ru

УДК 81.373.61

Калино дерево и калинов мост

Vladimir Kosolapov
RSIH (Russia)

UDC 81.373.61

Cali's tree and cali's bridge

В русских народных сказках герои Буря-богатырь Иван коровий сын и Иван Быкович побеждают трех многоголовых змеев на Калиновом мосту. Присутствие в сказке индейской принцессы с берегов Черного моря позволяет распознать здесь повтор мифа о победе ведического бога Индры над многоголовым змеем Вритрой.

Ключевые слова: калина, Калинов мост, река Смородина, Индра, Вритра, Буря-богатырь, Иван Быкович.

In Russian folk tales heroes of the Burya-bogatir Ivan cow son, and Ivan Bikovich win three multi-headed serpents on Kalinov bridge. The presence in the fairy tale of an Indian Princess from the coast of the Black sea makes it possible to recognize here the repetition of the myth of the victory of the Vedic God Indra over the multi-headed snake Vritra.

Keywords: guilder rose, Kalinov bridge, Smorodina river, Indra, Vritra, Burya-bogatir, Ivan Bikovich.

Материальную историю археологи ищут в земле. А следы духовной жизни? Кому поклонялись наши предки? Этнографы собрали пантеон славянских богов. А можем ли мы копнуть дальше вглубь веков? Наш язык, как земля, сохранил слова предшествующих эпох, этимологию которых проследить удастся далеко не всегда.

Калинов мост нам известен по русским народным сказкам. В одной из них – «Буря-богатырь Иван коровий сын» [1] – русский Буря-богатырь победил трех многоголовых змеев на Калиновом мосту близ Черного моря. Далее он сватал своего сотоварища Ивана-царевича к индейской принцессе.

По Трубачеву О.Н. жители Черноморского побережья Кавказа (район современной Анапы) синды (рус. инды) – индоарийский народ, позднее ушедший в Индию [11].

Древние русы жили по соседству с синдами. Первые упоминания о древних русах на Таманском полуострове мы находим у безымянного сирийского автора VI века. Некоторые современные ученые все больше склоняются к мысли о южном происхождении русов [10]. Русов в VI-VII веках где-то севернее Кавказа локализовал ряд восточных ученых [9].

О близких отношениях двух народов в древности говорит родство по крови – преобладание у них мужской гаплогруппы R1a [3] и «архаичность» славянского языка, словарь и грамматика которого не испытали потрясений» [12]. Осмелимся предположить, что и сакральное тоже было общим.

По правилам русского языка образование прилагательного мужского рода от иностранного слова, оканчивающегося на гласный звук, производится с добавлением суффикса –нов. Таким образом, прилагательное ‘Кали-нов’ образовано от теонима индоарийской богини Кали. Народная этимология производит его от глагола ‘калить’.

Другим примером, доказывающим знакомство древних славян с богиней Кали, является фитоним ‘калина’, символ девичьей чистоты славянских невест [2, т. 2, с. 78]. ‘Калина’ этимологизируется от *кал* «куст с черными ягодами» [13, т. 2, с. 168]. Почему не смородина? Согласно правилам русского языка, прилагательные женского / среднего родов от иностранного слова, заканчивающегося на гласный, образуются при помощи суффиксов –н. Калина – Кали-но де-рево.

Кали — многоликая Богиня, которая руководит жизнью с момента зачатия https://ru.wikipedia.org/wiki/Зачатие_у_человека до смерти [5]. Калина и Калинов мост передают главные функции богини Кали. Калина связана с возрождением людей, а Калинов мост разделяет царство живых и царство мертвых – царство Кали.

Вышеперечисленные онимы сохранились от былого лингвокультурного пространства славянского пограничья с индоариями.

Погребальные сооружения – дольмены Западного Кавказа, располагавшиеся на Черноморском побережье от Тамани до р. Ингури, это царство Кали [6, с. 115]. Туда из Тамани еще в античности, когда она была архипелагом, можно было попасть через Калинов мост.

С уходом индоариев на Деканский полуостров около 3500 лет назад строительство дольменов здесь прекратилось [7, с. 282], а на новом месте началось, самое позднее, в IV-II вв. до н. э. с сохранением определенных черт сходства между ними [7, с. 294-295].

В похожей сказке «Иван Быкович» [4] действие происходит на Калиновом мосту через реку Смородину. Смородина получила свой фитоним от ‘смород’ «вонь, смрад», так как листья черной смородины издают острый запах [13, т. 3, с. 692].

В отличие от фитонима смородины, гидроним Смородина произошел от слова ‘самород’. То есть, воспроизводящийся самородом, по своей природе, без чей-либо помощи [2, т. 4, с. 135]. Ср. недород. Самород это бог умирающей и воскрешающей природы. Ср. теонимы индийских богов: «Варуна ~ царь, но не царь, воцарившийся по своей воле (*сварадж*, как Индра), а *самрадж* — царь универсальный, т. е. власть принадлежит ему по праву в силу его природы [15, с. 78]. Ср. славянский бог Сварог, а также свекровь, свояк, свояченица. Самодержец Самород, это одно из имен «славянского бога Род» [14, т. 3, с. 23].

Река человеческого Саморода символизировала круговое время славян. За рекой Смородиной располагался мир иной. В непрерывном повторении перевоплощения (перерождения, переселения, реинкарнации, метемпсихоза) душа, попадала в мир иной, теряя старое материальное тело, а возвращаясь в новом временном цикле в наш мир, приобретала новое тело [8]. Человеческая душа в пространстве совершала движение туда-обратно с берега на берег реки Смородины, воды которой никогда не останавливались. Совершался непрерывный естественный процесс человеческого воспроизводства.

В сказках «Буря-богатырь Иван коровий сын» и «Иван Быкович» цикл славянских перерождений останавливается – у царской четы нет детей. Три многоголовых змея (чудо-юды) оккупировали Калинов мост и никого через него не пропускают. С помощью волшебства рождаются три героя, один из которых продолжатель царской династии. Буря-богатырь побеждает змеев и добывает индийскую невесту для Ивана-царевича. Процессу славянского воспроизводства теперь ничего не мешает.

Эта сказка воспроизводит древнеиндоарийский сюжет, где «в мифах об Индре и об иранском герое Траэаона оба они тоже убивают чудовище о трех головах» [14, т. 1, §63].

«Индру постоянно сравнивают с быком» [15, с. 92].

«Победа Индры (над змееподобным Вритрой) равносильна триумфу жизни над бесплодием и смертью как последствиями "остановки" вод Вритрой» [14, т. 1, §68].

Сюжет обеих сказок очень похож. Буря и гром напоминают рев быка. Бурун – годовалый бык [13, т. 1, с. 248]. Главный герой мифа – Буря-богатырь Иван коровий сын (Иван быкович) это Индра. Он убивает на Калиновом мосту трех змеев (чудо-юдов) с числом голов, кратным трем – Вритру. В сказке «Иван Быкович» нет упоминания о Черном море и индийской принцессе, но присутствует река Смородина. Самород, чей теоним носит река Смородина, гарантирует порядок и плодородность при условии соблюдения космических законов.

Здесь прослеживаются отголоски об очень древнем времени совместного проживания двух народов – славян и индоариев в мире и по соседству друг с другом, когда они брали невест друг у друга. Калина присутствует в языках восточных, западных и южных славян. Калинов мост и река Самородина ограничены только восточнославянскими языками. Можно заключить, что последние онимы возникли после отделения западных и южных славян от восточных.

ЛИТЕРАТУРА

1. Буря-богатырь Иван коровий сын. [https://ru.wikisource.org/wiki/Народные_русские_сказки_\(Афанасьев\)/Буря-богатырь_Иван_коровий_сын](https://ru.wikisource.org/wiki/Народные_русские_сказки_(Афанасьев)/Буря-богатырь_Иван_коровий_сын)
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 томах. М.: Русский язык Медиа, 2005.
3. ДНК-генеалогия. <http://rodstvo.ru>
4. Иван Быкович [https://ru.wikisource.org/wiki/Народные_русские_сказки_\(Афанасьев\)/Иван_Быкович](https://ru.wikisource.org/wiki/Народные_русские_сказки_(Афанасьев)/Иван_Быкович)
5. Кали. <https://ru.wikipedia.org/wiki/Кали>
6. Косолапов В. В. Мегалитический культ. // V Кубанские Исторические чтения. / Н.П. Курусканова, Б.В. Улезко (ред.). К., 2014, сс. 104 - 117.
7. Марковин В.И. Дольмены Западного Кавказа. М.: Наука, 1978.
8. Реинкарнация. <https://ru.wikipedia.org/wiki/Реинкарнация>.
9. Седов В.В. Русы в VIII – первой половине IX века. 213 выпуск Кратких сообщений Института археологии. М.: Наука, 2002.

10. Сударев Н.И. «Город Русия». Истоки русской государственности и христианства. http://www.archae.ru/helpful-information/helpfull-information_176.html

11. Трубачев О.Н. INDOARICA в Северном Причерноморье. М.: Наука, 1999.

12. Трубачев О. Н. Языкознание и этногенез славян. Древние славяне по данным этимологии и ономастики. Вопросы языкознания. - М., 1982, № 4. - сс. 10-26.

13. Фасмер Макс. Этимологический словарь русского языка. В 4 томах. М.: Прогресс, 1987.

14. Элиаде М. История веры и религиозных идей. В 3 томах. М.: Критерион, 2002.

15. Элиаде М. Очерки сравнительного религиоведения. М.: Ладомир, 1999.

Никулкина О.Г.

*Брянский филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», г. Брянск (Россия)
e-mail: sinbad1982@yandex.ru*

УДК 81.161.1'373

Топонимия романа А.К. Толстого «Князь Серебряный»

Nikulkina Olga Gennadjevna

Bryansk Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Bryansk (Russia)

UDC 81.161.1'373

Toponyms of the novel "Prince Serebrenni" by A.K. Tolstoy

В статье анализируются структурно-словообразовательные и функциональные особенности топонимов, исследуется их семантический потенциал.

Ключевые слова: топонимия, реальный топоним, топоним-историзм, топоним-архаизм, функции топонимов.

Structural and word-formative, as well as functional peculiarities of toponyms are analyzed in the article; their semantic potential being studied.

Key words: toponyms, real toponym, toponym-historicism, toponym-archaism, toponym functions.

А.К. Толстой определил основную творческую задачу в романе как воссоздание «общего характера эпохи», «духа того века». В тексте топонимы помогают писателю организовать пространство, представленное исключительно реальными объектами. Наименования географических объектов конкретно и с исторической достоверностью локализуют место действия в произведении. Топонимические границы отражают географию Московского государства 16 века.

Топонимия романа «Князь Серебряный» представлена хоронимами (*Англия, Германия, Ливония, Литва, Польша, Русь, Сибирь, Украина, Пермская земля и Югорская земля, Астраханское царство, Казанское царство, Сибирское царство*), астионимами (*Москва, Тула, Новгород, Псков, Астрахань, Суздаль*), комонимами (*деревня Медведевка, село Богородицкое, Александрова слобода*), урбанонимами (*Китай-город, Красная площадь, Крестовская застава и Бутырская застава*), эргонимом (*Дума*), экклезионимами (*Лобное место, Соловецкий монастырь, церковь Василия Блаженного, церковь Трифона Напрудного, Троицкая лавра*), дрононимом (*Владимирская дорога*).

Гидронимия романа представлена потамонимами (*матушка-Волга, Москва-река, Кама, Иртыш, Ока, Яуза, Свияга, Неглинная*), лимнонимами (*Студеное море, Хвалынское море*) и гелонимом (название болота) *Поганая Лужа*. Нами зафиксировано всего 44 топонимические единицы.

Каждый из топонимов указывает в отдельности на определенный объект, реализуя своё прямое топонимическое значение.

Наименования большинства географических объектов актуальны в современном языке (*Польша, Германия, Москва* и др.). ИС *Русь* – фонетический вариант топонима Россия: «*От полей и лесов так и веяло Русью*» [4, с.10]. Данный топоним как название государства употребляется с XV века наряду с онимом *Московское царство*.

Топоним *Украина* (фонетический вариант онима *Украина*) возник в XII веке. Слово первоначально было нарицательным, означало *пограничную территорию* (из основы –*край-* в значении *конец, граница*, ср.современное русское слово *окраина*), к 12 веку стало этнонимом. [1, с.435].

Именная конструкция *деревня Медведевка* построена по модели «аппеллятив + комоним», где комоним, скорее всего возник на основе фамилии своего основателя – Медведева – путем прибавления

суффикса -к (а) к производящей основе: «<...> *Никита Романович Серебряный подъехал к деревне Медведевке, верст за тридцать от Москвы*» [4, с.9].

ИС село *Богородицкое* также построено по модели «апеллятив + комоним», где комоним возник путем субстантивации агионима *Богородица*. Возможно, возникновение села связано с деятельностью паломников, совершивших крестное шествие с иконами святых: «<...> *знаешь ли, атаман, на Волге село Богородицкое?*» [4, с.151].

ИС *Александрова слобода* построено по модели «прилагательное + апеллятив», где апеллятив *слобода* обозначает небольшой населенный пункт: *слобода* – «большое село с некрепостным населением, пригород» [2, с.672]:

Некоторые топонимы относятся к устаревшей онимической системе. Топонимами-историзмами можно считать следующие именованья: *Ливония, Пермская земля, Югорская земля, Казанское царство, Астраханское царство, Сибирское царство*.

Ливонией (Ливонская конфедерация) называлось ныне не существующее государство рыцарей-крестоносцев, основанное на захваченных ими латышских и эстонских землях.

Именные конструкции (*Пермская земля и Югорская земля*) построены по модели «прилагательное + апеллятив», где апеллятив *земля* соотносится с понятием *государство*. Что касается этимологии ИС *Югорская земля*, то в 12-17 вв. так называли земли Северного Урала и побережье Ледовитого океана от устья Печоры до Обской губы, где проживали югра (старинное название хантов и мансийцев) [3, с. 292].

Пермская земля (Великая Пермь) – историческая область в Прикамье и в Западном Приуралье в 14 – нач. 18 вв. Онимы *Пермская земля* и *Пермь Великая* употреблялись в официальных документах до губернской реформы 1708 года, когда указанная территория вошла в состав Сибирской губернии.

Прилагательные *Казанское, Астраханское* и *Сибирское* в структуре топонимов *Астраханское царство, Казанское царство, Сибирское царство* имеют оттопонимное происхождение (*Казань, Астрахань, Сибирь*). Именные конструкции отражают исторический процесс территориального деления, когда во главе отдельной территориальной единицы Золотая Орда ставила своего наместника.

Топонимы редко подвергаются изменениям любого характера, потому что представляют консервативный пласт ономастической

лексики. В топонимическом пространстве романа «Князь Серебряный» зафиксировано два топонима-архаизма (*Студеное море* и *Хвалынское море*). *Хвалынское море* – это фонетико-номинативный вариант от *Хвалиское море*, названия Каспийского моря. В. Н. Топоров, исследовав многочисленные варианты топонима, встречающиеся в летописях и других источниках, – *Хвалисьское, Хвалийское, Хвалимское, Хвалижское, Хвалынское, Волинское* и другие – выводит их из персидского языка [5, с. 23–60, 55]. *Хвалиское море* под влиянием народной этимологии обрело фонетическое созвучие, ассоциации со словом *хвалить* и трансформировалось в *Хвалынское море*. До 18 века Баренцево море называлось Студеным морем [3, с. 70].

Микротопонимы, которые А.К. Толстой использует при воссоздании условий общения и взаимодействия людей, очерчивают реальное внутригородское пространство. Главная их функция заключается в идентификации определенного внутригородского объекта, в создании национального колорита. В тексте все микротопонимы выполняют описательную функцию.

Урбанонимы *Крестовая застава* и *Бутырская застава*, построены по модели «прилагательное + аппеллятив», где аппеллятивом *застава* обозначается место въезда в город, пункт контроля привозимых грузов и приезжающих [2, с.220].

ИС *Лобное место* представляет конструкцию, построенную по модели «прилагательное + аппеллятив», где прилагательное соотносится со словом *лоб*. Лобным местом в старину называли возвышение, помост, с которого объявлялись царские указы, а также на котором совершались казни [2, с.330]: «*Что ни день, то кровь текла и на Лобном месте, и в тюрьмах, и в монастырях*» [4, с.42].

Реальные макро- и микротопонимы выполняют в художественном произведении номинативную и описательную функции. Они локализуют место действия и используются как ориентиры, делая повествование зрительно ощущаемым. Такие топонимы лишены стилистической образности: «...*дьяк обратился к прочим осужденным и прочел им обвинение в заговоре против государя, в намерении отдать Новгород и Псков литовскому королю ...*» [4, с.249]; «*Афанасий, -продолжал царь, - я этими днями еду молиться в Суздаль ...*» [4, с.63]; «*Еще до восхода солнца народ толпился на Красной площади ...*» [4, с.221]; «*или церковь Трифона Напрудного между Бутырскою и Крестовскою заставами*» [4, с.291]; «*Вот созвал он в*

Думу и нас и духовенство» [4, с.43]; «*Особенное удивление возбуждали исполинские рыбы, пойманные в Студеном море и присланные в Слободу из Соловецкого монастыря»* [4, с.60]; «*...церковь Василия Блаженного, коей пестрые главы могут дать понятие о причудливом зодчестве Иоанна Дворца»* [4, с.291]; «*Дорога от Москвы до Троицкой лавры представляла самую живую картину»* [4, с.48]; «*Местом сборища были заповедные луга и перелески верстах в двух от Слободы по Владимирской дороге»* [4, с.144]; «*На Яузе и на Неглинной вертелись десятками мельничные колеса...*» [4, с.26]; «*среди дремучего леса, было топкое и непроходимое болото, которое народ прозвал Поганю Лужей»* [4, с.89]; «*с жилищем наборщиком и особым помещением для иностранных мастеров, выписанных Иоанном из Англии и Германиш»* [4, с.50]; «*Князь провел целых пять лет в Литве»* [4, с.9]; «*... иди к ним обратно в Югорскую землю ...»* [4, с.288]; «*Прибавь великий государь, к завоеванным тобой царствам Казанскому и Астраханскому еще и это Сибирское»* [4, с.283]; «*... молодой боярин князь Никита Романович Серебряный подъехал к деревне Медведевке, верст за тридцать от Москвы»* [4, с.9]; «*тогда ты, государь, боярина Морозова одел в шутовской кафтан и велел ему, спасшему Тулу и Москву, забавлять тебя...*» [4, с.243]; «*... перетаскивая суда из реки в реку, они добрались до берегов Иртыша ...»* [4, с.281]; «*Когда я вместе с Хабаром Симским разбил чуваш и черемис на Свияге, когда прогнал от Оки крымского царевича»* [4, с.240].

Сложный по структуре потамоним *матушка-Волга* и состоит из двух компонентов (апеллятив + ИС) и выполняет в романе поэтическую функцию. Незакрепленность в словарях подобного двухкомпонентного обозначения свидетельствует о народной основе подобного именованя объекта. Аналогично можно трактовать и такие сходные обозначения, как *Киев-град* и *Днепр-река*, а также *Дон-батюшка*, характерные для различных жанров устного народного творчества. Они отображают менталитет русского народа и являются особым стилистическим приемом поэтизации природы. Характерное для фольклора сочетание ИС с апеллятивом в едином словесном комплексе является отображением заключенного в подсознании народа восприятия каждого значимого объекта как «личного существа».

Восприятию в сознании Волги как антропоморфного существа женского рода способствует фонетическое оформление соответст-

вующего гидронима (по звучанию совпадает с женскими именами на гласный): «*В песни говорилось про широкое раздолье степей, про матушку-Волгу, про разгульное бурлацкое житье*» [4, с.18].

ИС *Москва-река* представляет собой устойчивый комплекс, где с онимом взаимодействует апеллатив, указывающий на принадлежность обозначаемого объекта к классу предметов. При этом постпозиция нарицательного существительного обязательна, в противном случае именование приобретает официальный характер и не вписывается в эмоциональную ткань произведения: «*Проезжая верхом по берегу Москвы-реки, можно было поверх частокола видеть весь сад Морозова*» [4, с.33].

Пространственный мир в романе А.К. Толстого «Князь Серебряный» помогает представить социальную, экономическую, культурную и политическую обстановку Московского государства 16 века в период правления Ивана Грозного. Топонимы маркируют реальное пространство и не несут дополнительной смысловой нагрузки, выполняют преимущественно номинативную и описательную функции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Никонов В.А. Краткий топонимический словарь. М.: Мысль, 1996. 509с. с ил.
2. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений, - Российская академия наук, Институт русского языка им. В.Виноградова. – 4-е изд., доп. М.: ООО «ИТИ Технологии», 2007. 944с.
3. Поспелов Е.М. Топонимический словарь: ок. 1500 единиц. М.: Астрель: АСТ, 2005. 229 с.
4. Толстой А.К. Князь Серебряный: Повесть времен Иоанна Грозного; примеч. А.С. Курилова. – Тула: Издательство «Пересвет», 1993. 320с.
5. Топоров В. Н. Об иранском элементе в русской духовной культуре // Славянский и балканский фольклор. Реконструкция древней славянской духовной культуры: источники и методы. М.: Наука, 1989. С. 23–60.

УДК 811.161.1'42: 821.161.1-1

Вербализация концепта «судьба» в поэзии А. Белого

Osipova Tamara Anatolievna

Gomel State University named after F. Skaryna, Gomel (Belarus)

UDC 811.161.1'42: 821.161.1-1

Verbalization of the concept "destiny" in poetry A. Bely

В статье исследуются особенности языкового выражения концепта «судьба» в поэтическом творчестве Андрея Белого. Указанный концепт является одним из ключевых у поэта. Подобное исследование актуально для когнитивной лингвистики и лингвокультурологии.

Ключевые слова: концепт, судьба, поэзия А. Белого, вербализация (объективация, репрезентация) концепта, художественная картина мира, образные средства.

The article explores the peculiarities of the language expression of the concept "fate" in the poetic works of Andrei Bely. This concept is one of the key to the poet. Such a study is relevant for cognitive linguistics and linguoculturology.

Key words: concept, destiny, A. Bely's poetry, verbalization (objectification, representation) of the concept, artistic picture of the world, figurative means.

Концепт «судьба» является одним из ключевых в творчестве Андрея Белого. У поэта есть стихотворения с названиями «Судьба», «Рок». Этот концепт репрезентируется лексемами *судьба, судьбина, рок*. По данным «Национального корпуса русского языка [2], слово *судьба* встречается в 44 контекстах, *рок* – в 12, *судьбина* – в 5, *фортуна* – в двух. Н. Д. Арутюнова в работе «Истина и судьба», выявляя смысловое многообразие концепта «судьба», обосновывает доминирующую позицию судьбы над понятиями «рок», «фатум», «фортуна». По сравнению с ними *судьба* линейна, подобно жизни, поэтому она обладает текстообразующим потенциалом [1, с. 305].

Толковый словарь С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой определяет значение лексем *судьба, судьбина, рок, фортуна* следующим обра-

зом. «СУДЬБА, -ы, мн. судьбы, судеб и (устар.) судеб, судьбам, ж. 1. Стечение обстоятельств, не зависящих от воли человека, ход жизненных событий. С. столкнула старых друзей. Избранник судьбы (счастливец; книжн.). Удары, превратности судьбы. 2. Доля, участь. Счастливая с. Узнать о судьберодных. 3. История существования кого-чего-н. У этой рукописи интересная с. 4. Будущее, то, что случится, произойдет (книжн.). Судьбы человечества. 5. В знач. сказ. кому с неопр., обычно с отриц. То же, что суждено. Видно, не с. с ним увидеться. * Какими судьбами?! (разг.) – радостное восклицание при неожиданной встрече в знач. как получилось, что мы встретились? Судьба - индейка (разг. шутл.) - о незадачливой доле, трудной судьбе.[3] СУДЬБИНА, -ы, ж. (устар. высок). То же, что судьба (в 1 знач.) (обычно о несчастливой судьбе, тяжелой участи). Горькая с. [3] РОК 1,-а, м, (высок.). Несчастливая судьба (в 1 знач.). По воле рока. Злой р. тяготеет над кем-н. [3]. ФОРТУНА, -ы, ж. (устар.). Судьба, случайное счастье. Ф. благоприятствует кому-н. Слепая ф. Баловень фортуны. *Колесо фортуны (книжн.) - изменчивое, непостоянное счастье (по изображению древнеримской богини судьбы Фортуны, стоящей с повязкой на глазах на колесе или шаре) [3].

В поэтическом творчестве Андрея Белого слово *судьба* употребляется в словарных значениях, например, ‘будущее, то, что случится, произойдет’: *В ней мне пророчески ясна Судьба священная России* («Первое свидание»), *Из моря слез, из моря муки Судьба твоя — видна, ясна: Ты простираешь ввысь, как руки, Свои святые пламена* («Родине») *Ты знаешь: мир, судеб развязка, Течение быстрое годин...*(«Маг»); ‘история существования кого-чего-н.’: *И клонит кончик носа снова, В судьбу вопроса рокового...*(«Первое свидание»); ‘стечение обстоятельств, не зависящих от воли человека, ход жизненных событий’: *Мы — безотчетные: безличною / Судьбой Плодим / Великие вопросы* («Бессонница»), *Что мне не избежать судьбы* («Калека»), *Как, не снеся своей судьбы, Утаивала склянку с ядом...* («Калека»), *Не избегу судьбы я...* («Перед грозой»), *Соединил нас рок недаром, Нас общий враг губил...*(«Сергею Соловьеву»). Судьбина – злая, жестокая судьба: *Старинный друг, моя судьбина — Сгореть на медленном огне...* («Э.К. Метнеру»).

Концепт «судьба» в поэзии Андрея Белого вербализуется как активная личность, которая производит определенные действия по отношению к человеку, например, может вести его, забросить куда-либо: *И я стою, шепча слова молитвы... Судьба — веди!* («А.М.

Поццо»); *Какие хладные места! Куда я приведен судьбой?...*(«Жалоба»), *Закинутый самой судьбой Над искристым и льдистым пиком, Ты солнце на старинный бой Зовешь протяжным, вольным криком* («Поэт»). Судьба направляет лодку: *Направленный самой судьбой, Ко мне причалил утлый челн.* («Жалоба»). Судьба может писать, чертить: *Дорога от невзгод к невздам Начертана судьбой самой...* («Э.К. Метнеру»). Судьба дает зрение: *Мы, Твои братья, Судьбой Прозревши — В гул И в тьмы За Тобой Идем...*(«В хмарь...»). Судьба как личность обычно враждебна человеку и связана со смертью: *Не избегу судьбы я, И смерть моя недалеко* («Перед грозой»), *Презрительной судьбой обидно уязвлен, Надменно за таишь* («Ночь»), *Нашел в гробу Свою судьбу* («У гроба»). С судьбой можно бороться, но часто это бессмысленно: *Сложивши руки, без борьбы, Судьбы я ожидал развязки* («Успокоение»). Судьбу невозможно преодолеть: *Но что их грусть перед судьбой!* («На башнях дальних облаков...»), *Я вознесен, судьбе своей покорный. Над головой полет столетий быстрый* («Я вознесен, судьбе своей покорный...»). Рок – это враждебная человеку сила: *Он, Серебристый, волей рока Бросает в зримый наш позор* («Пророк»), *Рыцарь, / Разбитый / Роком, — Канул в лесную глушь...*(«В окнах месяц млечный...»), *Грустила невольно о том, что разлучены роком* («Сельская картина»). У Андрея Белого неоднократно встречается выражение *по воле рока: Которого по воле рока Послал мне жизни бурелом* («Первое свидание»), *По воле рока Он, вы представьте, — без Шенрока!* («Первое свидание»). Фортуна, наоборот, дает человеку счастье, однако такое представление о судьбе у А. Белого встречается редко: *Вы — радости, кои Фортуна несла — далеки!..* («Прощание»), *Под вешию лаской фортуны и хмелью обвитый карниз, и стены* («Объяснение в любви»).

Судьба выступает как собеседник, с которым можно спорить: *В этом / С судьбою — / — С тобою — / Не спорящем / Взоре...* (Маленький балаган на маленькой планете «Земля»). Над судьбой можно смеяться: *И во мне подымается смех Над Судьбою Всех — — И — — Над Собою!..* («Поется под гитару»). Таким образом, можно говорить о когнитивной метафоре судьба-живое существо (человек). Об антропоморфном образе судьбы свидетельствует и приписывание ей частей человеческого тела: *К столу припав, заплакал я, Провидя перст судьбы железной...*(«Пир»).

Концепт «судьба» репрезентируется также как неодушевленный предмет. Судьба может представляться как некий металлический механизм, опасный для человека: *Судьба железная задавит дни мои. Судьба железная: верни ее — верни!* («Раздумье»), как железная цепь: *Окован я Железной цепью рока Минут, часов, недель* («Ночь»). Судьба сравнивается с пушками: *Он дружно принимался хлопать На нас, как пушками, судьбой* («Первое свидание»). Судьба у поэта – весы: *Текут века в воздушной вышине. Весы твоих судеб вознес, — и верю* («Да не в суд или во осуждение...»).

Судьба объективируется как книга, текст: *В грядущих судьбах прочитали Смятенье близкого конца* («Сергею Соловьеву»), *Читал за жизненным порогом Ты судьбы мира наизусть...* («Маг»), *Как пробудившаяся совесть, Ей полуночный ветер твердит Моей глухой судьбины повесть* («В поле»).

Судьба объективируется как время: *И снова я один Бреду, судьба моя, сквозь ряд твоих годин* («Раздумье»).

Весьма необычна авторская когнитивная метафора судьба-животное (насекомое или грызун): *И хрипло рухнул в лог Старинный куст, изъеденный судьбою* («Последний язычник»).

Судьба вербализуется как вещество, которое может заполнить человека: *Я полн Тобой, Тобой — Судьбой* («Антропософии»). В другом контексте подобное употребление слова *судьба* конкретизирует представление концепта как жидкости: *Судьбой — (Собой) — ты чашу дней наполни И чашу дней испей* («К России»). Интересно, что судьба здесь – это Россия. Судьба также и огонь: *Старинный друг, освободи меня Пылающей, пылающей судьбою* («Вещий сон»); *Пылай во мне, как... языки огня, Пылай во мне: я полн судьбой — Тобою.* («Вещий сон»). В последнем контексте в качестве судьбы предстает друг (*Старинный друг, освободи меня Пылающей, пылающей судьбою. Пылай во мне, как... языки огня, Пылай во мне: я полн судьбой – Тобою.*). Судьба репрезентируется также как туман: *Завиваем издали спирали планет; Пронциаем туманы судьбин и годин* («Антропософам»).

Поэт характеризует судьбу, рок, судьбину следующими эпитетами: непререкаемая – *Упал на грудь, как мутный камень, Непререкаемой судьбой* («Июльский день: сверкает строго...»), пылающая – *Старинный друг, освободи меня Пылающей, пылающей судьбою* («Вещий сон»), неотразимая: *С угла свисает профиль строгий Неотразимую судьбой* («Искуситель»), железная – *Судьба железная*

задавит дни мои («Раздумье»), *Роковая страна, ледяная, Проклятая железной судьбой — Мать Россия, о, родина злая, Кто же так подиутит над тобой?* («Родина»), *Знал ли я, что железный нас рок разведет через несколько суток...*(«Вот отчетливо спит в голубом...»); презрительная: *Презрительной судьбой обидно уязвлен, Надменно затаись* («Ночь»), *судьбина глухая – В глухих Судьбинах, В земных Глубинах...*(«Христос воскрес»), *Как пробудившаяся совесть, Ей полуночный ветр твердит Моей глухой судьбины повесть* («В поле»).

Таким образом, можно сделать вывод, что концепт «судьба» в поэзии Андрея Белого имеет и языковую, и индивидуально-авторскую реализацию. Как правило, судьба враждебна к человеку. Об этом свидетельствует и повторяемость лексем *судьбина*, *рок*, и единичные контексты со словом *фортуна*, и эпитеты (глухая, непререкаемая и т.п.). Для художественной картины мира А. Белого характерны когнитивные метафоры *судьба* -- личность, *судьба* -- текст, *судьба* – вещество и некоторые другие.

ЛИТЕРАТУРА

1 Арутюнова Н.Д. Истина и судьба // Понятие судьбы в контексте разных культур / Науч. совет по истории мировой культуры. М.: Наука, 1994. С.302-315.

2 Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://search.ruscorpora.ru>. Дата доступа: 22.02.2018. Все поэтические контексты взяты из данного источника.

3 Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Изд-во «Азъ», 1992.[Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.lib.ru/DIC/OZHEGOW/ozhegow_a_d.txt.Дата доступа: 20.02.2018.

Потупов Е.

г. Брянск (Россия)

**Я мог бы рассказывать без конца... :
Андреевские литературные чтения на Брянщине)**

Брянщина – духовная родина поэта и мыслителя Даниила Андреева. Трудно представить, как бы шло развитие его таланта, если бы судьба не привела юного Даниила в былинный город Трубчевск. Несколько предвоенных приездов, продолжительные странствия по трубчевским лесам, общение с живописной рекой Неруссой, дружба с «многочадной» семьёй местного художника Протасия Пантелеевича Левенка – спустя годы всё это станет лирическими циклами («Сквозь природу», «Босиком», «Зелёною поймой»), поэмами «Немереча», «Лесная кровь», «Гулянка», страницами пророческих озарений в «Розе Мира».

До самых последних дней Даниил Андреев не забывал о том счастливом времени, что даровала ему судьба натрубчевской (брянской) земле:

Я мог бы рассказывать без конца
Об этих прощальных днях,
О буднях и праздниках, об игре
На берегу Дивичор¹.

¹ *Во всех стихотворениях Даниила Андреев пишет название этого озера и урочища через «и». Современное написание этого заповедного уголка Брянщины — Девичоры. Название реки Нерусса он пишет с одним «с». Цитируя, автор следует написанию Д. Андреева.*

Это строки стихотворения из цикла «Устье жизни». С ним соседствуют другие:

Я не один. Друзья везде:
В оврагах, в струях, борозде,
Журчат, лепечут и поют,
Насквозь пронизывают сны
И охраняют мой приют
У тихо плещущей Десны.

Они – прохладный тиховойей
Моих садов, моих детей,
Они играют в шалаше,
Скользят у блещущих озёр,
Шуршат в полночном камыше
Моих дремучих Дивичор.

Я отвечаю их мирам
Служеньем – тихим по утрам,
Ласкаю и благодарю
С душою ясной налегке
И таинствами говорю
На их бесшумном языке.

И ещё несколько строк из того же цикла, под которыми стоит дата – 1950 год.

К сердцу, заплавав, прижму бывшее –
Мой драгоценнейший из даров.

Пусть он греховен, – знаю! не спорю!
Только люблю я, – люблю навек.
Ты не осудишь слабость и горе:
Господи! ведь я человек.

Верую. Доверяюсь. Принимаю.
Всё покрываю единым ДА.
Только б ещё раз – на эту землю,
К травам, к рекам, к людям, сюда.

С ноября 1994 года в Брянске и Трубчевске, в других городах Брянщины проходят Андреевские литературные чтения. В них принимали участие известные поэты, критики, культурологи, музейщики, музыканты, журналисты. Не раз здесь встречали Аллу Александровну Андрееву. Желанной гостьей она была в «любимом городе Даниила» – Трубчевске. Впервые же оказалась в нём более четверти века назад, 10 июня 1991 года, о чём оставила памятную надпись на моём экземпляре книги «Русские боги». Тогда же, увидев с живописного холма в городском парке плавно струящуюся внизу Десну и поразившие своей красотой задеснянские просторы, она не смогла сдержать восхищения. Строки стихотворения «Весной с холма» здесь, на месте старого городища, над неоглядными далями звучали по-иному:

С тысячелетних круч, где даль желтела нивами
Да тёмною парчой душмяной конопли,
Проходят облака над скифскими разливами –
Задумчивая рать моей седой земли.

Эпитет «духмяная», как он ошибочно напечатан в «Русских богах», Андреева неизменно поправляла. По особому выделяла его,

когда читала это стихотворение. Даниил Андреев одухотворил красоту, открывшуюся ему с былинного крутояра. Ландшафт так зримо, с такой художественной силой запечатлённый в слове, теперь (и уже давно!) достояние и истории края, и русской поэзии.

В ту июньскую поездку 1991 года вдова поэта познакомилась с людьми, о которых ей доводилось не раз слышать от Даниила. Лидия Протасьевна и Анатолий Протасьевич Левенки, дочь и сын колоритной личности, учителя рисования Трубчевской гимназии, а потом и советской школы Протасия Пантелеевича Левенка, с которым поэт ощущал душевное родство. Это знакомство связало тридцатые и девяностые годы общими дорогами воспоминаниями. Трубчевские старожилы, сохранявшие в памяти облик молодого поэта, комментировали фотоснимки из семейного альбома, делились неизвестными и трогательными подробностями его довоенных приездов в Трубчевск.

2 ноября 1991 года Андреева вместе с приехавшим с нею тогда Борисом Владимировичем Чуковым, дружившим с поэтом, участвовали в трёх литературных встречах, посвящённых 85-летию Даниила Андреева. В тот день культурная общественность Трубчевска, в первую очередь – учителя и библиотекари города, прославленного впечатляющим памятником сказителю Бояну, гордящиеся именем своего уроженца А.И. Галича (Говорова), лицейского наставника Пушкина, в сущности, только-только открывали для себя имя поэта – скитальца, мыслителя и пророка.

1991 год можно считать началом и предысторией того культурного феномена, что позднее получит название Андреевских литературных чтений на Брянщине. Как это было? В 1992 году, перейдя на работу в областную общественно-политическую ежедневную газету «Брянские известия», пользуясь помощью Бориса Чукова, с которыми быстро подружился, начинаю более широко знакомить читателей Брянщины с личностью Даниила Андреева, с его творческим наследием. Чуков не только хорошо знал автора «Розы Мира» и его близких друзей, его наследие, но и был филологом, специалистом по истории литературы Ближнего Востока, интересным увлекающимся человеком.

Первая заметная публикация в «Брянских известиях» – «Где я шёл, где блуждал по зелёным певучим дорогам...», получившая благословение А.А. Андреевой, датирована 3 октября 1992 года. На газетной полосе большого формата – фрагмент фотографии Анато-

лия Левенка, запечатлевшего 25-летнего поэта на берегу реки Неруссы и стихи из цикла «Зелёною поймой», к тому времени ещё не опубликованные. Назову их: «Плотогон», «Девичорская богиня», «Над Нерусой ходят грозы...», «Тесен мой дом у обрыва...», «Самое первое об этом». Это была публикация **неизвестного** Даниила Андреева. Четыре стихотворения из цикла «Зелёною поймой» напечатаны в книге «Русские боги» (1989), несколько других – в журналах («Брянские леса» – впервые в газете «Книжное обозрение»). Полностью цикл из двадцати стихотворений, который ценил сам автор (незадолго перед смертью он просил Аллу Александровну прочитать их ему – тяжелобольному), появился только в собрании сочинений.

«Стихи, которые вы читаете на этой странице, – говорилось в моем предисловии, – написаны или задуманы на Брянщине. Поэтическая география названий – Девичоры, Нерусса, Навля, Знобь, Десна, Брянск, Новозыбков – лишь подтверждает, как любил поэт нашу землю. Каким целительным источником были для него холмы и перелески, заповедные чащи и вольные просторы, по которым любил бродить поэт. Время не сотрёт следы очарованного странника. И нашу тёплую память о его земном бытии».

Спустя месяц «Брянские известия» (далее – БИ) публикуют воспоминания Бориса Чукова «Стих его не пролился перед кумирами, как елей», приуроченные к 86-й годовщине со дня рождения Даниила Андреева (БИ. 5 ноября 1992). Чукову было 19, когда в январе 1957 года в Институте судебной психиатрии им. Сербского судьба свела его с поэтом, отбывавшим ещё не сокращённый 25-летний срок. Встреча многое определила в жизни юноши из благополучной театральной семьи, оказавшегося в заключении по политической статье. К счастью, пребывание Чукова за решеткой, в те послесталинские времена, было недолгим.

Освободившись, он продолжал встречаться с Даниилом Леонидовичем, познакомился с Аллой Александровной. Тёплые отношения Чукова с поэтом, несмотря на большую разницу в возрасте, сохранялись до его смерти. Именно Борису Чукову мы обязаны лучшим фотоснимкам Даниила Андреева. Вместе с Аллой Александровной Андреевой Чуков активно содействовал прорыву немоты вокруг имени поэта: «пробивал» публикации его стихов, участвовал в вечерах памяти. В апреле 1987 года в «Новом мире» с его предисловием была опубликована подборка из 17 стихотворений Даниила

Андреева «На великих перекатах времени», открывшая для читателей журнала ещё одно потаённое, значительное поэтическое имя.

Воспоминания Чукова, напечатанные в «Брянских известиях», не остались незамеченными. В повести-эссе «Смотрение тайн, или Последний рыцарь Розы» («Знамя». 1994. № 3) на них ссылается писатель Леонид Бежин. Воспоминания Чукова под названием «Мост из мира реального в мир трансцендентальный. Даниил Андреев – поэт, визионер, философ» в несколько изменённой редакции появятся спустя почти два года в «Независимой газете» (1 сентября 1995).

Помимо стихотворений из наследия Даниила Андреева, присылаемых Чуковым, наша газета знакомит читателей с мемуарными свидетельствами Татьяны Морозовой (Оловянишниковой) – «Из детских воспоминаний» (БИ. 12 ноября 1993), Владимира Митрофанова – «Леонид Андреев и семья Добровых» (БИ. 1 апреля 1994), Ирины Вогау – «Мир тесен для тех, кто помнит» (БИ. 3 ноября 1995). Письмо Чукова от 16 октября 1992 года даёт представление о нашей общей работе.

После твоего звонка немедленно подготовил статью и сегодня, 16 X, её высылаю. Вчера мне позвонила Алла Александровна. Она довольно долго пробыла во Владивостоке, где выступала с лекциями. Слава Богу, полна энергии и новых планов.

Если редакцию заинтересует, я мог бы выслать для публикации в твоей газете опубликованные и ещё не опубликованные стихи Андреева. Скажи только, какого характера. Твоя газета могла бы анонсировать на 1993 год воспоминания его подруги И.В. Усовой «Д.Л. Андреев в моей жизни». Рукопись хранится у меня, её объём 5 а<вторских> л<истов>. Конечно, нужно напечатать в отрывках. Есть ещё Т.И. Морозова-Оловянишникова «Детство Дани» и В.П. Митрофанов «Семья Добровых». Вариант последней был напечатан лет 20 назад в сборнике Орловского музея. Высылаю также одну фотографию. Могу выслать ещё. Как всякий автор, попросил бы тебя мою статью не сокращать.

Твой друг Борис

Андреевские чтения зарождались на Брянщине не на пустом месте. Краевед Владислав Пасин, возглавлявший в ту пору областную организацию общества книголюбов, в 1991 году издаёт в районной типографии Трубчевска скромную книжечку «И грезится блаженная Нерусса...» – с подзаголовком «Жизнь и судьба опального поэта Даниила Андреева». Эта брошюра, при всех её недостат-

ках, стала первой книгой, посвященной автору «Розы Мира», и примечательно, что вышла она на Брянщине. В 1993 году, дополненная новым материалом, фотоснимками и стихами о брянских странствиях поэта, книжка была переиздана.

В июле 1994 года с двумя брянскими стихотворцами я предпринял путешествие по трубчевским лесам. Хотелось хотя бы приблизительно пройти маршрутами Даниила Андреева, что оказалось не просто. Нам удалось попасть на Малое Жеренское озеро (Малый Жерон), дойти до деревни Новая Непорень (в «Розе Мира» упоминается Старая Непорень), устроить ночлег на Неруссе в урочище Рум и к концу трёхдневного путешествия добраться до воспетой в стихах Андреева удалённой и заброшенной деревушки Чухраи («Я к Чухраям, быть может, выйду к ночи. // Из Чухраёв – рукой подать на Рум...»).

В архиве автора хранится копия приказа, подписанного начальником управления культуры администрации Брянской области Л.П. Сорокиной от 31 октября 1994 года о проведении в ноябре того же года **Первых Андреевских чтений**. Учредители – управление культуры и редакция газеты «Брянские известия». О солидности состава оргкомитета чтений можно судить по тому, что в него вошли начальник управления культуры с двумя заместителями, директора Брянского краеведческого музея и областной научной библиотеки, председатель комитета по делам культуры, молодёжи и спорта администрации Трубчевского района, редактор отдела культуры газеты «Брянские известия» и другие. Были продуманы программа чтений и их финансирование.

Чтения привлекли повышенное внимание со стороны прессы, не только местной, и телевидения. Обратимся к статье «Первые российские Андреевские чтения» в журнале «Урания» (1995. № 2).

На всех встречах, посвящённых творчеству мужа, Алла Александровна Андреева прежде всего стремится прочитать его стихи.

Так было и на брянской земле, где в начале ноября состоялись первые в России Андреевские чтения. Произошло это благодаря усилиям Управления культуры областной администрации, администрации г. Трубчевска, редакции газеты «Брянские известия» и инициативе брянского литератора и журналиста Евгения Потупова.

Для участия в чтениях в Брянск вместе с Аллой Александровной приехали поэт и переводчик, академик Независимой академии эстетики и свободных искусств Владимир Микушевич, историк, культуролог Владимир Махнач, поэт, редактор книги «Русские боги» и собрания сочинений Даниила Андреева Борис Романов, главный редактор журнала «Уrania», президент Благотворительного фонда имени Д. Андреева Татьяна Антонян, старший научный сотрудник Орловского музея И.С. Тургенева Галина Павлова.

Программа чтений была насыщенной до предела. Открытие чтений произошло в Брянском литературном музее 17 ноября. Следующая встреча состоялась в этот же день в зале областной библиотеки. Много интересного было сказано о творчестве Даниила Леонидовича, и, конечно же, Алла Александровна читала стихи мужа. Удивительно, но повсюду залы были полными, несмотря на то, что жизнь у людей сейчас очень трудна, им, казалось бы, не до поэзии.

На следующий день участники чтений приехали в Трубчевск, город, который, начиная с 1931 г. неоднократно посещал Даниил Леонидович. Здесь места его продолжительных странствий босиком, описанных в стихах и в «Розе Мира». Несмотря на пасмурную погоду и морозящий время от времени дождь, особенно ослепителен был белый собор в Трубчевском парке. С холма, на котором он стоит, открывается захватывающий вид, вдохновивший Даниила Андреева на стихотворение «Весной с холма».

Участникам чтений представилась возможность побывать на Неруссе, на той самой реке, у которой Даниил Андреев в одну из июльских ночей пережил «полное раскрытие внутреннего зрения, слуха и внутренней памяти».

В Трубчевске состоялись две встречи с преподавателями и студентами учебных заведений города. Много новых сведений о жизни поэта «раскопали» местные краеведы. По сути к изучению жизни и наследия Андреева-младшего ещё только приступили и, слава Богу, что живы ещё люди, знавшие его лично, например, семья Левенков, в доме которых прошёл самый замечательный вечер в Трубчевске.

О значении дома Левенков хорошо сказал поэт и переводчик Владимир Микушевич: «Есть на Руси дома, родные для русской поэзии. Таким был дом Волошина в Коктебеле. Таков дом Пушкина в Михайловском. И вот такой дом Левенков в Трубчевске. Его уже

знает весь мир. Ибо из этого дома вышла поэзия, которая согревает нам сердца. Она восстанавливает ту связь времён, которую тщетно пытались расторгнуть...»

Кто-то может посчитать натяжкой – ставить скромный трубчевский домик в столь знаменитый ряд. И – ошибётся. Настоящее открытие Даниила Андреева впереди. Он поэт XXI века.

Урочище Рум, куда удалось свозить участников первых чтений, вдохновило Владимира Микушевича на поэтические строки. Его стихотворение, опубликованное на первой странице «Брянских известий», пополнило антологию лирики, обращённую к судьбе Даниила Андреева.

К 1994 году о Данииле Андрееве было известно уже немало. Этому способствовали многочисленные интервью с А.А. Андреевой, напечатанные в «Книжном обозрении», «Российской газете», «Культуре», «Науке и жизни», «Русском слове. XXI», других изданиях. Но точными сведениями о первом приезде поэта в Трубчевск ни его вдова, ни краеведы и исследователи поначалу не располагали.

В «Урании», откуда взята пространная цитата, называется 1931 год. В своей статье о первых Андреевских чтениях «Мечта моя будет – в стихе, дух – в небесном скитанье...», ссылаясь на почтовую карточку Даниила Андреева, отправленную В.П. Митрофанову, по убеждению Чукова, из Трубчевска, я отсылал читателя к августу 1928 года. Позднее выяснилось: в это время поэт находился в Тарусе. Даже в статье старшего научного сотрудника Гослитмузея И.С. Тургенева в Орле Галины Павловой «Там, где реки, мирные и вещи... К истории приездов Даниила Андреева в Трубчевск» (БИ. 7 апреля 1995), которую я готовил к публикации, та же ошибка. Павлова впервые после долгих лет забвения вводила, с подсказки Аллы Александровны, в оборот имя Варвары Григорьевны Малахиевой-Мирович, но в Трубчевске, как выяснилось, она не была.

«Трубчевским сюжетам» в судьбе Даниила Андреева посвящена четвёртая часть в книге Бориса Романова «Вестник, или Жизнь Даниила Андреева», переизданная московским издательством «Прогресс-Плеяда» в 2013 году. Биограф цитировал письмо Юрия Беклемишева (будущего известного советского прозаика Юрия Крымова), в котором, по его убедительному предположению, описывался первый приезд Даниила Андреева в Трубчевск в августе 1930 года. Романов же приводит в своём повествовании дневниковые записи В.Г.

Малахиевой-Мирович (1930–1934), напечатанные в отрывках в журнале «Новый мир» (2011. № 6), и теперь (2016) изданные в гораздо более полном виде Домом-музеем Марины Цветаевой («Маятник жизни моей... Дневник русской женщины. 1930–1954»). 28 июля 1931 года Малахиева-Мирович записывает: «Молодой мечтатель, юный друг мой, Даниил Андреев сидит в Трубчевске, а душою то и дело пребывает в Индии. Уверен, что попадёт туда не позже, чем через пять лет».

Другая запись – от 22 августа 1931 года:

«Из Даниного письма: “...Тут была одна ночь, проведённая у костра, гораздо более значительная, чем ночь на Ивана Купалу, о которой Вам писал. Река Нерусса – одна из тех, что, по легенде, орошала рай. Почти таитянская гармония, хотя и другая по тону. Спутники мои уснули, и я один бодрствовал у костра и просидел всю ночь с первой затеплившейся звезды до последней погибшей... Ночь была божественная – другого эпитета не может быть – и развёртывалась, как мистерия со своим финалом – закатом луны, полным необыкновенного трагизма...”

Как дорого мне это двадцатипятилетнее дитя <Даниил>. Кого мы знали четырёхлетним, тот и в 40 будет для нас “дитя” в каком-то смысле...»

Сюда уместно добавить строки, которыми Галина Павлова завершает свое исследование «К истории приездов Даниила Андреева в Трубчевск»:

«Не просто красота природы, тишина, русская старина, которые, конечно, ценны сами по себе, но которые можно найти во многих других уголках России, тянули Даниила Андреева именно в Трубчевск. С детских лет от взрослых членов семьи он слышал рассказы о Трубчевске. Очевидно, говорили об этом городке все с большой любовью. Позднее он встретил это название в книгах по истории».

В ноябре 1995 года состоялись вторые Андреевские чтения. Они ознаменованы открытием мемориальной доски на доме Левенков в Трубчевске. Инициативу открыть памятную доску на фасаде дома по улице Ленина, 51 (бывшей Орловской) поддержала районная администрация.

Сочинённую надпись отредактировала Алла Александровна Андреева, а трубчевские художники Борис Нефёдов и Виктор Чиркин под руководством директора краеведческого музея Николая Ти-

хонова в считанные дни справились с почётным заказом. По словам Анатолия Левенка, дом был куплен его отцом в 1913 году. Сестра Лидия Левенок датирует покупку десятью годами раньше. В течение нескольких предвоенных лет во время приездов Даниил был желанным гостем в семье Протасия Пантелеевича Левенка, ему он посвятил стихотворение «Памяти друга»:

Он рядом жил. Сады соседил.
И стала бедная калитка
Дороже золотого слитка
Мне в эти скудные года...

Я всё любил: и скрипки нежные,
Что мастерил он в час досуга,
И ветви гибкие, упруго
Нас трогавшие на ходу,
И чай, и улы белоснежные,
И в книге беглую отметку
О Васнецове, и беседку
Под старой яблоней в саду...

Заметку «Ты рядом. Ты близко» о вторых Андреевских чтениях и об открытии мемориальной доски поместила на первой полосе газета «Культура». Вот строки из неё: «Право открытия было предоставлено дочери Левенка Лидии Протасьевне, и поныне живущей в этом добросердечном доме, и Борису Чукову... Нынешние Андреевские чтения в Брянске стали своего рода прелюдией к 90-летнему юбилею поэта, который будет отмечаться в ноябре 1996 года».

Приведу также фрагмент из собственной публикации в «Брянских известиях»:

«Сырая промозглая погода не отменила ни экскурсию в Свенский монастырь, ни поездку в Красный Рог (Андреев, как известно, высоко чтит поэзию А.К. Толстого), ни встречу с Цветуньским городищем и некрополем на месте древнего Трубчевска, было радостно осознать, что праздник иконы Божьей Матери (4 ноября) приходится на ясный, не по-ноябрьски тёплый день. И что именно в этот солнечный, напоённый поэзией день открывается памятная доска в честь великого человека.

– Я не мог себе представить, – сказал Борис Чуков, – когда встречался с Даниилом Леонидовичем в тюремной камере, что мне придётся открывать его мемориальную доску. Потому что много

было вокруг него людей достойнее меня, умнее, добрее, нравственнее чище...

Проживши страшную жизнь, пройдя через тюремные застенки, говорил Владимир Микушевич, Даниил Андреев сохранил в своей поэзии жизнеутверждение, подобное которому не знает русская поэзия XX века. «Источник этого жизнеутверждения, источник той великой радости, которую несёт поэзия Андреева, – здесь, в Трубчевске, и в местах вокруг него. В этих местах приникал он к священным родникам, вспоившим святую Русь. В этом стареньком доме Левенков был принят как родной. Здесь открылись для него сокровища человеческого общения».

Вторые Андреевские чтения проходили со 2 по 5 ноября 1995 года. К сожалению, в этот раз – без «светлой виновницы светлых стихов». В июле того же 95-го с А.А. Андреевой обсудили программу чтений и состав участников. Увы, в конце августа у неё резко ухудшилось зрение... Однако присутствие вдовы поэта ощущалось постоянно. Её приветствие, записанное на плёнку, прозвучало на вечере в Брянской областной библиотеке имени Ф.И. Тютчева. Её голосу, проникновенному чтению внимали трубчане. Алла Александровна читала «Навну» – поэму о душе русского народа. А ещё она сказала: «Я счастлива и очень горда, что чтения проходят в Брянске и Трубчевске. Этой дивной земле Даниил обязан очень и очень многим...»

В орбите Андреевских чтений оказались не только Брянск и тысячелетний Трубчевск. Практически каждый год расширялась их география, заявляли о себе и новые участники. Список тех, кого приглашали, согласовывался с А.А. Андреевой. Лишь один человек – Б.Н. Романов – оставался неизменным участником чтений. Исследователь творчества Д.Л. Андреева и его биограф, редактор, составитель и комментатор двух собраний сочинений, автор жизнеописания поэта-вестника и ряда фундаментальных публикаций о нём, он после нашего совместного плавания по Десне и Неруссе, местам, воспетым в стихах и поэмах Андреева, написал замечательную книгу «Путешествие с Даниилом Андреевым». Впервые текст «Путешествия...» был напечатан на страницах «Брянских известий» в июльских номерах 2001 года. Книгу, вышедшую в год 100-летия Даниила Андреева (издательство «Прогресс-Плеяда»), дополнили воспоминания и эссе о друзьях поэта, цикл стихотворений Бо-

риса Романова, навеянных путешествием, а также статьи, посвященные творчеству автора «Розы Мира».

Позднее, когда выход «Брянских известий» приостановят и вместо них будет учреждена «Брянская учительская газета», Борис Романов продолжит творческое сотрудничество публикациями о поэте. В течение трёх лет – по мере написания новых глав – в «Брянской учительской газете» печаталось документальное повествование «Вестник, или Жизнь Даниила Андреева».

Процитируем небольшой фрагмент из публикации в «Литературной газете», рассказавшей о **седьмых Андреевских чтениях** (2000. № 45–46): «Даниил Андреев не только автор “Розы Мира”, неоднократно подчёркивала его жена, друг и соратник Алла Александровна, он прежде всего поэт. А чтобы понять поэта, нужно узнать его родину, сказал Гёте. Поэтической родиной Андреева суждено было стать древнему Трубчевску, что на Брянщине».

6 сентября 1930 года Даниил пишет в Париж брату Вадиму: «...Живу в глуши, на реке Десне. Красота тут сказочная, и я только смотрю и слушаю. Очень далеко гуляю один. Был на лесных озёрах, куда ещё прилетают лебеди. Тут безграничный простор, целая страна развёртывается у ног. И когда идёшь – невозможно остановиться...»

«Он был странник по призванию» (И. Николаева). Странничество дарило вдохновение. Воспоминания о счастливых, бродяжких, в высоком смысле этого слова, днях молодости спасали и в тюремном заточении.

Книга «Брянские дали Даниила Андреева» – попытка объять в едином повествовании не только историю некоторых публикаций поэта и о поэте, хронику Андреевских чтений, материалы международных конгрессов, на которых мне не раз доводилось бывать, но и письма духовно близких ему людей – исследователей творчества, биографов, писателей, философов, журналистов, а также дневниковые записи, «заговорившие» аудиокассеты, статьи, эссе, интервью, редкие фотоснимки, стихи, рождённые «под знаком Даниила», в местах его блужданий и странствий. Всё это – благодарное приношение в копилку Любви и Памяти поэта-вестника.

Одним из итогов Андреевских чтений можно считать небольшую музейную экспозицию. Она открылась 2 ноября 2014 года в деревне Чухраи Суземского района и была приурочена ко дню рождения Даниила Андреева. Экспозиция расположилась в здании на-

учно-исследовательского центра заповедника «Брянский лес». «Брянская учительская газета» была приглашена на торжество и откликнулась на него публикацией И. Иванеженковой:

Экспозиция музея пока очень скромная, как и положено росту, только-только явившемуся на свет. Но если учесть, что в мире не существует ни музея, ни какой-либо действующей на постоянной основе выставки памяти Даниила Андреева, то и это – вежа. Возможно, для кого-то она станет дверью в мир чуть иной, чем тот, к которому мы привыкли, – в мир, о котором пытался рассказать человечеству поэт.

И войти в этот мир Даниил Андреев предлагает босиком, соприкоснувшись всем существом с силой матери-Земли, открытым сердцем всмотревшись в Лик Природы и узрев сквозь него Лик Божественный. Он предлагает нам полюбить нашу Землю, наш космический дом, ибо только любовью мы можем сберечь его, сохранив нетронутыми, первозданные уголки и преобразив в цветущий сад обитаемые человеком места.

Вот почему так уместно и неслучайно появление мини-музея поэта в рамках заповедника «Брянский лес». Их объединяет не только общая территория, но и общие задачи: сохранение природы, предотвращение экологической катастрофы через изменение сознания человека, его отношения к миру природы – от потребительского и разрушающего к любовному и бережному. Д. Андреев говорит об одухотворении природы просветлённым человеческим разумом. Всё вокруг живое, всё наделено сознанием, утверждал Даниил Андреев, вторя древнейшим духовным учениям и взглядам философов-космистов. Нам необходимо услышать его и попытаться найти эти новые пути восстановления и преобразования природы.

Здание-стационар научно-исследовательского центра заповедника, расположенное в самом сердце леса (Чухраи – одна из самых труднодоступных деревень на Брянщине), создаёт благоприятные условия для приобщения к тому опыту, о котором пишет Даниил Андреев в «Розе Мира». Каждый приехавший сюда, в глушь лесную, удалённую от цивилизации, может остановиться на определенный период времени и сутками напролёт бродить по окрестностям (не нарушая, впрочем, заповедной этики и не пересекая границ заповедника), так же как и Даниил, воскрешая в себе способность чувствовать и любить, утончая своё сознание...

Евг. Евтушенко, составитель многотомной Антологии «Десять веков русской поэзии», с полным основанием называет Даниила Андреева «редчайшим человеком». Мыслитель мирового масштаба, обладатель уникального дара духовидения (прозрения в потустороннее), самобытнейший лирик, он навсегда породнился с древней брянской землёй, где у реки Неруссы пережил яркие прорывы в «космическое сознание». Счастливый скиталец, исходивший босиком в 1930-е годы бесконечные вёрсты им «избранной страны» (чащобы Девичор, пойменные луговины Рума, душистые долины Десны, дедовские боры, берега Навли, Неруссы, Зноби...), Даниил Андреев остался в ней строчками поэм и стихотворений, страницами «Розы Мира», фотоснимками, картинками, песнями.

Следы поэта не растворились и не истаяли во мгле ушедших десятилетий. «Не вмещает память угодий // Мной исхоженных на земле». Дали Даниила – вся его удивительная жизнь, ведомая «демоном безрассудных странствий» и уготованным ему вестничеством. В лирическом цикле «Сквозь природу», рождавшемся в мрачном каземате Владимирской тюрьмы, есть стихотворение, которое любила читать Алла Александровна Андреева:

Другие твердят о сегодняшнем дне.

Пусть! Пусть!

У каждого тлеет – там, в глубине –

Таинственнейшая грусть.

Про всенародное наше Вчера,

Про древность я говорю;

Про вечность; про эти вот вечера,

Про эту зарю;

Про вызревающее в борозде,

Взрыхлённой плугом эпох,

Семя, подобное тихой звезде,

Но солнечное, как бог.

Не заговорщик я, не бандит, –

Я вестник другого дня.

А тех, кто сегодняшнему кадит –

Достаточно без меня.

Он не ошибся в своём пророчестве. Теперь мы это знаем.

Пронченко С.М.

ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет
имени академика И. Г. Петровского», г. Новозыбков (Россия)
e-mail: s.m.pronchenko@yandex.ru

УДК 81'373'21

**Диалектные особенности в произведениях устного
народного творчества Новозыбковского района Брянской
области (по материалам полевых исследований)**

Pronchenko Sergey Mikhaylovich

*Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky,
Novozybkov (Russia)*

UDC 81'373'21

**Dialect features in works of folklore Novozybkovsky district of
Bryansk province (on materials of field researches)**

В публикации выявлены диалектные особенности произведений устного народного творчества Новозыбковского района Брянской области – песен, рассказов, частушек. Автор показывает, что эти особенности обусловлены, вследствие территориальной близости к России Беларуси и Украины, языковой интерференцией.

Ключевые слова: диалект юго-запада Брянской области; произведения устного народного творчества; лингвофольклористика; языковая интерференция; белорусизмы; украинизмы.

In the publication dialect features of works of folklore of Novozybkovsky district of the Bryansk region – songs, stories, chastushkas are revealed. The author shows that these features are caused, owing to proximity to Russia of Belarus and Ukraine, a language interference.

Keywords: dialect of the southwest of the Bryansk region; performing folklore; lingvofolkloristika; language interference; belorusizmy; ukrainizmy.

В произведениях устного народного творчества, которые исполняют представители фольклорных коллективов Новозыбковского района Брянской области, употребляется значительное количество диалектизмов – фонетических, лексических, фразеологических, словообразовательных, грамматических. Это обусловлено тем, что носители фольклорных знаний, проживающие, как правило, в сельской местности, являются *диалектными языковыми личностями.*

Если взять за основу определение *языковой личности*, данное Ю. Н. Карауловым [3, с. 38], то под диалектной языковой личностью следует понимать личность, выраженную в диалектном языке и через язык; личность, реконструированную в основных своих чертах на базе диалектных языковых средств. См. подробнее [1; 2].

Приграничное положение Брянской области, соседство её с Беларусью и Украиной обусловило явление, которое называется *языковой интерференцией* – взаимовлиянием (в нашем случае) трёх восточнославянских языков – русского, белорусского и украинского. Юго-западные районы Брянщины в разное историческое время территориально относились и к Беларуси, и к Украине. Современные административные границы трёх восточнославянских государств не являются препятствием для взаимодействия языков.

Наблюдения над языком произведений устного народного творчества, записанных в ходе полевых фольклорно-диалектологических исследований, позволяют перечислить следующие основные черты.

1) Фонетические особенности:

✓ яканье – употребление в первом предударном и первом ударном слогах на месте орфографических *e, a, и*–[‘a] (я): *зяме́лька, лятэ́ла, прынясу́, разбя́раць, сямна́ццать, тябе́.яны* (характерно для белорусского языка); *бе́лянький, во́сямь, ка́мянь, па́рянь, па́сяка, по́лдянь, че́ряс*:

За ряко́й, за ўа́ро́й лес зялёны́ шумі́т.

За ряко́й, за ўа́ро́й хута́ро́чкі стаі́т.

А што в том хута́рку – там нікто́ ні жы́вёт.

То́лька ра́нней вясно́й салаве́й прапа́ёт.<...>

(Из песни «За рекой, за горой лес зелёный шумит...», исполняет жительница деревни Вихолки Новозыбковского района Брянской области Нина Ивановна Пастушенко 1931 г. р.);

А у нас ва дварэ́ ла́сачка жы́ла... Я ба́чу, што карто́шку... Ната́ўку свиння́м карто́шкі. Пауля́жю– бу́льба бяре́цца и но́сицца. Кладо́вачка ў мяне́ ў калідо́ре. Туды́, ў кладо́ўку. Я ду́маю: «ўлянь, што тако́е?». Пашла́ туды́, ў кладо́ўку ту́ю. Там ку́чячка бу́льбы на́но́шэна. И ана́ там пая́лілася и там вы́вялася (Из рассказа о ласке жительницы села Новые Бобовичи Новозыбковского района Брянской области Ольги Фёдоровны Ерошенко 1933 г. р.);

✓ [з]на месте приставки и предлога *С* (характерно для белорусского и украинского языков): *звэ́рху, зья́жась, з ё́й* (с ней), *з лица́, злё́жынае* (сложенное), *з на́мы, з рабо́ты, зра́зу, зня́ла* и др.:

Малады́е па́ра іде́... Малады́й пашо́ў з вѣлца́ми и рѣдам и яна́ и – за стол. Выво́дять маладу́ю. Вот. Ужо́. Фстрѣги́ли. Хлѣбам-со́ллю малады́й там... Ну и ско́льки? З вадо́й ти с чем-нибу́ть (Из сказа о праздно́вании свады́бы жите́льницы дере́вни Вихолки Ново́зыбковско́го райо́на Бря́нско́й о́бла́сти Ни́ны Ива́новны Пастуше́нко 1931 г. р.);

✓ Г фрикативный (обозначается *γ*) (характерно для украинского языка): *бя́ром* (бегом), *γарбу́с* (тыква), *γаршо́к*, *γлаґо́лить* (говорить), *γляди́, γука́ть* (звать), *дру́гая, дру́гий рас, з зялёна́га лу́у, ля́ла, нямно́га, сядьмо́га, чя́ро, я́ро* и др.:

На Свято́й няде́ли, ка́лі вот про́йдя Па́ска, на Свято́й няде́ли няльзя́ γаради́ть за́γаради до́ма. Вот аγаро́т на́да заγаради́ть: зава́лилася там прѣсла – так не на́да γаради́ть. А нахо́дзяцца ш люди́, хто заγаро́дять. А тады́ ўдо́вы по́йдим но́чю, ко́лики павы́рвем да зава́лим прѣсла. А то даждя́ ня бу́дя (Из сказа о Свято́й неде́ле жите́льницы села́ Ново́е Бобовичи Ново́зыбковско́го райо́на Бря́нско́й о́бла́сти О́льги Фе́доровны Ероше́нко 1933 г. р.);

А палю́би́ла γарма́ниста–

Зару́а́ла ми́ня ма́ть.

Ах, ни ру́а́й-ка ми́ня, ма́ти:

Развѣсе́лый бу́дя зя́ть!

(Часту́шку «А полю́би́ла гармо́ниста...» испо́лняет жите́льница дере́вни Вихолки Ново́зыбковско́го райо́на Бря́нско́й о́бла́сти Ни́на Ива́новна Пастуше́нко 1931 г. р.);

✓ вставка «лишних» звуков в начале или середине лексем или отсутствие звуков в словах: *во́зьяра* (озеро), *во́чи* (глаза), *ву́гол* (угол), *ву́лачка* (улочка), *ву́зѣл* (узел), *ву́мная*, *Во́льга* (Ольга) (протетический *В* характерен для украинского и белорусского языков); *дахо́джу* (дохожу), *ишля́*, *приба́вутки*; *ампи́р* (вампир), *ка́ла* (около), *ни дна́ро* (ни одного), *Ража́ствои́ Раждэ́во* (Рождество), *Ляксе́й* (Алексей) и др.:

Вужы́ [ужи. –С. П.] сичя́с жы́вуть ў ка́ждам двара́. Я ка́к-та прышла́ ў сваю́ ба́ню. У нас ба́ня на двара́. Там стаи́ть бито́н [бидон. –С. П.]. Я бито́н припа́днiла́ –там вуш извѣрнутый... Бох я́ро зная́, ти ё́н ахрания́ет, ти, мо́жа, шко́ду яка́ю де́лая (Из сказа об ужа́х жите́льницы села́ Ново́е Бобовичи Ново́зыбковско́го райо́на Бря́нско́й о́бла́сти О́льги Фе́доровны Ероше́нко 1933 г. р.);

✓ [хв], [кв], [х], [к] на месте буквы *ф*: *бухвёт*, *урахвінчик*, *канхвётачки*, *Хведора* (Федора), *квасоля* (фасоль), *ко́хве*, *ко́хта*, *кух-ва́йка*, *прахвёссия*, *ту́хли*, *хва́ртук* и др.;

✓ у неслоговой (обозначается *ў*) на месте орфографических *у*, *в*, *л* в знаменательных и служебных частях речи (характерно для белорусского языка): *де́лаў*, *ишоў* (шёл), *павярнуўся*, *ў го́ради*, *ўзяў*, *ў лясу*, *ўну́к*, *ўро́ди* (вроде), *ўсе*, *ўсяюда*, *ў адынаццать чясоў* и др.;

✓ твёрдый [р] перед [э] и [ы] (характерно для белорусского языка): *на дярэ́ўни*, *паура́эла*, *рэ́чка*, *сярэ́нь*, *трэ́ттий*, *ўрэ́мя*, *хрэ́ст* (крест); *уры́бы*, *кры́ніца*, *кры́чяла*, *пры́вязла*, *трактары́ст*, *тры́ццать*, *ша́рык*, *Екацяры́на*, *Хры́сты́на* (Кристина) и др.:

Любіла я мужа-прымака́,

Любіла я мужа-прымака́.

Ничяу́ ни ро́бя, то́лька пьёть,

Ничяу́ ни ро́бя, то́лька пьёть.

Ой, прыды́ да до́му,

Ой, прыды́ да до́му,

Ой, прыды́ да до́му, жы́нку бьёть.<...>

(Из песни «Про пьяницу», исполняют жительницы села Каташин Новозыбковского района Брянской области Юлия Фёдоровна Злобова 1930 г. р. и Елена Макаровна Злобова 1941 г. р.);

✓ долгие согласные на месте орфографических *ь*, *и* (характерно для белорусского и украинского языков): *Блауавэ́цяння* (Благовещение), *варэ́ння*, *кры́лля*, *пяче́нне* (печеньё), *пла́ття*, *Хряце́ння* (Крещение) и др.:

У нас-та крыні́ца, мо́жа, вы ня ба́чили, там у нас интя́рсна сичя́с: іко́ны, купе́льня ш там. На щядро́ваю кутгю́ пе́рят Хряце́нням ў ту́ю купе́льню ходо́ть купа́цца но́чцю, ў двяна́ццать чясо́ў но́чи (Из рассказа о купели жительницы села Новые Бобовичи Новозыбковского района Брянской области Ольги Фёдоровны Ерошенко 1933 г. р.);

✓ [т'] в окончаниях глагольных форм (характерно для украинского языка): *бе́уаять*, *бярэ́ть*, *уары́ть*, *де́ляють*, *э́здыть*, *жыве́ць*, *пяе́ць* (поёт) и др.:

Ну прыно́сяць дэ́вки снёданне называ́ицца. У́трам. А тады́ ўо́сти прыходо́ять. И ўо́сти ты́я у маладо́й жэ́ ще сяды́ть, а э́тым дэ́вкам даю́ть ў кашо́лку (тады́ калі́сь ра́ньшы як та мы былі́). Нало́жать тудá снёданне вяз... несеш маладо́й. У маладо́уа там за стол сады́цца и э́та, шо прыно́сиш, раскладу́ть там... там раскладу́ють, сваё тады́

дабавля́ць (Из рассказа о свадьбе жительницы села Каташин Новозыбковского района Брянской области Юлии Фёдоровны Злобовой 1930 г. р.).

2) Лексические и фразеологические особенности:

✓ употребление диалектных лексем и устойчивых сочетаний слов: *ба́чить* (видеть), *уука́ть* (звать), *дуры́ть* (обманывать), *забажа́ть* (захотеть), *заплю́снуть* (закрыть, о глазах: *заплю́снуть во́чи*), *зару́чины* (помолвка), *та́та* (отец); *ко́забам диві́цца* (недовольно смотреть), *маскі завяза́ть* (забыть), *даць ря́ду* (навести порядок) и др.:

Ой, крычя́ла-**уука́ла**: «Да́йця до́ктаря».

Крычя́ла-**уука́ла**: «Да́йте до́ктаря»<...>

«Ой, даво́льна табе́, дэ́вка, до́ктаря ж дай **дуры́ть**.

Даво́льна табе́, дэ́вка, до́ктаря **дуры́ть**.

Ой, па́ра ж табе́, дэ́вка, сы́на ради́ть».

(Из песни «Соловей», исполняет жительница села Верещики Новозыбковского района Брянской области Нина Макаровна Елисенок 1937 г. р.);

3) Словообразовательные особенности:

✓ отсутствие в глагольных формах суффиксов -ева-, -ива-, -ыва- (характерно для украинского языка): *выска́куя*, *дауава́рююцца*, *закручу́юе*, *надылю́ть*, *пакáзуя*, *перачы́суяць*, *раска́зуюць*, *спра́шуя* и др.;

4) Грамматические особенности:

✓ глаголы I спряжения в форме 3 л. мн. ч. – с окончаниями II спряжения: *абъя́сняць*, *атка́жць*, *во́зьмаць*, *звя́зуюць*, *зна́юць*, *наряжа́юць*, *рабо́таюць*, *разбива́юць* и др.;

✓ в глагольных формах замена постфикса -сь на -ся (характерно для белорусского и украинского языков): *вярну́лася*, *дажду́ся*, *зауарэ́лася*, *пакати́лася*, *пасяли́лася*, *удивля́лася* и др.;

✓ в глагольных формах 3 л. ед. ч. отсутствуют литературные окончания -ет, -ит (характерно для белорусского и украинского языков): *ба́чць* (видит), *бярэ́* (берёт), *выхо́дць*, *ула́голя* (говорит), *уука́ць* (зовёт), *э́дць*, *кíня*, *мо́жа*, *пла́чць*, *пры́дць*, *рве́*, *хо́дць* и др.:

А ў лу́зи, ў лу́зи Васи́ль сэна **ко́сьць**,

А яму́ дзяўчы́на дитя́ты **прыно́сьць**...

(Из песни «А на лугу, на лугу Василь сено косит...»), исполняет жительница деревни Вихолки Новозыбковского района Брянской области Нина Ивановна Пастушенко 1931 г. р.);

✓ в именах существительных и местоимениях во мн. ч. вместо окончаний Д. п. – окончания П. п. (характерно для белорусского и украинского языков): (читать) *па б^ук^вах, па кан^авах, па н^ожачках, па х^атах; па э^тых* и др.;

✓ в формах имён существительных и местоимений мн. ч. Т. п. – окончание -амы: *урыб^амы, двёмы* (двумя) *рук^амы, дэткамы, драва^амы, пэснямы, пат Катичямы* (Катичи – село в Новозыбковском районе), *санямы, сапау^амы, ягадамы; з на^амы* и др.:

Мы жылі, жылі пат Катичямы. Хутарочик такой над рясой. Красивый быў хутарочик! (Из рассказа о Катичах жительницы деревни Вихолки Новозыбковского района Брянской области Нины Ивановны Пастушенко 1931 г. р.);

✓ в количественно-именных словосочетаниях формы имён существительных мн. ч. Р. п. – с окончанием -ы вместо литературного -а (характерно для белорусского языка): *два уады, два двары, два салдаты, два хлопцы, два швы, тры класы, тры разы, тры сталбы, тры сыны, чатыры часы* и др.:

Як пайдў я на заручины,

Два двары минаючы,

Два двары минаючы,

Трэттий – стану, паслушаю, у-у-у.

Паслушаю, ой, што людзі уаворят.

Ой, што людзі уаворят,

Майоў татачку судзь.

(Из песни «Как пойду я на заручины...», исполняет жительница деревни Вихолки Новозыбковского района Брянской области Нина Ивановна Пастушенко 1931 г. р.);

✓ изменение грамматического рода имён существительных: *бана́к* (м. р., литературная форма – банка), *бех саба́ка* (м. р.), *зала́той вядэ́рка* (м. р., литературная форма – ведёрко), *лава́чик* (м. р., литературная форма – лавочка), *насы́п* (м. р., литературная форма – насыпь), *сва́дьба бы́ў* (м. р.), *бы́ў я́рмалак* (м. р., литературная форма – ярмарка) и др.:

Пат тем дубам крыніца́ стаяла,

Пат тем дубам крыніца́ стаяла.

Ф той крыніцы жэ деўка ваду бра́ла,

Ф той крыніцы деўка во́ду бра́ла.

Да спусти́ла жэ зала́той вядэ́рка,

Дай спусти́ла зала́той вядэ́рца.

(Из песни «Туман яром, туман долиною...», исполняет жительница села Верещаки Новозыбковского района Брянской области Нина Макаровна Елисеенко 1937 г. р.);

✓ особые формы местоимений (характерно для белорусского языка): *эты́й, та́я, ту́ю, тый, ты́я, э́тыя* и др.

Итак, в произведениях устного народного творчества Новозыбковского района Брянской области представлены разнообразные диалектные особенности, детерминированные языковой интерференцией. Эти языковые черты в фольклорных произведениях следует изучать в вузе и школе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванцова Е. В. Феномен диалектной языковой личности. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. 309 с.
2. Казакова О. А. Диалектная языковая личность в жанровом аспекте: [Монография]. Томск: Изд-во Томского политехнического ун-та, 2007. 196 с.
3. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 5-е стереотипное. М.: КомКнига, 2006. 264 с.
4. Николаева О. М. Современный русско-белорусский словарь / О. М. Николаева, Т. Н. Трухан; Ин-т яз. и лит. им. Якуба Коласа и Янки Купалы, Нац. акад. наук Беларуси. Минск: ТетраСистемс, сор. 2011. 575 с.
5. Перебейнос В. И. Русско-украинский словарь / В. И. Перебейнос, Т. В. Бобкова. М.: АСТ; Владимир: Астрель, 2009. 607 с.

Халикова Н.В., Шашарина К.А.

ГОУ ВО «Московский государственный областной
университет», г. Москва (Россия)
e-mail: vlstd@yandex.ru

УДК 811.161.1(092)

**Образное словоупотребление лексемы кот в
произведениях А.С. Пушкина**

Khalikova Natalia Vladimirovna, Shasharina Karina Andreevna
Moscow Region State University, Moscow (Russia)

UDC 811.161.1(092)

The symbolism of cats in the works of A.S. Pushkin

В работе приводится анализ одного из зоонимических символов в культуре пушкинской эпохи. В русской культуре коты – это домашние любимцы, по поведению которых люди нередко определяли, какая будет погода на днях, на кошках строились многочисленные суеверия и приметы. У А.С. Пушкина кошка становится образом, наделяемым постоянным авторским эпитетом..

Ключевые слова: зоонимическая метафора, символ кошки, контекстуальный анализ, ассоциативный ряд, литературоведение; А.С. Пушкин; сказки, Евгений Онегин; фольклор.

The paper presents an analysis of the symbolism of cats-animal characters from the poem "Eugene Onegin". In Russian culture, cats are domestic pets, on the behavior of which people often determined what the weather will be like the other day, numerous superstitions and omens have been built on cats. A.S. Pushkin's cat becomes image endowed with a permanent author's epithet.

Keywords: zoonimic metaphor, cat symbol, contextual analysis, associative array, literature; Pushkin; tales; Eugene Onegin; folklore.

В современном языкознании существует огромное количество самых разных направлений, изучающих образное словоупотребление в художественном тексте. Одно из них – изучение языка писателя в общей теории о языке художественной литературы, основанное на трудах В.В.Виноградова[2]. Образным слово с конкретно-предметной семантикой становится в любом художественном произведении, так как визуальное восприятие пространства и предметов в нем является основным категориальным свойством художест-

венного текста. Как известно, А.М. Пешковский предложил теорию общей образности. В тексте каждое слово участвует в создании образности. Весь лексический строй – система образов, построенная на контрасте, сопоставлении, сочетании. Интересно, что «даже замена одного слова другим создает то или иное, хотя бы не поддающееся учету, изменение образа. Лишь семантический анализ образно-лексического строя произведения может привести к пониманию его содержания [6, с. 159].

Обычно лексический строй художественного образа изучается методом «от целого – к части», мы же хотим в данной работе рассмотреть под «лингвистическим микроскопом» только один случай из образной системы языка А.С. Пушкина – употребление зоонима «кот / кошка», который движется в ментальном цикле слова (термин В.В. Колесова [7, эл.ресурс]) то как предметная деталь в прямом значении, то как образ, то символ. Ю.Н. Караулов считает, что причины языковой образности нужно искать не в семантике, а в тезаурусе, в системе знаний. Этот тезис, на наш взгляд, хорошо подходит к изучению языка художественной литературы, с его особенной лексической системой. По мнению Ю.Н. Караулова, в языковой образности мы обнаруживаем «застывшее гносеологическое усилие, моментальную фиксацию акта перехода от одного поля в тезаурусе (например, «дикие животные, опасные») к другому («свойства человека»). Для того чтобы такой переход был возможен и совершился, надо обладать знаниями о том, что змея коварна, заяц, скажем, труслив, пуглив, имеет обыкновение спасаться бегством от опасности, медведь неуклюж, но силен, а голубка нежна и безобидна. Этот переход не есть принадлежность вербально-ассоциативного уровня, он есть порождение знаний. Всякий образ можно перевести на семантический уровень, можно вербализовать, раскрыть его суть, его когнитивное и эмоциональное содержание, построив соответствующий текст, но происхождением и возникновением своим образ обязан только знаниям, появляется, когда мы покидаем поверхностно-ассоциативный уровень и погружаемся в тезаурус» [5, с. 176 - 177].

Приведём подобный пример. В пушкинском романе в стихах «кошачью» семантику встречаем дважды: в пятой и восьмой главах. В первом случае:

Жеманный кот, на печке сидя,
Мурлыча, лапкой рыльце мыл... (гл. 5, строфа V)

Великолепная ономастопея дополняется здесь усилиями глагольных и отглагольных слов: жеманный (от жеманиться), сидя, мурлыча, мыл – 4 слова с процессуальной семантикой на восемь слов в предложении. Это создаёт великолепный динамический живой образ. Удивительно, но в модный в тот период приём символизации или эмблематики зоонима этот контекст не вписывается. Пушкин не демонизирует кота, как это было принято в культуре западноевропейского бестиария, а, наоборот, разрушает романтический стереотип. Именно глазами главной героини увиденный читателем кот становится «знаком»:

То несомненный знак ей был,
Что едут гости.

Что же мы видим? Автор намеренно разрушает романтический штамп прямо на глазах читателя. Это Татьяна, «русская душою», смотрит на своего любимца и понимает, что его поведение означает, что скоро придут гости. Как мы знаем из текста романа, к Лариным в тот день действительно приехали Онегин с Ленским. Сытая и довольно мурлычащая кошка – к благополучным вестям и уюту. Героиня знает, как и все девушки того времени, что, если кошка ложится поближе к теплу - быть холодам, пол или стенку скребет - к непогоде, умывается - жди гостей, ну а уж если черная кошка дорогу перейдет - неприятностей не миновать. То же самое почтение есть и в святочных песнях про кошурку: «...Но сулит утраты // Сей песни жалостный напев; // Милей кошурка сердцу дев». Образ кошурки здесь предвещает брак, но «горестный напев» указывает на то, что этот брак будет несчастливым. Кошачья пара также символизирует семейный союз: «Зовёт кот кошурку // В печурку спать». Читатель помнит, что Татьяна замуж выходит, но не по любви, не за Онегина. Образ кошурки, как уже отмечалось нами, предвещал брак, но со сложностями. Образы в произведении Пушкина часто опираются на народные традиции, это одна из стиливых примет всего творчестве поэта.

Глазами наивного и испуганного героя стихотворения «Гусар» читатель видит кота:

Гляжу: под лавкой дремлет кот;
И на него я брызнул склянкой –
Как фыркнет он! Я: брысь!... И вот
И он туда же за лоханкой...

По мнению литературоведов, этот пример говорит о свойстве языковой дерзости поэта разрушать стереотипы, создавая новую систему эстетических ценностей. «Таким образом, пушкинский «жеманный кот» встраивается в многоплановый литературный контекст, связанный с поисками нового художественного языка. О степени его новизны говорила и та полемика, которую вызывали отдельные стилевые «дерзости» поэта» [1].

Почему же кот у Пушкина именно жеманный, важный, наводивший чистоту увлеченно, мурлыча, и в то же время с достоинством. Кошка – существо независимое. Люди на протяжении многих веков относились к ней с уважением, прислушиваясь к ее инстинктам. В повести «Капитанская дочка» дворовый Архип спасает с крыши горящего дома, где гибнут приказные люди, именно кошку. По преданию семьи Киселёвых, Пушкин любил рисовать кошек в альбомах барышень, на клочках бумаги, на сукне ломберного столика. Чаще всего поэт изображал дородных котов, сидящих спиной к зрителю, с «ушками на макушке» и извивающимся хвостом, выдающим напряженное ожидание или заинтересованность чем-то вне поля рисунка[4].

Как писал В.В. Виноградов, «иногда под языком писателя разумеется лишь некоторая совокупность более или менее случайных или характеристических речевых примет, обнаруживаемых в его сочинениях, «сумма фраз»[2, с. 50]. Рассмотрим с этой точки зрения типичные прилагательные и глаголы вокруг исследуемой лексемы. Прежде всего кот наделяется свойствами человека: он жеманный и лукавый, причём прилагательное *жеманный* обязательно присутствует или подразумевается в контексте. Например:

Так иногда *лукавый кот*,
Жеманный баловень служанки,
За мышью крадется с лежанки:
Украдкой, медленно идет,
Полузажмурясь подступает,
Свернется в ком, хвостом играет,
Разинет когти хитрых лап
И вдруг бедняжку цап-царап...

(Граф Нулин, гл. 5)

Пушкин в яркий реалистический и бытовой, то есть низкий, с позиции того времени, образ вплетает символическое, а значит, принадлежащее миру Автора значение – кот или, скорее, кошка как

проводник в иной, таинственный мир смыслов, временами враждебный человеку. В поэме «Руслан и Людмила»

И ведьма кошкой обратилась.
Оседлан конь. Она пустилась;
Тропами мрачными дубрав
За нею следует Фарлаф (Руслан и Людмила).

Автор вступает в языковую игру с читателем и собственным героем, точно Мефистофель с доктором Фаустом: читатель и герой получают удовольствие от яркого словесного образа, автор же над ними, он из их эмоций строит иронический художественный образ своего героя – Татьяны, графа Нулина, Евгения Онегина.

А точно: силой магнетизма
Стихов российских механизма
Едва в то время не постиг
Мой бестолковый ученик.
Как походил он на поэта,
Когда в углу сидел один,

И перед ним пылал камин,

И он ***мурлыкал***: Benedetta2

Иль Idol mio3 и ронял

В огонь то туфлю, то журнал.

(Евгений Онегин. Гл. 8, XXXVIII)

Таким образом, кот у Пушкина – всегда динамический образ. Он то ходит, то поёт сказки, то мурлычет предвозвестником событий, он всегда наделён персонифицированным эпитетом, в сочетании с которым становится одной из лексических примет языка А.С. Пушкина. Кот не является только предметно-конкретным образом видимого пространства или только анималистическим символом. Пушкин умело играет авторскими и персонажными типами восприятия действительности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алпатова Т.А. «"Жеманный кот" и "школа гармонической точности" в русской поэзии: опыт анализа приемов художественной выразительности» // Риторика бестиарности : Сборник статей. / Сост.: А.Л. Львова, О.Л. Довгий; Научный редактор О.Л. Довгий. – М.: Intrada, 2014. – 270 с.

2. Виноградов, В.В. О языке художественной литературы. М.: Гослитиздат, 1959. - 655 с.

3. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. - Режим доступа: <http://slovardalja.net/word.php?wordid=14069>. – Дата обращения: 11.02.2018.
4. Егорова Е.Н. Реальные и мистические кошки в творчестве Пушкина. М., 2008. Эл. ресурс: <https://www.proza.ru/2008/09/20/307> Дата обращения: 9.03.2018.
5. Караулов, Ю. Н. Языковая личность. – М.: Наука, 2004. – 264 с.
6. Пешковский А.М. Вопросы методики родного языка, лингвистики и стилистики. М.-Л.: ГИХЛ, 1930. – 176 с.
7. Колесов В.В. Концепты русского сознания: культура и цивилизация // Лингвокультурология. Екатеринбург, 2016. № 10. С. 187-209. (Эл. ресурс: <https://cyberleninka.ru/article/v/kontsepty-russkogo-soznaniya-kultura-i-tsivilizatsiya> Дата обращения: 4.02.2018).
8. Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений / Под ред. АН СССР. В 10-ти томах. – Л., 1997.

Цімашэнка Н.П.

УА “Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Францыска Скарыны”, г. Гомель (Беларусь)
natka.tim@mail.ru

УДК 811. 161. 3'367: 398. 8 (=161.3)

Сінтаксічная арганізацыя беларускіх народных песень

Timoshenko Natalya Pavlovna

Gomel State University named after F. Skorina, Gomel (Belarus)

UDC 811. 161. 3'367: 398. 8 (=161.3)

Syntactic organization of belarusian folk songs

В работе рассматриваются синтаксические особенности белорусских песенных текстов. Автор статьи характеризует разные по структуре синтаксические конструкции с точки зрения размещения компонентов, а также с позиции структурно-грамматической организации предложений, которыми представлены белорусские народные песни.

The syntactic features of the Belarusian song texts are considered in the work. The author of the article characterizes syntactic constructions, different by structure, in terms of component placement, as well as from the position of the structurally-grammatical organization of the sentences which represent Belarusian folk songs.

Ключевые слова: синтаксическая организация, фольклор, текст песен, простое предложение, сложное предложение. *Keywords: syntactic organization, folklore, lyrics, simple sentence, complex sentence.*

Беларускія народныя песні вылучаюцца сваім багаццем і разнастайнасцю зместу. Чароўнасць вобразаў, апетых у песні, у тым, што яны ўвабралі лепшыя рысы народнага характару. Шчырасць пачуццяў, што перадаюцца ў песенных тэкстах, узнята ў беларускай лірыцы на самую высокую ступень агульначалавечай маралі, якая незалежна ад часу і грамадскага ладу будзе заставацца для ўсіх пакаленняў узорам. Гэтым і абумоўлены наш выбар у якасці фактычнага матэрыялу беларускіх народных песень.

Любая інфармацыя, якая з'яўляецца прыналежнасцю пэўнай сферы моўнай камунікацыі, прадстаўляе сабою тэкст. У лінгвістыцы тэкст разумеецца як пэўным чынам арганізаваная камунікатыўная сістэма, якая характарызуецца наяўнасцю пэўнага набору канструктыўных элементаў, спецыфічнасцю гэтага набору і адносін паміж элементамі, якія яго складаюць [4, с. 9]. Сапраўды, у кожным тыпе тэксту існуюць пэўныя тэндэнцыі, абмежаваны набор рыс, якія складаюць іх спецыфіку, але як адзін з найбольш паказальных паўстае таксама крытэрыі частотнасці моўных фактаў, што з'яўляюцца ў роўнай меры прыналежнасцю розных сістэм. Тэкст песні, як і любы паэтычны тэкст, мае асаблівае члянэнне. Побач з члянэннем агульнага тэксту на структурныя адзінкі, якія складаюцца з двух радкоў або чатырох, існуюць і такія тэксты песень, якія не маюць фармальна выражанага члянэння на структурныя адзінкі. Тым не менш, практычна кожная песня можа быць падвергнута падзелу на асобныя сэнсавыя цэнтры, што прадстаўляюць адзінае семантычнае цэлае. Гэтыя сэнсавыя цэнтры могуць адпавядаць аднаму простаму сказу: *Лучына, лучыначка / Бярозавая, / Чаму ж ты, лучыначка, / Зырка не гарыш?* [6, с. 94]; некалькім простым сказам: *Плыла, плыла ружа-кветка / Дый стала кружыцца. / Выйшла маці ваду браці / Дый стала дзівіцца* [6, с. 73]; аднаму складанаму сказу: *Ой, спявайце не спявайце / Разнымі галасамі, / А я пайду ў сад зялёны / Абальюсь слязамі* [6, с. 73]; некалькім складаным сказам: *Успомні мяне, мама, / Хоць раз у суботу, / А я цябе, мама, / Ідучы на работу. / Як выйду на ганак, / Ды крыкну дадому: / –Вары, мама, вячэру / І на маю долю* [6, с. 69].

Неабходна адзначыць, што парадак слоў у кожным простым сказе – гэта «тыповае адноснае размяшчэнне словаформ у іх пэўных функцыях – дзейніка і выказніка, азначэння і азначаемага слова, дзеяслова і дапаўнення і г. д. На ўзаемнае размяшчэнне слоў уплывае некалькі фактараў – граматычны, камунікатыўны, стылістычны» [2, с. 320]. Заканамернасці размяшчэння слоў у вершаванай мове істотна адрозніваюцца ад адпаведных заканамернасцей у літаратурнай празічнай мове. У вершаванай мове, як лічыць І.І. Каўтунова, «парадак слоў не падпарадкаваны строгім нормам, якія ўласцівы літаратурнай празічнай мове. У вершах магчымы такія формы словаразмяшчэння, якія празічная мова ўвогуле не дапускае» [3, с. 43–44]: *Напілася ў раду мяду, / Вот я ўжо* [6, с. 496]. У цэлым свабода словаразмяшчэння звязана з рытмічнай арганізацыяй вершаванай мовы. Ажыццяўленне пэўнай метрычнай схемы, якая рытмічна паўтараецца, патрабуе вар’іравання ў расстаноўцы слоў. Захаванне прамога парадку слоў у такіх сінтаксічных канструкцыях зрабіла б цяжкім пабудову розных метрычных форм верша. Такім чынам, парадак слоў у вершаванай мове валодае пэўнай ступенню свабоды менавіта з пункту погляду стылістычнага функцыянавання. І.І. Каўтунова фармулюе адрозненне паміж вершамі і прозай наступным чынам: «варыянты словаразмяшчэння, стылістычна проціпастаўлення ў празічнай мове, у вершаванай мове не проціпастаўлення і стылістычна нейтральныя» [3, с. 44]. Розная стылёвая значнасць варыянтаў словазнаходжання ў вершах і прозе непасрэдна вынікае з адрозненняў у рытміка-інтанацыйнай структуры гэтых дзвюх разнавіднасцей мовы. Празічная літаратурная мова мае больш ці менш строгія заканамернасці ў размяшчэнні слоў і з’яўляецца неабходным фонам, на якім яскрава выяўляюцца адметныя прыметы вершаванай мовы, больш складанай і разнастайнай па арганізацыі словаразмяшчэння. У адрозненне ад празічных тэкстаў, у якіх рытміка-інтанацыйнымі адзінкамі з’яўляюцца фразы, а ўнутры фраз – моўныя такты, у вершаваных тэкстах асноўнай рытмічнай адзінкай з’яўляецца радок. Такім чынам, акцэнтная структура вершаванага радка адрозніваецца ад акцэнтнай структуры моўнага такта або фразы ў празічнай мове.

Песенныя тэксты характарызуюцца не толькі спецыфікай сваёй акцэнтнай структуры вершаванага радка, але і асаблівасцю сінтаксічнай арганізацыі, з боку якой беларускія народныя песні

прадстаўлены рознымі па сваёй будове сінтаксічнымі канструкцыямі. Кожная песня ўяўляе сабой тэкст, які падзяляецца на сказы. Сказ разумеецца як “сінтаксічная адзінка, якая арганізавана са слова ці спалучэння слоў і служыць для выражэння асобнай думкі або пачуцця” [1, с. 32]: *Каля млына, каля броду / Два голуба пілі воду* [5, с. 313]; *Таго зажурыўся, што ў цябе ўлюбіўся* [5, с. 312]. Паводле сваёй структуры сказы, прадстаўленыя ў тэкстах беларускіх народных песень, могуць быць простымі і складанымі. Калі разглядаць сінтаксічныя канструкцыі са структурай простага двухсастаўнага сказа, то можна адзначыць шмат асаблівасцей сінтаксічнага характару.

Беларускія песенныя тэксты шырока прадстаўлены простымі двухсастаўнымі сказамі развітай будовы: *У нядзельку раненька на зары / Шчабятала ластаўка на моры* [5, с. 50]; *Нашая любоўня / Навекі прапала* [5, с. 312]. Паводле мадальнасці сустракаюцца як сцвярдзальныя (*Мяне мілы кліча* [5, с. 53]; *За гарамі, за лясамі / Пайшла дзеўка за грыбамі / Край-далінаю* [5, с. 53]), так і адмоўныя сказы (*Яшчэ мае вочкі / Любосці не знаюць* [5, с. 50]; *Я не пайду, да душы, не пайду, / Далі бог, не пайду* [5, с. 53]). Сярод сказаў, прадстаўленых у песнях, большасць двухсастаўных канструкцый паводле камунікатыўнага прызначэння з’яўляюцца апавядальнымі: *А у садзе рэчанька, / А у садзе быстрая* [5, с. 151]; *Там плылі два чаўночкі / І тры рыбалоўцы* [5, с. 151]. Часта сустракаюцца пыгальныя канструкцыі: *Ой ты чым, сяло, прыукрашана, / Ці калінаю, ці малінаю, / А ці чорнаю смародзінаю?* [5, с. 48]; *Ты каму, краса, ты дастанешся, / А ці стараму, а ці маламу, / А ці роўнаму, разудаламу?* [5, с. 48]; *Ты, рэчанька, ты, быстрая, / Чаго замучона?* [5, с. 52]. Не выключэнне ў песенных тэкстах і пабудзальныя сказы: *А мамачка, мамачка, нябога, / Знімі мяне з камушка з бялога* [5, с. 50]; *Перавязі ты красну дзеўку / На той бок ракі* [5, с. 92]. З боку эмацыянальнай афарбоўкі песенныя сказы могуць быць як клічнымі (*Ты сяло маё, сяло новае, / Сяло новае, ўсё кляновае!* [5, с. 48]; *Ты, доньку мая, / Выбірай сама!* [5, с. 148]), так і няклічнымі (*А бяры сабе / Палубоўніцу, / Палубоўніцу, / Сабе роўніцу* [5, с. 218]).

З боку ўскладненасці структурнай арганізацыі двухсастаўных сказаў намі было заўважана, што сінтаксічныя канструкцыі беларускіх народных песень ускладняюцца рознымі кампанентамі граматычнай будовы сказаў: 1) аднароднымі членамі: *Я вясною ўзвышла, / Летам вырасла, / На высокі цярэм / Пахілілася* [5, с. 47]; *А*

я з таго бою ні піла, ні ела, / Ні піла, ні ела, нядзелю хварэла [5, с. 49]; 2) адасобленымі акалічнасцямі: *Добра, весяленька, / Па вадзіцу идучы* [5, с. 50]; *Ой, пайду я кругом луга, / Шукаючы свайго друга* [5, с. 93]; *Там ішоў моладзец, / У гуселькі іграючы, / У гуселькі іграючы, / Песенькі спяваючы* [5, с. 126]; 3) адасобленымі прыдаткамі: *Што рабіць мне, дзяўчыне?* [5, с. 79]; *Казачэнька-барвіначку, / Вазьмі мяне, дзяўчыначку* [5, с. 105]; 4) звароткамі: *Не для цябе, хлопец, / Такая вырасла* [5, с. 49]; *Не для цябе, хлопец, / Гадала мама* [5, с. 49]; *Ой, ці ты пойдзеш, красна дзеўка, / Замуж за мяне?* [5, с. 93]; *Зляці, салавейка, / З дрэва высокага* [5, с. 93]; 5) выклічнікамі: *Ой, хто ж бо мне зеллейка дастане* [5, с. 107]; *Ой, не дала вядзерачка / Каня напіць, да гэі!* [5, с. 245]; *Ох, з кім жа цяпера я пахажываць буду, / Ох, з кім жа цяпер разгаварываць буду?* [5, с. 281]; 6) параўнальнымі канструкцыямі: *Заб'ю яго, як галуба!* [5, с. 257]; *Яе бровы, як вуголлі, чорны* [5, с. 68]. Трэба падкрэсліць, што звароткі і выклічнікі – самыя распаўсюджаныя ўскладняльныя кампаненты ў тэкстах народных песень. Гэта тлумачыцца экстралінгвістычнымі фактарамі: звароткі дапамагаюць таму, хто спявае, прыцягнуць увагу слухача, а пры дапамозе выклічнікаў найбольш ярка выяўляюцца разнастайныя пачуцці і эмоцыі. Для песенных тэкстаў характэрна ўжыванне няпоўных двухсастаўных сінтаксічных канструкцый: *Як на той рэчцы мост калінавы, / Мост калінавы, куст ракітавы* [5, с. 48]; *Гэй! Гэй! У цёмен бор ідзе* [5, с. 54]; *А ў Марусі хата на памосце, / А ў Марусі, а ў Марусі хата на памосце* [5, с. 107]; *Прынясе адное, прынясе другое* [5, с. 124].

Сінтаксічныя канструкцыі са структурай простага аднасастаўнага сказа характарызуюцца вялікай частотнасцю свайго ўжывання ў беларускай народнай песні: *Прыедзь, прыбудзь, мой міленькі, / З краю далёкага* [5, с. 93]; *Казачэнька-барвіначку, / Бяры мяне, дзяўчыначку* [5, с. 106]; *Пусці мяне, мамачка, пусці мяне родная, / З церама на ганачак гуселек паслухаці, / Гуселек паслухаці, песенак наўчыціся* [5, с. 126]; *Ой, пасею льну / На чорным полі* [5, с. 148]; *Сватай мяне, казачэнька¹, / Люблю цябе дужа²* [5, с. 165]. Сярод усіх тыпаў аднасастаўных пабудов найбольш прадуктыўным з'яўляецца пэўна-асабовы сказ, пры дапамозе якога той, хто спявае, перадае свае думкі і пачуцці. Сінтаксічныя канструкцыі такога тыпу заўсёды маюць развітую і часцей за ўсё ўскладненую звароткам структуру: *Прадай, сятра, каня майго, / Пахавай жа брата свайго* [5, с. 106]; *Дзяўчына-сардэнька, / Выйдзі пад акенка* [5, с. 124]; *Ой,*

дай, маці, дай, / Дачку замуж дай! [5, с. 148]. Сярод песенных тэкстаў сустракаюцца безасабовыя аднастаўныя канструкцыі, якія, як правіла, перадаюць душэўны або фізічны стан герояў: *Цяжка жыці, цяжка быці / На чужыне маладзіцы* [6, с. 37]; *Цяжка траве, цяжка мураве / Ад зямлі адхадзіці¹, / А яшчэ цяжэй мне, маладзенькай, / Пры чужоі сям'і жыці²* [6, с. 45]; *Ой, цяжанька сіротаньцы / Ё чужых людзях жыці* [5, с. 138]; *Шкада цябе, сынку, / Шкада твайго слова* [5, с. 219]; *А божа мой, божа, як мне цяжка жыці* [5, с. 353]. Па семантыцы блізка да безасабовых стаяць інфінітыўныя аднастаўныя сказы, якія ў песнях, як правіла, выражаюць немагчымасць ажыццяўлення дзеяння: *А дзявочу красу / Не знайсці ў лясу, / Не знайсці, не купіць, / Ды прыгожай быць!* [5, с. 47]; *Не капаўшы крынічанькі, / Не піці вады, да гэі!* [5, с. 245].

Яшчэ адна асаблівасць арганізацыі прэдыкатывых адзінак ў тэкстах беларускіх народных песень – гэта сінтаксічны паралелізм, які вельмі часта сустракаецца ў аналізуемых намі песнях: *Капаў, капаў крынічаньку я ў сваім саду, / Любіў, любіў дзяўчыну я ў сваім краю* [5, с. 242]; *Не жаль мне тых падарункаў, што я накупляў, / А жаль мне тых чырвоных губак, што я цалаваў* [5, с. 242]; *Касіў казак сена, / Як была пагода. / Любіў хлопец дзеўку, / Як была малада* [5, с. 301].

Пры аналізе пабудовы са структурай складанага сказа неабходна адзначыць, што беларускія песні прадстаўлены складаназлучанымі (*Гадавала мама / Для сваёй карысці, / А ты такі, хлопец, / Вельмі ганарысты* [5, с. 49]; *А ці цябе вална збіла, / Ці рыбка змуціла?* [5, с. 52]), складаназалежнымі (*Ой, кажучь мне людзі, / Што я малявана* [5, с. 50]; *Яна праўду знала, / Усю праўду казал, / Дзе мой мілы ходзіць, / Што мой мілы робіць* [5, с. 55]) і бяззлучнікавымі складанымі (*Пайшоў мяне татка адтуль праганяці, / Набіў мяне татка ды шаўковай пужкай* [5, с. 49]; *Закаханца проста, / Расставацца трудна* [5, с. 49]; *А на возеры ды на сіменькім / Рыбак рыбку ловіць, / Яго чаўночак белакрыленькі / Па вадзіцы бродзіць* [5, с. 52]) канструкцыямі. Акрамя таго, даволі часта песенныя тэксты прадстаўлены складанымі сказамі з рознымі відамі сувязі, паміж часткамі якіх выражаюцца розныя тыпы семантыка-сінтаксічных адносін: *Ой, там на грудочку / Расла груша-дзічка, / Кахайце мяне, хлопцы, / Хоць я невялічка* [5, с. 51]; *А ні мяне вална збіла, / Ні рыбка змуціла: / Збілі мяне буйны ветры / З дробнымі дажджамі* [5, с. 52];

Калі ты прыбудзеш, / То я рада буду, / Калі не прыбудзеш – / Сільна плакаць буду [5, с. 93].

Трэба звярнуць ўвагу на такія сказы, у якіх ужываюцца паўторы слоў і нават цэлых радкоў, што характэрна для песенных тэкстаў: *З-пад белага камушыка / Вадзіца бяжала, / Вой-ля, вой-ля, вой-лялюшкі, / Вадзіца бяжала* [5, с. 55]; *А ў тым новым сяле дзяўчына стаяла, / Дзяўчына стаяла, з мілым размаўляла* [5, с. 150]. Сказы такога тыпу, на нашу думку, мэтазгодна адносяць да простых ускладненых.

Такім чынам, беларускія народныя песні прадстаўлены рознымі тыпамі сінтаксічных канструкцый, пры дапамозе якіх выражаюцца і захоўваюцца мудрыя думкі народа, услаўляюцца лепшыя чалавечыя якасці, ствараюцца высокапаэтычныя вобразы, што ўзнімаюцца да ўзроўню прафесійнай класічнай паэзіі.

ЛІТАРАТУРА

1. Бурак, Л.І. Сучасная беларуская мова: Сінтаксіс. Пунктуацыя / Л.І. Бурак. – Мінск: Універсітэцкае, 1987. – 320 с.
2. Касаткин, Л.Л. Краткий справочник по современному русскому языку / Л.Л. Касаткин [и др.] / под ред. П.А. Леканта. – М.: Высш. школа, 1991. – 383 с.
3. Ковтунова, И.И. Порядок слов в стихе и прозе / И.И. Ковтунова // Синтаксис и стилистика / отв. ред. Г.А. Золотова. – М.: Наука, 1976. – С. 43–64.
4. Леонтьева, В.В. Семантический субъект и особенности его функционирования в тексте: Автореф. дис. ... канд. филолог. наук: 10.02.19 / БГУ / В.В. Леонтьева. – Минск, 1999. – 20 с.
5. Песні пра каханне / пад рэд. А.С. Фядосіка. – Мінск: Навука і тэхніка, 1978. – 616 с.
6. Сямейна-бытавыя песні / пад рэд. А.С. Фядосіка. – Мінск: Навука і тэхніка, 1984. – 752 с.

УДК 811

Интеграция современного русского языка и экономики

Язык экономической теории имеет сложное строение. Фундаментом экономической терминологии является общеупотребительный литературный язык. Между терминологией экономики и современной лексикой можно проследить коррелируемую взаимосвязь, что обусловлено тем фактом, что литературный язык также как и научный представляет собой важный элемент социокультурной среды, в пределах которой функционирует и развивается экономика.

Представители экономической науки и практики общаются на литературном языке, который обладает универсальностью. Словарный запас экономического языка содержит много общеупотребительных слов, которые широко используются для обозначения экономических терминов. Например, к таким словам можно отнести понятия «бутик», «быки», «медведи» «дно» и др. Так «бутик» происходит от французского слова *boutique*, что означает маленькую специализированную фирму, оказывающую брокерские услуги и имеющую ограниченный круг клиентов. А в современной экономике «бутик» это небольшой магазин, реализующий дорогостоящие и трендовые товары легкой промышленности. С точки зрения языка, «быки» и «медведи» это названия животных, а с точки зрения экономики эти слова на биржевом сленге обозначают участников торгов, которые играют на повышение (растущий рынок) или понижение (падающий рынок) стоимости определенного финансового актива.

Безусловно, центральным ядром языка экономики является его собственный понятийный аппарат, используемый для представления и объяснения экономической информации. Как видим, с одной стороны, экономический язык есть производная от литературного языка, но с другой стороны язык экономики необходим для трансляции научной информации, поэтому помимо гносеологической функции языка особое значение приобретает и когнитивная. Поэтому понятийный и терминологический словарь экономики является

весьма сложным и многогранным. В нем можно увидеть понятия из философии, юриспруденции, социологии, политологии, но в то же время в языке экономики существуют собственные понятия и термины, так как аванс и бюджет; общенаучные, например, анализ и система; привлеченные из других областей знаний (договор).

Кроме слов русского литературного языка экономика широко использует заимствованные слова из других языков. Например, биржа происходит от немецкого *burse*, брокер от английского *broker*, пенсия от латинского *pensio*. При этом необходимо отметить и наличие интернациональной терминологии, которая как правило заимствуется в неизменном виде из языка того народа, который эти слова и создал вместе с обозначениями соответствующих предметов или явлений. Так слово «бизнес» в мировой экономике означает предпринимательство, соответственно «бизнесмен» — это предприниматель или человек, занимающийся предпринимательской деятельностью, а «гонорар» во всем мире обозначает вознаграждение за выполнение определенной работы или оказанные услуги. Причины иноязычных заимствований связаны, прежде всего, с необходимостью обогащения лексической системы русского языка. Это может проявляться в различных направлениях. Например, в желании экономить языковые средства для обозначения экономических процессов и явлений (слово «стипендия» обозначает процесс регулярных выплат студентам денежного пособия). Заимствование иностранных слов дает возможность носителям языка углубить свои представления об обозначаемом объекте, процессе или явлении (слово «бартер» означает натуральный товарообмен не предусматривающий никакой денежной оплаты).

В современном обществе происходит расширение границ влияния экономики, что приводит к необходимости увеличения экономической терминологии. В связи с этим заимствование иноязычных слов является одним из наиболее перспективных процессов, которые происходят в современном русском языке. Относительно «молодыми» в языке экономики являются заимствованные слова: агент, аккредитив, актив, акциз, бутлегер (человек, торгующий запрещенной продукцией), бюллетень, тариф, финансы, фирма, фонд, маркетинг, пакет, схема, купюра. О заимствованном характере слова, обозначающего экономическое понятие, может свидетельствовать наличие в этих словах окончаний «инг», «йз», «тет». Как правило, все слова, которые содержат эти окончания, имеют англоязычное про-

исхождение. Например, инжиниринг; клиринг, обозначает систему безналичных расчетов, которая основана на взаимозачёте определенных требований или обязательств; мерчандайзинг - процесс, ориентированный на рост продаж товаров; франчайзинг, обозначающее определенный вид лицензирования, при котором владелец известной торговой марки предоставляет другому предприятию право использовать ее торговую марку для своей продукции; индемнитет – компенсация, возмещение ущерба и т.д..

В русском языке иностранные слова начинают функционировать в другой языковой системе, которая имеет ряд отличий от исходного языка. Эти отличия связаны, прежде всего, с особенностями фонетического и грамматического строения. В связи с этим, иноязычное слово должно адаптироваться к новой языковой системе для эффективного функционировать в ней, то есть пройти процесс освоения. В современном русском языке существует четыре типа освоения для заимствованных слов, которые ярко проявляются как раз в языке экономики. Выделяют:

- фонетическое освоение, связанное с изменением звукового вида слов под влиянием определенных звуковых законов: ипотека [ипатэка], бренд [брэнт];

- графическое освоение, при котором происходит выражение слов при письме с помощью букв или символов заимствующего языка. В нашем случае, все иноязычные слова транслируются буквами кириллицы: бизнес (от английского business), финансы (от французского finances);

- грамматическое освоение представляет собой процесс адаптации иностранного слова правилам и закономерностям грамматики нового языка. Так, слово коммерция, происходящее от латинского commercium что означает торговля, в исходном языке было среднего рода, но в процессе грамматической адаптации получило женский род.

- семантическое освоение - это процесс, при котором заимствованное слово становится частью системы понятий того языка, который его заимствует: акции, облигации, биржа, бренд.

Важно отметить, что заимствованные слова могут образовать словообразовательные ряды. Например, кредит - кредитор - кредитный, банк - банкноты - банкомат, рынок - рыночный - антирыночный.

В результате вхождения России в мировое экономическое пространство в современный русский язык заимствуется большое количество различных финансовых, рыночных, биржевых и коммерческих терминов. Например, таких как: рынок (от польского Rynek – место для торговли); лобби (от английского Lobby – коридор, кулуары); инфляция (от латинского Inflatio – вздуть, надувать, набухать); коммерсант (от французского commerçant – торговец, купец) и другие. Важно отметить, что эти слова пришли в русский язык именно в исходной форме, а полученные от них производные слова такие как вне рыночный, пролоббированный, дефляция, инфляционный, коммерческий и т.д. уже являются представителями конкретно современного русского языка, потому что образованы на основе применения правил и законов русского словообразования.

Заимствованные экономические слова активно используются не только в научных работах и исследованиях по экономике, но и нашли свое применение в средствах массовой информации: газетах, журналах, телерадиовещании, сети Интернет и обычной жизни людей. Это связано, прежде всего, с актуальностью в современном обществе тех экономических процессов и явлений, которые эти термины обозначают. Мы активно используем в своей речи слова и словосочетания типа «курс доллара нестабилен», «кредит доверия», «у меня финансовый кризис», «я банкрот», «мои финансы поют романсы» и т.д.

Важно отметить, что несмотря на необходимость заимствования иностранных слов для удовлетворения потребности обозначения новых экономических явлений и процессов, тем не менее, в русском языке появляется много слов, приводящих скорее к его засорению, нежели к расширению и обогащению. Очень часто заимствованное слово используют не по необходимости, а скорее по причине его престижности с целью подчеркивания статуса. В настоящее время существует ряд слов, имеющих одинаковое лексическое значение, которые показывают, что необходимость в заимствовании иностранных слов отсутствует, так как имеются адекватные эквиваленты в русском языке. Например, бизнесмен – предприниматель, спонсор – меценат, инфляция – обесценивание денег, рынок – базар, депозит – вклад, дефолт – крах, кризис, коммерция – торговля. Повсеместно в стране обычные магазины, даже в сельской местности, стали называться маркетами. В зависимости от размера появились супермаркеты, гипермаркеты. А для реализации модных, трен-

довых, дорогих товаров стали активно применять слово бутик. На первый взгляд, может показаться, что современный язык экономики перенасыщен заимствованными словами. Это связано, прежде всего, со спецификой области их употребления. Как правило, наиболее часто экономической терминологией интенсивно оперируют средства массовой информации в статьях и передачах экономической направленности.

Таким образом, социально-экономические преобразования в современном российском обществе способствуют определённым качественным изменениям лексической системы русского языка, которая мобильно реагирует на новые потребности социума. Многие важные экономические термины выходят за пределы узкой области профессионального употребления и широко используются в речи населением страны. Расширение экономическими терминами границ своего применения и вхождение в область общего использования говорит об активном процессе вовлечения населения в сферу экономических интересов и его зависимости от происходящих в стране и мире экономических процессов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борисов, А.Б. Большой экономический словарь / А.Б. Борисов ; сост-ль А.Б. Борисов. - Изд. 2-е, перераб. и доп. - Москва : Книжный мир, 2006. - 543 с.
2. Иванчикова, Т.В. Языковая и речевая компетентность экономистов : учебное пособие / Т.В. Иванчикова. - 3-е изд., стер. - Москва : Издательство «Флинта», 2017. - 366 с.
3. Кумбашева, Ю.А. Человек в современном мире: учебное пособие по разговорной практике / Ю.А. Кумбашева. - 3-е изд., стер. - Москва : Издательство «Флинта», 2016. - 197 с.
4. Стернин, И.А. Общественные процессы и развитие современного русского языка: очерк изменений в русском языке конца XX – начала XXI века / И.А. Стернин. - 5-е изд., стер. - Москва ; Берлин : Директ-Медиа, 2015. - 73 с.
5. Ратмайр, Р. Русская речь и рынок. Традиции и инновации в деловом и повседневном общении / Р. Ратмайр. - Москва : Языки славянских культур, 2013. - 456 с.

Шур В.В.

*УА «Мазырскі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя
І.П. Шамякіна», Мазыр (Беларусь)
e-mail: text2005@mail.ru*

УДК 808.26–313.1(043.3)

Малая радзіма ў творчасці Івана Мележа

Shur Vasil Vasilievich

*Mozyr State Pedagogical University named after I.P. Shamyakin,
Mozyr (Belarus)*

UDC 808.26–313.1(043.3)

Motherland in the works by I. Melezh

*У артыкуле на прыкладах з
анамастыкону твораў класіка
беларускай літаратуры, Івана
Мележа, успамінаў яго сяброў-
пісьменнікаў паказальна роля малой
радзімы ў станаўленні вызначальных,
самых адметных асаблівасцей яго
мастацкага стылю, станаўленне яго
як пісьменніка.*

*Ключавыя словы: онім,
анамастыкон, псеўданім, гідронім,
Палессе, радзіма, Бацькаўшчына.*

*The article is based on the
onomasticon of the works, written
by the classical author of the
Belarusian literature, Ivan Melezh,
of the recollections of his friends-
writers; the role of the small
motherland is regarded as a
development of the most specific
features of his literary style, his
development as a writer.*

*Key words: onym,
onomasticon, pseudonym,
hydronym, Palessje, native country,
homeland.*

Народны пісьменнік Беларусі Іван Мележ нідзе і ніколі не забываў сваё роднае *Палессе*, аблогі яго балотаў і пушчаў, сакавітую зеляніну і разнатраўе шырокіх прыпяцкіх і дняпроўскіх лугоў, багацце рачулак і азярын, раздолле ўрадлівых палёў і духмяных садоў... Самымі дарагімі і незабыўнымі былі ў яго ўспаміны пра сваю радню, самабытных, непасрэдных і шчырых землякоў-палешукоў, непаўторныя *Глінішчы, Мазыр, Хойнікі, Курані*. “З радасцю і болем пад’язджаю я кожны раз к родным сваім мясцінам, – пісаў пісьменнік у сваёй біяграфіі – *Ад Гомеля ці ад Мазыра – глядзячы па тым, з якога боку ідзе дарога к роднаму кутку, – пачынаюцца гарады, станцыі, вёскі, на якія не магу ўжо глядзець без хвалявання. Рэчыца,*

Васілевічы, Мазыр – для мяне не проста назвы паселішчаў, а як бы жывыя істоты, таварышы маладосці... Чым бліжэй вядзе дарога к Глінішчам, тым бліжэйшыя, даражэйшыя таварышы выходзяць насустрач – Юравічы і Хойнікі, Брагін, Княжыца і Тунейшчына. І нарэшце – родныя Глінішчы, дзе ўжо выходзяць насустрач такія таварышы, якія не названы на самых дасканалых картах, але якія моцна, на ўсё жыццё прапісаны ў сэрцы. Луцішчы, Тур’я, Канпельскае, Казекава, Перавельскі круг, Паўлаў круг, беразняк, балота, выганы. Гайкі’ гэтыя даўно сцёрты з зямлі так, што і пнёў не асталося, у рацэ вады на костачкі, “кругі” многія высахлі нашчэнт – і ўсё ж яны жывуць успамінам у сэрцы, шчымлывай, непатрэбнай тугой страты”.

Расійскі акадэмік Д. С. Ліхачоў таксама гаварыў, што, калі чалавек не любіць хаця б зрэдку праглядваць старыя фотаздымкі сваіх бацькоў, не прызнае вартасці памяці аб іх, значыць, ён не любіць іх. Калі ж чалавек не любіць старыя вуліцы, нават даволі старыя і няўтульныя, – значыць, у яго няма павагі і любові да свайго горада. Калі чалавек раўнадушны і абьякавы да помнікаў гісторыі сваёй радзімы, – ён, як правіла, раўнадушны і да сваёй краіны. На жаль, сярод беларусаў ёсць і такія, хто хутка забывае пра сваю малую і вялікую радзіму, выракаецца роднай мовы, скажае сваё прозвішча, імя. Пра гэта пераканальна пісаў Генадзь Бураўкін: “*Ну што, Беларусь, у цябе за сыны ? – / Хто быў паштаром, / Плугаром / Ці падпаскам, / Як толькі праб’еца хоць трохі ў чыны, / Забыць цябе лічыць сваім абавязкам...*” Можам назіраць і адваротнае. Некаторыя з нашых землякоў, якія ў выніку самых розных абставін пакінулі родны кут, малую радзіму, воляй лёсу сталі гонарам іншых краін. Не маючы магчымасці памнажаць інтэлектуальныя і іншыя набыткі свайго народа, унеслі значны ўнёсак у сусветную цывілізацыю — рускую, польскую, французскую культуру, навуку. Назавём толькі некаторыя імёны, якія вельмі яскрава і пераканальна гавораць за сябе: *Сімяон Полацкі, Казімір Семяновіч, Іван Фёдараў (Федаровіч), Міхаіл Глінка, Восін Гашкевіч, Фёдар Дастаеўскі, Адам Міцкевіч, Эліза Ажэшка, Чэслаў Пяткевіч, Міхаіл Агінскі, Станіслаў Манюшка, Ігнат Дамейка, Тадэвуш Касцюшка, Якуб Наркевіч-Ёдка, Соф’я Кавалеўская, Валянціна Церашкова, Мікалай Прэжавальскі, Гіём Аполінэр, Герман Мінкоўскі, Барыс Кіт, Дзмітрый Шастаковіч, Леў Арцымовіч, Эдуард Пякарскі, Ян Чэрскі, Павел Сухой, Сямён Косберг, Іў Кусто, Шымон Перас і інш.*

Творчасць пісьменніка І. Мележа цесна звязана з Мазыром, Мазырскім Палессем. Ён любіў і ніколі не забываў гэты непаўторны куток беларускай зямлі, неаднаразова з задавальненнем прыязджаў туды, будучы ўжо вядомым беларускім літаратарам. У нарысе “*Нашы вандроўкі*” сябра пісьменніка, паэт Мікола Аўрамчык, успамінаў: “*Кожны раз калі мы пад’язджалі да Калінкавіч, я заўважаў, як раптам святлее ягоны твар. І замест таго, каб з Калінкавічаў ехаць карацейшай дарогай, ён рабіў кругля. Мінаў паворотку на Хойнікі, за якіх-небудзь шэсць кіламетраў ад яе пераязджаў мост праз раку і міма аўтастанцыі выязджаў на плошчу Леніна ў Мазыры. На ёй, каля школы, у якой калісьці вучылася Вера Харужая, пакідаў машыну і вёў мяне да Прыпяці. Некалькі хвілін стаяў моўчкі, аглядаючы на супрацьлеглым беразе пячаныя пляжы з кустамі лазы... Потым вёў мяне па Савецкай вуліцы, між старых двухпавярховых дамоў, першыя паверхі якіх – з цэглы, а другія – драўляныя, з прыгожай разьбой пад дахам і на вокнах. Заводзіў на крыты рынак і вадзіў паміж сталамі, заваленымі садавіной і гароднінай. Пасля ўзбіраліся на гару. Паказваючы рукою на Мазыр, які адсюль увесь відзён, як на далоні, з узгоркамі і ярамі, ён задаволена пытаўся: – Ну, як?!” [2, с. 142]. Названы вельмі дарагія і незабыўныя для І. Мележа назвы.*

У творах сапраўдных мастакоў можна лёгка пазнаць прыкметы іх малой радзімы. Дз. Бугаёў на прыкладах з твораў вядомых беларускіх пісьменнікаў пераканальна паказаў, як родны кут мастака слова, яго назвы, пейзажы, вобразы становяцца залатым запасам, які падтрымлівае эмацыйную сілу ўсёй іх творчасці. У прыватнасці, ён адзначаў, што такія незабыўныя ўражаннямі на ўсё жыццё для Янкі Купалы былі *Прудзішча, Селішча, Аконы*, для М. Гарэцкага – *Малая Багацькаўка* на Магілёўшчыне, а таксама куляшоўскія *Саматэвічы*, у слуцка-капыльскім рэгіёне чорнаўскія *Боркі і Цімкавічы*, мележаўскае Палессе з *Глінішчамі і Каранёўкай* пад пяром мастака стала *Куранямі*, чыгрынаўскі *Вялікі Бор* у яго раманах атрымаў назву *Верамейкі* і г.д. Для творчасці Я. Коласа найярчэйшым прыкладам таго, з якімі любасцю і замілаваннем улаўляецца родны кут, назвы родных мясцін, найперш з’яўляецца яго ўнікальная ў сусветнай літаратуры паэма «Новая зямля» з яе незабыўным для кожнага беларуса запевам [4, с. 13]. А гідронім *Нёман* у яго творах выконвае не толькі ідэнтыфікуючую функцыю – называе адну з вялікіх рэк Беларусі, на берагах якой прайшлі

дзіцячыя і юнацкія гады класіка нашай літаратуры,— гэта і назва-сімвал, неад’емная частка не толькі прыроднай, а і духоўнай рэальнасці роднага краю, Бацькаўшчыны.

У мазырскай абласной газеце “*Бальшавік Палесся*” былі апублікаваны першыя мастацкія творы Івана Мележа, пераважна вершы, якія камсамольскі работнік і пачатковец-літаратар дасылаў у рэдакцыю, не забываў ён наведваць і мясцовае літаратурнае аб’яднанне пры газеце, прыязджаючы на семінары і пасяджэнні з Хойнікаў. Дарэчы, у гэтай абласной газеце ў якасці карэспандэнта пачынаў свой шлях у вялікую літаратуру ў першыя пасляваенныя гады і *Іван Навуменка* – зямляк і сябра Івана Мележа, будучы народны пісьменнік. У пасляваенныя гады ў абласным Мазыры І. Мележ неаднаразова наведваў свайго школьнага сябра, *Пятра Чарняка*, які пэўны час працаваў сакратаром Мазырскага райкома партыі. Між іншым, П. Чарняк ва ўспамінах адзначаў, што пісаць вершы І. Мележ пачынаў яшчэ раней у *Алексіцкай* сямігодцы, а потым друкаваўся ў Хойніцкай раённай газеце “*Ленінскі сцяг*”. Успамінаў, што Іван будучы скалечаным на вайне і жывучы ў Бугуруслане, шукаў праз ліставанне ўсюды параскіданых вайной беларусаў-землякоў і знаходзіў многіх, у тым ліку і такіх, якія сталі яго літаратурнымі персанажамі – прататыпамі яго “Палескай хронікі”, напрыклад, першых сваіх настаўнікаў – *Параскеву Андрэеўну і Паліну Іванаўну*. У Мазыры ёсць вуліца *Івана Мележа*, яго імя носіць *Мазырскі драматычны тэатр*, які неаднаразова наведваў пісьменнік. Пры яго ўдзеле і цесных творчых кантактах з таленавітым рэжысёрам Міхаілам Коласам, “*самародкам з лельчыцкіх загонаў*”, пээтэскай Галінай Дашкевіч (Клімовіч) іншымі здольнымі і вельмі самабытнымі артыстамі, як сведчаць успаміны гэтых творчых асоб, былі ажыццёўлены на мазырскай сцэне выдатныя пастаноўкі драматычных твораў з рэпертуару Янкі Купалы, Кандрата Крапівы, Андрэя Макаёнка, Георгія Марчука і, безумоўна, Івана Мележа. У выніку калектыў тэатра дасягнуў сапраўднага майстэрства і высокага прафесіяналізму: неаднаразова станавіўся лаўрэатам Усесаюзных конкурсаў самадзейных тэатраў, нават выступаў у Маскве, у Крамлёўскім палацы, і за сцэнічнае майстэрства быў удастоены 7 залатых медалёў, а таксама стаў лаўрэатам 1-га і 2-га Усесаюзных фестывалю тэатральнага мастацтва. Пасля такіх ашаламляльных поспехаў Мазырскі народны тэатр набыў статус прафесійнага і стаў асноўным культурным

асяродкам на Мазырскім Палессі і з гонарам носіць у наш час імя знакамітага земляка. Галіна Дашкевіч у вершы “Іван Мележ у Мазыры” пранікнёна адзначала: “Ён выйшаў на сцэну – зямляк-палешук, / У зале раптоўна заціхлі, / Далоні вялікіх натруджаных рук, / Як крылы, стамлёна павіслі. / Не ведаў, што словы яго ў мазыран / Душу ўскалыхнуць назаўсёды, / Гарачыя вочы Гануль і Мар’ян / Засвецяцца шчырасцю, згодай, / Успыхнуць святлом незгасальным сваім, / Запаляць світанне над полем... / Шчаслівы – не зведаў чарнобыльскі дым, / Зайшоўся б, каб зведаў, ад болю” [Г. Дашкевіч. “Верасніца”, с. 66].

Сяргей Грахоўскі пісаў: “Цяпер ёсць вуліцы і школы яго імя, плыве па беларускіх рэках параход “Іван Мележ”, а вось прагал у літаратуры, у нашай памяці і ў нашых сэрцах нічым не запоўніш. Ніхто не піша так, як мог напісаць толькі ён, ніхто не скажа таго, што мог сказаць Іван Паўлавіч” [2, с. 105]. Сваім жыццём, усёй сваёй творчасцю вельмі пераканальна адказаў на гэта пытанне народны пісьменнік Беларусі Іван Паўлавіч Мележ. Яшчэ раней гэта сцвяржаў Якуб Колас, пачынаючы сваю класічную паэму “Новая зямля”: “Мой родны кут, як ты мне мілы! ...”, а таксама выслоўе “Мне Загібелька лепш Парыжа”, якое стала афарызмам. Гэтыя словы як найлепш адпавядаюць галоўнай патрыятычнай задачы на 2018 год, пастаўленай урадам Рэспублікі Беларусь, якой мы павінны кіравацца, адказаўшы на пытанне: Якая роля малой радзімы ў жыцці кожнага з нас? – Безумоўна! Самая галоўная. Вельмі правільна, што 2018 год афіцыйна быў аб’яўлены годам малой радзімы!

У шэрагу выпадкаў некаторыя з названых онімаў з твораў Івана Мележа, што вядомы ў народзе і мастацкай літаратуры, напрыклад, *Юравічы, Мазыр, Хойнікі, Глінішчы, Васілевічы* ўтвараюць у носьбітаў мовы, чытачоў не толькі анамастычныя, але і вобразныя (мастацкія), а часам і энцыклапедычныя асацыяцыі. Гэты пісьменнік заўсёды быў з’яднаны, неразлучны са сваёй малой радзімай. У сваёй мнагаграннай творчасці ён, мабыць, самы першы з пісьменнікаў разам са сваім знакамітым земляком Чаславам Пяткевічам, аўтарам унікальнай кнігі “*Рэчыцкае Палессе*”, як правільна заўважалі Барыс Сачанка і Уладзімір Васілевіч, энцыклапедычна поўна і падрабязна стварылі *сагу пра Палессе*, “мастацкі шэдэўр пра балотны край, пра сваю малую радзіму – “*Палескую хроніку*”. У аўтарскім прысвячэнні да першага рамана “*Людзі на балоце*” – “*бацьку, маці, бацькоўскай*

зямлі” – падкрэслена непарыўная сувязь пісьменніка з зямлёй сваіх бацькоў, землякоў, з Беларуссю і яе народам. У творы ж праз мастацкае адлюстраванне *малой радзімы* перайначана, перастворана многае з таго, што некалі было перажыта пісьменнікам, што наvek замацавалася “*памяццю яго сэрца яшчэ ў дзяцінстве*” [1, с. 74]. Дарэчы, як заўважана даследчыкамі, радзіма найчасцей параўноўваецца з маці: *Чаму ж чалавек заўсёды сумуе па сваёй роднай зямлі, як дзіця па маці?* (Я. Баршчэўскі); *Мой край, мой рай бульбяна-жытны!* / *Зеленадолы, залаты!* / *Як спеў матулі – старажытны,* / *Як песня любай – малады!* (Н. Гілевіч); *Беларусь, я твой воін адданы і сын,* / *Мае думкі і сэрца заўсёды з табою.* / *Ты мяне гадала, ты мяне калыхала,* / *Ты мне песні, як родная маці, спявала,* / *Клапатліва збірала ў шлях* (П. Панчанка); *Дала мне маці гэту мову,* / *Каб не нямым пайшоў у свет,* / *Дала мне маці гэту мову,* / *Як спадчыну і завет* (А. Пысін); *Родная мова, цудоўная мова!* / *Ты нашых думак уток і аснова!* / *Матчын дарунак ад самай калыскі...* (У. Дубоўка).

Краіна асноўных персанажаў Івана Мележа – *Хойніцкае Палессе*, ва ўсякім выпадку, як лічыў пісьменнік, акадэмік і яго зямляк Іван Навуменка, – тая лакальная яго частка, што знаходзіцца ў межах цяперашніх Хойніцкага і Калінкавіцкага раёнаў. У яго палескіх раманах даволі дакладна захавана “геаграфія” яго родных мясцін, прычым назвы некаторых паселішчаў пададзены без змен. Гэта айконімы *Глінішчы, Ламачы, Мазыр, Тульгавічы, Юравічы*, другія крыху перайначаны – *Курані, Алешнікі, Хвойнае...* Да гэтай думкі ў нашым кантэксце можна дадаць, што выбіраючы тапонімы для стварэння адпаведнага каларыту, уласцівага для Усходняга Палесся трышчатых гадоў ХХ ст., пісьменнік трапіна падбіраў у неабходных выпадках і адпаведныя анамастычныя адзінкі, якія нярэдка адным словам – тапонімам, а дакладней, яго апелятывам стваралі праўдападобнае ўяўленне ў чытача пра ландшафт, аб’ект, мясцовасць, што апісаны ў яго раманах. Параўн.: *курэнь* – буда з галля, саломы ці тонкага бярэвення для часовага жылля, шалаш; *алешнік* – альховы лес, зараснік альхавых кустоў; *хвойнік* – хваёвы лес і г. д. *Курэнь, алешнік, хвойнік, бярэзнік, лазняк* – тыповыя ландшафтныя кампаненты палескіх лясных і балотных абшараў, гэтыя апелятывы – агульныя назоўнікі ўваходзяць у актыўны слоўнік мовы жыхароў Палесся. У сваёй біяграфіі І. Мележ пісаў: “*Я тут нарадзіўся, тут непаседлівым хлапчуком шынарыў у балотных зарасніках, непраходных, як джунглі. Тут дакранаўся да*

загадкавага свету балот, ён уразіў маё прывіднае дзіцячае ўяўленне. Зараснікі гэтыя, балоты, край гэты назаўсёды ўлюбiлі мяне ў характэро прыроды, характэро жыцця” [5, с. 309]. Такім чынам, падзеі, уражанні, факты, рэаліі з асабістага жыцця пісьменніка, атрымаўшы ўсебаковае асэнсаванне і адпаведную тэкставую інтэрпрэтацыю, знаходзяць мастацкае адлюстраванне і на старонках яго твораў, а онімы з яго твораў кваліфікуюцца і ўспрымаюцца як выразныя стылёва і семантычна маркіраваныя кампаненты, якія яднаюць агульную анамастычную прастору, удзельнічаюць у пабудове і развіцці літаратурнай кампазіцыі.

Пімен Панчанка ў нарысе “*Сын Палесся*” вельмі высока, узнёсла, з захапленнем напісаў пра гэты край, яго прыроднае багацце, пра яго самага знакамітага пісьменніка Івана Мележа з *Глінішчаў*, што ў Хойніцкім раёне, з якім яго аб’ядноўвалі даўнія сяброўскія адносіны не толькі па сумеснай працы, а і асабістая павага за ўнікальны талент, адметную палескую дабрыню і мудрасць. Пасля паездкі на верталёце напярэдадні залатога юбілею ў 1971 г. на радзіму Івана Мележа (разам з П. Машэравым, Ц. Кісялёвым, М. Танкам, А. Макаёнкам, І. Шамякіным) паэт напісаў наступныя класічныя радкі, азаглавіўшы іх ёмкай перыфразаі “*Зямля бацькоў*”, у якіх кожны беларус праз дакладна вывераныя мастацкія метафары, параўнанні, алузіі пазнае не толькі мележаўскае Палессе з твораў класіка, а і сваю малую радзіму: *А на Палессі ўсё нядробна: / Цяжкая спадчына вякоў, / Цяжкія рукі хлебарабаў, / Цяжкія сны палешукоў. / Якую трэба мець адважнасць / І сэрца сынава, каб так / Любіць палескі край туманны / І маці бедны аднарак / Пад навальнічны подых рэзкі / Я пад буслянкаю стаю / І ў ціхай вёсачцы палескай / Сябе малага пазнаю. / Зямля бацькоўская, святая, / Так, гэта мы. Увесь народ... / Мне ў сэрца бусел залятае / З трывожных прыпяцкіх балот.* (Полымя. – 1992. – № 2. – С. 194).

Агульначалавечае, нацыянальнае, рэгіянальнае ў раманах пра Палессе прысутнічае на кожнай старонцы яго “Хронікі” у самым арганічным, высокім адзінстве. Як адзначаў Алесь Адамовіч, Мележ палемічна абвяргаў у сваіх раманах абразлівы, хоць і ўзаконены традыцыяй, погляд на палешука, як на істоту з нейкага гістарычнага запаведніка. На яе, гэтую істоту глядзяць спачувальна быццам, але ўсё ж зверху [2, с. 7]. Безумоўна, што любіць, не забываць, шанаваць, ганарыцца малой радзімай, г. зн. быць патрыётам. Важна, каб кожны з нас зрабіў нешта істотнае для сваёй

малой і вялікай радзімы, памножыў матэрыяльныя і духоўныя набыткі сваіх землякоў. Неафіцыйным гімнам беларусаў лічыцца песня “*Радзіма мая дарагая*”, аўтар слоў паэт *Алесь Бачыла*. У гэтым унікальным вершы самыя звычайныя і зразумелыя словы, напоўненыя пранікнёнай сыноўняй любоўю да вялікай і малой радзімы: *Радзіма мая дарагая, / Ты ў шчасці жаданым жыві: / Я сэрцам табе прысягаю / У шчырай сыноўняй любові... / Мне лепей ад роднага краю / Нічога на свеце няма. / Мы дружбы народам жадаем / У шчырай братэрскай любові. / Радзіма мая дарагая, / Красуйся і ў шчасці жыві!* Аўтарскі рэфрэн – шчырае эмацыйнае прызнанне паэта ў сваёй адданасці, любові, пашане малой і вялікай Радзіме, уласцівае ўсім беларусам-патрыётам.

Гаворачы пра малую радзіму гэтага класіка, важна адзначыць, што сярод значнай плеяды беларускіх пісьменнікаў – ураджэнцаў Усходняга Палесся – выразна выдзяляюцца “тры Іваны” – Іван Паўлавіч Мележ, Іван Пятровіч Шамякін, Іван Якаўлевіч Навуменка – народныя пісьменнікі Беларусі, удастоеныя самых высокіх дзяржаўных узнагарод, усенародна прызнаныя класікі беларускай літаратуры, чый шматгранны талент мастакоў слова засведчаны ў разнастайных класічных творах, вядомых не толькі ў Беларусі, а і далёка за яе межамі. На долю гэтых пісьменнікаў, адданых сыноў Палесся, іх пакалення, выпалі самыя вялікія выпрабаванні лёсаў. Іх несумненны і ўнікальны талент ураджэнцаў некалі забітага і адсталлага Палесся, “*края лясоў і балот*”, гартавалі і выпрабоўвалі на трываласць надзвычай трагічныя і гераічныя падзеі ХХ ст. – станаўленне дзяржавы Беларусь – маладой рэспублікі Саветаў, супярэчлівая калектывізацыя ў 30-я гады, небывалыя па трагізму і гераізму гады Вялікай Айчыннай вайны, росквіт і заняпад ідэй і планаў пабудовы сацыялізму і камунізму на адной шоста частцы планеты, вяртанне са шматлікімі праблемамі да сваіх спрадвечных вытокаў у дзяржаўным будаўніцтве, станаўленне нацыянальнай ідэі і інш. Усё гэта прайшло праз лёсы гэтых пісьменнікаў і персанажаў іх твораў.

Адметнасць і непаўторнасць на фоне іншых беларускіх пісьменнікаў выявілася нават на іх імёнах. Яны засталіся тымі *Іванамі*, беларусамі-палешукамі, якія заўсёды помнілі сваё радство – ганарыліся сваёй малой радзімай, шанавалі, паважалі сваіх непасрэдных, адкрытых, шчырых землякоў. Яны паламалі ўсталяваную традыцыю, створаную беларускай нацыянальнай

інтэлегенцыяй канца XIX – пачатку XX ст., калі яе прадстаўнікі, ідучы за модай, ламаючы канфесійныя традыцыі, выбіралі сабе псеўданім. І тады *Іван* традыцыйна станавіўся *Янкам*, *Янам*: Іван Неслухоўскі → *Янка Лучына*, Іван Луцэвіч → *Янка Купала*, Іван Фёдараў → *Янка Маўр* і г.д. Стаўшы знакамітымі пісьменнікамі, яны не сталі *Янамі*, *Янкамі*. Такім кансерватызмам, на наш погляд, яны (Іван Мележ, Іван Шамякін, Іван Навуменка) выразна падкрэслівалі цесную сувязь са сваёй “малой радзімай” – Усходнім Палессем, дзе імя *Іван* сярод палешукоў самае тыповае, самае частае, а імёны *Янка*, *Ян* – рэдкія.

Сімвалічны сэнс гэтага імя яшчэ больш актуалізаваўся пасля вялікай Перамогі ў 1945 г., бо іменна Іваны – г.зн. беларусы, рускія, украінцы ўнеслі самы значны ўклад у Вялікую Айчынную вайну, гэта імя ў беларускай літаратуры больш за іншыя перадае нацыянальна-культуралагічны фон, а ўсе “*Тры Іваны*” дастойна прадстаўлялі свой народ у адказны для ўсяго чалавецтва перыяд. Двое з Іванаў – *Іван Шамякін* і *Іван Навуменка* – завяршалі Вялікую Айчынную вайну ў Германіі – краіне, адкуль вайна пачыналася. *Іван Мележ*, будучы цяжка параненым у самы складаны перыяд вайны, сустрэў Перамогу студэнтам БДУ, пачынаючы таленавітым пісьменнікам. Магчыма, што гэтыя мастакі слова бралі пад увагу і тое, што ў вялікай сусветнай літаратуры, культуры былі вельмі вядомыя *Іван Вазаў*, *Іван Тургенеў*, *Іван Бунін*, *Іван Айвазоўскі* і інш.

Лёс распарадзіўся так, што гэтыя *Тры Іваны*, прайшоўшы жорсткія выпрабаванні самай жахлівай і бязлітаснай вайны, выжылі, перамаглі, не сталі бязроднымі, а, наадварот – знакамітымі і творча ўзбагацілі і прадоўжылі добрыя справы вялікай кагорты не толькі паэтаў, празаікаў, чый лёс аказаўся трагічным. Многія з таленавітых і маладых пісьменнікаў шматпакутнай Беларусі засталіся назаўсёды ў адзіночных, а часцей у брацкіх магілах, параскіданых на бяскрайніх прасторах Еўропы: у Сталінградзе Волга, якая кіпела ад бомбаў, снарадаў і мін, забрала цяжка параненага *Аляся Жаўрука*, афіцэра легендарнай 62-й арміі; ва Усходняй Прусіі аўтаматная чарга скасіла *Аляксея Коршака*; пад Берлінам бязлітасны фаўст-патрон трапіў у акупнага запявалу *Міколу Сурначова*; у гарах Славакіі загінуў дэсантнік *Змітрок Астапенка*, аўтар выдатнай ваеннай паэмы “*Эдэм*”. Гэта пра іх і мільёны іншых *маладых*, *яшчэ бязвусых Іванаў*, што загінулі ў лясах, балотах, сярод жытнёвых палёў напісаў такія кранальныя душу радкі малады паэт *Мікола Сурначоў*: “*Ніколі не*

ехаць / хлапцу маладому / Да блізкага гаю, / Да роднага дому. / Над ім асытаюцца / Слуцкія краскі, / Абсмалены колас / Схіліўся да каскі. / Ляжыць ён, як віцязь, / У стоптаным жыцце, / Маці спаткаеце – / Ёй не кажыце... “.

Традыцыі Івана Мележа ў апісанні малой радзімы, прызнанні ў шанаванні і сыноўняй любові творча прадаўжалі і прадаўжаюць іншыя пісьменнікі, ураджэнцы Палесся, не толькі яго сучаснікі і сябры, І. Шамякін, І. Навуменка, а і маладзейшыя – У. Ліпскі, У. Верамейчык, В. Казько, А. Бароўскі, А. Федарэнка, У. Лякін, В. Ярац, Г. Дашкевіч і інш.

ЛІТАРАТУРА

1. Куляшоў, Ф. Іван Мележ. Літаратурная біяграфія / Ф. Куляшоў. – Мінск: Маст. літаратура, 1968. – С. 74–180.
2. Успаміны пра Івана Мележа [склад. Л. Я. Пятрова-Мележ]. – Мінск : Маст. літ., 1982. – 415 с.
3. Пяткевіч, Часлаў. Рэчышкае Палессе / Часлаў Пяткевіч; уклад., прадм. У. Васілевіча. – Мінск: Белрускі кнігазбор, 2004. – 627 с.
4. Бугаёў, Дз. А я яму ўдзячны / Дз. Бугаёў // Літ. і мастацтва. – 2002. – 22 лістап. – С. 13.
5. Мележ, І. Трохі загадак і думак / І. Мележ // Пяцьдзясят чатыры дарогі: аўтабіяграфіі беларускіх пісьменнікаў. – Мінск: маст. літ., 1963. – С. 387 – 391.

Щемелинина И.Н.

Московский государственный областной университет,
г.Москва (Россия)

E-mail: baggi-8@yandex.ru

УДК 811.161.1

**Репрезентанты сбережение, бережение, оберегать,
бережёный концепта охрана в сочинении Г. Котошихина**

Shcemelinina Irina Nikolaevna

Moscow state regional University, Moscow (Russia)

UDC 811.161.1

**The representatives of the conservation, preservation, protected,
better safe than sorry concept of *security* in the work G. Kotoshikhin**

В работе анализируются единицы номинации сбережение, бережение и предикации оберегать, бережёный в Сочинении Г. Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича», входящие в состав средств вербализации концепта ОХРАНА. Благодаря указанным лексемам определяется отношение к человеку по его социальному положению, а также к животному, находящемуся при царском дворе. Выявлено, что слова сбережение, бережение, оберегать являются полисемантами, бережёный – моносемантом в рассматриваемый исторический период развития русского литературного языка, делового языка как особого феномена. Они используются в контекстах с описанием бытоустройства; их контекстуальное прочтение обуславливает пейо-

The paper analyzes the units of the nomination saving, saving and predication to protect, protected in the Composition of G. Kotoshikhin "about Russia in the reign of Alexei Mikhailovich", which are part of the means of verbalization of the concept of PROTECTION. Thanks to these lexemes is determined attitude to man on his social position, as well as to the animal, located at the Royal court. It is revealed that the words saving, saving, saving are polysemantic, protected – monosemantic in the considered historical period of the development of the Russian literary language, business language as a special phenomenon. They are used in contexts describing lito-strojska; their contextual reading leads to pejorative and

ративную и негативную коннотацию у этих единиц в тексте с деловой доминантой.

Ключевые слова: *сбережение, бережение, оберегать, бережён-ный*, Г. Котошихин, Сочинение, средства номинации и предикации.

negative connotation of these units in the text with a business focus.

Key words: *saving, saving, saving, saving, G. Kotoshikhin, Composition, means of nomination and predication.*

В сочинении Г.К. Котошихина встречаются слова *сбережение, бережение, оберегать, бережён-ный*, указывающие на охраняемых кем-то и проявляющих заботу о ком-то. По мнению В.В. Леденёвой, «Человека следует и / или можно *беречь, видеть, втягивать, допустить, лишить, любить, обидеть, приводить* в «три волнения», *просить, стегать, растягивать, убить, уважать, успокоить*», а «людей можно *беречь, бояться, знать, истерзать, ненавидеть, презирать, принимать, сбивать с толку, трогать* («умилять»), *угощать* и под. [6, с. 43, 48]. Все единицы относятся к словообразовательному гнезду с вершиной *беречь* [10, с. 52] и принадлежат к кругу средств вербализации концепта *ОХРАНА*. Согласно Словарю Фасмера, единица *охрана* образована от «*хранить* (‘храню, сохранить, охранять’)». Лексема *хранить* «заимствована из цслав., ст.-слав. *хранити*, при исконнорусск. *хоронить*» [11, с. 273].

Рассмотрим лексему *оберегати*, которая, согласно *СРЯ XI–XVII вв.*, полисемант, в первом значении толкуется: «охранять; защищать»; во втором – «наблюдать, следить за чем-либо» [8, с. 33].

См. ЛСВ-1 глагола *оберегать* «охранять» во фрагменте: *свахи, дружковы жены, чин их таков: царицу уклучивают и оберегают*. С помощью синтагматических отношений таких языковых единиц, как средства агентивной лексики *свахи, дружковые жены, царица*, единицы номинации *чин*, акциональный глагол *уклучивать* (см.: ‘обвязывать’, ‘обертывать’, ‘(обернуть) что-либо чем-либо, скрепив концы и затянув их’) актуализирует смысло содержание “порядок совершения ритуала”; “образ жизни и поведения (см. ‘устройство порядка’) высокопоставленной особы” [ср.: 18, с. 385]. Возможно, контекст позволяет выявить содержание “правильный, отлаженный и организованный ритм жизни”, поскольку эксплицирует сему ‘присмотр’.

Ср. в контексте: *столником, и стряпчим, и дворяном, и жилицом, и начальным и дворовым людем, и подьячим, за их службу, что они против тех воров стояли и здоровье царское оберегли...* За счет средств агентивной лексики *стольник* (см. ‘придворный чин, обязанность которого подавать на стол еду’), *стряпчий* (‘должностное лицо в Российском государстве XV–XVII вв., выполняющее различные обязанности при царском дворе’), *дворянин* (‘лицо, причислявшееся с середины XVI в. к государеву двору и входившее в посольство’), *жилец* (‘лицо, находящееся на службе лично при государе’), *начальные и дворовые люди* (‘крепостные крестьяне, которых использовали в качестве домашней прислуги’), *подьячий* (‘человек, занимающийся составлением частных актов, челобитных, перепиской бумаг’), обозначающих должностных лиц, глагола с семантикой ‘защиты’ *стоять* и неоднословной номинации *здоровье царское* раскрывается смысловое наполнение “защита, ограждение государя от преступников”. Оттеночное метонимическое созначение у сочетания *здоровье царское* может быть воспринято наряду с основным – ‘царь’. Автор преподносит содержание “действие в интересах государства”, указывая на важность действий в защиту жизни и здоровья правителя.

ЛСВ-2 «наблюдать, следить за кем-либо» использован во фрагменте: *...бывают царевичам и царевнам всякому свои хоромы и люди, кому их оберегати, особые.* Посредством единиц агентивной лексики *царевич, царевна*, указывающих на сына и дочь царя, *люди* Г.К. Котошихиным передаётся смысл “пристальное наблюдение”. Средство предикации *особый* эксплицирует сему ‘значительный’ и подчеркивает особенность функций приближенных к царским детям людей.

Исследованная также в целях осмысления средств экспликации концепта «ОХРАНА» лексема *бережение*, согласно данным СРЯ XI–XVII вв., – полисемант. В первом значении понимается как «охрана, защита», а также «содержание под стражей». Второе – интерпретируется иначе: «предосторожность», «принятие мер для ограждения от какой-нибудь опасности, вреда». Третье – раскрывает реляционное содержание (межличностные отношения) с большей полнотой: «оберегание, заботливое отношение», «присмотр / содержание в сохранности». Четвертое значение представляет прагматический смысл «бережливость, расчётливость: держати береженье»; «охра-

нять, оберегать»; «содержать под стражей, стеречь, следить, внимательно наблюдать за кем-либо» [7, с. 143–144].

Г.К. Котошихин обращает внимание читателей на то, что польские дворяне предусмотрительно оберегали себя от нападения русских. ЛСВ-2 существительного *сбережение* «предосторожность, принятие мер для ограждения от какой-нибудь опасности, вреда» в контексте: *лучитца посолским дворяном и их людем в рядах чего купить, послом и себе, или пойдут для гулянья: и с ними, для **сбережения** от Руских людей, ходят стрелцы, чтоб им кто не учинил какого бесчестья и задору*. Посредством глаголов лексико-семантических групп владения (компенсированного приобретения) *купить*, движения *пойти, ходить*, средств номинации *ряд, гулянье*, в том числе неоднословных номинаций *посольский дворянин, русские люди* указывается причина, по которой чужеземцы должны защищать себя от посягательств, нападок русских людей, от какой-либо иной опасности. Пейоративная коннотация передаётся средствами номинации *бесчестье, задор* ('ссора', 'стычка'), обозначающими отступление от правил морали и противоречие с нормами нравственности. С.А. Белокуров в издании «О Посольском приказе» писал: «Во время пребывания посольства в Москве кроме пристава, долженствовавшего постоянно посещать послов, а иногда и жить вместе с ним на одном дворе, им давалась стража, которая отчасти должна была охранять послов и сопровождать их и их посольских людей во время хождения по городу, а отчасти и наблюдать за действиями послов и сообщать о сем в Посольский приказ» [2, с. 85].

ЛСВ-4 существительного *бережение* «содержать под стражей, стеречь, следить, внимательно наблюдать за кем-либо» использован во фрагменте: *держат* (ответчика) *в Приказе скована, доколе поруки будут или судное дело скончитца, или его отдадут в **бережение** приставом на руки*. Через единицу агентивной лексики *пристав*, форму-идиому *на руки*, глагол владения *отдать* выявляется смысловая составляющая «изоляция от общества». Лексическая единица *Приказ* раскрывает свое значение в синтагматических связях с глаголами помещения *держать*, физического воздействия *сковать*. Контекст презентивует деловое содержание «лишение возможности двигаться»; «лишение свободы передвижения / действия» на «правовой основе».

Посредством анализа указанных средств предикации устанавливаем суть эксплицитного содержания: «надежное обеспечение

безопасности граждан”; “перевоспитание; наказание преступника за совершенное преступление”. На наш взгляд, лексемой *поруки* (см. ‘ручательство’), неоднословной номинацией *судное дело*, а также предикатом – глаголом *скончиться* (‘доведение до конца каких-либо дел, их завершение’) преподносится имплицитный смысл “тревога, беспокойство за чью-либо жизнь”. ЛСВ-4 эксплицирует семы ‘караулить’, ‘сторожить’.

В Сочинении встречается слово *береженный*, которое, согласно *СРЯ XI–XVII вв.*, моносемант и означает «обеспечивающий сохранность» [7, с. 143]. Его использование Г.К. Котошихиным, как показал анализ, связано с раскрытием других особенностей уклада жизни при дворе русского царя, подмеченных в Сочинении. Так, лошадям при царе Алексее Михайловиче придавалось особое значение, их высоко ценили. В царских конюшнях численность их достигала большого числа [3]. Это и осмыслиется в контексте: *будет на Москве на царских дворах ... добрых же береженных лошадей с 3000*. С помощью единиц предикации *добрый* (см.: ‘породистый’), номинации *лошадь*, неоднословной номинации *царский двор* транслируется смыслосодержание “самый лучший, требующий ухода и должного внимания со стороны тех, кто о них заботится”. «В одном из писем своему сыну Алексею Пётр I писал, что при царе Алексее Михайловиче, то есть в период с 1629 по 1676 год, при дворе в конюшнях содержалось не менее 50 000 лошадей, 40 000 из которых предназначались для воинов и царской свиты, 3 000 являлись запасными, царь и его семья ограничивались двумя сотнями лошадей для своих нужд, а оставшиеся 100 скакунов принадлежали боярам» [3, с. 34].

Таким образом, в языковой картине мира периода XVII в. вербализаторы *сбережение*, *бережение*, *оберегать*, *бережённый* являются ядром концепта *ОХРАНА*, функционируют как средства трансляции информации о бытоустройстве. Их семантика спаяна семами: ‘присмотр’, ‘значительный’, ‘караулить’, ‘сторожить’. Рассмотренные в статье единицы представлены в нескольких ЛСВ, направлены на передачу оценки, о чем говорит позитивная коннотация, проявляющаяся благодаря синтагматическим отношениям со следующими лексемами: *укручивать*, *царица*; *здоровье царское*, *стоять*; *царевич*, *царевна*, *люди особые*; *добрый*, *лошадь*, *царские дворы*. Можно говорить и об отрицательнооценочной, пейоративной коннотации у следующих единиц в контексте: *посольские дворяне*,

стрельцы, ходить, бесчестье, задор; держать, сковать, судное дело, пристав.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабенко Л.Г. Толковый словарь русских глаголов. – М. : «Аст-пресс», 1999. 698 с.
2. Белокуров С.А. О посольском приказе.– М. : «Имп. О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те», 1906. 174 с.
3. Герасимов А.Е. Лошади. Разведение и уход. – М. : «Вече», 2004. 129 с.
4. Головачева О.А. О языке и стиле произведений Н.С. Лескова, посвященных «женскому вопросу» // Вестник МГОУ. Серия: Русская филология. – М. : МГОУ, 2009. С. 3–11.
5. Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. – М. : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. 272 с.
6. Леденёва В.В. Слово Лескова : монография. – М. : ИИУ МГОУ, 2015. С. 43, 48.
7. Словарь русского языка XI–XVII вв.: вып. 1. – М. : «Наука», 1975. 371 с.
8. Словарь русского языка XI–XVII вв.: вып. 12. – М. : «Наука», 1987. 381 с.
9. Таннер, Бернгард Леопольд. Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 году : пер. с лат. – М. : «Университетская типография. Страстной бульвар». 1891. - XII, 203 с.
10. Тихонов А.Н. Новый словообразовательный словарь русского языка для всех, кто хочет быть грамотным. – М. : АСТ, 2014. – 639 с.
11. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка [Текст]. В 4 томах. / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. / 2-е изд., стер. – М. : Прогресс, 1987. Т. 4 (Т –ящур). – 864 с.
12. Юзefович Л.А. Как в посольских обычаях ведется... / Русский посольский обычай конца XV–начала XVII в. – М. : «Международные отношения», 1988. 219 с.
13. Шаповалова Т.Е. Миг и вечность в женской судьбе: возможности презентации темпоральной семантики в тексте. / Фрагмент русской языковой картины мира «Жизнь женщины». Коллективная монография. – М. : ИИУ МГОУ, 2013. С. 154–169.

14. Ширшов И. А. Толковый словообразовательный словарь русского языка. – М. : АСТ, 2004. – 1024 с.

15. Щемелинина И.Н. Репрезентант *бережение* концепта *ЛЮ-БОВЬ* в Сочинении Котошихина. / Русский язык в славянской межкультурной коммуникации. – М. : ИИУ МГОУ, 2018. С. 383–387.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Агафонов Антон Юрьевич – студент филологического факультета ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»;

Ажиев Канат Омирзакович – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры языковых знаний НАО «Алматинский университет энергетики и связи», E-mail: azhievk@mail.ru;

Алешина Людмила Васильевна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой языковой и литературной подготовки в системе начального общего образования ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева», E-mail: alyoshinalv@mail.ru;

Альховик Юлия Александровна – Магистрант кафедры белорусской и русской филологии УО «Мозырский государственный педагогический университет имени И.П. Шамякина», E-mail: 6699062@mail.ru;

Арефьева Наталья Георгиевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры языковой и общегуманитарной подготовки иностранцев Одесского национального университета имени И.И. Мечникова, E-mail: n.arefieva@onu.edu.ua;

Арыстангалиева Динара Мирхановна – старший преподаватель НАО «Алматинский университет энергетики и связи», E-mail: arystangaliivadinaraga@yandex.kz;

Атаманова Наталья Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского», E-mail: atamanova2001@list.ru;

Ахметова Эльмира Турсыновна старший преподаватель НАО «Алматинский университет энергетики и связи», E-mail: teakmetova@mail.ru;

Ахраменко Петр Евгеньевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры белорусской и русской филологии УО «Мозырский государственный педагогический университет имени И.П. Шамякина», E-mail: piter2105@yandex.ru;

Бахвалова Татьяна Васильевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева», E-mail: btv-orel@yandex.ru;

Белоус Наталья Николаевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры математики, физики и информатики филиала ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского» в г. Новозыбкове, E-mail: nnotta2@inbox.ru;

Белугина Ольга Владимировна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин филиала ФГБОУ ВО "Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского" в г. Новозыбкове, E-mail: Obelugina@mail.ru;

Белякова Елена Алексеевна – магистр педагогических наук, преподаватель русского языка и литературы УО «Гомельский государственный профессиональный лицей строителей», E-mail: lena13021975@yandex.ru;

Биназарова Майра Мухамедовна – кандидат педагогических наук, старший преподаватель НАО «Алматинский университет энергетики и связи», E-mail: b.maira1956@gmail.com;

Бобрович Татьяна Сергеевна – преподаватель кафедры белорусского и русского языкознания Белорусского государственного педагогического университета им.М.Танка, E-mail: tanyabobrovich@yandex.ru;

Бобровская Елена Олеговна – кандидат филологических наук, старший преподаватель Белорусского государственного университета, E-mail: helli222@tut.by;

Боровская Ирина Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков Гомельского государственного медицинского университета, E-mail: borowska.ira@yandex.by;

Бушев Александр Борисович – доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью, кафедры международных отношений Тверского государственного университета;

Вакулина Елена Васильевна – кандидат физико-математических наук, доцент кафедры математики, физики и информатики филиала ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского» в г. Новозыбкове, E-mail: elvakulina@yandex.ru;

Василевская Елена Станиславовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры белорусского и русского языкознания УО

«Белорусский государственный педагогический университет имени М. Танка», E-mail: Alena08@tut.by;

Вендина Татьяна Ивановна – доктор филологических наук, профессор, руководитель центра ареальных исследований Института славяноведения РАН, E-mail: vendit@ Rambler.ru;

Воинова Елена Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой белорусского языка УО “Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины”, E-mail: helena_voinova@mail.ru;

Воробьёва Татьяна Станиславовна – заместитель декана историко-филологического факультета по учебной работе, старший преподаватель кафедры общего и славянского языкознания УО «Могилёвский государственный университет имени А.А. Кулешова», E-mail: tanyhav70@gmail.com;

Габдулина Юлия Равильевна – кандидат химических наук, преподаватель НАО «Алматинский университет энергетики и связи», E-mail: enunteach@gmail.com;

Галинская Оксана Викторовна – учитель русского языка и литературы МАОУ СОШ №14 г. Балашиха, E-mail: galinskaya-shevel@mail.ru;

Герасименко Ирина Анатольевна – доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой общего языкознания и славянских языков ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков», E-mail: iragerasimenko@mail.ru;

Гехтляр Светлана Яковлевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской, зарубежной литературы и массовых коммуникаций ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского», E-mail: sv_ge@mail.ru;

Глазкова Елена Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры политических и общественных коммуникаций Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва (Школа медиакоммуникаций Института общественных наук РАНХиГС), E-mail: Elena-glazkova1@ya.ru;

Головачёва Ольга Алексеевна – доктор филологических наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета ФГБОУ ВО "Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского", E-mail: golovacheva_olga@mail.ru;

Горяинова Елена Эрнстовна – кандидат филологических наук, доцент ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского», E-mail: fil_helena@vail.ru;

Дерунова Анастасия Андреевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры белорусского и русского языков Белорусского государственного медицинского университета, E-mail: derunovaa@gmail.com;

Дмитриева Юлия Леонидовна – преподаватель кафедры общего языкознания и славянских языков ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков», E-mail: iksta_aravar@mail.ru;

Долгов Вячеслав Геннадьевич – доктор филологии, старший преподаватель кафедры славистики Бельцкого государственного университета им. А. Руссо (Молдова), E-mail: slavapprav@gmail.com;

Доманова Валерия Дмитриевна – МБОУ «СОШ №28» г.Брянска, E-mail: lera.domanova@bk.ru;

Досмаханова Райкул Амандыковна – кандидат филологических наук, доцент кафедры языковых знаний НАО «Алматинский университет энергетики и связи», E-mail: dosmakhanova@mail.ru;

Евсеева Ольга Сергеевна – кандидат филологических наук, заместитель директора по УВР МБОУ Заборьевская СШ Демидовского района Смоленской области, E-mail: evseevolya@yandex.ru;

Елынцева Ирина Владимировна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела белорусско-русских языковых связей Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, филиал «Институт языкознания имени Якуба Коласа», E-mail: i.elyntseva@gmail.com;

Карташёва Анна Нахемовна – кандидат филологических наук, профессор кафедры русской филологии Атырауского государственного университета имени Х. Досмухамедова, E-mail: akartasheva@mail.ru;

Киселев Александр Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин УО «Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники», E-mail: kiselev_aa@list.ru;

Козлова Елизавета Юрьевна – студентка ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»;

Королева Инна Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка филологического факультета

ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет», E-mail: innakor@mail.ru;

Королевич Станислава Антоновна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания УО «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина», E-mail: stak54@mail.ru;

Косолапов Владимир Власович – краевед, член РОИИ, E-mail: 1kvv000@mail.ru;

Кошарная Светлана Алексеевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и русской литературы НИУ «БелГУ», E-mail: fotonija@mail.ru;

Кошурникова Татьяна Владиславовна – кандидат филологических наук, доцент Института развития образования Кировской области, E-mail: tkoshurnikova@mail.ru;

Красовская Нелли Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого, E-mail: nelli.krasovskaya@yandex.ru;

Кривцов Алексей Сергеевич – студент 3 курса филологического факультета, направления 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки), профиль Русский язык, Литература ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского», E-mail: alexey.krivtsov@yandex.ru;

Кураш Сергей Борисович – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой белорусской и русской филологии УО «Мозырский государственный педагогический университет имени И.П. Шамякина», E-mail: kurash-persmail@tut.by;

Лапицкая Ирина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и славянского языкознания УО «Могилёвский государственный университет имени А.А. Кулешова», E-mail: lapickajairina@rambler.ru;

Леванцевич Лена Васильевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой белорусской филологии УО «Брестский государственный университет им. А.С. Пушкина», E-mail: lewalena@mail.ru;

Лисовский Леонид Альбинович – кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и методик дошкольного и начального образования УО «Мозырский государственный педагогический

университет имени И.П. Шамякина», E-mail: lisovskaynina@rambler.ru;

Ломакина Ольга Валентиновна – профессор кафедры современного русского языка Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, доцент кафедры иностранных языков Российского университета дружбы народов, доктор филологических наук;

Лопатин Геннадий Исаакович – ведущий научный сотрудник ГУК «Ветковский музей старообрядчества и белорусских традиций имени Ф.Г. Шклярова», E-mail: lapasin@mail.ru;

Мальцева Ольга Вадимовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Одесского национального университета имени И.И. Мечникова, E-mail: lovis007@mail.ru;

Маслова Валентина Авраамовна – доктор филологических наук, профессор кафедры германской филологии УО «Витебский государственный университет имени П.М.Машерова», E-mail: mvavit@tut.by;

Михалевич Елена Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры белорусского и русского языкознания УО «Белорусский государственный педагогический университет имени М. Танка», E-mail: 23091963e@mail.ru;

Мкртчян Нубар Эдвардовна – студентка 5 курса филологического факультета, направления 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки), профиль Русский язык, Литература ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского», E-mail: nubar.mkrt4yan@yandex.ru;

Мурадян Ирина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Одесского национального университета имени И.И. Мечникова, E-mail: muradayn@ukr.net;

Никитевич Алексей Васильевич – доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии Гродненского государственного университета им. Янки Купалы, E-mail: anikit@inbox.ru;

Никулкина Ольга Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общеправовых и социально-гуманитарных дисциплин Брянского филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», E-mail: sinbad1982@yandex.ru;

Новикова Татьяна Федоровна – доктор педагогических наук, профессор кафедры русского языка и русской литературы Белгород-

ского национального исследовательского университета, Педагогического института, E-mail: tnovikova@bsu.edu.ru;

Осипова Тамара Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского, общего и славянского языкознания УО “Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины”, E-mail: tosipova@gsu.by;

Петров Борис Михайлович – действительный член Русского географического общества, E-mail: borismpetrov@yandex.ru;

Печёнкина Ольга Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского», E-mail: Olya_Bryansk@mail.ru;

Полещук Наталья Викентьевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая отделом истории белорусского языка Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, филиал «Институт языкознания имени Якуба Коласа», E-mail: nata-polshhuk@yandex.ru;

Потупов Евгений Васильевич – председатель Брянского представительства Союза российских писателей, E-mail: evg_potupov@mail.ru;

Пронченко Сергей Михайлович – кандидат филологических наук, доцент кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин филиала ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского» в г. Новозыбкове, E-mail: s.m.pronchenko@yandex.ru;

Прохоренко Людмила Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры белорусской и русской филологии УО «Мозырский государственный педагогический университет имени И.П. Шамякина», E-mail: lydmilavaleriavna@gmail.com;

Пустовойтов Виктор Николаевич – доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского», E-mail: vnpnov@gmail.com;

Пустовойтова Людмила Викторовна – магистрант фвкультета иностранных языков ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского», ludmilarin@yandex.ru;

Рацибурская Лариса Викторовна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой современного русского языка и общего языкознания ФГАОУ «Национальный исследовательский

Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского», E-mail: racib@yandex.ru;

Сапега Светлана Владимировна – учитель белорусского языка и литературы I квалификационной категории, ГУО «Средняя школа № 21 имени Н.Ф. Гастелло г. Минска»;

Свириденко Ольга Ивановна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры белорусского и русского языкознания, докторант УО «Белорусский государственный педагогический университет им. М.Танка», E-mail: olgasv246@ tut.by;

Свистов Евгений Владимирович – краевед;

Сергушкова Ольга Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры белорусской и русской филологии УО «Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина», E-mail: sergushkova_olga@mail.ru;

Сироткина Татьяна Александровна – доктор филологических наук, доцент кафедры филологического образования и журналистики Сургутского государственного педагогического университета, E-mail: sirotkina71@mail.ru;

Солодка Оксана Ивановна – магистр филологических наук, преподаватель УО «Гомельский государственный педагогический колледж имени Л. С. Выготского», E-mail: Zuriat@yandex.ru;

Станкевич Александра Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры белорусского языка филологического факультета УО "Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины", E-mail: astankevich@gsu.by;

Стародубец Светлана Николаевна – доктор филологических наук, профессор кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин филиала ФГБОУ ВО "Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского" в г. Новозыбкове, E-mail: starodubets.madam@yandex.ru;

Старцева Ирина Леонидовна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры русской, зарубежной литературы и массовых коммуникаций ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского», E-mail: ekl9ier@mail.ru; kafedra338@mail.ru;

Степанов Евгений Николаевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедры русского языка Одесского национального университета имени И. И. Мечникова, E-mail: stepanov.odessa@gmail.com;

Стрельчук Галина Николаевна – заместитель директора по учебной работе, учитель белорусского языка и литературы I квалификационной категории, ГУО «Средняя школа № 21 имени Н.Ф. Гастелло г. Минска», магистр филологических наук, аспирант кафедры белорусского языкознания УО «Белорусский государственный педагогический университет имени М. Танка», E-mail: Galina-strela@tut.by;

Стрижак Артем Леонидович – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского, общего и славянского языкознания УО «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины», E-mail: strizhak2011@yandex.ru;

Струков Виктор Викторович – исследователь в области лингвистики, председатель профкома студентов УО «Мозырский государственный педагогический университет имени И.П. Шамякина», E-mail: text2005@mail.ru;

Татаринова Татьяна Ивановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры белорусской и русской филологии УО «Мозырский государственный педагогический университет имени И.П. Шамякина», E-mail: text2005@mail.ru;

Тимофеев Сергей Евгеньевич – аспирант ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского», E-mail: drumliker@mail.ru;

Тимошенко Наталья Павловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры белорусского языка УО «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины», E-mail: natka.tim@mail.ru;

Трофимович Тамара Григорьевна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой белорусского и русского языкознания УО «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка», E-mail: t.trof@mail.ru;

Трошина Наталья Викторовна – кандидат филологических наук, доцент, исполняющая обязанности заведующего кафедрой русского языка ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского», E-mail: natalya_troshina@mail.ru;

Трощинская-Степушина Татьяна Евгеньевна – кандидат филологических наук, учитель русского языка высшей квалификационной категории ГУО «Средняя школа № 4 г. Витебска», E-mail: astrid_2000@tut.by;

Федорова Татьяна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского», E-mail: fedorova0808@yandex.ru;

Хазанова Екатерина Львовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры белорусского языка УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины», E-mail: hazanova@gsu.by;

Халикова Наталья Владимировна – доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка ГОУ ВО МО «Московский государственный областной университет», E-mail: vlstd@yandex.ru;

Чеботарева Екатерина Станиславовна – заведующая лабораториями, ассистент кафедры математики, физики и информатики филиала ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского» в г. Новозыбкове, E-mail:

Шабулдаева Наталья Ивановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского, общего и славянского языкознания УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины», E-mail: shabuldaeva@mail.ru;

Шаповалова Людмила Ивановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры белорусского и русского языков УО «Могилевский государственный университет имени А.А.Кулешова», E-mail: bel.rus.mgu@mail.ru;

Шаравин Андрей Владимирович – доктор филологических наук, профессор кафедры русской, зарубежной литературы и массовых коммуникаций, заместитель директора по науке Института русской и романо-германской филологии ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского», E-mail: ekl9ier@mail.ru; kafedra338@mail.ru;

Шашарина Карина Андреевна – магистрант кафедры современного русского языка ГОУ ВО МО «Московский государственный областной университет», E-mail: shasharina_ka@mail.ru;

Шепель Юрий Александрович – академик АНВО Украины, доктор филологических наук, профессор кафедры перевода и лингвистической подготовки иностранцев Днепровского национального университета имени Олеся Гончара, E-mail: 123zub@ua.fm;

Шершнёва Ольга Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой общего и славянского языкознания

УО «Могилёвский государственный университет имени А. А. Кулешова», E-mail: kaf_osy@msu.by;

Шлома Алла Викторовна – кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой социально-экономических и гуманитарных дисциплин филиала ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского» в г. Новозыбкове, E-mail: avshloma@mail.ru;

Шумарина Татьяна Федоровна – кандидат филологических наук, доцент Одесского национального университета им. И.И.Мечникова, E-mail: shumarina2010@mail.ru;

Шур Василь Васильевич – доктор філалогічных навук, прафесар кафедры беларускай і рускай філалогіі УА “Мазырскі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя І.П.Шамякіна”, E-mail: text2005@mail.ru;

Щемелинина Ирина Николаевна – доктор филологических наук Московского государственного областного университета, E-mail: baggi-8@yandex.ru;

Яковлева Ольга Васильевна – доктор филологических наук, профессор Одесского национального университета им. И.И. Мечникова, E-mail: olga.yakovleva.1920@gmail.com.

Содержание

СТАРОДУБЕЦ С. Н. СПЕЦИФИКА ОПРЕДЕЛЕНИЯ СТАТУСА УСТНОЙ РАЗНОВИДНОСТИ НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА ЮГО-ЗАПАДНЫХ РАЙОНОВ БРЯНСКОЙ ОБЛАСТИ	5
МАСЛОВА В.А. ОНОМАСТИЧЕСКИЙ КОНЦЕПТ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИНТЕГРАТИВНОСТИ В ПРОСТРАНСТВЕ СЛАВЯНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ	10
СТЕПАНОВ Е.Н. ИНОСЛАВЯНСКОЕ И ДИАЛЕКТНОЕ ВЛИЯНИЕ НА СИСТЕМУ ГРАММАТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ В РУССКОЙ РЕЧИ ЮГА УКРАИНЫ.....	18

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ КАК ОСНОВАНИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ СПЕЦИФИКИ ПОГРАНИЧНОГО РЕГИОНА

Вендина Т. И. Традиции и новации в изучении РУССКИХ ДИАЛЕКТОВ	28
Белякова Е. А. КОММУНИКАТИВНЫЕ ПОЗИЦИИ РУССКОГО ЯЗЫКА В БЕЛОРУССКОМ И УКРАИНСКОМ ОБЩЕСТВЕ: ДВУЯЗЫЧИЕ, МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ.....	40
Шумарина Т.Ф. РУССКО-УКРАИНСКОЕ ДВУЯЗЫЧИЕ В СОЦИАЛЬНОМ ПОГРАНИЧЬЕ (К ПРОБЛЕМЕ ЯЗЫКОВОЙ ИМИТАЦИИ).....	47
Бобровская Е. О. БЕЛОРУССКИЙ ЯЗЫК В ЖИЗНИ ИНОСТРАННЫХ УЧАЩИХСЯ.....	52
Кошарная С.А. О ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКЕ ЯЗЫКОВОГО ПОГРАНИЧЬЯ (НА МАТЕРИАЛЕ РЕГИОЛЕКТА БЕЛГОРОДЧИНЫ). 57	
Красовская Н.А. СОЗДАНИЕ СЛОВАРЯ ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ.....	63
Арефьева Н. Г. О ДИАЛЕКТНОМ ФРАЗЕОЛОГИЗМЕ <i>ПОКАЗЫВАТЬ ГОРОБЦАМ ДУЛИ</i>	71
Бабровіч Т. С. ПЕРШАСНЫЯ І ДРУГАСНЫЯ НАМІНАЦЫІ БУДАЎНІЧАЙ СФЕРЫ СУЧАСНАЙ БЕЛАРУСКАЙ МОВЫ (НА ПРЫКЛАДЗЕ НАЗВАЎ БУДАЎНІЧЫХ МАТЭРЫЯЛАЎ).....	80
Биназарова М.М. ЯЗЫК КАК ПЕРВОРОДНОЕ СРЕДСТВО ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ОБЩЕНИЯ.....	86
Бушев А. Б. ЯЗЫК ПРАВОСЛАВНОЙ СФЕРЫ В КОНТИНУУМЕ РУССКОЙ РЕЧИ.....	94

Габдулина Ю.Р. Роль и развитие межкультурной компетенции для обучения языку и переводу в пограничных регионах.....	101
Полещук Н.В. «Гістарычны слоўнік беларускай мовы» как лингвистическое и общекультурное событие славянского мира	107
Шаповалова Л.И., Лапицкая И.Н. Этноязыковая специфика лексики говоров могилевско-смоленского пограничья (на материале «Словаря могилевско-смоленских пограничных говоров»)	114
Михалевич Е.Г. Формирование акцентологической культуры в условиях государственного билингвизма	123
Воінава А.М. Найменні народных свят восеньскага каляндарнага цыклу ў гаворках мазырска-прыпяцкага рэгіёна	127
Глазкова Е. А. Анализ медиаобраза города как инструмент развития интереса к истории и лингвистике (на примере анализа медиаобраза Новозыбкава).....	133
Дерунова А. А. Белорусский и русский языки в подготовке студентов Белорусского государственного медицинского университета.....	140
Елынцова И. В. Пересечение лексико-семантических полей цвета с другими лексико-семантическими полями в близкородственных языках	145
Карташэва А. Н. Явление интерференции и интеркаляции как следствие контакта языков.....	152
Кириченко Ю.С. Русско-Украинское взаимодействие в языке жителей п. Уразово Валуйского района Белгородской области	156
Лапацін Г.І. Каго бог паслаў, а каго чорт прыгнаў: аб выкарыстанні выслоўяў з кампанентамі Бог і чорт у гутарковай практыцы жыхароў п. Амьяльное Веткаўскага раёна.....	161
Мурадян И.В. Интерференционные орфоэпические ошибки в русской речи украинцев.....	170
Никитевич А.В. Когнитивно значимая диалектная лексика в составе синтезированных фрагментов лексико-словообразовательных гнезд (литературный язык/говоры)	176

Новикова Т.Ф. Лингворегионоведение как самостоятельное научно-прикладное направление: опыт разработки и реализации	182
Пустовойтова Л.В. Английская интерференция в немецком языке	189
Прохоренко Л.В. Метафоры как объект перевода на белорусский язык (на материале творчества А. С. Пушкина)	192
Сергушкова О.В. Сегментация сложноподчинённых предложений в русском и белорусском языках (на материале газетных текстов).....	198
Станкевіч А.А., Старадубец С.М., Бялугіна В.У. Вобраз русалкі ў міфалагічнай прозе гомельска-бранскага памежжа : этналінгвістычны аналіз	205
Солодкая О.И. О словообразовательной синонимии вещественных субстантивов с суффиксами -в- и -л(о) в русском языке	213
Тимофеев С.Е. Понятие идеологического концепта в современном политическом дискурсе	220
Шабулдаева Н.И. Брянские названия хлеба	224
Шаршнёва В.М. Узаемадзеянне беларускай і рускай моў ў беларускім інтэрнэт-дыялогу	231
Шепель Ю.О. Фразеологізми як высокаінформативні одиниці мови етносу	237
Яковлева О.В. Символічні значення лексем у народній поезії слов'ян (на матеріалі російськомовних перекладів)...	244

ОНИМЫ КАК СОСТАВЛЯЮЩИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА СЛАВЯНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

Герасименко И.А. Эргонимное пространство современного Крыма	254
Рацибурская Л.В. Отонимическое словообразование в аспекте социального противостояния.....	259
Королева И.А. Общность топонимической лексики Смоленско-витебского приграничья	264
Евсеева О. С. Исторические реалии и события, отраженные в топонимах Смоленско-витебского приграничья	270

АХРАМЕНКО П. Е., Лисовский Л. А. Микропонимы как лингвокультурный пласт языка	275
Воробьева Т. С. Неофициальные урбанонимы как часть топонимического пространства современного города (на примере города Могилева).....	281
Королевич С.А. Прагматика гипокористического имени в говоре деревни Вулька Лавская Пинского района	287
Кривцов А.С. Темпорально-типологическая характеристика русских «говорящих» антропонимов в аспекте развития современных ономастических исследований.....	294
Кураш С.Б., Струков В.В. Адъективом <i>полесский</i> в структуре ономастических образований различных типов (на материале рунет- и байнет-источников)	305
Ломакина О.В. Православные антропонимы в русской паремиологии: лингвокультурный аспект	311
Леванцевич Л.В. Русалка: понятийное и коннотативное содержание названий	316
Петров Б.М. О парных топонимических рядах (на примере ойконимики Стародубья)	324
Свистов Е.В. Топонимы Брянского края в исследованиях краеведа Поддубного Анатолия Ильича	329
Сироткина Т.А. Этнонимы в ономастическом пространстве полиэтничного региона	336
Стральчук Г.М. Адлюстративные материальная культура Беларуси у прозвищах жыхароў Гомельскай вобласці.....	341
Стародубец С.Н., Белугина О.В. Лексикографирование восточнославянских мифонимов: традиции и новации.....	346
Хазанова К.Л. Мифонимы ў лінгвакультурнай прасторы Гомельска-бранскага пагранічча.....	352
Доманова В.Д. Формирование и развитие гидронимов и топонимов Брянской области как феномен Русско-Белорусского пограничья: экспериментальный звуко-цветовой анализ гидронимов	357

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ И МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ СФЕРЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Гехтляр С.Я. Развитие интеллекта и формирование лингвистической компетенции учащихся в процессе подготовки к государственному экзамену в 9 классе	363
Мальцева О.В. Преподавание исторической грамматики и древнерусского языка в условиях русско-украинского двуязычия	372
Досмаханова Р.А., Ажиев К.О. Полиязычная олимпиада в техническом вузе	375
Кошурникова Т.В. Формирование толерантного сознания обучающихся в процессе преподавания русского языка в многонациональном школьном коллективе	381
Трощинская-Степушина Т.Е. Русский язык в белорусской школе: взгляд учителя-словесника и его учеников	388
Ахметова Э. Т. Самостоятельная работа студента как важнейшая форма обучения при подготовке бакалавров	393
Белоус Н.Н. Анализ грамматической структуры предложения с использованием графов	397
Галинская О.В. Обоснование использования дидактических средств творческой направленности на уроках словесности	402
Горяинова Е.Э. За страницами учебника литературы: выявление культурологических связей регионального характера при изучении биографии писателя	408
Печёнкина О.Ю. Термины лингвокультурологии на элективных занятиях по русскому языку	415
Пустовойтов В.Н. Поликультурное образовательное пространство и языковая интерференция: сущность сопряжения	421
Свириденко О.И. Организация работы с фразеологизмами как способ формирования лингвокультурологической компетенции учащихся-билингвов	429
Стрижак А.Л. Изучение лексики с национально-культурным компонентом значения на занятиях по русскому языку как иностранному	435

СТРАЛЬЧУК Г.М., САПЕГА С.У. Журналістыка ў школе – заклік да творчасці	441
ТАТАРИНОВА Т.И. СОВРЕМЕННЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ	445
ЧЕБОТАРЕВА Е.С., ВАКУЛИНА Е.В. Лингвокультурная грамотность в деятельности учителя-физика.....	451

СЛАВЯНСКИЙ ТЕКСТ И КОНТЕКСТ В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

СТАРЦЕВА И.Л. ШАРАВИН А.В. Славянская свадебная обрядность в балладах А. К. Толстого	457
ДОЛГОВ В.Г. Роль юродства в идейном содержании пьесы Л. Улицкой «Семеро святых из деревни Брюхо».....	469
ТРОФИМОВИЧ Т.Г. Языки современной белорусской социальной рекламы	476
ТРОШИНА Н.В., МКРТЧЯН Н.Э. Сравнительные обороты в поэзии Анны Ахматовой.....	481
БАХВАЛОВА Т. В. Текст художественного произведения как ключ к познанию языка и культурно-исторического прошлого жителей региона.....	487
АГАФОНОВ А.Ю., ФЕДОРОВА Т.В. Абстрактная лексика в «Житии Сергия Радонежского».....	494
АЛЁШИНА Л.В. Диалектная лексика в повести Н.С. Лескова «Житие одной бабы»	503
АЛЬХОВИК Ю. А. К ПРОБЛЕМЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НЕВЕРБАЛЬНЫХ СРЕДСТВ КОММУНИКАЦИИ В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО “БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ”	508
АТАМАНОВА Н.В. Лексико-семантическое своеобразие славянской тематики в публицистических и поэтических произведениях Ф.И. Тютчева как отражение славянского мировидения поэта.....	514
АРЫСТАНГАЛИЕВА Д.М. ШЭҢГЕРЕЙ БӨКЕЕВ ШЫҒАРМАШЫЛЫҒЫ ХАНҒАЛИ СУЙІНШӘЛИЕВ ЗЕРТТЕУЛЕРІНДЕ	523
БАРОЎСКАЯ І.А. Гістарычныя аспекты фарміравання хрысціянскай скіраванасці беларускіх песенна- паэтычных твораў.....	527
ВАСИЛЕВСКАЯ Е. С. ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ИМЕНА В ПОВЕСТИ ВЛАДИМИРА КОРОТКЕВИЧ «ДИКАЯ ОХОТА КОРОЛЯ СТАХА».....	537

Головачева О.А. НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ В ЗАГОЛОВКАХ И ТЕКСТАХ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Н.С. ЛЕСКОВА 60-х гг. XIX ВЕКА	543
ДМИТРИЕВА Ю.Л. ОБРАЗ ДЕРЕВА В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА С. ГОРОДЕЦКОГО	550
Киселёв А. А. ВОПРОС О БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКЕ НА СТРАНИЦАХ «ВЕСТНИКА ВИЛЕНСКОГО ПРАВОСЛАВНОГО СВ.-ДУХОВСКОГО БРАТСТВА»	556
Козлова Е.Ю. ТЕМАТИЧЕСКАЯ ГРУППА «ЯЗЫК – РЕЧЬ» В ТЕКСТАХ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРК.....	563
Косолапов В.В. КАЛИНО ДЕРЕВО И КАЛИНОВ МОСТ	569
Никулкина О.Г. ТОПОНИМИЯ РОМАНА А.К. ТОЛСТОГО «КНЯзь СЕРЕБРЯНЫЙ»	573
Осипова Т.А. ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «СУДЬБА» В ПОЭЗИИ А. БЕЛОГО	579
Потупов Е. Я МОГ БЫ РАССКАЗЫВАТЬ БЕЗ КОНЦА... : АНДРЕЕВСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЧТЕНИЯ НА БРЯНЩИНЕ).....	584
Пронченко С.М. ДИАЛЕКТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ УСТНОГО НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА НОВОЗЫБКОВСКОГО РАЙОНА БРЯНСКОЙ ОБЛАСТИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ)	598
Халикова Н.В., Шашарина К.А. ОБРАЗНОЕ СЛОВОУПОТРЕБЛЕНИЕ ЛЕКСЕМЫ КОТ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А.С. ПУШКИНА	605
Цімашэнка Н.П. <i>Сінтаксічная арганізацыя беларускіх народных песень...</i>	610
Шлома А.В. ИНТЕГРАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА И ЭКОНОМИКИ.....	617
Шур В.В. МАЛАЯ РАДЗІМА ў ТВОРЧАСЦІ ІВАНА МЕЛЕЖА	622
Щемелинина И.Н. РЕПРЕЗЕНТАНТЫ СБЕРЕЖЕНИЕ, БЕРЕЖЕНИЕ, ОБЕРЕГАТЬ, БЕРЕЖЁНЫЙ КОНЦЕПТА ОХРАНА В СОЧИНЕНИИ Г. КОТОШИХИНА	632
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	639

Коммуникативные позиции русского языка в славянском пограничье:
двуязычие и межъязыковая интерференция

Международный форум русистов

г. Новозыбков, Брянская область, 24-26 мая 2018 г.

Редакционная коллегия:

С. Н. Стародубец, В. Н. Пустовойтов

Подписано в печать Формат 60x84 1/16

Печать офсетная.

Усл. п. л. 33,87. Тираж экз. Заказ №.....

ООО "Аверс"

241050, г. Брянск, ул. Софьи Перовской, 83